

**СОЛЬ
СТЕНА**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**РАДИАМ
РЮБЕРТС**

Адам Робертс

Стена

Распознавание и вычитка – Валерий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155528

Соль. Стена: АСТ, Люкс; М.; 2004

ISBN 5-17-025018-5, 5-9660-0189-8

Оригинал: AdamRoberts, "On", 2001

Перевод:

И. В. Соколова

Аннотация

Тигхи живет на стене. Стена идет вверх и вниз от его деревни и теряется в бесконечности. Только выступы и уступы, на которых живут люди. Стена сурова, она не прощает ошибок. Стена – основа основ мироздания.

И вот в один прекрасный день Тигхи падает. Он падает, и падает, и падает... и остается жив. Он оказывается в другой части мировой стены, там, где живет невероятно много людей. Там, где идет война.

Тигхи становится солдатом и, вовлеченный в чужую войну, начинает свое захватывающее путешествие к тайнам своего странного мира – мира стены.

Содержание

Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	79
Глава 7	90
Глава 8	109
Глава 9	123
Глава 10	147
Глава 11	156
Глава 12	170
Книга вторая	185
Глава 1	185
Глава 2	202
Глава 3	214
Глава 4	222
Глава 5	233
Глава 6	246
Глава 7	256
Глава 8	280
Глава 9	307

Глава 10	317
Глава 11	333
Глава 12	345
Глава 13	365
Глава 14	392
Глава 15	408
Глава 16	417
Глава 17	439
Глава 18	461
Глава 19	476
Книга третья	482
Глава 1	482
Глава 2	494
Глава 3	504
Глава 4	518
Глава 5	530
Глава 6	545
Глава 7	556
Глава 8	571
Глава 9	578
Глава 10	587
Глава 11	609
Глава 12	618
Глава 13	625
Книга четвертая	637
Глава 1	637

Глава 2	653
Глава 3	664
Глава 4	684
Глава 5	691
Глава 6	706
Глава 7	721
Глава 8	726
Глава 9	739
Глава 10	747
Книга пятая	748
Глава 1	748
Глава 2	761
Глава 3	773
Глава 4	782
Глава 5	795

Адам РОБЕРТС

СТЕНА

*Какая жуть – заглядывать с обрыва
В такую глубь! Величиной с жука,
Под нами вьются галки и вороны.
Посередине кручи человек
Повис и рвет морской укроп, безумец.
Он весь-то с голову, а рыбаки
На берегу – как маленькие мыши.
На якоре стоит большой корабль.
Он сверху шлюпкой кажется, а шлюпка
Не больше поплавка – едва видна.
О камни ударяют с шумом волны,
Но их не слышно с этой высоты.*

В. Шекспир. «Король Лир», акт 4, сцена 6; перевод Б. Пастернака.

*Душа подобно огню, ненавидит то, что
пожирает.*

Дерек Уолкотт. «Другая жизнь».

Книга первая

ПРИНЦ

Глава 1

В день рождения Тигхи – ему исполнилось восемь лет – с мира свалилась коза, принадлежавшая его семье. Это уже было дело серьезное.

Новость о потере мигом облетела всю деревню. День рождения Тигхи, увы, был непоправимо испорчен. Происшествие буквально сразило наповал па и ма Тигхи. Па отреагировал в своей типичной манере: уединился в мрачном молчании за домом, там, куда не доставали лучи солнца. Что же до ма, то она тоже отреагировала типичным для нее образом – бешеным криком. В бессильной злобе ма принялась колотить ногами в стену дома так, что ошметки полетели.

Тигхи оставалось только радоваться, глядя на буйство ма, что он пока не дорос до того возраста, когда ему поручат пасти козлов и коз, а то на него свалили бы всю вину и он сам стал бы козлом отпущения. Сейчас зимнее стадо пасла девушка по имени Кара, которую наняли на то время, пока эти заботы не сможет взять на себя Тигхи. За пару месяцев до злополучного происшествия Тигхи поднялся в горы

(чтобы своими глазами увидеть, как это делается, потому что сын принца должен знать о таких вещах) и стал наблюдать за тем, как Кара пасет животных, пощипывавших скудную растительность на выступах скал. Да, козы – самые глупые создания из всех, какие когда-либо существовали на стене, подумал мальчик. Оставалось лишь гадать, зачем Богу понадобилось их творить. Козы смотрят на тебя искоса своими сумасшедшими глазами, не переставая жевать, но стоит тебе попытаться подойти к ним, чтобы потрогать их шерсть или приласкать, – и они прыгают в сторону или рассыпаются во всех направлениях, как комары, ускользящие от готовой прихлопнуть их руки. Они скачут, совершенно не думая о том, где край пропасти. Видимо, мозги размером с горошину никак не хотели понимать, что Бог поселил их на стене мира.

– Это потому, что они животные, – сказала ему Уиттерша. – У них нет мозгов.

Однако такое объяснение не имело смысла, потому что на стене обитали и другие животные, которые никогда не шарались туда-сюда, как будто их глаза не способны видеть дальше собственного носа. Например, обезьяны никогда так не поступали.

Вообще-то Тигхи предпочитал обезьян. Он знал (хотя и со слов других), что козы лучше обезьян, и что семье принца подобает держать коз, и что все жители деревни презирают па Уиттерши за его пристрастие к обезьянам. И все равно обезьяны выглядели куда приятнее, почти по-человечески.

Движения их были ловкими и исполненными смысла, и Тигхи это нравилось.

– Я никак не могу взять в толк, почему это козы лучше обезьян, – сказал он за несколько недель до своего дня рождения.

Тигхи выбрал неудачный момент для такого высказывания. Ма сидела в своем кресле, перелистывая от скуки истрепанное издание «Пословиц и поговорок».

– Ма, почему все думают, что козы лучше обезьян?

Вопрос сына привел ма в состояние ярости. Иногда она взрывалась по самому пустячному поводу. Чуть ли не с младенческих лет Тигхи всем своим нутром ощущал, что его мать подобна котлу, в котором вместо воды постоянно кипит злорадия, и малейшего разрыва в спутанном клубке ее мыслей, произведенного извне, достаточно, чтобы этот котел накрепко закипел, ошпаривая всех шипящей струей. На сей раз она не вскочила с кресла (очень хорошо, значит, она не отвесит ему хлесткую пощечину, от которой искры сыплются из глаз). Ма просто заорала во всю глотку:

– Этот мальчишка загонит всех нас в пропасть, и когда только он перестанет надоедать своими идиотскими вопросами? У меня голова раскалывается от всех его вопросов! И долбит, и долбит, и долбит!

Па, который перед этим ковырялся с дверью в восточной стене дома, рассчитывая починить ее с помощью мата из стеблей травы, обмазанных глиной, услышал крик и сразу же

поспешил к месту очередного скандала. Тигхи, сидевший в своей нише, окаменев от страха, увидел его в дверном проеме. Но даже если бы и не увидел, то все равно тотчас же узнал бы по негромкому шлепанью подошв о пол. Все движения отца были мягкими и пластичными. Поза – умиротворяющей. Он покорно наклонил вперед голову и ссутулился. Походка па смахивала на изящный танец, однако Тигхи так часто видел его, что «танец» лишился для мальчика всякой новизны.

Ясное дело, в каждой семье происходят такие сцены. Па попытается успокоить ма. Он будет нести всякую белиберду тихим ровным голосом, начнет поглаживать ма по бокам. Если ее гнев немного уляжется, он погладит жену по голове и, может быть, даже поцелует. А если этого не произойдет, то она вполне может начать бить его или таскать за волосы, и тогда па на глазах Тигхи согнется пополам и закроет локтями голову и сердце у него уйдет в пятки. Однако сегодня ему не потребовалось особого труда, чтобы успокоить ма.

– Ох уж этот мальчишка, – громко произнесла она. – Он доведет меня до сумасшествия. Загонит в могилу. Никакого сомнения.

– По-моему, – сказал па так, что казалось, будто он сначала втягивает слова в себя, а затем медленно выпускает их, – лучше бы парню пойти со мной и помочь доделать рассветную дверь.

Па взял сына за руку, вывел из ниши и повел в прихожую.

Конечно же, па совершенно не нуждался в его помощи. Он вполне и сам мог закончить ремонт. Так что Тигхи просто сидел и наблюдал за тем, как работает отец – сплетает стебли растений и затем кладет сверху глину и аккуратно разравнивает ее шпателем. Его па был красивый, ладный мужчина. Тигхи знал это наверняка. У отца гладкая кожа такого же сочного коричневого цвета, как и глина, с которой он работал, и правильные черты лица. В белках глаз ярко, подобно пламени при дневном свете, сияли синие радужки. Прямые черные волосы аккуратно расчесаны. Тигхи восхищался своим па.

– Что же ты такое сказал, – негромко поинтересовался па, – что твоя ма вышла из себя?

Тигхи сейчас ненавидел себя за то, что ему не сиделось на месте, за то, что его все время посещали беспокойные мысли. Почему он не мог просто размышлять, как его ма? Та могла часами сидеть абсолютно неподвижная. А вот мальчик все суетился, извивался, и в голове постоянно рождались вопросы. Однако па задал ему вопрос, на который нужно было отвечать, поэтому Тигхи сказал:

– Я просто спросил, почему все думают, что козы лучше обезьян.

И конечно, его па не рассердился.

– Да, это хороший вопрос, – произнес он в своей обычной спокойной, тягучей манере.

– Просто дело в том, – продолжал Тигхи, – что обезьяны

очень похожи на людей, ведь так? Они выглядят совсем как человеческие существа. А дед всегда говорит, что мы люди и что мы ближе к Богу. Он говорит, что у Бога такое же обличье, как и у нас, что он похож на нас.

– Я думаю, – произнес па, делая между каждым словом паузу, в течение которой он старательно разглаживал глину, – он хотел сказать, что мы похожи на Бога.

Тигхи удивился. Разве не то же самое он сказал только что?

– Козы лучше обезьян, – продолжал па после очередной паузы, – потому что нам от них больше пользы. Во-первых, мы получаем от них молоко, которое не можем получить от обезьян. И мясо их гораздо вкуснее. Обезьянья шерсть не годится для пряжи – слишком короткая, и ткань из нее быстро изнашивается. К тому же уход за обезьянами куда труднее. Будешь держать их на привязи, и они зачахнут и похудеют, а на вольном выпасе тут же перескочат через изгородь, и ты потеряешь половину стада.

Па приделывал готовую филенку из мата поверх сломанной при помощи пальмовых гвоздей, которые он резко вгонял в дверь ловкими и сильными ударами. При этом на руке у предплечья равномерно, буграми, вздувались мускулы.

– Козы любят держаться вместе, – сказал он. – Они всегда сбиваются в стадо.

Тигхи почесал голову. В этом месте у него был длинный шрам от раны, полученной еще в младенчестве. Он поранил

голову так давно, что даже не помнил, когда это было. Иногда шрам немного чесался.

Слова па пришли на память Тигхи в его восьмой день рождения. Одна из шести коз, принадлежавших их семье, очевидно, решила, что ей не хочется сбиваться в стадо. Она стала плясать, прыгая легко и быстро, едва касаясь верхнего выступа, на котором было много травянистых кочек, а затем вдруг ее не стало. Она исчезла в пустоте бездны.

За несколько месяцев до этого Кара, пастушка, которую они наняли, сидела с Тигхи на кочке, и они вместе жевали стебли травы и смотрели в небо. Дни мальчика были наполнены бездельем потому, что он сын принца. Тигхи скучал и шатался по округе, не зная, чем заняться. Однако он сын принца Деревни, и жители уделяли ему время, разговаривали с ним, потакали его детским причудам. Кара поступала точно так же.

– За этими козами нужен глаз да глаз, – сказала она ему.

Однако, несмотря на осторожность, сама она все же где-то недоглядела. Вообще-то к своим подопечным Кара относилась с невероятным спокойствием. Время от времени она оглядывалась посмотреть, куда забрались козы, однако те спокойно уминали траву, и, похоже, на уме у них не было ничего дурного.

– Нужно смотреть в оба и следить, чтобы они не подходили близко к краю.

Каре исполнилось девять лет. Она была уже не девушкой.

Прошел почти год, как она стала женщиной. Тигхи помнил еще те недавние времена, когда грудь Кары была плоской, как доска; теперь же на ее теле образовались выступы и впадины. Груды отделились от ребер, а когда Кара сидела на кочке, ее живот пересекали складки. Тигхи смотрел на ее бедра, туго обтянутые тканью платья, и чувствовал, как в нем возникает и растет какое-то новое, неведомое ощущение. У Кары был дружок, который жил в доме посреди деревни, и все знали об этом. Тигхи не питал никаких иллюзий на сей счет. Он понимал, что Кара смотрит на него как на мальчика, пусть даже и из семьи принца. Однако ему нравилось бывать с ней. Тигхи любил сидеть на верхнем выступе, когда вокруг не было никого, кроме коз с глазами навывкате, и слушать рассказ Кары о том, как нужно ухаживать за животными.

– А почему бы их всех просто-напросто не привязать веревкой? – спросил Тигхи.

Она отрицательно помотала головой и, скусив кусочек травинки, которую держала во рту, выплюнула его.

– Им нужно бродить туда-сюда, выискивать самую лучшую траву. Корм должен быть сочным, иначе они не растолстеют. Да и кроме того, шесть коз на привязь не посадишь. Они будут ссориться, драться и бодаться. В конце концов они выдернут из земли колышек с веревкой или прогрызут кожаные петли.

Тигхи понимающе кивнул и опять принялся наблюдать за козами. Одна усердно щипала траву и при этом все ближе по-

двигалась к краю мира. Казалось, коза находится в полном и блаженном неведении относительно нависшей над ней опасности. У Тигхи неприятно засосало внизу живота. Ему ужасно не нравилось подходить к краю выступа. Он физически ощущал резкий рывок, за которым последует бесконечное падение, и ненавидел это ощущение, ненавидел потому, что то далекое, что находилось там, внизу, было очень страшным. Казалось, будто что-то осклизлое и неприятное обволакивает сердце и заставляет желать смерти самому себе. Задирать голову и смотреть на стену, которая уходила вверх, все выше и выше, пока не растворялась в бесконечной высоте, также было не совсем приятно, но по крайней мере сердце не так щекотало, как при взгляде вниз.

Вниз, да, штука ужасная.

И все же коза ничуть не встревожилась. Она высунула свою морду за край выступа и, ухватив губами несколько демазерий, росших над пустотой, стала дергать к себе. Затем повернулась и, все так же пощипывая траву, побрела в обратном направлении, к стене.

Настала пора гнать коз домой. Кара резко вскочила, по очереди без всякого труда нанизала веревочные петли на шею козам. Они не обратили почти никакого внимания даже на это, продолжая жевать траву. Когда Кара повела их вниз по склону, к нижним выступам, на которых расположена деревня, Тигхи тоже встал. Он шел позади, загипнотизированный видом округлых ягодиц, обтянутых платьем. Он ничего

не ожидал. Он пока просто мальчик и не более того (ма до сих пор время от времени звала его малышом). Кара – женщина, и у нее есть мужчина, который интересуется ею. Однако поговаривали, что этот мужчина не представляет собой ничего особенного, какой-то человек, любит возиться с техникой и собирает разные железяки. Тигхи знал, что он выше этого, потому что сын принца, потому что его отец – принц.

А совсем недавно к нему вдруг явилась мысль, что положение принца дает не такие уж большие выгоды. У деда и у дожа дома не в пример роскошнее. Однако его дед был священником, а дож присматривал за всей торговлей, и у кого же, как не у них, дома должны ломиться от изобилия. Но па Тигхи все же был принцем, а принц, как ни крути, считался, пусть даже и в некотором смысле номинально, но господином всей деревни – всего княжества. Кроме того, семья Тигхи не бедствовала. Ведь в конце концов, у них много коз – понятное дело, не самое большое стадо в деревне, но все-таки шесть коз, и еще три засоленные козы туши висели в погребе под домом.

Поэтому Тигхи смотрел на колыхание соблазнительных форм женского тела с определенной надеждой. В следующем году у него будет больше шансов. Это уж наверняка. Вот только бы он побыстрее возмужал и появились бы нужные признаки на теле (а восемь лет – возраст вполне подходящий). Главное, чтобы на лице начали расти волосы, как у обезьян, а вик вырос подлиннее и научился в нужный мо-

мент приобретать твердость и упругость, как у настоящего мужчины. Воображение Тигхи уже рисовало сцену, когда он прижмется к телу Кары и запустит руку ей под платье.

И вот пришел восьмой день рождения, но все изменилось к худшему. Пропала коза, свалилась со стены, а это не шутка – шестая часть богатства их семьи. Его па, конечно, принц, однако принц без денег умрет от голода так же, как самый последний бродяга. Тигхи не совсем понимал, но, кажется, его родители являлись частью сложной системы имущественных отношений, установленных в деревне и включавших обещания, обмен, долги, двойные долги. В основе всего были козы. Благополучие всех жителей деревни зависело от молока и мяса, которые давали животные. И еще от урожаев льна. Потеря шестой части состояния семьи могла создать невосполнимую брешь в этой тонкой паутине. Па пытался объяснить сыну в его закутке под звуки рыданий ма, которые то утихали, то снова усиливались, заполняя собой всю главную комнату:

– Мы обещали соленый окорок и молоко за четырнадцать месяцев старому Хаммеру в дожевском конце деревни за погреб, который он нам сделал.

Тигхи изумился. Как же так, ведь его па вырыл этот погреб с ледником своими собственными руками. Тигхи сам видел это и даже помогал выносить землю в плетеных ведрах на нижние подступы к деревне.

– Но в-в-ведь т-т-ты в-выкопал его сам, – произнес он,

заикаясь.

Его глаза щипало от слез. Тигхи плакал. Нет, не из-за козы, потому что глупую козу вовсе не жалко. Но потому, что его ма так убивалась по этой проклятой козе, и еще потому, что теперь Кара попала в немилость и он очень долго не увидит ее. И еще потому... ну, просто потому что.

– Я выкопал его, – медленно произнес па тихим голосом, – но нужно было сделать изоляцию, чтобы погреб нигде не протекал. Это значит, что не обойтись без пластика, а стало быть, без старика Хаммера. А пластик стоит недешево, и поэтому пришлось пообещать целую ляжку. И еще мы обещали отдать шкуру твоему деду, Джаффи, вот почему он так подобрел к нам в последнее время. Если хочешь знать... – Тихий голос па стал еще тише, как журчание воды, и Тигхи сглотнул комок в горле и перестал всхлипывать, чтобы не заглушить слова отца. – ...Если хочешь знать мое мнение, то мы должны списать этот долг Джаффи – именем семьи. Однако твоя ма не хочет и слышать об этом. Ты же знаешь, что она и твой дед не ладят между собой. Знаешь, какая между ними вражда. Так повелось еще с той поры, когда мама была совсем девчонкой. Однако из-за этого мы попали в затруднительное положение, потому что, если бы она сходила и поговорила с ним, трудности удалось бы устранить. – Па говорил шепотом, очень тихо, наклонив голову к голове сына, так, чтобы слова дошли по адресу. – Не передавай твоей ма то, что я сейчас сказал.

Той ночью Тигхи долго не мог заснуть в своем закутке. Он слушал, как его родители разговаривали приглушенными голосами. Тихий, журчащий поток слов. Он не мог разобрать сами слова, только мягкое, бархатистое шуршание, которое они производили в воздухе. Как музыка. Время от времени голос его ма издавал трели и поднимался до пронзительных ноток, затем к нему присоединялось умиротворяющее бурчание па, и так продолжалось, пока ма не успокаивалась и ее голос не терял пронзительность.

Тигхи никак не мог заставить себя заснуть. Он без конца переворачивался с боку на бок. Снаружи в сумерках бушевала гроза, доносились гулкие раскаты грома. Тигхи заснул, но затем опять проснулся, на сей раз в темноте. Вокруг стояла абсолютная тишина; кровать его родителей, стоявшая по другую сторону стены, не издавала никаких звуков. Даже ветер перестал завывать. Это означало одно – глухую полночь. Тигхи положил руки между бедрами и крепко сжал ноги. Так было приятнее.

Вскоре он опять заснул, и теперь ему приснился сон. Он увидел козу. Однако она была без волос, как новорожденный ребенок. Ее розовая шкура с очень редкими белыми волосинками отсвечивала на солнце. Коза все скакала и скакала, и Тигхи обнял ее руками за шею. Во всем этом было что-то знакомое, словно прикосновение к коже козы напоминало ему о чем-то. Однако коза стояла на самом краю мира, и по неприятному ощущению внизу живота Тигхи понял, что

она пошатнулась и уже начала падать. И еще он понял, что не может отпустить козу и уже покинул край мира. Вся стена мира изогнулась дугой, опрокинулась и перевернулась, и он не видит ничего, кроме неба. Его конечности задергались, и внезапно Тигхи оказался один и никакой козы, лишь облака проносились мимо его головы, и вдруг он проснулся весь в поту.

Утренний шторм разгулялся не на шутку. Порывы ветра, налетая, хлопали с громopodobной силой. Руки Тигхи вцепились в плетеный травяной матрац. Лицо охлаждал пот. Сердце гулко стучало в груди.

Тигхи кое-как встал с постели и подошел к семейной бадье. Сделав несколько глубоких жадных глотков, он оглянулся (потому что его ма просто рассвирепела бы, если бы увидела, что он делает) и окунул голову в воду. Родители еще крепко спали. В доме хозяйничали серые предрассветные тени, и стояла абсолютная тишина, создававшая ощущение какой-то неестественной пустоты и безжизненности. Лишь порывы штормового ветра, ломившиеся в рассветную дверь, нарушали этот мертвый покой.

Пока на дворе буйствует стихия, идти решительно некуда, поэтому Тигхи вернулся в свой закуток и лег в кровать. Некоторое время он пребывал в полудреме-полузабытьи, но очнулся, почувствовав на себе чей-то взгляд. На пороге его алькова стояла ма.

Тигхи ничего не мог поделать с собой; он задергался на

кровати. Его была нервная дрожь. Внезапный страх лишил его возможности управлять своим телом. Однако ма не закричала на него, не ударила, она только сказала:

– Мой любимый малыш, – и, подойдя, обняла его. Внутри Тигхи, в его душе словно что-то прорвало. Его затопила волна чувств. Глаза мальчика увлажнились.

– Ма! – прошептал он и прижался к ней.

– Ты же знаешь, как сильно я люблю тебя, мой маленький мальчик, – говорила мать, и ее голос был весь соткан из нежности.

Она всхлипнула и прижала его к себе так крепко, что Тигхи стало трудно дышать.

– Я больше не малыш, ма, ты же знаешь, – сказал он страстным, ломающимся голосом. – Я теперь настоящий мальчик.

– О, я знаю, – произнесла она, отстранив его от себя на расстояние вытянутой руки, чтобы получше рассмотреть. Ее глаза были красными от плача, как рассвет. – Пройдет еще год, и ты будешь уже не мальчиком, ты станешь мужчиной. Но в моем сердце ты навсегда по-прежнему мой маленький мальчик.

Все вдруг встало на свои места. Это было как чудо, как солнце, появляющееся из ниоткуда в холодный пасмурный день. После напряженной атмосферы, царившей в доме вчера, нынешнее утро было золотым. Теперь Тигхи восемь лет, он повзрослел – вот что самое главное в его дне рождения,

а не подарки. Втроем они позавтракали, выпив козьего молока, и когда утренний шторм улегся, все вместе вышли на выступ и спустились вниз, в деревню.

Глава 2

Однако это была его ма. Вся в неустойчивом, хрупком равновесии, как качели. Какое-то время она могла быть просто чудесной женщиной и вела себя так, что не нарадуешься, но затем вдруг что-то в ней ломалось, и ма начинала орать и размахивать руками. Могла ударить палкой, и хорошо еще, если палкой. Все зависело от того, что ей попадало под руку. Иногда Тигхи посещала мысль, что его па живет где-то в глубине дома, прочный, как крыша с крестовыми сводами и земляной пол холодного погреба, покрытый циновками, а ма вечно обитает на самом краешке выступа и каждую минуту может свалиться с него.

Правда, у ма были видения. Тигхи знал, что этим объяснялось многое, если не все, хотя об этом говорили крайне редко. Очевидно, видения и являлись причиной резких перемен в ее настроении. Ма могла проснуться среди ночи и разбудить всех диким визгом. Подобное случалось раз в месяц с такой же регулярностью, как восход и закат солнца, все двадцать месяцев в году. Каждый раз вопли из комнаты родителей будили Тигхи, и он моментально вскакивал и садился на постели так прямо, что у него начинал болеть позвоночник, и в ушах шум – «ах! ах!» – крики или рыдания, приглушенные и скомканные стенами, отделявшими его от них. И его па, принц, нежно воркующий и успокаивающий.

После дня рождения Тигхи, когда ему исполнилось восемь лет, жизнь продолжалась в своем ритме, несмотря на потерю козы. Ведь оставшихся животных все равно нужно пасти, даже если Каре эту работу больше не доверят. Козы вечно хотели есть. В их глазах, дико вращавшихся в своих орбитах, нельзя было увидеть ни малейшего признака осознания того, что их сородич сорвался в бездну и погиб. Им все равно. Их разум такой же простой, как трава, которую они жевали; еда, еда, а затем (в сезон) спаривание. В этом тоже была своего рода прочность, полагал Тигхи.

– Мы не можем оставить Кару, – сказал ему па на следующий день после дня рождения, когда они стояли на выступе снаружи. – Лучше даже не упоминать ее имя в присутствии твоей ма, ты и сам понимаешь.

Оба посмотрели на ма, которая невдалеке (в сорока руках от них) выводила пять коз из деревенского загона, куда всех животных загоняли на ночь. На ее лице была все та же печальная улыбка. Ма по-прежнему радовалась тому, что нынешнее утро застало ее в живых, что ей удалось пережить еще одну ночь.

– Как бы то ни было, – сказал па, крепко сжав плечо Тигхи, – ты теперь уже отрок, тебе восемь лет – почти мужчина. Ты и сам можешь пасти коз, но первое время твой па тебе, конечно, поможет.

Тигхи гордо выпятил грудь, его распирало от радости.

– Я присмотрю за ними, – сказал он.

Однако в конце концов вышло так, что Тигхи не пришлось пасти коз. Его ма, чье настроение к тому моменту слегка изменилось, сказала «нет».

Было очевидно, что она не хочет больше рисковать животными, и точно так же очевидно, хотя об этом прямо не сказали ни слова, что ма не доверяла Тигхи заботу о козьем стаде. Вслух же ма сказала совсем другое. Она сказала, что это ниже достоинства сына принца и внука священника, однако Тигхи понимал, что настоящая причина кроется в другом. Мальчик понимал, что не имеет почти никакого опыта ухода за козами, однако легче ему от этого не стало. Сомнение в его способностях больно ударили по самолюбию. Разумеется, спорить бессмысленно. Ма подождала у входа в загон, пока за ее животными не пришла другая хозяйка. Они затеяли довольно оживленный разговор, закончившийся тем, что ма договорилась с этой женщиной об условиях, на которых их козы могли попасть в другом, более крупном стаде день-два, пока не удастся нанять нового пастуха.

После родители отправились в деревню, чтобы уладить проблемы, возникшие в связи с потерей козы, и Тигхи остался совершенно без дела. Он был сыном принца, у него никогда не было никаких дел. Тигхи мог бы пойти поискать своих друзей, но был не в настроении. Вместо этого он стал околачиваться у загона, наблюдая за людьми, которые приходили и уходили. Затем предложил свою помощь лоточникам, натягивающим тент для своего продовольственного киоска. Он

надеялся, что за это они бесплатно дадут ему что-нибудь из своих товаров, однако лоточники отмахнулись от него. Тогда Тигхи пришла в голову мысль сходить в деревню и найти Кару. Тигхи хотел объяснить, что лично он не в обиде на нее за пропавшую козу. Однако, подумав как следует, он отверг эту идею по причине ее глупости и решил просто пройтись, погреться на солнышке.

Тигхи пробирался по главной улице, представляющей собой торговый ряд лотков под тентами. Здесь собиралось большинство розничных торговцев. Покупателей становилось все больше и больше, и вскоре Тигхи пришлось протискиваться через довольно-таки плотную толпу. Затем он нырнул в церковь и вышел через задний ход, проскочил через узкие проходы с буфетами и оказался в тенистой аллее. Пройдя немного по ней, Тигхи вскарабкался по бамбуковой лесенке, вделанной в стену (лестница общественная, разумеется – у него не было денег заплатить за пользование частным проходом), и опять оказался на солнечной стороне. Выступы здесь, наверху, были короче и не такие широкие, как внизу, и казалось, что они нависают над самой головой. Соответственно и дома на них стояли более примитивные. Два поросших травой выступа поднимались зигзагами вверх, переходя один в другой, за ними располагалась новая часть деревни, где жили люди, переселившиеся сюда из Мясников, деревни, находящейся несколькими тысячами рук выше и правее.

Тигхи никогда не был в Мясниках, но по рассказам других знал, что это большая деревня, основанная на огромной широкой платформе, которая выступает из мировой стены. Он знал, что это место славится изобилием всех сортов мяса. Часть тамошних жителей победнее перебралась ниже по стене в Уютный Уступ в надежде на лучшую жизнь, однако когда Тигхи шагал по грязным тропинкам мимо их жилищ, его взяло сильное сомнение, что жизнь этих людей стала лучше после переселения. Уступ казался таким жалким. Переход, и затем несколько поросших травой утесов и расщелин. За ними еще один ряд новых домов, вырытых в стене не более года назад. Во многих из них в прихожих до сих пор были голые глиняные стены, а в некоторых, похоже, отсутствовали даже рассветные двери, что немало удивило Тигхи. Как же жители обходятся без них по утрам, когда крепчают рассветные ветры?

Затем Тигхи миновал последние дома и поднялся еще выше. Тут никто не жил, и даже козопасы обычно не приводили в такую даль свои стада. Утесы здесь слишком маленькие, и трава на них скудная и чахлая, ради которой не стоит сюда гнать скотину. Поэтому Тигхи спокойно сел, привалившись спиной к стене, в надежде побыть в одиночестве. Стена простиралась на тысячу лиг над ним и на тысячу лиг под ним. Сейчас он находился в нескольких дюймах от края мира. Вот и все, что ему было известно.

Тигхи уставился в небо. В воздухе крутились птицы. Они

то поднимались вверх, то вдруг резко, камнем падали вниз. Несколько птиц сели на выступ и приблизились – нет ли у него еды. Однако, увидев, что человек не собирается их кормить, птицы потеряли к нему интерес и, важно ковыляя на своих кривых ножках, отошли к краю выступа и упали в пространство, взмыв затем вверх на своих волшебных крыльях.

На щеку Тигхи сел какой-то инсект. Ему стало щекотно, и он прихлопнул инсекта ладонью.

Набрав полный кулак травы, начал ее жевать. Трава не давала ощущения сытости, но это лучше, чем ничего. Людей, питавшихся одной травой, легко отличить от остальных, они худели особенным образом. Их лица становились изможденными, неся на себе печать голодания. На одной траве можно протянуть довольно долго, однако результат всегда получался один и тот же: люди чахли и умирали. Однако для Тигхи оставалось загадкой, почему козы, кормившиеся одной травой, не только не умирали, но, наоборот, жирели. И следом за этой мыслью с логической неизбежностью к нему явился образ погибшей козы. Она резвилась у края, и потом вдруг ее не стало. Тигхи прополз на четвереньках четыре-пять рук, отделявших его от края утеса, причем последнюю руку преодолел и вовсе на животе. Наконец, двигаясь предельно осторожно, со скоростью улитки, Тигхи высунул голову над краем мира.

Живот по-прежнему ужасно сводило, а в голове покалывали тысячи иголок. Однако одновременно с этим рожда-

лось и ощущение чего-то прекрасного. Тигхи лежал на животе и смотрел вниз, туда, откуда пришел. Утесы и скалы расположились узкой цепью, тесно прижавшись друг к другу, и поэтому Тигхи были хорошо видны тропинки в новой части деревни, которая находилась прямо под ним. Края выступов, на которых стояли дома, в перспективе казались сжатыми, что создавало впечатляющее ощущение глубины. Под ним, внизу, кто-то вышел из дома. Очень скоро Тигхи понял, что это женщина. Она постояла немного, раскуривая терновую трубку. Огонь никак не хотел приниматься, и женщина сгорбилась, защищая пламя от ветра, затем выпрямилась. Сверху Тигхи ее голова казалась круглой, как камень-голыш, который, однако, ошетинился коротко стриженными волосами. Женщина сделала несколько шагов, и Тигхи потерял ее из виду.

Струйки дыма от костров, на которых готовили еду, и копильных камер уходили спиралью вверх и растворялись в высоте. Задержав дыхание и стараясь не обращать внимания на сердце, готовое выскочить из груди, Тигхи еще больше высунул голову из-за выступа. Перспектива немного сдвинулась, и теперь ему стал виден внешний край уступа, по которому проходила главная улица. Ниже ее на протяжении ста рук не было ничего, просто плоская стена, слишком крутая, чтобы на ней что-нибудь строить. План деревни был настолько хорошо знаком Тигхи, что он мог нарисовать его с закрытыми глазами. От уступа, на котором располагался рынок,

вправо и вниз отходили другие уступы. Выступов размером поменьше было так много, что они образовывали настоящий лабиринт в форме дуги. Земляные ходы ввинчивались в стену. Солнце поднималось ввысь, и когда Тигхи изогнул шею, чтобы лучше видеть, оно ослепило мальчика, и Тигхи приставил ко лбу ладонь. Откуда каждое утро является солнце? Как оно карабкается наверх от основания стены до ее вершины?

День становился все теплее, и утренняя облачность начала рассеиваться. Тигхи отполз от края и лег на спину. Стена простиралась над ним, невообразимо высокая, чудовищно высокая, исчезающая – нет, растворявшаяся в голубом мареве. Какова же ее высота? Должно быть, она не имеет предела.

Вверху небольшие утесы и скалы постепенно переходили в ничто, в гладкую поверхность стены, на которой ничего не росло, за исключением нескольких полосок жесткой травы. Ей все было нипочем, даже морозы. Сразу же над Уютным Утесом располагался очередной участок почти абсолютно ровной стены. Мясо было где-то там, наверху, в нескольких тысячах ярдов, чуть левее. Понятное дело, две деревни сообщались между собой: извивающиеся утесы кое-где связывались лестницами, прокопанными в самой стене. А внизу, правее находился Сердцевидный Уступ. Вообще-то это был не уступ, а россыпь мелких выступов, которые не годились даже для выпаса коз. Жители Сердцевидного Уступа

существовали главным образом за счет того, что их деревня выполняла роль связующего звена между Плавильней и Уютным Уступом, Мясниками и остальными деревнями. Через Сердцевидный Уступ пролегал единственный путь, связывавший эти деревни. В Плавильне добывали руду из стены и выплавляли из нее металл. В Уютном Уступе тоже имелись плавильщики, однако руды здесь было мало, и добывали ее труднее. Поэтому торговля металлом процветала, и весь товар проходил через Сердцевидный Уступ, который взимал за этот транзит определенный процент.

Вверху за Мясниками были и другие деревни. Говорили, что стена в том направлении становилась более изрезанной, изобилуя утесами и выступами, на которых условия жизни лучше. Однако, по мнению Тигхи, самым лучшим участком стены был тот, что простирался прямо над ним. Такой ровный, такой чистый. Стена, синяя, уходила вдаль, где приобретала расплывчатые очертания, а затем и вовсе растворялась в дымке, сливаясь с небом.

Если бы только зрение у меня было поострее, а день безоблачным, подумал Тигхи, наверное, я увидел бы всю стену до самого верха.

Всю до самого верха. От этих слов у него мурашки пробежали по спине. Однако утро уже переходило в день, и в воздухе стояла дымка, снижая видимость до нескольких тысяч ярдов. Левее большие кучевые облака ласкались к стене, словно какие-то гигантские животные сосали чью-то огром-

ную грудь. Возможно, именно это и случилось с далекой, невидимой верхушкой стены, подумал про себя Тигхи. Возможно, она превратилась в облака. Облака. Превратилась. Эти слова несли в себе глубокий смысл и огромный заряд энергии. Они были такими же высокими, как и сама стена.

У ног Тигхи послышался какой-то шорох. Опустив взгляд, Тигхи увидел обезьяну. Попытался дать ей пинка, но та, взвизгнув, увернулась. Вскочив на ноги, Тигхи погнался за тварью, но она проворно взобралась вверх по стене на пару десятков ярдов, цепляясь за пучки травы, торчавшие здесь и там.

Засмеявшись, Тигхи опять уселся спиной к стене. Сжевал еще несколько стебельков травы и опять принялся смотреть в небо, цвет которого менялся в зависимости от высоты. От розового цвета языка, около солнца, до более насыщенных и плотных голубых оттенков верхней части. Однако Тигхи никак не мог определить место, где одни цвета сменялись другими. Что придавало небу цвет? Только ли солнце? Но ведь воздух невидим (он помахал рукой перед лицом, чтобы еще раз убедиться в этом), значит, никакого цвета не может быть.

Должно быть, солнце отражается от чего-то, что придает воздуху цвет.

Внезапно эта мысль рассыпалась у него в мозгу тысячью искр, словно обладала сильнейшим электрическим зарядом. А что, если есть другая стена – стена настолько далекая, что

он не видит на ней никаких деталей, и все же такая огромная, что заполняет все небо от горизонта до горизонта? Эта мысль поразила Тигхи как молния.

Другая стена?

В голове у Тигхи возникло странное ощущение, будто там что-то сместилось. Все кругом поплыло. Казалось, его мозги молниеносно сжались в бесконечно маленький комок, который тут же резко увеличился в размерах. Что-то вдруг хлынуло неудержимым потоком из точки в центре его черепа. Другая стена. Эта идея полностью овладела его умом.

А вдруг на ней живут люди? Люди, похожие на него, или, может быть, совсем не похожие. Тигхи закрыл глаза и попытался представить, как могла бы выглядеть его стена. Какой у нее цвет? Светлый и зеленый от трав; коричневый и черный от обнаженных пород. Возможно, пятна серого цвета от скал и бетона. Тигхи изо всех сил напрягал мозги, пытаясь взлететь на крыльях своей мечты и приблизиться к этой мировой стене. Какова же будет окончательная смесь цветов? Однако в его воображении неизбежно возникал грязный фон с беспорядочно разбросанными на нем пятнами различной формы и размера и все того же цвета грязи, но иных оттенков. Нет, небо выглядит совсем не так. Тигхи снова открыл глаза и попытался мысленно изобразить главные черты того, на что смотрел.

Возможно, это стена совершенно иного типа, возможно, она сделана не из скал, земли и растительности, как стена,

на которой он жил. Вместо этого Бог мог создать ее целиком из серого пластика (а почему бы и нет? Бог мог сотворить все, что угодно). Или даже металла. А ведь это мысль! Стена, такая же огромная, как и сама мировая стена, однако гладкая, чистая и безупречная. Вся ее поверхность – блестящий металл, отражающий солнечный свет и придающий ему голубой оттенок. Металл, на котором живут люди; такие же блестящие и гладкие, как хром, они тают и сливаются вместе, когда занимаются любовью. Гладкая, глянцевая кожа, соприкасающаяся с такой же кожей; одно сплошное, глянцевое пятно из секса. Вик мальчика зашевелился, но Тигхи уже клонило в сон, и он не стал с ним забавляться. Вместо этого он задремал.

Тигхи проснулся внезапно потому, что ему стало страшно. Он почувствовал своим нутром, что начинает падать. Тигхи ненавидел это ощущение. В последнее время такое случалось с ним все чаще и чаще. Мир опрокидывался, и конвульсии в животе служили безошибочным признаком того, что он скатился с мира и падает. При этом мальчик всегда просыпался и обнаруживал, что судорожно цепляется за землю. Требовалось немало времени, чтобы прийти в себя.

Тигхи сел и прижался спиной к стене. Ощущение ее незыблемой прочности всегда успокаивало. Когда он опять посмотрел на небо, оказалось, что в сочетании оттенков произошли изменения. Если другая стена существует, то почему не предположить, что за ней существует еще одна? А за

ней следующая? Стена за стеной, как страницы в книге, и пространство между ними, достаточное лишь для того, чтобы в него могло проникнуть солнце, освещая сначала одну сторону, а затем другую.

Картина получилась довольно нескладная, но было в ней нечто привлекательное.

Как страницы в книге. У его па есть две книги. У некоторых людей в деревне их более дюжины. Люди считают книги богатством, однако ма Тигхи всегда презирала их. Она обычно говорила:

– Книги есть не будешь.

Тигхи потер затылок, в котором опять начало покалывать. Теперь все носило на себе отпечаток его сна, этого кошмарного ощущения падения в ничто. Мысль о том, что он прожил восемь полных лет, что его детство уже заканчивается и начинается переход к взрослой жизни и все это время, каждую минуту он находился в нескольких ярдах от края мира, пугала мальчика.

Все так зыбко и ненадежно. Жизнь таит в себе постоянный риск. Да, в том-то и дело. Вечная опасность – горькая правда об основе существования на стене. Наверное, даже козе, даже такому тупому существу, как коза, в тот момент, когда она перекувырнулась через край бытия, было дано озарение, проблеск понимания хрупкого равновесия вещей. Жизнь – вечное балансирование, а смерть – нечто вроде падения.

Тигхи думал о козе, ушедшей в небытие, думал о своей ма, которая жила на краешке вещей, на грани эмоционального срыва. Он думал о древней иерархии их княжества, о деревнях, его составляющих. Принц, священник и дож обеспечивали равновесие этой системы, следя, чтобы исправно работали все ее элементы – закон, религия и торговля, и чтобы все люди подчинялись установленному порядку. Так объяснял па. В жизни многие вещи связаны друг с другом: стоит убрать одну, и вся структура начнет рушиться.

Интересно, подумал Тигхи, а вдруг где-нибудь в самом основании стены есть такой кирпич, всего-навсего один маленький кирпичик, на котором она держится? Убрать его – и вся мировая стена рухнет? Обрушится вся структура в тысячу лиг? При этой мысли Тигхи чуть было не запаниковал и попытался выбросить ее из головы. Нужно сосредоточиться на чем-либо еще, приказал он себе.

Смотри на птиц, описывающих круги в воздухе.

Смотри на сияние облаков, бороздящих прохладную синь неба.

Смотри на безжалостно палящее солнце, гнетущее в своей ослепительности, горячее и желтое.

Глава 3

Тому, кто смотрел на деревню из дома Тигхи, она виделась как ряд выступов, расположенных лесенкой. Каждый из них немного сдвигался на запад относительно предыдущего, а верхний сообщался с уступом, по которому проходила главная улица.

Маленькие ребятишки обычно играли на небольших уступах на краю деревни. Игры приходили и уходили. Когда Тигхи был маленьким, дети, и он вместе с ними, плели воздушных змеев из травы и запускали их с края выступа. Иногда эти сооружения просто падали вниз и сразу же терялись из виду. Однако время от времени легкий ветерок подхватывал их и крутил в чистом воздухе, и ребятишки, не помня себя от радости, прыгали на месте и улюлюкали. Теперь Тигхи был отроком, сыном принца, которому очень не хотелось, чтобы его принимали за маленького мальчика. Гипертрофированное самолюбие требовало обрубить все связи с детством, и поэтому Тигхи больше не появлялся на месте прежних детских забав.

На следующий день после того, как ему исполнилось восемь лет, Тигхи случайно забрел туда и увидел, как четверо мальчишек играют в новую игру. Они бегали вверх-вниз по уступу, весело визжа и стараясь поймать друг друга. Их беззаботность шла вразрез с отвратительной реальностью паде-

ния. Как могли они быть столь беспечными? Ведь стоит им споткнуться, не там упасть, и они исчезнут за краем мира навсегда.

Тигхи спустился вниз, к дому старика Уиттера. Собственно, это был не дом, а законченная тесная землянка, к которой вела расшатанная частная лестница, спускавшаяся с рыночного уступа. Как-то раз Уиттерша рассказала Тигхи, почему ее па не мог сделать дом пошире. Этому препятствовали скальные породы, встретившиеся во время рытья. Участок стены снаружи, будучи очень неровным и почти вертикальным, не годился ни для устройства жилья, ни для каких-либо других полезных целей. Старик Уиттер держал здесь обезьян.

Ма Уиттерши вышла замуж за Уиттера, когда была совсем молодой девушкой. Она скончалась при родах, дав жизнь их единственной дочери. Когда Тигхи думал об этом, у него появлялось противное ощущение внизу живота – подумать только, потерять ма в первые же минуты появления на свет. Однако Уиттерша относилась к этому совершенно спокойно. У нее не было воспоминаний, она не испытывала чувства потери. В какой-то степени ее положение являлось более прочным и устойчивым, чем у Тигхи. Кроме па, ей уже некого было терять.

А Уиттерша была очень симпатичная. Полные губы толщиной с палец и блестящие глаза. Правда, ее кожа немного бледнее, чем того требовал местный эталон красоты, – свет-

ло-коричневая с древесным оттенком; но зато она по меньшей мере гладкая и ровная, без рябинок, которые портили лица некоторых девушек.

Тигхи знал, что его ма не по душе то, что он играет с Уиттершей, но не знал почему. Еще он знал, что его дед сильно недолюбливает старого Уиттера, который придерживается странных убеждений относительно Бога и стены. Если уже идти до конца и называть вещи своими именами, то его взгляды были настоящей ересью. Однако его дочь из всех деревенских девушек являлась единственной ровесницей Тигхи. Ей исполнилось семь лет и четырнадцать месяцев, и она уже перестала быть девушкой. Уиттерша не обладала таким пышным соблазнительным телом, как у Кары, однако ее фигура с плавно очерченными контурами, по которой Тигхи не упускал случая пробежать глазами – от шеи до ягодичек и от груди через живот до бедер, – производила приятное впечатление.

Старый Уиттер сидел на корточках у двери своего дома и курил терновую трубку. Его обезьяны мирно выискивали насекомых в не слишком высокой траве, а некоторые жевали саму траву. Ярко светило солнце, и Уиттер сощурился так, что его глаза совсем потерялись в морщинах.

– Кто же это ко мне пожаловал? – поинтересовался он, приставляя ко лбу ладонь наподобие козырька. – Отрок Тигхи собственной персоной? Я слышал, у вас пропала коза, парень. Да, слышал уже. Очень жаль, но что поделаешь. В жиз-

ни всякое бывает. – Он опустил руку. – Вот я, например, вчера потерял обезьяну, но никто не считает это большой трагедией.

– Мне очень жаль, что у вас пропала обезьяна, – автоматически ответил Тигхи. – Уиттерша дома?

Старый Уиттер поковырял мизинцем в люльке. Как и все курильщики трубок, он специально для этой цели отрастил длинные ногти.

– Прошел слух, что из Пресса должны доставить древесину. Вот дочь и отправилась на главную улицу узнать, какую цену запросят за нее. Мне бы не помешало сделать выступ чуть пошире. – Он ткнул вперед трубкой. – Край утеса крошится, и выступ становится все уже и уже. Да и вообще, это дрянной утес. Чтобы дожить жизнь спокойно, мне нужно немного дерева укрепить его, ну и, может быть, соорудить небольшой выступ.

Если у торговцев из Пресса действительно есть лес, вряд ли они согласятся обменять его на несколько обезьяньих туш, подумал Тигхи, но вслух не стал говорить. Вместо этого он отодвинулся подальше от края и ощутил спиной успокаивающее прикосновение скалы. Не дай бог, промелькнуло в мозгу Тигхи, упасть в бездну, стоя на отколовшемся куске утеса. Его даже передернуло от такого предположения.

– Хорошо, я поднимусь и попробую найти ее, – сказал он.

– Сдается мне, пора уже взимать плату за пользование моей лестницей, – пошутил старый Уиттер. – Уж ты ей отдыха

не даешь. Ладно, хорошо, что ты навещаешь нас. Тебе полезно подышать свежим воздухом, ты слишком много времени проводишь в доме своих родителей, зарывшись в эту нору, как крот. Но ведь ты не крот, а отпрыск принца. Ты отрок.

Тигхи уже карабкался по лестнице.

Там, наверху, на уступе главной улицы торговцев из Прессы уже окружила толпа. Там же был и дож со своей свитой. В середине этого людского сгустка высилась какая-то фигура. Подойдя поближе, Тигхи узнал одного из торговцев деревом. Ценный груз он надежно привязал ремнями к своей спине. Там же стояла и Уиттерша, но пока не делала каких-либо серьезных попыток вступить в диалог с торговцами деревом. Трудно тягаться с более состоятельными односельчанами, которые могли назначить цену повыше. Тигхи подошел к ней.

– Эй, – позвал он, – Уиттерша.

Она ответила ему лукавой улыбкой. Так улыбаться могла только Уиттерша.

– Ну и ну, да ведь это же сам маленький принц! Какой сюрприз!

– Я только что был у твоего па, – сказал Тигхи, подойдя совсем близко.

Она кокетливо откинула голову, потрянув короткими черными волосами.

– Мой па послал меня сюда, чтобы я обменяла обезьяну на дерево, – объяснила она, – однако такой товар никому не

нужен. Если бы я предложила козу, дело другое.

– Значит, ты свободна? – спросил Тигхи.

– А почему ты спрашиваешь? – хихикнула Уиттерша. – Хочешь, чтобы мы пошли играть? Как маленькие, сопливые мальчик и девочка? – Тигхи покраснел, а Уиттерша опять захихикала. – Теперь мне это ни к чему, маленький принц. Но почему бы тебе не спуститься по нашей лестнице сегодня вечером? До конца дня у меня много дел по дому, но когда солнце скроется за верхушкой стены, мы могли бы кое-чем заняться.

– Да, – тут же поспешил согласиться Тигхи. – Да, я приду.

Девушка наклонилась к нему, чтобы поцеловать в лоб, над самой переносицей, и Тигхи мимолетно обдало ее ароматом, запахом кожи, маринтраса и мыла из дешевой бакалейной лавки, а в следующую секунду Уиттерша уже отодвинулась от него.

Тигхи ощутил в своем сердце какую-то странную радость, однако почти сразу же это приятное ощущение прервали. Его дед сгреб мальчика в охапку, очень напугав при этом, и гаркнул в самое ухо:

– Юный Тигхи! Мой внучок!

– Дед, – пискнул Тигхи, стараясь вырваться из цепких объятий деда.

Старик отпустил его, но по-прежнему стоял очень близко, касаясь своим телом. Древнее лицо деда было настолько изрезано морщинами, что походило на лик самой стены мира.

– Что ты здесь крутишься, малыш? – прокричал дед.

Несколько человек повернули головы в их сторону, привлеченные шумом. С чего бы это вдруг главный священник всего княжества начал кричать на всю округу. Тигхи понуро опустил плечи и переминался на месте, потупив взгляд.

– Ничего, дед.

– Ничего? Ничего! Это не украшает звание принца, – прокричал дед, – если его наследник – и внук священника к тому же – целыми днями шатается неизвестно где и бездельничает.

– Я сейчас же пойду и найду себе занятие, дед.

– Ты должен работать!

– Да, дед, я мигом, я уже иду работать.

Но тут священник схватил Тигхи за волосы и очень больно дернул. Тигхи пошатнулся и чуть было не упал. Старик заговорил снова, но теперь уже гораздо тише.

– И мне совсем не нравится, – почти шептал он, – что ты болтаешь с этой девчонкой, с неряхой и грязнулей, дочкой старого Уиттера. Ты слышишь меня?

– Да, дед!

Тигхи показалось, что дед выдернул с корнем несколько волосинок, из тех, что потоньше. Очевидно, старик обозлился не на шутку.

– Ты понял меня?

– Да, дед!

– Лучше бы тебе, – произнес тот, еще раз дернув мальчика

за волосы для пущей убедительности, – держаться подалеже от этой непутевой девчонки.

С этими словами он отпустил волосы Тигхи и удалился торжественной поступью. Отойдя на несколько шагов, мальчик обернулся и увидел, как старого священника окружили его помощники и вся процессия двинулась дальше по выступу главной улицы.

Глава 4

Слова деда произвели на Тигхи глубокое впечатление, однако когда день подошел к концу и солнце исчезло за вершущей стены, первоначальный испуг прошел, и его опять начала снедать мысль об Уиттерше. Он словно наяву видел ее милостивое лицо, очертания фигуры, ощущал ее запах. Бросив взгляд в обе стороны выступа главной улицы, Тигхи с виноватым видом осторожно спустился по лестнице к дому старика Уиттера.

Девушка встретила его перед домом и провела внутрь. Старый Уиттер был дома и усердно потягивал свою трубку из терновника. Он угостил Тигхи травяным хлебом и дал погрызть обезьянью косточку, в которой оказалось много мозга. Они пустили кость по кругу, а Уиттер неторопливо завел разговор. Дочь сидела у него в ногах.

– Ты мальчик, который любит задавать вопросы, – сказал старик.

– Да, это я, – ответил Тигхи.

– Должно быть, ты хочешь знать, какова мировая стена.

Тигхи то и дело украдкой посматривал на юную Уиттершу. Ее волосы. Ее рот, когда он растягивался в улыбке. В этой части дома старого Уиттера было темно и очень тесно. Слабый свет едва горевшего единственного травяного факела отбрасывал на стену распухшие тени.

Дым из трубки оказался очень едким, и у мальчика вскоре начало щипать глаза. Он принялся растирать их ребром ладони, но это не помогло. Глаза покраснели, и щипать стало еще сильнее. Старый Уиттер тем временем поглаживал свою дочь по голове.

– Взять, к примеру, твоего деда, – произнес старик и, закашлявшись, повторил: – Твоего деда.

Старик замолк, в глазах появилось сосредоточенное выражение. Его тело опять затряслось от надсадного кашля. Наконец старый Уиттер откашлялся, и его голос приобрел более-менее нормальное звучание.

– Да, так вот, твой дедушка, – продолжил он на этот раз без запинок. – Он говорит, что стену построил Бог, но если ты спросишь его почему, он просто скажет, что все «почему» предназначены для Бога, а не для человека.

Тигхи тоже попытался откашляться, однако у него не получилось, так как дым сразу же наполнил его легкие. На Уиттершу дым, похоже, совсем не действует, но это несколько не удивительно. Ведь она с рождения росла в такой атмосфере, подумал мальчик. Он кивнул, соглашаясь со старым Уиттером.

– Так вот, что до меня, то я не могу взять в толк, почему нам нельзя задавать такие вопросы, понимаешь? – сказал старик. – Почему Бог создал стену?

– Как-то на днях мне пришло в голову, – произнес Тигхи, – что, может быть, есть и другая стена. Совсем ровная

глухая стена, где-то так далеко, что мы ее не видим. Я подумал, что, наверное, поэтому небо голубого цвета.

Однако Уиттер не обратил на его слова внимания.

– Если я строю стену, значит, для того есть своя причина. Я строю стену, чтобы оградиться от чего-то или чтобы держать что-то внутри и не дать ему выйти наружу. Вот для чего стена, ясно? Поэтому мы должны задать тот же самый вопрос. Что желает Бог удержать внутри или не пустить снаружи?

Он устремил пристальный взгляд в сторону Тигхи, как бы ожидая ответа. Мальчик знал, что Уиттер говорит истинную ересь, и сознание того, что он слушает все это и не уходит прочь, наполняло его страхом особого рода, который приятно щекотал нервы. Конечно, его дед пришел бы в бешенство, услышав такие слова, но Тигхи было все равно. И кроме того, Тигхи не испытывал особого интереса к тому, что говорил Уиттер.

– Бог живет наверху стены, – сказал мальчик. – Ему оттуда все видно. Может быть, именно поэтому он и построил ее, чтобы за всем наблюдать. А может, он построил стену, чтобы сидеть на ней.

Уиттер покашлял немного, а затем презрительно фыркнул:

– Нет, нет, это не то. Позволь мне спросить тебя насчет солнца.

– Солнца?

– Солнце встает. Это напрямую противоречит закону всемирного тяготения. Как это происходит?

Тигхи растерянно пожал плечами.

– Я никогда об этом не думал, – сказал он.

– Конечно, ты не думал об этом, – согласился Уиттер. – Никто не думает о таких вещах, потому что они кажутся простыми и само собой разумеющимися. Однако нам все-таки нужно объясниться. Ты знаешь, что такое солнце?

Тигхи не совсем понял вопрос.

– Солнце – это очень горячий, раскаленный каменный шар. Оно из камня, как и стена, только нагрето так, что нам трудно себе представить. Вот почему мы получаем от него тепло и свет. Итак, я спрашиваю тебя снова: каким образом этот огромный горячий каменный шар поднимается вверх, несмотря на силу притяжения?

– Ты дразнишь его, па, – сказала Уиттерша и улыбнулась Тигхи.

– О нет, о нет, – возразил старик. – Он смысленный парнишка, наш маленький принц. Я пытаюсь разбудить в нем мысль, умение думать. Этим нужно заниматься постоянно, иначе мозги засыхают. Когда он сам станет принцем, немного житейской мудрости ему не помешает. Итак, вернемся к нашему вопросу. Каким образом раскаленный тяжелый камень поднимается вверх вопреки силе тяготения?

– Не знаю, – ответил Тигхи.

– Если бы тебе захотелось, чтобы камень полетел вверх, –

сказал Уиттер, – что бы ты сделал? Ты бы подбросил его, ведь так?

– Да, я бросил бы его вверх, – согласился Тигхи.

– А почему ты думаешь, что Бог отличается от нас в этом смысле? Только не говори своему деду, не то он соберет всю свою шатию-братию и объявит меня еретиком. Однако разве не ясно, не логично, что именно так и происходит? Каждую ночь Бог нагревает гигантский каменный шар, скажем, голыш, каких бесчисленное множество на Божьем берегу. Он нагревает его, пока тот не начинает светиться от жара, а затем происходит утро, и он швыряет камень вверх. Вот что мы видим поднимающимся в небе – Божий снаряд. И каждый день мы наблюдаем одно и то же и не думаем об этом; оно поднимается и скрывается за верхушкой стены. Вот куда бросает его Бог. Он бросает горящие снаряды через стену.

Уиттер пыхнул трубкой, один раз, другой. Светильник окутался клубами густого коричневого дыма.

– Идет война, вот в чем дело, – с важным видом объявил Уиттер. – Мы цепляемся за эту стену, на которой живем, как обезьяны, а война идет прямо над нашими головами. Вот почему Бог построил эту стену. Он создал ее, чтобы закрыться от чего-то, не дать чему-то проникнуть к нему. Что-то злое, нехорошее обитает по ту сторону стены, и Бог объявил ему войну. Каждый день он бомбардирует эту штуку и будет делать так, пока не уничтожит ее.

Надышавшись дыма, Тигхи впал в дремоту, и объяснение

старого Уиттера разожгло его воображение. Он видел черную бездну на другой стороне стены и ощущал некое безымянное зло, бурлившее где-то у ее основания. Значит, каждую ночь, когда он спал в своем алькове и когда думал, что во всей Вселенной царит мир и покой, по другую сторону стены по воле Божьей разыгрывалась катастрофа. Каждую ночь очередной огненный шар обрушивался вниз, разбрасывая искры на тысячу рук вокруг. Дым вился вокруг старого Уиттера, окутывая умное узкое лицо Уиттерши, на котором застыла загадочная улыбка. Какая-то темная, дымящаяся бездна по другую сторону стены. Существа, снующие там и плетущие свое зло. И каждую ночь колоссальный, безумный апокалипсис Божьего гнева.

– И что же это за существа? – спросил Тигхи. Его голос дрожал от благоговейного страха. – Почему Бог так зол на них?

– Ну, – произнес Уиттер, немного потянувшись, – на этот вопрос не так-то просто ответить. Послушай, я знаю одного человека, здесь, в деревне. Он толковый парень, работает с артефактами и старыми машинами. Наверное, мне стоит познакомить тебя с ним. Дело в том, что у него есть теория.

Уиттер сделал передышку, оценивая эффект своего рассказа.

– Вот к какому выводу он пришел, – продолжал старик. – Он думает, что во Вселенной есть Добро и есть Зло. И в некоторых мирах Добро и Зло переплетаются так, что их трудно

разделить. Это бывает и у нас на стене, мы не можем этого отрицать. Добро, да. Зло, да. В одной и той же личности они часто соединяются. На нашем уровне, а это достаточно маленький уровень, так уж заведено. Однако в мире, где обитает Бог, наверное, все по-другому. Может быть, Бог и построил стену именно для того, чтобы разделить наши Добро и Зло. Тебе когда-нибудь такое приходило в голову?

Уиттер опять пососал свою трубку. Воздух вновь наполнился приятным ароматом и дымом, который повис кольцами, медленно поднимавшимися и таявшими. Тигхи начал видеть пятна света, темно-синие и пурпурные крошечные пятнышки, мерцавшие по краям зрения. Его грудь бурно вздымалась, однако как бы усердно он ни вдыхал в себя воздух, его все равно не хватало.

– Однако Бог благоволит к нам, потому что мы живем на той поверхности стены, которая обращена к Добру. Мы видим восход солнца. А каково людям, которые живут на скалах на другой стороне стены, а? Какую безотрадную и несчастную жизнь им приходится вести. Жить в смраде зла, жить в темноте и затем бежать в свои норы и дрожать там в страхе, когда Божий гнев обрушивается на них с воем и пламенем.

– Похоже, мне надо выйти подышать свежим воздухом.

Тигхи встал, но ноги плохо слушались его. Ему казалось, что узкие стены дома Уиттера сливаются вместе. Светильник медленно покачнулся, и перед ним возникло лицо Уит-

терши.

– Это дым, – услышал Тигхи ее голос. – Он не привык к нему.

– Помоги ему выбраться из дома, – откуда-то издалека до-
несся до него голос Уиттера, звучащий каким-то особым,
отстраненным от всех вещей образом. – Пусть его легкие на-
полнятся свежим воздухом.

Безымянное зло. Зло без имени. Язык дыма. Что-то вни-
зу, что-то мутное и непонятное. Он не мог разглядеть своих
ног. Где дверь? Быстрее! Только бы выйти отсюда. Опираясь
на кого-то и спотыкаясь, Тигхи куда-то двигался – и вдруг,
подобно струе холодной воды, его обдало ночным воздухом.
Дым соединился с черной мглой позднего вечера, в которой
то здесь, то там виднелись маленькие точки света.

Тигхи попытался сосредоточиться на звездах. Голову
пронзила острая боль, но она исчезла так же быстро, как и
появилась. И затем он понял, где находится: Тигхи сидел на
траве у дома Уиттера. Рядом с ним сидела Уиттерша. Ее ру-
ка лежала у него на плечах. Справа в темноте раздавалось
глухое ворчание обезьян, время от времени прерываемое от-
вратительным визгом, – так эти животные выражали свою
злость. Тигхи уткнулся головой в колени и стал разглядыва-
ть траву у своих ног. Сначала ему показалось, что он ви-
дит в траве какие-то бледные грибы, около дюжины. Однако
присмотревшись, он понял, что это голуби, устроившиеся на
утесе на ночлег. Спрятав головы под крылья, они казались

причудливыми неживыми существами. Надутые пузыри. Тела, наполненные пеной. Округлые пятна призрачно-бледного цвета.

– Голуби, – сказал он.

– Знаю, – отозвалась Уиттерша шепотом. – Не говори громко, а то они исчезнут. Па нравится ловить их в силки, но они нечасто ночуют на нашем утесе. Оставайся здесь и присмотри за ними, а я тихонько прокрадусь в дом и скажу ему. У него есть сеть.

Давление на плечи куда-то улетучилось. Тигхи оглянулся, но Уиттерши уже не было. Он ощутил легкое дуновение теплого ветерка. Интересно, подумал он, почему в сумерках ветер такой сильный, а к ночи все успокаивается? Так значит, это все потому, что Бог запускает свое огнедышащее ядро, воюя со злом. Тигхи подумал, что космогония Уиттера вполне логична и убедительна. Бог начинает нагревать большой камень на рассвете, и потому у основания стены, внизу, появляется свечение; затем Бог бросает камень, и при этом напрягаются все мускулы его мощной руки, и тогда воздух ревет и стонет. Это и есть утренний шторм. Если эта штука в начале своего полета создает такие свирепые бури, то что же бывает, когда она обрушивается на обратную сторону стены?

Старый Уиттер просто рассвирепел, выйдя из дому и обнаружив, что голуби улетели.

– Это жирные и мясистые птицы. Даже одной всем нам троим хватило бы, чтобы наестся досыта, – прорычал он. –

Это большая ценность. Моя девочка сказала, что их было целых шесть штук.

– Извините меня, – простонал Тигхи. – Я ничего не мог с собой поделаться.

– И ты вдобавок заблевал весь наш участок, – бушевал Уиттер. – Завтра моей девочке придется убирать всю эту дрянь. Отвратительно. Фу, какая мерзость. Ты начал блевать и спугнул птиц, так?

Тигхи попытался произнести что-нибудь, однако слова застревали в перегоревшей сухости горла.

– Тебя вытошнило, и ты спугнул голубей, – вопил Уиттер, разойдясь не на шутку. – Глупее и не придумаешь. Таких идиотов я еще не встречал!

Тигхи чувствовал себя настолько скверно, что спорить или оправдываться был просто не в состоянии. Прерывистым, скрипучим голосом он попросил попить, однако Уиттер, громко топая, вернулся в дом и демонстративно захлопнул за собой рассветную дверь. В горле у Тигхи сильно першило и жгло, а в животе назревало нечто похожее на спазмы. Он боялся, что его опять вывернет наизнанку, хотя знал наверняка, что блевать уже просто нечем. Тигхи стало стыдно, что он предстал перед Уиттершей в таком виде. Он попытался собраться с силами, но девушка подошла к нему и взяла его за руки. С помощью Уиттерши Тигхи вскарабкался по лестнице и, пошатываясь, побрел по выступу главной улицы. Глубокая ночная тьма надвинулась на него и приняла

в свои объятия.

Путь домой запомнился какими-то отрывками. Вот он пытается сказать что-то Уиттерше, выразить что-то, но слова по-прежнему никак не шли из напрочь пересохшего и охрипшего горла. Потом какой-то провал во времени, а дальше Тигхи уже стоит у рассветной двери дома своих па и ма и дрожащей рукой пытается нащарить щеколду. Затем он громко фырчал у семейной раковины, плеская себе водой в лицо. В голове было странное ощущение, усталость валила с ног; однако позднее, лежа на спине в своем алькове, Тигхи никак не мог заснуть. Блаженство бессознательности не приходило. Левый бок, правый бок и опять, изворачиваясь ужом, на левый бок.

Череда образов, сменяя один другой, стремительно проносилась у него в голове. Изборожденное морщинами лицо Уиттера. Голуби, неподвижно сидящие на выступе. Сплошная, засасывающая темнота ночи, открытая всему, готовая поглотить все, что свалится с мира. Рот, который не пропускал ни крошки. Тигхи будто опьянел от чудовищности Вселенной. Игра Бога, перебрасывающего солнце через стену мира. В тревожном, дергающемся полусне воспоминания Тигхи дробились, мутнели и сливались, его рвотная масса, рассеявшись на множество мельчайших частичек, падала с края мира на острые кончики голубиных крыльев, которые складывались и раскладывались, и все это смешивалось воедино.

Голуби. Даже в тот момент, когда они махали крыльями изо всех сил, со свистом разрезая воздух, и их тела взмывали вверх, являя собой воплощение крайнего ужаса, даже в этот момент выражение на человеческих лицах голубей оставалось спокойным. Ничто не могло омрачить ангельской невозмутимости этих птиц. Чтобы они ни делали – парили в полете, садились на выступ, устраивались на ночлег или опять взмывали в воздух, – в темных глазах этих птиц ничего не менялось. Горбоносая улыбка на узком лице.

Тигхи перевернулся. Что-то в глубине сознания не давало ему покоя. Он опять перевернулся. Не спится ни на том, ни на другом боку. Хорошо бы иметь третий бок.

Обязательно нужно заснуть. Это же глупо. Через несколько часов наступит рассвет, принесет с собой шторм, и потом придется вставать. Все дело в этом дыме из трубки старого Уиттера; он вызвал раздражение мозга, растравил его. Теперь трудно успокоиться.

Интересно, подумал Тигхи, неужели голуби все еще летают? А может быть, они уже нашли себе другое пристанище для ночлега. Утром старый Уиттер будет все еще зол на него, но лучше пусть они летают себе при свете звезд, чем им свернут шеи и птицы будут висеть мертвые в его насквозь прокопченном и провонявшем дымом жилье.

Затем Тигхи лег на спину и стал думать о звездах. В их расположении идеальный порядок. Видны ли они в ночное время из окон тех, кто живет на той, другой колоссальной

стене? Может быть, там, среди звезд, живут боги? От них не исходит острый телесный запах, и мускулы у них не ноют; чистые духи, чистые, как безмятежный полет голубей.

Наконец, когда сон все же сморил Тигхи, наступило утро. Свет заполнил комнату, пришла ма и разбудила его, встряхнув за плечи.

Глава 5

Он боялся, что пробуждение окажется ужасным, однако, умывшись и выпив утреннюю порцию козьего молока, Тигхи ощутил прилив сил. Казалось, будто его тело очистилось от какой-то скверны.

– Ты выглядишь усталым, – сказала ма, однако он не чувствовал никакой усталости.

Правда, в горле все еще чуть-чуть першило (Тигхи ненавидел болеть, это было худшее из ощущений) – однако все это пустяки по сравнению с переполнявшим его чувством чистого света. Ведь его посвятили в тайны, доступные немногим. Тигхи лелеял в груди это чувство; он хотел бы поведать о нем своей ма, но она не поймет. В этом отношении Тигхи всегда помнил, что прежде всего она – дочь деда.

В следующий момент в мыслях Тигхи произошел поворот, и он начал думать о деде Джаффи. О том, как сильно тот разозлился бы, если бы узнал, что стало известно Тигхи. О том, какой еретической является истина, правда о космической войне.

А затем – совпадение, вторившее новому чувству Тигхи, чувству проникновения в тайну Вселенной – у двери их дома появился дед Джаффи. Однако дед никогда не посещал их дом! Между ним и ма произошла ссора. Они постоянно ссорились то по одному поводу, то по другому. Тигхи уже понял,

что причина ссоры не имеет значения. Все дело в том, какую форму принимало то или иное столкновение. Па иногда строил гримасы Тигхи, словно пытался посмотреть на свои собственные брови, и вся сцена походила на шутку. Однако обратить ее в шутку полностью было невозможно, так как дед обладал большим весом в деревне.

Так вот, Тигхи занялся нужным делом. Он выскребал травой внутреннюю поверхность бурдюка, очищая его от остатков молока (чтобы оно не закисло и не воняло на весь дом), и по мере намокания травы съедал ее и брал другой пучок. Он вздрогнул, когда по ту сторону двери раздался крик деда. Можно подумать, что, думая о деде, Тигхи вызвал его дух. Однако фигура, стоявшая у двери, никак не походила на привидение.

– Дочь! – крикнул дед. – Я пришел в твой дом. Дочь!

Когда к ним приходил дед Джаффи, па всегда немного замыкался в себе, а ма – полная противоположность ему во всем – всегда немного ершилась и вела себя вызывающе. Однако они пригласили деда войти, и он посидел с ними за столом и даже выпил немного молока. Тигхи то и дело украдкой посматривал на старика, потому что не мог удержаться. Лицо деда все время изменялось и выглядело очень причудливо. Вот что случается с человеком, если он доживает до такого возраста: щеки избороздили морщины, нос расплылся и покрылся мелкими точками, волосы стали совсем седыми и начали выпадать в разных местах, из-за чего на макушке и на

затылке образовались проплешины. И все же то обстоятельство, что очень немногие люди доживали до такой глубокой старости, делало деда уникальным. Шумно прихлебывая, он выпил молока и положил бурдюк на стол. На темной верхней губе обозначился белый молочный след. Дед посмотрел на Тигхи.

– Ты – мой единственный внук, парень, – сказал он неожиданно звонким голосом.

Тигхи неуверенно кивнул. Дед имел обыкновение вкладывать огромное значение даже в самые простые вещи. Мальчик с опаской покосился на него. Что дед имеет в виду? Просто утверждает или же это начало чего-то более серьезного?

– Мои враги... – начал было дед и остановился.

Вся троица – ма, па и Тигхи – терпеливо ждала. Дед часто начинал свою речь словами «мои враги».

Старец медленно и с потугой на проницательность стал вглядываться поочередно в лица Тигхи и ма.

– Мои враги говорят, что мой внук посещает дом известного еретика, опасного человека. Это наносит ущерб моей репутации.

Сердце Тигхи ушло в пятки. Его мысли возвратились к прошлому вечеру. До того он несколько раз бывал в доме Уиттера, однако лишь вчера вечером там прозвучало нечто, чему можно дать определение ереси. Не может быть, чтобы слухи о том, что случилось несколько часов назад, успели облететь всю деревню.

– Ты, – повторил дед, опять устремляя взгляд на Тигхи, – мой единственный внук.

Тигхи опять кивнул, но теперь почувствовал, что его щеки покрылись румянцем. Сердце учащенно забилося. Однако дед ничего больше не сказал, и в комнате повисла гнетущая тишина. Дед Джаффи взял бурдюк и, причмокивая, допил молоко, вытер тонкую линию с верхней губы тыльной стороной ладони и откашлялся.

– Дочь, – произнес он, не глядя на ма, – ты потеряла козу.

– Да, па, – ответила она тихим голосом.

– Я сожалею о твоей потере.

Опять наступило молчание. Тигхи заметил, что отцу стоит немалого труда не дать выражению изумления полностью овладеть его лицом. Лицо ма пока оставалось непроницаемым.

– Дочь, – сказал па, – часть этой козы принадлежала мне.

– Это правда, па.

– В такое время, – продолжал дед, сделав широкий жест правой рукой, – нет нужды требовать срочного возврата столь больших долгов.

Эти слова удивили даже ма. Невозмутимость исчезла с ее лица. Но она возразила:

– Спасибо, па, но это ни к чему.

Дед фыркнул, и его рука упала вниз. Тигхи опять украдкой посмотрел на деда. Щека деда дернулась, как дергается морда козы, когда ее одолевают мухи. От этого движения

часть влаги выползла из его глаза и бусинкой скатилась по морщинистой щеке. Тигхи еще не доводилось видеть деда таким.

– Когда Бог построил стену!... – воскликнул он внезапно и громко, словно начиная очередную проповедь, но тут же осекся.

Наступила непродолжительная пауза.

– Констак умер, – сказал он гораздо тише. – Скончался ночью. Бог взял его к себе ночью.

Некоторое время все сидели в молчании. Затем ма нерешительно произнесла:

– Какая ужасная новость.

– Смерть не минует никого из нас, – внезапно пророкотал дед. – Так установлено Богом. Вот почему он поместил нас на стену, чтобы во все времена мы помнили о шаткости и превратности жизни, о ее бренности, о неминуемости смерти.

Однако по мере того, как дед произносил эти слова, страстность проповедника в его голосе угасала, и к концу предложения священник перешел почти на шепот. На нижней реснице задрожала еще одна слеза и затем скатилась по щеке.

– Он был другом, – тихо произнес дед.

– Я знаю, – отозвалась ма и, протянув руку, дотронулась до отца.

Однако ее прикосновение как бы вернуло деду его прежнюю самоуверенность. Он резко встал и громко проговорил:

– Сегодня мы его кремируем, и было бы неплохо, если бы на этой церемонии присутствовали все жители деревни. Он был великий человек. Хороший человек. Мы должны сжечь его и послать его душу вместе с дымом вверх по стене. Бог ждет его душу. Бог сидит наверху стены и видит все.

Гордо расправив плечи, дед прошествовал к двери и оставил их дом.

Некоторое время Тигхи наблюдал за тем, как его па и ма обменивались взглядами. Затем ма покачала головой и встала из-за стола.

Помогая па производить в доме обычную утреннюю уборку, Тигхи спросил:

– Дед был очень близок с Констаком, верно?

Па быстро взглянул на него и сказал:

– Вообще-то да, они были очень близкими друзьями. Знали друг друга много лет. Гораздо больше, чем ты прожил на свете.

Однако Тигхи поймал себя на мысли, что его больше интересует, в какой момент ночи умер старый Констак. Когда Тигхи находился в доме Уиттера или после? Шелест голубиных крыльев в звездном свете; рвотная масса изрыгается из горла Тигхи подобно холодному блеску души, оставляющей тело. Все это наполнило его голову странным ощущением.

Когда все неотложные дела по дому были сделаны, а па и ма пошли в хлев посмотреть козу, которая должна вскоре дать приплод, Тигхи отправился в деревню. Внизу, на высту-

пе главной улицы пара младших проповедников деда готовили погребальный костер, кое-как связывая в пучки сухие стебли высокого бамбука. Тигхи постоял около и поглазел на их работу. Люди сновали по улице взад-вперед, и кое-кто присоединился к Тигхи в его пустом времяпрепровождении.

Священники тем временем принялись сгибать тонкие бамбуковые доски, придавая им нужную форму. В получившийся короб поместят тело покойного Констака. По краям священники положили еще травы и бамбука. Поглазев немного, зеваки уходили.

Тигхи поднялся по общественной лестнице и пошел вверх по ряду более коротких выступов, располагавшихся выше и правее деревни. Здесь находились механические мастерские. В одной из них, где ремонтировали и изготавливали часы, работал его друг детства Акате. Он был ровесником Тигхи, однако его семья не относилась к числу обеспеченных, и потому Акате большую часть времени проводил в закутке рядом с мастерской, работая с различными часовыми устройствами при дневном свете.

– Ты слышал? – спросил Тигхи, неторопливо приближаясь к другу. – Этой ночью умер Констак.

– Все уже знают это, – ответил Акате, не поднимая глаз и продолжая копаться в маленьких часах.

Они были сделаны из пластмассы, и потому колесики и шестеренки изнашивались и расшатались. Акате смазывал механизм коробочки.

Тигхи опустил на траву перед Акате.

– Ты пойдешь на похоронную церемонию?

– Если успею покончить с этим. – Акате поднял голову.

Один глаз у него был по-прежнему прищурен в типичной манере часовщика. – Вчера один человек продал моей ма запчасти к энергоблоку. Теперь у нас полный набор.

– Набор чего? – спросил Тигхи, хотя он совершенно не разбирался в деталях часовых механизмов.

– Понимаешь, это что-то вроде мембраны, которая, как думает моя ма, служила экраном. У нас есть также зубцы от этой штуки, и каждый зубец промаркирован символом. Я даже смог различить некоторые из них – «Р», «А» и что-то похожее то ли на «Ц», то ли на «С».

– Это хорошо, – сказал Тигхи без энтузиазма. – Так ты идешь?

Акате пошмыгал носом и опять посмотрел на часы:

– Не знаю. Может быть. А может быть, и нет. Какая-то чудная пластмасса. Клей никак не берет ее, а если и берет, то потом она отламывается в этом месте. Видимо, в пластике есть какой-то ингредиент, который сопротивляется клею.

– Похоже, ты не слишком большой любитель религиозных церемоний, – заметил Тигхи.

Он сорвал травинку и стал крутить ее, подставляя солнечному свету. Между стебельками травы у его ног суетился удивительно красивый лилово-красный жук. Иногда он заползал на травинку и полз по ней, пока она не сгибалась под

его тяжестью и не сбрасывала жука.

– Знаешь, я думаю о Боге.

– Бог, – повторил Акате скучным голосом.

– Ну да. Ты же знаешь, что нас учат, будто он сидит на верхушке стены, – проговорил Тигхи. – И видит Вселенную.

– Насчет таких дел тебе лучше порасспрашивать своего деда, – посоветовал Акате.

– Но ты же знаешь об этом.

– Конечно.

– И тебе это кажется правдой?

– Я как-то не задумывался.

– Дело в том, что я слышал кое-какие другие истории, и они заставили меня задуматься. А что, если Бог не сидит наверху мира? Что, если Бог живет у подножия стены – что, если он построил стену, чтобы не пускать кого-то? Чтобы отгородиться от чего-то?

Акате отложил в сторону инструмент и поднял голову. В его глазах мелькнула догадка.

– Вот оно что, – проговорил он задумчиво. – Я слышал, что ты ухлестываешь за этой девчонкой, Уиттершей. А всем известно, что ее па – старый чудак, который не дружит с головой.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Тигхи, не поднимая глаз от травинки в руке. – Я же просто спросил.

– Лучше бы тебе поостеречься, вот что я скажу, – произнес Акате. – Со старым Уиттером опасно дружбу водить.

Если бы мой дед был священником, я бы не стал болтать с каждым встречным, а тем более с таким человеком. И я бы трижды подумал, с кем поделиться насчет странных космических теорий.

Он покачал головой и презрительно фыркнул:

– Ты думаешь, что Уиттерша стоящая девчонка? Ты же сын принца, в конце концов. Она ниже тебя. Ведь твои па и ма владеют полудюжиной коз, не так ли?

– Мы потеряли одну козу, – уныло сказал Тигхи.

– Да, я слышал, но суть дела в другом. Ты родом из уважаемой, достойной семьи и можешь найти себе девушку куда лучше, чем дочь торговца обезьянами. Она недостойна тебя. Во всяком случае, так считает моя ма, а я думаю, что она разбирается в этих делах.

– Уиттерша – нормальная девушка, – стоял на своем Тигхи.

– Ясное дело, но есть девушки и получше ее, вот и все. И остерегайся ереси, Тигхи. Даже твой дед-проповедник в случае чего не поможет тебе. Кроме того, ты же лучше других знаешь, какой он.

– Дед сегодня приходил к нам домой.

Акате не ответил.

– Он зашел к нам, и в глазах у него были слезы. Его очень расстроила смерть его друга, смерть Констака.

Акате опять принялся колдовать над часами.

– У моей ма есть что сказать по этому поводу, – пробормо-

мотал он, явно на что-то намекая.

– Что? – спросил Тигхи, искреннее удивленный.

Однако Акате хранил молчание.

Тигхи побрел назад через деревню. Солнце сегодня палило нещадно, и он снял рубашку. Жизнь в деревне шла своим чередом. Смерть не сделала в ней бреши. Тигхи подумал о слезинке, дрожавшей на реснице деда. До этого ему не приходилось видеть старика плачущим. Смерть одного человека могла так глубоко задеть рассудок другого, и все же деревня продолжала жить, словно ничего не произошло, словно в ткани жизни не произошло никакого разрыва.

Тигхи спустился на выступ, где жил старый Уиттер. Его дочь занималась важным делом – заготовкой обезьяньей шерсти. Поймав животное, она крепко зажимала его между ног и соскребала волосы бритвой. Обезьяна визжала и рычала, однако Уиттерша не ослабляла хватки. Сбритые волосы она бросала в сумку из плотной ткани. Шерстью обезьян обычно набивали матрасы и подушки. Когда Тигхи поздоровался с Уиттершей, та в ответ состроила ему гримасу.

– Ты грязнуля. Утром мне пришлось повозиться, чтобы убрать с выступа твою блевотину. Фу, какая гадость, – сказала девушка с кислой миной на лице.

– Я ничего не мог с собой поделать, – оправдывался Тигхи. – Уж слишком густой и едкий дым шел из трубки твоего па. Отчего он такой? Чем твой па набивает свою трубку?

– Эта штука слишком сильная для такого пай-мальчика,

как ты, – сказала она.

– Не говори так, – произнес Тигхи, слегка уязвленный. – Извини за вчерашнее. Я понимаю, как неприятно было убирать за мной. Знаешь, я думал о том, что твой па говорил вчера вечером.

– Вот как?

– Ты слышала?

– Я знаю, где правда, – сказала девушка, проводя бритвой по ноге обезьяны, которая изо всех сил старалась вырваться.

Самец выглядел очень комично, одна сторона его тела, будучи выбритой, приобрела розовый цвет, как у младенца, а другая все еще оставалась черной.

– И я знаю, что твоему деду очень хотелось бы столкнуть моего па со стены за ересь.

– Я же не виноват, что он мой дед, – примирительно говорил Тигхи. – Не думаю, что это ересь. По-моему, он говорил разумные и правильные вещи.

Уиттерша перестала брить обезьяну и взглянула на него.

– Я бы поостереглась болтать об этом в деревне, – сказала она. – Твой старый дед не остановился бы даже перед тем, чтобы спихнуть тебя со стены, учуй он ересь.

Однако на ее губах появилась улыбка.

– Никого не сбрасывают с мира за ересь, – возразил Тигхи, почувствовав, что настроение девушки изменилось в лучшую сторону. – Все это выдумки.

– Мой па знал одного человека, который жил в Мясниках, – сказала Уиттерша, опять принявшись за работу. – Он говорил ересь, и его скинули. Или он сам свалился, когда за ним гнались. Это случилось еще до того, как я родилась.

«До того, как я родилась» – слишком огромный отрезок времени, чтобы Тигхи мог его осмыслить. Он подошел к Уиттерше и протянул руку. Шея девушки оголилась, и в том месте, где переходила в спину, был замечен небольшой костный выступ. Тигхи осторожно дотронулся рукой до этой косточки. От прикосновения к плоти Уиттерши его сердце забилось так, что чуть не выпрыгнуло из груди.

– Эй! – воскликнула Уиттерша. – Перестань заниматься чепухой. Мне нужно работать!

Тигхи легко и быстро, как бы танцуя, отступил на два-три шага назад. Его сердце наполнилось светом. Казалось, ощущение мягкой, бархатистой кожи осталось на кончиках пальцев.

– Ты слышала? Сегодня ночью умер старый Констак.

Уиттерша резко обернулась:

– Что? Умер старый Констак?

– Сегодня состоится церемония, его сожжение. Чтобы послать его душу к Богу, так говорят. Сегодня утром к нам приходил дед, расстроенный до слез.

– Ишь ты, – произнесла Уиттерша. – Это уже что-то. Сегодня будет на что посмотреть.

– Прежде я никогда не видел, чтобы мой дед плакал, –

сказал Тигхи.

Он прислонился к стене и стал медленно перекатываться по ее поверхности, прижимаясь к ней то грудью, то спиной. Стена уже нагрелась, и от нее исходило приятное тепло. К коже прилипли частички грязи.

– Ну и дела, – произнесла Уиттерша с хитрой улыбкой. – Знаешь, что говорили насчет твоего деда и старого Константа?

– Нет, – ответил Тигхи. – А что?

– Так значит, ты никогда ничего не слышал?

Лицо Тигхи выражало крайнее изумление.

– Нет.

– Какой же ты еще невинный мальчик! – С губ Уиттерши сорвался короткий смешок. Она опять повернулась к обезьяне. – Не может быть, чтобы ты никогда не слышал!

– Что слышал?

Тигхи стряхнул грязь с груди. Рубашка раздулась у него на бедрах, образуя нечто вроде колокола. Ветер усилился, и руки покрылись пупырышками. Мальчик снял рубашку с бедер и живо просунул руки в рукава.

– Да так, ничего, – ответила Уиттерша. На ее лице появилась странная улыбка. – Ты будешь на церемонии?

– Конечно, – сказал Тигхи. Делать ему все равно было нечего, почему бы и не пойти. – А ты пойдешь?

– Вообще-то па приказал мне побрить всех этих обезьян, но сдастся, что я смогу выкроить часок.

– Серьезно, Уиттерша, – произнес Тигхи, опять приблизившись к девушке. – Что ты имела в виду? Что я никогда не слышал о своем деде? Почему ты не хочешь сказать мне об этом?

– Скажу тебе на сожжении, – пообещала Уиттерша все с той же кокетливой улыбкой.

– Но что это?

– Я скажу тебе на сожжении, – повторила она. – Только твой дед и Констак были больше чем друзья. Вот и все.

– Что ты хочешь этим сказать?

Однако больше из Уиттерши нельзя было вытянуть ни слова, и в конце концов Тигхи вскарабкался вверх по лестнице и опять стал бродить по деревне. На рыночном выступе все уже было готово для погребального костра. Рядом дежурил один из младших проповедников. Тигхи остановился, чтобы поглазеть еще.

Вскоре, однако, солнце поднялось до уровня деревни, и тени отпечатались прямо на стене. Пора подумать о еде. Тигхи повернул налево и, пройдя через всю деревню, направился к дому своих па и ма. Когда он подходил к двери, в воздухе установилось полное спокойствие, ничто не мешало солнцу проявлять всю свою мощь, и Тигхи даже успел немного вспотеть. Подняв щеколду расветной двери, он шагнул в приятную прохладу прихожей.

Ма была дома. Она лежала в полутьме спальни. Услышав шаги Тигхи, она зашевелилась и вышла из своей комна-

ты. Некоторое время она молча наблюдала за тем, как Тигхи нарезает покрывшийся ростками травяной хлеб и намазывает ломтики водянистым сыром. Ее молчаливое присутствие начало раздражать Тигхи. Такое причудливое настроение обычно находило на ма после встречи с дедом, однако если бы она собиралась выместить на нем свою злобу, то уже сделала бы это. Тигхи вытер о полотенце лопаточку и положил ее в стол, затем подошел к ма и поцеловал ее. Она подставила щеку с каким-то странным выражением лица, и Тигхи не мог отгадать, что у нее на уме. Тем не менее ма приняла от него поцелуй.

Слегка обеспокоенный, Тигхи взял хлеб с сыром и стал торопливо есть, едва не давясь большими кусками. Он хотел сказать что-нибудь, чтобы вывести ма из этого недвижимого, молчаливого состояния, однако не знал, что сказать. Тигхи огляделся вокруг, надеясь, что его па где-то здесь, в доме, но, очевидно, тот отсутствовал.

– Я проходил по рыночному выступу, – вымолвил Тигхи наконец, и после долгого молчания его слова прозвучали слишком громко и неуклюже. – Там уже приготовили погребальный костер. – Тишина. Он съел последний ломтик хлеба и вытер руки о рубашку. – Они все сделали аккуратно и красиво.

По губам ма пробежала мимолетная, едва заметная улыбка. Сердце Тигхи замерло. Что это могло значить?

– Ты хороший мальчик, – сказала она отстраненным го-

лосом.

Ее лицо озарила красивая улыбка, и ма протянула к нему руку. Не на шутку оробев, Тигхи шагнул к ней, и ма рассеянно обняла его. Через пару секунд он осторожно вывернулся из-под ее локтя и стал, сутулясь, ходить по комнате и говорить.

– Как странно, что дед так расстроился, – произнес Тигхи. – Не могу припомнить, чтобы он когда-либо так сильно переживал.

Ма стояла, прислонившись спиной к стене у двери ее спальни.

– Ты же знаешь своего деда, – сказала она.

В ее голосе слышалась едва заметная нотка раздражения. Тигхи почувствовал, как внутри у него все сжалось, подобно пружине в часовом механизме, который ремонтировал Ака-те.

– Мне кажется, я помню еще одну церемонию сожжения. По-моему, мне тогда было три года или даже меньше. И все же я помню, что дед сделал это чуть ли не с удовольствием. Я помню всю его проповедь.

Тигхи вдруг замолчал и выпрямился. Ма следила за ним глазами, не поворачивая головы.

– Не помню, чтобы я когда-либо видел деда таким растерянным и поникшим, – продолжал гнуть свое Тигхи. – Сдается мне, что они с Констаком были очень близкими друзьями, не так ли?

Ма по-прежнему хранила молчание. Единственной ее реакцией было слабое подрагивание ресниц.

– Должно быть, это ужасно – потерять человека, с которым ты по-настоящему близок. – Голос Тигхи отдавался у него в голове и звучал как-то неправильно. Но он не мог заставить себя замолчать. – В деревне я слышал, что о деде и Констаке ходят какие-то слухи, но раньше я об этом не знал.

Не успело последнее слово слететь с языка, как стало ясно, что говорить это не следовало ни в коем случае. Тигхи замолчал. Ему казалось, что он произнес какое-то заклинание, которое пробудит в ма худшее из ее неистовых состояний, такой взрыв исступленной ненависти, от которого содрогнутся стены их дома. Тигхи замер в нерешительности. Однако ма не тронулась с места. В выражении ее лица ничего не изменилось, если не считать едва заметно подрагивающих ноздрей. Тигхи затаил дыхание.

– Как бы то ни было, но мне кажется, что лучше будет, если я схожу на церемонию и послушаю проповедь деда, – проговорил он торопливо. – А ты пойдешь? Па там будет?

Рука ма поднялась ко рту, и кончики пальцев потрогали верхнюю губу.

– Пойду ли я? – спросила ма. Теперь она стояла прямо. – Пойду ли я на церемонию? Будет ли там твой па? А ты знаешь, где твой па? Ты знаешь, где он?

В ее словах безошибочно чувствовался нарастающий гнев. У Тигхи все опустилось. В конце концов ему удалось

завести мать, и теперь ничего не оставалось, как только стоять и ждать, пока ее ярость не взорвется. У мальчика открылся рот, на лице застыло выражение беспредельного ужаса.

– Ты знаешь, где твой отец? Тебе сказать? Пока ты шляешься по деревне, как коза, потерявшаяся на утесе, твой па работает на высоких уступах. Ты уже забыл, что на днях мы потеряли козу – целую козу? Неужели ты стал таким эгоистом? Разве ты не понимаешь, что твоему па и мне теперь приходится делать лишнюю работу?

Ее голос обрел громкость, а рука сжалась в кулак. Однако Тигхи мог лишь стоять и наблюдать.

– Ты думаешь, что все такие же бездельники и лодыри, как ты? Ты так думаешь? У людей есть работа, которую им приходится выполнять – не у тебя, не у тебя, конечно, у настоящих людей. У таких людей, как твой па и я.

Теперь ма дрожала. Ее сотрясала нарастающая ярость. Руки, сжатые в кулаки, взметнулись вверх.

– Я просто ума не приложу, как могла вырастить такого эгоистичного мальчишку. Это же издевательство, форменное издевательство. Ты насмехаешься над своим дедом, который пришел сюда со слезами на глазах.

С этими словами она подалась вперед и резко выбросила вперед оба сжатых вместе кулака. Тигхи знал, что если увернется от удара, будет еще хуже, и лишь зажмурил глаза. Удар пришелся сбоку головы, и мальчик рухнул на пол.

В таких случаях лучше оказаться в лежачем положении. Он свернулся калачиком, охватив голову руками и подтянув колени. Дело не в том, что такие побои причиняли Тигхи слишком сильную физическую боль – он уже вырос, – однако в ее гневе было нечто, пронзавшее насквозь, парализующее все эмоции. Именно это и было самым ужасным. Он не мог постичь, как такое возможно, но, с другой стороны, все понятно. Где-то глубоко в сознании все обретало смысл, и обретенный смысл имел в себе совершенство, так как в глубине сознания Тигхи был плохим, и его ма могла это разглядеть.

Она сняла со стены лопатку, представляющую собой отполированный и слегка изогнутый кусок дерева длиной в руку, которым па чертил узоры на засыхающей глиняной стене. Лопатка была из дерева и потому имела большую ценность, однако ма не задумывалась об этом. Она лупила сына со всей силой, на какую только была способна. В каком-то отдаленном уголке сознания Тигхи мелькнула мысль, что лопатка может сломаться. Что же тогда делать? Ему вовсе не хотелось, чтобы лопатка сломалась, потому что она стоила немалых денег. В то же время другая часть его мозга вывела логическое умозаключение, согласно которому в случае поломки лопатки ему пришлось бы объяснять своему па, при каких обстоятельствах это произошло. А это означало участие па в ритуале боли. Такого-поворота дел Тигхи не желал. Его бедра, грудь, голова, бока горели от ударов. А затем внезапно все кончилось.

Тигхи медленно поднял голову, выглянул из-под локтя и увидел, что ма сидит привалившись к стене. Ее грудь бурно вздымалась. Робко, словно она только что участвовала в какой-то недозволенной игре и ее поймали с поличным, ма посмотрела сыну в глаза. Тигхи распрямился и кое-как встал на ноги, и все то время, пока он совершал эти телодвижения, они не сводили друг с друга глаз. Такие происшествия служили своего рода узами, которые связывали мать и сына очень тесно. Однако он понимал, что сам вызвал вспышку ярости. Поэтому покорно опустил голову и, шаркая ногами, направился к двери. Лишь снова оказавшись снаружи, на выступе, Тигхи перестал ощущать на своей спине взгляд ма.

Глава 6

Тигхи бродил по деревне, греясь на солнце, и боль в его теле стала утихать, постепенно уходя куда-то вдаль. Она стала памятью, а память, сказал он себе, почти не делает различия между тем, что было вчера, и тем, что произошло десять лет назад. Когда Тигхи думал об этом подобным образом, ему становилось легче и спокойнее. Словно ничего ужасного и не происходило. Или возможно, случилось с кем-то еще.

Светило солнце; Тигхи разглядывал лица прохожих, шедших ему навстречу, и этого было достаточно. Он сел и некоторое время смотрел на небо: неужели вся его теория насчет существования другой стены, настоящей, чистой, голубовато-серой стены там, в окутанной маревом дали, – тоже своего рода ересь? Интересно, что сказал бы его дед, если бы он поведал ему о ней? Тигхи зажмурился изо всех сил, стараясь придать своему зрению как можно большую разрешающую способность, дабы этот далекий артефакт приобрел конкретные очертания. Он даже надавил на глазные яблоки.

Затем мальчик легонько через одежду потрогал свои синяки и ссадины. Еще одной деталью больше на ландшафте его тела. Тигхи сделал три глубоких, медленных вдоха. Теперь он и в самом деле почувствовал себя лучше.

Через некоторое время мальчик отправился назад. На рыночном выступе уже собиралась толпа. До начала церемо-

нии оставались считанные минуты. Оба младших проповедника стояли наготове у погребального костра; в их позах было нечто неестественное, застывшее. Тигхи заметил, что владельцы лавок, располагавшихся в нишах внутри стены, вышли наружу вместе с последними посетителями и заперли двери. Группками по два-три человека они засеменяли в сторону погребального костра. Один за другим люди поднимались по главной лестнице в дальнем конце улицы. Сначала показывалась голова, из нее вырастало туловище с руками и ногами, а затем появлялась новая голова. Снизу задул сильный бриз, и стало прохладнее. Солнце находилось уже над ними, насыщая темнотой дверные проемы и укромные местечки.

В поисках Уиттерши Тигхи протискивался сквозь толпу. Почему-то никак не удавалось сосредоточиться. Он словно наяву видел перед собой ее шею, и это отвлекало, возбуждало его воображение. Девушка была так красива: кожа с коричневым оттенком, на ней – крошечные черные волосинки, едва заметные; округлость кости под кожей. Острая тоска охватила Тигхи, ему страстно захотелось дотронуться до Уиттерши. Однако он не мог ее отыскать.

К тому времени толпа уже достигла определенного размера и теперь сгущалась, сбиваясь во все более плотную людскую массу. Тигхи всегда нервничал, попадая в скопление людей, находившихся слишком близко к краю. Работая локтями, он протолкался назад и боком прижался к стене. Те-

перь погребальный костер был виден ему под углом. Оба младших проповедника сдвинулись со своих мест и направились в часовню за костром. Тигхи дружил с одним из них, когда оба были мальчиками, но теперь его бывший приятель очень серьезно готовился к принятию сана священника. Тигхи не разговаривал с ним с лета и до лета, целые полгода.

В середине толпы раздался нестройный шум голосов, и Тигхи приподнялся на цыпочки. Из часовни выносили тело покойного, завернутое в травяной саван. Тело покоилось на плечах младших проповедников. Вслед за ними появился дед. Со скрещенными на груди руками он размеренным шагом направился к погребальному костру. Толпа оживилась еще больше, сопровождая процессию рокотом восклицаний, прокатившихся из края в край. Младшие проповедники опустили тело внутрь погребального костра.

Кто-то дотронулся до его плеча: Уиттерша.

– Мой па не знает, что я здесь, – проговорила она ему на ухо, тяжело дыша: видно, только что вскарабкалась по лестнице. – Наверное, я не смогу остаться на всю церемонию.

– Ты пришла вовремя, – сказал Тигхи.

Его грудь распирало от возбуждения. Он попытался повернуться, однако девушка толкнула его в плечо. Их так стиснула толпа, что места для каких-либо маневров совершенно не оставалось. Тигхи вынужден был удовлетвориться тем, что ему удалось просунуть руку назад и прижать костяшки пальцев к бедру Уиттерши.

– Я вижу твоего деда, – сообщила она, едва не дотрагиваясь губами до его уха. Когда девушка наклонилась вперед, чтобы произнести эту фразу, ее тело прижалось к левой лопатке Тигхи. Теплое дыхание щекотало мочку его уха и шею. Это мимолетное прикосновение привело к тому, что его विक напрягся и стал твердым как камень.

– Твой дед, – сказала Уиттерша, – оплакивает свою женщину.

До Тигхи не сразу дошел смысл ее слов.

– Что ты имеешь в виду?

Однако в этот момент забухал громовой голос деда, и толпа умолкла. Рука Уиттерши нащупала руку Тигхи, и их пальцы переплелись.

– Бог сидит наверху стены, – взывал он чистым, зычным голосом. – Оттуда Бог видит все. Бог получает то, что хочет. Он хотел душу нашего дорогого друга Констака.

И вдруг голос деда прервался. По его лицу нельзя было понять, что он испытывает. Возбуждение толпы усилилось. Люди стали раскачиваться взад-вперед. Движение проходило по собравшимся телам волной, подобно тому, как ветер волнует траву.

– Бог поместил нас на стену в качестве свидетелей, – сказал священник. Некоторые люди в толпе застонали и зашептались. Кто-то поднял руку, затем другие сделали то же самое. – Констак был хорошим человеком. Он был хорошим человеком, – повторил дед, но его голос тонул в усиливаю-

щемся гуле толпы.

– Он полетит вверх, – крикнул дед так, что его голос внезапно возвысился и перекрыл весь шум.

Паства взвыла подобно ветру, и кто-то в задних рядах подхватил клич:

– Вверх! Вверх!

Голова Тигхи произвольно дернулась, и он против своей воли, охваченный массовым психозом, устремил взгляд в небо. Все пришло в движение, сбиваясь в еще более тесную кучу. Тела, красные лица. Каждый орал что было мочи. Моретов, разодранных в крике до предела. Вверх! Вверх! Тигхи включился в этот общий ор, сам того не осознавая. Констак должен отправиться вверх. Он был хорошим человеком. Дед тоже кричал, но его слова были уже едва различимы. Их захлебывала яростная буря криков.

– Вверх! Вверх!

Дед продолжал говорить, и толпа, доселе неудержимая в своем психозе, вдруг утихомирилась, повинуюсь какому-то необъяснимому порыву. Крики быстро сошли на нет, и похоронная речь стала более различимой.

– ...произволения Божьего, его духа. С пламенем, которое рвется вверх, с дымом, клубы которого вьются в небе, с горячим воздухом поднимается и его дух. Он оставит брэнное тело. Внизу останется лишь пыль и прах. И прах удобрит землю, а из земли вырастут цветы. Цветы, друзья мои, – произнес дед, воздев руки. Он улыбался. – Цветы знают, что

они берут свое начало в Божественном духе! Они стремятся вверх, стремятся подобно язычкам пламени, только зеленого, пусть даже они связаны неразрывными путами с выступом. Они стремятся в том направлении, куда ушел Констак!

Среди участников похоронной церемонии стали раздаваться одобрительные возгласы; дед сиял, самодовольно вздрившись на аудиторию. На очень короткий момент его глаза остановились на Тигхи.

Сердце Тигхи опять подпрыгнуло, но уже по другой причине. Его посетила неподобающая торжественному акту мысль: какое, оказывается, некрасивое и даже безобразное лицо деда. Широкий коричневый нос, похожий на козье дерьмо; пестрое лицо, по которому в полном беспорядке разбросаны бледные пятна, напоминающие капли пролитого молока. Тигхи внезапно испугался, что дед догадается, проникнет в его нехорошие мысли, и потому стал опять вместе со всеми усердно кричать:

– Вверх! Вверх!

Дед быстро нагнулся, и несколько секунд спустя вверх поползли клубы дыма, а вслед за ними показались языки пламени. Тигхи всегда удивлялся, почему тела сгорали так быстро, а огонь бушевал столь ожесточенно.

Уиттерша всем своим телом плотно прижалась к его спине.

– Я ничего не слышу, – произнесла она, приблизив губы к самому его уху. – Он сказал что-нибудь скандальное? При-

знался, что у него было что-то с Констаком?

Тигхи резко втянул в себя воздух, с трудом удерживаясь от смеха. Было так восхитительно находиться рядом с Уиттершей и слышать, как она говорит запретные вещи. Он полюбовернулся и наклонился немного вперед, чтобы Уиттерша лучше услышала его.

– Как им удастся заставить человеческую плоть гореть с такой силой? – прошипел он ей в ухо.

Она насмешливо фыркнула и привстала на цыпочки. Ее губы находились теперь на уровне его уха.

– Они пропитывают тело горячей жидкостью. Выкапывают яму и наполняют ее этой штуковиной, а потом опускают туда тело и оставляют на ночь. Но так поступают только в том случае, если покойный был достойным человеком. Мне сказал мой па.

– А разве твой па знает толк в чем-либо, кроме обезьян? – пошутил Тигхи, испытывая невероятное наслаждение оттого, что говорит с ней на запретные темы.

Однако крики усилились, и Уиттерша, наверное, не услышала его, что, несомненно, к лучшему, потому что она очень любила своего па и могла обидеться.

– Повернись, – сказала Уиттерша, – я хочу вскарабкаться тебе на спину и посмотреть на сожжение тела.

Тигхи опять повернулся лицом к погребальному костру, и ее миниатюрное, изящное тело тут же тесно прижалось к его спине. Уиттерша положила руки ему на плечи, охватила бо-

ка бедрами и, проворно работая ими, в три приема оказалась наверху. Теперь она сидела у него на плечах, ее живот плотно прижимался к его затылку. Чтобы не свалиться, девушка цепко ухватила рукой за плечо Тигхи. От ее прикосновений ссадины слегка побаливали, но Тигхи ни единым звуком не выразил неудовольствия. Он положил правую руку ей на поясницу. Грубая ткань юбки из козьей шерсти царапала шею, но в то же время обнаженное тело терлось о его голову, и это было невыразимо приятно. Сердце поплыло, а вик окреп и встал. Свободной рукой Тигхи поправил его, чтобы не выпирал из штанов.

– Тебе хорошо видно? – спросил он. – Ты все видишь?

Если и раньше он видел все происходящее с трудом, то теперь поле зрения и вовсе оказалось наглухо перекрыто. Вертушки языков пламени, плясавшие впереди, – вот и все, что видно через головы людей. С началом ритуального сожжения все задвигались, стараясь протиснуться как можно ближе к костру. Казалось, люди хотят вобрать в себя исходящее от него священное тепло. Тигхи задрал голову, насколько это было возможно в его положении, чтобы посмотреть, не появится ли в воздухе дух старика, похожий на... Впрочем, мальчик даже не мог представить себе, как должен выглядеть этот дух. Возможно, он плясал на языках пламени или карабкался по каждой пряди желтого огня подобно какому-то призрачному ползучему растению. Тигхи видел перед собой лишь затылки замороженных в исступленном экс-

тазе жителей деревни и рваные клубы дыма. Уиттерша наклонилась вперед, и ее голова и волосы мешали ему смотреть вверх. В поле зрения Тигхи внезапно попал подбородок со складками, ноздри и все, что было внутри них. Очень странный вид. Однако гораздо большее впечатление на него производило прикосновение ее плоти, тесно прижавшейся к затылку, и провисшая ткань платья, за которой угадывались очертания маленьких упругих грудей. Вик напрягся так сильно, что Тигхи даже ощутил некоторую боль.

Священнодействие заканчивалось, и Уиттерша соскользнула на землю. Толпа начала расходиться. Массовый психоз улетучился, и теперь слышалось лишь приглушенное разноголосое бормотание людей, разбредающих в разных направлениях.

– Ты видела? – спросил Тигхи. – Ты видела, как он горел? Девушка утвердительно кивнула.

– Но я не могла разглядеть его лица. Я хотела увидеть лицо, но там можно было различить только что-то черное, обьятое пламенем. В общем, очертания человеческого тела, но совершенно безликие.

Судя по всему, церемония разочаровала ее. Очевидно, Уиттерша ожидала большего.

– Пойдем посмотрим на пепел.

И она стала пробираться вперед через поредевшую толпу. Едва дыша, Тигхи последовал за ней. Возбуждение предшествующих минут сконцентрировалось в вике. Смерть и

святость, вопли и экстаз толпы, сопровождавшие речь деда; надежда, что он сможет увидеть поднимающийся дух Констака, переплелась с надеждой обнять Уиттершу и прижаться к ней всем телом. Что сможет повалить ее на траву и лечь на нее. Все это устремилось в его вик, втиснулось в этот забавный маленький отросток плоти. Тигхи часто приходилось наблюдать, как пасутся козы стада, и он знал, что вики козлов остаются сморщенными и дряблыми в течение почти всей их жизни за исключением тех случаев, когда на животных нападала страсть к спариванию, и тогда их вики становились твердыми как скала. Однако, удовлетворив желание, козлы опять погружались в безмятежное состояние, и их мысли были далеки от секса.

Иногда Тигхи казалось, что он постоянно живет в состоянии половой лихорадки.

Проталкиваясь через толпу, он то и дело наталкивался на Уиттершу, каждый раз прижимаясь к ней чуть сильнее, чем следовало бы. Ткань шуршала, Тигхи явственно ощущал под ней голую плоть. Уиттерша, похоже, не возражала или, скорее, не замечала. Ее взгляд устремился вниз, на все еще горящий пепел, в котором поблескивали красные угольки.

– Вот и все, что осталось от Констака, – сказала она, размышляя вслух. – Старый Контак. Это было его телом.

– Телом самого близкого друга моего деда, – произнес Тигхи, и Уиттерша хихикнула, прикрыв рот рукой.

Тигхи ухмыльнулся ей в ответ, однако в действительно-

сти ему было не до смеха. Человеческое существо превратилось в неровный слой пепла. Красные угольки почернели. У остатков погребального костра стоял человек с ведром. Он ждал, пока зола остынет. Ценное удобрение для огорода.

Дед исчез. Тигхи огляделся вокруг; толпа уже почти рассеялась. Такое ничтожное расстояние между бодро переставляющими ноги и дышащими людьми и маленькой кучкой черного песка.

– Ты должен пописать на золу, – сказала Уиттерша, положив руку на плечо Тигхи.

– Лучше ты, – предложил Тигхи.

– Мне нельзя, я девушка. А вот ты мог бы пустить струйку.

Потушить остатки огня.

Она опять хихикнула и в следующий момент бросилась стремглав наутек. Тигхи опешил и не сразу бросился догонять ее, а когда сообразил, было уже поздно. Уиттерша исчезла.

Глава 7

Потихоньку все стало изменяться, однако эти изменения вначале были незаметны, подспудны, а уж для Тигхи тем более. Он все воспринимал через туманную призму увлечения Уиттершей, которая занимала все больше и больше места в его мыслях. И все же трудно отрицать, что некоторые перемены начались уже в его восьмой день рождения с потерей козы. Несколько недель па почти не показывался дома, а ма пребывала в еще более непредсказуемом настроении, чем раньше. Па работал все светлое время суток, стараясь расквитаться хотя бы с частью долгов, возникших после гибели козы. Он сказал Тигхи, что не может теперь тратить время на всю работу по дому, без которой нельзя обойтись, и замолчал.

– Я мог бы заняться этим, – предложил Тигхи, подвигнутый на это печальным выражением лица па. – Я мог бы делать работу по дому.

Па с трудом удержался от улыбки.

– Ты мой сын, – с гордостью произнес он. – Ты из семьи принца и однажды станешь отличным принцем.

Он целый час терпеливо объяснял и показывал Тигхи основные виды ремонта, который требовалось производить снаружи после утреннего шторма, как лучше залатать расцветную дверь и прочее.

Все казалось достаточно простым и ясным, однако, оставшись один на один с последствиями стихии, Тигхи обнаружил, что в действительности дело не такое уж простое. Прежде всего потому, что он никак не мог сосредоточиться. Па ушел, а ма лежала на полу в главном пространстве и громко всхлипывала. Это очень мешало. Раньше Тигхи просто-напросто вышел бы из дому и бродил по выступам и утесам; однако па оставил на него дом, и нужно обмазать еще одним слоем глины внешнюю сторону расветной двери. Это нужно сделать утром, чтобы замазка высохла на полуденном солнце. Так что Тигхи стиснул зубы и начал размазывать раствор по поверхности расветной двери. Работа у него спорилась не слишком хорошо. Но о какой работе можно говорить, если в уши лезут причитания ма!

Тигхи прислушался к ее охам и ахам. Как поступить в такой ситуации, ему совершенно невдомек. Затем рыдания перешли в сплошной вой, *уллааа*, который становился все тоньше и тоньше и вонзался в его голову подобно иголке. Он сделал еще несколько мазков шпателем, однако шум так действовал на нервы, что Тигхи отложил инструмент и, осторожно ступая, направился к главному пространству. Просунув голову в дверь, он негромко позвал:

– Ма.

На полу валялась какая-то бесформенная груда плоти, сотрясаясь от рыданий. Ма опять сменила вой на плач.

Тигхи стоял в дверном проеме, не зная, что делать. Затем

на цыпочках подошел к матери и опустился рядом на колени:

– Ма, что случилось? В чем дело?

Рыдания прекратились, и сердце Тигхи тревожно екнуло: на него мог обрушиться сгусток беспредельного насилия. Ма зашевелилась и села. Тигхи, не в силах противостоять рефлексу, попятился. Однако его ма выглядела такой безутешной и жалкой; лицо от плача потеряло свои черты и превратилось в расплывчатое пятно; глаза покраснели и с отчаянием смотрели на сына. Тигхи остановился.

– О, мой малыш, – простонала она и неловко обняла его за шею. – Ты единственный мужчина в моей жизни. Ты моя жизнь. Ты и есть то, ради чего мы все делаем, боремся изо всех сил, хотя так легко сдаться, прекратить все, отступить от всего.

И ма стала рыдать и плакать у него на плече, а Тигхи не знал, что делать. Он просто держал ее, поглаживая по спине, и издавал нечленораздельные успокаивающие звуки. По мере того как текли секунды, где-то глубоко внутри у Тигхи возникло и начало расти почти теплое чувство. Наверное, потому, что он и его ма могли наслаждаться этой близостью, она могла положиться на него. Или просто ужас превратил его ма в бесформенную грудку плоти, от которой исходило частое, жаркое дыхание, обжигавшее шею. То была какая-то властная сила, однако в то же время Тигхи понимал ее неуместность. Через несколько мгновений ма мягко отстранилась от сына и вытерла лицо о рукав своей рубашки.

Тигхи сидел, смущенно пряча глаза. Ощущение близости испарилось, и осталась лишь неловкость.

Он вернулся к расветной двери и снова приступил к работе. И опять никак не удавалось сосредоточиться. Бессвязные обрывки мыслей атаковали его мозг. Сделав несколько неровных мазков шпателем, Тигхи с раздражением отшвырнул инструмент и побрел прочь. Небо цвета меди походило на кусок старого исцарапанного пластика, только вместо царапин длинные, узкие облака, двигавшиеся вертикально. Снизу вверх дул свежий бриз – последнее напоминание об утреннем шторме – и приятно ласкал волосы.

Тигхи миновал несколько уступов, затем спустился по общественной лестнице на выступ главной улицы. Там в поисках работы рыскали несколько человек, которых его дед называл бездельниками. Сильно отощавшие мужчины и женщины в обтрепанной одежде. Их появление было признаком начавшихся перемен. Даже Тигхи это понимал. Обычно можно увидеть трех-четыре человека подобного вида, которые сидели на корточках, привалившись спинами к стене. Они надеялись получить хоть какую-то разовую работу, чтобы купить немного еды. Однако теперь здесь собралось больше дюжины людей. Лица некоторых были знакомы Тигхи. Других он совсем не знал. Он поднялся к мастерской Акате.

– Все торговцы только и говорят о переменах, – сказал ему часовщик, не вынимая линзу из глаза. – Плохие времена на подходе. Тот, кто умеет распознать их, чувствует загодя, как

движение воздуха перед утренней бурей.

– Я видел больше дюжины людей, которые шатались по рыночному выступу в поисках работы. Больше дюжины – только подумать об этом! Там было и несколько новых лиц.

– Они прошли по этому выступу вчера вечером, – сказал Акате, – и обращались насчет работы напрямую к торговцам. Однако эти дела так не делаются. Они просто не понимают, как действует система.

С глубокомысленным видом он покачал головой:

– Кто они?

Акате пожал плечами:

– По-моему из Плавильни. Сначала они поднялись по стене до Сердцевидного Уступа, а оттуда уже к нам.

– А почему к нам?

– Кто знает. Могу только предположить, что с работой дело туго и в Плавильне, и на Сердцевидном Уступе. Поэтому они явились сюда. Ведь именно здесь живет дож. А также священник и принц.

Он усмехнулся и отвесил иронический поклон в сторону Тигхи.

– Но главная причина в том, что здесь резиденция дожа. А у нас все равно нет никакой работы. Мы в основном занимаемся скотоводством, а скот слишком ценная штука, чтобы доверять уход за ним каким-то скитальцам. Ну а остальные наши жители работают на торговцев козами. Нет, у нас они не получают никакой работы.

– И что же они будут делать?

– Шататься по уступам, пока вконец не отощат, – ответил Акате. – А вообще-то откуда мне знать? Пусть хоть в небо прыгают, мне-то какое дело.

Он поковырялся немного в каком-то механизме, а затем снял линзу с глаза. При этом раздался слабый хлопок.

– Сдается мне, что когда им станет ясно, что работы здесь нет, они попытаются любым способом раздобыть деньги, чтобы оплатить подъем по платной лестнице в Мясники. Как-никак самая большая деревня в этой части стены, там они скорее подыщут себе какое-нибудь занятие.

– Но если они не смогут найти работу, как им удастся покупать себе еду, не говоря уже о плате за частную лестницу.

Акате опять пожал плечами:

– Мне думается, что если им действительно будет грозить смерть, дож позволит им бесплатно подняться по своей лестнице, хотя бы ради того, чтоб трупы не разлагались на рыночном выступе. Или возможно, даст им околеть, чтобы мы могли их сжечь и удобрить наши огороды.

При этих словах он ослабил, а Тигхи содрогнулся. От таких шуток ему стало не по себе.

Тигхи спустился вниз на выступ и немного понаблюдал за пришельцами. Явилась обваловщица и наняла одного из безработных. Наверное, ей нужно освежевать несколько туш и вытопить сало – работа тяжелая и неприятная, однако достаточно простая, чтобы с ней мог справиться любой скиталец.

И все же обваловщица (низкорослая женщина с сутулыми плечами по имени Дал), конечно, наняла одного из известных деревенских бродяг. Удивляться тут нечему: она предпочла дать возможность заработать человеку, которого знала. При ее приближении пришельцы подняли головы, и на их лицах появились вымученные улыбки. Попытались распрямить плечи. Однако женщина прошествовала мимо, и их лица опять приобрели прежнее выражение безысходности.

Вскоре Тигхи стало скучно, и он спустился вниз, к дому старого Уиттера, но рассветная дверь оказалась заперта. Он позвал Уиттершу, однако ему никто не ответил. Тогда Тигхи вскарабкался по лестнице в обратном направлении и направился к мастерской Акате.

– Опять ты? Вряд ли ты явился купить что-нибудь, так ведь? Ты, никчемный прожигатель жизни, сынок принца. Ошиваешься здесь от безделья. – Акате ухмыльнулся. – Если ваша милость не соизволит обидеться, то я скажу, что ты еще хуже, чем эти бродяги.

– На душе кошки скребут, – произнес Тигхи, – когда смотришь на этих пришельцев. Каково-то им придется вечером: ни крова над головой, ни крошки хлеба.

– Я бы на твоём месте не слишком беспокоился о них, – посоветовал Акате. – Лучше бы подумал о своих земляках. У нас в деревне тоже есть люди, которые сегодня вечером лягут спать с пустым желудком. Вот о чем я бы беспокоился. Это же твое собственное княжество, и ты в первую очередь дол-

жен заботиться о нем. Потому что через пару-тройку недель нищета может ударить и по мне. – Часовщик вздохнул и выбрался из своей кабинки, чтобы размять ноги. – Когда приходится потуже затягивать пояс, люди перестают покупать и ремонтировать часы. Мой па здорово напуган.

– У вас все будет нормально, – неубедительно произнес Тигхи.

– Как будто ты хоть что-нибудь понимаешь в нашем деле. Это у тебя все будет нормально. Людям всегда нужны козье молоко и мясо.

– Но у нас пропала уже одна коза, – сказал Тигхи, не желая уступать в игре, где каждый старался произвести наиболее жалобное впечатление. – Не забывай об этом.

– Нет, – сказал Акате, закусив нижнюю губу. – Думаю, это правда. Я слышал, твой па работает у старой Мае на верхнем уступе, ремонтирует ей дом. Может быть, он и принц, но ему приходится работать, как и всем прочим. Вот он и вкалывает.

Никто не знал, почему это место называлось верхним уступом. Не самый высокий уступ в деревне, однако его целиком занимала старая Мае, так что, возможно, это название отражало ее статус в деревне.

– Вы должны ей шерсть животного, которое потеряли, и несколько свечей. Так я слышал. И потому он теперь в одиночку копает Мае новую комнату. Должно быть, ему приходится несладко. Это случайная работенка, и сомневаюсь,

чтобы ее засчитали за весь долг.

Услышать, что его отец занимается такой грязной, унижительной работой, было для Тигхи не просто полной неожиданностью, а настоящим шоком. Сначала он хотел выпытать как можно больше подробностей, однако более трезвая часть рассудка подсказала, что лучше всего отрицать наличие каких-либо серьезных трудностей у его па.

Тигхи решил сменить тему.

– Что же произошло в деревне? – с удивлением поинтересовался он. – Почему люди оказались без работы? Ведь всего несколько недель назад все было замечательно.

Акате не стал отвечать с ходу. Он сначала посмотрел в небо, где с широко распростертыми крыльями парили птицы на остатках тепла восходящих воздушных потоков. Поднимаясь вверх, птицы превращались в черные точки, будто частицы ночного неба, оторванные от него и разбросанные солнечным светом нового дня. Наконец часовщик произнес:

– Кто знает, как эта штука действует? Деревня похожа на большой часовой механизм. Его слаженная работа зависит от взаимодействия сотни деталей, из которых он состоит. Кто знает, почему механизм выходит из строя? Вроде бы все идет так же, как и в прошлом году, только вот людей, которые клянчат работу на рыночном выступе, стало больше, и меньше стало тех, кто покупает товары в лавках. Внезапно оказывается, что все голодны и никто не может позволить себе ничего купить.

Он сплюнул от возмущения.

– Мой па говорит, что мир катится вниз. Может быть, это только начало. Может, худшее еще впереди.

Тигхи почувствовал, как его желудок сжался, словно обожание учуяло запах гари, резкий, сильный и противный. Однако он понимал, что это иллюзия, наваждение. Поблизости ничего не горело. Эту штуку с Тигхи сыграло его живое, разгоряченное воображение. Все катится по наклонной плоскости. Приближается катастрофа.

– Вот ведь какое дело, – сказал Акате, – я работаю с часами. Они делят день на десять часов. Но иногда ко мне попадают старые часы, у которых на циферблате двенадцать частей. Знаешь почему?

– Нет, – ответил Тигхи.

– Мир изменяется, вот почему. Я думаю, что когда-то день был достаточно велик, чтобы его можно было разделить на двенадцать часов. Это был золотой век. Так мне кажется. В старое доброе время дни были длиннее. Да и год тоже делился на двенадцать частей, а не на десять, как сейчас.

Он опять сплюнул и попрыгал, разминая ноги.

– У них всего было по двенадцать, – задумчиво произнес Тигхи, вспомнив, чему его учили. – Двенадцать месяцев, двенадцать пальцев на руках и двенадцать на ногах. Двенадцать племен, двенадцать степеней деления.

– Ну и что?

– У нас двадцать месяцев. Это же все-таки больше.

– Они пришли из иного мира, – сказал Акате. – Они были другими людьми.

– Может, они и в самом деле явились из другого мира и нашли стену, – согласился Тигхи. – Однако мы берем свое начало от них.

Акате этот разговор уже порядком надоел.

– Ладно, – вздохнул он, – пора и за работу. Сколько языком ни положи, в желудке полнее не будет.

Тигхи попрощался и ушел. Его не покидало состояние какой-то странной эйфории. Мир рушился, приходил в негодность, подобно старому часовому механизму. Думая об этом, Тигхи неспешно шел по торговому уступу и вдруг, сам не зная почему, бросился бежать. Быстро спустившись по сплошной лестнице, Тигхи рванул по выступу главной улицы. Его сердце распирало от радости, вызванной отчаянием. Он мчался изо всех сил, широко размахивая руками, мимо прохожих, провожавших его изумленными взглядами. Тигхи бежал так, словно хотел загореться от трения о воздух. Но вдруг оказался в конце выступа и, сделав еще пару широких шагов, резко остановился. Больше бежать некуда.

Вернувшись домой, Тигхи, к немалому своему удивлению, обнаружил деда, который навестил их во второй раз, что было неслыханно. Он сидел в кресле в главном пространстве, рядом с дедом стояла ма. Тигхи ворвался в дом радостный и веселый, слегка вспотевший от бега, лицо его светилось улыбкой. Однако одного взгляда на ма и деда оказалось

достаточно, чтобы улыбка сразу же погасла.

– Привет, дед, – сказал он, – привет, ма.

– Мой мальчик, – произнес дед звонким, торжественным голосом.

Тигхи вспомнил слезу, которая собралась на нижней реснице, капелька прозрачной влаги, вспомнил, как она дрожала на самом краю, как сорвалась и покатилась вниз по сморщенной щеке.

– Дед, – тихо выдавил из себя Тигхи.

– Послушай своего деда, – сказала ма неприятным скрипучим голосом.

– То, что я собирался сказать, не займет много времени, – пообещал дед, вставая с кресла. – Я видел тебя на церемонии, мальчик.

– Да, дед.

– Я опять видел тебя с этой девчонкой. Девчонкой старого Уиттера. Он опасный человек и еретик. Я не хочу, чтобы ты связывался с ним или его дочкой. Это будет лишь на руку моим врагам.

– Тебе понятно? – спросила ма. Ее голос стал еще более неприятным в своей скрипучести. Выражение лица не предвещало ничего хорошего.

Тигхи весь сжался.

– Да, – ответил он. – Д-д-да, я понял.

В наступившей тишине Тигхи слышал, как бьется его сердце. Выдержав непродолжительную паузу, дед заговорил

снова:

– Ты – сын принца этого княжества. У тебя свое место в порядке вещей, а эта девушка ниже тебя.

Дед опять сделал паузу и так пристально посмотрел на Тигхи, что тому показалось, будто взгляд пронзает его насквозь. Затем священник произнес:

– Ну что ж, этого вполне достаточно.

Неуклюже ступая, он направился к двери. Его старые колени издавали скрип.

– Да, этого достаточно.

– Проводи своего деда, – прошипела ма, и Тигхи, дернувшись так, словно ему отвесили пощечину, бросился вслед за старым священником.

Открыв перед ним рассветную дверь, мальчик подождал, пока дед переступит порог и отойдет на несколько шагов, и лишь затем закрыл дверь. Стоя в прихожей, Тигхи никак не решался вернуться в главное пространство. Он знал, что там его ждала ма. Ему отчаянно захотелось выскочить за дверь и бежать, куда глаза глядят; однако бежать было некуда. Ну что ж, подумал Тигхи, раз другого выхода нет, лучше покончить с этим как можно скорее. Он повернулся и понуро поплелся в главное пространство.

– Итак, – начала ма, – ты понял, что произошло?

Она явно чего-то недоговаривала. Тигхи захотелось узнать, что именно.

– Нет, – мрачно ответил он.

– Ты ведь знаешь, не так ли, что мы задолжали твоему деду? Знаешь, что потеря козы поставила нас в очень трудное положение. И теперь он ходит к нам, чтобы унижить меня. Он знает, что мне приходится соглашаться с ним, потому что мы задолжали ему.

Она умолкла, словно ожидала, что Тигхи скажет что-нибудь, но он не знал, что сказать, и опустил глаза.

Ма шагнула к нему. Ее гнев теперь стал очень реальным, очень жгучим; он обладал ее чертами.

– Ты путаешься с этой девчонкой и даешь ему лишнюю возможность унижать меня. Ты это понимаешь? Ты...

У нее перехватило дыхание. Она размахнулась правой рукой. Тигхи отшатнулся в сторону, уклоняясь от удара. Он не хотел этого делать, он знал, что лучше принять этот первый удар и просто рухнуть вниз, на пол, однако ничего не мог с собой поделать. Что-то просвистело мимо носа Тигхи, и на мгновение лицо ма словно окаменело в приступе безграничного, слепого бешенства.

В следующий момент, повинувшись силе инерции, ее тело слегка повернулось вокруг своей оси, и ма что-то забормотала, стараясь удержать равновесие. Тигхи увидел в ее руке камень, плоскую большую гальку вроде тех, что валялись на уступе. Его разум функционировал с удивительной четкостью и сразу же поставил вопрос относительно времени появления камня: то ли мать сходила за ним, пока дед ожидал его, то ли подыскала эту гальку еще раньше и припрятала для

следующего раза, когда ею опять овладеет исступленная злоба. Тем временем ма, сделав шаг вперед и обретя равновесие, уже отвела руку назад для сокрушительного удара. Все мысли в голове Тигхи моментально остановились, замерли, оледенели. На этот раз движение ма сопровождалось скрипучим, берущим за живое криком, выползавшим из широко разинутого рта. У Тигхи достало мужества не сходить с места, пока его висок не ощутил вместе с дуновением воздуха прикосновение чего-то твердого, принесшего с собой острую, невыносимую боль. Удар был такой силы, что Тигхи свалился как подкошенный.

Пол. Тигхи лежал недвижим, как кукла, лишь смутно, сквозь какую-то пелену видя ма. Ее грудь бурно вздымалась. Она никак не могла отдышаться. Сейчас по всем законам должно последовать дальнейшее избиение, однако ма почему-то не спешила дать волю своему гневу и рукам. Она просто стояла и смотрела. Потом повернулась и ушла.

Тигхи лежал на полу, тихий и спокойный, с открытыми глазами. Его взгляд был устремлен в то место, где стена встречалась с потолком. Сначала он ничего не ощущал, потом появилась боль. Она приближалась подобно рокоту далекого грома, становясь сильнее с каждой секундой. Наконец она настигла мальчика и стала сверлить в том месте, куда пришелся удар камня. Он приложил к виску руку: мокро.

На сей раз встать на ноги оказалось труднее обычного. Ноги совсем не слушались. Встав на четвереньки, Тигхи зава-

лился на бок. Отдышавшись, опять встал на четвереньки, а затем медленно и осторожно начал подниматься на ноги. Перед глазами все плыло. Его бросало то вправо, то влево. Тигхи походил на новорожденного козленка, который учится ходить и пробует свои ноги. Все же ему удалось добраться до своего закутка и лечь, точнее, рухнуть на постель.

Однако не успел Тигхи лечь, как в его голове опять начала пульсировать боль. Пытаясь избавиться от нее, он перевернулся на спину и, помогая себе локтями, сел, привалившись спиной к перегородке. Хотелось пить, но из главного пространства доносились звуки шагов ма – видно, ей не сиделось на месте. Она, судя по всему, еще взвинчена, и лучше пока не попадаться ей на глаза.

Что-то защекотало висок и скулу. Тигхи осторожно потрогал это место – пальцы сразу же стали мокрыми, и с них закапало. Мальчик чувствовал какую-то отстраненность от всего происшедшего, от раны, от жары и от крови, струившейся из виска. Вот только от боли, пульсирующей, бьющей толчками, отстраниться было нельзя. Она присутствовала постоянно.

Хотя состояние, в котором находился Тигхи, нельзя назвать сном, его сознание лишилось привычной ясности, и все сжалось, потеряло четкость очертаний и отдалилось. Единственной реальной вещью оставалась боль. Стемнело. Он видел перед собой лишь часть постели. Тигхи попытался поднять руку, но нервы отказались передавать команду. Его тело съехало вниз, и мальчик оказался бессилем предотвратить

свое падение. Ударившись головой о матрац, он почувствовал резкую боль.

Некоторое время Тигхи лежал так, окутанный непроницаемой тьмой, и в голове у него помимо боли присутствовало какое-то странное ощущение падения. Потом кто-то помогал ему сесть и что-то при этом говорил. Эти слова, словно стрелы, пытались пронзить скорлупу боли. Па что-то прикладывал к голове сына. Тигхи никак не мог узнать знакомые черты. Все плыло перед глазами. Глубокие складки от носа к уголкам рта. Слегка выступающий вперед подбородок. Щетина, сотнями мельчайших черных точек покрывшая щеки, успевшая отрасти после утреннего бритья.

Па перевязал его голову какой-то тряпкой, дал воды и несколько стебельков ивовой травы. Пожевав их, Тигхи почувствовал, как боль немного утихла, но не исчезла совсем, отступила на задний план. Благодаря этому он смог лечь и уснуть.

Тигхи проснулся с непривычной сухостью во рту и ощущением слабости во всем теле. Все же ему удалось самостоятельно, хоть и пошатываясь, добраться до семейной раковины и ополоснуть голову. Полегчало.

Бесшумно возникший за спиной отец положил ему на плечо свою мозолистую исцарапанную руку.

– Тебе уже лучше? – спросил он тихим голосом.

– Лучше, – прошептал Тигхи.

Внимательным, испытующим взглядом, словно врач, па

окинул сына с головы до ног, посмотрел ему в глаза и улыбнулся. Во всяком случае, растянул губы таким образом, что это походило на улыбку.

– Твоя голова скоро заживет.

Он не спросил, как сын поранил свою голову. В этом не было необходимости. В течение одного неуловимого мгновения Тигхи ощутил прочность уз, которые связывают па и его отпрыска, родство крови, которое невозможно выразить словами. Он сказал:

– Пойду-ка я подышу свежим воздухом.

– Неплохая идея, – одобрил па.

И Тигхи, пошатываясь, побрел в прихожую, распахнул расветную дверь и, перешагнув порог, уселся на траву. День близился к концу. Тигхи слишком долго провалялся в своем алькове. Солнечные лучи падали теперь совсем отвесно, пробиваясь через высокие облака, отчего казалось, будто свет в буквальном смысле льется с неба, чей розовато-лиловый цвет постепенно переходил в коричневый. Птицы взвивались вверх и камнем падали вниз. Казалось, они вот-вот разобьются о выступ или утес, но один взмах крыльями – и птицы вновь оказывались в свободном пространстве. Они выискивали места, подходящие для ночевки, подальше от опасного соседства с человеком. Сквозь полуприкрытые веки Тигхи следил за их воздушными пируэтами.

В воздухе раздалось шуршание, и на траву в нескольких ярдах от Тигхи сел голубь. Мальчик протянул к нему руку,

но голубь подскочил, взмахнул своими сильными, большими крыльями и исчез.

Глава 8

Дела в деревне шли все хуже и хуже. Акате и его па были вынуждены закрыть свою часовую мастерскую. Па Акате сказал, что у него есть знакомый в Мясниках, который мог бы помочь ему найти там работу. Они заплатили дожу положенный тариф за подъем по лестнице.

Тигхи проводил их обоих.

– Когда вы вернетесь? – спросил он.

– Если дела пойдут на лад, кто знает? – ответил Акате, закинув за плечи свой рюкзак. – Ну а если у нас ничего не получится, через неделю мы уже будем дома и начнем просить милостыню на кусок хлеба у наших друзей, чтобы не умереть с голоду.

При этом он усмехнулся. Усмехнулся и Тигхи, однако за этой шуткой и за слишком крепкими объятиями, которыми друзья обменялись на прощание, стояло отчаяние.

На рыночном выступе теперь было полно людей, слонявшихся в надежде получить работу. Лица некоторых производили удручающее впечатление своей изможденностью и впалыми щеками. Это были люди, которые неделями не ели ничего, кроме травы. Когда Тигхи забредал во время своих странствий на те утесы, где обычно паслись козы стада, ему больше не удавалось побыть в одиночестве. Он теперь то и дело сталкивался там с людьми в рваной одежде и истощен-

ными лицами, которые рвали траву и жевали ее с выражением полной безысходности. Иногда они спрашивали у Тигхи, не знает ли он, где можно найти хоть какую-нибудь работу, но чаще всего просили денег или еды. Тигхи старался избегать встреч с ними. Завидев их, он поворачивался к ним спиной и быстрым шагом направлялся к лестнице, чтобы спуститься на нижний уступ.

Почти целую неделю он не ходил к Уиттеру, а затем случайно повстречал старого торговца обезьянами на рыночном выступе.

– Привет, мой мальчик, – окликнул он его. – Давненько не видел тебя, давненько. Что же ты забыл нас? Моя девочка все время спрашивает о тебе?

Против своей воли Тигхи дал втянуть себя в разговор.

– В самом деле?

– Да чтоб мне провалиться на этом месте.

Тигхи улыбнулся:

– Вообще-то я уже подумывал о том, чтобы сегодня спуститься к вам. Сейчас мне нужно купить свечку, но я мог бы навестить вас попозже.

– Лучше вечером, – сказал старый Уиттер и сплюнул. Что бы он ни жевал, слюна у него всегда была черная. – Сейчас она на Раитвордских утесах, собирает корм для обезьян. Заходи вечером. Что у тебя с головой, парень?

– Ударился о дверь, – автоматически ответил Тигхи.

При мысли о том, что он снова увидит Уиттершу, все тело

наполнилось светом и возбуждением. Однако ко всему этому примешивалось тяжелое чувство страха: ведь это серьезный проступок с его стороны, и притом преднамеренный. Однако совсем не обязательно, чтобы дед узнал. Ма тоже об этом знать не нужно.

Большинство торговцев на торговом уступе уже закрыли свои заведения, однако ма приказала ему принести свечку, и Тигхи отправился в свечную лавку, которая принадлежала женщине по имени Анши. Женщина имела давние связи с семьей Тигхи. Свечи делали главным образом из восковых секретий, которые соскребали с листьев некоторых растений, однако в таком деле нельзя было обойтись без определенной добавки козьего жира. Этот ингредиент придавал твердость конечному продукту. Ма сказала, что Анши отдаст ему свечку в зачет долга, являвшегося частью сложной системы взаимных обязательств. Тигхи охотно согласился забрать ее. Подойдя к свечной лавке, он увидел Анши, которая стояла, прислонившись спиной к двери, и курила.

– Доброго здоровья вам и привет, – сказал Тигхи, немного оробев. – Я пришел за свечкой. Моя ма сказала, что вы с ней обо всем договорились.

– Я принесу, – проговорила она. – Я сделала ее для твоей ма несколько дней назад. Я ждала тебя.

Анши зашла в свою лавку и, вернувшись со свечой, вернутой в травяную ткань, с улыбкой подала ее мальчику. Тигхи улыбнулся в ответ.

Он не спешил возвращаться домой. Отыскав расщелину на не слишком людном уступе, Тигхи забрался туда и стал смотреть в бледнеющее полуденное небо, по которому мчались облака костно-серого цвета. Он поиграл со свечкой, увесистой, как камень. Вдавил ноготь большого пальца в ее податливую поверхность. Как свеча могла иметь вес камня, но не его твердость? Интересный вопрос. Стало быть, воск состоит из другого вещества, не такого, как то, из которого сделан камень. Два разных вещества. Тигхи поразмышлял немного над тем, сколько же в природе различных веществ. Например, воздух и вода; затем хрупкие, твердые и мягкие субстанции. Однако эти мысли слишком утомляли его, и Тигхи оставил их. Его лицо нагрелось на солнце. Мальчик рассеянно поковырял мизинцем в носу.

На уступе вдруг появилась обезьяна, которая бежала, отталкиваясь задними конечностями и припадая на передние. Она исчезла прежде, чем Тигхи успел разглядеть, есть ли на ней ошейник.

По земле деловито сновали муравьи. Один за другим ползли они между травинками. Тигхи попытался представить мир, спустившись до их уровня. Должно быть, стебельки травы им кажутся огромными столбами, а крупинки грязи – большими валунами. Как же они тогда воспринимают Вселенную? Как плоскую поверхность, созданную неким Муравьем-Богом величиной с человека и усеянную огромными стволами травы?

Тигхи опустился на колени и пригляделся получше. Муравьи были красно-черные. Их щитки, раскрашенные полосками этих цветов, поблескивали, словно были из пластика. У каждого муравья на голове подрагивали нити-руки. Языки? Глаза на стебельках?

Однажды дед сказал, что у Тигхи мысли работают не в том направлении. Вместо того чтобы познавать Бога и держать язык за зубами, он слишком много времени тратит на то, чтобы задавать вопросы, на которые нет ответов.

Тигхи вздохнул. Пора идти домой. Он поднял с земли свечку и стряхнул с нее муравьев.

Мальчик шагал по тропинкам, истертым в пыль сотнями ног, тропинкам, врезавшимся в его память настолько, что он мог пройти по ним с закрытыми глазами. Однако он не стал закрывать глаза. Край почти рядом, и любого всегда подстерегает опасность подойти к нему слишком близко и, потеряв равновесие, свалиться в бездну. При мысли об этом у Тигхи опять неприятно свело внизу живота, и он выбрал тропу, которая проходила ближе других к всеяющей уверенностью и спокойствие стене.

Спустившись по крутой лестнице, он оказался на выступе главной улицы. Лицо мальчика настолько примелькалось в этой части деревни, что несколько скитальцев даже помахали ему. Однако он лишь ускорил шаг и не стал отвечать на приветствия. Вперед, к концу выступа, вверх по общественной лестнице, зигзагом по верхним, коротким уступам, туда,

где его дом.

От быстрой ходьбы Тигхи стало жарко, и приходящая обдала его приятной прохладой. Резкий переход от яркого солнца к домашнему полумраку на несколько мгновений ослепил его, однако глаза мальчика вскоре приспособились к новым условиям.

Он громко произнес:

– Ма, я принес свечку, – и прошел в главное пространство. Там никого не было.

Очень странно. В последнее время ма практически не покидала дом. Тигхи зашел в кладовку, располагавшуюся в задней части дома. Она была практически пуста, если не считать нескольких соленых козых лопаток, лежавших у стены. Выйдя из кладовки, Тигхи направился на кухню и немного поел. Свечка, все еще не распакованная, лежала на столе. Повинуясь безотчетному импульсу, Тигхи снял с нее обертку. Анши украсила свечу красной спиралеобразной полосой, что говорило об уважении, которое она питала к семье Тигхи. Ведь она могла бы дать им простую свечку и расквитаться с долгом, однако предпочла вложить в это изделие частичку лишнего труда.

Где же ма, не переставал удивляться Тигхи. Ее отсутствие начинало беспокоить мальчика. Он попытался нарисовать в своем воображении место, куда она могла пойти, однако никакие образы не являлись в голову. Это еще больше беспокоило его. Тигхи закрыл глаза и попытался вызвать в своей па-

мяти хотя бы образ самой ма. То, что произошло, было еще более странным. Он пытался нарисовать ее лицо, глаза, нос, рот, однако образ постоянно ускользал из его головы. Уиттерша. Другие женщины из деревни. Кто угодно, только не его ма. От умственного напряжения у Тигхи начал пульсировать висок в том месте, куда пришелся удар камня. С ощущением боли к нему вдруг вернулся поразительный в своей четкости визуальный образ его ма. Отведя назад руку с зажатым в ней камнем, она вся напряглась от желания попасть в цель и ударить как можно сильнее. Лицо ма потемнело от гнева, губы сжались в тонкую прямую линию, и вся она представляла собой воплощение беспредельной злобы.

Тигхи поспешил прогнать этот образ из памяти.

Он должен найти свою ма. Где же она может быть? Деревня небольшая, и ему не составит особого труда найти ее. Необъяснимая тревога перешла в дурное предчувствие, которое стальным обручем сжало сердце.

Куда же, в конце концов, подевалась ма? Тигхи доел горбушку хлеба из травяной муки и запил водой, которую зачерпнул кружкой из чана. Затем вышел из дому и отправился в сторону, противоположную той, откуда он незадолго до этого пришел. Тигхи полагал, что его па все еще работает в доме на верхнем выступе.

Путь туда был очень сложным. Тигхи пришлось сначала спуститься на несколько уровней, а затем уже подниматься. Он миновал дома, принадлежавшие самым состоятель-

ным людям в деревне. Их широкие и высокие двери выходили на просторные уступы. Все они сделали свое состояние на козах. Их стада насчитывали не один десяток животных. Они были настолько богаты, что могли позволить себе держать привратника, мужчину или женщину в обносках, которые сидели на корточках у рассветных дверей и отгоняли прохожих. На глазах Тигхи несколько нищих приближались к одной особенно роскошной двери несколько раз кряду, как назойливые мухи, и крикливый привратник, вооружившись дубинкой, каждый раз отгонял их. Нищие бросались врассыпную и занимали места у края уступа. Спустя некоторое время они опять собирались в кучу и повторяли попытку. Тигхи, проходя мимо, подивился их настойчивости. Как они могут надеяться, что им разрешат попрошайничать у чужих дверей? Лишь крайнее отчаяние способно так сильно затмить разум.

Лужайка на верхнем уступе была скошена особым узорчатым образом. Специально нанятый садовник регулярно косил траву, а затем накладывал на скошенные участки доски в виде ромбоидального орнамента. Ходить ногами по такому красивому газону казалось святотатством. Неудивительно, что привратник, стоявший у дверей старой Мае, окинул Тигхи враждебным взглядом.

– Убирайся! – пролаял он. – На этом уступе нечего делать всяким праздношатающимся мальчишкам.

– Я не мальчишка, а юноша, почти уже мужчина, – с досто-

инством парировал Тигхи. Он был единственным отпрыском принца во всем княжестве и по своему статусу стоял гораздо выше какого-то привратника. – Я ищу своего па. Между прочим, он принц, и лучше будет, если вы впустите меня, чтобы я переговорил с ним.

– Ты хочешь поговорить со своим па? – удивленно переспросил привратник.

Тигхи несколько раз видел этого человека на рыночном выступе, но не знал его имени.

– Я знаю, что он работает на доме старой Мае.

– Я знаю его, я знаю старого Тигхи, – произнес привратник. – Он работал здесь с неделю или около того.

– Ну вот, работает и сейчас. Я думаю, сегодня он пришел сюда с моей ма, наверное, она помогает ему.

Издав короткий смешок, привратник закашлял, потом сплюнул.

– Твоей ма здесь нет, – заявил он уверенным тоном, – как нет и твоего па. Моя хозяйка очень недовольна им. Ведь она пошла ему навстречу. Проявила к нему доброту, а он отплатил тем, что не явился на работу.

– Что вы хотите сказать?

Привратник поковырял в зубах ногтем, опять сплюнул и проговорил:

– А ты туповат для сына принца.

Он ослабился в ехидной усмешке.

– Мой па сегодня не приходил на работу?

– Ты что, глухой? Я же так и сказал. Хочешь, чтобы я прокричал это тебе в ухо?

Тигхи поспешил прочь.

Теперь он совсем потерял голову от страха. Па никак не мог не явиться на работу. Так уж он скроен, его па. Тигхи сломя голову слетел по крутым, без площадок между пролетами лестницам, соединявшим уступы, а затем помчался по выступу главной улицы. Женщина по имени Бек ходила среди скитальцев, сидевших на земле, с противнем свежеиспеченного травяного хлеба и котлетами из мяса насекомых. Деньги были у немногих, да и то небольшое, что у них имелось, бродяги приберегали на оплату прохода по лестнице дожа, чтобы добраться до Мясников и найти там более или менее подходящую работу. Мрачные, исхудавшие лица с ввалившимися глазами двигались влево-вправо: «Нет, спасибо». Некоторые закрывали глаза и поворачивались к стене, как бы отрицая само существование пищи. Однако время от времени кто-нибудь из скитальцев все же не выдерживал и уступал чувству голода, отдавая последние деньги ради проходящего удовлетворения ощутить сытость хотя бы на час, порадовать язык вкусом хлеба.

Тигхи тронул Бек за руку.

– Привет, Бек, – сказал он. – Ты здесь крутишься весь день?

– С тех пор, как на рассвете улегся ветер. А что?

– Ты, случайно, не видела, мой па не проходил здесь? И

возможно, с ним была моя ма?

Бек посмотрела на Тигхи каким-то особенным образом.

– Вкусная пища! – возвестила она громким голосом. – Работать всегда лучше на полный желудок! Вы это прекрасно знаете, уважаемые господа и дамы!

Затем уже гораздо тише добавила:

– Вот что я скажу тебе, малыш, я не видела, чтобы твоя ма выходила из дому последние несколько месяцев. Особенно с тех пор, как вы потеряли ту козу, что свалилась с края.

– Но мой па? Ты же не могла не видеть его этим утром? Он должен был проходить здесь по пути на работу?

– Я вижу его почти каждый день, – ответила Бек, – но сегодня он не проходил. И даже сама мысль о том, что твоя ма могла показаться на выступе главной улицы, кажется невероятной, думается мне.

– Ты могла не заметить его.

Бек отхаркалась и выплюнула мокроту.

– Если бы я не замечала проходящих здесь людей, я бы разорилась вчистую, – сказала она. – Нет, он не проходил здесь.

Последние слова Тигхи услышал уже на бегу. Но он не знал, куда бежать. Если па не проходил по выступу главной улицы, значит, он должен быть где-нибудь на Левосторонних уступах, однако они были слишком узкие, и вряд ли па стал задерживаться на них. Вверх по Левосторонней лестнице и к козьему загону. За козами здесь присматривал человек, у

которого не было одной руки. Его звали Ротрок. Завидя Тигхи, он сразу же выскочил из пещеры.

– Думаешь, твоя семья может бросить на меня коз и забыть обо всем? – заорал он.

– Ты видел сегодня моего па? – завопил Тигхи, уворачиваясь от руки, которую Ротрок раздраженно выбросил вперед. – Ты видел мою ма?

– Утром приходила Делеша, – прорычал Ротрок. Делеша была девушкой, которая пасла их коз после того, как прогнали Кару. – Все было как обычно: она пришла, и мы с ней стали ждать твоего па. Но он не появился. Без твоего па я не мог отдать ваших коз этой девушке – а вдруг что-нибудь случилось бы? Поэтому она пошла его искать. Потом вернулась и сказала мне, что ваш дом пуст. И вот эти козы остались здесь на целый день, и меня уже тошнит от них. Это же загон для коз, а не пастбище. Здесь им нечего есть, и они ломают изгородь. И все время блеют. Я вовсе не должен сидеть здесь весь день – у меня есть и другая работа.

Сказав это, Ротрок скорее всего приврал. Он должен благодарить судьбу за единственную работу, которая у него уже была, учитывая его увечье. Скорее всего он целыми днями только и делал, что дремал на солнце. Дурное предчувствие, острое и резкое, овладело Тигхи целиком, без остатка. Он внезапно почувствовал себя совсем юным и маленьким, а не восьмилетним юношей, почти мужчиной. Случилась какая-то беда. Па всегда приходил утром проверить коз и пере-

дать их тому, кто должен пасти их в течение дня. Все благо-
состояние семьи зависело от коз. Даже на мгновение невоз-
можно было представить себе, чтобы о них забыли.

– Где же па? – прерывисто дыша, выпалил Тигхи.

– Откуда же мне знать. Да и какое это имеет значение? –
выкрикнул Ротрок, оживленно жестикулируя единственной
рукой. – Что делать с козами? Они не могут оставаться здесь
весь день. Забери их – отведи на пастбище, и пусть они там
наедятся травы до отвала.

Но Тигхи уже был далеко. Он вспомнил, что в деревне
есть еще одно место, где мог оказаться его па. Мальчик ды-
шал часто и тяжело, как загнанное животное, но не от на-
пряжения. Он шел довольно медленно, не бежал. Задыхался
он от страха. Именно поэтому и не бежал: где-то на задвор-
ках сознания гнездились зачатки зловещих мыслей, и некий
внутренний голос нашептывал не ходить туда. Какая-то его
часть не хотела обнаружить, что па и ма там нет. Потому что
если их там нет, значит, их вообще нет в деревне, а если они
оставили деревню, значит, безымянная, бессловесная пусто-
та разбухла и, перевалив через край уступа, подобно огром-
ному бесцветному и бесформенному языку, слизнула их в
ничто. Тигхи был не в силах думать об этом. Он гнал от себя
ужасную мысль.

Дом, принадлежавший деду, находился в дальнем конце
выступа главной улицы, там же, где и дом дожа. Тигхи очень
редко посещал его, а последний год и вообще ни разу там

не был.

Изнутри послышался голос деда. С тех пор как умер Констак и его сожгли на погребальном костре, дед редко показывался в деревне. Однако в его голосе чувствовалась сила и энергия:

– Если хочешь постучать, так стучи, а не скребись, как обезьяна.

– Дед, – воззвал к нему Тигхи, – па у тебя? Ма с ним? Я пришел поговорить с ними.

– Что ты мелешь? – отозвался дед. – Твои па и ма никогда не приходят сюда. Боже упаси, чтобы они когда-либо стали утруждать себя и оказывать мне такую честь. Что ты говоришь?

– Дед, – еще раз воззвал к нему Тигхи. К своему удивлению, мальчик обнаружил, что его голос дрожит. Он заплакал. – Дед?

Тишина. Затем... «Входи, отрок». И, подняв щеколду, Тигхи шагнул вперед, погружаясь в дымную темноту дома деда.

Глава 9

В жизни Тигхи наступили перемены, но не к лучшему. Первое время он корил себя, думая, что если бы тогда не проводил бесцельно время на уступе, наблюдая за муравьями, а сразу пошел со свечкой домой, то, возможно, ему еще удалось бы застать своих родителей до их исчезновения. Мальчику постоянно являлись видения, в которых ма и па в тишине, царившей в доме, собирали вещи в сумки. Однако это не соответствовало действительности, потому что родители не взяли с собой ничего. Ни одна вещь не пропала. Все в доме оставалось, как раньше. Тигхи все еще цеплялся за надежду, что па и ма живы. Очевидно, существовала какая-то очень веская причина, раз родители покинули дом впопыхах, не взяв с собой ничего и не предупредив сына. Они специально послали его за свечкой, а затем без лишнего шума растворились в неизвестности.

– Куда они могли пойти? – спросил он как-то раз деда.

Прошло всего лишь несколько дней после исчезновения па и ма. Сначала Тигхи по простоте душевной изливал свою грусть деду. Потребовалось некоторое время, пока он научился прятать свои истинные чувства.

– А вдруг они отправились в Мясники, как ты думаешь?

У деда был посох из настоящего дерева. Тигхи часто видел, как он носил его с собой. Раньше Тигхи не обращал на

посох особого внимания, полагая, впрочем, что он имел какое-то религиозное предназначение. Теперь он обнаружил, что эта штука обладает и другими функциями. Дед имел обыкновение, придя в негодование по тому или иному поводу, хвататься за посох и награждать юношу ударами по туловищу или даже голове. Несмотря на то что у посоха был тупой конец, удары причиняли нестерпимую боль. В последнее время дед использовал посох подобным образом все чаще и чаще.

– Твоим па и ма не следовало бы бросать свою деревню, – заявил он, глядя на Тигхи, скулившего и корчившегося от боли на полу.

Затем прошествовал к выходу.

Может показаться странным, но исчезновение родителей Тигхи вызвало у деда прилив жизненных сил. Безвылазно просидев дома целый месяц, старик внезапно появился на людях и развил бурную деятельность. Первым делом он предъявил права на коз – хотя по закону козы должны были являться собственностью Тигхи. Юноши могли наследовать имущество, если деревня считала их достаточно возмужавшими, а Тигхи до совершеннолетия оставались считанные месяцы. Однако дед просто-напросто загреб себе коз. Явился к козьему загону вместе с одним из своих помощников и объявил старому Ротроку, что козы принадлежат ему. Он отказался от услуг пастушки и поручил уход за животными своему помощнику.

Вслед за этим дед наложил лапу на имущество, остававшееся в опустевшем доме. По его приказу было объявлено о продаже всех вещей, принадлежавших принцу и его семье. Поскольку деревня и так переживала не лучшие свои времена, покупателей нашлось немного, и большая часть вещей перекочевала в собственный дом деда, который по размеру уступал дому принца, и теперь в нем было не повернуться. Из разговоров с людьми, которые побаивались проповедника и потому старались не слишком распространяться насчет его делишек, Тигхи все же узнал, что дед пытался продать пустой дом. С этой целью он поднимался на верхний уступ и предлагал дом в обмен на коз, желая увеличить свое и без того большое стадо.

Однако дома не пользовались спросом. В поисках лучшей доли люди начинали покидать деревню и перебираться вверх по стене в Мясники и Жмыхи. Население таяло на глазах, и уже несколько домов пустовало. Несмотря на то что коренных жителей становилось меньше, общее количество людей в деревне не только не уменьшалось, но даже увеличивалось за счет переселенцев, двигавшихся вверх по стене из Плавильни и Сердцевидного Уступа. Однако у этих несчастных скитальцев не было денег на покупку дома – иначе они никогда не покинули бы насиженных мест.

Вначале Тигхи находился под впечатлением от пропажи своих па и ма и потому безучастно наблюдал за махинациями деда, пропуская их мимо своего внимания. Разумеется,

он мог бы опротестовать действия старика. Такая мысль приходила мальчику в голову. Он мог бы пойти к дождю и попросить вынести свое официальное постановление. Однако дождь и его дед были друзьями, соседями, и такой шаг ни к чему не привел бы. В действительности возня с его имуществом мало заботила юношу. Вместо этого он то и дело прокручивал в голове различные варианты судьбы своих родителей. Он рисовал их в своем воображении тихо и незаметно ускользающими из дома и из деревни. Но ведь никто не видел, как они уходили, никто не видел, как они проходили по рыночному выступу, да и сам дождь утверждал, что в то утро не получал платы за подъем по лестнице, а значит, никто не направлялся в Мясники.

Может, они переоделись и, проскользнув незамеченными по людному рыночному выступу, пробрались вниз по утесам на Сердцевидный Уступ, хотя с какой стати кому бы то ни было могло понадобиться спускаться в деревню, где, по словам скитальцев, люди уже начали умирать от слишком скудной пищи? Их рацион состоял из одной травы. Возможно, размышлял Тигхи, они отправились еще ниже. Там, внизу, стена становилась более ровной и отвесной, и все полагали, что в конце концов все тропы и утесы сходят на нет, превращаясь в абсолютно гладкую поверхность. Однако из уст в уста передавались рассказы путешественников, до неузнаваемости искаженные и ставшие легендами. В них говорилось о трудных дорогах и невероятных возможностях для искате-

лей приключений и первопроходцев, которые отваживались забраться столь далеко вниз. Возможно, его родители – хотя это так непохоже на них! Но, возможно... – поддались соблазну, заключающемуся в этих историях.

Да, подумал про себя Тигхи, потеря козы пробила огромную брешь в их финансах. Нищета, в которую погрузилась деревня, не позволяла родителям поправить дела и обрести прежний статус. Может, они отправились на поиски новых сокровищ. И вернуться с мешками соли, металлов, пластика и прочих ценных вещей. Вернутся на следующей неделе во главе каравана слуг, несущих сумки и узлы с сокровищами, и возродят деревню, а его па утвердится в положении принца, окруженный новым величием.

На этой стадии буйных фантазий Тигхи обычно прошибала слеза, потому что, строя воздушные замки все выше и выше, он в глубине своего сердца понимал, что все это нереально. Юноша плакал еще и потому, что в самой глубине его мечтаний присутствовало ничто, невыразимая пустота, которая поглощала образ его ма и па.

Это была правда, но говорить о ней было нельзя.

Как-то на выступе главной улицы собралась едва ли не половина всех жителей деревни Уютный Утес. Дед Джаффи и Тигхи заставил явиться туда, доверив попечению своих двух помощников.

– Веди себя прилично, когда я буду выступать перед деревней, парень, – сказал он Тигхи, прежде чем выйти из до-

му.

Чтобы слова оказали должное воздействие, дед сопровождал их наглядным примером. Он приказал Тигхи высунуть язык изо рта и затем больно ухватил его большим и указательным пальцами.

– Так ты будешь вести себя тихо и спокойно?

Тигхи выразил согласие мычанием, поскольку ни говорить, ни даже кивнуть с языком, зажатым таким образом, был не в состоянии. И потому, когда они пришли на выступ, юноша оказался между двумя помощниками деда, которые время от времени пинали его ногами по голеньям или щипали за руки повыше локтей, чтобы он не вздумал своей болтовней нарушить общее спокойствие.

Дед обратился к собравшейся толпе:

– Княжеству необходим принц, – начал он. – Немногие станут отрицать этот факт. И все же, можем ли мы быть уверены, что наш принц покинул нас навсегда? Трудные времена стали, трудные времена.

Люди согласно кивали и, повторяя фразы из речи деда, эхом вторили ему. Трудные времена, это верно. Да, княжеству необходим принц. Можем ли мы быть уверены?

– Я говорю, – разглагольствовал дед, воздев к небу обе руки, – что нашему княжеству нужен принц. К концу этого года юноша, мой внучатый отпрыск, достигнет совершеннолетия и тогда сможет возложить на себя бремя этих обязанностей – если наш принц не вернется. Если он не вернется, давайте

в конце года коронуем этого юношу, сделаем его принцем.

Это событие должно было произойти через десять месяцев после достижения Тигхи совершеннолетия, однако юноша ничего не сказал. В толпе раздался одобрителный ропот.

– А до того времени, – сказал дед, понизив свой голос и уронив руки, – я – ваш священник, ваш посредник между Богом и людьми, – буду заботиться об этом юноше. Он будет жить в моем доме, мой собственный внук.

Кто-то издал радостное восклицание, за которым последовали сдержанные аплодисменты. Однако к этому времени собравшиеся ощутили на себе первые редкие капли влаги, конденсировавшиеся в воздухе, которые вскоре перешли в морозящий дождь. Люди стали расходиться в поисках укрытий. Помощники деда ухватили Тигхи за наиболее чувствительные части его рук, ближе к подмышкам, при этом постаравшись (во всяком случае, так показалось юноше) запустить ему в кожу ногти, и практически поволокли его назад, в дом деда.

Дом его родителей, освободившийся от всякой мебели и утвари, быстро пришел в негодность. Тигхи спал в главном пространстве дома своего деда, свернувшись калачиком на жестком полу. Днем он отчаянно хандрил взаперти, пока дед расхаживал по деревне, улаживая проблемы, возникшие в связи с переходом к нему имущества исчезнувшего принца. Иногда к деду обращались люди, считавшие, что имеют законное право претендовать на часть козы или даже на целую

тушу. В деревне шли постоянные, хотя и подспудные споры насчет того, могут ли быть унаследованы долги. Однако дед переговорил с дожем, и тот объявил, что закон не допускает таких вещей. Кроме того, люди в большинстве своем сильно побаивались деда.

Вообще-то закон был чрезвычайно запутанным и допускал разные толкования. Если родители Тигхи действительно мертвы, значит, с ними умерли и их долги. Однако возражали кредиторы, явных и недвусмысленных доказательств их смерти никто представить не мог. Дед не унаследовал их имущество, он просто опекал его до их возвращения, а стало быть, к нему переходила ответственность не только за животных принца, но и за его долги. Дожд действовал по закону, однако это не помешало некоторым жителям деревни явиться к дому деда и барабанить в двери, требуя уплаты. Многие боялись деда, но кое-кто решил бросить ему вызов. Тяжелые времена сделали людей отчаянными. Эти моменты, когда кредиторы ломались в дверь, были одними из самых тяжелых в жизни Тигхи.

– А ну, выходи, хитрый поп! – кричал, бывало, кто-нибудь снаружи. – Твоя дочь все еще жива, прячется где-то, значит, живы и ее долги!

Однако слова эти, произнесенные вслух, оказывали обратное воздействие на воображение Тигхи; ему было гораздо труднее вытравить из своего сознания мысль о том, что его па и ма мертвы.

Мертвы. Упали к Богу, находящемуся на дне мира.

Деду, должно быть, еще тяжелее, размышлял Тигхи. Если его дочь и муж его дочери действительно упали с мира, значит, их души не вознесутся на небеса. Ведь деревня не может сжечь тела и вместе с дымом послать их души на небо. Однако деда это, похоже, не беспокоило. Он ходил по деревне и занимался своими делами. Копил богатство, делая это во славу Бога. Так, во всяком случае, он говорил.

Люди боялись деда, и Тигхи знал почему. Стоило деду бросить на юношу хотя бы мимолетный взгляд, как того передергивало, как от острой зубной боли. Он орудовал своим деревянным посохом не хуже молодого мужчины и очень метко тыкал его концом в тело или лицо Тигхи. Один раз дед так сильно избил юношу, что у того оказалась сломанной скуловая кость. Тигхи был в этом совершенно уверен: боль в скуле была очень сильной и не утихала много часов.

Тигхи пытался не попадаться деду на глаза, вообще не привлекать к себе его внимания. Однако он скучал по родителям, и время от времени чувства брали верх над благоразумием. Однажды Тигхи сказал:

– Может быть, мои па и ма незаметно проскользнули по лестнице дожа.

Дед злобно воззрился на него, посасывая свою грассвидовую трубку.

– Гм?

– Может, они переоделись и поднялись в Мясники. Или у

них была договоренность с дожем...

Деду пришлось наклониться вперед, чтобы дотянуться до посоха.

– С тобой говорили мои враги? Нас с дожем связывает дружба, причем очень давняя, – прорычал он, вставая. При этом его суставы издали страшный скрип. – Ты осмеливаешься предположить, что дож мог солгать мне?

Удар посохом пришелся по левому плечу Тигхи.

Если дед днем оставался дома – а такое иногда случилось, – Тигхи незаметно выскользнул из дому и бродил по деревне, как и раньше. Сначала он шел от утеса к утесу, проверяя один уступ за другим, тщательно прочесывая всю деревню, словно надеясь случайно натолкнуться на своих па и ма, смеющихся вместе, выходя из чьего-нибудь дома, или сидящих на солнышке рука об руку. Тигхи действовал методично и последовательно, идя от нижних уступов к верхним или наоборот.

Иногда он навещал свой старый дом. Рассветная дверь была сломана. Очевидно, это сделали скитальцы. Судя по всему, кто-то прошел по всему дому в поисках пищи или чего-либо на продажу. Однако ни пищи, ни вещей, которые имели бы хоть какую-то ценность, здесь давно уже не было и в помине. Об этом позаботился дед. Когда Тигхи вернулся домой в первый раз после исчезновения родителей, у юноши теплилась мысль, что здесь ему будет уютнее и спокойнее, чем в доме деда, где даже воздух был наполнен враждебно-

стью. Он свернулся калачиком в своем алькове, в том самом пространстве, где спал с тех пор, как был мальчиком, и попытался потерять сознание. И поплыл по волнам своей памяти, преследуемый кошмарами, от которых неприятно сводило внизу живота. Падение. Лицо ма, искаженное агонией гнева. Приступ бешенства, и он тому причиной. Расчлененные, размозженные остатки их тел, разбросанные по краям уступов и утесов.

– Ты шатаешься по деревне, как скиталец, – как-то вечером рявкнул на него дед.

Пища в его доме была скудной и не такой вкусной, как та, к которой привык юноша. Тигхи по-прежнему пил козье молоко, и дед выпекал из травяной муки формовой хлеб. Однако в нем совсем не было семян, а вкусные насекомые, которые ма запекала в неограниченном количестве, попадались лишь изредка. Когда дед сказал это, Тигхи сидел на полу, поджав под себя ноги, и жевал кусок недопеченного хлеба.

– Ты слышишь меня? – повторил дед громче. – Ты шатаешься по деревне совсем как бездомный скиталец.

– Да, дед.

– Это должно прекратиться. Мы подыщем тебе работу. Ты уже достаточно взрослый, чтобы работать. До сих пор ты вел жизнь без тревог и забот. Ну что ж, пора тебе перестать быть мальчиком и становиться мужчиной, трудом зарабатывать себе, на жизнь.

Тигхи чуть было не спросил, не означает ли это, что, бу-

дучи мужчиной, он унаследует княжество своих родителей и даже их имущество, но вовремя прикусил язык. Дед впадет в бешенство, и его деревянный посох изрядно погуляет по спине юноши. И дело вовсе не в том, что Тигхи это здорово задевало за живое. Его нисколько не беспокоило, станет он принцем или нет. Что проку? Юношу не волновало даже то, что дед присвоил себе коз, принадлежавших его семье. Все равно он не знал, что делать с козами, как ухаживать за ними или как ими торговать.

– Ты больше не спускаешься в обезьяньи хоромы этого еретика? – угрожающим тоном спросил дед.

– Нет, дед.

– Ладно. Мне бы не хотелось услышать от людей, что ты бываешь там. Это придало бы жара моим врагам. Теперь ты под моей опекой, и я намереваюсь учинить за тобой надлежащий присмотр. Твоя ма слишком миндальничала с тобой, вот ты и распустился.

– Да, дед.

– Я не буду смотреть сквозь пальцы, если узнаю, что ты по-прежнему якшаешься с этим вредным еретиком.

Тигхи и в самом деле давно уже не бывал у старого Уиттера. С тех пор как исчезли родители, прошло две недели, и все это время у Тигхи ни разу не возникло желания спуститься по лестнице. Вместо этого он мечтал о Уиттерше. Его мысли были полны этой призрачной, воображаемой девушкой, когда юноша ложился спать на полу дома деда. Накрывшись

ковриком, сплетенным из стеблей травы, Тигхи крепко сжимал свои бедра, сунув между ними руку, и очень осторожно, постепенно напрягал свои мускулы. Давление, которому подвергался конец его вика, приводило к тому, что он становился жестким и твердым, как пластик, и Тигхи закрывал глаза и рисовал в своем воображении образ Уиттерши, ее приятную, бархатистую на ощупь кожу, обнаженное тело, скрытое под грубой тканью юбки, лукавую улыбку. Когда ее лицо озарялось этой улыбкой, вик избавлялся от своего груза, а в душе юноши вдруг вспыхивал ослепительно яркий солнечный свет, который заливал ее всю без остатка. Тело Тигхи содрогалось в невыразимо приятных конвульсиях, а волосы на животе склеивались от излившейся на них густой липкой жидкости.

Как-то вечером он лежал, свернувшись калачиком, в своем уголке, и случайно подслушал разговор, который вел дед со своими двумя помощниками. Они намеревались зарезать козу и устроить праздник. Тигхи изумился и вознегодовал. Зарезать козу могли позволить себе лишь самые богатые семьи в деревне, если им нужно было отпраздновать какое-то важное событие в своей жизни, свадьбу например, и животное забивали, чтобы накормить большое число гостей. Однако чтобы человек, занимавший такое положение, как дед, и в такое время, как сейчас, когда его дочь и зять, возможно, погибли и их души витают неизвестно где, за краем мира, мог решиться на такой шаг... это казалось Тигхи непо-

стижимым и кощунственным. Из того, что подслушал Тигхи, явствовало, что дед и его приспешники ломают голову главным образом над тем, как избежать нежелательной для них реакции со стороны жителей деревни. Несколько раз в разговоре упоминалось о дожде.

В конце концов, одурманенный дымом, изрыгавшимся сразу из трех трубок, Тигхи погрузился в сон. А утром обнаружил, что не может встать. Все казалось бессмысленным. Его па и ма умерли. Исчезли навсегда. Так о чем теперь беспокоиться? В голове юноши было такое ощущение, словно там пылал костер, который оставил в его мозгах сухой, горячий пепел. Он перевернулся на спину и застыл в болезненной неподвижности.

Пришел дед и, застав его в таком состоянии, поднял с пола несколькими хлесткими ударами посоха. Заскулив, как обезьяна, Тигхи кое-как поднялся на ноги и побежал зигзагами, уклоняясь от посоха, пока не выскочил за дверь. Вслед ему звучал голос деда:

– Скоро мы найдем тебе работу.

Яркое солнце ударило по глазам, и Тигхи часто заморгал. Делать было нечего, и он отправился бродить по выступу главной улицы. Скитальцев здесь стало еще больше, чем раньше. Они сидели на корточках на земле или прислонившись спиной к стене. Скучные, мертвые лица, глаза, смотревшие в никуда. Тигхи так и подмывало крикнуть им:

– Моя ма исчезла. Она исчезла навсегда.

Ему стоило немало труда перебороть в себе это желание, которое свербело в мозгах, пронизывая их насквозь. Во рту пересохло. Тигхи двигался вкривь и вкось шатающейся, вихляющей походкой и однажды оказался даже у края выступа. Он думал про себя: «Если я упаду, значит, упаду. Так тому и быть».

Вслед за этой мыслью появилась другая: «Надеюсь, что я упаду. Надеюсь, что я умру».

Может быть, он, падая, долетит до самого основания стены, туда, где живет Бог, хотя дед отрицал это. Однако реальное ощущение близости края мира было не слишком приятным: внизу живота противно засосало, и ноги сами, не подчиняясь мыслям, увели юношу в сторону и не дали случиться непоправимому, великому падению.

Ему захотелось есть. Прележав на полу все утро, он пропустил завтрак. Казалось, желудок кто-то стиснул в кулаке. Однако у Тигхи не было денег, а возвращаться в дом деда, чтобы найти там что-нибудь перекусить, ему не хотелось. Спина все еще ныла от ударов посоха. Тигхи бесцельно шатался взад-вперед по выступу, не имея конкретного намерения пойти куда-либо. Затем он уселся на землю на левой стороне выступа главной улицы и приставил ко лбу ладонь, чтобы солнце не слепило глаза. В небе кружили стаи птиц, образуя самые разные узоры. Они то слетались вместе, то разлетались во все стороны. На его плечо легла чья-то рука.

– Ну, парень, вот мы и встретились снова.

Это был старый Уиттер.

– Привет, – сказал Тигхи, слегка прищурившись.

В руках у Уиттера был маленький мешочек соли.

– Понимаешь, обезьянам соль нужна не меньше, чем нам, людям, – сказал он. – Сегодня приходил торговец и приносил огромный рюкзак с ней. К тому же и цены на соль упали.

– Я голоден, – пожаловался Тигхи.

– Пошли к нам, – предложил Уиттер. – У нас найдется что перекусить. Моя девочка все время спрашивает о тебе.

Словно в тумане и все же полностью отдавая себе отчет в том, что совершает очень серьезный проступок, Тигхи последовал за Уиттером. Они прошли по пологой части выступа главной улицы, а затем спустились по лестнице на уступ старого Уиттера. Внизу Тигхи овладела робость, и он остановился у двери дома, не решаясь войти. Уиттер заметил его смятение и произнес:

– Я скажу своей дочке, чтобы она вышла к тебе.

Он повернулся и открыл дверь, но затем, остановившись на пороге, опять повернулся и с некоторым усилием добавил:

– Мне очень жаль, что все так вышло. С твоими па и ма.

Да, очень жаль.

Уиттерша появилась через считанные мгновения. Ее лицо расцвело в улыбке. Тигхи почувствовал, как к горлу подступили слезы, однако усилием воли заставил их отступить.

– Привет, – сказала она. – Мне нужно отнести эту соль обезьянам. Пойдем вместе.

Тигхи последовал за ней.

Они ступили на очень узкую тропинку, и Тигхи повернул голову к стене, чтобы не смотреть на край, который был совсем близко, в паре шагов. Он опасался головокружения. Затем тропинка вывела их к гряде травянистых утесов, которые уже начали разрушаться. Здесь и паслись обезьяны Уиттера. Из стены торчало несколько полусгнивших колышков с обрывками веревок. Обезьяны паслись свободно. Уиттер так долго держал здесь животных, что они привыкли к этому месту и не делали попыток убежать. Обросшие шерстью тела, каждое величиной с ребенка, не более, сгрудились вокруг Уиттерши, которая отламывала кусочки соли и раздавала их обезьянам. Черные цепкие пальцы хватали лакомство и тут же отправляли в рот. Глухое ворчание время от времени прерывалось резкими визгами, когда животные, оскалив зубы, были готовы вцепиться друг в друга.

– До меня дошли слухи насчет твоих па и ма, и я даже не знаю, как тебя утешить, – произнесла Уиттерша, слегка повысив голос, чтобы тот не утонул в обезьяньем гвалте.

Тигхи промолчал. Отыскав утес пошире других, он уселся спиной к стене. Уиттерша покончила с кормежкой животных и, подойдя к юноше, села рядом.

– Тяжелое время для тебя, – проговорила она.

– Да уж куда тяжелее.

Ее пальцы прикоснулись к плечу Тигхи, и даже несмотря на то, что настроение у него было хуже некуда, несмотря на

тоску, камнем лежавшую на сердце, Тигхи почувствовал, как его вик немного напрягся.

– В деревне теперь разное болтают, – сказала Уиттерша. – Многие говорят, что ты должен стать принцем и сам распоряжаться своим состоянием, на которое у твоего деда нет никаких прав.

Тигхи посмотрел на нее. В глазах девушки читались раздражение и нетерпеливое желание. Несмотря на туман грусти, застилавший его разум, Тигхи все же распознал ее взгляд. Если бы он стал принцем, значит, был бы совершеннолетним холостым мужчиной с пятью козами и собственным домом. Заманчивая цель для дочери торговца обезьянами.

– Ясное дело, – ответил он.

Уиттерша откинулась назад, и ее глаза заблестели на солнце.

– Я знаю, что твой дед в очень хороших отношениях с дожем, однако должен быть какой-то выход. Если бы ты стоял на своем, все получилось бы. Под лежащий камень вода не течет. Потребуй коз. Предъяви на них права – а почему бы и нет? Только подумай, Тигхи, шесть коз!

– Пять, – поправил он ее тихим голосом.

Затем Уиттерша придвинулась к Тигхи, обдав жарким дыханием его шею.

– Это твое добро, ты же знаешь. Тебе нужно стать принцем и вести себя так, как подобает принцу. Тебе нужно пой-

ти и забрать все это.

– Наверное, – согласился Тигхи. Все его тело ощущало безграничную усталость. И самое ужасное – им завладело чувство, говорившее, что он одинок, что у него нет никого в любом месте стены, кому он был бы небезразличен сам по себе. Он был не человеком, а лишь законным каналом для получения наследства. И все же, несмотря на эту глубокую грусть, его вик встал и напрягся, образовав выпуклость в штанах. Он выдавал Тигхи.

– Ты мне всегда нравился, ты же знаешь это, – тем временем говорила Уиттерша.

Ее голос звучал откуда-то издалека, несмотря на то, что слова были сказаны Тигхи прямо в ухо. Его взгляд был устремлен вперед. Голубое небо. Существует ли в этом далеком голубом пространстве другая стена, чистая, ровная стена? И действительно ли она делает воздух таким голубым?

– Ты же знаешь это, ведь правда? – спросила она.

Тигхи слегка повернул голову, и Уиттерша поцеловала его прямо в губы. Затем хихикнула. Пока они разговаривали, обезьяны устроились на соседних утесах и с глухим ворчанием выискивали друг у друга блох, вырывали из земли стебли травы и хлопали себя по макушкам голов ладонями своих длинных, узких рук. Тигхи почувствовал, как сердце учащенно забилось в груди.

– Будет лучше, если мой па не увидит, как мы целуемся здесь, – произнесла Уиттерша и бросила на Тигхи почти за-

стенчивый взгляд.

Действуя импульсивно, Тигхи резко наклонил свою голову вперед и неожиданно для Уиттерши урвал у нее поцелуй. Его вик так напрягся, что юноше стало больно. Тигхи поднял руку и сжал плечо девушки, а затем его рука переместилась на ее правую грудь, мягкую и податливую, как глина. Уиттерша по-прежнему улыбалась, однако поспешила отвести руку Тигхи в сторону. Он попробовал было ринуться вперед и снова поцеловать ее, но девушка успела откинуть голову назад.

– Подожди, – произнесла она.

Положив руки на плечи юноши, Уиттерша всем телом подалась вперед и толкнула его так, что Тигхи опять оказался прижатым спиной к стене.

– Некоторым парням такая забава нравится, – сказала она едва слышным голосом и снова рассмеялась.

Даже когда ее руки уже скользнули по его животу, Тигхи не мог избавиться от странного чувства. Эти слова словно оцарапали его. Некоторым парням? Каким парням? Перед ним развернулась бездна возможностей, подсказанных ревностью. Каких парней подразумевала Уиттерша? С кем она проводила свое время? С какими парнями она занималась этим?

Однако волна первых ошеломительных ощущений выдавила из Тигхи эти мысли. Уиттерше удалось просунуть обе руки под пояс его штанов. Его вик, казалось, устремился к

ним навстречу. Девушка наклонилась немного вперед, чтобы поудобнее ухватиться за вик, на ее губах застыла отстраненная улыбка. Пальцами левой руки девушка охватила основание его вика, а правой сжала головку вика. Тигхи содрогнулся. Затем она начала грубо натирать его вверх-вниз. Внезапность, с какой девушка сделала это, а также трение сухой кожи о кожу причинили ему боль, и с губ Тигхи сорвалось недовольное восклицание. Уиттерша перестала массировать его вик и удивленно посмотрела Тигхи в лицо. Ее улыбка при этом немного увяла.

– Что с тобой?

– Больно.

Она вытащила из его штанов правую руку, поплевала на ладонь и вернула руку на место. Затем опять принялась тереть вик. Со смазкой дело пошло лучше, и ощущение боли почти исчезло. Где-то внизу, под мочевым пузырем, сразу же начало давить. Ощущение напоминало то, которое юноша испытывал, когда ему хотелось помочиться, но вместе с тем было совершенно новым. Давление росло, быстро стремясь к чему-то осязаемому и определенному. Тигхи бросил взгляд вверх. Движение ее руки взад-вперед соответствовало движению ее ладони вниз-вверх, и в такт этим движениям покачивался торс девушки. Через отвисший край рубашки Тигхи были видны мерно колышущиеся груди. В этот момент у него перехватило дыхание: Тигхи испытал необыкновенное наслаждение. Его вик изрыгнул сначала большой сгусток гу-

стой жидкости, а затем еще один, поменьше, и после этого ничего. Уиттерша перестала тереть вик, ее лицо расплылось в широкой улыбке.

– Ну вот, – проговорила она. – Что скажешь?

Тигхи уставился на нее широко открытыми глазами.

– Потерял дар речи? – спросила девушка, явно потешаясь над ним.

Отпустив вик, Уиттерша вытащила руки из штанов Тигхи и вытерла их о траву. Обезьяны, находившиеся вблизи и наблюдавшие за ними, недоуменно загалдели.

Тигхи начал говорить что-то, но слова застряли у него в горле. Затем с содроганием, словно слова выходили из него таким же образом, как только что вышло семя, он сказал:

– Я люблю тебя.

Улыбка на лице Уиттерши сморщилась, а затем появилась снова, но еще более широкая, чем прежде. Тигхи почувствовал себя так, словно сморозил глупость.

– Мне пора домой, – произнесла она, – а то па будет очень недоволен.

С обезьяньей ловкостью она вскочила на ноги и быстро засемила вдоль края утеса. Добравшись до уступа, девушка взобралась на него и, нагнув голову, нырнула в дверь своего дома.

Какое-то время Тигхи находился в состоянии восхищенного оцепенения. Он приложил руку к животу и пощупал его в том месте, куда стараниями Уиттерши из его вика выскочи-

ло нечто густое и липкое, похожее на сопли, которые вылетали из носа, когда сморкаешься. Осторожно, указательным и большим пальцами, Тигхи снял сгусток с волос на своем лобке и стал внимательно рассматривать его. Он имел цвет бездны. Цвет неба.

В этот момент облака рассеялись, и сквозь образовавшееся отверстие хлынул яркий, слепящий солнечный свет. Буйство его лучей заставило Тигхи прикрыть глаза. Сердце гулко билось в груди. В сознании опять возник образ ма. Почему вдруг он подумал о ней? Каждый раз, когда Тигхи вспоминал о ней, она казалась сердитой. Даже лицо ма было потемневшим от злости. Похоже, он не способен представить ее иной, кроме как на грани бешенства. Затем внезапно Тигхи охватило разочарование безысходности, затопившее его с головы до ног. Его па и ма умерли. Его ма умерла. В их смерти повинен и он. Каким образом – трудно сказать, но чувство собственной вины постоянно жило в Тигхи, и он не мог от него отделаться.

Его ма упала с мира. Как такое могло случиться с ней? Он видел ее в этот момент. Лицо ма было искажено гневом, который обычно так легко сменялся страхом. Страх и злоба одинаковы. Затем этот образ сменился другим, еще более ужасным; его ма переступила край вещей, шагая в ничто с безразличным выражением на лице. Уходила в небытие с такой же бессмысленной пустотой в голове, как и коза, которую они потеряли. Злоба и пустота одинаковы. Пустота,

стремящаяся породниться с огромным, бескрайним воздушным пространством; падать, вечно падать в огненные объятия Бога.

Слева от Тигхи раздались рычание и визг. Пререкания двух обезьян переросли в драку, которая, впрочем, закончилась так же быстро, как и началась.

Тигхи плакал, причем сам толком не понимал почему. Он принялся растирать кулаками глазницы, однако грусть не проходила. Юноша чувствовал, как грудная клетка сотрясается от рыданий, загнанных вглубь. Затем испугался, что его в таком состоянии может застать старый Уиттер или, что еще хуже, сама Уиттерша. С заплаканными глазами, прерывисто дыша, он поднялся на ноги и поплелся к лестнице Уиттера. Сзади слышалась какая-то возня. Обезьяны. Или же Уиттер вышел из дому. Объятый страхом Тигхи ринулся к лестнице и быстро вскарабкался по ступенькам.

К тому времени, когда он оказался на выступе главной улицы, из его груди вырвалось оханье и скуление, вызванное как переживаниями, так и быстрой ходьбой. Совершенно не обращая внимания на посторонних, Тигхи пробрался к стене. Ноги отказывались держать его. Юноша рухнул на землю среди скитальцев и, свернувшись калачиком, стал горько плакать, уткнувшись лицом в собственные колени.

Глава 10

В конце концов поток слез ослаб, а затем и вовсе прекратился. Глаза высохли. Состояние Тигхи стало менее истерическим; уступ спокойствия расширился. Некоторое время он просто сидел, ощущая спиной успокаивающее прикосновение стены, и глазел на небо. Солнце достигло своей наивысшей точки, и все тени сконцентрировались на земле. Люди сновали по выступу в обоих направлениях. Тигхи увидел, как его дед вышел из своего дома и прытко засеменял ногами, энергично отталкиваясь от земли посохом.

Тигхи огляделся вокруг. Он оказался в самой гуще скитальцев. Они бесцельно, потухшими глазами смотрели в пространство. Многие настолько исхудали, что их кости не просто выпирали из кожи, но казались, стремились выскочить из нее, точно так же, как их тела выпирали из одежды, которую солнце, дождь и ветер превратили в лохмотья. Тигхи бросилось в глаза, что все их движения были замедленными. Человек, сидевший на корточках рядом с ним, поворачивал свою голову как во сне. Его лицо открывало Тигхи свои черты постепенно, подобно неотвратимому ходу солнца, поднимающегося в небе. От голода глаза человека приобрели молочно-белый цвет, а кожа была испещрена розовато-лиловыми точками. Даже дышать этому бедолаге приходилось через силу, словно воздух никак не мог преодолеть

лестницу, на которую были похожи ребра его грудной клетки. Он окидывал Тигхи таким взглядом, словно тот находился на недостижимо далеком расстоянии и был абсолютно безликим, как само небо, а затем так же медленно возвращал свою голову в прежнее положение.

– Ты умираешь, – произнес Тигхи.

Сказанные слова сделали его восприятие этого человека еще более отстраненным.

Скиталец утвердительно вздохнул; выдох – ответ.

– Когда ты ел в последний раз?

Теперь, чтобы ответить, скиталец сделал вдох:

– Несколько месяцев назад.

Несмотря на физическую немощь, его голос прозвучал неожиданно громко.

– Я ел траву, – сказал он. Слова выходили из него медленно, но отчетливо. – Однако она не сохраняет силы в теле.

– Стало быть, ты ждешь, пока не подвернется работа.

Очередной выдох, более похожий на смех.

– Никто теперь не наймет меня. Я слишком слаб.

Тигхи взглянул на его руку; локоть был похож на высохший стручок с семенами, прикрепленными к тонкому черному стеблю.

– Бывает, что кто-нибудь приходит, – произнес он и сделал паузу, чтобы набрать в легкие воздуха. – Приходит и выбирает себе того, кто посильнее. Вон из тех ребят. – Последовал слабый кивок головой в нужном направлении. – Они по-

лучают за работу немного еды и опять возвращаются к своим.

– Почему ты просто сидишь здесь и ждешь смерти? – внезапно для самого себя спросил Тигхи. – Почему бы просто-напросто не шагнуть через край мира и не покончить со всем сразу? Если бы я был на твоём месте, я бы взял и шагнул через край. Вот что я сделал бы. А почему ты не хочешь так поступить?

Мужчина во второй раз терпеливо перекатил свою голову. Встретив напряженный взгляд Тигхи, он ответил:

– Грех.

– Что?

Скиталец вернул свою голову в прежнее положение и ничего не сказал.

– Даже если это и грех, какая разница? – произнес Тигхи. – Все равно через несколько дней ты умрешь.

Сказанные слова добавили ему решительности. Это жестоко, но ведь мир жесток.

Последовало долгое молчание. Наконец мужчина сказал:

– Я должен до конца следить за тем, что происходит в мире.

После очередной паузы он добавил:

– Я должен наблюдать за тобой.

– А ты знаешь, кто я? – спросил Тигхи.

Он встрепенулся. Как же ему это раньше не пришло в голову.

– Ты знал моих па и ма? Ты когда-нибудь видел их?

Однако мужчина уже успел выдохнуть:

– Тебя не знаю, но видел раньше. Ты живешь у этого старика.

Проследив за его взглядом, Тигхи увидел своего деда, который шел в обратном направлении по выступу главной улицы. Он приближался к тому месту, где сидел Тигхи, и его вид не предвещал ничего хорошего.

– Я бы сказал, – произнес мужчина, – что он ищет тебя. Он шляется взад-вперед.

– Но почему? – удивился Тигхи. Бессилие и гнев объединились в нем и дали знать о себе с невероятной силой. – Почему ты сдаешься так легко? Как можешь просто сидеть здесь, на земле, и покоряться обстоятельствам?

Мужчина не повернул голову и ничего не сказал. Глаза Тигхи опять налились слезами. Все было бессмысленно. В конце концов все заканчивается смертью. Люди изо всех сил цепляются за такую ненадежную и опасную стену жизни, но рано или поздно их хватка слабеет, силы истощаются, и они падают в ничто.

На Тигхи упала тень.

– Что ты здесь делаешь? – спросил дед резким, пронзительным голосом. Это обещало большие неприятности позднее, в менее людном месте. – Расселся со скитальцами?

Лицо Тигхи стало мокрым. От слез. Он ничего не мог поделать с собой. Подняв голову, Тигхи взглянул на деда, фи-

гура которого угрожающе возвышалась над ним. Лицо старика, находившееся в тени, казалось от этого еще более темным, чем на самом деле. Освещенные солнцем кончики волос воспринимались как нимб.

– Мои родители мертвы, – сказал он.

– С тобой говорили мои враги? – требовательным тоном спросил дед.

Тигхи догадался, что тот все еще думает о наследстве.

– Я никогда не увижу их снова, – громко произнес Тигхи.

Не успел он договорить эту фразу, как ощутил удар по подбородку. Дед, как всегда, пустил в ход посох. Зубы Тигхи клацнули, и кончик языка пронзила резкая боль.

– Хочешь сидеть со скитальцами, так? – Судя по голосу, дед с трудом сдерживал злобу. – Хочешь грязную, случайную работу, чтобы набить свое брюхо всякой дрянью? Ну что ж, посмотрим – посмотрим, как тебе понравится настоящая работа, ты, никчемный мальчишка, неблагодарная тварь.

Тигхи, вынужденный замолчать, ощутил во рту вкус крови. Кончик языка неприятно покалывало. Дед наклонился к юноше и, схватив его за шиворот рубашки, поволок за собой.

– Я и так потратил целое утро, чтобы найти тебя, – пролаял он. – Ты пойдешь со мной.

Едва Тигхи перешагнул порог дома деда и за ним захлопнулась рассветная дверь, как старик обрушил на него поток ругательств, сопровождаемых ударами посоха. Тигхи почувствовал – действительно почувствовал, как из него уходит то,

что составляет отличие человека от других живых существ. Слова, которые вылетали изо рта деда вместе с пеной, входили в мозг потоком бессвязных звукосочетаний, не имевших никакого смысла. В полумраке главного пространства лицо деда потеряло конкретные черты и превратилось в расплывчатое пятно. Юноша не видел ничего, кроме бесформенной тени, от которой исходила музыка гнева. Нижняя челюсть Тигхи отвисла. В этом трансе реальными были лишь удары, врывавшиеся в его беспомощность острой болью, от которой он вопил, как обезьяна, и катался по полу, пытаясь увернуться.

Через некоторое время дед, похоже, начал уставать, и Тигхи уполз в угол, где свернулся в комок. Он опять заплакал, хотя в том не было никакого смысла, никакого утешения. Все это было абсолютное ничто.

Тигхи перестал хныкать и скулить, потому что ему вдруг захотелось есть. Робко оглядевшись, словно он действовал вопреки своему внутреннему голосу, Тигхи подполз к столу и, схватив горбушку травяного хлеба, вернулся в свой угол и начал жадно есть, давясь плохо пережеванными кусками.

Покончив с едой, юноша принялся ощупывать пальцами череп. Все старые шрамы были на месте. Они усеяли его голову с левой стороны от макушки и почти до самого лба. В их числе были и следы какой-то серьезной раны, которую он получил так давно, что даже не помнил, как это случилось. Однако па рассказал ему. Тигхи ударился головой обо что-

то острое и рассек кожу на черепе. Теперь о ране напоминали лишь неровные утолщения кожи. Либо его голова горячая, либо пальцы очень холодные. Сердце обдало холодком, словно кто-то сжал его в кулак. Тело горело огнем в тех местах, по которым походил посох деда. К тому же Тигхи с трудом мог пошевелить плечом, любое движение доставляло ему нестерпимую боль.

Когда дед подошел к нему и заговорил снова, Тигхи не осмелился посмотреть ему в глаза и потупил взгляд. Слегка покашляв, что с его стороны было равносильно желанию извиниться и случалось крайне редко, старик произнес:

– Ладно. Могу лишь надеяться, что ты усвоил урок. Тебе же на пользу. Божье наказание куда сильнее, чем то, которое исходит от такого слабого создания, как я. Тебе следует усвоить урок прежде, чем ты столкнешься с гневом самого Господа.

– Бог живет у основания стены, – произнес Тигхи.

Он не имел ни малейшего понятия, как с его языка сорвались эти слова.

Дед замолчал и сердито покосился на юношу. Затем все же решил сделать вид, что ничего не слышал.

– Вот что. Я поговорил с Токомом. Он мой добрый друг. Ты будешь работать у него.

– Да, дед.

Непонятно почему, но именно эти два хмуро произнесенных слова, а не ересь, заключавшаяся в предыдущем пред-

ложении, вызвали у деда вспышку гнева.

– Ты должен благодарить меня – ведь у тебя ума не больше, чем у козы. Если бы я не взял тебя к себе, ты бы подыхал от голода на том уступе, как эти забытые Богом скитальцы, с которыми ты якшаешься.

– Да, дед.

– Я даже не представляю, как такой выродок, как ты, мог появиться на свет, как он мог случиться в нашем славном роду. Ты ведешь себя как мальчишка, хотя вот-вот станешь мужчиной. У тебя никогда не хватит смекалки стать принцем. Мне думается, ты просто слабоумный.

С отвращением плюнув на пол, старик схватил посох и бросился вон из дому.

Позднее, тем же вечером, после того как дед и Тигхи в молчании съели скудный ужин, старик, похоже, настроился на разговорный лад.

– Да, деревня переживает тяжелые времена, – проговорил он, снимая скорлупу с жуков и отправляя их в свой рот.

Рядом с дедом сидели два его помощника, и у каждого из них была своя сумка с разными яствами. Тигхи следил за ними голодными глазами. В животе у него урчало.

– Плохие времена настали, – произнес дед Джаффи, – и поэтому люди уходят из деревни. Однако так будет не всегда. Мир людей переменчив, подобно тому, как день сменяется ночью, и наоборот, подобно порывам ветра, который то крепчает, то слабеет. А когда времена будут лучше, тогда и

мы сможем лучше управлять княжеством, гораздо лучше.

Со стороны могло показаться, что он разговаривает с Тигхи, но в действительности юноша видел, что это не так. Его слова ничего не обещали Тигхи. Дед разговаривал сам с собой.

Оба помощника проповедника ничего не сказали. Они, как правило, держали рот на замке.

Глава 11

Следующим утром вскоре после того, как утихли рассветные ветры, Тигхи отправился к дому, где жил Током. В деревне, где почти каждый умел неплохо плести из стеблей травы различные изделия, начиная от половых циновок и ковриков и кончая грубой тканью для одежды, ткач мог выжить только благодаря специализации. Током сделал упор на изготовлении модных тканей. Он разными способами обрабатывал стебли, достигая нужной мягкости, а затем красил вытканые из них полотна в пестрые, радующие глаз цвета. Такие ткани пользовались спросом главным образом у состоятельных жителей деревни. Когда Тигхи поскребся к нему в дверь, Током не стал ходить вокруг да около, а был предельно откровенен.

– У меня нет для тебя работы, – сказал он почти сразу же, как только юноша переступил порог. – Я сказал, что возьму тебя, чтобы оказать услугу твоему деду. Он считает, что тебе пора научиться какому-то ремеслу, и возраст у тебя для этого уже самый подходящий. Однако в такое время люди почти не покупают модные ткани, и потому мне не требуется лишняя пара рук. Короче говоря, ты мне не нужен. Лишний рот в доме мне ни к чему.

Тигхи кивнул, потупив взгляд. Однако недаром Током слыл записным весельчаком, пусть даже у него сейчас от го-

лода заострились скулы. Он рассмеялся.

– Не вешай носа, парень! – воскликнул он. – Если у меня нет для тебя работы, это еще не значит, что мир рухнул и жизнь закончилась. Когда буду ткать, я позову тебя, и ты будешь наблюдать за всем, что я делаю. Это почти то же самое, что учиться ремеслу, будучи подмастерьем. Не огорчайся, все наладится. У тебя такой вид, будто ты мечтал стать ткачом, а я разрушил твою мечту! Гляди веселее!

Он подошел к Тигхи и обнял его за плечи.

– Ну конечно же. Я просто идиот, – сказал он. – Дело не в работе. Ты потерял своих па и ма. Это ужасная штука. Ведь я тоже потерял своих па и ма.

Тигхи посмотрел в лицо Токома:

– Как?

– Это случилось много лет назад. Ма умерла при родах, пытаясь произвести на свет мою сестру. Обе испустили дух – и новорожденная, и женщина. Мой па так и не смог оправиться от удара. Он свалился с одного из верхних уступов, когда собирал стебли для тканья. Он был не один. Те, кто пошел туда с ним, видели все. По их словам, он рвал длинные стебли на краю утеса – дело в том, что самые длинные стебли чаще всего растут именно в таких местах. Если собираешься стать ткачом, ты должен знать такие вещи. Вот так. Проще некуда. Просто кувырнулся, и все.

Тигхи молчал, переваривая услышанное.

– Об этом никогда не говорят, – сказал Тигхи тихим го-

лосом, – однако иногда мне кажется, что люди все время падают с мира.

– Понимаешь, – начал Током, убрав руку с плеча Тигхи и отправившись в угол комнаты, где лежал тюк ткани, готовой к продаже. – Жизнь – штука рискованная. Так уж установлено Богом, и не нам сомневаться в его мудрости, верно?

Выудив из отвисшего кармана штанов глиняную трубку, он зажег ее, высекая искры ударами камня о кресало.

– Но я думаю, что ты прав, мой мальчик. Люди не любят говорить об этом, потому что это напоминает им об их близости к краю всего.

Тигхи присел на корточки.

– Моя семья потеряла козу. Она тоже не удержалась на краю.

– Я слышал. О таких вещах люди говорят охотнее. Большая потеря. Ведь коза стоит немалые деньги. Однако коза – это всего-навсего коза.

Последовала пауза, в течение которой хозяин дома сделал несколько затяжек.

– Когда я услышал насчет исчезновения твоих па и ма, меня это здорово огорчило, – произнес он задумчиво.

– По-вашему, они упали с мира? – спросил Тигхи.

Током пожал плечами:

– Их нигде нет. Никто не видел их выходящими из деревни. Да и с какой стати им уходить отсюда?

– Тяжелые времена.

– Времена и в самом деле тяжелые, но только не для тех, кто держит коз. Для этих людей по-настоящему тяжелых времен не бывает никогда. – Током опять попыхтел трубкой. – К тому же твой па был принцем. А принцу нельзя бросать свой народ. Нет, как ни жаль, но я должен сказать тебе откровенно то, что думаю. Они оказались за краем.

Тигхи почувствовал комок в горле. К глазам подступили слезы, однако он нашел в себе силы сдержаться и проговорил:

– Но как? Как они оказались за краем?

– Как я уже говорил тебе, – вздохнул Током. – Люди падают.

– Но оба вместе, одновременно? – настаивал юноша.

– Тут ты прав. Это немного странно, – согласился Током. – Но может, они вышли из дому во время рассветного шторма? Поверь мне, я знаю, что это такое. Когда я был молод, я излазил многие места на стене, и бывали случаи, когда я не успевал вернуться домой и устраивался ночевать на каком-нибудь утесе в расщелине. Это сущий ад. Человека может запросто сдуть даже с самого широкого выступа.

– Они все еще оставались дома, когда я ушел за свечкой, – сказал Тигхи. – Так что дело не в рассветном шторме.

– Ты уходил за свечкой?

– Да, утро уже кончалось, и ма послала меня забрать свечку. А когда я вернулся, их уже не было.

На этот раз Тигхи не смог сдержать слез. В уголках его

глаз появились первые капельки влаги, которые, увеличиваясь в размерах, начали скатываться по щеке.

– Что поделаешь, – сказал Током, немного покраснев, – сожалею, но они не первые люди, кто ушел с мира, потому что настали тяжелые времена. Ведь у них пропала коза, в конце концов.

Эта мысль тоже приходила Тигхи в голову, однако, будучи озвученной, она показалась юноше столь невыносимой, что он не просто заплакал, а разрыдался. Током растерялся, не зная, что делать. Хмыкнув, он положил трубку, подошел к юноше и, обняв его, стал утешать, как маленького ребенка. Тигхи продолжал плакать.

Старый мастер говорил ему:

– Ну, будет, будет. Все наладится.

Однако слова не достигали Тигхи, переливаясь в ушах и вновь уходя в воздух.

Наконец тело юноши перестало сотрясаться от рыданий, и Тигхи вновь обрел способность говорить членораздельно.

– Я знаю, что это правда, но все равно не могу с этим смириться. Мне так тяжело.

– Конечно, – вздохнул Током, отстраняясь от юноши.

Он возвратился на свое место и опять раскурил трубку.

– Это же грех, ведь так? Просто шагнуть в бездну с края мира. Просто взять и шагнуть. Все знают, что это грех.

– Да, – ответил Током, – но теперь уже ничего не исправить.

Тигхи сделал несколько глубоких вдохов.

– Прошу прощения, мастер Током, за то, что я явился к вам и разревелся, как малыш, которого только что отлучили от материнской груди.

– Да что ты, – поспешил успокоить его Током. – Я все понимаю.

– И я очень жалею о том, что не смогу пригодиться вам в вашей мастерской. Вы были очень добры ко мне, и мне бы очень хотелось оказаться вам полезным.

Слова звучали слишком напыщенно даже в его собственных ушах, но, расплакавшись, Тигхи как бы потерял чувство собственного достоинства и теперь хотел обрести его вновь, хотя бы таким способом. К тому же Током воспринял его горе серьезно, с пониманием. Ведь он как-никак сын принца.

– Тебе не о чем беспокоиться, – сказал старый мастер, который и сам был тронут чуть ли не до слез.

– А еще я сильно опасаюсь, что мой дед задаст мне трепку, если я вернусь и скажу ему, что вы не взяли меня на работу.

– Вот как? – удивился Током. – Ну и ну. Твой дед – влиятельный человек. С ним нельзя не считаться. Лучше не злить его без нужды. Если хочешь, можешь приходить сюда, и мы поговорим о том о сем. Ты мог бы приносить немного еды, и мы вместе обедали бы.

– Еды? – боязливо переспросил Тигхи.

– Если твой дед не против. У меня есть кое-какие припасы, но мне бы не хотелось израсходовать их слишком быст-

ро, и потому я голодаю вот уже много дней.

Однако Тигхи уже успел все просчитать в уме. Он будет воровать пищу у деда и отдавать ее этому человеку. Своего рода мена. Он сменит гнев на ласку, ярость на нежность. Да, в этом был определенный смысл.

– Хорошо, я сделаю это, – сказал юноша.

Остаток дня прошел превосходно. Током провел Тигхи по своей лавке. Он развязал и развернул несколько рулонов самой лучшей ткани. Такого мягкого и эластичного полотна юноша еще не видел и потому пришел в неподдельный восторг. Затем Током отвел его в комнату, которую он вырыл в задней части дома. Там у стены стоял ткацкий станок с челноками из пластика и несколькими настоящими кордами. Большая часть первоначальных кордов вышла из строя, и взамен них использовались корды из кишок животных. Позднее, проголодавшись, Тигхи пробрался в дом деда и вынес оттуда немного хлеба и одно сморщенное, засохшее яблоко, оставшееся еще с лета. Дед любил такие яблоки. Выскользнув из пустого дома с провизией, спрятанной под одеждой, Тигхи испытал приятное возбуждение, от которого холодило в висках и покалывало в сосудах. Тигхи быстрым шагом, чуть ли не бегом пересек рыночный выступ и поднялся к дому Токома.

Разделив принесенное поровну, Током и Тигхи в два приема умяли его, после чего старый мастер воспрял духом и опять заключил юношу в дружеские объятия. Тигхи испы-

тал приятное чувство и оставшееся время провел на верхнем пастбище, гуляя и наблюдая за пастухами и пастушками с их небольшими стадами коз.

Домой он возвратился поздно, когда солнце уже перевалило за верхушку стены. Скитальцы на рыночном выступе начали сбиваться в плотную кучу. Они проводили ночь таким образом, согревая друг друга теплом своих тел. Их крайне ослабленные организмы с трудом могли противостоять свирепым ветрам, налетавшим на рассвете. Один из них – от него остались лишь кожа и кости – недавно умер от голода, и его тело сожгли на небольшом погребальном костре. Не успел потухнуть огонь, как разгорелся жаркий спор за право на золу. Среди претендентов было двое деревенских фермеров. Один выращивал фрукты, а другой – бобы. Дело шло к весне, и такое ценное удобрение могло способствовать раннему урожаю, что имело особое значение.

Тигхи прошел мимо, лишь мельком взглянув на спорящих. Его мысли были заняты очень важным делом. Юношу вдруг осенило, что он может обратиться к дожу с прошением позволить Токому усыновить его в качестве законного наследника. Может, дед с радостью отпустит его, если Тигхи согласится отдать ему всех коз и дом.

Сквозь щели в рассветной двери пробивался свет от свечи, которая горела в главном пространстве деда – неслыханная роскошь. Старик сидел в своем кресле с посохом между ног. Тигхи понял, не успев закрыть за собой рассветную

дверь, что рассчитывать на спокойный вечер не стоит. Запах свежеиспеченного хлеба напомнил ему о доме, и воспоминание острой болью пронзило сердце.

– Как прошел твой рабочий день, мое дитя? – осведомился дед.

– Хо-хорошо, – ответил Тигхи, подвигаясь поближе к стене. – Он п-п-прошел х-х-хорошо.

– Не заикайся, – сердито приказал старик, стукнув посохом в пол. – А теперь я буду говорить о том, как моим врагам удалось досадить мне.

Последовала пауза.

– Воровство является прегрешением перед Богом на Верушке стены, – назидательно произнес дед. – Ты это понимаешь?

Тигхи кивнул, ожидая удара посохом.

– Сегодня один из твоих друзей – один из тех скитальцев, к которым ты питаешь такое участие, – тайно проник в мой дом, в мой дом и украл у меня пищу. Он взял зимние яблоки и почти целую буханку хлеба.

Тигхи ничего не сказал, но про себя подумал: «Ах ты, старый лгун. У тебя пропало всего-навсего одно яблоко». Однако вслух унылым голосом произнес:

– Да.

– Скитальцы сами по себе ничто. Мои враги подговорили одного из них сделать это. Мы с дожем обсудили этот возмутительный случай и пришли к единому мнению. Завтра их

вышлют из деревни. Мы терпели слишком долго. Они как язва, которая разъедает деревню. Скоро ко мне придут помощники, и мы обдумаем план действий на утро. Скитальцы ослабели от голода, но все же их достаточно много. Ты – сильный парень и тоже можешь пригодиться.

– Да, дед, – сказал Тигхи.

Ту ночь помощники провели в доме священника. Они расположились в главном пространстве, а когда наступило утро, сгрудились вокруг старика. Тигхи нарочно замешкался с уходом, но дед бесцеремонно выставил его из дому:

– У тебя теперь есть работа, так что нечего засиживаться здесь.

Проходя мимо скитальцев на рыночном выступе, Тигхи замедлил шаг и остановился. Ему хотелось предупредить их о нависшей опасности. Однако как это сделать, да и будет ли прок от его предупреждения? Тигхи попытался высмотреть в гуще этих несчастных человека, с которым разговаривал позавчера, однако изможденные, костлявые лица все выглядели одинаково.

Понуриив голову, Тигхи поплелся к дому Токома, но ткача там не оказалось. Юноша решил пока побродить немного по верхним уступам. Солнце поднялось еще выше и теперь пронизывало воздух своими лучами.

Сев на землю, юноша прислонился спиной к стене, задрал голову и стал смотреть в небо.

Небо, воздух, свет. Птицы, воркующие и падающие в про-

странстве. Вдруг послышалось фырчанье и хрюканье. На уступе показался заблудившийся поросенок с клеймом Липши, принадлежавший состоятельной семье, которая жила чуть выше. Поросенок водил рылом по короткой траве в поисках каких-нибудь съедобных корешков и вскоре подошел к Тигхи. Обнюхав положенные друг на друга ноги юноши, поросенок потерся о его левую ногу и двинулся дальше. В голову Тигхи явилась мысль. Ему вдруг отчаянно захотелось ударить поросенка ногой так, чтобы тот свалился с утеса. Пусть он свалится с мира так, как свалилась коза его па, – так, как (и от этой мысли у Тигхи перехватило горло) поступили его собственные па и ма. Как смеет этот безобразный поросенок жить, когда па и ма Тигхи ушли в никуда? Однако к тому времени, когда Тигхи поднялся на ноги, его отделяло от поросенка расстояние в несколько дюжин рук, и первоначальный порыв угас.

Снизу донесся какой-то шум. На выступе главной улицы собралась толпа. Пройдя вдоль края утеса, Тигхи спустился по склону к общественной лестнице. К тому времени, когда он добрался до выступа главной улицы, все было кончено.

Под улюлюканье толпы скитальцев высылали из деревни. Враждебно настроенные жители толкали тех, в ком еще теплилось достаточно сил, чтобы передвигаться без посторонней помощи. Процессия изгоев медленно двигалась к лестнице дожа. Там стоял сам дож и взмахами руки поторапливал скитальцев. Тигхи понял, что он решил отказаться от

обычного тарифа, лишь бы побыстрее отделаться от чужаков.

Юношу поразило необычное возбуждение толпы: жесты и выкрики. Тигхи осторожно передвигался за спинами сородичей, поглядывая вперед. Там, за десятками дергающихся плеч и поднятых рук, сжатых в кулаки, стояли его дед и дож. Старик выглядел безучастным праведником. По обе стороны от него, на полшага сзади стояли оба его помощника.

Обессиленные и устыженные скитальцы брели к лестнице, опустив головы. Местные жители давали выход неприязни, осыпая невинных людей оскорблениями.

– Еще в прошлом месяце мне пришлось заплатить деньги, чтобы подняться по этой лестнице, – завопил один такой храбрец, – а теперь ты поднимаешься по ней бесплатно, ублюдок!

– Ублюдок!

– Уж не сбросить ли нам тебя со стены. Это будет самое правильное! – выкрикнул другой любитель поиздеваться над беззащитными людьми.

Им вторил третий голос, на этот раз женский, визгливо прокричавший:

– Вы принесли несчастье в нашу деревню! Вы принесли несчастье в нашу деревню!

Это было воспринято как сигнал к общему скандированию.

– Несчастье! Несчастье!

Некоторые односельчане Тигхи вошли в раж и даже принялись выковыривать из грязи небольшие камешки и бросать их вслед удалявшейся колонне скитальцев. На глазах юноши камень попал в затылок одному из скитальцев, но бедняга даже не обернулся и продолжал все так же волочить ноги.

С исчезновением объекта ненависти запал толпы начал иссякать, и она прекратила бесноваться. Люди стали расходиться по своим делам. По двое, по трое, оживленно болтая и жестикулируя, они уходили с выступа главной улицы. Несколько человек собрались вокруг деда и дожа. И только тогда Тигхи заметил, что трое скитальцев не поднялись по лестнице вместе с остальными. Они остались сидеть на своих местах, спинами к стене, а их глаза безжизненно уставились вдаль. Очевидно, их организмы были уже истощены до предела и встать, а тем более переставлять ноги, бедняги уже не могли.

Уверенной, размашистой походкой дед направился к этой троице. Его помощники следовали за ним, отставая на шаг. Жестом дед приказал им забрать тело, которое находилось ближе всего к лестнице.

– Вы больше не будете портить своим присутствием нашу деревню, – произнес священник звенящим голосом.

Несколько оставшихся зевак, стоявших поодаль, приветствовали эти слова одобрителем гулом.

Скиталец был не в силах встать. Помощники деда подня-

ли его и толчком направили к лестнице дожа, однако бедняга просто рухнул на землю лицом вниз. Они снова подняли его и попытались заставить подойти к лестнице, но скиталец повис у них на руках, как кусок ткани. Стало ясно, что этот человек вряд ли самостоятельно поднимется по лестнице, если только помощники деда не будут переставлять ему ноги по каждой ступеньке. Два других скитальца наблюдали за происходящим с неземными, бесстрастными выражениями на лицах.

Потеряв терпение, дед прикрикнул на своих помощников, и те отнесли скитальца, который не делал ни малейшей попытки оказать сопротивление, на его прежнее место у стены. Они бросили его в угол, образованный выступом и стеной, так, как бросают связку бамбуковых палок. Он остался лежать совершенно недвижим там, куда упал.

– Возможно, – объявил дед громким голосом, стоя над лежавшим скитальцем, – Бог станет тебе судьей. Возможно, утренний ураган или вечерние ветры сдуют тебя с мира и избавят нашу деревню от вашего проклятия.

Он повернулся и величественной походкой зашагал прочь. Тут же окончательно рассеялись и последние стайки зевак. Тигхи остался у входа на общественную лестницу и некоторое время наблюдал за скитальцами. Ни один из оставшихся трех скитальцев не двигался. Двое сидели спинами к стене и смотрели вдаль. Третий лежал там, куда его бросили.

Глава 12

В ту ночь Тигхи так и не удалось выспаться. Дед расхаживал по главному пространству и что-то бубнил себе под нос. Несколько раз он выходил из дому, но вскоре возвращался. Проснувшись, Тигхи поднял было голову, но дед цыкнул на него, приказав лежать тихо и спать, иначе ему грозит отвезти посоха, с которым Тигхи и так был хорошо знаком, и потому юноша ничего не сказал в ответ. Некоторое время он лежал совершенно неподвижно. Дед опять протопал по комнате и куда-то исчез, но ненадолго.

Глаза Тигхи начали слипаться, и он задремал. Однако вскоре его разбудили звуки приглушенных голосов, которые вели разговор. В соседней комнате дед совещался о чем-то с обоими своими помощниками. У Тигхи возникло желание встать и, подкравшись к двери, попытаться подслушать их беседу, но он тут же передумал. Если его заметят, дед наверняка изломает посох о спину внука. Поэтому юноша напряг весь свой слух, чтобы разобрать, о чем они говорят. И все же, как он ни старался, ничего не удавалось: слова журчали и переливались совершенно бессвязно, не выражая никакого смысла. Собравшиеся нарочно говорили чуть ли не шепотом. Время от времени слышался звон глиняных стаканчиков. Тигхи подумал, что дед, очевидно, решил открыть одну из бутылок грасс-джина, которые он берег как зеницу

ока. Наверное, троица пожелала обмыть какое-то пакостное дело, которое им удалось совершить.

Постепенно Тигхи опять задремал, а затем внезапно проснулся, словно кто-то схватил его за плечи и встряхнул. Ему приснилась ма, однако это был какой-то странный сон, где все смешалось в одну кучу. Помощники деда волокли по выступу не скитальца, а его ма, такую же высохшую и костлявую, как и тот бедняга. И почему-то в то же время все это происходило в доме его па и дед был его собственным па. Затем Тигхи снова взглянул на лицо своей ма, и, о ужас, это уже было лицо птицы с большим белым клювом.

Проснувшись, Тигхи потряс головой и обеими руками потер глаза. В доме стояла абсолютная тишина. Было темно, хоть глаз коли.

Тигхи долго не удавалось заснуть. Он никак не мог избавиться от предчувствия страшной беды, вызванного увиденным кошмаром. Пытался заставить себя думать о более приятном, сосредоточиться на хороших мыслях. Это было все равно что пытаться водой выполоскать изо рта привкус ядовитого насекомого. Наберешь воды в рот, и он исчезнет. Однако стоит выплюнуть воду, и противное ощущение тут как тут.

Тигхи еще пару раз засыпал и просыпался. Затем его разбудил шум урагана, начинавшегося с подъемом солнца и пытавшегося ворваться в дом через рассветную дверь. Снаружи уже начинало светлеть. Тигхи полежал немного, слушая

музыку ветра и двери, которая скрипела и потрескивала, а затем опять, в который уже раз, задремал. Окончательно он проснулся лишь после того, как его пнул ногой дед. Вскочив как очумелый, юноша схватился за больное место.

– Все еще спишь, соня? Бог не любит лентяев. А ну вставай, живо, живо!

Тигхи позавтракал и принялся за уборку. Наведение порядка и чистоты в доме стало его обязанностью. Вскоре после того, как он закончил уборку, пришли помощники деда, и Тигхи было приказано посидеть в углу главного пространства. По какой-то необъяснимой причине юноше стало очень грустно. Его сердце словно окунулось в какой-то серый, беспросветный туман.

А вот дед Джаффи, напротив, пребывал в необычайно бодром и веселом настроении. Он даже однажды засмеялся. Очевидно, один из его помощников сказал нечто приятное. Правда, смех был коротким и злорадным. Тигхи удавалось почти целый час не попадаться деду на глаза прежде, чем тот его заметил.

– На дворе уже ясный день, а ты все еще околачиваешься здесь? – угрожающе произнес старик, потрясая посохом. – Прочь! Прочь отсюда! За работу! Иди к ткачу и учись ремеслу, которое будет кормить тебя.

Тигхи молча выскочил из дому.

День выдался славный. Солнце радовало глаз и сердце своими сильными яркими лучами, под которыми трава и

одежда переливались разными оттенками. Торчавшие в мировой стене кремни сверкали подобно карбункулам и выглядели такими же ценными, как плексиглас. Тень, которую отбрасывал широкий выступ главной улицы, накрывала лишь четверть уступа, на котором находился дом дожа, и доставала до двух самых больших лавок в деревне. Люди сновали взад-вперед, их волосы и верхняя половина тела блестели на солнце, а ноги все еще находились в утренней тени.

Кара, исхудавшая, но выглядевшая все такой же веселой и беззаботной, гнала козла со сломанным рогом к дому дожа. Тигхи не видел ее целую вечность. У парадной двери дома дожа собралась кучка деревенских жителей. Там же стоял и сам дож, который курил глиняную трубку и кивал головой, соглашаясь с тем, что ему говорили. Задрав голову, Тигхи увидел несколько верхних уступов, вдавшихся в стену над главной улицей. Над краем утеса, находившегося выше юноши рук на сорок, показалось свиное рыло.

Настроение Тигхи упало. Так много счастья, так много энергии, а у него почти не осталось сил жить, и на сердце смертная тоска. Тигхи знал причину. Она скрывалась в глубине души, но ему не хотелось думать о ней, и он не думал.

Тигхи подошел к стене и пригнулся, чтобы проскочить людный участок, не привлекая ничьего внимания. Он чувствовал себя неприкаянным и отверженным. Здесь для него не было места. Подниматься в дом Токома не хотелось. Все равно работы там нет, а жизнерадостное, веселое настроение

простодушного ткача никак не гармонировало с мрачными мыслями юноши. Ему хотелось отыскать укромное, тенистое местечко и забиться в него. Он хотел погрузиться в тень.

Тигхи неторопливо брел вдоль стены, приближаясь к общественной лестнице. Он намеревался подняться по ней и побродить по верхним уступам и утесам в поисках места, где можно было бы побыть одному. Однако добраться до лестницы и реализовать свое намерение Тигхи помешала Уиттерша, внезапно возникшая перед ним. С неизменной улыбкой на миловидном лице и пучком травы под мышкой.

– Привет, мой юный принц, – сказала она, погладив Тигхи по щеке правой рукой. – Лучше сказать, мой принц.

– Уиттерша, – произнес он.

– Давненько ты не спускался по нашей лестнице, мой принц. – Голос девушки звучал игриво. – Разве ты не испытал удовольствие, когда был у нас в последний раз? И разве тебе не хочется испытать его еще раз?

Тигхи открыл рот, чтобы ответить, но нужные слова не шли на язык. Как объяснить ей? Беспросветность его существования, когда надеяться абсолютно не на что и не на кого. Девушка придвинулась поближе, и Тигхи опять ощутил исходивший от нее особенный запах. Он проникал в самые сокровенные части его тела, заставляя забыть о своем несчастье. Желание мельчайшими пузырьками поднималось с самого низа его живота.

– Уиттерша, – произнес он снова.

Тигхи хотелось сказать ей кое-что, но мысль об этом наполняла его ужасом. Он не хотел думать об этом. Неужели она не видела?

– Мой славный Тигхи, – говорила она, обдавая дыханием его щеку. – Я думаю о тебе и скучаю по тебе. Почему бы тебе не спуститься по лестнице? Почему бы не сделать это сейчас?

– Скитальцы, – произнес Тигхи, еле дыша.

– Что ты говоришь?

– Чужаки. Они умирали с голода.

– Но вчера дож отправил из всех вверх по лестнице, – сказала Уиттерша, слегка подавшись назад. – Все только и говорят об этом. Скатертью дорожка – они были проклятием для нашей деревни. Так все говорят.

– У троих из них не было сил встать и подойти к лестнице, – проговорил Тигхи едва слышно.

Уиттерша удивленно воззрилась на него:

– Ну и что?

– Да ты подумай сама. Ведь они не могли даже встать – но этим утром их уже не было здесь.

– Значит, они ушли за остальными, – беззаботно сказала Уиттерша. – Сейчас мне нужно отнести траву моему па, однако потом у меня будет немного свободного времени. Почему бы тебе не побыть со мной хотя бы часок?

В груди у Тигхи словно что-то лопнуло и исчезла какая-то преграда. Он оживился.

– Нет, Уиттерша! Неужели ты не можешь понять? Куда делись последние скитальцы?

– Они поднялись по лестнице. Моего па это здорово разозлило. Почему это им дали бесплатный проход, в то время как ему и другим деревенским приходится платить деньги, чтобы их пропустили на лестницу дожа. Но даже па обрадовался, когда их не стало. Они были проклятием.

– Да, они ушли по лестнице, – сказал Тигхи, схватив ее за руку. Он должен был заставить ее понять. – Но не все. Трое были слишком слабы.

– Тигхи, – произнесла Уиттерша, бросив связку травы на землю, чтобы освободить руку, которую юноша сжал слишком сильно.

– Куда подевались те трое?

– Ушли, – сказала Уиттерша. – Да и какое это имеет значение? Вверх по лестнице.

– Нет. – Он привлек ее к себе и посмотрел в глаза. – Неужели тебе не ясно? Неужели ты не понимаешь, что сделал мой дед?

– Тигхи...

А затем, подобно раскату грома во время рассветного урагана, прозвучал голос. Тигхи с содроганием узнал его. Дед.

– Внук!

Он оглянулся. На выступе главной улицы стоял дед и смотрел прямо на него. Он не только смотрел на юношу, но и показывал на него своим деревянным посохом. Позади деда,

как всегда, стояли оба его помощника. Все, кто находился в этот момент на выступе главной улицы, оставили свои дела, чем бы они ни занимались, и уставились на священника.

– Внук! Сейчас же отойди от этой еретички! Оставь мерзкую девчонку в покое!

На лице Уиттерши отразился смертельный испуг. Вырвавшись из рук Тигхи, она отскочила от него. Однако в висках Тигхи уже гулко застучала кровь. Подавленное настроение вдруг улетучилось, на смену ему пришли ясность и легкость во всем теле. Казалось, стоит подпрыгнуть, и он станет парить в воздухе, поднимаясь все выше и выше, пока не поравняется с Богом, величественно восседающим на самой верхушке стены. Тигхи повернулся лицом к деду.

– Ты убил их, – прокричал он пронзительным, срывающимся на визг голосом.

Так получилось помимо его воли, ибо ему было трудно совладать со своими эмоциями.

– Внук! – громоподобно проревел дед.

– Ты убил их – вы пришли ночью и сбросили их с мира. Убийца! Убийца!

Из глаз у юноши потекли слезы. Поднятая рука задрожала. На выступе главной улицы воцарилась абсолютная тишина. Тигхи смог почувствовать даже присутствие Уиттерши, которая стояла у него за спиной, неподвижная, как камень. В движении было лишь лицо деда, которое дергалось и тряслось, искажаемое злобой и изумлением.

Он открыл рот, желая сказать что-то, однако раздался лишь сдавленный, хрипящий звук. Тогда дед сделал вдох и заорал:

– Берегись, сын моей дочери! Тебя обманули мои враги!

– Ты убил их так же, как убил моих па и ма! – крикнул ему в ответ Тигхи. – Ты сделал это! Ты сбросил их с края мира.

– Мне наплевать на то, что тебя, возможно, родила моя дочь, – завопил дед, и гнев до неузнаваемости исказил его лицо. – Ты преступник, ты оклеветал меня и будешь наказан.

– Все это знают, но боятся сказать, – крикнул Тигхи. Слезы обильно струились у него по щекам. – Все знают, что ты убил моего па, убил принца. Ты убил мою ма, свою собственную дочь.

Дед завыл, завыл самым натуральным образом, так, как воеет ветер на рассвете. Затем, выбросив вперед обе руки, он приказал своим помощникам схватить Тигхи. Помощники ринулись вперед, широкими прыжками преодолевая пространство, отделявшее их от юноши. Затуманенным слезами зрением Тигхи едва различал их фигуры. В ушах опять прозвучал голос деда:

– Как смеешь ты говорить такие гнусные мерзости?!

Однако Тигхи уже повернулся к нему спиной, а в следующую секунду уже несся по выступу главной улицы. Эта реакция была почти бессознательной. Та его часть, которая принадлежала скорее к миру животных, а не людей, не хотела попасть в лапы людей деда, отказывалась вновь подвергаться

побоям. Тигхи не имел никакого представления о том, что делали или говорили жители деревни. Он был слеп ко всему, за исключением смутного ощущения своих ног, топавших по утрамбованной, высохшей грязи и траве, видневшейся кое-где зелеными пятнами.

Тигхи бежал неуклюже, пытаясь на бегу протереть глаза тыльной стороной ладони. Он слышал собственные всхлипывания и топанье ног преследователей за спиной. Теперь Тигхи посетило чувство, говорившее ему, что он озвучил то, о чем нельзя говорить, и взамен не получил облегчения.

Добежав до дальнего конца выступа главной улицы, Тигхи быстро вскарабкался по короткой лестнице на уступ и побежал в обратном направлении. Его целью было добраться до уступов, находившихся выше и в стороне. На одном из таких уступов стоял дом его па. Кто-то – Тигхи не успел разглядеть лицо этого человека – стоял в оцепенении с разинутым ртом, когда мимо проскочили сначала Тигхи, а затем помощники священника.

Помощники, рослые и крепкие парни, были постарше юноши и потому бежали более широким, размашистым шагом. Расстояние между ними и преследуемым быстро сокращалось. Их пальцы уже доставали до его одежды. Они пытались схватить его. Опасность поимки родила у Тигхи внезапное ощущение тошноты. Он начал вилять из стороны в сторону и лягаться. Тигхи из последних сил рванул вперед и увеличил отрыв от преследователей.

А затем тело Тигхи вдруг ощутило какую-то непонятную свободу, потерю опоры. Юноша бежал по самому краю, и его правая нога внезапно оступилась и соскользнула с обрыва. Уступ покачнулся перед глазами и взлетел вверх. Тигхи приготовился к удару лицом о засохшую грязь, однако никакого удара не последовало. Вместо этого уступ стал отдаляться. В ушах засвистел воздух и хлестнул по лицу и телу Тигхи.

В животе у юноши все сжалось и опустилось. С ужасающей ясностью он вдруг осознал, что наконец-то произошло то, чего он ждал и боялся.

Он падал.

Он падал и переворачивался в воздухе. Сначала перед Тигхи предстал калейдоскоп уступов и утесов, пролетающих мимо, а затем он перевернулся через голову и мог видеть только небо и далекие облака. Теперь ветер кричал, врываясь в уши Тигхи с невероятной силой. Наверное, он тоже кричал. Наверное, но Тигхи не мог сказать точно, потому что стремительный натиск воздуха вышибал все из его рта и отбрасывал далеко в сторону, как бы окружая юношу звуконепроницаемой оболочкой. Этот воздух отнимал у него тепло и наполнял тело холодом.

Всё.

Сильный металлический привкус во рту. Тигхи снова перевернулся и опять увидел стену прямо перед собой. И тогда ему стало понятно, почему его тело кувыркается в воздухе. Его руки и ноги совершали беспорядочные движения в ин-

стинктивной попытке опереться на что-то, уцепиться за что-то. Внезапно стена угрожающе надвинулась на юношу своими уступами и утесами, как бы желая ударить, разметать его тело на мелкие кусочки по своей неровной поверхности. В следующий момент мощный восходящий поток воздуха резко отбросил Тигхи в сторону; его голова откинулась назад так, что чуть было не сломались шейные позвонки, а конечности бессильно распластались в воздухе, влекомые телом. Затем он, в который уже раз, перевернулся через голову.

Перестав барахтаться в воздухе, юноша прижал руки к туловищу, а ноги сжал вместе, чтобы хоть как-то выровнять траекторию падения. Ветер, словно чья-то гигантская лапа, хватал его и играл им, как с куклой, бросая из стороны в сторону. Тигхи почувствовал в желудке спазмы. К горлу подступила тошнота. В следующий момент содержимое завтрака бледной струей изрыгнулось изо рта и оказалось в воздухе рядом с ним. Преисполненный отвращения, Тигхи замахал руками и закричал.

Затем каким-то чудом его подбросило вверх. Желудок, испытывавший судорожные движения, отметил эти изменения направления движения, не вниз, а вверх, словно к спине Тигхи была прикреплена невидимая веревка, которая теперь дернула его в противоположном направлении. К тому же в этот момент Тигхи падал лицом к стене, и поэтому его глаза внезапно ощутили разницу. Картинки стены стали мелькать все медленнее, затем произошла остановка, и в следующий

миг выступы и утесы поплыли в обратном направлении. Широкий уступ, над которым нависла мощная скала, поравнялся с Тигхи, а затем стал медленно опускаться вниз.

Разум Тигхи машинально зафиксировал отсутствие признаков жизни на далеком уступе. Очевидно, это пустошь. Поняв по всем признакам, что падение прекратилось и начался подъем, юноша подумал, что вмешалось Провидение и собирается вернуть его назад, в его деревню. Или что это впечатление означает его смерть. Может быть, он умер от падения. Умер от страха. И теперь его мертвое тело кувыркается в воздухе, падая туда, куда должны падать все люди, упавшие со стены, однако дух Тигхи оставил пределы оболочки, в которой заключался, и стремился вверх, на небеса. Увидеть своих па. Увидеть ма. Прости меня, ма...

Или же все это ему приснилось.

Однако никакой сон не мог так ощутимо присутствовать в желудке, который опять не замедлил напомнить о том, что все происходит наяву. Тигхи снова начало кувыркать и бросать из стороны в сторону. Он опять падал, проваливаясь в бездну, все быстрее и быстрее. Стало быть, своим подъемом он был обязан случайному порыву ветра?

Ужасное ощущение возобновления падения, движения вниз с ускорением. Еще один порыв ветра – и Тигхи оказался у стены. Его начало яростно бросать вихревыми потоками воздуха то к стене, то в противоположном от нее направлении. Глаза юноши были готовы выскочить из глазниц, в

горле пересохло напрочь. И, как будто этих мучений было недостаточно, он начал мерзнуть.

Ветер играл с Тигхи, швыряя его в разные стороны, будто травинку. Эту мысль, родившуюся на задворках сознания, мозг зафиксировал с огромным трудом.

Хуже всего был холод. Ужас падения постепенно отступал на задний план, теснимый ощущением холода. Пальцы на руках и ногах окоченели настолько, что Тигхи не мог ими пошевелить. Ветер пробивал насквозь грубую ткань рубашки и штанов. Сначала ему было очень больно, но затем тело перестало реагировать на боль, совершенно одеревенев. Тигхи падал – нет, двигался в сторону, летел назад к стене – нет, снова падал, теперь уже головой вниз. Однако первоначальный ужас от падения прошел, и теперь осталось лишь ощущение холода, пронизавшего до мозга костей и сводившего с ума.

Тигхи падал туда, куда падали все, кто оступился с края мира. Куда сбросили умиравших от истощения скитальцев. Куда упали его па и ма. К самому основанию стены. На самое дно.

А что, если никакого дна и нет вовсе, если те, кто начал падать, продолжали падать вечно. Однако все равно рано или поздно они умирали. Здесь Тигхи изумился самому себе, тому, что сохранил способность мыслить так рационально. Скорее всего они погибали от холода. Тигхи посмотрел вверх. Теперь до стены было совсем близко. Наверное, имен-

но так и погибали упавшие. Они просто врезались в стену по пути вниз и разбивались вдребезги, на миллионы кусочков.

Затем, несмотря на то, что даже мозг уже оцепенел от холода, у Тигхи мелькнула мысль, что стоит попробовать падать по-другому, чтобы удалиться от стены на безопасное расстояние. Если он выпрямит свое тело и повернется головой вниз, возможно, линия падения будет проходить дальше от стены. Если он удалится достаточно далеко, то сможет избежать...

Внезапно он погрузился в темноту и...

И у него перестали дышать легкие. Ошеломительный удар, потрясший тело, словно какой-то гигант шлепнул Тигхи своей рукой. Его хребет взвыл от невыносимой боли. Лицо до бесчувственности онемело от холода, но, несмотря на это, Тигхи ощутил, как из носа хлынуло что-то теплое. Чьи-то цепкие, царапающие пальцы прошлись по всему его телу. Это было страшным ощущением: словно его схватили чьи-то щупальца.

В мозгу Тигхи напоследок родились смутные ассоциации, и главной из них была ассоциация боли, заполнившей все клетки его тела, со стеной. Стена боли. Когда он вздохнул, боль усилилась многократно, пульсируя толчками. Левая нога горела адским огнем. Все тело было одним сгустком боли.

Книга вторая ЮНОША-ЗМЕЙ

Глава 1

Он начал возникать из темноты. Это произошло в какой-то момент. Было трудно сказать, когда это произошло, и сколько времени прошло, и... Боль пронизывала все тело Тигхи. Он плотно сжал веки и попытался не думать о боли. Ничего не получилось. Боль пульсировала в левой ноге, и это было самое неприятное. Тигхи опять попытался не думать о боли, но она продолжала вторгаться в мысли. Ее было невозможно обойти, обхитрить. Все было напрасно.

Зрачки ужалил свет. Серый свет, резкий. Тигхи оглянулся, и ему понадобилось время, чтобы сложить вместе...

Опять заснул! Тигхи то и дело засыпал, не успев закончить мысль. Он чувствовал, что вокруг него двигаются люди. Иногда по какой-то палочке в его рот капает суп. Когда он был маленьким, у него случилась лихорадка, и па отпаивал Тигхи таким же способом: наливал густой бульон из миски ложками в палочку с продольным углублением, по которому вкусная жидкость потихоньку бежала в рот. Однако его па умер, и ма тоже. Вспомнив об этом, юноша заплакал.

Люди стали что-то говорить ему. Очевидно, они хотели успокоить его, и по воздуху потекли слова. Однако эти слова для него ничего не значили.

Однажды утром Тигхи попытался сесть, но это оказалось ему не по силам и отдалось резкой болью в ногах и сине. Он вскрикнул:

– Ах! Ах!

Кто-то с краской на лице и в странном головном уборе выдвинулся из тени и наклонился над ним. Опять прозвучали незнакомые слова, но для Тигхи в них не было никакого смысла.

Слова, не несшие в себе смысла, были похожи на музыку, и эта музыка подействовала на Тигхи как колыбельная. Он опять заснул.

Юноше казалось, что он никогда не сможет заснуть надолго, потому что едва он засыпал, как боль почти сразу же будила его. Тигхи попытался объяснить это человеку с накрашенным лицом и в головном уборе, однако на лице этого человека не появилось никаких признаков понимания. Оно осталось таким же бесстрастным. Иногда у Тигхи возникало ощущение, что там находился другой человек, но с той же краской на лице и в том же головном уборе, однако черты его лица были другими. Бледная краска мешала Тигхи заметить разницу, делая лица очень похожими, и это раздражало юношу.

– Сколько времени я пробыл здесь? – спросил он.

Однако его вопрос оставили без ответа.

Теперь Тигхи мог сидеть. Сначала он привставал на локтях и подтягивал к себе ноги, а затем выпрямлялся. Каждое движение давалось с трудом и отдавалось пульсирующей болью в ступнях. Однако одно то, что Тигхи уже мог держать голову в вертикальном положении и видеть все, что происходит вблизи, имело для него огромное значение. Когда эти люди пришли и снова начали кормить его, Тигхи взял лопаточку и миску и стал сам, как взрослый, хлебать суп. В голове все было в порядке. Виски больше не горели огнем, и из глаз не лились ручьем слезы. Спину уже не ломило, как раньше. Боль осталась лишь в суставах ног. По-прежнему болели ступни. Левая была сломана. Посмотреть, что с ней случилось, Тигхи не мог, потому что вся ступня была обмазана толстым слоем грязи, и со стороны казалось, будто она находится внутри огромной лепешки.

Снедаемый любопытством Тигхи решил исследовать эту грязь странного бледного цвета. Тем не менее это была грязь, хоть и сухая. Он поскреб ее ногтями и отколупнул несколько кусочков. Один служитель заметил это и, поспешив к Тигхи, остановил его. Осторожно, но властно он взял руку юноши и, сняв с этой штуки, положил ему на грудь.

Тигхи понял. Однажды мальчик свалился с верхнего уступа. Ему здорово повезло, потому что он упал на выступ главной улицы, а не свалился со стены совсем. Однако он вывихнул руку и сломал кость. Его па и ма привязали к сломан-

ной руке толстый бамбуковый ствол и обмазали его вместе с рукой грязью, чтобы кость правильно срасталась. Только та грязь через несколько часов засыхала и рассыпалась, и им приходилось накладывать новый слой грязи каждое утро и вечер. А эта бледная, сухая грязь все время оставалась твердой как камень.

Он ел, спал, пил. Суп здесь называли «полтете». Один из служителей показал на миску с супом и стал повторять это слово, пока Тигхи не научился произносить его. Тигхи попытался поменяться ролями со служителем и несколько раз произнес:

– Меня зовут Тигхи, Тигхи, – однако тот, похоже, не проявил никакого интереса.

Каждое утро юноша просыпался очень рано и подтягивался на руках, упирая их в матрац, чтобы сесть. Он находился в широком пространстве с низким потолком. Судя по очень шероховатым стенам, помещение было вырыто в стене совсем недавно. На полу лежала дюжина матрацев, сплетенных из толстого тростника, какой Тигхи видел впервые. Они были уложены в ряд между стенами. Тигхи занимал матрац, который находился почти в середине ряда. В первые дни пребывания юноши в этом месте на матраце третьем по счету от того, на котором лежал Тигхи, находилось большое тело, которое лежало на спине и дышало с трудом. К тому времени, когда Тигхи смог сидеть, тело уже исчезло. Умер или выздоровел его обладатель, юноша так и не узнал.

Как только Тигхи прочистил ноздри от сгустков засохшей крови и вновь смог ощущать запахи, его поразила чистота и свежесть воздуха. Можно было подумать, что стены только что вымыли с мылом.

По мере улучшения здоровья Тигхи его диета становилась более разнообразной и состояла не только из полтете. Иногда в бульон добавляли вкусных личинок и червей, а однажды принесли кусочек чего-то очень восхитительного, похожего на мясо, хотя такого мяса ему раньше пробовать не доводилось. Каждый день начинался с порции травяного хлеба, такого теплого, что его, должно быть, только что испекли.

Когда Тигхи захотелось помочиться, он перекатился к краю матраца и пописал на пол так, как привык это делать дома. Он даже попытался забросать лужу землей, опять-таки потому, что дома поступил бы именно так. Однако когда Тигхи потянулся рукой к земле и начал ковырять ее пальцами, это движение отдалось резкой болью в ногах. Не успел юноша засыпать свою мочу, как прибежал служитель и на своем тарабарском языке и при помощи жестов и мимики объяснил, что так делать не следует. Его лицо выражало крайнее отвращение. Служитель показал Тигхи на горшок, стоявший с другой стороны матраца, и объяснил, что юноша должен мочиться именно в этот сосуд. В горшке лежали листья платана, и Тигхи не сразу, но понял, что должен вынуть их и использовать, когда ему захочется опорожнить кишечник. Горшок же предназначался только для мочи.

Усвоив наконец чужестранную концепцию отправления естественных надобностей, Тигхи сделал так, как ему говорили, и использовал непривычные приспособления в соответствии с полученными инструкциями. Время от времени служители куда-то выносили горшок, очевидно, чтобы опорожнить, потому что назад горшок возвращался пустым, и каждый раз, когда Тигхи наполнял платановый лист своими экскрементами, его аккуратно заворачивали и уносили. Может быть, они использовали его кал как удобрение для своих огородов, а может, сбрасывали с края мира. Тигхи не мог этого знать.

В помещение внесли еще одного больного. Из носа и ушей у него капала кровь, и он скулил, как маленький поросенок. На полчаса больной стал центром всеобщего внимания. Все четыре служителя хлопотали вокруг, наклоняясь к нему, стирали с его лица кровь и что-то прикладывали к его губам. Однако через некоторое время человек переставал издавать какие-либо звуки и замер, а еще через полчаса с той стороны стал доноситься какой-то странный запах. Служители вынесли безжизненное тело, и Тигхи опять остался в одиночестве.

Вскоре до него дошло, что на лицах у этих людей не краска, как он думал вначале. Нет, таков был естественный цвет их кожи: пепельно-белый, отчего лица напоминали религиозные маски. Однажды утром над ним наклонился главный медицинский служитель, осматривавший его ноги, и Тигхи понял, что этот особенный пепельный цвет не был краской,

нанесенной сверху, но доходил до самых пор его кожи. Такого же цвета были и череп, а также руки и ноги.

Головной убор также оказался не головным убором, а огромной массой выющихся волос. Их волосы были странными, не такими, как у Тигхи, более густыми, что ли; каждая прядь курчавилась наружу, и на расстоянии казалось, что голова покрыта буйно разросшимся мхом. Волосы волнами ниспадали им на плечи. Все они носили одну и ту же одежду: темно-синие халаты, доходившие до колен, и черные гетры на босых белых ногах.

Эти люди были настолько странными, что Тигхи иногда казалось, будто они едва ли имеют какое-либо отношение к человеческой расе, и он – поскольку ему все равно было нечем занять свои мозги, кроме как ткать различные фантазии, – предполагал, что в своем падении действительно достиг подножия стены и обнаружил, что здесь живут дьяволы. Или звери. Или какие-то другие чужие существа. Возможно, подумал Тигхи, он умер, но затем такое предположение показалось ему лишенным всяких оснований, потому что жизнь слишком явственно заявляла о себе голодом, жаждой и сильными болями в ногах. Может, Тигхи и достиг подножия стены, но смерти ему удалось избежать, хоть в это и трудно было поверить.

Падение. Теперь оно представлялось Тигхи каким-то нереальным, туманным. Нет, его не было. Никуда он не падал. Или же пролетел рук пятьдесят и при падении на землю

повредил ноги. Вот и все. Однако пятьюдесятью руками ниже Уютного Утеса на стене не было никаких деревень, и Тигхи знал это, как и то, что никаких деревень не было и тысячу руками ниже, и десятью тысячами. Прямо под деревней начинался очень длинный участок мировой стены, по которому не мог пройти никто. И все же сейчас Тигхи находился в какой-то деревне. Как это объяснить?

Один из медицинских служителей был старше других трех. Тигхи понял это, наблюдая за ними. Старший лекарь был ниже ростом, чем остальные, но двое мужчин и одна женщина подчинялись ему. Внимательно слушая их тарбарщину, Тигхи уловил слово «Вивре», которое употребляли остальные трое лекарей. Этот человек никогда не производил его сам. Следовательно, это было имя или должность.

В следующий раз, когда этот человек стал осматривать его, Тигхи произнес слово «Вивре».

Странное, пепельно-бледное лицо человека расплылось в широкой улыбке.

– Аоуи, – ответил он. – Вивре.

А затем на Тигхи обрушился поток чужих слов и звуков, которые совершенно обескуражили юношу.

Однажды, когда Тигхи был еще совсем маленьким, к ним в деревню поднялся странствующий торговец из Давильни, которые принес украшения и трубки из плексигласа. Торговля шла бойко, и торговец задержался в деревне на несколько дней. Тигхи, которому было, как всегда, скучно, несколько

раз разговаривал с ним. Тигхи хорошо помнил, что торговец произносил слова с какой-то странной интонацией.

– Ты говоришь очень забавно, – сказал ему маленький Тигхи.

Торговец рассмеялся и объяснил, что научился правильно говорить, лишь став зрелым мужчиной, а до этого говорил на совершенно ином наречии. Для маленького Тигхи это было настоящим открытием.

Оказывается, люди, живущие на стене, разговаривают не на одном языке!

– Скажи что-нибудь на твоём другом языке, – попросил мальчик.

– Что сказать? – удивился торговец.

– Все равно.

И тогда торговец разразился потоком слов, показавшихся Тигхи бессмысленной тарабарщиной.

После той встречи Тигхи в течение многих недель экспериментировал со своими собственными тарабарскими словами. Своему па он объяснил, что изобретает новый язык. Однако эта бессмысленная речь звучала глупо даже в его собственных ушах, и довольно скоро мальчик оставил это занятие.

Теперь эта игра заменяла ему весь мир. По мере того как боль постепенно уходила из ноги, Тигхи все больше сосредоточивал свое внимание на речи врачей, на словах, которыми они обменивались. Это были имена или названия их

должностей – вот и все, что он мог пока понять, несмотря на все усилия.

Однажды явилась целая процессия, и все эти люди пришли с одной целью – посмотреть на Тигхи. Должно быть, их было не меньше дюжины. Они сразу заполнили собой все помещение. Некоторые были так высоки, что им приходилось наклонять голову, чтобы не задеть потолок. Все были такие же пепельнолицые, как и медицинские служители, и у всех были одинаковые черные (или коричневые) волосы, свалывшиеся в большие, спутанные комья. Некоторые вплели в волосы украшения из пластика и других ценных вещей. Все одеты в одинаковую униформу темно-синего цвета. Впрочем, у некоторых униформа была более красивой, с рукавами, расшитыми желтой нитью.

Они обступили матрац Тигхи со всех сторон и принялись глазеть на него, громко тараторя на своем языке и (так ему показалось) смеясь. Обескураженный внезапным вторжением, Тигхи испугался.

Когда один из посетителей наклонился и начал ощупывать его, тыкая пальцами в разные места, Тигхи попытался увернуться. Раздался громкий смех. Оглушительные, гулкие звуки, скуластые лица и копны густых, спутанных волос, которые тряслись в такт движениям голов.

Затем делегация удалилась так же быстро и внезапно, как и появилась. Пришельцы ненадолго задержались у двери, чтобы поговорить с Вивре.

Вскоре наступила тишина, и Вивре, подойдя к Тигхи, опять осмотрел его.

Вся левая сторона тела Тигхи была покрыта ссадинами и синяками, которые начали желтеть. Кровоподтеки и синяки густо усыпали и левую ногу. Он потрогал эти места и обнаружил несколько глубоких шрамов, которые уже почти зажили.

Язык, на котором говорили эти странные бледнокожие люди, каким-то образом начал проникать в сознание Тигхи. В общей сумятице звуков он научился выделять отдельные слова.

«Полтете» означало суп (или жидкость?).

«Хомб» означало человек или, возможно, мужчина.

«Вивре» – имя. Так звали главного медицинского служителя. Это был крупный мужчина, высокий и широкоплечий, с белым до ужаса лицом и огромной массой спутанных волос, из-за которых мужчина казался еще выше.

Тигхи повторял иностранные слова, с которых начинался утренний осмотр, в течение нескольких дней, прежде чем понял их истинное значение. Это неизменно вызывало благожелательные улыбки медицинского персонала. Теперь он знал, что «нее» означает «новый», а «ор» – «день».

– Добрый новый день, больной, – обычно говорил Вивре. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Да, – отвечал Тигхи. – Да.

Настоящий прорыв наступил, когда он научился задавать вопросы.

Как вы говорите?

Что это?

Скажите мне...

– Как вы говорите? – начинал Тигхи и затем прикасался к своей ступне.

– А, ступня, – отвечал Вивре на своем странном языке.

– Как вы говорите? – прикасался Тигхи к ноге выше ступни.

– Нога, да. Вы анапрехал троп хорошо, да.

«Троп» значит «очень», подумал Тигхи.

– Как вы говорите живот, рука, ладонь, лицо, голова, волосы?

– Волосы, – повторил Вивре, улыбнувшись. – Твои волосы очень малпуа, месхаламме дела троппа.

– Как вы говорите.

И Тигхи жестами обозначал величину, расставив руки и надув щеки.

– Что? Что? – спрашивал Вивре. – Вы имеете в виду – эмпхеу? Нет, нет, вы хотите сказать гранда.

Это значило «большой». Слово было очень похоже на родное «гранд» и поэтому легко запомнилось.

– Большие волосы, – произнес Тигхи, показав на пышную шевелюру Вивре. – Большие волосы!

Вивре засмеялся, встряхнул своими кудрями и, наклонившись к Тигхи, взял в руки прядь его волос, гораздо более редких и коротких.

Тигхи делал попытки завязать разговор и с другими медицинскими служителями, но они игнорировали его, словно сговорившись. Они даже не снисходили до такой милости, как обменяться взглядами. Тигхи не понимал этого. Может, они сердились на него? Или же в силу своего низкого положения и подумать не могли о том, чтобы заговорить с кем-нибудь вроде него?

В течение нескольких дней Вивре совершенно не был расположен к продолжению языковой игры с Тигхи. Он расхаживал по помещению, громко топая, и покрикивал на своих подчиненных. Лишившись единственного способа чем-то занять свои мозги, Тигхи чуть ли не сходил с ума от скуки и с огромным нетерпением ждал, когда пройдет черная полоса в настроении Вивре, чтобы узнать от него новые слова и закрепить их в памяти. Однако Тигхи быстро научился не беспокоить Вивре, если тот был не в духе.

Вивре объяснил ему, что люди, приходившие посмотреть на Тигхи, были частью армии. Великой армии! После визита этих важных военных чинов разные люди то и дело просовывали свои головы в приоткрытую дверь палаты и осведомлялись насчет Тигхи у Вивре или у других санитаров. Время от времени до Тигхи долетали обрывки их разговоров.

– Так значит, это он и есть? Парень себстинапул?

Иногда речь была слишком быстрой, или собеседники употребляли только незнакомые слова, или их акцент значительно отличался от акцента Вивре, и Тигхи не мог уловить

ничего.

Отношение Вивре к этим случайным посетителям вызывало у юноши удивление. Иногда он прогонял их прочь, бросаясь к двери из дальнего угла палаты и свирепо вопя. Но бывали случаи, когда он сиял улыбкой и приглашал гостя внутрь палаты.

– Это Белливра, – говорил он. – Это Прир-Валлио. Господа, скажите «добрый новый день» господину Тигхи.

– Господин Тигхи, – говорил гость, кивая.

– Добрый новый день, – вежливо отвечал Тигхи.

Гость скалился в улыбке, гладил его по голове и внимательно осматривал с головы до ног, задавая при этом Вивре пару-тройку вопросов.

– Похоже, я становлюсь знаменитостью, – как-то раз после очередного такого визита сказал Тигхи старшему лекарю, используя слово из его собственного языка.

Однако юноша еще недостаточно хорошо знал новый язык, чтобы выразить эту идею понятным образом.

Он узнал новые слова: голодный, скучно, сердце, легкое, дыхание, вверх, вниз, трудно, сломанный, матрац, помочиться, справить большую нужду. Он научился спрягать глагол «падать» по лицам в настоящем и прошедшем времени: я падаю, ты падаешь; я упал, они упали.

– Вы упали! – с улыбкой произнес Вивре, однако его глаза не смеялись. В них скорее было нечто похожее на благоговейный страх. – Определенно. Вы упали.

Однажды утром к Тигхи явилось странное ощущение надежды, родившееся почему-то не в голове, а где-то в глубине тела, пожалуй, в животе. Как обычно, он объяснял и задавал вопросы, постоянно запинаясь и делая паузы, и вдруг набрел на слово, обозначающее родителей.

– Мои родители, – сказал он. – Они упали, мои родители.

Вивре неуверенно кивнул, похоже, не зная, как отреагировать на эту информацию.

– Они упали, я упал, – сказал Тигхи. – Здесь? Они здесь?

– Твои родители? – Вивре перешел на ты, но, несмотря на это, выглядел почему-то обеспокоенным. – Здесь?

– Да. Как я, кожа. – Он для наглядности оттянул пальцами свою кожу. – Кожа, как у меня. Они упали – сюда, возможно. Я упал сюда, они упали сюда, возможно. Они здесь?

– Кожа, как у тебя, – в нашей славной империи есть люди с кожей шуарт, как у тебя. Наши Святые Папы реньель над многими людьми.

– Мои родители, – произнес Тигхи снова, и сердце тревожно забило в его груди. Если он упал со стены и выжил – в этом странном, новом месте – тогда, возможно, и с его родителями случилось то же самое. Возможно, его па и ма все еще живы, возможно, они живы и находятся в этом месте. – Они здесь?

– Твоих родителей здесь нет, Тигхи, малыш. Мне очень жаль.

Тигхи помолчал немного, осмысливая это предложение.

– Не здесь.

– Не здесь. Мне жаль.

– Они упали. Я упал. Я упал сюда – они упали куда?

– Их здесь нет, твоих родителей, Тигхи. Мне очень жаль.

Он не удивился. Совершенно ясно, что его спасение было чудесной случайностью. Он узнал слова: счастливый, благоговение и Бог (последнее слово означало то же самое, что Небесный Отец – странное понятие, которое Тигхи усвоил с трудом). Юноша начал понимать, почему взглянуть на него приходило так много людей.

Он упал в гущу армии, готовившейся к войне. Солдаты – их были десятки, так много, что Тигхи не мог запомнить всех лиц – кто уже приходил посмотреть на него и кто не был у него ни разу; слишком много новых лиц, чтобы их можно было запомнить. Все они хотели взглянуть на парня, упавшего с неба. Парня, который упал со стены и выжил. Он олицетворял удачу.

Солдаты всегда заинтересованы в удаче.

Пришел день, когда Вивре решил, что Тигхи пора попробовать встать на ноги. Вместе с одним из помощников он взял Тигхи под мышки и, подняв с матраца, поставил в вертикальное положение. Кровь отлила от головы Тигхи, и все поплыло у него перед глазами.

– Давай, – предложил Вивре.

Тигхи осторожно перенес тяжесть тела на здоровую ступню. Она отвыкла от нагрузки, и потому по ноге сразу же по-

бежали неприятные мурашки, однако ничего страшного не случилось. Похоже, с этой ногой все было в порядке. Затем Тигхи попытался перенести часть своего веса на другую ногу, и ее суставы запели от боли.

– О-о! – застонал он. – О-о...

С помощью Вивре и другого служителя Тигхи обошел один раз вокруг матраца, и каждый шаг отдавался сильной болью в коленном суставе. Прошла всего лишь минута, но юноша уже весь сочился потом, и оба медика осторожно опустили его назад на матрац.

Глава 2

Пища была отличная. Разнообразная и вкусная. Вивре принес ему миску бульона, в котором – и в этом Тигхи был абсолютно уверен – было немного мяса. Юноша ел жадно. Теперь он был здоровее и упитаннее, чем когда-либо.

Тигхи заметил в густых волосах Вивре какой-то желтый предмет, длиной с мизинец, но гораздо уже. Он заметил его еще в первые дни своего пребывания здесь, однако тогда слишком плохо знал чужой язык и, кроме того, стеснялся спрашивать об этом старшего лекаря. Однажды утром Тигхи все же набрался смелости.

– Это, – произнес он, показав рукой. – Что?

– Ты имеешь в виду это, эту маленькую оссианетту, лай дела мам. Это, – сказал Вивре, дотронувшись до интересовавшего Тигхи предмета и вдавив его глубже в волосы, – дела Империи, армии. Тебе понятно? Этот сэйно говорит о моем дела.

– Дела? – спросил Тигхи.

Разговаривая, он проводил пальцем по внутреннему краю миски, выбирая последние капли вкусной мясной подливки.

– Сэйно говорит о дела, это такая вещь, которая – я не знаю... Кулоэ, нарре делипарта маш пуэнтилио. Каждый мужчина и каждая женщина в армии, понимаешь? Каждый джентолле мужчина и каждая женщина в армии находится

в армии, в одном месте. Да? Да? От таких высоких чинов до таких вот невысоких; от Святого Отца до самого низа, до ребят севарре и девушек камп. Да? У всех есть своя дела.

– Ранг, – сказал Тигхи.

– На твоём языке, да. Твой язык звучит странно и безобразно. Однако это верно. Сэйно говорит о ранге. – Вивре улыбнулся. – Мой сэйно говорит о том, что я под-прелетте, но это люке-ранг, а не боевой.

– Люке? – удивился Тигхи.

Вивре шумно вздохнул и деланно рассердился, потрясая обеими руками.

– Говоря баллио джентолле, твои вопросы бесконечны. У меня нет темпиэвре, тебе понятно? – Он повернулся и сделал шаг к выходу, но затем передумал и опять повернулся лицом к Тигхи, испустив при этом очередной воздух. – Люке означает делать тела здоровыми на войне, а не убивать или аутапутелле. Понятно?

Тигхи кивнул и ничего не сказал. Из того, что Вивре носил форму, юноша давно уже заключил, что Вивре служил в армии и что он явно тратил свое время, чтобы вернуть Тигхи его здоровье.

С каждым днем чужой язык давался ему все легче и легче. Бывали дни, когда Вивре улыбался и сыпал шутками, и Тигхи решался задавать больше вопросов относительно значений тех или иных слов. Одни застревают в памяти, другие Тигхи быстро забывал, но в целом он забывал меньше, чем

можно было бы ожидать. Однако случалось, что на Вивре находило дурное настроение, и тогда он ругался нехорошими словами и бил подчиненных ладонью по лицу.

Слово «оссионетта», обозначающее предмет, находившийся в волосах Вивре, происходило от слова, которое значило «кость». Сначала Тигхи подумал, что оно значит «палец», потому что с помощью пальца Вивре пытался объяснить его значение. Тигхи даже использовал это слово в разговоре именно с таким значением, и Вивре не стал поправлять его. Однако позднее Вивре стал объяснять, как кость в колене Тигхи треснула, но не сломалась (что старший лекарь продемонстрировал на примере ломтика хлеба, сначала надломив его, а затем разломав), и тогда юноша понял истинное значение этого слова.

Такая кость имелась у каждого, кто служил в армии. Она обозначала ранг или звание. Чем больше кость, тем выше ранг ее обладателя. Некоторые военнотружущие для лучшей сохранности вплетали кость себе в волосы, однако были и такие, – скорее всего это были офицеры, – кто носил ее вшитой в форму. Кое-кто даже прокалывал ею щеку и носил в щеке.

– В щеке? – ужаснувшись, спросил Тигхи и похлопал себя по щеке, чтобы удостовериться, что именно это слово обозначает данную часть лица.

– Да, – сказал Вивре, серьезно кивая. – Через щеку. Вот так.

Эта костяная штучка-чин в действительности была сдела-

на не из кости, а из какого-то твердого вещества. На свету она имела цвет мочи, а на ощупь казалась теплой и тяжелой, словно была изготовлена из высококачественного полированного пластика. Тигхи мог разглядеть даже крошечные царапины, оставшиеся после полировки поверхности.

– Не пластик, – сказал Вивре. – Это металл. Называется прайз. В Вэйл Оунлемпре, где мне дали это, – и он пощелкал ногтем по ранговой кости, – у нас большие запасы этого металла. Это было лоу-парал для самой Кардинелле, которая вручила мне это на военном куэ доффо оурелле. Когда меня, простого солдата-санитара, произвели в под-прелетте. – Он улыбнулся. – Там собралось много людей. Много сотен. Все салдарра и рады тому, что стали свидетелями того, как армия Империи поднимается по миру, чтобы бороться с врагом.

Вэйл Оунлемпре, как понял Тигхи, означало Город Империи.

Судя по словам Вивре, это был город огромных размеров – десятки выступов, сотни уступов – достаточно широких, чтобы на них могли встать плечом к плечу десять человек, – много тысяч утесов и небольших скал. Там жили тысячи людей. Все это казалось Тигхи невероятным, однако когда он в вежливой и осторожной форме выразил свое изумление, Вивре пришел в негодование. Имперский Город был самым большим городом в мире, стоял на своем старший лекарь. Центром Империи, местом пребывания Трех Пап, самым вэйлпул городом в мире.

Слово «вэйлпул» скорее всего являлось производным от «вэйл», город, однако Тигхи не мог определить его точное значение.

– Самый городской город?

Но в этом словосочетании не было смысла.

Создавалось впечатление, что Имперский Город находился на стене где-то ниже того места, где сейчас был Тигхи. Из разговоров с Вивре юноше также стало ясно, что Три Папы отправили вверх по стене огромную армию – тысячи, сказал Вивре, показывая число на пальцах для наглядной иллюстрации столь огромного количества войск, – чтобы разгромить могучего противника.

Понятие о тысячах никак не поддавалось усвоению. Неужели на всем мире может быть столько людей?

Тысячи, стоял на своем Вивре. Могучая армия. Вот почему и сам Вивре находился здесь вместе со своими тремя люкхомбами, тремя санитарями (Хомб означало мужчину, но один из его медицинских помощников был женщиной), и всем медицинским снаряжением. Его лазарет должен был находиться в полной готовности к приему раненых после сражения, которое ожидалось в скором времени. Однако до сражения солдаты почти не нуждались в какой-либо медицинской помощи, и потому Вивре умирал от скуки, не зная, чем заняться. И вдруг упал Тигхи!

– Да, – произнес Тигхи, опять ощутив спазмы в желудке. – Я упал.

Почему Тигхи не умер в результате падения? Он обдумывал, как сформулировать этот вопрос для Вивре.

«Умер» не представляло собой лингвистической проблемы. Однажды двое солдат принесли третьего, форма которого настолько пропиталась кровью, что казалась черной и мокрой, а не синей, как обычно. Он тоже упал с неба. Во всяком случае, так показалось Тигхи. Он был флатар.

Вивре работал быстро и сноровисто. Прежде всего он принялся вытирать кровь с бледного лица юноши, однако кровотечение было слишком обильным, и лицо почти сразу же оказалось опять залитым кровью. Его дыхание было тяжелым и неестественно громким; оно заполняло всю палату с низким потолком. Полуоткрытый рот солдата изрыгал массу розовых пузырьков, похожих на яйца пауков. При этом раздавался булькающий звук, который у Тигхи почему-то ассоциировался с пуканьем. Раны солдата привели Тигхи в ужас, но затем все его внимание сосредоточилось на этом звуке, и ему захотелось смеяться. Звук получался таким смешным. Он попытался подавить смех и даже сжал губы большим и указательным пальцами. Сдержаться стоило немалого труда. Пррррр-ахх. Прррррпхрррлах. Это устрашало и вызывало смех одновременно.

Затем дыхание прекратилось.

Несколько минут Вивре и его помощники стояли у трупа и смотрели на него; затем завернули его в одеяло, и два санитары вынесли тело из палаты. Вивре взял швабру и сам убрал

кровь с пола, хотя такую грязную работу он обычно поручал кому-то другому. После этого примерно на час в палате воцарилось мрачное, гнетущее настроение. Однако в конце концов оно сошло на нет. Военный медик не может позволить себе принимать близко к сердцу страдания и даже смерти.

– Кто это был? – спросил Тигхи, когда Вивре несколько часов спустя пришел с обычным осмотром.

– Один парень.

– Один парень, – повторил Тигхи.

Вивре сделал жест правой рукой:

– Он мерден.

То есть умер. Тигхи понял значение слова сразу и не стал задавать уточняющих вопросов.

– Как? – поинтересовался юноша.

– Он был флатаром, – ответил Вивре. – Солдат в небе. Они практикуются в небе, и он упал. Это печально. Прискорбно.

– Флатар? – спросил Тигхи.

Вивре нахмурил лоб. Сегодня он явно был не в настроении объяснять значения слов.

– Флатар, – сказал он. – Флатар.

Его ладонь заскользила по воздуху.

– Как птица? – продолжал допытываться Тигхи.

– А что такое буххд? – спросил Вивре, без особого интереса, впрочем.

– Такая вещь в небе, – ответил Тигхи.

Он составил вместе указательные пальцы обеих рук и за-

хлопал ладонями, словно крыльями.

– Нет, нет, это аусо, аусо.

Тигхи хотелось продолжить урок, но Вивре размашистым шагом направился к двери и вскоре уже открывал ее, стремясь наружу, к свету.

На следующий день Тигхи совсем не видел Вивре. Его помощники молча принесли еду, а затем уселись втроем у входа, поглядывая наружу и приглушенными голосами разговаривая между собой.

В последние несколько дней Тигхи постоянно нервничал. Он не мог заставить себя лежать спокойно на матрасе, одолеваемый зудом деятельности. Колено все еще побаливало, особенно если нажимать на него или ступать при ходьбе, давя на суставы всем телом. Время от времени Тигхи ходил по палате с помощью санитаров. Зато ступня в оболочке из твердой грязи давно уже перестала болеть; теперь она сильно чесалась, и Тигхи извивался в такие минуты всем телом, не зная, как избавиться от неприятного ощущения. Но даже тогда, когда ему не досаждала чесотка, Тигхи все равно ворочался с боку на бок и дергался. Он умирал от скуки. Сев на матрасе, юноша напряг зрение и попытался разглядеть через открытую дверь, что делается за пределами палаты.

– Что такое флатар? – спросил Тигхи у санитарки-женщины, но та, как обычно, проигнорировала вопрос.

Еще через день снова появился Вивре.

– Добрый новый день тебе, моя маленькая птичка, – ска-

зал он, улыбаясь и махая ладонями. Последнее, как сразу понял Тигхи, должно было означать движение крыльев птиц. – Моя маленькая птичка! Мальчик, который упал! Как ты себя чувствуешь?

– Моя нога чешется, – ответил Тигхи. – Она очень чешется.

– Следует сказать, она сильно чешется, – поправил его Вивре. – Однако сегодня у нас не будет урока языка! Сегодня у меня состоялась беседа с Небесным Кардинелле всей армии! Он проявил к тебе большой интерес, моя маленькая птичка. Эскотьены продвигаются вверх по стене, вверх по стене, и на протяжении десяти миль они не встретили никого, ни одного человека. Только подумать! Несколько маленьких уступов, несколько пустошей, но никаких людей, никаких деревень, никаких городов. А они поднялись уже на десять миль. Целых десять миль!

Миля, как узнал Тигхи, была равна двум тысячам рук, почти двум лигам.

– Если там нет уступов, – сказал юноша, – то как же тогда ваши солдаты там поднимаются?

Удивление Тигхи вызвало у Вивре искренний смех.

– Ну конечно же, они поднимаются по воздуху, как же еще, – произнес он. – Деризенне, они пролетели много миль и ничего не обнаружили.

– Совсем ничего? – спросил Тигхи.

– Только подумать, как далеко ты упал, моя маленькая

птичка, – сказал восхищенный Вивре. – Упасть так далеко и не погибнуть! Это знак особого гресса Бога. Поэтому с тобой хочет поговорить господин Эланне. Так он сказал мне.

– Господин Эланне?

– Господин Эланне – Небесный Кардинелле всей армии – представь себе! Помощник самого Военного Папы. Очень великий человек. Очень стриша человек.

– Он будет говорить со мной?

– Ты – хороший фаулел – хорошая вещь на будущее, хороший знак. Понимаешь?

– Предзнаменование, – сказал Тигхи. – Так мы говорим.

– Фаулел – предзнаменование – да. Упасть так далеко и не погибнуть. Все мужчины и женщины нашей армии думают так: хорошее предзнаменование на будущее. Упасть так далеко и не погибнуть.

– Вивре, как получилось, что я упал так далеко и не погиб? Этот вопрос вызвал у Вивре приступ бурного веселья.

– Адмиракулла! – произнес он, отсмеявшись. – Такого еще никогда не случалось. Армия собиралась, собиралась здесь, в этом месте, свои силы – так? Мы идем воевать с врагом. Мы приводим сюда тысячи мужчин и женщин, которые в армии, чтобы узнать эту часть стены. Господин Эланне готовил флатары и калабаши, из которых состоять небесная армия.

– Какие они? – спросил Тигхи. – Что такое флатар?

– Часть армии. Флатар, – он немного запнулся, подыски-

вая нужное слово, – это вещь. Каждый с парнем или девушкой. – Вивре сделал жест ладонью, рассекая ею воздух снизу вверх. – Ты выйдешь на своих ноги наружу, на уступ, туда, скоро; тогда я покажу тебе. А калабаш – это мешок, так? Полный воздуха, горячего воздуха. Очень большой. – Вивре изобразил в воздухе перед Тигхи огромный шар. – Большая штука, которая поднимается в воздухе. В армии таких дюжина. Две дюжины.

Тигхи попытался мысленно нарисовать эту странную вещь, но ему не хватило воображения.

– Ладно, – сказал Вивре, слегка разочарованный тем, что объяснение не произвело должного впечатления на его подопечного, не выразившего безграничного восхищения первоклассным оснащением имперской армии. – Значит, в твоей стране нет калабашей и там не знают, что это такое?

– Нет, – признал Тигхи.

– Так вот, – произнес Вивре, – ты доубессе своей жизнью калабашу. Когда ты появился в небе, случилось так, что один такой калабаш был экзалпенен; его готовили к полету, наполняли горячим воздухом. Он был наполовину уже полон и начинал подниматься. И тут ты упал прямо на него! Один парень увидел тебя еще высоко вверху, а затем тебя увидели все и закричали и стали показывать на тебя. Ты упал с высоты и приземлился – пуфф! (чтобы произвести этот, звук Вивре выпустил весь воздух из легких) – на калабаш. Вытолкнув из него воздух, нан алдириэнне, и весь обернувшись

им, как одеялом. Вот так! Ткань калабаша очень толстая и прочная – да? Но твоя левая нога энтрелатте, пробила ее. Вот почему твоя нога превратилась в суп. – Вивре использовал слово «полтете», означавшее суп. В кашу – еще одно слово из кухонного лексикона. Вивре скорчил гримасу. – Но, несмотря на это, ты был жив! Много ушибов и порезов. Много крови. Ты заснул – да! Да конаиссеп. Но живой!

– Живой, – прошептал Тигхи.

– Поэтому Кардинелле Эланне будет говорить с тобой завтра или послезавтра.

Вивре был явно доволен таким ходом событий. Его лазарет посетит настоящая военная знаменитость!

Глава 3

Весь оставшийся день Вивре возился с Тигхи: готовил его, как тот догадался, к визиту высокопоставленного офицера. Вместе с санитаром он водил Тигхи по палате снова и снова, отсчитывая в такт шагам:

– Раз-два, раз-два.

За время своего пребывания в лазарете Тигхи научился считать на новом языке до двенадцати. И конечно же, он знал, как сказать «тысячи».

Они сделали перерыв для принятия пищи, после чего Вивре приказал санитарам принести какие-то инструменты. Тигхи еще плохо разбирался в медицинских терминах и потому не смог определить, какого рода эти инструменты. Сам же старший лекарь уселся, подтянув под себя ноги, на матрац у Тигхи в ногах.

– Сейчас я сниму с твоей ноги гипс, моя маленькая птичка, – объявил он.

Его лицо сияло от счастья, и даже голос стал ласково-вкрадчивым.

– Вивре, – произнес Тигхи. Затем более уважительно: – Господин Вивре. – Вивре взглянул на него. – У меня есть вопрос.

– Вопрос?

– Какова ваша семья?

Вивре слегка скособочил голову:

– Что ты имеешь в виду?

– У вас есть семья? – перефразировал Тигхи свой вопрос.

– Отец и мать, – ответил Вивре, – брат и сестра.

Было непонятно, то ли он отвечал на вопрос, то ли уточнял значение слова «семья».

– Вы – отец, – сказал Тигхи, слегка покраснев. – В моей стране говорят «па» и «ма». Для меня вы играете в отца.

Он не хотел использовать слово со значением «играть», однако ему не было известно слово, которое обозначало бы «вести себя или играть роль» в более серьезном смысле. Однако после того как Тигхи произнес его, стало ясно, что оно в этом контексте не звучит. Он попытался снова:

– Для меня вы работаете в отца. Но и это слово явно не подходило.

Вивре смотрел на него с недоумевающей миной. Юноша заволновался. Ему вовсе не хотелось обидеть старшего врача, пусть даже и ненароком. Покашляв, он сделал еще одну попытку:

– Я думаю, что у вас должен быть сын. Вы добрый, я думаю.

– У меня нет никакого сына, – сказал Вивре, и его голос прозвучал отчужденно.

Тигхи поднял голову и увидел, что лицо Вивре приняло пугающее, каменное выражение.

Последовало молчание. Один из медицинских помощни-

ков притащил кожаную сумку. Тигхи хотел сказать: «Надеюсь, я не обидел вас – у меня и в мыслях не было такого намерения», – однако ему не хватило запаса слов.

Не говоря ни слова, Вивре принял у санитаря сумку, и тот удалился. Они опять остались одни. Старший лекарь открыл сумку и достал из нее зубчатый шпатель.

– Вивре, – снова произнес Тигхи. Слезы подступили у него к горлу, и он с трудом сдерживался, чтобы не заплакать. – Я хочу сказать: спасибо вам.

– За что? – спросил Вивре, не глядя на него.

– Вы добрый, я думаю. Вы отец, я думаю. Для меня. Моя ма, моя мать, она добрый, но иногда она ломать меня. – Тигхи хлопнул по матрацу ладонью правой руки, чтобы наглядно пояснить то, что пытался сказать. – Она болейт каждый месяц, она, – он хлопнул по матрацу еще раз, – каждый месяц. – Слезы начали капать из его глаз. Он даже не совсем понимал, зачем говорит это. – Вы добры ко мне, – сказал Тигхи и закусил верхнюю губу, надеясь болью помешать рыданиям вырваться наружу.

Вивре по-прежнему не смотрел на него.

– Не плачь. У тебя раны на голове и теле; я донерете, видел их, когда ты поступил сюда. Особенно под твоими волосами. Глубокий, старый шрам на затылке. Те, кто принес тебя сюда, подумали, что ты – солдат и это раны, полученные в боях.

– Я получил их, еще когда был совсем маленьким, – сказал Тигхи. – Я не помнить когда.

Вивре внезапно взглянул на него. В его глазах засверкали живые огоньки.

– Иногда это случается. Твоя мать, я думаю. Мне жаль слышать о том, что твоя мать ломать тебя, слышать о твоей семье. Но она любила тебя, я думаю.

– Она любила меня, – сказал Тигхи, стараясь дышать равномерно.

– Семья как армия, в семье иногда как на войне. А на войне люди иногда получают ранения. Ты знаешь это?

– Она была, – произнес Тигхи и запнулся потому, что не знал, как сказать на новом языке – неуравновешенная... и... раздраженная.

Он не мог найти иного способа, чтобы выразить то, что хотел. Поэтому Тигхи сказал:

– Она упала с мира.

– Ты уже говорил мне это, – торопливо произнес Вивре. – Очень жаль. Ладно, теперь слушай меня. Я разрежу гипс вот этим коутно. Он кажется острым, но твою кожу он не тронет. – Он улыбнулся. – Ну, что?

Тигхи кивнул.

Вивре принялся распиливать внешний слой сухой оболочки, отдирая пальцами другой руки кусочки похожего на светло-серую грязь вещества и бросая их на пол. Приблизившись к внутреннему слою, он стал пилить медленнее и осторожнее. Тигхи почувствовал, как давление на ступню начало уменьшаться. Это было какое-то смутное ощущение, ка-

савшееся даже не ступни, а всей ноги ниже колена. Наконец Вивре отложил шпатель в сторону и, взявшись за края оболочки, дернул их в разные стороны. Оболочка окончательно развалилась, пыхнув небольшим облачком пыли, и глазам Тигхи предстала его нога, завернутая в какую-то тонкую, грязную ткань.

– Ну вот! – торжествующе произнес Вивре.

– Хорошо, – сказал Тигхи.

Вивре без особого труда разрезал ткань, и вместе они усталились на ступню. Она выглядела немного деформированной, с пальцами, искривленными в одну сторону. Сама ступня была выгнута кверху, образуя выпуклость. Сбоку появилась какая-то шишка, которой раньше не было. Для сравнения Тигхи приложил рядом вторую ступню. И все же это была его ступня, в чем он совершенно не сомневался.

– Сейчас я помою ее, – проговорил Вивре.

Он положил шпатель в сумку, а затем подошел к бачку с водой, стоявшему в углу палаты, и наполнил миску.

Вернувшись к Тигхи, старший врач опять уселся на матрас и начал протирать ступню тряпкой, которую он окунал в воду, а затем выкручивал. Вода приятно холодила кожу, а прикосновение тряпки успокаивало, снимая чесоточный зуд.

– Видишь, какая ты важная птица. Тебе даже не приходится самому мыть ноги! – пошутил Вивре, почему-то по-прежнему стараясь не смотреть Тигхи в глаза. – Только сами Папы имеют такое удовольствие, такую люкссесе.

Испытывая огромное желание продолжить разговор и сменить тему, Тигхи спросил:

– Господин Вивре, вы говорите «Папа». Кто такой Папа? Это принц?

– Приинсе? Что означает это слово?

Тигхи пришлось немного поразмыслить, прежде чем дать ответ на этот вопрос. Ведь его словарный запас был все еще слишком ограниченным. Наконец он сказал:

– Если общество – это тело, тогда принц – голова. Принц, священник и дож – три головы.

Тигхи хотел было добавить, что его па – его отец – был принцем их деревни, однако затем решил, что будет лучше, если он пока придержит эту информацию при себе.

Вивре слегка покачал головой, в который уже раз выкручивая тряпку над миской с водой.

– Твои слова – уродливые слова в вашем языке. Так я думаю. Но Папа – манкер, это верно. Они – голова тела, Империи. У вас три и у нас три.

– Принц – голова, – сказал Тигхи. – Священник – голова для бога. Дождь для... – Он не знал, как перевести слово «торговля», и поэтому умолк.

Казалось, что с каждым произносимым словом Вивре становится крупнее, солиднее и дышит глубже. Он выпрямил плечи и сказал:

– Империя находится в руках всемогущих Трех Пап. Папа законов, Папа-эспитпул и Папа войны. Однако Империя –

это огромная страна, она простирается на много миль вверх и вниз по мировой стене, на много-много миль на восток и запад. Когда мы ведем войну и Папа войны всегда там, где она идет – он и теперь здесь, – он Закон, Эспивре и Война в одном лице.

– Эспивре, – спросил Тигхи. – Это слово. Оно значит Бог?

– Это здесь, – ответил Вивре, постучав свободной рукой себя по голове. – Здесь внутри. – Он показал жестом на свою грудь. – Это – Эспивре.

– Душа, – сказал Тигхи.

Вивре утвердительно опустил брови и опять принялся мыть ступню Тигхи.

– Папа души сейчас в Имперском Городе, – произнес он. – Там она в самом сердце. Папа законов, он находится на много миль ниже по стене. Это страна, которую мы эпарвен в прошлом году и в году перед прошлым годом.

– Эпарвен?

Вивре встал и направился в угол к бачку с водой, в котором ополоснул миску, предварительно выплеснув грязную воду на земляной пол.

– Которую мы присоединили во время войны. Теперь это Империя. Она очень нуждается в законах, и Папа законов сейчас там. – Он повернулся. – А теперь твоя нога чистая и ты готов к встрече с Кардинелле Эланне.

Тигхи начал постигать структуру и иерархию Имперской армии. После Папы наибольшей властью располагали Карди-

неллы. За ними по убывающей следовали Капонеллы и Прелетты и другие младшие офицеры. Да, в этой армии было так много рангов, так много уровней командования. Это говорило об армии более огромной, чем Тигхи мог себе представить. Тысячи, сказал Вивре. Тысячи.

Глава 4

Кардинелле Эланне явился ранним утром следующего дня. Это был человек невысокого роста, гораздо ниже, чем ожидал Тигхи, однако на шее у него красовалась массивная «кость» из прайза, висевшая на кожаном ремешке. Волосы Кардинелле были заплетены в толстые пряди и связаны в пучок, торчавший сзади. Морщинистая кожа сама за себя говорила о его возрасте, однако Кардинелле не носил бороду. Глядя на него, Тигхи вдруг вспомнил, что с тех пор, как он пришел в себя в этой палате, ему не приходилось видеть мужчин с бородами.

– Рад познакомиться с вами, сайонар Тигхи, – сказал Кардинелле.

Его сопровождали двое солдат в синей форме, которые стояли в нескольких шагах позади. У одного из них в руках был маленький ящик. По сигналу Кардинелле солдат – им оказалась женщина – открыл эту штуку, вытащив из-под низа ножки. Получилась маленькая табуретка. Тигхи показалось, что она сделана из дерева, хотя он никак не мог поверить, что такой ценный материал использовали для того, чтобы сделать табуретку, вещь совершенно пустяковую.

Кардинелле поправил табуретку, чтобы она не шаталась на неровном полу, и сел.

– Вы упали с неба, – произнес он медленно, тщательно

выговаривая каждое слово. – Просто чудо, что вы вообще остались в живых.

– Я знаю это, – сказал Тигхи.

– Мы посылали разведчиков вверх в калабаше. Прямо над нами на протяжении многих миль нет никаких поселений. Сколько времени вы падали?

– Не знаю, – ответил юноша.

Кардинелле, похоже, подумал, что Тигхи не понял его слов.

– Я хотел спросить, – произнес он еще более медленно, – какой период времени вы падали? Как долго продолжалось ваше падение?

– Я понимаю ваш вопрос, господин Кардинелле, – кротко сказал Тигхи. – Но я не знаю времени. Я не помню.

Кардинелле долго смотрел на него немигающим взглядом:

– Должно быть, прошло много времени, я думаю.

– Да, много времени.

– Вы были вентьен совсем? Восток? Запад?

Тигхи покраснел:

– Я не знаю этих слов.

– Восток, – сказал Вивре, – слева, запад – справа. Тебя вентьен налево или направо, когда ты падал?

– Я не знаю этого слова, господин Кардинелле, – произнес Тигхи сдавленным голосом.

– Вентьен, – энергично повторил Эланне.

Сложив губы трубочкой, он стал дуть, а затем подставил

ко рту руку и изобразил, как ее относит потоком воздуха.

– Вентъен, – сказал Тигхи, поняв смысл слова. – Относило.

– Да. Относило ли вас ветром, когда вы падали? Возможно, вы деритнабур из какой-то страны, находящейся выше нас и гораздо восточнее или западнее. Мы не знаем.

– Я не знаю. Иногда ветер немного поднимал меня, иногда падение ощущалось меньше – я падал не так быстро, – объяснил Тигхи.

Лбам Иобертс Кардинелле нетерпеливо фыркнул:

– Это понятно. Дул ветер. Однако об этом хватит. Вы из большой страны? Ваш народ – у него есть армия?

– Деревня, – ответил Тигхи.

– Что означает это слово?

– Маленькая страна.

– А ваша армия?

– У нас нет армии.

Этот ответ так поразил Кардинелле, что он дважды переспросил Тигхи.

– А если на вас нападут? – продолжал допытываться он.

Тигхи задумался, подбирая слова.

– Однажды, когда я был еще маленьким мальчиком, – начал он, – какие-то... – Не зная, как сказать «бандиты», Тигхи заменил это слово эквивалентом «плохие люди». – Плохие люди, мужчины и женщины пришли к нам и стали отнимать коз и другие вещи. Тогда две-три деревни собрали вместе

мужчин и женщин, и они стали бить плохих мужчин и женщин. Затем они мертвые, сброшенные с мира, и мужчины, женщины могут вернуться опять к работе.

В ходе сбивчивого повествования Тигхи Эланне стал проявлять нетерпение и замахал рукой, как бы сметая прочь весь его рассказ. Он произнес что-то очень быстро. Тигхи уловил лишь слова «маленький» и «выдумки». Затем помолчал и добавил:

– Ваш доктор. Он говорит, что вам лучше.

– Гораздо лучше.

Вообще-то Тигхи начал утро с очередной, наполовину самостоятельной прогулки по палате. Это была его первая прогулка со снятым гипсом. Когда юноша слишком сильно ступал на левую ногу, ее пронзала боль, которую, впрочем, можно было кое-как терпеть.

– Хорошо. Аблиоу, встаньте. Встаньте и покажите мне, как вы ходите с вылеченной ногой.

Вивре, который все это время держался на заднем плане, выступил вперед и хотел было помочь Тигхи встать с матраца, однако Кардинелле предостерегающе махнул ему рукой, и Вивре замер на месте. Было ясно, что Эланне хотел знать, в состоянии ли Тигхи встать без посторонней помощи.

Тигхи сел и подтянул под себя левую ногу. Упершись обеими руками в пол и напрягая мускулы правой ноги, подался всем телом вперед, но, чуть привстав, тут же рухнул назад на матрац. Лишь с третьей попытки он встал на ноги и, по-

качнувшись, едва не упал лицом вперед. Чтобы избежать падения, ему пришлось слегка подпрыгнуть несколько раз на здоровой ноге. Кардинелле сидел не двигаясь на табуретке и немигающим взглядом следил за продвижением Тигхи.

Главное – начать. Потом Тигхи быстро приспособился к своему увечью. Он научился ковылять, приволакивая левую ногу по полу, а затем, не успев опереться на нее, тут же переносил груз своего тела на правую. И все же это стоило ему огромных усилий. Обойдя матрац кругом, Тигхи весь покрылся обильным потом, стекавшим ручьями по лбу и по спине.

Когда Тигхи остановился, держа больную ногу на весу поверх здоровой, Кардинелле одобрительно кивнул:

– Ходить вы можете.

– Не хорошо, – сказал Тигхи.

– Достаточно хорошо. Кроме того, флатару ноги все равно не нужны. – Кардинелле слегка улыбнулся и обратился к нему на «ты». – О тебе говорит вся армия, малыш. Это хорошее предзнаменование, что ты упал на нас, когда мы эмбродил здесь, и очень хорошее предзнаменование для небесной армии. Каждый согласен с этим, и потому ты станешь флатаром. Ты быстро научишься всему, но это диопарад манифолле из всех вещей. Твой флатарный платон будет ценить тебя как доброе предзнаменование.

Он быстро встал. Один из стоявших позади солдат тут же забрал табуретку, на которой он сидел, и привел ее в преж-

нее положение, сложив ножи. Кардинелле дернул головой, резко наклонив ее вперед и тут же подняв. Повернувшись, он сделал то же самое по отношению к Вивре, который в ответ отвесил такой низкий поклон, что чуть не распростерся на полу.

Пружинистым шагом Кардинелле направился к выходу.

– Прелетте Вивре, – возвестил он звучным, чистым голосом, задержавшись у двери. – Вы хорошо поработали, вернув здоровье этому чудо-мальчику. В начинающейся кампании он принесет удачу. Этим вечером попрощайтесь с ним.

Гораздо позднее, когда день уже подходил к концу, Вивре дал Тигхи последний урок нового языка и очень подробно рассказал ему об армии Империи.

– Завтра все будет по-другому, – сказал он. – Тебя будут обучать в твоём платоне.

– Что такое «платон»?

– Часть армии. Больше, чем самая маленькая часть. Там у тебя будут братья, сестры.

– Но не будет отца! – вскричал Тигхи.

Он обнаружил, что у него опять потекли слезы из глаз. Это было глупо, но что поделать, если твои глаза на мокром месте. Но и глаза Вивре налились влагой.

– Отца тебе заменит твой командир платона, – сказал он. – Ты снова полетишь – тебя решили сделать флатаром, потому что ты худой и небольшого роста. Флатар должен быть маленьким, потому что флат не может нести большой вес. Од-

нако тебя выбрали еще потому, что ты уже летал. Ты прилетел сюда, как маленькая птичка. Свалился сюда.

– Отца не будет! – повторил Тигхи. – Такого, как вы!

Тут Вивре не выдержал и уступил напору чувств, копившихся внутри. Он тоже заплакал.

– Моя пурепул маленькая птичка, – сказал он и, обняв Тигхи за шею, прижал к своей груди. – Такого, как вы!

– Я буду приходить сюда, – пообещал Тигхи, – много раз, чтобы сказать вам «добрый новый день, Вивре».

– Только если ты заболеешь, я думаю, – сказал Вивре. – Только это разрешается. Однако не печалься! Не печалься! У тебя будет новая семья. У тебя будет учеба. Ты будешь летать.

Затем он долгое время сидел молча.

Вечером они поужинали вместе. По мере того как день подходил к концу, свет, вливавшийся через открытую дверь, становился все более тусклым. Светлое пятно на полу палаты сжималось быстрее, чем могла бы ползти змея, словно солнце стремилось уйти отсюда. Наконец оно исчезло вовсе. Вивре встал, и прежде чем закрыть дверь, зажег настенную свечу. Сумеречные ветры завывали снаружи, ломаясь в дверь, а они сидели вдвоем и молчали.

Наконец Вивре нарушил молчание.

– Я расскажу тебе, моя маленькая птичка, – начал он. – У меня были сын и дочь.

– У вас были сын и дочь, – повторил Тигхи.

– Когда моя дочь была Навиен, мой сын стал... ты не знаешь этого слова. У нас есть слово, чтобы описать это, – отхалпул. Злиться, обижаться на девочку. Что она появилась. Раньше он был единственным, а теперь он был вторым, – самым старшим, да, но моя дочь была более балиенетте. Это злило его. Ты следишь?

– Думаю, что да, – ответил Тигхи, хотя в действительности не понимал, что пытался донести до него Вивре.

– Он был мальчиком, всего лишь мальчиком. Затем однажды он толкнул свою сестру с мира. Он был всего лишь мальчиком, понимаешь? И я думаю, в его голове, – и Вивре постучал по своей голове для вящей убедительности, – была мысль: она исчезнет, и я снова стану первым в семье. Я думаю, он не хотел убивать ее, понимаешь? Он был всего лишь мальчиком.

Тигхи продолжал хранить молчание. Вивре вздохнул.

– Она была маленькая, и он тоже был маленький; однако он был уже достаточно большой, чтобы совершить эту ошибку. Он толкнул ее, и она упала. В той части Имперского Города, где мы жили, был лазарет, рядом с армейским домом и трулано. В этом месте Город расположен на склоне слоями, и каждый следующий уступ, который идет ниже, выдается вперед больше того, который над ним. И таких уступов десять или двенадцать, поэтому моя дочь пролетела совсем немного. Однако она была маленькой и сломала много костей. Она прожила неделю, а потом умерла. Но я думаю, что

у него не было в мыслях убивать ее, и после этого он очень грустил. Я думаю, что в его голове была настоящая боль, – Вивре опять постучал себя по голове, – не головная боль, а его чувства, понимаешь? Мы говорим: конфла.

– Совесть, – сказал Тигхи.

Вивре замолчал.

– И что же вы сделали? – спросил Тигхи.

Вивре пожал плечами и направился к двери, чтобы закрыть небольшое вентиляционное отверстие. Поступавший через него холодный воздух мог выстудить все помещение. Не говоря ни слова, Вивре вставил в пазы щиток, а затем вернулся к матрасу Тигхи и уселся на пол, подобрав под себя ноги.

– В Империи существует лишь один способ лечения, – он использовал медицинский термин, – таких вещей. За крамла, за убийство другого человека в вашей семье или в городе. Даже если крамла деригинал ребенок, нет никакой разницы. Если убивает взрослый, его сбрасывают с мира. Это закон. Если убивает ребенок, с ним поступают так же. Мой сын плакал, говоря снова и снова, как он убил. – Вивре смотрел в пол, не поднимая головы. Его плечи вздрагивали. – Моего сына сбросили с мира за то, что он сделал. И вот теперь у меня нет ни дочери, ни сына.

Опять наступила тишина. Тигхи хотел сказать что-нибудь. В этом безмолвии он чувствовал себя очень неудобно, однако никак не мог подыскать нужные слова. Наконец очень тихим

голосом он спросил:

– Но у вас все еще есть жена?

– У меня две жены, как и подобает человеку моего положения. Однако они были очень расстроены тем, что произошло. Очень опечалены. Теперь они живут вместе в Имперском Городе, а я вместе с армией здесь. Атмосфера между мной и моими женами, – Вивре горестно махнул рукой, – нехорошая. Отвратительная. Мы не можем прожить вместе и дня, чтобы не ссориться и не ругаться. – Вивре поднял голову, и Тигхи, к своему удивлению, увидел улыбку на лице старшего друга. – Однако скоро я уйду на войну и, возможно, там найду себе другую жену. Может, у меня еще будут дети от другой жены. На войне многое становится возможным.

Язычки пламени свечи отбрасывали на пол, стены и потолок лазарета колеблющиеся тени. Некоторое время Тигхи задумчиво наблюдал за ними.

После долгого молчания Вивре медленно поднялся с пола, при этом его суставы сильно закрипели.

– Как бы то ни было, моя маленькая птичка, – сказал он негромким, проникновенным голосом, – я думаю, что все возможно. Глядя на тебя, я мечтал о своем мальчике, понимаешь? Ты упал и все же остался жив. Возможно, и он упал и пролетел мимо Нижних Земель Империи, мимо пустошей внизу, возможно, пролетел много миль. Однако, как знать, может, он все еще жив и находится где-нибудь далеко-далеко

внизу. Может быть, он выжил и теперь у него новая жизнь. Говорят, что ты – хорошее предзнаменование. Хорошо, если ты принесешь удачу всем нам.

И он потушил свечу, зажав ее фитиль большим и указательным пальцами, словно раздавив бабочку. Затем лег на матрац и заснул.

Глава 5

Утром Тигхи опять практиковался в ходьбе. Сначала он сделал несколько кругов, опираясь на плечо Вивре, а затем проковылял еще пару кругов совершенно самостоятельно.

– С каждым разом тебе будет все легче и легче, – сказал Вивре.

Он казался расстроенным, и Тигхи терялся в мыслях, что бы такое сказать, чтобы подбодрить его, но так ничего и не придумал.

Чуть позже в палату явилась молодая девушка со свертком. Это была форма для Тигхи: синий китель, который доходил юноше почти до колен, и штаны, оказавшиеся слишком просторными. Оставив китель, девушка отправилась обменять штаны на другую пару меньшего размера.

– Без одежды тебе не обойтись, – грустно произнес Вивре. – В воздухе флатару очень холодно. Тебе нужно надевать как можно больше одежды.

На это Тигхи кивнул. Вскоре девушка вернулась со штанами поменьше. Она пришла не одна, а в сопровождении юноши, на котором также была форма. Выше ростом, чем Тигхи, и тощий – кожа да кости, – этот парень казался очень нескладным. Его кожа выглядела не такой болезненно-бледной, хотя цвет лица не был таким смуглым, каким у Тигхи. Выбрасывая ноги вперед, он прошел в дверь и встал перед

Тигхи в необычной позе, положив руки на бедра и расставив ноги очень широко, на целую руку.

– Я флатар, – произнес он, склонив голову набок. – Меня зовут Ати. Мне приказали явиться сюда и забрать парня-птицу. Он должен пройти подготовку в подразделении флатаров и участвовать в войне против врага.

– Вот он, – сказал Вивре, – и ты смог бы увидеть его собственными глазами, если бы не вел себя так менсона. Как, ты сказал, тебя зовут?

– Ати, – ответил юноша, который пришел в некоторое замешательство. Теперь он повернулся лицом к Вивре. – Я получил приказ.

– Ати, – произнес Вивре. – Это даунуоллское имя? В тебе есть что-то от жителя тех мест.

– Да, моя семья, – подтвердил пришелец с некоторой гордостью в голосе, – родом оттуда, из низин, это верно.

– Все жители низин одинаковы, – громко сказал Вивре. – Все вы лоботрясы и проходимцы. Я еще ни разу не встречал человека из низин, в котором было бы хоть что-то положительное. Моя маленькая птичка, – обратился он к Тигхи, – поверь мне, Бог поместил кулпайден внизу стены, подальше от себя. Я родился вверху, выше Имперского Города, и поэтому кому, как не мне, знать это.

– В моей семье нет лоботрясов и проходимцев, – возмущенно произнес Ати.

– Ты – дерьмо, как и все те, кто живет внизу, – сказал

Вивре, теряя терпение. – И твоя семья такое же дерьмо. Как говорится в пословице, дерьмо падает вниз, и ты лучшее тому подтверждение. Ты не согласен со мной?

– Вы были когда-нибудь внизу? – спросил юноша.

– Ати, не забывай, что я – прелетте. Неужели ты осмелишься назвать лжецом старшего по званию? – Теперь Вивре говорил очень громко. – Я отдам тебя под суд. Я знаком с Воздушным Кардиналле всей армии. Я отдам тебя под суд за неуважение к старшему офицеру.

– Господин, – голос Ати дрожал от страха, – я не имел в виду ничего подобного, только...

– Заткнись! Этот юноша мне как родной сын, – сказал Вивре, жестикулируя обеими руками. – Ты будешь присматривать за ним, эстарре его, обращаться с ним хорошо. Если нет, тебя сбросят со стены! Молчать!

Последовало несколько секунд напряженного молчания. Все впали в какое-то оцепенение. Затем Ати отдал честь – позднее Тигхи узнал, что этот жест, касание лба рукой, является традицией имперской армии и первым его должен делать младший по званию.

– Господин, – уныло сказал Ати. – Я получил приказ доставить небесного мальчика в дом флатаров. Он пройдет подготовку и станет ассиэвре платона флатаров.

– Я знаю, кем он станет, – проворчал Вивре. Однако когда лекарь повернулся, чтобы обнять Тигхи, в глазах его стояли слезы. – До свидания, моя маленькая птичка, – сказал

он. – Отправляйся с этим парнем, даже если он дерьмо из низин империи. А ты, – продолжал он, опять поворачиваясь к Ати, – позаботься об этом юноше.

С этими словами Вивре поспешил к выходу из палаты. Тигхи и Ати в немом изумлении уставились ему вслед. После нескольких секунд молчания Ати обратился к Тигхи.

– Ты, – произнес он, – небесный мальчик. Не соблаговолишь ли последовать за мной?

Они вышли за дверь и оказались на уступе. Стояло яркое солнечное утро, солнце было у них под ногами и светило прямо в глаза. Сначала Тигхи не мог видеть ничего, кроме огромного всплеска белого света. Он находился в самой сердцевине тишины и ясного утра. В ушах Тигхи шелестел утренний воздух, в котором воцарилось спокойствие после рассветных шквалов. Затем он поморгал, и его глаза адаптировались к яркому свету. Рядом с Тигхи стоял Ати, который странно смотрел на него.

– Твой доктор ушел, я думаю, – сказал он.

Тигхи состроил ему гримасу.

– Моя нога болит очень! – произнес он.

Ати фыркнул:

– «Моя нога болит очень!» – передразнил он Тигхи. – У меня сильно болит нога – вот как нужно сказать, ты, невежественный варвар. У тебя идиотские волосы. С такими идиотскими волосами твоей голове все время будет холодно. Они похожи на траву, такие же хилые.

Тигхи ощутил накатившую на него волну усталости. В левой ноге пульсировала боль. Он прислонился к ручке двери и почти беззвучно проговорил:

– Далеко ли нам идти?

Достав что-то из мешочка, висевшего у него на шее, Ати положил это себе в рот и начал жевать.

– Далеко ли? – повторил он. – Недалеко. Ты пахнешь как-то странно. Мне не нравится твой запах. Вот что я скажу тебе, азхназд варвар. – Тигхи был уверен, что это слово не входило в состав официального имперского языка. Оно звучало неправильно. Ати сплюнул сгусток черной слюны. – Вот что я тебе скажу. Когда ты окажешься в платоне, там не будет военного врача в высоком чине, который бы присматривал за тобой, как заботливая мамочка, и вытирал тебе сопли. У тебя будет Уолдо, а он суровый отец. И у тебя будем мы, ты, маленький варвар с голцт волосами и смешным запахом.

Внезапно он тронулся с места и ринулся вперед широким, размашистым шагом по узкому уступу. Тигхи заковылял вслед, стараясь не отставать.

– Подожди! – крикнул он. – Слишком быстро! Я не успеваю за тобой!

Уступ вскоре перешел в пологий спуск, на краю которого росли грибы. Они обошли глубокую расщелину, а затем перебрались через отрог стены мира, и вдруг перед ними открылся вид на всю базу. Он был настолько великолепен, что у Тигхи захватило дух, и он на мгновение забыл о своей ис-

калеченной левой ногое, которая уже начинала нестерпимо ныть.

Он никогда не видел ничего подобного. В этом месте ландшафт мировой стены представлял собой волнистую поверхность. Когда-то здесь, наверное, была деревня, но теперь повсюду расположились военные. Тигхи заметил, что уступы соединяются между собой туннелями и перекопаны по диагонали траншеями. Узкие утесы были укреплены широкими, длинными пластинами, которые издали походили на деревянные доски (однако вряд ли в это можно было поверить). В мир вели двери, устроенные в стене, а прямо под Тигхи находился единственный широкий выступ. Возможно, наличие этого выступа и явилось решающим фактором при выборе военными места для своей базы. Однако больше всего Тигхи поразило огромное количество людей.

Там было больше людей, чем он мог сосчитать; людей, которых расстояние делало совсем маленькими, размером с палец или даже насекомое. И все они были одеты в синюю форму. Должно быть, их были сотни. Тигхи еще никогда не доводилось видеть столь много человеческих существ, собранных в одном месте. Ими кишел каждый уступ, а на выступе они копошились, как муравьи.

И там же, на выступе, были пришвартованы – Тигхи осенила мгновенная догадка относительно предназначения этих странных предметов – калабаши, о которых говорил Вивре. Около дюжины огромных шаров ярко-голубого цвета

с вертикальными красными полосами. Издали они выглядели как раскрашенные и отполированные камни-голыши идеально круглой формы. Однако самым необычным в них было то, что они просто висели в воздухе. Как облака, которые вдруг затвердели: раскрашенные и затвердевшие облака, которым пальцы Бога, размявшие их, придали идеально круглую форму.

Постояв немного, Тигхи подошел поближе к краю. Чтобы удержать равновесие, он чуть сгорбился и присел. Ему хотелось получше разглядеть это место. Тигхи увидел, что каждый калабаш привязан к выступу несколькими канатами. Некоторые провисли, но один был натянут туго. От стены вели два маленьких деревянных (неужели это действительно дерево?) пирса. По этим шатким сооружениям передвигались люди. Снизу к калабашам были подвешены какие-то штуки, похожие на горшки. Наверное, калабаши могли, используя какой-то метод, подниматься и опускаться и перевозить под собой людей в качестве пассажиров. От такой мысли сердце Тигхи учащенно забилося.

Теперь он мог видеть, что шары не стоят неподвижно в воздухе, как он сначала подумал. Один из них очень медленно двигался к стене. Он слегка ударился о соседний шар, и на глазах Тигхи на его оболочке появилась и исчезла вмятина, как на коже человека, если нажать на нее пальцем. Так значит, они мягкие и висят в пространстве как большие толстые животы.

Тигхи сел на корточки и для большей устойчивости оперся рукой о землю. В ступне пульсировала тупая боль, и перспектива потерять равновесие и кувыркнуться лицом вперед с края уступа его устрасала. Один раз он уже падал, и этого с него было предостаточно, однако Тигхи очень хотелось получше рассмотреть удивительные летающие устройства. Его рука случайно наткнулась на несколько диких грибов, которые росли почти у самого края, и он машинально смахнул их вниз.

– Эй!

Ему кричал это Ати.

– Эй, небесный мальчик! Осторожнее!

– Что?

Ати подбежал к нему, крикнув на ходу:

– Смотри под ноги!

Увиденное внизу настолько заворожило Тигхи, что он совсем забыл про Ати. Он отполз к стене и там, отталкиваясь от земли обеими руками, кое-как встал.

– В чем дело?

– Что ты делал с этими чеммиа?

– Что?

Ати теперь стоял рядом с ним, тяжело дыша. Ему пришлось бежать вверх по склону.

– Ты с ума сошел? Уничтожение чеммий вот так просто, как ты это сделал только что, считается преступлением против закона, и за это строго наказывают. Хочешь, чтобы тебя

сбросили со стены?

– Я не понимаю.

– Так пойми, варвар. Ты можешь быть небесным мальчиком, хорошим предзнаменованием для этой кампании. Однако тебя сбросят с мира, как и любого другого, если им станет известно, что ты уничтожил чеммиа.

– Чеммиа?

Плюнув от досады, Ати рукой показал на грибы:

– Вот они!

– Но ведь это всего-навсего грибы, – сказал Тигхи.

– Верно, – произнес Ати, хватая Тигхи за руку. – А теперь пойдём отсюда. Это военные грибы.

И он потащил юношу прочь.

Тигхи взвыл от боли. Сильно хромая, он с огромным трудом поспевал за быстро шагавшим Ати. Первые несколько шагов он даже был вынужден прыгать на правой ноге.

– Подожди-ка, – сказал он, – ты хочешь сказать, что за то, что я сорвал или нечаянно наступил ногой на пару грибов, меня сбросят с мира?

– Ты ничего не знаешь?

– Подожди, – сказал Тигхи, пытаясь перевести дух. – Почему? Из-за грибов? Почему?

– Но ведь это военные грибы. Ты действительно ничего не знаешь?

– Я действительно не знаю.

Ати отпустил его руку и сплюнул ещё раз, причем так, что

плевок долетел до края уступа и упал в бездну.

– Все думают, что ты принесешь удачу, ты это знаешь. Но если ты не принесешь ее, что тогда будет с тобой?

– Расскажи мне о грибах, – сказал Тигхи.

– Они делают огонь.

– Огонь?

– Военные собирают грибы и сушат их. У них есть... –

Он запнулся, а затем буквально выкрикнул от отчаяния: – Я не знаю, как это на имперском языке! У нас в низинах говорят «бурцхум». Это как земля, понимаешь? Сухое-сухое, его много. Оно в растениях, которые выпускают его в воздух, и по воздуху оно перелетает на другое место, падает на землю, и растут новые грибы.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – произнес Тигхи, прислонившись к стене и держа на весу большую ногу, чтобы дать ей отдохнуть. – Я тоже не знаю, как это называется на имперском языке. Это пыль, – сказал он, употребив свое родное слово.

Ати пожал плечами:

– Этот бурцхум, эту пыль, после сушки хранят в коробках и ящиках. Если ее поджечь, получается огонь – огромный огонь. – Он хлопнул в ладоши и крикнул «Бах!» так громко, что Тигхи подпрыгнул. – Он стоит на вооружении нашей армии. У нас есть рифетте, и их наполняют бурцхумом. Вот так действует это оружие.

До Тигхи дошел не весь смысл объяснения, но он согласно

кивнул.

– Так вот, – сказал Ати. Он потянулся и расправил плечи. Черты его лица несколько разгладились, и оно теперь выглядело не таким насупленным. Было похоже, что он израсходовал запас своей злости если не полностью, то хотя бы частично. – Эти грибы имеют очень большое значение. Мы выращиваем их везде, где только возможно. – Его голос приобрел доверительный оттенок. – Без них мы не смогли бы вести войну, понятно?

– А мы начинаем войну?

– Скоро, – ответил Ати.

– Кто? – поинтересовался юноша, имея в виду «против кого?».

Но Ати уже тронулся в путь, вниз по склону уступа.

Они шли и шли, пока не оказались на самом выступе, где им пришлось лавировать в толпе людей, сновавших во всех направлениях. Огромные, раздутые чрева калабашей едва ли не гипнотизировали Тигхи. Задрав вверх голову, он не видел ничего перед собой и столкнулся с несколькими солдатами.

– Эй ты, осторожнее! – прорычал какой-то солдат, отпихнув юношу в сторону.

Выступ буквально кишел людьми, каждый из которых был занят своим делом. Они несли, тащили, катили самые разные предметы и в то же время не мешали друг другу. Тигхи изо всех сил старался смотреть перед собой, однако огромные шары, висевшие над ним, снова и снова отвлекали юно-

шу. Солнце уже поднялось на один уровень с калабашами, и те отбрасывали на стену гигантские тени. Теперь Тигхи были отчетливо видны предметы, висевшие под брюхом каждого калабаша, размером в два роста человека и похожие на маленький дом с дверью и несколькими узкими окнами. Все эти домики, похоже, были сделаны из темного дерева – широкое использование армией дерева просто поражало. Дерево, стоившее баснословные деньги, встречалось здесь на каждом шагу, применялось в самых обычных целях.

Ати не вытерпел и вернулся назад к Тигхи.

– Ты еле идешь, – упрекнул он его.

– У меня сильно болит нога, – пожаловался тот.

Ати пожал плечами:

– Подойди к стене и отдохни.

Они вдвоем протолкались к стене, и Тигхи сел на землю.

Ати достал что-то из своего мешочка и принялся жевать.

– Видишь этот отрог? – спросил он.

Его рука показывала на дальний конец выступа. Тигхи кивнул.

– Сразу за ним находится платон. Там флатары.

– Ладно, – сказал Тигхи. – Я дойду.

В конце выступа была устроена деревянная дорожка, огибавшая отрог. Узкий настил подрагивал под ногами, и Тигхи с его единственной здоровой ногой было не так-то просто сохранять равновесие, однако он двигался очень медленно и осторожно, и в конце концов юноши перебрались на другую

сторону.

Платон флатаров располагался на широком утесе, стоявшем особняком, и попасть туда можно было лишь по деревянной дорожке через отрог, по которой Тигхи и Ати только что прошли. Тигхи увидел с полдюжины парней, которые строем выполняли какие-то упражнения, похожие на танец. Позади них у стены лежало снаряжение – полдюжины больших, с человеческий рост, воздушных змеев, сложенных стопкой.

Глава 6

Ати провел Тигхи мимо парней, которые, как он теперь мог хорошо видеть, не танцевали, а действительно совершали одни и те же однообразные движения. За ними в стене находилась выемка, внутри которой была устроена дверь. Она вела в длинное узкое помещение, где на полу лежали травяные матрацы. Неровные пол и стены все еще хранили на своей поверхности морщины и складки, характерные для работы лопатой. Очевидно, помещение было вырыто совсем недавно.

– Ати?

Голос исходил от какой-то фигуры в дальнем конце землянки.

– Командир! – тут же откликнулся Ати. – Вот он.

Неясные очертания фигуры заколебались в полумраке. Она двинулась к Тигхи. Когда человек, окликнувший его спутника, оказался в месте, куда доставал свет, проникавший через открытую дверь, Тигхи смог разглядеть его черты.

Это был низкорослый мужчина с туловищем круглым, как один из калабашей, которые до сих пор занимали воображение Тигхи. Его лицо показалось юноше странным, искаженным, но сначала он отнес это за счет плохой освещенности. В следующую минуту Тигхи понял, что ошибся. Лицо было изрезано шрамами. Казалось, оно застыло в вечной гри-

массе смертельного ужаса: так сильно кожа была стянута к скулам. Или же ему навстречу дул вероятно сильный ветер. Вглядевшись получше, Тигхи заметил, то белая кожа лица имеет мертвенно-бледный, восковой оттенок. Человек уставился на Тигхи, и по его обезображенному лицу нельзя было угадать, как он воспринял появление новичка.

– Вот ты какой, – сказал он.

Его голос оказался более пронзительным, чем ожидал Тигхи.

Поежившись, Ати ткнул Тигхи локтем.

– Скажи «да, командир», – прошипел он.

– Да, командир, – повторил за ним Тигхи.

Несколько долгих минут человек пристально рассматривал его. Затем произнес:

– Меня зовут Уолдо. Я капитан платона, и ты принадлежишь мне. Твоя жизнь и смерть в моих руках. Таковы армейские порядки. Ясно?

– Да, командир, – ответил Тигхи.

– Ты хорошо говоришь на нашем языке, – отметил Уолдо, почесав складки кожи на своем лице.

Тигхи не знал, нужно ли ему отвечать, и потому промолчал.

– Пошли, – коротко скомандовал Уолдо, шагнув вперед и схватив юношу за талию. Тигхи крепко испугался, и из его горла вырвался сдавленный крик, однако Уолдо крепко прижал его к себе. Это было интимное, вызывающее трево-

гу объятие. Грубая синяя ткань кителя Уолдо царапала лицо юноши. Его ноздри заполнил запах Уолдо, от которого разлило потом и травяным маслом, а также чем-то вяжущим и неприятным, чем-то горьким, как от кусочков нарда, добавленного в суп.

В следующее мгновение сильные руки Уолдо рывком подняли Тигхи вверх. Воздух резко выскочил из легких, и Тигхи, задыхаясь, стал судорожно хватать его широко открытым ртом. Затем капитан флатаров поставил его на пол и отпустил. При этом Тигхи слишком сильно ударился больной ногой и немного пошатнулся, но все же не упал. В свете полуденного солнца, заглядывавшего в дверь, он разглядел крошечное темное пятно на кителе Уолдо, следы слюны в том месте, где его губы коснулись ткани.

– Хорошо, – присвистнул Уолдо. – Ты легкий, очень легкий.

– Однако, – произнес Тигхи и замолчал.

– Да, командир, – вставил свое слово Ати и ткнул Тигхи локтем.

– Да, командир, – задыхаясь, выдавил из себя юноша.

– Ты тощий, – произнес Уолдо и опять поскреб свое изуродованное лицо. Открытие, похоже, обрадовало его. – Прекрасно для флатара. Это единственное, что меня интересует. Должно быть, ты деревенский парень.

– Да, – подтвердил Тигхи.

Кивком Уолдо выразил свое одобрение:

– Знаю я эти деревеньки. Жратвы там вечно не хватает, и все ложатся спать на тощий желудок. Люди всегда в отличной форме и не набирают лишнего веса. Скорее наоборот.

В Тигхи, оправившемся от шока, заговорила гордость.

– В моей деревне я – принц, – заявил он.

Уолдо задвигал бровями, отчего гримаса на его лице стала еще более ужасной.

– Что означает это слово?

– То же самое, что и Папа, – ответил Тигхи, пытаясь набить себе цену в глазах Уолдо.

– Да? Как король? Ну и что? Кого только не встретишь в нашей армии. Нам наплевать, кто ты, принц, король или Папа. Для тебя я заменяю их всех. Понятно?

Тигхи вздохнул.

– Да, – уныло произнес он.

– Выйдем наружу.

Уолдо шагнул к двери, отпихнув Тигхи, и переступил порог. Юноша, хромя, последовал за ним. Ати пристроился сбоку.

– Теперь это твой командир, – прошептал он Тигхи. – Не зли его.

– Почему у него такое лицо? – едва слышно произнес Тигхи.

Его взгляд был устремлен на Ати, и поэтому юноша не заметил кулака Уолдо. Просто почувствовал, как что-то обрушилось сбоку на его голову. Из глаз посыпались искры, а

в ушах появился какой-то не то звон, не то свист, очень высокий и неприятный. В следующий миг Тигхи уже лежал на земле, плотно припечатавшись щекой к ее утрамбованной сотнями ног поверхности. Голову пронзила острая боль, а все тело онемело до бесчувствия.

Чьи-то пальцы схватили его за руку. Тигхи оторвал голову от земли и рукой потрогал ухо, в котором гулко стучала боль. Ати сидел рядом на корточках и что-то говорил. С помощью Ати Тигхи сел и пальцами стряхнул грязь со щеки. Ухо по-прежнему сильно болело, но скрежещущий звук в голове постепенно сходил на нет. Тигхи попытался сосредоточиться на том, что говорит Ати.

– Я же предупреждал тебя, ты, варвар, – прошипел Ати. – А ну давай вставай на ноги.

Подхватив Тигхи под мышки, он рывком поставил его на ноги и придержал, чтобы тот не упал снова. Уолдо стоял перед ним, опустив руки.

– Ты не будешь говорить о моем лице, – произнес он высоким, но спокойным голосом. – Ты не будешь говорить о моем лице. Понял? Если ты разозлишь меня, я сброшу тебя с мира.

– Да, командир, – произнес ошеломленный Тигхи.

– Заткнись и иди за мной.

Уолдо повернулся и пружинистой, легкой походкой подошел к стене, где, сложенные штабелем, лежали большие змеи. Тигхи последовал за ним, сильно хромя и держась ру-

кой за распухшее ухо.

– Ну, – громко сказал Уолдо, поворачиваясь лицом к Тигхи, который мог видеть всех остальных флатаров.

Они напряженно смотрели на него.

– Ну, – повторил Уолдо. – Ты когда-нибудь раньше видел воздушного змея?

Тигхи кивнул. Он знал, что это такое. У его друга, жившего в деревне, был игрушечный змей, которого он запускал рано утром, когда воздух поднимался. Это была игрушка.

– Слушай внимательно. Я скажу тебе это только один раз, – проговорил Уолдо. – Не кивай мне, как идиот.

– Нет, командир, – мгновенно ответил Тигхи.

– Ты знаешь, что такое воздушный змей?

– Да, командир.

– Змеи для людей, как эти? Или только маленькие, кадхео?

– Только маленькие, командир.

Уолдо кивнул:

– Это змеи для людей. Военные змеи. Я получил приказ от самого Кардинелле научить тебя летать на таком змее, точно так же, как этих парней и девушек. – Он показал на будущих товарищей Тигхи, и тот взглядом последовал за движением его руки. – Продолжайте упражнение! – рявкнул Уолдо. – Нечего глазеть попусту!

Ему не пришлось повторять дважды. Уолдо опять переключил внимание на Тигхи.

– Я получил приказ, и я его выполню. Ты будешь плохим флатаром, потому что нам дали слишком мало времени. Однако я всегда выполняю приказ.

Последовала пауза, и Тигхи не знал, как ему отвечать, утвердительно или отрицательно.

– У тебя слабые руки, – сказал Уолдо. – Чтобы летать на военных змеях, тебе понадобятся руки посильнее, чем эти. Поэтому начнешь с того, что будешь носить камни. – Он показал на кучу больших камней, лежавших позади штабеля змеев. – Перенеси их на другую сторону уступа и сложи у стены. Понял?

– Да, командир.

– Носи их, ясно? Не вздумай класть их на бедро или живот. Носи так, чтобы они не касались твоего тела. Тебе нужно нарастить мускулы. Понял?

– Да, командир.

Весь оставшийся день Тигхи, выполняя приказ Уолдо, таскал камни. Первый камень показался юноше не слишком тяжелым, пусть даже у него ныла левая ступня и он сильно хромотал. Он поднял камень сильным рывком и, держа на весу подальше от туловища, заковылял с ним к противоположной стороне утеса. Со вторым камнем справиться было потруднее, а третий Тигхи едва не выронил на середине пути. Когда он возвращался за четвертым камнем, все тело исходило потом, боль из уха гулко стучала в голове, а нога горела адским пламенем, и каждый шаг причинял почти невыноси-

мые страдания. Тигхи видел, что Уолдо все еще наблюдает за ним, и потому изо всех сил старался не дать камню прикоснуться к своему телу. Однако теперь юноша двигался очень медленно – шаг, остановка, шаг, остановка.

Освободив руки от четвертого камня, Тигхи был вынужден сделать небольшую передышку и лишь после этого смог проковылять назад, к основной куче камней. И тут на его глазах Уолдо повернулся и направился к входу в казарму-землянку. Когда за ним закрылась дверь, Тигхи пронзило чувство облегчения настолько острое, что его сначала можно было спутать с болью. Не ощущая больше на себе пристального взгляда нового хозяина, Тигхи поднял следующий камень и, прижав его к бедру, двинулся к дальней куче. Благодаря этой нехитрой уловке боль в ноге значительно уменьшилась, да и сил уходило меньше.

В общей сложности юноша перетащил двенадцать камней и так умаялся, что ноги отказывались держать его. Выпустив из рук двенадцатый камень, Тигхи тут же сел на землю и, свесив голову между колен, стал жадно вдыхать воздух. Его ладони покрылись мелкими царапинами от камней, а на бедре образовалась ссадина.

В этот момент Уолдо опять вышел наружу, и Тигхи с виноватым видом кое-как поднялся с земли.

– Сколько? – грозно прорычал Уолдо.

– Двенадцать, командир, – ответил юноша.

Уолдо презрительно фыркнул и вернулся в казарму.

Прошел час, и тело Тигхи настолько пропиталось болью, что у него возникло ощущение, будто его мускулы превратились в камень. Солнце стояло высоко в небе. Все парни и девушки платона собрались у входа в казарму и, хихикая и перешептываясь, наблюдали за Тигхи, который безмерно устал и совсем не обращал внимания на повышенный интерес к своей особе.

Уолдо самолично вынес два высоких узких котла с металлическими ручками поперек зева, по одному в каждой руке, и поставил на землю. За ним следовал флатар, который нес на вытянутых руках высокую стопку маленьких мисок. В них стали наливать суп из котлов и раздавать парням и девушкам. Это был травяной суп, в котором плавали кусочки мяса: причем не только насекомых, но и какого-то более крупного животного, которого Тигхи не узнал по вкусу.

Смертельная усталость валила Тигхи с ног, и он думал, что заснет в тот же миг, как только доберется до своего матраца. Однако когда Уолдо отвел наконец весь платон в казарму и приказал ложиться спать, результат оказался противоположный ожидавшемуся. Новая среда и предчувствие крутого поворота в своей судьбе, не говоря уже о теле, кричавшем от боли, сделали свое дело.

После того как все легли и закутались в одеяла, Уолдо вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Помещение вмиг наполнилось темнотой. Как только парни и девушки остались одни, в воздухе повисла невидимая паутина шепота, про-

бежавшего по всему ряду матрацев. Некоторые слова были незнакомы Тигхи, но саму суть ему удалось схватить. Неужели этот новичок и есть тот небесный мальчик, упавший с неба? Конечно, идиот, а кто же он еще, как ты думал? Но его волосы, запах, кожа! А ты видел, как он надрывался, когда носил камни? Да, у него очень слабые руки. Ты видел, как командир ударил его по голове? Несколько человек хихикнули. Их сдавленные смешки были похожи на шорох – шшшшшшш. Должно быть, он сильно разозлил чем-то командира. Я привел его сюда, прошептал Ати. Я знаю его. Тупее не бывает. Он варвар. Он ничего не знает. Ты сам варвар, Ати-смати, прошептал кто-то еще, ты вонючка из низин, и все расхохотались. Смех взорвал тишину. Дерьмо падает вниз, прозвучал очередной шепот, и раздался новый раскат смеха.

Затем закрипела дверь, и в ее проеме показался Уолдо.

– Тихо, – скомандовал он, и сразу же все стихло.

Уолдо закрыл дверь поплотнее, чтобы вечерний шторм не выстудил помещение, улегся на свой матрац и заснул.

Глава 7

Пять полных дней от зари и до заката Тигхи таскал камни и выполнял упражнения. В первый день каждое движение отзывалось страшной болью во всех мышцах и суставах, однако к пятому дню Тигхи приобрел определенные навыки; его мускулы стали более упругими, и с каждым днем упражнения давались все легче и легче.

Он быстро освоился с жестким распорядком дня, привык вставать и ложиться в одно и то же время, приспособился к тому, что вся жизнь здесь, от тренировок до отношений между солдатами подразделения флатаров, укладывалась в русло, определяемое требованиями воинской дисциплины. Казалось, что в армии все (за исключением лазарета) строго распределено по минутам. Однако армейские часы были не похожи на часы, которые Тигхи знал в деревне и которые делили сутки на десять часов. Каждому часу соответствовала определенная часть окружности. В Имперской армии использовались солнечные часы, которые делили сутки на градусы, от маленьких углов утром до широких в конце дня. Пятьдесят градусов обозначали полдень, сто градусов означали, что солнце исчезло за верхушкой стены.

Распорядок дня подчинялся именно таким часам. В этот час (пятнадцать) прием пищи, в другой (тридцать) упражнения, таскание камней для наращивания мускулов рук и плеч.

Упражнение было обязательно для всех. После первой недели пребывания в платоне флатаров Тигхи стал выполнять это упражнение вместе со всеми. Он больше не таскал камни весь день, только утром.

К пятидесяти градусам солнце достигало одного уровня с уступом, и воздух прогревался вполне достаточно для того, чтобы возникли восходящие воздушные потоки. Так объяснили Тигхи. Так было устроено в природе, сказали ему. Жар солнца нагревал воздух, и нагретый воздух поднимался вверх, – стремясь к Богу, сказал Ати, который оказался очень набожным, хотя с его религией Тигхи был совершенно незнаком. Другой флатар, которого звали Мулваине, объяснил Тигхи, что на том же самом принципе основано устройство калабашей. Их огромные оболочки, сшитые из ткани, наполнялись горячим воздухом, и этот горячий воздух стремился вверх, вдоль стены. К Богу, опять сказал Ати.

Тигхи подумал, а не поделиться ли ему с другими тем, что он узнал в деревне: что Бог не сидит наверху стены, но укрылся у ее подножия и бросает солнце через вершину. Однако он не настолько проникся доверием к своим товарищам по платону флатаров, чтобы поведать кому-либо из них столь еретическую гипотезу, – Тигхи не знал, насколько серьезно в Империи воспринимают то, что противоречит религиозной ортодоксальности. Иногда к Тигхи относились хорошо, но с другой стороны, нередко передразнивали его акцент, смеялись над цветом его кожи, дергали за волосы и били.

Однако время близилось к пятидесяти градусам, и Уолдо торопил своих курсантов к змеям. Начиналась летная практика.

– Равилре! – кричал он. – Ты не получишь сегодня вечернего рациона, ты слишком растолстел – и Бел! У тебя слишком длинная кость теперь, тебе осталось летать на змеях не больше нескольких месяцев, ты слишком быстро растешь. Ничего не поделаешь, а плакать бесполезно – так иногда бывает, ребята прибавляют в росте и весе, и тогда им опасно подниматься в воздух. Будем надеяться, что скоро начнется война и ты еще успеешь совершить свой первый боевой вылет.

Другие парни и девушки каждый день совершали тренировочные полеты на змеях; Тигхи пока приходилось наблюдать за ними с земли. Вначале, после первой недели, Уолдо посадил его на стационарную раму, которая была целиком сделана из дерева. До этого Тигхи еще никогда не видел столько дерева в одном месте – еще один пример невероятной расточительности военных. Конструкция была похожа на составленные вместе четыре дверных рамы. Получалось нечто вроде комнатки, но без стен. Внутри находилась сложная система из кожаных ремней и веревок, к которым внизу были привязаны тяжелые камни. Тигхи пристегивали ремнями внутри этой клетки, как в настоящем змее, и он должен был имитировать различные маневры, учиться управлять змеем, подниматься, опускаться, совершать повороты.

– Тигхи! – завопил Уолдо, придав своему лицу еще более уродливое и свирепое выражение. – Ты не просто в форме. Худой как тростинка, вы только посмотрите на него! Ты в идеальной форме! Эти деревенские парни, которые не жрут ничего, кроме травы; жир не прет из них во все стороны, как из вас, городских бездельников.

Тигхи тренировался в клетке до иступления, пока не закричали от боли все его суставы и на спине не появились мозоли. Ночью, в спальне, когда Уолдо на некоторое время уходил и платон оставался без командира, все начинали возбужденно перешептываться. Сначала Тигхи побаивался вступать в эти беседы, однако довольно скоро ему стали задавать вопросы напрямую. Голоса слышались со всех сторон.

– Откуда ты, небесный мальчик?

– Почему твоя кожа такого цвета?

– Ты и в самом деле упал с неба?

– Да, – ответил Тигхи.

– О-о-о! О-о-о!

– Упал с неба!

– Как это было? – поинтересовалась девушка с курчавыми волосами, которую звали Мани.

Ее голос Тигхи мог безошибочно распознать в полифоническом шушуканье, несмотря на темноту.

– Я не очень помню, – ответил Тигхи. – Я падал долго.

– Вы только послушайте его произношение, – прошипел кто-то из дальнего угла. – Он же туп, как безмозглая тварь.

В разговор поспешил вмешаться Ати:

– Я долго разговаривал с ним. Он совсем бестолковый, он ничего не знает, он говорит очень смешно.

– Ты сам говоришь смешно, тупица из низин, – осадил его кто-то.

– Ты редерен из калабаша, – послышался другой голос.

– Что значит «редерен»? – спросил Тигхи, стараясь сделать так, чтобы его голос прозвучал как можно более непри-
нужденно и естественно. В ответ прозвучал, издевательский
смех. – Откуда ему знать, незнайке? Редерен – это бонг-
бонг, – произнес кто-то.

Вскоре все дружно принялись повторять это слово. Бонг-
бонг-бонг. Смех становился все громче и громче, пока у Тиг-
хи не заложило уши. Юноша почувствовал себя совершенно
беспомощным и беззащитным. В этот момент распахнулась
дверь, и в проеме возникли очертания фигуры командира.
Смех мгновенно растворился в темноте.

– Всем спать! – приказал он.

Девушки – их было пятеро – обычно держались особня-
ком. Если им выпадала минутка свободного времени, что
бывало нечасто при очень плотном распорядке дня, насы-
щенном различными упражнениями, практическими заня-
тиями и полетами, они сбивались в кучу и играли в одну и
ту же игру – хлопали друг друга ладонями о ладони в раз-
личной последовательности и при этом что-то произносили
хором. Что именно, Тигхи никак не мог разобрать.

Парни вели себя гораздо более шаловливо, по крайней мере тогда, когда Уолдо не обращал на них внимания или вообще отсутствовал. Они подначивали друг друга, затевали ссоры и даже драки, бросались камнями (доставалось и Тигхи) и вообще творили все, что хотели. Лишь Уолдо, который, казалось, обладал непререкаемым авторитетом, был способен навести порядок.

Однажды утром, когда Тигхи выпутался из одеяла и встал с матраца, готовясь идти получать утренний рацион, на него вдруг набросился один из парней. Он мгновенно стянул с юноши штаны и очень больно дернул его за вик. Никогда еще Тигхи не подвергался такому унижению, да еще прилюдно. Слезы брызнули у него из глаз, и он рухнул на пол, сжавшись в комок. Тишину взорвал издевательский хохот. Курсанты кривлялись, гримасничали и показывали на него пальцем. Затем опять наступила тишина. Должно быть, вошел Уолдо, мелькнула догадка у Тигхи.

– Тигхи, что ты делаешь на полу? – Голос Уолдо звучал очень близко, из чего Тигхи заключил, что Уолдо стоял над ним. – Почему у тебя спущены штаны? Как это мерзко, отвратительно.

Тигхи поднялся с пола с заплаканными глазами.

– С меня сдернули штаны, – произнес он. – Кажется, это сделал Мулваине. Он дернул меня за вик.

Уолдо отвесил ему оплеуху, правда не слишком сильную:

– Хватит хныкать! Не будь путавре! Ты в армии и сам дол-

жен постоять за себя.

Однако постоять за себя самому Тигхи никак не удавалось. Почти каждую ночь он беззвучно плакал, завернувшись в одеяло. Другим парням, похоже, доставляло особое удовольствие доводить его до слез. Однако бывали дни, когда эти же парни если и не проявляли трогательную заботу, то, во всяком случае, относились к Тигхи вполне терпимо, и это было очень странно и непостижимо для юноши. Обычно такое случалось, когда объектом насмешек и издевательств становился Ати. Как-то утром, когда Уолдо вышел из казармы и курсанты платона должны были убирать постели и готовиться к завтраку, трое парней напали на Ати. Несмотря на отчаянное сопротивление, они повалили юношу на пол и размазали по его лицу что-то липкое, пытаясь запихнуть это ему в рот.

– Жри! Жри! – приговаривали они.

Эта сцена не оставила безучастным никого. Все, даже девушки, собрались вокруг, возбужденно переговариваясь и посмеиваясь. Мулваине обнял Тигхи за плечи.

– Видишь, как мы ненавидим нижнестенщиков, тех, кто родом из низин Империи? – сказал он, усмехнувшись.

И внезапно Тигхи догадался. К горлу подступила тошнота. Лицо Ати было измазано человеческим калом. Должно быть, ночью кто-то опорожнил свой желудок на кусок грязной тряпки, и теперь они пытались заставить Ати съесть эту гадость.

– Дерьмо падает вниз по стене! – промурлыкал кто-то нараспев.

– Отведай-ка это блюдо, приятель! Какая вкуснотища, верно! – добавил другой курсант.

Эти издевательства, казалось, доставляли всем, кроме, разумеется, самого Ати, огромное удовольствие. Ати сопротивлялся изо всех сил, рыча сквозь стиснутые зубы. Тигхи было противно даже думать об этом, не говоря уже о том, чтобы видеть подобную мерзость своими глазами. Жестокость этих людей по отношению к тому, кто был им гораздо ближе, чем Тигхи, заставила его содрогнуться. И вместе с тем юноша испытывал странное возбуждение. Он смеялся точно так же, как и другие, ухмыляясь и жестикулируя над телами, копошащимися на полу. Он поступал нехорошо, и его не покидало чувство стыда, однако Тигхи ничего не мог поделать с собой.

А затем вся вакханалия прекратилась так же внезапно, как и началась. Все курсанты вмиг разбежались к своим матрасам и принялись как ни в чем не бывало складывать одеяла, причесываться и приводить в порядок одежду. Парней, издевавшихся над Ати, можно было определить без труда: они вытирали свои руки об пол и о штаны. Сам Ати стоял посреди помещения, и, несмотря на скудный свет, Тигхи и остальные видели следы кала на его лице. Всем своим видом он выражал страдание: поникшие плечи, отвисшая челюсть.

– Ати! – рявкнул Уолдо, который уже успел вернуться в

казарму. – Что с тобой? Хочешь, чтобы я побил тебя?

– Виноват, командир, – ответил Ати.

Тигхи вдруг понял, что тот готов вот-вот разрыдаться.

– Всем выйти! – скомандовал Уолдо. – Носить камни. – Он посмотрел на Ати. – Отвратительно! Отвратительно! Мы позаботимся о том, чтобы Ати научился следить за собой.

После этого все вышли наружу и стали таскать камни. Кое-кто ухмылялся, прищурив глаза в утреннем свете, однако у Тигхи было подавленное настроение, и он хотел как можно скорее забыть о случившемся. Когда Ати вышел наконец из казармы и присоединился к курсантам, выполнявшим упражнения, его лицо было уже чистым, но на щеке красовался огромный синяк.

Тигхи упражнялся и упражнялся в клетке, пока все движения не въелись в его плоть и кровь, не стали его второй натурой, а мозоли на спине не лопнули и не засохли и кожа в этих местах не затвердела. Затем, однажды утром, когда Тигхи наблюдал за тем, как парни и девушки забирались в свои змеи и готовились к практическим занятиям, Уолдо схватил его за плечо и встряхнул.

– Сегодня ты полетишь, – сказал он.

Вот и все. Как просто.

Ему дали змей, настоящий змей: деревянный крест с деревянными перекладинами, в форме слезинки, высотой с Тигхи и шириной в половину его роста. Рама была обтянута чем-то вроде кожи, однако кожи более тонкой, гибкой и прочной,

чем любая шкура, какую Тигхи когда-либо видел.

Перед полетом курсанты собирали свои змеи; выставляли траверсы в главную балку и соединяли раму поперечинами и обтягивали ее кожей. Тигхи проделывал это много раз, сделал и теперь. Каждый парень или девушка занимались сборкой своего аппарата, сидя на земле, подобрав под себя ноги. Так было удобнее. Такую же позу принял и Тигхи. Все операции он выполнял в строгой последовательности, как его учил Уолдо.

После сборки змеи прислоняли к стене, чтобы кожа высохла на солнце и натянулась. В ожидании, пока это произойдет, курсанты платона выполняли ряд упражнений для выработки точности движений. Разрабатывались суставы, которые начинали действовать как шарнирные соединения, а мускулы приобретали необходимую эластичность. Именно эти упражнения отработывали курсанты платона, когда Тигхи в сопровождении Ати впервые появился здесь.

Затем он взял своего змея и встал в общую очередь, двигавшуюся к краю уступа. Уолдо шел за ними. Тигхи старался не думать о том, что ему сейчас предстоит сделать. Пока все шло, как обычно. Очередь двигалась довольно быстро, и вот уже Тигхи стоит на самом краю мира и должен сам шагнуть в бездну. Внизу живота появилось противное сосущее ощущение, а сердце застучало в несколько раз быстрее обычного. Ноги и руки отказывались слушаться.

И тут Тигхи с ужасающей ясностью стало понятно, что у

него ничего не получится. Страх парализовал его. Он просто не мог. Просто не мог. Тигхи застыл на месте, а затем попытался было сделать шаг назад, однако Уолдо держал его железной хваткой.

– В ремни, мальчик-предвестник, – произнес он.

В его голосе прозвучала угроза. Тигхи продел руки в ремни и почувствовал, как змей уперся ему в спину. Юноша весь покрылся потом, по коже забегали мурашки.

У него ничего не получится.

Ничего.

Справа от Тигхи стоял Ати. Большим пальцем правой руки он чертил какой-то сложный узор у себя на груди. Заметив, что Тигхи наблюдает за ним, юноша пояснил:

– Перед полетом я всегда осеняю себя крестным знаменем.

Ати говорил громко, чтобы перекричать ветер, который шумел все сильнее. Его щека покрылась румянцем, а зрачки сузились.

– Нет, – произнес Тигхи тихим, сдавленным голосом. Затем громче: – Нет, я не могу.

Но Ати уже не слушал его. Уолдо привязывал шнур к змею Ати. Другой конец шнура он прикрепил к змею Тигхи.

– Этот шнур, – сказал он, – связывает тебя со змеем Ати. Он поведет тебя. Следуй за ним, учись, как нужно летать в воздухе, смотри на него и делай, как он.

– Нет, – сказал Тигхи. Это было невыносимо. Мир сжался.

Все поплыло перед глазами. Ветер, казалось, ввинчивался в его голову через уши. – Нет, – сказал он в который уже раз.

– Ты почувствуешь себя по-другому, когда поднимешься в воздух, – пообещал Уолдо.

Ветер выл так сильно, что командиру пришлось сказать это Тигхи в самое ухо, почти касаясь его губами. Как ни странно, но неподчинение юноши, похоже, пока не раздражало Уолдо.

Справа от Тигхи змеи один за другим проваливались в пустоту. Змей, находившийся слева от юноши, вдруг резко взмыл вверх, подхваченный порывом ветра. Тигхи увидел фигуру, пристегнутую к змею ремнями. Некоторое время змей висел в воздухе, а затем вдруг резко провалился вниз и исчез из виду. Это было уже слишком.

Желудок Тигхи отреагировал самым неожиданным образом. Юноша ощутил спазмы, а затем изо рта неудержимым потоком хлынула рвотная масса. Ему показалось, что кишки вывернулись наизнанку и стали добычей стремительного ветра.

– Блюешь? – заскрежетал Уолдо своим странным пронзительным голосом. – Отвратительно! Отвратительно! Прочь отсюда!

Однако он не толкнул Тигхи вниз; вместо этого Уолдо взялся руками за траверсу его змея и потянул вниз. Тело юноши приняло наклонное положение, и струя рвоты пролилась в грязь, лежавшую у края уступа.

Тигхи закрыл глаза. Ему было стыдно, и чувство стыда заслонило страх, который он испытывал перед предстоящим полетом. Откуда-то сзади донеслись голоса, выражавшие преувеличенное отвращение. Вой ветра не смог заглушить голос Ати, который вопил во всю глотку:

– К полету готов. Я готов, готов.

Тигхи по-прежнему мутило и внутри от горла до желудка сильно жгло, однако Уолдо, потерявший наконец терпение, выругался и, грубо встряхнув, рывком вернул юношу в прежнее положение. Тигхи открыл рот, чтобы извиниться перед командиром, однако изо рта вырвался лишь слабый стон. Его глаза были по-прежнему закрыты. Ремни змея больно врезались в плечи. Последовал рывок, который вызвал новые спазмы в желудке, и шум ветра стал другим, приобрел басовитый оттенок.

Тигхи открыл глаза.

Он поднялся! Ветер оторвал его от земли.

На фоне сильного шума ветра слышался пронзительный вопль. Тигхи понял, что это его собственный голос. Ветер изменил направление, застав Тигхи врасплох, и его змей накренился в левую сторону.

Ноги болтались над пустотой. Туда, вниз, страшно было даже посмотреть. Значит, лучше смотреть вверх.

Стена мира была на месте. Она простиралась вверх и вниз с завораживающей бесконечностью, от которой веяло непоколебимой, вечной прочностью. На мгновение страхи Тиг-

хи испарились; противный вкус во рту, спазмы в желудке отступили на задний план, превратились в ничто перед грандиозным размахом самой стены. Теперь он удалился в воздухе на достаточное расстояние, чтобы оценить ее необъятность. Он заметил также небольшую кривизну стены или выпуклость; она слегка изгибалась вправо и влево. Однако это объяснялось оптическим обманом перспективы: его взгляд устремился вверх, туда, где продолжение стены терялось в дымке.

Ати потянул за шнур, и змей Тигхи дернулся и, уйдя в сторону, совершил вираж. Изменились и перспектива. Глаза юноши скользнули по стене, и в следующий момент перед ним открылось голубое пространство, испещренное крошечными рваными облаками. Тигхи увидел шнур, протянувшийся от его змея к змею Ати. Он был туго натянут.

Разверзшаяся внизу бездонная бездна манила взгляд словно магнитом, и Тигхи снова ощутил спазмы в желудке. Конструкция на его спине заскрипела: все ее элементы испытали нагрузку, когда Тигхи резко ушел вниз.

Сейчас он даже не знал, есть ли в нем страх, боится ли он. Очень досаждал привкус горечи на языке, которая жгла, словно огнем. Во рту, на зубах, на губах, везде сохранялся вкус рвотной массы. Как жаль, что нет баклажки с водой, чтобы выполоскать рот и избавиться от горечи, подумал Тигхи.

Его грудь содрогнулась от рыданий, которые, впрочем,

вскоре прекратились. Всхлипнув в последний раз, он успокоился. Он не погиб. Все в порядке. Он в воздухе. Он летит. Протянув руку, Тигхи дернул за тягу, как его учили на практических занятиях в тренировочной раме. Ветер свирепо ревел и хлестал Тигхи в лицо, но змей постепенно начал выполнять тот маневр, какого хотел Тигхи. Несмотря на шум ветра, было слышно, как заскрипел кожаный шнур, соединявший оба змея. Юноша тут же отреагировал на это, дернув за обратную тягу, сделав это почти машинально. Змей дрогнул, края крыльев опустились, и он совершил левый поворот, описав плавную дугу. Натяжение шнура ослабло, и под воздействием ветра он выгнулся дугой.

Змей Ати находился на вполне безопасном расстоянии. Во всяком случае, так показалось Тигхи, и он направил свой змей к нему. Однако скорость сближения оказалась слишком большой, и змей Ати вырос перед ним совершенно внезапно и так близко, что до него можно было достать рукой. Тигхи завопил от страха, тем более что лицо Ати с широко разинутым ртом и выпученными глазами никак не добавляло уверенности. Ати заорал что было мочи, и этот крик выражал ужас и злость одновременно. А затем Тигхи проскочил мимо него, и лишь чудо спасло оба змея от столкновения.

Неосторожность Тигхи привела к тому, что оба юноши оказались на волосок от гибели.

Кое-как Тигхи приналег всем телом на правую сторону рамы, высвободившись из ремней, и резкое пикирование пре-

кратилось, но змей перевернулся, и на какой-то миг юноша завис в воздухе вверх ногами. Душа ушла в пятки, но в следующее мгновение змей опять принял прежнее положение. Ветер свистел в ушах. Кожа змея трепетала и дергалась, как живая.

Перед Тигхи опять появился Ати, который управлял змеем резкими, но несильными толчками. Он делал это, чтобы находиться лицом к Тигхи. Рот Ати был широко раскрыт. Он кричал что-то, но из-за сильного шума ветра Тигхи совершенно не слышал его голоса. Ярость, отразившаяся на лице Ати, настолько исказила его черты, что Тигхи в изумлении уставился на него, забыв на какое-то время о своем змее.

Еще секунда – и порывом ветра их раскидало в разные стороны.

Тигхи изо всех сил сопротивлялся стихии, бросавшей змей, словно щепку, и старался подчинить это хрупкое оружие своей воле. Практические упражнения в клетке, жестко установленной на выступе, не шли ни в какое сравнение с действительностью. Кроме того, Уолдо торопился. Он должен был научить его летать до начала войны, и такая спешка не могла не сказаться на качестве подготовки.

Тигхи потянул за продольную тягу, и змей поднялся и развернулся в обратную сторону. Перейти к парящему полету оказалось не так-то просто. Мозг теперь с невероятной четкостью фиксировал происходящее, и Тигхи осознал, что никогда не сможет приземлиться, если не стабилизирует полет.

Внезапно что-то больно хлестнуло по его левой ноге: он оглянулся и увидел, что кожаный шнур свободно болтается в воздухе. Тигхи понял, что Ати, рассерженный опасным сближением их змеев, счел за лучшее отвязать свой конец шнура, который извивался, хлопал и принимал форму змеи, готовящейся к броску. Тигхи решил тоже избавиться от шнура, привязанного к раме змея у его плеча, и, нащупав узел, кое-как развязал его. Шнур соскользнул с перекладины и, свернувшись спиралью, стал падать вниз.

Тигхи огляделся вокруг. Грандиозная перспектива не просто ошеломляла его, но и наполнила радостным возбуждением. Он гордился собой, гордился тем, что ему удалось сделать. Он повернул налево, затем направо. Вся стена мира, основа основ и прочная опора всего, заплясала и запрыгала перед его глазами. Тигхи менял положение своего тела в ремнях подвески так, как его учили в клетке там, на земле; только здесь, в этой новой стихии, равновесие его тела и просторной поверхности змея существовало в новом измерении. Наклон вперед навстречу порыву ветра, дувшего снизу, – и змей парил в воздухе, покачиваясь из стороны в сторону. Наклон назад – и бриз поднимал его вверх. Стоило поставить плоскость змея почти вертикально, и она теряла опору на воздух, и змей начинал терять высоту, падение можно было замедлить и превратить в пологий спуск, надавив руками на поперечный брус или перевернув тело на бок. Другие змеи кружили в воздухе, словно птицы, снижаясь

по спирали. Тигхи предельно сосредоточился и тоже начал снижаться. Во рту у него ужасно пересохло, а от пота щипало в глазах. Ногам было так холодно, что он даже не чувствовал пальцы ступней. Управлять змеем оказалось очень непросто.

Теперь до Тигхи дошел смысл обрывков разговоров, подслушанных им в казарме. Вдали от поверхности самой стены ветры были более ровными: не то чтобы там совсем не было встречных воздушных потоков, но управлять змеем там было легче. Однако чем ближе к стене, тем более порывистым и злым становились ветры. Змеи начинали вибрировать и сильно гудеть. При этом ухудшалась видимость, потому что от вибрации дрожали зрачки.

Тигхи опустил еще немного и сделал плавный поворот. Теперь, когда уступ находился еще довольно далеко внизу, он видел, как змеи один за другим садятся на него. Мысль о том, что он может не разбиться насмерть о поверхность мира, а приземлиться и остаться в живых и даже не покалечиться, бросила Тигхи в нервную дрожь. Он наклонил свой аппарат и начал снижение в том же направлении. Пикировать было нельзя, снижение должно происходить по пологой кривой, однако сильный порыв ветра швырнул Тигхи к стене, и перед его глазами возникла совершенно плоская, вертикальная поверхность мира, каменистая и безжизненная. Она приближалась с такой скоростью, что у него потемнело в глазах. В страхе Тигхи налег всем весом своего тела на ремни, идущие к задней части плоскости змея, и тот круто взмыл

вверх и повернул.

Тигхи не знал, что делать, и растерялся. Он был на волосок от паники, которая могла погубить его. И все же, зажав в кулак свой страх, решил сделать еще одну попытку, но теперь снижение должно было начаться на гораздо большем удалении от стены. Однако на этот раз у Тигхи ничего не вышло, и он стал бесцельно кружиться в воздухе. Оглядевшись вокруг, юноша не увидел других змеев. В небе остался он один, все остальные уже приземлились. Тигхи сделал еще один заход, однако сильное дребезжание кожаного полотна проникало, казалось, в самые кости. Ужас прочно завладел им. Вкус горечи во рту еще более усилился.

Под ним промелькнул уступ, а затем отрог, который отделял базу платона от главного выступа. Впереди появились калабаши, и Тигхи начал подниматься вверх по дуге, чтобы не столкнуться с ними. Поравнявшись с отрогом во второй раз, Тигхи принял нужное положение тела в ремнях, развернул змей и круто, с ускорением пошел вниз. Это было похоже на падение. Внезапно в памяти мелькнула ма, ее лицо, искаженное гневом. И ветер, бивший в лицо.

Действуя по какому-то безошибочному наитию и удивляя этим самого себя, Тигхи в последний момент, когда столкновение с уступом казалось неизбежным, резко налег всем телом на ремни задних траверс, и падение прекратилось. Змей взмыл вверх и остановился на мгновение в воздухе. Однако высота теперь была небольшой, и этого мгновения Тигхи

хватило, чтобы плавно спланировать на уступ, почувствовав его плотно утрамбованную поверхность своими ногами.

Здесь в ожидании его посадки уже дежурили несколько человек, которые ухватились руками за концы крыльев змея, чтобы не дать порыву ветра сдуть его с уступа. Тело Тигхи обмякло, и, обессиленный, он рухнул на колени. Лишь как следует отдышавшись, юноша поверил в то, что там, в небе, ему казалось невероятным или несбыточным: он вернулся на стену.

Дома. Твердая почва под ногами.

С пониманием этого пришла бурная радость, роившаяся в глубине груди. Тигхи выпутался из ремней и выбрался из-под змея. Уолдо будет доволен. Он совершил полет и удачно приземлился. Внутри у Тигхи возникло ощущение легкости, какого-то яркого света.

Уолдо уже двигался к нему с хмурым лицом, глядя себе под ноги. Оказавшись перед Тигхи, командир выбросил кулак вперед. Скользящий удар сбоку в череп был неожиданным для юноши. Его голова мотнулась в сторону, и из глаз посыпались искры. Висок пронзила острая боль.

– Ты выбросил шнур! – закричал Уолдо. – Я стоял и следил за тобой. Ты знаешь, сколько он стоит?

Второй удар был не таким неожиданным и потому менее болезненным. Тигхи уловил движение руки Уолдо, когда та еще только взметнулась в воздух, и расслабился. Упав на землю после удара, Тигхи несколько раз перекатился и рас-

тянулся.

Падение было удачным. Он даже не поцарапался. Несмотря на сильную боль в темечке, Тигхи почувствовал прилив удовлетворения, ощутив под собой гравий уступа. Полет, посадка, все отлично.

Злость Уолдо тут же улетучилась, и он присел на корточки рядом с юношей.

– Все в порядке? Мне вовсе не доставляет удовольствия бить тебя, – произнес он.

– Все хорошо, командир, – ответил Тигхи.

Уолдо помог ему встать.

– Однажды я ударил человека, – сказал он с нехарактерной для него разговорчивостью, – и тот ослеп на один глаз. Не заставляй меня бить тебя снова. Если у тебя будет только один глаз, ты не сможешь летать на змее.

– Нет, командир, – пообещал Тигхи.

Он уже твердо стоял на ногах. Боль в темечке почти исчезла. Внезапно Уолдо рассмеялся, нарушив своим смехом установившуюся было тишину.

– Это было похоже на воздушный бой, чтоб мне сдохнуть, – сказал он. – Как будто ты пытался сбить Ати, уничтожить его.

Затем Уолдо резко повернулся и зашагал прочь.

Потрогав голову, Тигхи посмотрел на пальцы. Крови не было. Затем он осмотрелся. Остальные курсанты уже разобрали свои змеи и занесли все детали в казарму. Опасаясь

опять вызвать неудовольствие Уолдо, Тигхи торопливо принялся разбирать свой аппарат. Его не покидало ощущение нереальности того, что произошло. В висках опять молоточками застучала боль. Тигхи почувствовал себя брошенным, одиноким и не знал, что теперь делать. Затем, закинув голову назад, юноша устремил взгляд в небо и понял, что это была радость. Он радовался жизни. Живой!!!

Небо почему-то казалось более ярким, чем обычно, с более сочной голубизной. Да и сама стена казалась теперь окрашенной в более четкие цвета. Коричневые оттенки стали гуще, интенсивнее, серые – чище, а зеленые – живее.

В тот вечер в спальне Ати вел себя очень сдержанно и даже неприветливо. Завернувшись в одеяло, Тигхи попытался прозондировать его настроение.

– Я чуть было не врезался в тебя, – сказал он тихим голосом, – извини.

Ати пробормотал что-то нечленораздельное, глядя в другую сторону.

– В небе, – добавил Тигхи.

– Пошел ты! – произнес Ати.

Некоторое время он молчал. Тигхи ждал более полного ответа, но затем сдался. Перевернувшись на бок, попытался заснуть. Сон уже почти принял его в свои объятия, как вдруг послышался сварливый голос Ати.

– Не делай этого больше. Ты мог убить, – проговорил он, – убить нас обоих, тебя, меня. Придурок. Ладно, – добавил он

голосом, в котором прорезались более снисходительные нотки. – Это было тогда. Нет демерат все время думать о прошлом.

Молчание.

– Понимаешь, – опять заговорил Ати. – Я думал, что ты можешь летать лучше. Ты же небесный мальчик и все такое, однако ты летал плохо, ты летал, как дерьмо. Куча дерьма на змее.

Он задергался, сотрясаемый беззвучным смехом. Внезапно – неожиданно для него самого – Тигхи тоже разобрал смех. Он сжал губы пальцами, стараясь не дать ему выскользнуть наружу. В любую минуту в спальню мог войти Уолдо. Шуметь опасно. Тигхи уже успел убедиться на собственном опыте в том, что рука у командира молниеносная и тяжелая. Однако это было так смешно – Тигхи, падавший с неба как камень.

– Тебя считают небесным мальчиком, – сказал Ати. Смех сделал конец предложения почти неразборчивым. Нижнестенщик буквально задыхался от смеха.

– Небесный мальчик! – повторил Тигхи.

– Ты хороший предвестник? Да ты дерьмовый предвестник.

– Да!

– Говорят, что ты специально прилетел к нам, – произнес Ати. Его тело дрожало от хихиканья. – Я в это не верю.

– Я упал, – сказал Тигхи.

Дверь открылась, и вошел Уолдо.

– А ну, тихо! – скомандовал он.

На следующий день за завтраком Ати подошел к Тигхи и сел рядом. Они ничего не сказали друг другу, но это было первое утро, когда Тигхи не пришлось завтракать в одиночестве.

Глава 8

Тигхи отправился в полет на следующий день, и в день, который последовал за ним, а также на третий день после своего первого вылета. Каждый раз, когда Тигхи стоял на краю мира, страх проникал во все поры его тела. Он приказывал себе не смотреть вниз, однако ничего не мог с собой поделаться. Его глаза опускались, словно подчинялись тем же законам притяжения, что и физические тела. Там, под ногами, находился мир, вечный и незыблемый, который простирался бесконечно вверх и вниз до того предела, пока каменная поверхность не скрывалась в тумане облаков, и все уменьшалось на расстоянии и становилось голубым. Одно-го взгляда в бездну хватало, чтобы ребра Тигхи сжимались вместе, как пальцы в кулаке, сердце начинало прыгать и колотиться, во рту появлялась неприятная сухость, в ушах звенело, а волосы на голове вставали дыбом.

Однако каждый раз Тигхи переступал край, шагая на встречу полуденному воздушному потоку, поднимавшемуся вверх, и змей на его спине начинал трепетать и поднимался. И каждый раз, когда это происходило, Тигхи плакал – плакал по-настоящему от радостного возбуждения.

Чем ближе он сходил с Ати, тем больше убеждался, что нижнестенщик владеет имперским языком не так хорошо, как ему казалось раньше. То, что Тигхи восприни-

мал как безупречное выражение, в действительности было неправильным с точки зрения синтаксиса. Однако сам Ати, несмотря на всю свою странность – странный вид и запах, особые повадки и привычки, – начал казаться Тигхи простым и неприхотливым парнем, настроенным дружелюбно по отношению к нему. Знакомым и близким.

Однажды утром, обещавшим очень яркий и солнечный день, когда платон рассредоточился по уступу для выполнения растягивающих упражнений и движений тайши, Тигхи собирался с духом и обратился к Уолдо.

– Командир? – произнес он. Его голос дрожал больше обычного, и это смущало юношу. – Командир?

– Тигхи, – пробурчал Уолдо.

Он ремонтировал сломанную перекладину змея. В правой руке у него был старый потрескавшийся горшочек из пластика, из которого он подливал клей в место перелома.

– Я хочу уйти, несколько дней, – сказал Тигхи. – В полевой госпиталь.

Уолдо ничего не ответил. Изуродованное лицо оставалось совершенно непроницаемым. Все его внимание было сосредоточено на сломанном змее. Обмотав клеенное место лыком, Уолдо прислонил змей к стене и спросил:

– Ты больной?

– Нет, командир.

– Сломанные кости?

– Нет, командир.

– Полевой госпиталь предназначен для этого.

– Там работает человек. Его звать Вивре, командир. Он вылечил меня после моего падения. Он мне отец. Я люблю его.

При этих словах Уолдо внимательно посмотрел на Тигхи своими глубоко посаженными, немигающими глазами небесно-серого цвета. Их взгляды встретились.

– Ты любишь его, – повторил Уолдо бесцветным голосом.

– Он мне отец, я люблю его, – нерешительно повторил Тигхи. – Я люблю его, отца.

– Нет, Тигхи, – сказал Уолдо, встав с земли на ноги. – Ты не можешь пойти туда. Наш день очень плотный, и мы не можем найти время для твоих прогулок. – Он хлопнул себя ладонями по овалному животу. – Теперь я твой отец, и ты должен любить меня. Ты должен любить меня, или мне придется снова побить тебя.

Затем он вдруг расхохотался и удалился пружинистой походкой, оставив Тигхи в недоумении и растерянности.

Как-то вечером, когда оба приятеля, сидя в некотором отдалении от остальных флатаров, поедали вечерний рацион, Тигхи спросил:

– Ати, это война?

Ати всегда очень серьезно относился к приему пищи и, уделяя этому процессу все свое внимание, как правило, был глух и нем ко всем внешним раздражителям. Вот и на сей раз он не стал отвечать на вопрос Тигхи, пока тщательно не пе-

режевал и не проглотил последний кусочек мяса, после чего еще провел указательным пальцем по внутреннему краю миски и облизал его. Лишь после этого Ати произнес:

– Что ты говоришь, варвар?

– Война.

– Что насчет войны?

– Против кого мы война?

– Не говори: мы война, – сказал Ати, самодовольно ухмыляясь. Он обожал исправлять синтаксические ошибки Тигхи, хотя сам не слишком хорошо владел имперским языком и говорил на нем с запинками. Однако ему нравилось выступать в роли знатока по отношению к тому, кто говорил на имперском языке еще хуже. – Скажи: «Мы воюем».

– Против кого мы воюем? В этом воюем?

– Против кого мы воюем в этой войне? – еще раз поправил его Ати. – Ты полный невежа, если не знаешь, против кого мы воюем.

Тигхи поднес миску ко рту и стал вылизывать ее. Несмотря на то что язык у него был длинный, он никак не мог достать до самой середины. Ати подался вперед и стукнул по миске костяшками пальцев так, что она ударила Тигхи по переносице.

– Дерьмод! – завизжал Тигхи и, бросив миску, шелкнул Ати прямо в лоб.

Ати рассмеялся, и Тигхи ответил ему улыбкой, однако в следующую секунду оба юноши стали с тревогой озираться

по сторонам. Им вовсе не хотелось, чтобы Уолдо обратил на них внимание.

– Итак, – повторил Тигхи. – Против кого мы воюем?

– Ты невежа! Каждый знает, против кого мы воюем.

– Я – принц, – фыркнул Тигхи. – Ты – дерьмод.

– Прошу прощения, ты принц, – произнес Ати, отвесив

Тигхи насмешливый поклон.

– Скажи мне!

Ухмылка исчезла с лица Ати.

– Мы ведем священную войну, – сказал он, внезапно серьезнев. – Это священная борьба. Так написали все три Папы. К востоку от нас на стене живет могущественная нация тьмы. Она носит название Отре.

– Отре, – торжественно произнес Тигхи.

– Они – зло. Они лишают глаз всех детей мужского пола, потому что почитают эль-даймона.

– Кто такой эль-даймон? – спросил Тигхи, придя в ужас. Слеплять детей?!

– Это враг Бога, дьявол.

– Дьявол.

– Да, но дьявол – женщина. Женщина-дьявол, и отре почитают ее. Она приказывает им выкалывать глаза всем мальчикам, детям их врагов и отрезать их члены. Они берут двух детей-мальчиков и отрезают два пениса. Затем убивают одного мальчика и молятся женщине-демону, эль-даймону. – Ати был доволен тем впечатлением, которое он произвел

на Тигхи, и потирал руки, хитро посматривая на собеседника. – Они убивают одного мальчика-ребенка и сбрасывают его мертвое тело с мира. Затем они берут два пениса, – и Ати для пущей убедительности пошевелил двумя мизинцами, – и вставляют их в глаза другого мальчика-ребенка.

Тигхи изумленно ахнул:

– В глаза?

– В глазные впадины. В дома для глаз, где были глаза. На нашем языке мы говорим «гнаж».

– Глазницы, – сказал Тигхи.

– Да, – нетерпеливо подтвердил Ати. – Они вставляют пенис в гнаж таким образом, что кончик каждого пениса торчит оттуда как глаз. В конце каждого пениса есть маленькая дырочка, правильно? Небольшой кружок. Это зрачки.

– Зрачки, – повторил Тигхи.

– Поэтому кончик пениса похож на глаз. И каждая женщина в Отре имеет юношу-раба. Его держат на привязи, на веревке, за шею. Вот так, – Ати для наглядности ущипнул себя за адамово яблоко, оттянув кожу двумя пальцами, – и они водят их с собой весь день.

– Ужасно!

– И если наши ребята попадут к ним в плен, они поступают точно так же и с ними. У мужчин они иногда отрезают яички и вставляют в гнаж.

– Неужели это правда? – спросил Тигхи, широко раскрыв глаза.

– Истинная правда, – ответил Ати и откинулся спиной к стене с довольным видом. – Это священная война, и мы распространим власть Империи на этих варваров, этих женщин-дьяволов.

– Мы будем воевать с их армией?

Ати презрительно фыркнул:

– У них маленькая армия. Бои идут за Сетчатым Лесом.

– Их армия состоит только из женщин?

– Что?

– В их армии нет мужчин?

– Нет, почему же. – Ати замялся с ответом и нерешительно добавил: – Нет, их армия из мужчин, я думаю.

– Но у них нет глаз!

Ати покашлял немного и сказал:

– У некоторых мужчин есть глаза. Наверное, у многих.

Однако они злые люди, и мы уничтожим их!

– Злые люди, – повторил Тигхи.

– Да. К востоку отсюда находится Сетчатый Лес.

– Что это такое?

– Это огромный лес, не деревья, а... мы говорим «аш». –

Он растопырил пальцы обеих рук наподобие когтей и потряс ими в воздухе. – Он простирается на много миль по поверхности стены мира. Отре живут по другую сторону. Мы двинемся туда через Сетчатый Лес и будем сражаться с Отре.

Следующим утром, в то время как платон отрабатывал упражнения, которые начинали походить на ритуал, явился

Уолдо и встал перед цепочкой курсантов. Это было необычно, и стройный ритм движений, которые все выполняли в унисон, вскоре поломался.

– Дети! – пролаял Уолдо.

Он держал что-то за своей спиной.

Парень, стоявший сзади Тигхи, незаметно протянул вперед руку и, ухватив Тигхи через одежду за кожу внизу спины, дернул изо всех сил. От неожиданности Тигхи громко вскрикнул. Мгновенно покраснев, он тут же замолчал. Уолдо на мгновение задержал на нем свой взгляд, и у юноши язык словно примерз к нёбу, однако через пару секунд глаза командира скользнули дальше.

– Сегодня вы полетите в Паузу.

Наступила абсолютная тишина. Раньше Тигхи никогда не слышал этой фразы, хотя значение слова ему было известно: перерыв во времени, момент ожидания. Впервые он услышал, чтобы это слово было использовано как существительное. Интересно, подумал он, что за штука. Тут Уолдо достал из-за своей спины причудливой формы коробку, и Тигхи на время забыл о Паузе.

– Это мои инвигораторы зрения, – объявил командир. – Вы знаете о них. Благодаря им я могу видеть вас, даже если вы будете находиться в Паузе. Через них я могу видеть каждого из вас.

Он помахал странным черным предметом, явно выдавшим виды, в воздухе. Тигхи следил за движением руки ко-

мандира, как загипнотизированный.

– Летите в Паузу, вы, несчастные земляные черви, обжоры! – продолжал радостно неистовствовать Уолдо. – Вы бойцы! Так дайте же бой своим страхам! Кое-кто из вас знает это, но многие еще в неведении. Все вы должны приобрести навык полетов в Паузе. Там странный воздух, и вы должны приспособиться к нему. Небо там не такое, как здесь, и потому вы должны соблюдать осторожность. Но вы полетите!

Все двинулись было к своим змеям, однако Уолдо опять остановил их.

– Эй вы, все! Будьте повнимательнее, не рискуйте зря! – крикнул он.

Командир казался очень возбужденным, можно было подумать, что он боялся чего-то. У Тигхи тоскливо засвербело пол ложечкой. Новое задание вселяло в него страх. Что же представляет собой Пауза?

– А ну, шевелитесь! Живее, живее, вы, сонные мухи! – завопил Уолдо.

Тревога и волнение вдруг сменились более привычным для него раздражением.

И тогда парни и девушки, вдруг засуетившись, стали поспешно разбирать свои змеи и застегивать на себе ремни. Все это они проделывали молча. Хмурое молчание было отпечатком предстоящего полета.

Тигхи оказался рядом с Мулваине.

– Мы – воины, – сказал он высокому худощавому юноше.

Мулваине удивленно взглянул на него:

– Что ты сказал?

– Мы начинаем войну с Отре, – сказал Тигхи.

Мулваине опять посмотрел на Тигхи:

– Ты странный парень, небесный мальчик. Вся стена знает об этом.

– Это нация женщин, – произнес Тигхи. – Там злые женщины.

Мулваине откашлялся и затянул потуже каждую петлю.

– Где ты слышал это, ты, мешок с дерьмом?

– Я слышал также, что они отрезают мужчинам члены?

Мулваине презрительно сплюнул.

– Этого я не слышал. Зато слышал, что они заставляют своих отцов и матерей поедать самих себя. Отрезают сначала ногу или еще что-нибудь и готовят. В тюрьме, где сидят их отцы и матери, просто нет никакой другой еды, и этим несчастным ничего не остается, кроме как есть свое собственное мясо.

У Тигхи глаза полезли на лоб.

– Отцов и матерей тоже?

– Конечно.

– Но ведь в той стране матери – принцы!

– Что?

– Папы в той стране. Папы – это матери, женщины, – сбивчиво стал объяснять Тигхи.

Мулваине опять сплюнул.

– Никогда не слышал об этом. Однако слышал, что они сажают своих родителей в тюрьму и отрезают им ноги и руки. Затем варят это мясо и оставляют своих матерей и отцов без всякой другой еды, как я уж говорил. Им больше нечего есть! Они либо будут есть самих себя, либо умрут от голода! Это муове, действительно муове, это плохо.

Они стояли на уступе. Вскоре им предстояло опять шагнуть в бездну, и сейчас услужливое воображение Тигхи рисовало отвратительные сцены зверств, совершаемых Отре.

Взмах ножа – и на землю падает отрезанный пенис. Мужчины и женщины без ног и без рук, жадно впивающиеся зубами в то, что еще совсем недавно было их собственной плотью. Какой ужас!

– Мулваине, – обратился он к соседу, – а что такое Пауза?

– Сам увидишь, – хмуро ответил тот.

И они шагнули вперед, в пустоту.

Край мира остался за спиной, и, как всегда бывало в таких случаях, Тигхи испытал прилив мучительной эйфории, когда ветер напряг свои невидимые мускулы и поднял его в воздух. Шум ветра ворвался в уши, ощутимо давя на барабанные перепонки. Восходящий поток был порывистым и неустойчивым, и змей сильно вибрировал, что в значительной степени ухудшало видимость. Тигхи все же смог развернуться и увидел под собой уступ. Затем сделал еще один круг, и в поле его зрения попали другие курсанты платона, взлетевшие со стены.

Повернув влево, Тигхи набрал высоту и, лавируя между нисходящими и восходящими потоками воздуха, стал догонять товарищей. Вскоре он поравнялся с основной массой платона и сосредоточил все свое внимание на поддержании безопасной дистанции между собой и ближайшим змеем. Строй змеев удалялся все дальше и дальше от стены.

Через некоторое время Тигхи пришлось подняться по спирали, и он увидел, насколько далеко они оказались от стены. Среди сливавшихся друг с другом форм – квадратов и клиньев, полукругов и линий, серых, коричневых и зеленых – уже невозможно было различить ни уступ, на котором базировался платон, ни отрог. Тигхи напряг все свое зрение и подумал, что ряд крошечных точек – это скорее всего калабаши на своих стоянках у пирсов на выступе, хотя полной уверенности в этом не было.

Отсюда Тигхи хорошо видел, какой плоской была стена над военным лагерем – сплошное бороздчатое пространство серого цвета, испещренное также серыми пятнами, но более темного оттенка. Оно являлось естественной верхней границей Империи, ограничителем ее роста. Пустошь. Если только Империя не станет расширяться на запад или восток и найдет другой путь наверх в обход этой пустоши, по утесам и уступам, переходящим один в другой и соединенным тропинками. Тигхи просто не представлял, как иначе подняться по стене. Конечно, они могли подняться в калабашах, однако о том, чтобы доставить в их корзинах большое количество

людей, продовольствие и стройматериалы, нечего и думать.

С содроганием сердца Тигхи осознал, что теперь эта же пустыня отделяет его от дома. Но значит, тогда он может угнать свой змей и, поднимаясь все выше и выше, если, конечно, ему удастся оседлать постоянный восходящий воздушный поток, доберется до своей деревни.

Воздух становился все холоднее и холоднее. Впервые Тигхи оказался на столь значительном удалении от плоти стены. Посмотрев вперед, юноша увидел перед собой весь платон.

Описывая круги, он начал набирать высоту, чтобы затем круто спуститься с нее с ускорением и догнать платон. При этом Тигхи не переставал размышлять. Возвратиться домой? Но к кому? К деду? К постоянным побоям и издевательствам? К человеку, который наглым обманом лишил его наследства? В деревню, где люди умирали от голода и откуда ушли почти все его лучшие друзья, потому что были слишком бедны, чтобы остаться? А самое главное – вернуться туда, где уже нет его па и ма. Кто же мог ждать его там? Только Уиттерша. Только красивая Уиттерша с ее чудным лицом и телом. Однако она, наверное, уже вышла замуж за кого-нибудь и теперь потеряна для него навеки.

Такой ход мыслей завел Тигхи в тупик, в болото отчаяния и безысходности. Меняя положение своего тела в подвеске, Тигхи начал маневрировать и опять занял свое место в строю. Нельзя впускать в свою голову эти мысли. Нужно думать о чем-то другом.

В этот момент впереди начали происходить события, которые заставили Тигхи на время забыть о своей душевной боли. Змеи, летевшие первыми, вдруг отскочили назад, словно натолкнулись на какое-то невидимое и непреодолимое препятствие. Они один за другим резко разворачивались и уходили вниз, по пологой кривой с невыносимой скоростью. От предвкушения встречи с чем-то необычным у Тигхи по коже поползли мурашки. Они были у Паузы.

Остальные змеи также по очереди подлетали к невидимому барьеру, внезапно отскакивали назад и падали вниз. В голове Тигхи ожили все старые детские представления о природе вселенной. Он вспомнил, как там, в своей деревне, сидел на уступе, уставившись в небо. Вспомнил, как к нему пришла мысль о том, что небо – это другая стена, более чистая и легкая стена; стена из света и воздуха, воздвигнутая тем же Богом, который сложил кирпич на кирпич и построил стену мира, одев ее землей и наполнив жизнью. Это была другая стена, которая удерживала воздух, чтобы он не расстрескался в разные стороны и божьи люди могли дышать, могли жить в пространстве между стенами.

Прибыл ли он на место? Что же такое Пауза – подход к чистой голубой стене из неба?

Воздух был холодным, как лед.

Тигхи пристроился за последним змеем, двигаясь под углом, чтобы погасить скорость. Если это огромная голубая стена, то он никак не хотел врезаться в нее. Тигхи попытал-

ся отвернуть немного в сторону. Интересно, подумал юноша, а что, если сначала пролететь мимо и посмотреть, какова поверхность этой стены. Однако он ничего не увидел; казалось, небо здесь было бесконечным, бездонным – ни малейшего облачка, которое могло бы испортить эту чистейшую голубизну, и только яркое, желтое, жаркое солнце, светившее справа.

Затем внезапно Тигхи оказался вверх ногами, и у него появилось неприятное ощущение внизу живота. Он не мог понять, что случилось, почему он перевернулся. Тело находилось в том же положении относительно рамы и системы ремней. Однако затем Тигхи почувствовал – и это казалось невозможным, – что скользит в воздухе в обратном направлении спиной вниз. Он кувыркался и падал. Солнце вращалось вокруг головы и слепило глаза, которые ничего не могли разобрать. Далекая стена вдруг вздыбилась, словно желая опрокинуться на него, а затем оказалась под ним.

Оцепенение продолжалось всего несколько секунд, после чего Тигхи пришел в себя и, энергично работая телом и руками, выровнял змей и перевел его в крутое пикирование с поворотом. Сделал круг, поймал восходящий поток и частично компенсировал потерю высоты.

Оглядевшись вокруг, Тигхи увидел, что его товарищи не смогли сохранить прежний строгий порядок. Их разметало по всему небу. Тигхи пролетел рядом с одним из них, так близко, что ему захотелось дотронуться до него рукой и

спросить – что же случилось в конце концов? – однако это было бессмысленно, ибо свирепый свист ветра заглушил бы любые его слова. Затем юноша опять погасил скорость и, паря в воздухе, отчетливо увидел, как с уступа стартовал еще один змей. Он летел с большой скоростью и довольно быстро покрыл расстояние до Паузы. Однако и его постигла та же участь. Казалось, какая-то невидимая рука схватила его, перевернула и отбросила в сторону.

Тигхи не испугался происшедшего с ним. Он по-прежнему был в воздухе, ну а в полете его никогда не покидало чувство уверенности в своей безопасности. Это не поддавалось объяснению. Когда Тигхи стоял на самом краю уступа, ощущая под ногами надежную, прочную землю, беспредельный страх населял его; предстоящее падение отнимало у него способность нормально мыслить. Однако когда оно происходило, когда с миром его больше ничего не связывало, все начинало подчиняться логике сна или мечты. Только центробежные позы в животе, только холодный ветер, пронесившийся мимо, говорили о реальности его опыта. Во всем остальном это было похоже на волшебные, свободные галлюцинации.

Тигхи опять развернул свой змей в направлении Паузы и собрался с духом. Какое-то время он не ощущал ничего, кроме собственного стремления вперед, но затем в воздухе внезапно послышался какой-то звук, похожий на свист, и сила притяжения изменилась. Тигхи продолжал лететь, но поче-

му-то спиной вниз. Перед ним открылась совершенно иная перспектива. Теперь он видел только небо. Затем змей заплясал и отскочил назад. Перевернувшись несколько раз через голову вместе со змеем, Тигхи повернул его на пятьдесят градусов, но избежать падения ему не удалось.

Змей начал быстро вращаться вокруг продольной оси, и Тигхи пришлось напрячь все тело, чтобы остановить вращение и подчинить аппарат своей воле. Это было так трудно, что он даже вспотел, несмотря на очень холодный воздух. В конце концов полет опять стал управляемым. Когда Тигхи сориентировался и определил свое положение, других змеев его платона уже не было видно. Тогда он направил свой змей к стене и так летел некоторое время, пока не нашел сильный, восходящий поток и не стал подниматься по спирали вверх. Вскоре он увидел несколько змеев.

Через некоторое время Тигхи поднялся еще выше и занял удобное положение, из которого мог наблюдать за тем, как несколько змеев пытались войти в Паузу. Они подлетали к ней, их скорость снижалась, а затем начинали кувыркаться в обратном направлении. Один змей – Тигхи, естественно, не мог разглядеть, кто его пилотировал, – набрал огромную скорость, круто спускаясь с высоты, и врезался в Паузу. Ему удалось пролететь в ней довольно значительное расстояние, а затем змей завалился набок, словно собирался пикировать. Однако по необъяснимой причине он несколько секунд продолжал висеть не двигаясь в таком неестественном

положении, после чего начал двигаться в обратном направлении, словно кто-то медленно тащил его за невидимую веревку назад к стене, туда, где находился Тигхи.

Сделав несколько кругов, Тигхи подошел поближе к этому змею и стал наблюдать за ним. Он приближался, двигаясь под неправильным углом. Затем внезапно развернулся лицом к Тигхи и круто пошел вниз. Пытаясь последовать за ним, Тигхи начал снижаться, однако змей очень скоро исчез из виду.

После того как еще несколько попыток проникнуть в Паузу оказались безрезультатными, прошло немало времени, прежде чем змеи собрались вместе и, образовав походный порядок, полетели назад к стене. Солнце поднялось, восходящие потоки стали более хаотичными, и на подходе к стене походный порядок расстроился, и змеи рассыпались в разные стороны потому, что каждый старался в одиночку найти наиболее стабильный поток. Когда же флатары приблизились к стене настолько, что стало возможным сориентироваться, выяснилось, что они в миле западнее уступа – базы платона. Ведущий змей развернулся и полетел на восток. Тигхи пристроился в хвост.

Стена в том месте, мимо которого они пролетали, была испещрена впадинами и выемками, между которыми то здесь, то там виднелись одинокие, изолированные друг от друга уступы и входы в пещеры, куда не было никакого доступа. Все это пространство было покрыто различной растительно-

стью в гораздо большей степени, нежели пустыня над военной базой, которую Тигхи заметил, когда вылетал на задание. Однако и оно было совершенно недоступно; изрезанная и необитаемая местность. Правда, один раз Тигхи показалось, что он увидел дым, выходящий из зева пещеры. Однако стена вокруг этого отверстия была гладкой и голой, и доступ туда был явно невозможен, и поэтому Тигхи решил, что ошибся.

Наконец ведущий змей начал снижаться, и остальные последовали его примеру. Они приблизились к своей базе, пролетев над отрогом. Внизу промелькнул военный лагерь, где по-прежнему копошился людской муравейник. Сбоку покачивались огромные калабашки. Затем показался и их уступ. Ведущий змей повернул влево и спикировал вниз, в последний момент вышел из пике и взмыл вверх, чтобы погасить скорость. Все другие змеи повторили эти маневры в воздухе. Не стал исключением и Тигхи. Его ноги коснулись уступа, и, пробежав немного вперед, юноша резко откинулся назад всем телом, чтобы не врезаться в стену.

Выпутавшись из подвески, Тигхи отдышался и огляделся вокруг. Юношу до сих пор бил нервная дрожь оттого, что ему довелось увидеть нечто невероятное.

– Дети! – забухал гулкий голос Уолдо. Он уже спешил к ним от края уступа, с которого он вел наблюдение через свои инвигораторы. – Один из вас не вернулся.

Не вернулась Бел, девушка. Это выяснилось после пере-

клички. Все остальные отозвались.

– Командир! – обратился к Уолдо Мулваине. – Я видел, как Бел глубоко проникла в Паузу. Я уже подумал было, что ей удастся прорваться, однако ее все же вытолкнуло назад, а затем Бел быстро потеряла высоту, и я ее больше не видел.

Уолдо выругался и затопал ногами.

Вскоре он построил весь платон на уступе, в лучах высоко поднявшегося солнца. Авось с Бел не случилось ничего плохого и нам не придется долго томиться здесь, ожидая ее, промелькнуло в голове Тигхи.

– Я не намерен больше терять курсантов во время обучения! – напыщенно произнес Уолдо, прохаживаясь перед строем. – Это никуда не годится.

Парни и девушки, пораженные случившимся, притихли и стояли понуро опустив плечи. Похоже, никто из них уже не верил в то, что Бел вернется. Когда Уолдо отошел к краю уступа и стал вглядываться в небо, курсанты начали перешептываться.

– Бел слишком растолстела, и полеты на змеях теперь не для нее, – прошептал Ати на ухо Тигхи.

Уолдо разрешил им сесть на землю, и теперь они сидели рядами на уступе и смотрели вверх. Уолдо же ходил взад-вперед перед ними и, то и дело прикладывал к своим глазам инвигораторы в надежде узреть змей Бел.

Тигхи согласно кивнул. Он пытался вспомнить, как выглядела Бел: такая же жилистая, как и все остальные парни и

девушки, однако шире в кости большинства других, и теперь она достигла того возраста, когда начинают выпирать груди. У нее были большие груди и широкие бедра, что является серьезным недостатком для флатара.

– Как ты думаешь, что произошло?

Ати пожал плечами и задержался с ответом, настороженным взглядом следя за Уолдо. Он старался говорить в те моменты, когда мог быть уверен, что командир не обратит на них внимания.

– Два месяца назад хороший флатар по имени Пегивре сделал ошибку при посадке. Он столкнулся со стеной, с краем уступа. – Ати очень тихо присвистнул. – Он наверняка упал бы, если бы те, кто стоял у самого края, не подхватили его и не втащили на уступ. Однако он сильно разбился. У него были переломаны все кости, а изо рта и носа шла кровь. Его отнесли в полевой госпиталь, однако... – Ати прервал свой рассказ, заметив, что Уолдо смотрит в их сторону. Когда командир отвернулся, он продолжил: – Он умер, умер. Командир был очень расстроен. Он был вне себя. А полгода назад, когда мы проходили обучение в Имперском Городе...

Однако Уолдо уже оставил свои бесплодные попытки и пошел назад к курсантам. Ати замолк на полуслове. Они все сидели там, пока солнце не начало переваливать за верхушку стены и его лучи не стали серыми. От скуки некоторые курсанты стали забавляться тем, что стучались ладонями, щипали соседей или ковыряли пальцами глину и лепили из нее

примитивные мужские члены или шарики. Все это, разумеется, делалось тогда, когда Уолдо не смотрел в их сторону.

– Все же ему придется выдать нам ужин, – прошептал Ати Тигхи. – Мой желудок пуст и требует еды.

– И мой тоже, – произнес Тигхи.

– Там! – вдруг гаркнул Уолдо. Все курсанты восприняли это как крик отчаяния и, хорошо зная непредсказуемый и неукротимый нрав своего командира, вздрогнули от страха. Однако они ошиблись. Так Уолдо выразил радость: – Она летит! Вон там!

И наконец все увидели змей, который зависал в воздухе, снижался по спирали и снова с мучительной для всех медлительностью набирал высоту. Он становился все больше и больше и в конце концов показался над самым уступом. Изумленным глазам курсантов предстало лицо Бел, бледнее белого, заострившееся и измученное. Не дожидаясь команды Уолдо, юноши и девушки дружно вскочили на ноги и бросились помогать Бел. Одни держали змей, другие снимали с девушки ремни.

Ужин в тот вечер проходил в гораздо более веселой, чем обычно, атмосфере. Даже Уолдо казался счастливым. Он то и дело прикладывался к маленькой пластиковой бутылочке и время от времени исчезал, чтобы вновь наполнить ее. Бел несколько раз рассказывала свою историю, которая с каждым разом обогащалась все новыми, более красочными подробностями; как она падала по спирали вниз по стене по-

сле выхода из Паузы. Сначала это было несколько миль, затем – десятки, и в третий раз она упала вниз на сотни миль, и только затем ей удалось подчинить змей своим командам. Возможно, она даже потеряла сознание, Бел не могла сказать точно, хотя нет, почему же, она хорошо помнит, что полностью отключилась – а может, заснула и ей приснился чудесный сон. Бел знала, что падала очень долго, и потому потратила очень много времени, час или даже больше, кружа в поисках восходящих потоков, которые становились все реже и слабее по мере того, как день подходил к концу. Места на стене, мимо которых она пролетала, были ей совершенно незнакомы, и Бел охватил ужас. Она плакала, молилась, металась на запад и на восток, медленно ползла вверх, используя последние, чахлые восходящие потоки, и теряла с таким трудом завоеванную высоту, тратя ее на долгие, пологие спуски, во время которых пыталась отыскать знакомые ориентиры на стене. Наконец, двигаясь с востока, она пролетела над верхней частью самого Имперского Города! Да, она побывала так далеко внизу и даже еще ниже (наверное, достаточно далеко, чтобы увидеть основание стены, сказал кто-то, и все рассмеялись). Дорога оттуда была ей знакома, однако восходящие потоки к тому времени уже настолько иссякли, что ей пришлось потратить несколько часов, чтобы подняться всего-навсего на милю с небольшим, отделявшую ее от уступа – базы змеев.

И все же Бел вернулась; и она так устала, что заснула пря-

мо на уступе под стук ложек, которыми курсанты хлебали вечернюю похлебку. Уолдо самолично отнес ее в спальню и накрыл одеялом, после чего негромко объявил:

– А теперь всем спать.

Он тоже стал готовиться ко сну. Обычно перед сном командир оставлял их на некоторое время одних, совершая вечернюю прогулку. Так объясняли некоторые его отсутствие в это время. Однако нынешним вечером он, похоже, изменил своей привычке. Курсанты немного приуныли, поняв, что сегодня им не удастся пошептаться перед сном, как обычно. Но вдруг явился вестовой и передал Уолдо приказ явиться на офицерское совещание. Натянув штаны и чертыхаясь, командир поспешил к выходу. Встревоженные курсанты стали гадать, что бы это могло означать.

Тигхи подвинулся к Ати.

– Что это такое, Ати? – спросил он. – Пауза, что такое Пауза?

Ати рассмеялся:

– Ты же сам видел сегодня. Ты летишь далеко, очень далеко, вперед и вперед, и вдруг перед тобой Пауза. Воздух там какой-то странный, я думаю.

– Туда его поместил Бог, – сказал Тигхи.

Ати сделал священный жест, проведя по груди несколько раз большим пальцем. Он всегда поступал так, когда при нем упоминалось о Боге.

– Но это ничего не говорит, – заявил он, – потому что Бог

создал все.

– Я думаю, – начал объяснять Тигхи, – что небо – это другая стена. Если мы пролетим достаточно далеко, то достигнем небесной стены, однако Бог поместил туда Паузу, чтобы не дать нам врезаться в нее и разбиться.

Ати задумался и некоторое время сосредоточенно молчал.

– У тебя представления варвара. А ты теперь флатар. Ты должен верить в то, во что верим все мы. А мы верим, что однажды пролетим через Паузу. Если наберем достаточную скорость, – как Бел, может быть. – Он показал подбородком в направлении спящей девушки. – Только еще больше, и тогда мы пробьемся через Паузу.

– А что там, на другой стороне? – спросил Тигхи.

– Кто знает? – ответил Ати.

Уолдо отсутствовал очень долго. Прошло целых полчаса. Все, о чем только можно было сказать, было сказано. В спальне наступила тишина.

Тигхи задремал, подложив под голову руку, согнутую в локте. Она затекла, и юноша проснулся. Высвободив руку из-за головы, он несколько раз согнул и разогнул ее, а потом принялся растирать, чтобы разогнать кровь и избавиться от неприятного онемения. После этого перевернулся на другой бок и сразу же заснул. Довольно скоро ему пришлось проснуться еще раз. Его разбудило топотание Уолдо, который вернулся с совещания. Тигхи лежал и прислушивался

к ворчанию и кряхтению великана, который сначала стягивал с себя рубашку и штаны, а затем заворачивался в одеяло. Наконец все стихло.

Тигхи опять провалился в сон, но через некоторое время проснулся от противного посасывания внизу живота, которым всегда сопровождалось падение то ли во сне, то ли наяву. Точно так же он просыпался у себя дома, в деревне. Тело покрылось холодным потом. В памяти возникли какие-то смутные, бессвязные образы, которые сразу же исчезали, когда Тигхи стал усиленно думать о них, пытаясь придать им четкость. Он видел себя и Уиттершу. Он лежал на ней сверху, и они занимались любовью. И тут же он вдруг осознал, что они оба падают. А затем оказалось, что Уиттерша – это змей, змей в обличье человека. Тигхи вспомнил, что он очень сильно испугался, потому что Уиттерша вела себя совсем не так, как вел его змей, и он был уверен, что падение закончится смертью для них обоих. Однако она продолжала улыбаться и все крепче сжимала Тигхи в своих объятиях, а он проникал в нее все глубже. У него возникла мысль... о чем же он тогда подумал? Сон ускользал, таял в памяти.

Какое-то время Тигхи лежал совсем неподвижно. Пот высох, и юноше стало холодно. В спальне стояла почти абсолютная тишина, которую нарушало лишь ровное дыхание спящих юношей и девушек. Однако чье-то дыхание явно сбивалось с ритма. Повернув голову, Тигхи установил место, откуда доносился звук, и увидел какое-то неясное движение

в горизонтальной плоскости. Понаблюдав немного за этим движением, он понял, в чем дело. Вместе с Бел на ее матрасе и под ее одеялом был еще кто-то. Один из парней, но Тигхи не мог разглядеть, кто именно, подполз к Бел и забрался под ее одеяло, и теперь эта парочка совокуплялась, их лица тесно прижались друг к другу, рот в рот, заглушая страстные стоны, которые могли вырваться оттуда. Сердце Тигхи гулко забилося, а викам зашевелился и напрягся. Более всего Тигхи изумляла дерзость Бел и ее дружка. Что будет, если они разбудят Уолдо? Их наверняка ждет жестокое наказание. Он избьет обоих. Он закричит: «Отвратительно! Отвратительно!» – и выставит их на посмешище. Эти двое рисковали очень многим.

Тигхи лежал и прислушивался к шороху одеяла, прерывистому дыханию и сдавленным стонам, которыми сопровождалось совокупление. Затем тела перестали двигаться. Прошло еще немного времени, и тот, кто наслаждался телом Бел, осторожно выбрался из-под ее одеяла и пополз на четвереньках в дальний угол спальни, где находился его собственный матрас.

Глава 9

Следующим утром за завтраком Тигхи выждал момент, когда мог поговорить с Ати без риска быть подслушанными, и сообщил:

– Прошлой ночью я видел кое-что в спальне.

– Что?

– Я проснулся и увидел одеяло Бел, а под ним была Бел и с ней кто-то еще.

Ати фыркнул и ухмыльнулся.

– О, я знаю, – произнес он, покивав головой. – Я знаю это, об этом говорят. Это Равилре. Все знают.

– Все знают?

– Они влюблены. – Ати наклонил голову и хихикнул. – Так опасно! Они сползаются вместе, и трах-трах, но если Уолдо когда-нибудь застанет их, он изобьет их так, что они сами себя не узнают. Опасно!

– Я никогда не видел такого раньше, – улыбнулся Тигхи, также наклонив голову, и теперь его глаза были на одном уровне с глазами Ати. – Я никогда не видел, чтобы они занимались этим раньше.

Ати кивком выразил согласие и доверительно положил руку поверх руки Тигхи.

– Я знаю. Однако прежде они трахались, только когда у Бел были месячные.

– Что означает это слово – месячные?

– Они есть у каждой женщины. Всегда в одно и то же время и вместо мочи у них идет кровь. Это известно каждому.

– Такое происходит каждый месяц, – кивнул Тигхи, используя свое собственное слово. Он знал об этом.

– Месяш? – спросил Ати.

– Ты тупой нижнестенщик, – со смехом произнес Тигхи, постучав костяшками пальцев по голове Ати. Они сидели теперь, прижавшись друг к другу лбами, ощущая своей кожей кожу друга. Эта близость почему-то была приятна им обоим, она действовала успокаивающе. – Не месяш. Скажи «месяц».

– Меся.

– Месяц.

– Ми-сяце.

– Нет. Месяц.

– Ты – варвар, – произнес Ати и ущипнул его. – Это не имеет значения, я думаю. Ты знаешь, что в месяц, что каждый месяц женщина мочится кровью вместо мочи. Равилре и Бел иногда трахаются как раз в это время.

– Но почему? – удивился Тигхи, которому было страшно даже подумать об этом.

Неужели женщинам нравится трахаться, когда у них эти самые месячные?

– В вашей варварской стране вы ничего не знаете, – хихикнул Ати. – В это время невозможно зачать ребенка внут-

ри женщины. Можно делать чики-чики сколько угодно в это время. Очевидно, Бел не хочет понести ребенка. Если она понесет ребенка и растолстеет, то не сможет летать на змее.

Тигхи живо изобразил в своем воображении отвратительную картину: у Бел начинается месячное кровотечение, а вик Равилре снует вверх-вниз, красный от крови. Тигхи стало так противно, что он даже закусил кулак.

– Однако сейчас у нее нет месячных, – произнес Ати, откинувшись назад.

– Откуда тебе это известно? Ати пожал плечами:

– Не думаю, что теперь она боится зачать ребенка. Может быть, как раз наоборот, она хочет ребенка. Все равно Бел разнесло так, что скоро змей ее не поднимет. Поэтому ей незачем больше следить за своим весом.

После завтрака курсанты платона, как обычно, приступили к выполнению упражнений на уступе. Далее должны были последовать практические занятия в клетках-тренажерах, однако вместо этого, сразу после физподготовки, Уолдо объявил общее построение, на котором сказал:

– Дети мои! Мы отправляемся на войну!

Нельзя сказать, чтобы известие поразило пилотов, как гром среди ясного неба. Слухи об этом, спровоцированные необычно долгим отсутствием Уолдо предыдущим вечером, циркулировали все утро. Объявление, сделанное командиром, сняло всеобщее напряжение и дало выход давно сдерживавшимся чувствам. Курсанты принялись прыгать, сви-

стеть, хлопать в ладоши и обниматься. Очевидно, приступ бурного веселья не вызвал неудовольствия командира, который терпеливо, с улыбкой на лице или выражением, похожим на улыбку, ждал, пока первый порыв энтузиазма не начнет иссякать. Наконец он поднял руки, и шум стих.

– Наступил тот миг, к которому мы все так упорно готовились, – сказал он. – В этом цель всей нашей жизни – служить Империи, разбить Отре. Захватить великие врата, которые они охраняют! Нашему платону отводится очень важная роль в военных усилиях Империи, никогда не забывайте об этом! Я сурово обходился с вами, гонял до седьмого пота, однако делал это только для того, чтобы вы стали лучшими пилотами змеев, ради блага Империи!

Он замолчал, устремив свой взгляд в землю. Наступила абсолютная тишина. После непродолжительной паузы Уолдо заговорил снова, но уже более спокойным голосом.

– Завтра Папа войны поднимется по стене мира из Имперского Города, – торжественно объявил он. – Сам Папа, собственной персоной! Он сказал, что желает познакомиться с личным составом доблестного платона змеев, от которого во многом зависит воздушная мощь Имперской армии.

Тигхи подумал, что и это известие должно было обрадовать его товарищей по оружию, однако, взглядевшись в их лица, увидел в них нечто большее, чем простую радость: благоговейный трепет, шок и даже ужас. Встреча с Папой войны, очевидно, считалась гораздо большей честью, чем Тигхи

мог себе представить раньше, – словно они должны были получить благословение от Бога. Увидеть самого Папу! Уолдо подошел к Тигхи.

– Папа услышал историю о нашем новичке, о небесном мальчишке, предвестнике удачи. – Ухватив Тигхи за волосы на самой макушке, командир слегка встряхнул его, что должно было служить знаком его благоволения, однако боль, которую при этом ощутил юноша, была вполне реальна. – Но он познакомится со всеми нами. Всеми нами! Дети мои... – Уолдо сделал пару шагов назад и прошелся вдоль шеренги пилотов. – Я счастлив. – Его глаза увлажнились. Зрачки блестели, как два ярких уголька. – Я горжусь вами. Сегодня полеты отменяются. Сегодня мы будем петь славные песни Империи! Завтра мы выступаем в поход вместе с другими частями Имперской армии. Чтобы разгромить врага, нам потребуется неделя, не больше! Отре станет частью Империи!

Все взвыли от восторга.

– Война – замечательная штука, дети, – сказал Уолдо. Теперь Тигхи хорошо видел, что он действительно плачет. По щекам, обезображенным шрамами, медленно скатывались крупные слезы. – Война – самая замечательная вещь, какую только люди могли придумать. Война сделает вас богатыми! На войне вы найдете себе жену или мужа! Дома могущественных людей ломаются от рабов и слуг, захваченных на войне! Хвала Господу, мои дети, что вы родились на стене мира в такое время! – Лицо Уолдо исказила странная грима-

са, словно эмоции, которые он сейчас переживал, причиняли ему едва ли не физическую боль. – Вы потеряете одних друзей и возлюбленных, однако у вас появятся другие. Возможно, вы потеряете здоровье, станете калекой или уродом, но Империя станет сильнее! Война – славная вещь.

Тигхи уловил значение не всех слов, и тем более не все нюансы, однако страсть, звучавшая в голосе командира, говорила сама за себя, заражая юношу. Слезы по-прежнему выписывали зигзаги по лицу Уолдо.

Затем рыкающим, хриплым голосом он начал петь. Тигхи не знал слов песни, однако большинство курсантов платона подхватили ее, сначала неуверенно, а затем все громче и дружнее. К удивлению для самого себя, Тигхи заплакал. В этом он был не одинок. Однако то не были слезы одиночества или отчаяния. На душе у него больше не лежал камень. Тигхи согревало чувство единения с остальными флатарами платона.

Они распевали песни довольно долго, с час или даже больше. Тигхи, несколько обескураженный незнанием слов, пытался принять участие в общем песнопении. Он растягивал губы и мычал в такт мелодиям. Уолдо наполнил свою пластиковую бутылочку напитком из металлической канистры и пустил ее по кругу, чтобы каждому пилоту достался глоток обжигающей горло жидкости. К тому времени, когда эта бутылочка оказалась в руках у Тигхи, края ее горлышка были покрыты обильной слюной, и юноше пришлось перевернуть

бутылочку вверх дном, чтобы из нее вытекла пара скудных капель.

Парни и девушки разбились на маленькие группки, по три-четыре человека в каждой, и разбрелись по уступу, смеясь и болтая о предстоящем событии. К ним прибудет сам Папа! Они встретятся с самим Папой! В это трудно было поверить.

Отыскав Ати, Тигхи сел рядом.

– Как здорово! – произнес он. – Просто берет за живое.

– Ты варвар, и у тебя вместо сердца кусок дерьма, – сказал Ати, лукаво улыбнувшись и откинувшись спиной к стене. – Тебя берет за живое все, что угодно, даже пение песен, а меня – нет. Я равнодушен к такому.

– Ты уже бывал на войне, Ати? – спросил Тигхи, широко открыв глаза.

Ати небрежно махнул рукой, как бы давая понять, что повидал на своем веку столько сражений, что всех не упомнить. Однако затем наклонился вперед и сказал:

– Нет, вообще-то мне еще не приходилось воевать. Но я слышал много рассказов о войне. На войне много огня, огня и пламени. – Он округлил глаза, намекая на ужасы, о которых мог бы рассказать.

– Ати, – проговорил Тигхи, и на глаза его снова навернулись слезы. – Я очень рад тому, что я в армии. Меня переполняет счастливый. Счастье, – поправился он. – А вот Отре, они – страх.

– Ты хочешь сказать, они страшные?

Тигхи кивнул:

– Они пугают меня. Они сильные, ты сам говорил.

– Не такие уж они сильные, – произнес Ати. – Отре – маленькая страна, несколько уступов и лишь один выступ. Они работают с плазаром.

– Что это такое?

– Сетчатый Лес – это лес, но лес не из деревьев, а из платана. Он как дерево, только меньше и мягче. Растет как сорняк и заполняет все собой. Это и есть Сетчатый Лес. Отре работают с платаном, делают из него разные вещи и торгуют ими. Отре – слабый народ, и мы его уничтожим.

– Отре живут в лесу?

Ати презрительно фыркнул:

– Ты вообще ничего не знаешь, варвар. В Сетчатом Лесу не живет никто!

– Но почему?

Ати замахал руками:

– В лесу обитают ужасы! Животные, которые питаются человеческой плотью, которые поедают людей. Пауки с острыми когтями! Страшные создания! Земляные омары, змеи и урукхай – страшные создания.

Тигхи поежился. Ему не нравилось слушать эти леденящие душу подробности о Сетчатом Лесе.

– Мы пойдем через Сетчатый Лес, – сказал он. – Сетчатый Лес находится между нами и Отре, – добавил Ати с мрачной

улыбкой. – Армия пройдет через него.

Внезапно у Тигхи опять закапали слезы. Но плакал он не от страха перед ужасами Сетчатого Леса. Если бы юношу спросили, почему он плачет, он и сам затруднился бы с ответом. Причины были довольно туманными и скрывались в излишне эмоциональной натуре. В сознании Тигхи произошел резкий поворот от безграничной любви к своим товарищам по платону к острой ненависти. Тигхи ненавидел их за то, что они – никто из них – не оказывали ему того уважения, которое Тигхи заслуживал, будучи принцем. Все они, за исключением Ати, третировали его и насмехались над ним. А побои Уолдо, разве это не достаточная причина для ненависти? Тигхи ненавидел Уолдо еще и за его уродливость и высокомерие. Он ненавидел их всех за то, что его сталкивали с края мира и Тигхи должен был кувыркаться в небе, пристегнутый ремнями к змею. Ненавидел за то, что теперь у него не было иной перспективы, кроме войны, насилия и, возможно, смерти. И все же, и это самое странное, в то же самое время сердце Тигхи переполняла радость, которая оттуда разливалась по всему телу, согревая его подобно солнечному свету. Несмотря на все страхи, чувство одиночества и отчаяние, Тигхи знал, что любит платон, любит Уолдо, любит Империю. Перед ним сидел Ати, ухмыляясь во весь рот, и Тигхи знал, что любит и его тоже.

Он протянул вперед руку и дотронулся до лица Ати. Тот раздраженно отвел руку Тигхи в сторону, с тревогой посмот-

рев в сторону Уолдо. Однако когда Ати снова повернул голову и их взгляды встретились, Тигхи увидел в его темных глазах ответный блеск.

Глава 10

На следующее утро Уолдо объявил подъем раньше обычного. Было хорошо слышно, как за закрытой дверью буйствует рассветный шторм. Командиру пришлось повысить голос, чтобы перекричать его шум.

– Всем умываться! Сегодня умывается каждый, лицо и руки. После того как все умоются, я произведу личный осмотр. Если в вашей форме есть дырки, возьмите в каптерке иголку с ниткой и зашейте. Понятно?

Тигхи немного испугался; ему никогда еще не приходилось держать в руках иголку с ниткой. Принцу совсем не обязательно уметь шить. Однако он тщательно проверил всю свою одежду, каждый шов и не обнаружил никаких видимых изъянов.

Затем встал в очередь весело переговаривавшихся юношей и девушек, которая двигалась к умывальнику. Впрочем, умывальником сие устройство можно было назвать весьма условно. Объяснялось это тем, что помещение для спальни вырыли в стене совсем недавно. Отсек для умывания представлял собой небольшое углубление в стене в дальнем конце помещения, пол перед которым был устлан циновками. Над углублением из стены торчал кусок трубы с краном, который открывали только после того, как вода в углублении окончательно испарялась. Когда наступила очередь Тигхи,

вода в умывальнике оказалась грязнее, чем обычно, однако юноша бодро поплескал водой себе на лицо и затем протер его пригоршней широколистой травы.

К тому времени, когда умылся последний пилот, рассветный шторм уже утих, и Уолдо открыл дверь. Платон построился на уступе, и Уолдо медленно пошел вдоль шеренги, внимательно осматривая одежду парней и девушек.

– Дети мои! – возвестил он. – Сегодня вы встретитесь с самим Папой! Если кто-либо из вас опозорит меня, я потом вышибу из него дух! Однако вы должны сделать так, чтобы я гордился вами. – Командир выпрямился во весь рост, так что его брюхо немного подвинулось вверх, к груди. – Затем мы присоединимся к остальным частям армии и примем участие в боевых действиях. В бой! Разбирайте ваших змеев.

Юноши и девушки по очереди стали подходить к штабелям разобранных змеев и, водрузив аппараты на плечо, опять возвращались в строй. Когда с этой процедурой было покончено, Уолдо еще раз обошел строй, затем прошел вперед.

Начало подниматься солнце, рассеялись последние утренние облака, и пилоты покинули свой уступ, перейдя отрог по деревянным мосткам. Флатары шли в затылок друг другу, ступая очень осторожно: ведь они несли военное снаряжение, за порчу которого полагалось суровое наказание.

На главном выступе царила все та же суэта. Доминирующим элементом пейзажа по-прежнему являлись калабаши,

разбухшие и принявшие идеально сферическую форму. С того места, где сейчас находился Тигхи, были отлично видны подвешенные снизу большие корзины, раскрашенные в красный и синий цвета, как и огромные чрева самих калабашей. В каждой такой люльке была устроена широкая дверь с большим засовом и несколькими маленькими окошечками. Задрав голову, Тигхи с любопытством рассматривал диковинные аппараты. Он увидел, как из одного окошечка высунулась тонкая трубка и, совершив несколько вращательных движений, опять исчезла.

– Что это? Там, в калабашах? – спросил Тигхи у парня, шедшего впереди него, но тот проигнорировал его вопрос.

Тонкая цепочка флатаров, сверху похожая на змейку, переползла наконец отрог и оказалась на самом выступе. Уолдо, замыкавший строй, рысцой затрусил вперед, расталкивая плечом толпу солдат в синей форме, которые окружили платон со всех сторон.

– Дети мои! – закричал он, и его голос был едва слышен, перекрываемый полифонией деятельной суматохи, царившей на уступе. – Нам приказано явиться на пирс. Идем туда.

На выступе оказалось очень трудно держать строй, потому что люди сновали туда-сюда и бесцеремонно проталкивались через шеренгу флатаров. Пришлось обходить веселую компанию из трех высоких солдат, опиравшихся на длинные шесты. Долговязые парни принялись бесцеремонно разгля-

дывать флатаров и при этом громко ржать.

– Эй, младенцы! – крикнул один из них и стал громко причмокивать губами.

Реплика еще более развеселила всю троицу, которая буквально зашла в смехе. Тигхи взглянул на Уолдо, надеясь, что командир задаст наглецам взбучку, однако тот прошел мимо, опустив глаза.

Тигхи начал стесняться своей физической неполноценности. Все флатары маршировали сейчас в ногу, но он из-за своей больной, искалеченной ступни был не в состоянии сделать то же самое. Тигхи то и дело выбивался из общего ритма, и ему приходилось подпрыгивать, чтобы опять подстроиться под остальных. Проходя мимо, лысый здоровяк так сильно толкнул его, что Тигхи споткнулся и чуть не упал. От лысого пахло каким-то странным запахом, похожим на аромат прогорклого козьего масла, а в следующую секунду этот человек был уже в нескольких шагах от Тигхи, проталкиваясь через толпу к дверному проему в стене в дальнем конце выступа.

Юноша постоял некоторое время на месте, держа больную ногу на весу и следя глазами за лысым, но затем его внимание привлекло сооружение из металла, похожее на журавля. Оно стояло у входа и было усеяно металлическими шарами, подобно фруктовому дереву, увешанному плодами. Рядом с ним находились двое мужчин в черных комбинезонах, которые прохаживались взад-вперед со скучающим видом и вре-

мя от времени отгоняли тех, кто подходил слишком близко. За ними у стены стояла пара металлических шестов, смазанных маслом. Сквозь смазку проглядывали пятна ржавчины. Тигхи вспомнил то, что ему рассказывал Ати об этих трубках: в них закладывался порошок из толченых грибов, и затем они изрыгали огонь на врага. Ему захотелось получше рассмотреть такую трубку, он быстро заковылял вперед и нагнал Ати.

– Ати, – сказал он, – там эти?...

– Очень редкая штука, – произнес тот с благоговейным трепетом. – Наше самое смертельное оружие. Очень дорогое. Однако их перешептывание тут же оборвалось.

– Сюда! – зычно приказал Уолдо, и Тигхи поспешил вперед.

Платон выстроился в шеренгу у деревянного пирса, который несколько выступал за край мира.

– Стоять здесь и никуда не расходиться! – рявкнул Уолдо и сам встал по стойке «смирно».

Ожидание продолжалось целую вечность. Нетерпение Тигхи возрастало с каждой минутой, и он прилагал невероятные усилия, чтобы заставить себя спокойно стоять на месте и не дергаться, не поддаваться зуду непоседливости и не бегать по уступу взад-вперед. Непрекращающаяся суета и беготня заражали и его желанием сорваться с места и заняться каким-то делом. Могучая армия! Теперь он был частичкой великой Империи – мельчайшей, но все же частицей.

Ожидание у пустого деревянного пирса затягивалось, и Тигхи за неимением возможности иного времяпрепровождения дал волю своим мыслям. Лучше быть частицей Империи, чем крошечной деревни, о которой никто на всей огромной мировой стене даже не слышал! Лучше быть частицей великого дела, похода против зла Отре, чем окопаться дома и бездельничать. Тигхи гордился, что находится здесь. При этой мысли на глаза опять навернулись слезы. Как прекрасно ощущать свою причастность к великой идее.

Однако на фоне долгого, бесцельного томления ощущение прозрения и чуда вскоре поблекло и увяло. Теперь Тигхи не испытывал ничего, кроме обычной скуки. Стоявшие рядом флатары начали размахивать руками и подпрыгивать.

– Прекратить! – возмутился Уолдо. – Стать в строй!

Однако держать людей в узде становилось труднее с каждой минутой. Дисциплина падала на глазах.

Наконец Уолдо испустил торжествующий крик:

– Вот он! Смотрите, он поднимается!

Суэта вокруг начала приобретать целенаправленный характер. К пирсу бегом устремилось подразделение солдат в синих мундирах, в руках они держали металлические трубки. Подбежав к пирсу, солдаты выстроились в шеренгу напротив флатаров. Охрана, догадался Тигхи. Ропот толпы на выступе стал более явным, более высоким по тембру.

Затем, повергая всех в трепет своим великолепием, неожиданный и фантастический, как несбыточная мечта,

над краем мира появился гладкий красно-голубой верх гигантского калабаша. Он поднимался медленно и плавно, сначала заполняя собой поле зрения, а затем освобождая его, пока взорам собравшихся не предстало его брюхо с подвешенной корзиной из полированного дерева, утыканной металлическими шипами. Находясь совсем близко к этому фантазмагорическому явлению, Тигхи имел возможность рассмотреть его во всех подробностях. Гигантский шар был изготовлен из ткани, – возможно, той же самой тонкой кожи, которой были обтянуты каркасы змеев – сотни шкур, тщательно сшитых вместе. Сверху его опутывала веревочная сеть, стянутая книзу. К концу сети и была подвешена деревянная кабина, утыканная металлическими шипами.

Люди, стоявшие на дальнем конце деревянного пирса, бросили вверх специальные канаты, которые зацепились за веревки калабаша. Затем четверо солдат, ухватившись за эти канаты, начали, перебирая руками, подтягивать калабаш ближе к стене. Закрепив канаты на столбах, врытых в землю, солдаты притащили деревянный трап и приставили его к открывшейся двери кабины.

В это мгновение на деревянном пирсе появились три офицера, которые, четко держа равновесие и по-военному отбивая шаг, промаршировали к калабашу и, поднявшись один за другим по трапу, исчезли в чреве кабины. Тигхи показалось, что в одном из них он узнал Кардинелле Эланне, высокопоставленного военачальника, который посетил его в гос-

питале.

В воздухе повисло напряженное молчание, однако шло время, а никто не выходил из кабины калабаша. В массе ожидающих солдат и флатаров началось брожение. Люди стали шусшукаться, выдвигая различные предположения. Юноши и девушки из платона Уолдо, которые вначале замерли в оцепенении ожидания, теперь оттаяли и дали выход своей молодой энергии, устроив задорную возню.

– Прекратить! – скомандовал Уолдо. – Смирно! Не нарушать строй!

Ожидание нервировало Тигхи, став для него едва ли не пыткой. Приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы заставить себя стоять совершенно неподвижно. Время от времени, когда взгляд Уолдо был направлен в другую сторону – по крайней мере так казалось юноше, – Тигхи украдкой посматривал через плечо. Там, позади, все пространство выступа занимали стройные ряды и шеренги солдат различных подразделений Имперской армии, и это грандиозное зрелище производило куда более сильное впечатление, нежели беспорядочный, копошащийся муравейник людей, снующих во всех направлениях.

До этого Тигхи никогда и в голову не приходило, что на мировой стене может обитать столько людей.

Наконец, после томительного ожидания, позолоченная дверь подвесной кабины калабаша резко распахнулась. По рядам солдат пробежал глухой ропот, и тут же опять все

стихло. Тигхи заметил, как Уолдо бросил грозный взгляд на шеренгу флатаров, и те, почувствовав серьезность момента, сразу же вытянулись и присмирели.

Наконец появился тот, чьего прибытия ждали и чье имя было у всех на устах с самого утра. Высокий, худой мужчина, которому пришлось нагнуться, чтобы преодолеть низкое и узкое пространство дверного проема. Выйдя из кабины и выпрямившись, Папа на миг остановился и обвел взглядом собравшихся, после чего сошел по трапу на пирс и проследовал по нему уверенной походкой, выдававшей в нем человека, привыкшего повелевать. Одет Папа был в форму ярко-голубого цвета, ощетинившуюся очень тонкими и острыми иголками наподобие голубых шипов. Тигхи предположил, что мундир Папы сшит из выделанных шкур каких-то животных с очень густым волосяным покровом, причем большая часть волос была выщипана, а оставшиеся образовали узкие и ровные полосы.

С того места, где он стоял, Тигхи смог хорошо рассмотреть внешность Папы. Прежде всего юноше бросился в глаза чрезвычайно бледный цвет его кожи. Когда Папа сошел с пирса на сам выступ, обнаружилось, что он сильно вспотел. Очевидно, в кабине калабаша было очень жарко. Сочетание неестественной белизны лица и рук и лоснящейся от пота кожи придавало Папе странный и даже неприятный вид. Казалось, его тело покрыто не обычной кожей, а материалом, из которого сделаны белки глаз.

У Папы был длинный, плоский и костлявый нос, заострившийся сверху подобно лопатке очень тощего человека. Нос дисгармонировал с круглым, белым лицом Папы еще и потому, что верхняя его часть была деформирована. Сразу же под переносицей носовая кость была сильно вдавлена внутрь, а кончик носа свернут набок. В профиль нос походил на лист, изъеденный с края гусеницей. Определить, что стало причиной такого уродливого изъяна – болезнь или травма, – было невозможно, однако воображение Тигхи тут же подсунуло ему различные варианты, неизменным фоном которых были боевые действия, возможно, даже рукопашные схватки, и у юноши перехватило дыхание.

За Папой следовали старшие офицеры, которые поднялись в кабину, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, как того требовал ритуал. Когда они шли вдоль пирса, Папа обернулся и что-то сказал. Несмотря на то что Тигхи находился в пределах слышимости, главный смысл сказанного ускользнул от него. Затем Папа повернулся лицом к выстроившимся войскам, и его огромный, странной формы нос задрался вверх и стал похожим на грозящий палец. Кардиналле Эллане сказал ему что-то и показал на шеренгу солдат, которые держали на правом плече металлические трубы. Папа направился к этому подразделению, удаляясь от Тигхи и флатаров.

Присмотревшись получше, Тигхи заметил в походке Папы какую-то странную вихлявость или разболтанность и по-

думал, что этот человек, очевидно, страдает какой-то болезнью бедренных суставов.

Некоторое время Папа и его небольшая свита ходили вдоль строя солдат. Они задали несколько вопросов солдату, замыкавшему шеренгу, и осмотрели его металлическую трубу.

– Стрелки! – с нескрываемым восхищением прошептал юноша, стоявший рядом с Тигхи.

Тот приказал своей памяти запомнить это странное слово, чтобы при случае узнать его значение.

Прикоснувшись к плечу Папы, Кардинелле показал рукой на шеренгу флатаров. Несмотря на все самообладание, Тигхи ощутил, как в радостном возбуждении сжались мышцы живота. Слушая на ходу Кардинелле и кивая, Папа направился к нему, Тигхи, своей странной походкой. Казалось, что он чуть подпрыгивает при ходьбе.

Остановившись в конце шеренги, Папа обменялся парой слов с Уолдо. Из всего сказанного Тигхи уловил лишь «господство в воздухе». Значения остальных слов были неясны.

– Да, господин, – сказал Уолдо необычным для него голосом.

Затем, когда Кардинелле махнул рукой, Папа двинулся вдоль строя флатаров, кивая на ходу. Когда Папа подошел поближе, Тигхи заметил в его широко расставленных глазах красные блики. Казалось, что у него нет бровей. Шевелюра, такая же густая и курчавая, как и у всех других граждан

Империи, была перевязана голубой лентой, под которой виднелись корни волос, удивившие Тигхи своей белизной. Во взбаламученном мозгу Тигхи зароились на этот счет различные мысли, которые, если их обобщить, сводились к следующему: либо белизна была врожденной, либо являлась результатом применения каких-то особых средств, изменивших нормальный цвет кожи. Возможно, она является обязательным предварительным условием для получения высокого сана Папы.

Папа остановился перед Ати, которого от Тигхи отделяло несколько юношей. Бросив на Папу взгляд искоса, Тигхи увидел, что его голубая форма сшита из какого-то особого пластика, материала матово-голубого цвета, который при ходьбе образовывал множество складок и издавал шуршащий звук.

Китель был широким и длинным, словно женское платье, доходя до самых колен. Из-под него выглядывали обычные голубые штаны. Однако острые иголки на форме все же не являлись волосами. Теперь Тигхи видел, что они составляют единое органическое целое с тканью, которая как бы выталкивала эти иглы из себя, щетинилась ими. Они походили на тонкие пальцы, которые покачивались, когда Папа начинал двигаться. Если эта форма сшита из пластика, то из такого, какого Тигхи никогда еще не видел.

– Это, – произнес Кардинелле, показывая на Ати костяшками пальцев правой руки, – юноша, который упал с неба,

ваше военное превосходительство.

– Я слышал о тебе, – благосклонно заявил Папа, кивнув Ати. – Удивительная история.

Тигхи скосил глаза до предела, чтобы лучше видеть происходящее. Одновременно он заметил, что Уолдо, стоявший в конце шеренги и также находившийся в поле зрения юноши, едва не сделал шаг вперед, чтобы исправить ошибку Кардинелле, но почему-то сдержался. Однако его изуродованное лицо еще больше исказилось от ярости.

– Отвечай Папе, юноша, – сказал Кардинелле.

Ати выпучил глаза и произнес, с трудом выдавливая из себя слова:

– Да. – После неловкой, тяжеловесной паузы он добавил заплетающимся языком: – Папа Эффи.

– У тебя довольно темная кожа, – заметил Папа. – Правда, мне доводилось видеть людей и потемнее.

– Да, Папа Эффи, – произнес Ати сдавленным голосом.

– Говорят, что чем выше на стене живут люди, тем более темная у них кожа, потому что ближе к верхушке стены солнце сильнее жжет кожу. Должно быть, люди, живущие на самом верху стены, такие же черные, как самый черный пластик. Во всяком случае, таково мое мнение.

Из горла Ати вышел какой-то не совсем понятный звук, который мог означать «да».

– Однако с другой стороны, – продолжал Папа, кивая своей странной белой головой так, словно он вел светский разгово-

вор в окружении людей, равных ему по своему положению, – ниже на стене тоже живут люди с кожей почти такой же темной, как и у тебя, мой храбрый флатар, так что эта теория, возможно, ошибочна. И все же ты принесешь нам удачу!

– Ваше военное высокопревосходительство, – обратился к Папе Кардинелле Эланне, тронув того легонько за плечо. – Может быть, теперь вы захотите посетить арсенал?

– Да, да, Кардинелле, один момент. Юноша может рассказать нам захватывающую историю. Итак, ты упал со стены?

Ати уставился на Папу как замороженный. Лицо его выражало крайний испуг.

– Да, Папа Эффи, – пролепетал он.

– Как странно! Я слышал, что ты угодил в один из наших калабашей, который начали надувать. Это еще более удивительно! Интересно, каково оно, падать со столь огромной высоты?

Ати по-прежнему не сводил глаз с Папы, еще больше выпучив глаза. Казалось, он потерял дар речи. Однако Папа, похоже, утратил интерес к дальнейшей беседе. Он повернулся к Кардинелле и проговорил:

– Сей юноша – хорошее предзнаменование для кампании.

А затем Папа, Кардинелле и остальная свита тронулись с места и зашагали прочь, направляясь в дальний конец выступа. Тигхи поймал взгляд Ати и улыбнулся ему. Ати вспотел так, что с подбородка закапали частые капли пота.

Папа и его свита исчезли за дверью в стене и долгое время

не выходили оттуда. Уолдо воспользовался их отсутствием, чтобы пройти вдоль строя флатаров и приструнить наиболее ретивых нарушителей дисциплины. Наконец Папа опять предстал взорам солдат, построившихся на выступе. Он дружески беседовал с Кардинелле и, судя по всему, находился в превосходном настроении. Пройдя по выступу к пирсу, Папа поднялся на него, и через несколько секунд за ним захлопнулась дверь кабины калабаша.

Почти сразу же после этого откуда-то из восточной части выступа донеслось громкое «аахх-ии!». Командующий войсками приказывал солдатам перестроиться в походные порядки и выступить в поход. «Аахх» произносилось басом, а «ии» звучало на очень высокой ноте, доходя до визга.

– Флатары! – раздался громовой голос Уолдо, перекрывавший шум, который производила многотысячная масса людей, пришедшая в движение. – Стойте там, где стоите! Флатары, стоять!

Однако везде, куда хватало глаз, правильные прямоугольники шеренг начали рушиться и ломаться. Солдаты покидали строй и устремлялись в восточную часть выступа. Топот нескольких тысяч ног, бежавших по выступу, был похож на отдельное ворчание грома или на завывание сильной бури.

Рассыпался и строй флатаров, которые сбились в галдящую кучу вокруг Ати. Что он сказал? Что чувствовал Ати, когда смотрел в глаза самому Папе?

– По-моему, у него отвратительная внешность, – сказал

кто-то.

Еретическое высказывание вызвало неодобрительный ропот подавляющего большинства юношей и девушек. Ладно, не обращай внимания. Расскажи, какой он? Однако Ати лишь стоял и ошеломленно озирался по сторонам. Вскоре он перестал представлять какой-либо интерес для флатаров, потому что Уолдо приказал платону следовать за ним и стал пробиваться сквозь гущу людей к стене.

Та часть выступа, где находились флатары, стремительно пустела. Тигхи вытянул шею и привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть поток людей, переливавшийся с выступа на уступы, ведущие в сторону врага. Голос командующего по-прежнему был хорошо слышен, хотя его самого нигде не было видно.

Аахх-ии!

– Флатары, – обратился к ним Уолдо, – мы подождем, пока в поход не выступят основные силы армии, и последуем за ними.

Он сурово посмотрел на Ати, словно считал виноватым в том, что произошла ужасная путаница, именно его.

Глава 11

Крики, созывавшие имперских солдат, постепенно затихали вдали, и на выступе не осталось почти никого. Стоя в дверях или прислонившись к стене, несколько человек постарше терпеливо наблюдали за тем, как людские потоки стремятся в восточном направлении, освобождая выступ.

Папский калабаш начал медленно подниматься, пока не завис в таком положении, что его кабина оказалась в двадцати футах от поверхности уступа.

После этого по деревянному пирсу пробежало около дюжины мужчин плотного телосложения, которые привязали концы веревок к оснастке калабаша. Затем они спустились на выступ, разматывая за собой веревку. Построившись в шеренгу по два человека в ряд, положили веревки себе на плечи и, наклонившись вперед, натянули их. Издав глухой рык, мужчины двинулись с места, и калабаш, слегка покачиваясь, медленно поплыл за ними. Со стороны калабаша, обращенной к стене, шли еще три человека с длинными шестами, которыми они упирались в кабину, не давая ей раскачиваться и ударяться о стену.

Эти люди споро делали свою работу, двигаясь на восток и волоча за собой папский калабаш. Через полчаса они обогнули отрог на восточных подступах к выступу и скрылись из виду.

На выступе остались еще два калабаша.

– А что происходит с калабашами на закате и на рассвете? – поинтересовался Тигхи.

Мулваине, случайно оказавшийся рядом, поднял его на смех:

– Неужели ты такой тупой, что ничего не знаешь, небесный мальчик?

– Но они такие легкие. Посмотри, как легко их утащили прочь! Когда начинают дуть сильные ветры, в сумерках и на рассвете, их могут растрепать в клочья.

Ответом его простодушному невежеству стал всеобщий смех. Его пожалела Туветте.

– Их втаскивают на выступ и выпускают из них воздух, – сказала она доверительным тоном. – Как тебе хорошо известно, внутри у них лишь горячий воздух и больше ничего. Затем их перетягивают ремнями и крепят на выступе. Вот эти, – она показала на два оставшихся калабаша, – понесут в сложенном виде по уступам. Передвижения по воздуху в калабаше совершает лишь Папа войны. Только такому важному лицу разрешается делать это.

– Дети мои! – обратился к своему платону Уолдо. – Теперь, когда мускулы армии, солдаты и ружья ушли, наступил наш черед.

Все умолкли.

– К тому времени, когда солнце перевалит за стену, мы должны совершить форсированный марш-бросок и выйти к

подземному убежищу; – объявил Уолдо. – Мы пойдем по открытому уступу. Кое-где уже поработали наши саперы, подготовив для нас дорогу, точнее сказать, шаткие мостки. Короче говоря, смотрите в оба, ребята. – Он резко повернулся на одной ноге и пошел в конец шеренги. – Еще раз напоминаю вам, что переход мы будем совершать по открытому уступу, и если мы не успеем завершить его к тому времени, когда задуют сумеречные ветры, и будем все еще находиться на уступе, очень вероятно, что несколько человек мы недоисчитаемся. Понятно?

– Да, командир! – ответили все в один голос.

– Брусья и узлы на плечо! Сейчас пойдем по выступу в восточном направлении. Там хорошая дорога на протяжении мили или около того. Из-за встречи с Папой мы задержались, время сейчас семьдесят или семьдесят пять. Нужно компенсировать задержку, и потому первый отрезок пути мы должны преодолеть бегом.

Хуже всех бег давался Тигхи. Если развитию мускулатуры рук он уделял много внимания и теперь его руки могли выдержать значительную нагрузку, то ноги остались почти такими же, какими и были до начала его службы в платоне флатаров. Почти сразу же в левой ноге появилась жгучая боль. Тигхи сильно припадал на левую ногу, потому что боль, пронизывавшая суставы бедра, отдавалась в ступне. Тигхи было очень трудно удержать в равновесии раму и узел с деталями змея, ерзавшие по правому плечу. Как только Тигхи сту-

пал на левую ногу, груз сдвигался влево и больно бил по его шее. Тигхи остановился и переложил груз на левое плечо, однако стало еще хуже. Брусья рамы то и дело съезжали на самый край плеча, грозя вот-вот свалиться совсем, и, чтобы этого не произошло, юноше приходилось наклонять туловище в противоположную сторону. При его хромоте это стоило Тигхи немалых усилий.

Юноша быстро отстал от основной массы платона. Стена к востоку от лагеря была неровной, испещренной вертикальными отрогами различных форм и размеров, вокруг которых вилась дорога, по которой они двигались. Основная масса исчезала за одним из таких мысов, и Тигхи на какое-то время оставался совершенно один. Хромая и спотыкаясь, потея, со слезами отчаяния на глазах он испытывал нарастающий страх. Вдруг его бросят и он окажется в темноте один на один с неукротимыми сумеречными ветрами, и тогда... При мысли о падении у него, как всегда, свело внизу живота. Между тем солнце неумолимо поднималось выше и выше и довольно скоро должно было достигнуть вершины стены.

Тигхи ковылял изо всех сил, но теперь слезы неудержимо струились из его глаз. Он рыдал все сильнее и сильнее. Тело содрогалось от рыданий, и бежать стало гораздо труднее. Время от времени ему попадались заброшенные жилища, однако ни одного человеческого существа или животного. Юноше показалось, что силы окончательно покинули его и он вот-вот рухнет. Тогда он решил сделать небольшую пе-

редышку и сбросил на землю свой змей. Тигхи хватал воздух такими огромными глотками, что начинало больно колоть в легких. Оглядевшись, юноша заметил, что остановился в том месте, где уступ расширялся. Из земли торчали полу-сгнившие остатки бамбуковых колышков. Очевидно, здесь когда-то находился выпас для животных. Должно быть, где-то поблизости раньше располагалась деревня или маленькое поселение. Однако трава внутри остатков выпаса была уже слишком высокая и не годилась на корм животным, предпочитавшим сочную молодую поросль. Здесь можно было бы пасти немало коз, подумал Тигхи.

Мозг, в котором кровь пульсировала толчками, похожими на удары молота, начал работать чуть более упорядоченно. Если дело дойдет до худшего и ночь застанет его одного на уступе, он сможет найти пристанище в одном из этих брошенных домов.

Тигхи выпрямился, стараясь не думать о боли в неправильно сросшейся левой ступне. Затем вскинул на плечо свой змей и поплелся дальше.

За следующим поворотом он неожиданно для себя натолкнулся на Уолдо. Они едва не столкнулись друг с другом.

– Дезертиров сбрасывают со стены! – рявкнул Уолдо. – Сбрасывают обнаженными с мира.

– Да, командир, – задыхаясь, проговорил Тигхи.

– Тигхи, ты должен бежать быстрее.

– Да, командир, – ответил юноша.

– Тигхи, беги быстрее!

– Да, командир, – покорно ответил юноша.

И без всякого притворства честно попытался выполнить приказ, рванувшись вперед. Однако левая лодыжка словно растаяла под Тигхи, и он рухнул на землю, растянувшись в грязи во весь рост. При этом змей, свалившийся с плеча, едва не соскользнул с края уступа в бездну.

В ужасе он мгновенно подался всем телом вперед и успел ухватиться за концы связанных вместе брусьев змея. Однако связка деталей продолжала скользить к краю стены и тащить за собой Тигхи. У него свело низ живота. И все же ему удалось задержаться у самого края и затем, извиваясь туловищем и царапая ногтями землю, развернуться в обратную сторону. Ощущение под собой твердой почвы уступа принесло Тигхи облегчение настолько глубокое, что он почувствовал его вкус в своем рту. Некоторое время Тигхи лежал неподвижно, мертвой хваткой вцепившись в связку брусьев. Его бил нервная дрожь. Слева от себя он увидел фигуру человека, сидевшего на корточках и смотревшего на него. Это был Уолдо.

– Малыш Тигхи, – произнес тот, и в его голосе прозвучала забота. – Упасть с мира однажды и выжить – огромная удача. Упасть во второй раз означало бы верную смерть.

Тигхи попытался ответить, но у него перехватило дыхание.

– Пилот из тебя пока что никудышный, – сказал Уолдо,

усаживаясь на уступе поудобнее. – Ты слишком сильно держась за ремни управления и плохо ориентируешься в воздушных потоках. Однако ты можешь летать и потому принесешь пользу Империи. Не дай себе уйти за край вещей!

– Нет, – выдохнул Тигхи едва слышно. – Нет, командир.

– Ладно, – добродушно проворчал Уолдо, – я знаю, что твоя ступня сейчас вышла из строя. Я понесу твоего змея, и вместе мы как-нибудь доковыляем до подземного убежища.

Тяжелый, неудобный груз не давил больше на плечо и не бил по шее. Идти стало легче, и Тигхи теперь не отставал от Уолдо. Правда, он с удесятенной осторожностью старался держаться подальше от края мира и ковылял рядом с самой стеной, едва не задевая ее левым боком. Уолдо же, несмотря на свое огромное тело, двигался плавно и пластично, и казалось, что сложенный змей прирос к его плечу.

Они шли по широкому уступу, который постепенно поднимался. Слева чернели входы в покинутые жилища. С распахнутыми настежь дверями они были похожи на пустые глазницы. Однако вскоре эта деревня без жителей осталась позади, и дальнейший путь лежал по совершенно необитаемым уступам, которые зачастую почти ничем не отличались от простых утесов. Проходившие перед ними солдаты вытоптали всю растительность, но и без того Тигхи не составило особого труда определить, что нога человека давно уже не ступала по этим тропинкам. Время от времени попадались свидетельства работы саперов: толстые деревянные доски,

которыми были укреплены осыпающиеся участки стены там, где уступы сужались так, что по ним мог пройти лишь один человек. Видя расточительство в обращении с деревом, Тигхи каждый раз изумлялся так, что у него глаза лезли на лоб. В конце концов он решил, что одно из саперных подразделений пройдет затем по пятам наступающей армии и соберет все эти доски.

Несмотря на все усилия саперов, двигаться по узким уступам было трудно и опасно. Не раз у Тигхи замирал дух и сердце уходило в пятки. Инстинкт самосохранения приказывал ему идти медленно, прижиматься левым боком к стене, пробираться вперед осторожно, следя за каждым своим шагом и поминутно останавливаясь. Однако Уолдо продолжал беззаботно трусить вперед легкой рысцой, и Тигхи понимал, что лучше не перечить командиру. Поэтому он усилием воли подавил волну желчи, которая поднялась в пищеводе, и постарался прибавить ходу, насколько это было в его силах. Главное не смотреть направо, говорил себе юноша. Не глядеть в бездну, разверзшуюся совсем близко с правой стороны, почти под ногами.

Они обогнули еще один отрог, и Уолдо сбавил ход. Уступ начал расширяться, и впереди Тигхи увидел цепочку солдат в синей форме – сторожевое охранение. В дальнем конце уступа находилось какое-то странное красно-голубое пятно, около которого копошилось несколько десятков человек с длинными шестами. Расстояние до него было столь велико,

что Тигхи не сразу понял, что там происходит. Затем все стало на свои места: эти люди выпустили воздух из чрева папского калабаша и теперь сворачивали его огромную оболочку.

Тяжелая, как камень, рука Уолдо легла на плечо Тигхи.

– Вот мы и дошли, малыш Тигхи, – произнес он, снимая с плеча змей Тигхи и передавая его юноше. – Это и есть подземное убежище, или нора, как его часто называют. Не говори никому, что я нес твой змей.

– Нет, командир, – отозвался Тигхи.

– Я не должен подрывать свой авторитет, верно?

– Да, командир, – покорно подтвердил юноша, не представлявший себе, что что-то может подорвать авторитет Уолдо, казавшийся ему таким же незыблемым, как и авторитет самого Папы.

– Остальные поднимут тебя на смех, Тигхи, и будут думать обо мне менее почтительно. Никогда не рассказывай им.

– Нет, командир.

А затем случилось чудо, потому что раньше Тигхи никогда этого не видел, – Уолдо улыбнулся. Шрамы на его лице сморщились и изогнулись подобно язычкам живого огня, а зубы заблестели на солнце.

– Теперь у нас с тобой общий секрет, парень, – сказал он.

Тигхи уставился на него округлившимися глазами, задрал голову.

– Возможно, я поделюсь с тобой кое-какими секретами, когда кампания будет закончена, парень, – произнес Уолдо с высоты своего огромного роста. – У нас с тобой больше общего, чем с остальными флатарами. Мы оба чужестранцы, и у обоих телесные увечья. И я знаю кое-что, мой мальчик! – проговорил он с урчанием в голосе, которое, должно быть, заменяло смех. – Я знаю кое-что об этой войне, мой мальчик! Я слышал истории об истинной причине, стоящей за чудесным решением Папы.

– Какие, командир? – спросил Тигхи.

– Об этом потом, а теперь в убежище! – приказал Уолдо. Он подтянулся, и его лицо приобрело прежнее, суровое выражение. – В убежище, к остальным флатарам. Солнце уже почти зашло за стену.

Подземное убежище представляло собой естественную пещеру, стены и потолок которой были образованы твердыми породами, а пол – рыхлым. Ноги Тигхи ступали по довольно густому слою пыли. Факелы из травяного воска, висевшие на стене, обращенной к входу, издавали неровный, дрожащий свет. У дальней стены высился штабель змеев. Запихнув на него свою связку, Тигхи облегченно вздохнул.

В пещере было не протолкнуться. Кроме флатаров здесь разместились и многие другие платоны папской армии. Оглядевшись, Тигхи не заметил солдат строевых частей, например, стрелков, которым, очевидно, отвели более просторную пещеру, располагавшуюся еще дальше. В одном уг-

ду между собой о чем-то оживленно спорили саперы, сидевшие обособленной кучкой. Немало места заняли парни и девушки из подразделения, обеспечивавшего питание. Повара раздавали вечерний рацион из глиняного котла, стоявшего у задней стены. Пробравшись туда, Тигхи протянул руки, и в них плюхнулось что-то непонятное, завернутое в листья травы. Лавируя в людской сутолоке, юноша принялся искать Ати и в конце концов нашел его.

– Похоже, ты не очень-то спешил попасть сюда, – сказал Ати, облизывая пальцы.

Он уже расправился со своим пайком.

– Нога, – сокрушенно вздохнул Тигхи. – Очень плохо.

Он все еще находился под впечатлением внезапной откровенности Уолдо, которая вызвала в юноше смутную тревогу.

Кто-то захлопнул дверь и забил под нее клин.

Немного погодя возбуждение, вызванное предстоящими сражениями, спало. Сказались усталость после долгого и трудного перехода. Все умолкли и погрузились в собственные мысли, прислушиваясь к сумеречному шторму, бушевавшему за дверью. Казалось, будто ветер выводит какую-то яростную и мрачную мелодию из воя и стонов. Производимое ею впечатление было более чем зловещим.

Тигхи снял с себя скатку из одеяла и расстелил ее на земле. Завернувшись в одеяло с головой, он решил поговорить перед сном с Ати.

– Послушай, Ати, – произнес он вполголоса.

– Да, мой варвар, – сонно ответил тот.

Он лег раньше Тигхи и, успев немного согреться, начал засыпать.

– Ты думаешь о вещах? – спросил Тигхи.

– Что? – не понял Ати.

– Ты думаешь о мировой стене?

– У тебя в голове не мозги, а дерьмо, – сказал Ати, переворачиваясь на другой бок.

– Это странное место для жизни людей. Почему Бог построил стену?

– Значит, у Бога были на то свои причины, – пробормотал Ати.

Глава 12

На следующий день армия тронулась с места гораздо раньше. Саперы проснулись и принялись собирать свои инструменты задолго до того, как Уолдо объявил подъем флатарам. Своим смехом они разбудили Тигхи, и тот лежал, прислушиваясь к их возне. Внизу живота у него сильно схватило, будто кто-то зажал в кулак кишки и не отпускал. Неужели уже сегодня придется вступить в схватку с врагом?

Вслед за саперами поднялись повара и прочий кухонный персонал. Они с грохотом потащили свои котлы по пыльному полу к входу, стараясь не задевать тех, кто еще спал.

– Флатары! – внезапно пролаял Уолдо. – Подъем! Всем встать и оправиться! После завтрака выступаем. Сегодня мы должны быть в Сетчатом Лесу.

Во время завтрака Ати подошел к Тигхи и сел рядом.

– Сегодня мы увидим Сетчатый Лес, – сказал он.

– Ты уже видел его?

Ати скорчил гримасу:

– Нет, но слышал о нем разные истории. Пауки с когтями, ужасные создания. Наподобие драконов.

– Что такое драконы?

– Что-то вроде змей, огромных змей.

– О, – произнес Тигхи, кивая с серьезным видом. А затем:
– Что такое змеи?

От изумления Ати открыл рот.

– Это огромные пауки, с когтями. Хотя нет, не пауки, а скорее гусеницы. У них очень длинные тела, длиною с уступ. Они тонкие и длинные, как веревки, только побольше. И во всю длину тела у них когти, как разх – ясно? – Ати постукал ногтями одной руки о ногти другой. – Разх, понимаешь?

– Ногти, – сказал Тигхи.

– Да, но гораздо толще, как когти у кошки, и таких когтей десятки во всю длину тела. – Издав тихий вопль отчаяния, Ати отказался от дальнейшего объяснения. – Они сожрут тебя! Раскромсают твоё тело на мелкие кусочки своими когтями и челюстями.

Тигхи содрогнулся от ужаса.

– И они живут в Сетчатом Лесу?

– В самой его глубине.

Тигхи печально покачал головой.

– Я не понимаю, – произнес он, – почему мы должны идти через Сетчатый Лес.

– Потому что Отре живут по ту сторону Сетчатого Леса.

– Но почему мы должны совершать пеший переход вместе с остальными частями армии? Разве мы не могли бы полететь на наших змеях?

Ответом Ати был искренний, пронзительный смех.

– Для флатара ты слишком невежествен. Я уже много раз говорил, что вместо мозгов у тебя дерьмо. Ветры не дуют в том направлении, вдоль стены. Мы не можем лететь на во-

сток. Вверх, вниз, к стене, от стены, да. Но на восток, на запад летать очень трудно. Непредсказуемо. – Он снова рассмеялся. – Флатар должен знать такие вещи.

Тигхи покраснел и опустил голову, а затем, ощутив внезапный прилив энергии, бросился на Ати и повалил его на землю. С веселым хохотом юноши стали бороться, катаясь по пыльному полу пещеры. Они дурачились так, пока один из товарищей по платону не разнял их, дав каждому хорошего леща.

После завтрака они разобрали свою поклажу и, построившись в колонну, тронулись в путь. Уолдо шагал позади. Вначале флатары соблюдали строй и двигались почти в образцовом порядке. Тигхи шел впереди Ати и позади Равилре. Однако через пару часов дисциплина начала падать. Уступы, по которым они шли, были широкими, и люди стали забегать вперед, чтобы поболтать с теми, кто шел перед ними, или, наоборот, останавливались, чтобы поднять какой-то диковинный камешек или сорвать красивый цветок. На всем пути им попался всего лишь один дом, и тот был совершенно пуст, как и все прочие дома, которые встречались им до этого. Несколько парней забежали внутрь. Тигхи благоразумно остался у входа. Брошенный дом внушал ему необъяснимую тревогу.

– А ну живо назад! – рявкнул Уолдо, шедший сзади. – Держать строй! Флатары, помните о дисциплине!

Они шли весь день, а солнце нещадно палило своими лу-

чами. Боль толчками отдавалась в ногу Тигхи. Все утро Равилре болтал без умолку, но когда солнце перевалило за пятьдесят, замолчал. Вместо этого он принялся подбирать с пыльной дороги камни и бросать их как можно дальше.

– Не стоит этого делать. Ты можешь попасть в змей или калабаш, – предостерег его Тигхи.

– Сегодня в воздухе нет змеев, ты, идиот, – огрызнулся Равилре. – Ты совсем тупой. – Проворчав что-то нечленораздельное, он взорвался: – Когда мы вступим в бой, они будут бросать в нас не камни. Чертов варвар.

Подобрав с дороги еще несколько камней, он кинул их через плечо, стараясь попасть в Тигхи. Брошенные наугад камни пролетели мимо. Равилре погрузился в молчание.

Солнце неудержимо карабкалось все выше и выше, и после многочасового пути впереди наконец-то показался Сетчатый Лес.

Он поражал своей необъятностью. Сначала флатары увидели лишь смутное пятно, темневшее впереди. Однако когда подошли ближе, пятно превратилось в сплошную массу растительности, распространявшуюся вверх и вниз по стене, насколько хватало глаз. Ее поверхность волновалась подобно воде в лоханке во время умывания. Только эта рябь была заморожена во времени и увеличена во много сотен раз. Она имела цвет, какого Тигхи никогда еще прежде не видел; настолько густо-зеленый, что он воспринимался почти как иссиня-черный, гораздо более темного оттенка, чем зелень

травы.

По мере того как они приближались, эта форма, казалось, все больше и больше устремлялась в небо. А затем напрочь заслонила небо собой.

Эта форма, темнота, выпиравшая из стены мира, подавляла Тигхи. Долгий переход отнял у него все силы. Юноша еле переставлял ноги, и странный лес явился как бы материальным выражением его собственных тревог. Между тем и другие флатары наверняка испытывали схожие чувства, если судить по тому, как они замедлили ход и понурили головы. Очевидно, Сетчатый Лес вызывал у них не лучшие ассоциации. Однако Равилре, в отличие от остальных, вел себя иначе. Он подтянулся, и его походка стала пружинистой. Он теперь энергично выбрасывал при ходьбе ноги, будто козел, разминающийся утром после ночи в хлеву.

Тигхи без труда распознал в этом напускную браваду, но тем не менее не мог не отдать должное такому поведению.

Внезапно Равилре повернулся и резко ткнул пальцами в затылок Ати:

– Ты помечен.

Ати засмеялся.

– Ты помечен, – опять сказал Равилре, проделав такую же шутку с кем-то еще. – И ты тоже, и ты.

Он подошел к Тигхи.

– Я хочу задать вопрос, который мы никогда не задавали тебе в лагере, – сказал он. – У тебя когда-нибудь была жен-

щина?

– Да, – тут же ответил Тигхи.

Однако его сердце тревожно екнуло. Флатары тем временем забавлялись. Одни издавали громкие вопли и слушали многократное эхо, другие играли в салочки, стараясь засалить друг друга брусом от змеев, которые держали на плече или под мышкой. Увернуться от чужого бруса и, в то же время, не попасть в кого-нибудь своим было непросто. В веселой неразберихе парни и девушки на несколько минут забыли о войне и подстерегавших их опасностях.

Откуда-то сзади раздался окрик Уолдо:

– Держать строй, не сходить с тропы!

– Я засалил тебя. Нет, ты не попал.

– Флатары, не покидайте тропу! – прозвучал совсем рядом голос Уолдо.

Юноши, девушки успокоились и возобновили движение с более или менее правильными интервалами. Тигхи никак не мог приладить поудобнее тяжелый продольный брус, который ерзал по плечу, стирая его в кровь. Впереди, подобно гигантской шевелюре, виднелась темная масса, которая совершенно изменила очертания стены мира. Шедший позади Ати тихо бубнил что-то на своем языке. Сначала Тигхи прислушивался, пытаясь понять, однако незнакомые слова и тихий голос делали это занятие бессмысленным. А вот смысл реплик, которыми обменивались другие флатары, был ему более или менее ясен.

– Что это? – спросил Тигхи, и его голос, не имевший конкретного адреса, повис в воздухе. – Что там, впереди?

Он знал ответ, однако в том, что никто из флатаров не говорил об этом, было нечто пугающее.

Задав свой вопрос, Тигхи как бы нарушил какое-то негласное табу, и все разговоры прекратились. Никто не ответил ему.

Тигхи попытался сосредоточить все внимание на тропе. Уступ здесь значительно сужался, но саперы расширили его с помощью досок с неровными краями, которые прогибались и скрипели под ногами. Интересно, подумал юноша, сколько же людей прошло по этому искусственному уступу с тех пор, как его сделали саперы, а главное, достаточно ли он прочный. У него противно засосало под ложечкой, и Тигхи сдвинулся ближе к стене. Пусть уж лучше левая нога ступает по настоящей земле, сотворенной Богом.

В этот момент последовал резкий тычок в затылок, такой сильный и неожиданный, что Тигхи вскрикнул.

– Варвар, – произнес Ати. Его голос звучал рядом с ухом Тигхи. – Ты так глуп. Ты ничего не знайка.

В голосе ощущалась настоящая злоба. Ничего личного, Тигхи сразу это понял. Просто страх перед темневшими впереди очертаниями Сетчатого Леса повлиял на настроение Ати не в лучшую сторону.

– Мне очень жаль, но что я могу поделать, – виновато сказал Тигхи.

– Ему жаль. Ответ, достойный идиота, – раздраженно буркнул Ати. А затем, почти без всякого перехода: – Там, впереди, Сетчатый Лес. Где живут чудовища.

– Мне очень жаль, – повторил Тигхи.

– Желательно добраться туда до заката, – сказал Ати. – Иначе суровые сумеречные ветры просто сбросят нас с мира.

К закату флатары уже были на опушке Сетчатого Леса. Когда солнце уже начало исчезать за верхушкой стены, они покинули открытый уступ. Дорога сразу же уткнулась в путаницу сучьев и теней. Первое, что бросилось Тигхи в глаза, – массивные, широкие стволы деревьев, правда, в отличие от обычных деревьев эти стволы были изогнуты и скручены.

Платаны.

Все здесь было по-другому. Вместо открытого пространства, травы и тропы, верхний слой которой превратился в пыль под ногами передовых частей, флатары оказались в царстве полутьмы, причудливых теней и скудного, рассеянного света.

Не успела колонна флатаров втянуться в этот странный лес, как ее остановили часовые, которые дежурили на небольшом блокпосту, расположенном вблизи опушки. Тигхи и остальным пришлось ждать, пока не подоспеет Уолдо, шедший в самом хвосте. Едва командир платона явился на блокпост, как начались препирательства с криками и обоюдными угрозами.

– За последние несколько дней через это пост прошли

сотни людей, – объясняли часовые – их было трое – Уолдо. Такое огромное количество сильно подействовало на воображение часовых потому, что они постоянно повторяли это слово. – Сотни, сотни. Почему вы хотите для себя особых условий? Чем вы лучше других?

– У меня приказ самого Папы войны, – втолковывал Уолдо своим оппонентам. – Он у меня в вещмешке. Сейчас я покажу его вам. – Он достал бумагу и помахал ею перед носами часовых. – Сегодня вечером мы должны стать на бивуак, не заходя глубоко в Сетчатый Лес.

– У нас тоже приказ, – возразил один часовой.

– Загоните своих людей подальше в лес. Дорога пока еще видна, – сказал второй.

– По ней прошли сотни солдат, – сказал третий. – Ее наверняка натоптали так, что дальше некуда.

– Это уж точно, – подтвердил первый.

– Мы – эскадрилья змеев, – повысил голос Уолдо. – Вы что, не видите, что несут на своих плечах мои парни и девушки? С таким грузом нам не пройти через этот драный Сетчатый Лес!

– О, – сказал второй часовой укоризненным тоном. – Зачем ругаться так, господин капитан. Мы люди подневольные и делаем то, что нам велят.

– Мне приказано расположиться на опушке и ждать дальнейших инструкций. Вы не можете отменить данный мне приказ – вот подпись Папы.

– Может быть, в штабе имели в виду опушку леса ниже по стене? – предположил третий.

– У нас свое начальство, и оно нам головы поснимает, если что, – добавил первый.

Пока длились препирательства, Тигхи снял с плеча свою поклажу и стал всматриваться дальше, туда, где тропа терялась в платановой чащобе. Сплетавшиеся над головой ветки и сучья платанов очень походили на потолок, и юноша никак не мог отделаться от впечатления, что находится внутри какого-то помещения. Вот только этот странный запах... Тигхи попытался представить себе, как должна была выглядеть гигантская гусеница с когтями, и не мог не содрогнуться.

Какой-то флатар хлопнул Тигхи по затылку.

– У тебя такое лицо, будто ты никогда раньше не видел леса.

– Так оно и есть, – признался юноша. – Во всяком случае, так много деревьев в одном месте. А сами деревья я, конечно же, видел раньше.

– «Сами деревья я, конечно же, видел раньше», – передразнил Тигхи Ати, подражая его голосу.

Флатары, находившиеся поблизости, расхохотались, однако их смех был каким-то натянутым. Это лишний раз говорило о том, насколько напряжены нервы у всех товарищей Тигхи по платону.

Уолдо продолжал спорить с часовыми. Очевидно, в такой огромной армии подобные накладки неизбежны.

– Как далеко? – спросил Тигхи парней, стоявших позади него, показывая правой рукой на лес, в который они только что вошли. – Как далеко он распространяется?

Пилоты-девушки – их было около дюжины – старались держаться вместе. Как только было покончено с разбивкой бивуака, некоторые парни из тех, что посмелее, подобрались к ним поближе и попытались завязать разговор: однако все это происходило под оком бдительного Уолдо, и девушки никак не отреагировали на заигрывания. Встретив такой холодный прием, парни ретировались.

– Мой отец, – сказал Ати Тигхи, когда они укладывались спать, – мой отец – плотник. Ты знаешь, что это такое?

Тигхи покачал головой, слово было для него совершенно незнакомо.

– Он работает с деревом. Это, – Ати похлопал ладонью по стволу небольшого деревца, – плохое дерево. Думаешь, из него можно что-то сделать? Ты здорово ошибаешься. – Он нагнулся и взял в руки ветку, росшую почти параллельно нижней части ствола. В его руках ветка изогнулась, как травинка. – Нет, видишь, оно слишком мягкое.

Ати отпустил ветку, и та, хлестнув по воздуху, подрожала немного и приняла прежнее положение.

– Послушайте меня, дети, – обратился к ним Уолдо, – теперь мы укрылись в лесу, однако до опушки рукой подать, и поэтому мы все же почувствуем дыхание вечернего шторама. Привяжите своих змеев к сучьям, да покрепче. А затем

возьмите ремни и привяжитесь сами к стволу ближайшего дерева и не отвязывайтесь, пока ветер не стихнет. Я покара-
юлю первое время, а затем меня сменит пара флатаров, ко-
торых я разбужу.

Сняв с себя одеяльные скатки, флатары расстелили их. При этом они почти не разговаривали между собой, лишь изредка перебрасываясь парой коротких фраз. Непривычная обстановка и неизвестность давили на психику. Прежде всего людям страшно было даже думать о том, что они проведут ночь не в помещении, а под открытым небом. Вот если бы они находились внутри стены, в убежище, подобном тому, в котором провели предыдущую ночь, тогда другое дело. Такие мысли роились в голове у каждого флатара.

– Я боюсь, – прошептал Тигхи Ати.

В ответ тот резко кивнул, давая понять, что и так все ясно. Все свое внимание Ати сосредоточил на том, чтобы по-
надежнее прикрепить ремень, которым он обмотал свое тело, к стволу платана. Тигхи попытался привязаться к дереву рядом с Ати, однако древесина была такой мягкой, что ремень глубоко врезался в нее. Юноша дернул, податливая кора лопнула, и наружу полезло вязкое вещество, находившееся внутри еще не окрепшего платана. Нужен старый ствол, посуше и покрепче. Тигхи лихорадочно принялся за поиски. Все остальные юноши и девушки платона уже привязались, и он был последним. В конце концов Тигхи нашел подходящее дерево, сухое и твердое. Рядом стоял платан, к которому

привязался Мулваине.

Не теряя времени, Тигхи принялся за дело, и довольно скоро его тело ощутило физическую связь с чем-то более прочным и надежным, чем оно само. Немного отдышавшись, он огляделся и поймал на себе взгляд Мулваине.

– Привет, – сказал он.

– Ты – варварское дерьмо, – ответил Мулваине совершенно беззлобно.

Их окружала тишина, которую нарушали лишь скрипы и шорохи Сетчатого Леса: начинался сумеречный шторм. Тигхи затеял разговор, чтобы отвлечься от страха, который заползал к нему в сердце.

– Отец Ати был плотником, – сказал он. – Мой отец был принцем. А кем был твой отец?

Сумерки сгущались, но Тигхи все же заметил, как Мулваине удивленно вскинул брови.

– Ты – варварское дерьмо, – произнес он снова, но в его словах не чувствовалось страсти. – Ты урод. Твоя ступня настолько безобразна, что, посмотрев на нее, хочется плевать. Никакая девушка ни за что на свете не ляжет с тобой. – И все же все эти оскорбления были сказаны обыденным дежурным тоном, и вскоре Мулваине потерял интерес к ругательствам, тем более что Тигхи не отвечал на них. – О чем ты спросил меня? – сказал он. – О моем отце?

– Мой па, мой отец, был принцем. Для нашей деревни это все равно что Папа, понимаешь?

Мулваине презрительно фыркнул:

– Это ничего не значит. Что такое ваша деревенька по сравнению с Имперским Городом, откуда я родом. Мой отец был философом.

– Кем?

– Философом. Служителем Бога и мыслителем.

– Вот как?

Ветер крепчал, и разговор прекратился сам собой. Тигхи напрягся, однако все оказалось не так страшно, как он думал. Откуда-то снизу раздался сильный свист и вой, и вскоре стволы деревьев стали раскачиваться в разные стороны. Однако рев ветра устрасал в меньшей степени, нежели на открытом уступе. Интересно, что же творится там, за опушкой, подумал Тигхи.

Прошло около получаса, и ветры стихли. Наступила тишина. Сумеречный полумрак сменился крошечной тьмой. Что же теперь делать? – подумал Тигхи. Он услышал, как в темноте, где-то совсем рядом, завозился Мулваине. Какие-то смутные очертания серого пятна на черном фоне.

– Что ты делаешь? – прошептал он.

– Отвязываюсь, что же еще, тупица, – проворчал Мулваине. – Хочу получить свой ужин. Неужели ты думаешь, что, протопав весь день, с раннего утра и дотемна, я собираюсь спать на пустой желудок?

Желудок Тигхи свело от страха и предчувствия опасности.

Чуть ниже и правее того места, где находился Тигхи, в темноте вспыхнула искра, которая немного погодя превратилась в пламя. Пока Тигхи отвязывался от дерева, оранжевое пятно разбухало все больше и больше. Кто-то разжег костер. Мулваине уже спускался вниз, к теплу и пище.

Уолдо наломал сухих веток и, сложив их в кучу, поджег. Такое безумное расточительство восхитило Тигхи. Даже если эта древесина никуда не годилась, все равно сжигать ее, а не сухие кизяки из навоза, казалось непозволительной роскошью. Все же Тигхи был рад пристроиться как можно ближе к костру, несмотря на то, что оттуда порой с треском сыпались искры.

Уолдо настругал из сучьев острых палочек и нанизал на них кусочки мяса. Разбившись на мелкие группки, юноши и девушки сами поджарили на костре мясо, а затем по-обезьяньи вскарабкались на платаны и, рассевшись по сучьям, с остервенением набросились на полусырые куски.

Пока флатары утоляли голод, Уолдо сидел у костра и молча смотрел на огонь. Когда парни и девушки, поужинав, слезли с платанов на землю, их командир сказал:

– А теперь я должен немного поспать, дети мои. Еще раз хочу вас предупредить: прежде чем заснете, не забудьте опять покрепче привязаться, иначе рассветный шторм может вырвать вас даже из самого сердца Сетчатого Леса. Я не приказываю вам идти спать немедленно. Я понимаю, что сейчас вы слишком возбуждены. И все же не засиживайтесь

слишком долго – завтра у вас будет трудный день.

– Завтра мы отправимся на войну, командир? – спросил Мулваине.

Его голос дрожал.

– Завтрашний день станет днем славы, дети мои! – торжественно произнес Уолдо.

Он завернулся в свое одеяло и привязал себя ремнями к толстому стволу. То же самое сделала пара флатаров; однако Тигхи не думал о сне. Он и в самом деле был слишком возбужден.

Никто больше не подбрасывал хвороста в костер, и тот постепенно начал выгорать. Однако тепла еще было достаточно, чтобы им могли насладиться все, кто не мог заснуть.

– Война, – сказал кто-то. – Только подумать!

– Отре – страшный народ, – произнес Мулваине.

Сидя ближе всех к огню, он то и дело ворошил платановым суком уголья и, вытаскивая его из костра, каждый раз смотрел на его конец с маленьким язычком укрощенного огня.

– Я слышал, Отре отрезают своим па – своим матерям и отцам – ноги и руки и заставляют их съесть свои собственные конечности! – сказал Тигхи.

Он огляделся вокруг, надеясь увидеть страх на лицах, однако эта информация, похоже, не произвела на флатаров особого впечатления.

– Я тоже кое-что слышал, – заявил Мулваине.

Он подозрительно осмотрелся по сторонам. При этом у него был такой вид, словно Мулваине собирался поделиться со всеми очень важным секретом и хотел удостовериться, что его никто не подслушивает. В свете догорающего костра Сетчатый Лес представлял собой хитросплетение причудливых теней. Это зрелище вызывало у Тигхи неприятные ассоциации, и он перевел взгляд на костер. На язычки пламени, извивающиеся подобно кривым сучьям платанов.

– Что ты слышал? – спросил Служе.

– Я слышал, что лучше не попадать к ним в плен. Так что завтра, когда пойдем в бой, нужно смотреть в оба. И знаете почему?

– Почему? Почему?

– Потому что они жестоко обращаются с пленными. Хотите знать, что они делают с пленными?

– Что? Что?

Мулваине наклонился поближе к костру и заговорил тихим голосом:

– Они привязывают пленных к деревьям на опушке Сетчатого Леса. Например, в таком месте, как это.

– И они становятся добычей когтистых гусениц-ктерпиллов? – выдохнула изумленно Бел.

– Гораздо хуже, – ответил Мулваине.

Утверждение было встречено возгласами недоверия. Хуже, чем гусеницы-ктерпиллы? Этого просто не может быть!

– Они снимают с пленных всю одежду, – продолжал Мул-

ваине, произнося каждое слово медленно, с растяжкой. – Затем сажают их верхом на сук платана, такого, как этот. Видите маленькую почку? Он показал на крошечную почку-отросток размером с ноготь, которая росла на стволе платана, находившегося перед ним.

Все подались вперед, чтобы взглянуть на почку.

– Что это? – спросил кто-то.

– Это почка, – ответил Мулваине. – Из нее вырастает новый сук. Так вот, они раздевают пленного догола и привязывают его таким образом, чтобы его задний проход приходился на одну из таких почек. Снова последовали возгласы недоверия, однако Мулваине повысил голос: – Это правда. Я слышал от одного парня, который служит в саперном полку, и он сказал, что его часть обнаружила несколько имперских солдат, которых постигла такая участь. Они привязывают тебя задницей на почку, из которой вырастает сук и пропарывает твои кишки, доставая до самого горла, а может быть, и до мозга. Вот так!

Реакцией слушателей были визги ужаса, пессимистические реплики и смех.

– Они дают пленному немного еды, а по утрам и вечерам засовывают ему в рот мокрую тряпку. Поэтому он не умирает сразу, а живет, испытывая страшные муки, – продолжал Мулваине, еще более повысив голос, чтобы перекрыть всеобщий гвалт. – Проходит неделя, и в тебя начинает вращать ствол платана. Проходит еще две недели, и он становится все

больше и больше. И в конце концов он вырастает настолько, что протыкает насквозь твои внутренности. – При этих словах юноша ударил кулаком по массивному стволу платана, который находился под ним. – Он протыкает твои внутренности насквозь, и ты медленно умираешь.

И вдруг шум прекратился. Все замолчали. Теперь никто не сомневался в том, что такое обращение с пленными – обычная практика Отре.

– Этот парень, из саперного полка, – произнес Мулваине, понизив голос. Теперь он был уверен, что ему удалось добиться безоговорочного доверия аудитории, – он сказал, что его часть наткнулась на тело имперского проводника, изо рта которого росла ветка платана! С листьями и всем прочим!

В ту ночь Тигхи плохо спал. Его мучили кошмары. Правда, утром он не мог толком вспомнить, что именно он видел во сне, за исключением каких-то странных людей-гибридов, у которых вместо конечностей были ветки платана, а посреди ног покачивались огромные вики, толстые и широкие, как стволы этих деревьев. У людей были глаза Мулваине, и они намеревались подвергнуть Тигхи пыткам. В памяти юноши остались смутные картины: он продирается сквозь чащу Сетчатого Леса, ломая телом ветки платанов, а преследователи идут за ним по пятам.

Однако уже начало светать. Заря пробивалась сквозь густую листву тонкими, слабыми лучами. Девушка, дежурившая в тот день на бивуаке, уже приступила к раздаче утрен-

них рационов.

Глава 13

Ни на следующий день, ни в течение еще нескольких дней им не было суждено столкнуться с врагом в бою. Когда солнце нагрело воздух и появились восходящие потоки, Уолдо взял с собой трех флатаров и отправился на опушку Сетчатого Леса, откуда они и совершили вылет. Пробыв в воздухе пару часов, разведчики вернулись и доложили, что обнаружить местонахождение противника не удалось. Огромный Лесной массив на стене простирался далеко на восток, и под его кронами могли скрываться неприятельские орды.

– Есть ли здесь параллельные ветры, дующие в восточном направлении? – допытывался у разведчиков Уолдо. – Как далеко на восток мог бы пролететь змей сегодня?

Однако параллельные ветры были редким явлением и отличались коварным характером. Ни за что на свете флатары не хотели бы оказаться застигнутыми врасплох внезапным изменением в их направлении или же резким ослаблением. В результате их могло отнести туда, где нет иного места для посадки, кроме самого Сетчатого Леса, но садиться прямо на кроны платанов было бы настоящим самоубийством.

Поэтому Уолдо принял другое решение. Он приказал флатарам привязать узлы с мягкими деталями к поясам, а перекладины взять на плечи.

– Вы должны совершить переход через Сетчатый Лес! –

объявил он. Ну и ну, подумал Тигхи. Дело непростое. Это ведь совсем не то, что двигаться по открытому уступу. – В некоторых местах, – продолжал командир, – вы сначала должны очень осторожно просунуть вперед свои змеи и уж затем следовать за ними. Что бы ни случилось, берегите свои змеи, как зеницу ока!

Поначалу тропа была довольно просторной. На ней виднелись отпечатки сапог стрелков и других солдат, которые прошли там раньше флатаров. Однако через час с небольшим тропа растворилась в лесной чаще, и строй платона поломался. Колонна рассеялась. Каждому флатару приходилось самому решать, какой путь наиболее подходящий. Они ступали по кривым стволам, иногда проползали под ними. Случалось, наталкивались на забытую узкую тропинку, выводившую на утес или скалу, поросшую лесом. Иногда не было ни уступа, ни утеса, и флатары пробирались по отвесной стене, вернее, по деревьям, которые из нее росли. Справа от себя Тигхи видел голубое небо или, скорее, его кусочки, сквозь густую сеть из веток, сучьев и стволов.

К этому времени уступ остался далеко позади, и флатары забрались в самую гущу Сетчатого Леса. Сложный узор теней на стволах деревьев менялся с каждым часом, да и сами тени становились все тоньше по мере того, как солнце поднималось и пробивало своими лучами эти джунгли. Ажурные хитросплетения могли бы в другое время увлечь Тигхи своей красотой и заставить его долго любоваться ими, но сейчас

все его мысли были подчинены одной цели: найти надежную опору для ног и удержать змея на плечах.

Около полудня яркость солнечных лучей достигла максимума. Они беспощадно пробивали листву, которая не могла больше служить им серьезной помехой. Тени выцвели, и сразу же четко проступили все те детали леса, которые раньше были трудноразличимы.

Тигхи остановился, решив сделать передышку. Было неясно, каким путем двигаться вперед, да и стертые до мозолей лопатки молили о пощаде. Он снял с плеча перекладины и прислонил их к широкому стволу платана так, что другой их конец упирался в уступ рядом со стеной мира. Теперь они не могли случайно соскользнуть в бездну.

Юноша потянулся, разминая затекшие мускулы. В листве послышался какой-то шорох. Сначала Тигхи подумал, что это ветер, однако, присмотревшись получше, увидел, как впереди что-то ползет среди веток. Он испугался, но почти сразу же успокоился, сказав себе, что эта штука вряд ли могла быть гусеницей с когтями, которую описывал Ати. Она была толщиной с запястье и длиной с вытянутую руку. Это создание обвилось ствол дерева и поедало его листья. Сожрав один лист, перебиралось повыше и принималось за другой. Свои передвижения животное осуществляло посредством многочисленных крошечных ножек, выглядывавших по сторонам, как бахрома истрепавшегося куска ткани. Из головы выступали два зуба, которыми существо хватало лист и за-

совывало себе в рот. Глаз у него, похоже, не было.

Теперь, когда Тигхи остановился и смог осмотреться, ему стало ясно, что Сетчатый Лес кишит самыми разнообразными живыми организмами. Насекомые обычных размеров сновали в разных направлениях по сучьям и веткам или в желтой траве. Тигхи разглядел жуков, травяную тлю, блох, плакунов, слизняков, кузнечиков ярко-голубого и зеленого цвета с полосатыми щитками. Были здесь и уступные мухи размером с сустав большого пальца. Таких огромных мух Тигхи еще никогда не видел. Они лениво выписывали в небе невидимые узоры. Были и насекомые размером с кошку или обезьяну.

Взглянув вниз, Тигхи увидел двух жуков, которые своей величиной не уступали человеческой стопе. Они сидели на стволе платана и стучались головами. Необычайный серебристый летающий жучок, похожий на игрушку из пластика, усердно махая крылышками, поднялся вверх и сел отдохнуть на ветку. Через пару мгновений он опять вспорхнул.

Вглядываясь в даль, Тигхи заметил еще кое-что. Это было животное размером с небольшую козу, но с очень продолговатым телом, которое с шумом протискивалось сквозь заросли.

Жизнь в Сетчатом Лесу шла своим чередом, и это обстоятельство неприятно удивило Тигхи, ведь он полдня блуждал по лесу и ничего не замечал, погружившись в собственные мысли и переживания. Его счастье, что в этой части Сетча-

того Леса не оказалось неприятельских солдат, иначе он и пикнуть бы не успел, как попал бы к ним в лапы. Едва Тигхи взвалил на плечо связку перекладин от змея и двинулся в восточном направлении, как вдруг услышал оглушительный треск. Источник шума находился западнее и чуть выше.

Затем раздался звук удара о землю какого-то тяжелого предмета, и вслед за этим кто-то громко застонал. Тигхи узнал голос Чемлера.

Сняв опять перекладки с плеча и положив их на землю, Тигхи быстро вскарабкался наверх по стволам платанов. Долго искать Чемлера ему не пришлось. Тот висел животом на низком суку и натужно дышал.

Тигхи помог Чемлеру сползти с сука и сесть на землю спиной к стене.

– Как ты? – спросил он его.

– Уже лучше, – судорожно ловя ртом воздух, ответил Чемлер. – Из меня прямо дух вышибло. Нога подвернулась, и я загремел вниз.

Он показал вверх, и Тигхи увидел крутую расщелину, усыпанную листьями и обломками сучьев. Несколько веток платана, распростершегося над ней, все еще слегка подрагивали. Туда-то и свалился Чемлер.

– Ты не заметил эту расщелину?

Чемлер кивнул.

– Хорошо хоть, что я недалеко пролетел. Впрочем, в этом лесу очень трудно упасть и не зацепиться за что-нибудь. Так

что в любом случае до смерти не расшибешься, – проговорил он, все еще тяжело дыша.

– А где же твой змей?

– Не знаю, – ответил Чемлер. – Я уронил его. Но думаю, он где-то там, вверху.

Отдышавшись, Чемлер полез вверх, туда, откуда свалился. Тигхи последовал за ним. Вдвоем они быстро отыскивали связку перекладин, застрявшую в густой листве.

Теперь Тигхи двигался вперед с полным осознанием того факта, что окружающая его природа насыщена жизнью, пусть и в примитивных ее формах. Вокруг копошились, ползали и порхали всевозможные насекомые и животные. Как-то раз Тигхи ухватился за свисающий с верхнего сука толстый стебель какого-то растения, чтобы перебраться через мешавший продвижению ствол платана, и тут же с воплем отдернул руку, почувствовав что-то липкое, скользкое и живое. Подняв голову, Тигхи увидел большого серого червяка с множеством ножек, который полз по суку. Скорее всего это было безобидное существо, но тем не менее Тигхи выбрал другой сук.

В другом случае он увидел обезьяну. Она была так непохожа на тех обезьян, которых Тигхи приходилось видеть у себя в деревне, что сначала он принял ее за мужчину в оранжевой куртке. Ярко-оранжевый мех покрывал туловище обезьяны, резко контрастируя с черными ногами. Сзади у нее росли два хвоста, а голову украшал длинный пук во-

лос. Длинные и цепкие передние конечности позволяли обезьяне ловко перебираться в кронах деревьев с одного сука на другой. Вскоре она приблизилась к юноше на расстояние, равное десяти рукам. У нее были быстрые черные глаза, которые внимательно осмотрели Тигхи. Не найдя в нем ничего подозрительного или угрожающего, обезьяна раскачалась и перебросила свое тело на следующий сук. Тигхи осторожно обошел ее и, продвинувшись немного вперед, оглянулся. Обезьяна явно потеряла к нему интерес и теперь сидела на наклонном стволе платана, держа обеими руками жирного серого червяка и откусывая от него большие куски, которые она уплетала за обе щеки.

Чуть позже Тигхи услышал крик, однако не мог определить, от кого он исходил, от человека или животного.

Спустя некоторое время до него долетел голос, который невозможно было спутать с каким-либо другим. Это был голос Уолдо, пробивавшийся сквозь чащу леса.

– Ко мне, флатары! Ко мне!

Тигхи направился туда, откуда звучал призыв. Он начал подниматься вверх, протискиваясь между тесно росшими деревьями.

Там уже собрался весь платон. Что-то случилось с Мани. Девушка заливалась слезами, из ее руки шла кровь. Что-то укусило ее, всхлипывая, сказала Мани. Что-то в лесу. Она даже не успела разглядеть, что это было. Уолдо осмотрел рану и очистил ее листьями, поливая сверху водой из своей

фляжки. Затем перевязал руку Мани куском ткани и приказал ей успокоиться.

Уолдо устроил переключку и, убедившись, что все на месте, обломал сучья и ветки с одной стороны очень массивного дерева, собрал их в кучу и привязал запасным ремнем к стволу. После этого приказал флатарам привязаться к какому-либо достаточно прочному стволу по примеру предыдущего вечера. Парни и девушки довольно быстро подыскали себе подходящие деревья и, привязавшись к ним, затихли в ожидании шторма. Они были совершенно обессилены сегодняшним переходом, по сравнению с которым вчерашний марш по уступу казался легкой прогулкой. Вскоре начался сумеречный шторм, однако здесь, в чаще леса, он почти не ощущался. И Тигхи поспешил отвязаться от дерева, как только наметились признаки ослабления ветра.

В непроглядной тьме Уолдо разжег костер, и все собрались вокруг огня. Мрачные и притихшие, флатары жались друг к другу и невидящими взглядами смотрели в темноту. Несколько ребят стали упрашивать Мани показать укушенную руку, но она упорно отказывалась снять повязку и даже спрятала руку под мышкой.

Странный, угрюмый лес пугал пришельцев своей неизвестностью. От прежнего веселья не осталось и следа. За ужином царило молчание. Даже задиристый Мулваине, привыкший петушиться по любому поводу, не произнес ни слова.

– Вероятнее всего тебя, Мани, укусил земляной омар, – нарушил тишину Уолдо. Голос его был невеселым. – Дети мои, вы должны соблюдать чрезвычайную осторожность, когда идете по лесу, где обитают такие твари.

Удивительно, подумал Тигхи, как изменилось отношение к ним Уолдо после того, как пришел приказ отправляться на войну. Их командир стал менее отчужденным. Теперь он вел себя скорее как боевой товарищ, а не начальник.

– Командир, – спросил Тигхи слегка дрожащим голосом.

– Да, Тигхи.

– Вы когда-нибудь раньше бывали в этом лесу?

– Да, мне приходилось бывать здесь раньше, дети мои. В свое время я излазил его вдоль и поперек и хорошо знаю ужасы этого леса. Самые худшие из них находятся гораздо ниже нашего маршрута, и за это мы должны благодарить Бога и нашего Папу, который так мудро все спланировал. Однако я был здесь раньше, и мне пришлось столкнуться со всеми этими тварями. Многие из них куда хуже любого земляного омара.

Он замолчал и нагнулся к костру, чтобы поворошить уголья. Изрезанное шрамами лицо выглядело совершенно другим в отблесках неровного пламени. К нему сейчас были прикованы взгляды всех флатаров.

– Командир? – опять произнес Тигхи, намереваясь спросить, при каких обстоятельствах Уолдо попал в Сетчатый Лес в первый раз.

Однако тот заговорил об этом сам, не дожидаясь вопроса.

– Дети мои, вы еще очень молоды и почти ничего не знаете об истории нашей славной Империи. Однако мы бывали здесь и прежде. Когда-то я был таким же щуплым, как вы сейчас, и тоже летал на змее. И в юности я был частичкой могучей армии, почти такой же могучей, как нынешняя. Мы шли на восток, только наш путь пролегал на одну-две лиги ниже по стене, чем тот, которым мы следуем сегодня. Мы шли ради святой цели – одержать победу над еретиками Отре. То были славные дни, дети мои! Славные дни!

Флатары онемели, как замороженные. Внезапная общительность и откровенность Уолдо изумляли их. Прервав свое повествование, Уолдо едва слышно вздохнул и уставился на костер. Шрамы на его лице вдруг оживились. В обликах огня казалось, будто они, извиваясь, ползут по лицу. Помолчав немного, ветеран продолжил рассказ:

– Переход уготовил для нас тогда тяжелые испытания. Ниже этого места лес населен страшными зверями. У них огромные челюсти, а зубы такие прочные и острые, будто сделаны из металла. Руку они откусывают в один прием, начисто. Кажется, будто она отрублена острым топором. Да и голову сожрать им ничего не стоит. Ррраз – и челюсти этой твари уже пережевывают человеческую голову, хрумкая ею, как яблоком. Мы понесли большие потери на марше и бились с этими тварями с еще большим ожесточением, чем с врагом. Однако Папы знали, что Отре должны быть разбиты.

Потому что Отре скрывают важный секрет в их мире зла.

Уолдо опять сделал паузу, и Тигхи засомневался, поделится ли командир важным секретом со всеми ними. И тут ему на память пришел удивительный разговор, который состоялся между ними в тот день, когда Уолдо нес его змей.

Внезапно Уолдо спросил:

– Вы знаете этот секрет, дети мои?

Все флатары разом, как по команде, отрицательно замотали головами.

– Дети, в этом суть нашего мира. В стене есть Дверь!

Уолдо широко открыл глаза и обвел ими всю юную аудиторию, как бы желая оценить впечатление, произведенное этой новостью. Никто ничего не сказал. Тишину нарушало лишь потрескивание сучьев в костре.

– Дверь, понимаете? – сказал Уолдо. – Дверь в мировой стене, и она существует в самом сердце королевства Отре. Они наложили на нее свои нечестивые руки, и мы посылаем армию, чтобы освободить ее. Чтобы вернуть ее Папам, Империи и Богу!

– Что там, командир? – взволнованно спросил Равилре. – Что там за Дверью?

Уолдо внимательно посмотрел на юношу.

– Это священная Дверь. Бог построил стену и живет на другой ее стороне. Эта Дверь приведет нас к нему.

– Меня учили, – сказал кто-то, – что Бог живет на самом верху стены, откуда он может видеть всю вечность.

– Нет, – вдруг возразил Тигхи, – нет, Бог живет у основания стены.

Эта идея была встречена всеобщим негодующим фырканьем.

– Почему же Отре не перешагнут порог своей Двери? – недоуменно спросил Мулваине. – Почему они не хотят встретиться с Богом?

– Это священная Дверь, – повторил Уолдо. – Отре – богомерзкий народ. Они не могут открыть ее. Бог не позволит им сделать это. А вот наши Папы откроют ее, как только она окажется в наших руках. Мы встретимся с Богом лицом к лицу. Мы увидим рай на другой стороне стены.

– Нет! – громко произнес Тигхи. – Мы не должны открывать Дверь.

Он тут же оказался в перекрестке изумленных и возмущенных взглядов.

– Но почему мы не должны этого делать, малыш Тигхи? – поинтересовался Уолдо.

В его голосе слегка прорезалась прежняя суровая нотка.

– Там, где я жил раньше, был один мудрый человек, который научил меня кое-чему, – начал Тигхи, немного запинаясь от волнения. Ведь он был в эпицентре внимания всего платона. – Он учил, что Бог обитает у основания стены. Что Бог ведет войну с существами, которые живут по другую сторону стены, – вот почему каждый день он нагревает огромный камень, пока тот не начинает светиться от жары, и

бросает его через стену. Он воюет с существами, живущими на другой стороне стены.

Тигхи невольно сам подивился беглости, с какой изъяснялся на чужом языке. Вместе с тем он ощущал внутреннюю потребность во что бы то ни стало убедить остальных в своей правоте.

– Мы не должны открывать Дверь, иначе сюда проникнут эти существа. Они очень страшные, Бог построил стену, чтобы... – Он хотел сказать: «чтобы отделить нас от них», – но не смог подобрать необходимые слова.

– Варвар – идиот, – возмущенно произнес Мулваине. – Бог сидит наверху стены, это знает каждый. – Он заискивающе посмотрел на Уолдо, как бы желая заручиться его поддержкой. – Командир, но, может быть, Бог живет на той стороне стены?

Похоже, Уолдо находился в умиротворенном состоянии духа и не собирался никого отчитывать.

– Эта война для нас священная, – сказал он. – Папы сами решат, что делать после того, как мы разобьем Отре и захватим великую Дверь.

– Командир? – обратилась к нему Бел. – Что произошло во время последней кампании?

– Что ты хочешь знать, дитя мое?

– Вы сказали, что начинали свою службу в армии много лет назад. Вы тогда тоже были в Сетчатом Лесу?

Уолдо опустил взгляд, уставившись на огонь и сдвинув

вместе брови. Очевидно, он погрузился в невеселое воспоминание.

– Тогда мы пробились через Сетчатый Лес, – сказал он наконец. – Но это стоило нам огромных потерь. Там, ниже на стене существуют монстры, от одного вида которых кровь стынет в жилах и становится густой, как дерьмо, не важно, какими смельчаками вы бы себя ни считали; чудовища, страшные настолько, что замирает сердце и отнимаются ноги. На моих глазах храбрые и мужественные солдаты превращались в трусливых котят, которые, визжа от страха, бежали от них куда глаза глядят. Меня и сейчас пробирает дрожь, когда я вспоминаю их пустые, ничего не выражающие глаза – множество глаз и огромные, вечно двигающиеся челюсти. Сзади у них панцирь, такой же твердый, как наши зубы, и кроме того, много ног, острых, как лезвие ножа. Некоторые чудовища очень высокие, например, как двое высоких мужчин, если их поставить друг на друга. Нельзя без отвращения смотреть на их толстые, волосатые животы, подрагивающие при ходьбе. Но хуже всего их лица: мерзкие подобия лиц, хари с прорезью вместо рта, пухлыми, отвислыми щеками и каменными глазами. Они прокусывают руки и ноги так же легко, как я отламываю ветку с этого дерева. Могут схватить человека за шею и впиться ему в рот, как бы целуя, но при этом они пожирают его губы и язык, а когда человек упадет на землю, они вгрызаются ему в лицо и выедают его, точь-в-точь как свинья жрет пойло из лоханки.

Они двигаются как плетка, рассекающая воздух, быстро, неотвратно и, что хуже всего, беззвучно. Во время перехода через Сетчатый Лес мы не расставались с оружием ни днем, ни ночью, даже во сне. Иногда раздавался звук выстрела из ружья, и тогда мы останавливались и прислушивались, и если других звуков не было, мы благодарили Бога за то, что он не дал еще одному человеку погибнуть гнусной смертью. Но иногда после выстрела из ружья слышался вопль, душевраздирающий вопль, и нам становилось ясно, что чудовища сожрали какого-то несчастного солдата.

Уолдо опять замолчал. Бессознательно, словно в каком-то забытьи, он принялся трогать свои шрамы указательным пальцем правой руки.

– К тому времени, когда мы вышли из Сетчатого Леса, от нас осталась лишь треть. Однако мы не потеряли присутствия духа. Я вылетел на своем змее и, явившись в главный штаб, сообщил генералам и военному Папе, что мы завершили переход и пламя священной войны теперь будет гореть на земле Отре. Мы отважно сражались, отважно, дети мои! Но в тот день удача была не на нашей стороне. Нам пришлось отступать назад через Сетчатый Лес, и мы понесли еще более ужасающие потери потому, что дисциплина упала и, кроме того, мы были обременены многими ранеными. Гусеницы-кATERПИЛЫ чувят кровь с далекого расстояния, и в тот раз они обрушились на нас сотнями, со всех сторон. Сетчатый Лес кишел этими тварями. Очень немногим из нас удалось

выйти на имперскую сторону леса. Очень немногим!

Он повернулся к Мани:

– Земляные омары – сущий пустяк по сравнению с тем, что нам пришлось тогда испытать!

Наступила тишина. Наконец Мулваине отважился заговорить. Он выразил то, что думали все.

– Командир, – сказал он, – я боюсь.

Уолдо неправильно понял его слова. Или же то была уловка с его стороны.

– Уже одной мысли о поражении достаточно, чтобы воин оробел и сражался с оглядкой. Это очень опасно, – произнес он. – Однако в том, что ты боишься, нет ничего плохого. Страх придаст тебе огня, который нужен, чтобы одержать победу. Победу! А что до гусениц-ктерпилов, – добавил он, – то они живут в лесу гораздо ниже, дети мои. Нынешнюю кампанию Папы спланировали очень тщательно, и прежде чем начать ее, ту часть леса тщательно исследовали. Здесь могут обитать земляные омары, которые больно кусаются. Однако это не смертельно. Зато гусениц-ктерпилов вы здесь не встретите.

Костер уже почти догорел, и Уолдо объявил:

– А теперь спать, дети мои. Завтра мы продолжим путь и, возможно, выйдем из леса на ту сторону.

Завернувшись в одеяло, Тигхи привязал себя к суку. Повествование Уолдо вселило в юношу страх, и теперь он озирался вокруг, с подозрением вглядываясь в тени между де-

ревьями, которые становились все более густыми и мрачными по мере того, как тускнел свет, исходящий от последних углей костра. Ати примостился на соседнем суку.

– Я не усну, Ати, – прошептал в темноту Тигхи. – Командир наполнил мою голову кошмарами.

– Ужасные вещи он рассказал, – согласился Ати.

И все же Тигхи, несмотря на все страхи, почти сразу же провалился в сон. Но перед этим в сознании возникло какое-то неясное, смутное чувство обмана, словно он пытался распознать какой-то подвох, суть которого все время ускользала.

Следующим утром флатары позавтракали и, собрав все свое снаряжение, снова тронулись в путь. То, что рассказал Уолдо предыдущим вечером, оказало специфическое воздействие на их поведение: теперь они не ломались сквозь заросли поодиночке, но продвигались кучно и с оглядкой. В результате они прошли значительно меньшее расстояние, чем за предыдущий день. Флатары сбились в кучу на небольшом утесе и спускались с него поодиночке, используя ствол рухнувшего платана. Они двигались вперед гуськом, в затылок друг другу.

Уолдо шел последним. У него был задумчивый вид, словно он ушел целиком в себя. Время от времени Тигхи поглядывал на командира через плечо и гадал, не раскаивается ли тот в своей разговорчивости. Все это так непохоже на него. В продвижении возникали частые задержки, и тогда Уолдо са-

дился на какой-нибудь пенек или низкий сук и всматривался в тенистые джунгли так, будто те скрывали какую-то тайну, которую он должен был прочитать.

В напряженном, суровом молчании прошло несколько часов. Внезапно шедшая в голове колонны Мани издала пронзительный визг. Тигхи поспешил вперед и увидел, как один парень успокаивает девушку, а другой в это время пытается ударить палкой по какому-то существу, прятавшемуся в листве внизу. В зарослях мелькнуло ярко-красное туловище длиной в две руки. Оно метнулось вниз и молниеносно исчезло. Тигхи едва успел разглядеть, что формой существо походило на туплю из красного пластика с большими рогами в передней части. Рога переходили в клешни, которые угрожающе щелкали, то сжимаясь, то разжимаясь.

– Это земляной омар? – поинтересовался юноша.

– Возобновить движение, – долетел голос Уолдо сзади.

В тот вечер, после того как стих сумеречный шторм, они опять разожгли костер. Разговор не клеился.

– Сколько еще нам предстоит пробыть в Сетчатом Лесу, командир? – спросил Мулваине.

– Завтра, дети мои, – сказал Уолдо. – Думаю, завтра мы выйдем из него с другой стороны.

– Хорошо хоть сегодня мы не встретили гусениц-кATERПИЛОВ, – произнес Тигхи.

– На этой высоте нет никаких гусениц-кATERПИЛОВ, – сурово одернул его Уолдо. – Бог не позволит злу подниматься так

высоко по стене. Вот почему Папы повели нас этой дорогой. Благодаря их мудрости мы избежали огромных опасностей.

Тигхи так и подмывало спросить, почему же, если Папы такие мудрые, они завели юного Уолдо и всю обреченную армию туда, где гусениц-кATERПИЛОВ было как блох у шелудивого пса. Однако задавать такой вопрос было бы непростительной глупостью, и юноша благоразумно промолчал.

– Почему, – спросил Ати из ниоткуда, – Богу понадобилось создавать такие ужасные чудовища, как катерпилы с когтями?

По бивуаку пробежал ропот.

– У Бога, – ответил Уолдо, грозно повысив голос, – есть на то свои причины. Тебе не следует задавать такой вопрос!

Самым любопытным в этой ситуации было то, что такой прием не сработал, не оказал должного воздействия на аудиторию. Раньше, когда Тигхи только пришел в платон, Уолдо было достаточно слегка повысить свой голос, чтобы все начали дрожать от страха. Теперь же ропот не прекратился.

– Почему Бог, – бросил вызов авторитету командира Мулваине, – отдал Дверь в руки Отре – злых Отре?

– Да, – поддержал его кто-то. – Почему?

– Почему Бог совершил такую несправедливость?

– Разве не было бы лучше, – упрямо стоял на своем Мулваине, – если бы Бог сдул Отре с лица стены? Ведь для этого ему достаточно было бы просто чихнуть. И тогда нам не пришлось бы воевать с ними.

– Дети! – взревел Уолдо. – Успокойтесь сейчас же!

– А что, если Бог вообще не на нашей стороне? – спросила Бел тихим голосом. – Что, если Бог на стороне Отре? Тогда какие у нас шансы?

Уолдо завопил снова, напрягая голос до такой степени, что еще немного, и из его глотки вылетал бы один визг.

– Богохульство! – заорал он. – Всем заткнуться! Немедленно!

Все изумленно уставились на командира. Внезапно Тигхи понял, что Уолдо плачет. Из его глаз сочились настоящие слезы, которые затем стекали по щекам между шрамами, служившими для них своеобразными руслами. Именно это в высшей степени странное зрелище, а не крики, принудило флатаров к молчанию.

Всеобщее смущение было столь велико, что никто не отважился первым разорвать тишину, которая становилась все более тягостной. Наконец Уолдо шумно зашмыгал носом и вытер глаза тыльной стороной ладони. Он пробормотал:

– Не говорите такие вещи, дети мои.

Тигхи остро ощутил всю неловкость момента, страстно желая, чтобы он поскорее оказался позади. Он открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но не мог выдать ни слова.

Уолдо резко встал и повернулся к флатарам спиной. Через некоторое время юноши и девушки начали переговариваться приглушенными голосами. В течение нескольких минут командир продолжал стоять спиной к своему полку. Затем

он повернулся и опять сел.

Следующим утром они опять тронулись в путь. На глаза опять попались несколько земляных омаров, алых и очень шустрых. Они сновали в лесной чаще, появляясь то здесь, то там. Напугать их ничего не стоило, достаточно было сделать угрожающий выпад палкой. Правда, одна девушка, Пелис, по неосторожности дотронулась до земляного омара рукой. Тварь тут же прокусила ей мизинец. Ранка обильно кровоточила, однако Пелис вела себя мужественно и ни разу не всплакнула, чем завоевала себе авторитет бесстрашной девушки. Уолдо молча обмыл ранку и забинтовал ее чистой тряпкой. Сначала кровь просачивалась сквозь тряпку, однако после того, как Уолдо обернул тряпкой мизинец еще несколько раз, кровотечение прекратилось. После этого флатары продолжили движение. Происшествие отняло у них не меньше часа времени.

Незадолго до наступления сумерек они наткнулись на родник и наполнили свои фляжки, которые к этому времени уже почти опустели, свежей прохладной водой.

В тот вечер флатары опять расположились на бивуак в Сетчатом Лесу. Как только стихли последние порывы сумеречного шторма, Уолдо разжег костер, и тут же из листвы вылетела целая туча гигантских мотыльков. Тигхи и другие флатары невольно воскликнули от страха, однако вскоре стало очевидно, что эти насекомые совершенно безвредны. Никогда еще Тигхи не видел таких огромных мотыльков: тол-

стые, мохнатые тела размером с взрослую мышь. С крыльями величиной с две человеческие ладони, на вид такими плотными, словно они были сделаны из ткани. Десятки мотыльков вылетали из листвы и порхали вблизи костра.

– Мотыльки! – обрадовано воскликнул Уолдо. – Да еще такие большие! Это же лакомство. Теперь мы устроим праздник, дети мои.

Ловить эти создания не было никакой необходимости. Они сами залетали в огонь, и их крылья вспыхивали, будто бумага. Мотыльки падали в костер и поджаривались там. Визжа от восторга, несколько парней наломали сучьев и стали вытаскивать ими из огня обгоревших мотыльков. Один мотылек достался и Тигхи. Он впился в него зубами. Кисловатый с горчинкой привкус не помешал юноше расправиться с мясом в два приема.

После того как огонь угас и они опять привязались к деревьям, Ати сказал:

– Гагжи здесь такие огромны. Я имею в виду насекомых.

– Я тоже никогда еще не видел таких больших насекомых, – согласился Тигхи.

– Зачем Богу понадобилось создавать таких уродливых тварей?

Тигхи немного понизил голос и произнес:

– Мне кажется, я знаю почему. Задай себе вопрос: зачем Бог построил стену?

– Вот именно. Чтобы не пускать что-то или кого-то. На

другой стороне стены живут злые существа. Они пожирают людей.

– Как катерпилы с когтями?

Тигхи издал едва слышный свист.

– Может быть, похожие на них, а может, и еще больше.

Если в стране Отре действительно есть Дверь, тогда некоторые из них прошли через нее на нашу сторону и пришли в Сетчатый Лес. Вот почему они здесь, я думаю. Если мы захватим Дверь, выиграем войну, тогда мы должны закрыть ее наглухо! Наглухо!

Назавтра погода изменилась. Похолодало. Некоторые флатары не стали скатывать свои одеяла, как обычно, и надевать скатки через плечо. Вместо этого они накинули их на плечи. Глядя на них, Тигхи тоже решил испытать такой способ борьбы с холодом, однако тут же выяснилось, что одеяло мешает поддерживать равновесие палок, лежащих на плече.

По мере того как они продвигались дальше, утесы и уступы становились шире, и теперь флатарам не приходилось перебираться по стволам деревьев. Теперь платон двигался гораздо быстрее. Заросли поредели, и справа стало видно небо. Тигхи догадался, что скоро они выйдут из Сетчатого Леса, и его сердце возликовало, преисполнившись бурной радости. Наконец-то все страхи и тревоги будут позади.

В семьдесят пять или около того флатары натолкнулись на свое сторожевое охранение, состоявшее из стрелков. Их

было шестеро. Они сидели на двух стволах платанов и ели сухие пайки. У каждого была длинная металлическая трубка – а может, они из пластика, мелькнуло в голове у Тигхи. Эти трубки – ружья – находились за спинами стрелков. На появление флатаров стрелки никак не отреагировали.

– Почему вы нисколько не встревожились? А вдруг вместо нас из леса вышли бы Отре? – задиристо спросил Мулваине, которого возбуждало близкое соседство с настоящим ружьем.

– Мы давно уже слышали, как вы ломитесь через лес, – пренебрежительно заметил стрелок. – Отре так не ходят. Они бы подкрались бесшумно.

Протянув вперед руку, Равилре попытался дотронуться до дула ружья, но стрелок помешал ему, несильно ударив по руке.

– Держись подальше от этой штуки, парень, – посоветовал он Равилре.

Тут подоспел Уолдо, который, как обычно, шел замыкающим.

– Товарищи, – обратился он к ним, – далеко ли еще до опушки леса?

– Двадцать минут ходьбы, – ответил один стрелок, выплевывая при этом какую-то скорлупу.

Стрелок не соврал. Ровно через двадцать минут платон вышел к блокпосту, который располагался на самой опушке Сетчатого Леса.

Пока Уолдо узнавал у солдат, дежуривших там, насчет местонахождения штаба, а затем ходил туда, чтобы доложить о прибытии своего подразделения, флатары резвились на уступе, играя в догонялки и бросая друг в друга камешки. Настроение у них было прекрасное. Впереди, сколько хватало глаз, простирался открытый ландшафт и никакого леса. Лишь стена с уступами, которые отбрасывали вниз косые тени.

Вскоре флатарам наскучило носиться взад-вперед, и они, разбившись на небольшие компании, расселись на утесе, находившемся чуть выше уступа, который выступал в роли главной транспортной артерии. Несколько человек, в том числе Равилре и Бел, вернулись на опушку и расположились там.

Тигхи, как всегда, сидел рядом с Ати и с рассеянным видом жевал стебельки травы. Ати заявил, что ему требуется что-нибудь посуше, и отправился назад, на опушку Сетчатого Леса, поискать каких-либо съедобных насекомых. Тигхи тоже испытывал голод, однако открывавшиеся перед ним дали мировой стены манили и завораживали юношу настолько, что он был не в силах оторваться от этого зрелища.

Солнце поднималось все выше и приобретало все более красный оттенок, при этом тени становились короче. Мировая стена подавляла своей бесконечностью, как и раньше, когда Тигхи, будучи ребенком, жил в своей деревне. Масштаб творений Бога воистину грандиозен, безграничен.

– Она такая большая! – сказал он Мулваине.

Тот выплюнул травинку и повернулся к нему:

– Кто?

– Мировая стена, – ответил Тигхи. – Она такая большая.

Такая большая! В этом величие Бога, в том, что он создал нечто столь большое.

Мулваине улыбнулся, а затем сказал то, что глубоко врезалось в память Тигхи и позднее довлело над всеми его мыслями. Семя, из которого затем вырос огромный платан, отбрасывавший тень на его сознание; ключ к тайне самой мировой стены. Он сказал:

– А разве она большая?

Сначала Тигхи не уловил суть слов Мулваине, всю глубину его замечания.

– Что?

– Не говори так, ты – варвар с дерьмом вместо мозгов. В этом платоне я старше тебя! Ты должен относиться ко мне с почтением.

– Что ты сказал, Мулваине? Не большая? Повтори, пожалуйста.

– Я спрашиваю: разве она большая?

Тигхи недоуменно пожал плечами:

– Не понимаю. Большая ли? Да ты посмотри на нее. Разве она не выглядит большой?

Мировая стена уходила на восток, широкая и ровная, как лоб самого Бога. По эту сторону Сетчатого Леса росла тра-

ва с лиловым оттенком, и когда ветер касался своим дыханием уступов и стены, казалось, что по ее поверхности бегут лиловые волны. Стена простиралась так далеко на восток, что расстояние шлифовало все неровности, уступы, выступы, утесы и расщелины и делало ее идеально ровной. Она была такой высокой, что солнцу требовался целый день, чтобы подняться до верхушки. И он еще спрашивает, разве она большая?

– Что ты имеешь в виду, Мулваине? – спросил Тигхи. – Что ты хочешь этим сказать?

– Разве она большая? – повторил Мулваине. – А может, это мы маленькие?

Глава 14

Это было прозрением для Тигхи, прозрением не внезапным, но таким, которое вызревало в нем весь следующий день. Прозрением, которое сводилось к тому, что с мировой стеной связана какая-то тайна. Станным и любопытным образом прозрение это вторило воспоминаниям Тигхи, касавшихся его прежней жизни в деревне. Теперь он понял, что всегда знал о существовании тайны, имевшей отношение к миру, в котором он появился на свет. Это было нечто, похожее на инстинкт, ощущение какой-то силы внутри себя, когда он смотрел на небо или лежал на спине и пытался охватить взглядом всю необъятность стены.

На следующий день Тигхи решил поговорить с Ати.

– Ты знаешь, что мне вчера сказал Мулваине?

Ати возмущенно фыркнул:

– Этот головорез? Плевать я хотел на его слова.

– Ты знаешь, что его отец был философом?

– Его?

– Его отец. Его отец был философом.

– Ну и что?

– Он сказал мне, одно из двух: либо мировая стена большая, либо мы маленькие?

Ати, похоже, никак не мог взять в толк, о чем идет речь.

– Что это значит? – спросил он.

– Неужели ты никогда не думал об этом? Зачем Бог построил мировую стену?

Ати пожал плечами:

– Не знаю. Откуда мне знать?

– Но насекомые в Сетчатом Лесу. Ты сам сказал, что они слишком большие.

– Они и были большими.

– А что, если не они большие, а мы – маленькие?

Ати издал хрюкающие звуки, означавшие смех, и, шагнув к Тигхи, попытался схватить его за уши. Тигхи отбивался изо всех сил, и вскоре оба друга, хохоча, катались по земле, стараясь оседлать один другого. Однако потом, когда Уолдо отвел свое подразделение в лес на ночевку и флатары привязались ремнями к стволам деревьев и стали ждать сумеречного шторма, идея Мулваине овладела сознанием Тигхи с необычайной силой. А вдруг стволы деревьев вокруг него – вовсе не деревья, а стебли травы, а сам он насекомое и просто раньше этого не осознавал? Разве уступ, поросший травой, не выглядит как Сетчатый Лес для какого-нибудь червяка, ползущего среди травинок, и разве этот червяк не будет казаться человеку крошечных размеров гусеницей-катышкой с когтями?

Если бы он был Богом, продолжал размышлять Тигхи, разве стал бы он строить мировую стену таких огромных размеров? А может, он построил бы ее удобной для себя и совсем небольшой, а людей сжал до крошечных размеров?

Все вещи соотносятся в размерах по-разному, и все зависит от того, с какой высоты на них смотреть. Эта догадка не давала Тигхи покоя и буравом сверлила мозги, пока у него едва не начала кружиться голова.

На следующее утро флатаров платона разбудил отдаленный рокот. Казалось, будто где-то далеко трещит небосвод и его осколки падают на стену. Началось все вскоре после того, как утих рассветный шторм.

– Флатары! – раздался зычный голос Уолдо. – Подъем! Отвязывайтесь!

Второпях Тигхи плохо соображал, что делает, и едва не потерял ремень. Тот выскользнул из его рук, но, к счастью, не упал с уступа, а запутался в нижних ветвях платана, на котором юноша провел ночь, и Тигхи без труда смог дотянуться до него. Воздух был полон незримого, пьянящего возбуждения. Каждый понимал, что означают эти далекие громopodobные раскаты. Война.

Наконец-то он увидит войну, подумал Тигхи.

Им овладело радостное предчувствие, распиравшее сердце так, что оно было готово лопнуть.

Уолдо вывел своих подчиненных из леса и повел по уступу на восток. Солдаты, дежурившие на блокпосту, были единственными, кого увидели флатары. Все уступы обезлюдели. Однако когда через несколько минут платон обогнул отрог, за ним оказалось немало солдат. Стрелки, бомбометатели и саперы – все сбились в плотную кучу на коротком,

но широком уступе.

– Кардинелле Эланне! – крикнул Уолдо. – У меня приказ Кардинелле! Где он? Я должен явиться к нему.

Однако никто не обращал на него внимания. Удары и раскаты в воздухе стали слышны гораздо отчетливее. Оставив свой плафон позади, Уолдо стал проталкиваться вперед. Масштаб окружавшей их лихорадочной деятельности одновременно и пугал и восхищал флатаров.

Медленно продвигаясь вверх по наклонному уступу, перешедшему затем в искрошившийся утес, который уже успели укрепить саперы, и встречая на своем пути солдат всех родов войск, флатары вышли наконец на более широкое пространство. Эта часть стены нависала над находившимся внизу уступом, однако выступом ее нельзя было назвать по причине недостаточной длины. В дальнем конце виднелся ряд землянок, вырытых в стене. Две высокие кучи земли свидетельствовали о том, что работа была закончена совсем недавно.

Уолдо приказал флатарам стать поближе к стене и ждать его, пока он не отыщет Кардинелле Эланне или другого старшего офицера и не получит дальнейшие инструкции. Отсутствие четкости и согласованности в действиях различных звеньев военного командования удивила и встревожила Тигхи. Ему казалось, что этот процесс должен проходить более гладко и естественно.

Флатары, возбужденные неизвестностью, переминались с

ноги на ногу и негромко переговаривались. Равилре и Бел теперь не скрывали своих отношений. Держась за руки, они влюбленно смотрели друг на друга и о чем-то шептались.

С криками «Посторонись! Дорогу!» мимо пробежали два солдата, которые несли одеяло с каким-то тяжелым грузом. Они исчезли в одной из землянок. Внезапно Тигхи понял, что тяжелая вещь, которую они тащили в одеяле, – человеческое тело.

Он подошел к входу в землянку и заглянул внутрь, надеясь увидеть Вивре, своего старого знакомого. Однако полумрак и шумная лихорадочная суета мешали юноше разглядеть лица врачей. Тигхи решил воздержаться от расспросов и приостановить поиски Вивре.

Флатары томились в ожидании своего командира около часа. Наконец Уолдо вернулся и, не говоря ни слова, повел их в дальний конец мини-уступа. Там они спустились по примитивным, наспех вырубленным в твердом грунте ступенькам на нижний уступ. В конце уступа находилась дверь, которая вела в небольшую землянку.

– Пока будем располагаться здесь, – объявил Уолдо.

Дверь была такая узкая и низкая, что в нее пришлось втискиваться боком, и поэтому флатары сначала пропихивали брусья и узлы с остальными деталями, а затем входили сами. Внутри стоял запах сырой земли. Капельки воды, которыми были усыпаны стены, указывали на близость источников, и Уолдо послал Чемлера осмотреть местность. У многих пар-

ней и девушек уже закончилась вода во фляжках, и кое-кого мучила жажда.

Мулваине получил задание связать факел из сухой травы и воткнуть его в стену в дальнем углу землянки. Чемлер вернулся как раз к тому времени, когда Мулваине выполнил задание, и Уолдо зажег факел.

– На уступе несколько ручьев, – сообщил он.

– Дети мои, – громко возвестил Уолдо, жестом приказав им собраться перед ним полукругом. – Битва началась! Мы уже атакуем зло Отре в их логове.

Флатары замерли в напряженной тишине.

– Скоро, очень скоро нас позовут – генералы, Кардинелле и сам Папа нуждается в нас. Мы должны совершать вылеты и собирать ценную информацию для главного командования. Скоро нас позовут!

Прошел целый час, но никто так и не пришел. Флатары стали проявлять признаки беспокойства. Уолдо выбрался из землянки наружу, для чего ему пришлось очень низко нагнуться. Вскоре он вернулся, не принеся никаких новостей.

Несколько флатаров прикорнули на земляном полу, свернувшись калачиком. Остальные вышли из землянки на уступ, влекомые любопытством. Однако это место не годилось для наблюдательного пункта.

Уолдо еще раз сбегал в штаб и вернулся явно раздраженный. Солнце зашло за верхушку стены, и начался сумеречный шторм. Хилую, державшуюся на честном слове дверь

сорвало и куда-то унесло в самом его начале. Спасаясь от холода, флатары сбились в кучу в дальнем углу и без того не слишком просторного помещения. Ветер хозяйничал, как хотел, и первым делом потушил факел и вырвал его из стены. Он пел и визжал, бросал в землянку комья глины и нагло трепал одежду и волосы.

Утром, наспех проглотив свой паек, Уолдо опять умчался в штаб. На этот раз его отсутствие длилось гораздо дольше, около получаса. Он вернулся в приподнятом настроении.

– Всем внимание! Дети мои, собирайте ваши змеи! Предстоят полеты! Поступил приказ от Кардинелле. Необходимо произвести воздушную разведку поля боя и собрать тактические данные.

В землянке началась сутолока. Каждый спешил побыстрее выбраться с деталями своего змея на залитый солнцем уступ. Времени для разговоров не было. Быстрыми и точными движениями флатары подгоняли перекладки друг к другу и натягивали кожаное полотно. Не отставал от остальных и Тигхи. Развязав свой узел, он расстелил кожу на земле, а затем вставил главный брус в перекладину. Работа шла под аккомпанемент отдаленной канонады. Где-то восточнее гулко ухали взрывы и раздавался какой-то треск.

Когда Тигхи застегивал ремни воздушного змея, у него возникло странное чувство, будто он делает это впервые. Прошло так много дней со времени его последнего полета. Кроме того, юноша испытывал сильное волнение: боевая за-

дача была поставлена в слишком нечетких, общих выражениях. Тигхи не было ясно, что именно от него требовалось, однако, опасаясь возбудить недовольство Уолдо, он не решился на уточняющие вопросы. И все же гул и запах войны оттесняли на задний план обычные страхи.

Ати шагнул в бездну с края мира, и Тигхи тут же последовал за ним, подставляя свое лицо навстречу свежему утреннему ветру.

Он падал, пока восходящий поток не подхватил его и не повлек вверх. Сориентировавшись, Тигхи понял, что его относит в западном направлении, совсем не туда, куда нужно. Поставив змей чуть ли не на ребро, Тигхи устремился вниз. Во время этого крутого спуска он набрал скорость и повернул на восток. Совершая маневр, юноша отошел от стены на довольно значительное расстояние. Он сделал вираж, поднялся и опять повернул. Стена оказалась прямо перед ним. Попав в небольшое завихрение, образованное восходящим потоком, Тигхи быстро стабилизировал свой аппарат и взял нужный курс.

Вид, представший его глазам, оказался хаотичным и на первый взгляд невыразительным. Кое-где стена была усеяна маленькими черными и серыми пятнами. Тигхи предположил, что это следы пожаров. Однако преобладающими цветами в окраске были зеленый и лиловый; в этих местах росли травы. Уступы располагались под некоторым углом друг к другу, а большой выступ кишел синими куртками. Подле-

тев к стене на достаточно близкое расстояние, Тигхи обнаружил, что верхние уступы заняты солдатами Отре, одетыми в серую форму. На нижних уступах время от времени появлялись вспышки света, подобные тем, что возникают при отражении солнечных лучей от серебристой поверхности. Тигхи подлетел еще ближе и увидел, что эти яркие вспышки появлялись из дул ружей стрелков, которые целились в серых солдат, находившихся над ними. Сам Тигхи в этот момент был чуть выше центрального уступа.

Что-то блестящее со свистом пролетело мимо змея Тигхи. На какое-то мгновение он подумал, что это какое-то крупное насекомое в блестящей скорлупе, однако, чуть повернувшись, увидел огненный шар, который летел вниз, описывая дугу. Шар едва не попал в другой змей – Тигхи не разглядел в чей, – а затем исчез из поля зрения.

Тигхи сразу же осознал значение увиденного.

Очевидно, он слишком близко подлетел к стене. Тигхи попытался повернуть и стал производить зигзагообразный маневр, чтобы подняться повыше, однако никак не мог нащупать восходящих потоков. Его относило все ближе и ближе к стене на том уровне, где находились уступы, занятые войсками Отре. Тигхи овладел животный страх, от которого у него помутилось сознание. Теперь он находился так близко к вражеским позициям, что мог даже разглядеть лица солдат Отре. Из-под касок они казались очень бледными. Один высокий солдат показал на него вытянутой рукой, а его това-

рищ прицелился в Тигхи из ружья. На конце ствола появилась короткая вспышка.

Ветер врывался в уши Тигхи и подавлял своим шумом большую часть других звуков, однако юноша услышал какой-то странный свист, а затем – плак! – и его змей содрогнулся. Тигхи понял, что змей получил повреждение. Нужно срочно покинуть опасную зону, тем более что змей начал рыскать и плохо слушался управления. Тигхи все же удалось сделать поворот и в ходе резкого снижения набрать скорость, которая позволила ему удалиться от стены. Прервав падение, юноша перевел свой аппарат в горизонтальный полет. Теперь он был недосыгаем для вражеских ружей. Немного успокоившись, Тигхи оглянулся через плечо. В змее зияла дыра величиной с кулак.

И все же Тигхи еще не осознавал в полной мере, какой опасности подвергся. Усиленный приток адреналина, связанный с ощущением полета, помешал ему правильно оценить ситуацию. Сделав круг, Тигхи снова оказался лицом к стене и попытался поподробнее рассмотреть, что же происходит на поле боя. Войска Отре занимали все верхние уступы, а восточнее виднелись какие-то укрепления, построенные вдоль нависающих уступов. Имперские части сосредоточились на центральном выступе, однако солдаты Отре, находившиеся прямо над ними, бросали в них какие-то предметы. Эти предметы сначала летели по дуге вниз, но затем по какой-то непостижимой причине изменяли направление

полета и опять устремлялись к стене. Когда Тигхи подлетел поближе, один такой предмет взорвался, превратившись в большой красно-оранжевый шар. В лицо юноше ударила плотная волна горячего воздуха. Змей резко подбросило вверх и стало относить от стены.

Тигхи сделал еще один круг и в третий раз приблизился к стене, но змей, получивший пробоину, рыскал во все стороны и почти не отвечал на команды юноши. Кое-как повернув на запад, Тигхи начал снижаться в направлении уступа, с которого он стартовал.

Посадка получилась неуклюжей. Не успел Тигхи встать на ноги, как к нему уже подбежал Уолдо.

– Ну как там? – начал кричать командир еще на бегу. – Что там? Тебе удалось заметить что-нибудь важное?

– Мой змей, командир! – произнес Тигхи, часто дыша. Он только еще выпутывался из ремней. – Посмотрите на моего змея.

– Что? Змей? Это не повреждение, едва ли это можно назвать повреждением. Докладывай, Тигхи!

– Командир, в руках Отре все верхние уступы. Они бросают огонь на наших солдат.

– Дальше?

Тигхи не знал, что сказать еще. Уолдо, горя нетерпением узнать что-то новое и полезное, принялся тормозить его и повторять:

– Ну же, говори! Что еще?! Что?

– Ничего, командир.

– Идиот! Нам и так известно, что Отре контролируют верхние уступы. А что дальше, к востоку от этих уступов? Ты не летал туда?

– Мой змей получил повреждение, командир.

– Отремонтируй его и снова в воздух, да побыстрее, – отрывисто приказал Уолдо. Он был явно не в духе. – Лети на восток! Мы должны знать как можно больше об укреплениях, построенных в глубине обороны Отре.

Обескураженный и перепуганный Тигхи пошел в землянку и взял там из запасов платона кусок кожи, иголку и нитку. Вернувшись на взлетный уступ, он сел на землю и принялся за ремонт своего змея. Никогда в жизни ему не приходилось шить, однако чувство стыда мешало Тигхи сказать об этом кому-либо. Да и кто стал бы сейчас, в горячке боя, показывать ему, как это делается.

Тигхи сидел, поджав под себя ноги, и беспомощно тыкал иглой в края дыры. Пластиковая игла с огромным трудом входила в кожу, и юноша даже проколол себе большой палец, нажимая на иглу со всей силой. В воздухе раздалось шуршание. В нескольких ярдах от Тигхи совершил посадку Равилре.

– Мой змей загорелся! – задыхаясь, выпалил он, освобождаясь от ремней. – В меня попал огонь со стены, и материал загорелся. Однако мне удалось сбить пламя рукой. Взгляните на мой змей!

С левой стороны змея материал обшивки обуглился и истрепался.

– Равилре? – крикнул Уолдо, спеша к нему. – Что ты можешь сообщить?

– Ничего, командир, только то, что мой змей горел.

– Почини его! – рявкнул Уолдо, не скрывая своего раздражения. – Сходи в землянку и принеси необходимые материалы, как это сделал Тигхи. Как только починишь змей, сразу же отправляйся на разведку. Не возвращайся, пока у тебя не будет результатов.

Равилре тут же побежал в землянку, оставив свой все еще дымящийся змей на уступе. Ощущая все большую неловкость, Тигхи по-прежнему беспомощно тыкал в кожаную заплатку, которой пытался залатать дыру. Он очень обрадовался возвращению Равилре. Лучше разговаривать с кем-нибудь, чем зашивать дыру.

– Тебя подожгли! – произнес он.

– Это была крутящаяся бомба, – объяснил Равилре, счищая обуглившийся край крыла.

– А что такое крутящаяся бомба?

– Ты невежественный варвар, – механически произнес Равилре. – Это бомбы, к которым на шнуре прикреплены металлические пластинки. Когда их сбрасывают с мира, пластины начинают вращаться и тянуть бомбу назад к миру, и та падает, постепенно приближаясь к стене.

– Вот это бомбы! – изумленно произнес Тигхи, поражен-

ный хитростью Отре.

– Вообще-то это кожаные мешки, – доверительно сказал Равилре. – В них вставлен специальный шнур, который поджигают перед тем, как сбросить бомбу. Эти мешки набиты порохом, и при взрыве получается большой огненный шар!

Ловкими и точными движениями Равилре наложил на прожженное место кожаную латку и, натянув ее, быстро пришил. Одной рукой он прижимал кожу, а другой работал иглой. Тигхи наблюдал за всем этим с нескрываемым восхищением. Ремонт змея занял всего несколько минут.

Вернулся Уолдо:

– Тигхи! Ты все еще ждешь? Быстро в воздух. Не торчи тут.

– Я еще не залатал дыру в моем змее, – еле слышно пробормотал в ответ устыженный Тигхи.

– Что? Ты говоришь так тихо, что ничего не разобрать. Нельзя терять ни минуты. Я должен явиться с результатами воздушной разведки непосредственно к Кардинелле Эланне. Отправляйся немедленно!

– Мой змей...

– Да эта дырка ничего не значит! Твой змей может прекрасно летать и с ней. Совсем маленькая дырочка.

Схватив Тигхи за шиворот, Уолдо поднял его одним рывком и уже хотел было сам надеть на него ремни змея, но в этот момент на уступ совершил посадку еще один змей, пилотируемый девушкой по имени Стел. Отпустив юно-

шу, командир поспешил к ней. Пока Тигхи надевал ремни, у него было время послушать начало их разговора.

– Что ты можешь сообщить? – отрывисто произнес Уолдо.

– Мое плечо, – жалобно заверещала Стел. – В него попала пуля. Перебита кость.

– Плечо? – прорычал Уолдо. – Плечо?

Его голос отдался громом в ушах Тигхи, и с этим звуком юноша ступил с края мира в бездну и улетел.

Змей рыскал в стороны и порой вел себя непредсказуемо, но в целом пилотировать его было можно. Тигхи описывал круги, один за другим, несмотря на сильный встречный ветер. Теперь он лучше разбирался в том, что происходит на поле боя, потому что уже привык к логике перспективы. Он видел солдат, сгрудившихся на выступах и старавшихся убить как можно больше врагов, которые находились наверху или внизу. Одни стремились прорваться вверх и вытеснить противника с его уступов, а другие старались не дать им сделать это. Тигхи видел остатки лестницы, которая когда-то связывала центральный выступ с верхними уступами. Она была взорвана, и лишь кое-где на стене виднелись одна-две ступеньки. Саперы – Тигхи не мог определить, из какой армии – пытались построить другую лестницу, то ли сверху, то ли снизу: из стены торчали деревянные колья, по большей части обуглившиеся дочерна. Некоторые еще продолжали гореть.

Уступы и выступы образовывали на стене своеобразную

сетку из прямых и косых линий, которые приобретали еще более зримые очертания благодаря активности солдат, двигавшихся по ним в обоих направлениях, ярким вспышкам и клубам дыма. Крошечные серые облачка – следы выстрелов – плыли в воздухе вверх, отбрасывая тени на поверхность стены.

Тигхи находился в воздухе уже несколько часов. Продвижение на восток было очень медленным. Ему все время приходилось делать в воздухе круг, и это не могло не привлечь внимание снайперов, засевших на верхних уступах. Мимо Тигхи со свистом, похожим скорее на шорох, промчалось несколько пуль. Одна из них чиркнула по подметке его ботинка и распорола ее.

Юноша напряг зрение, пытаясь рассмотреть укрепления Отре на востоке, однако солнце стояло уже слишком высоко, и восходящие потоки резко ослабели. Нужно срочно возвращаться на свой уступ. Иного выхода не было. Промедли он с поворотом, и высота будет потеряна окончательно.

Обратный путь оказался куда легче. Ветер дул Тигхи в спину и высвистывал какую-то музыкальную ноту, вырываясь из дырки в его змее.

Глава 15

В тот вечер Уолдо был вне себя. Он обрушился на флатаров своего платона с гневными упреками. Они-де показали свою никчемность, не дали ему никакой мало-мальски ценной информации, которая могла бы пригодиться военному Папе. Это же унизительно – ему, старому, боевому офицеру, бегать как обезьянка туда-сюда между базой платона и штабом Кардинелле и каждый раз краснеть за своих нерадивых подчиненных. Позор! Он не собирается больше являться туда с пустыми руками. Как только уляжется рассветный шторм, платон поднимется в воздух. Все полетят на восток, и лететь вы должны как можно ближе к уступам, занятым врагом, так близко, чтобы вы смогли пересчитать зубы солдат Отре, а если кто-нибудь этого не сделает, тогда он, Уолдо, лично, своей рукой, сбросит их с мира, и они упадут вниз, к самому основанию стены, превратившись в мешок с костями.

Флатары сидели понуриив головы. Возразить им было нечего. У Тигхи было подавленное настроение, словно он лично подвел Уолдо, Пап и саму Империю. Однако он был настолько обессилен, что почти сразу же заснул.

Настало утро, и флатары в душе уже смирились с тем, что им придется опять лететь в непосредственной близости от позиций войск Отре и подвергаться смертельной опасности.

Однако судьба даровала им отсрочку. Уолдо исчез и, появившись час спустя, объявил о задержке вылетов. Вместе с тем флатары должны были оставаться в полной боевой готовности.

Денек обещал стать теплым. Солнце потихоньку карабкалось вверх и щедро орошало стену светом и теплом. Не было слышно обычной какофонии битвы, и расцветшую пышным цветом тишину время от времени нарушал порыв ветра.

Рассевшись на своем маленьком уступе, флатары изредка перебрасывались короткими репликами, на которых лежала печать нервозности. Когда же поступит приказ? Шло время: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, и в конце концов начало казаться, что в этот день они совсем никуда не полетят.

Тигхи овладел зуд непоседливости. Когда Уолдо уходил в штаб, расположившийся над ними, Тигхи так и подмывало побродить по соседним уступам, посмотреть на ситуацию. Однако он опасался уйти с уступа. А вдруг в то время как он покинет уступ, пусть даже на пару минут, прибежит Уолдо и прикажет им подняться в воздух. Другие парни, похоже, не страдали от такого подобострастного страха, тем более что солнце поднималось и воздух уже охладился настолько, что и самому тупому флатару стало ясно, что полетов сегодня не предвидится.

Мулваине и еще несколько юношей, движимые любопытством, полезли вверх и вскоре вернулись, взволнованные и запыхавшиеся.

– Там уйма пехотинцев, стрелков и других солдат, – сообщил Мулваине, часто дыша, своим товарищам, которые окружили его плотной кучкой, жадно ловя каждое слово. – Они построились штурмовыми колоннами и ждут сигнала к атаке.

– Это силы прорыва, – сказал кто-то. – Они должны прорвать линию обороны Отре и захватить их укрепления.

– Наверное, ждут наступления темноты, чтобы под ее покровом выйти на исходные позиции, – предположил Мулваине. – Завтра станет днем великой победы.

Окрыленный этим известием, Тигхи вскочил с земли и дал волю ликующим чувствам, которые переполняли его, как, впрочем, и всех остальных. Юноши и девушки принялись размахивать руками, хлопать в ладоши, прыгать, бегать и обниматься. Некоторые даже повалились на землю и катались по ней, хохоча и пытаясь побороть один другого. Однако вскоре приступ эйфории угас, и Тигхи опять погрузился в уныние.

Он свернулся клубочком на лиловой траве уступа и задремал. Сон продолжался недолго, минут десять, не больше, но это был сон, в котором Тигхи отчетливо видел, как летит, оторвавшись от стены в самый разгар сражения. Имперские солдаты рвались вперед, сметая последние очаги сопротивления Отре, и Тигхи заметил Дверь, Дверь через стену, которая была целью всей кампании. Это была гигантская дверь наподобие передней двери дома в его прежней деревне, со

всем, что полагалось – со щеколдой и штормовым покрытием. Люди копошились на ней, как муравьи, ползая вверх и вниз, а затем – и это было невероятное зрелище – Тигхи увидел верхушку стены. Его глазам предстал, окутанный облаками, верхний края мира. Над ним возвышалась огромная голова, такая же большая, как мир. Она поднималась над ним, как брюхо калабаша. Голова старика, и тут до Тигхи дошло, что это Бог, и в то же самое время ему стало ясно, что это дед, его старый дед. Дед разинул свой титанический рот, и оттуда полился яркий свет.

Тут юноша проснулся. Он был весь в поту и часто дышал. Рядом с ним сидела пара флатаров, которые расположились напротив друг друга и играли в камешки. Перед каждым лежала кучка камешков неправильной формы. На земле был начерчен круг, и каждый игрок по очереди клал внутрь круга по одному камню. Камень можно было класть куда угодно, лишь бы он касался другого камня. Если он касался только одного камня, другой игрок не имел права его двигать, но если касался двух и более камней, игрок, делая свой ход, мог отодвигать его в сторону, но так, чтобы он оставался в соприкосновении хотя бы с одним камнем. Если какой-либо камешек выходил за пределы круга, тот, кто допускал это, считался проигравшим. Эта игра называлась «джазуа» и была у флатаров одним из излюбленных средств времяпрепровождения.

Некоторое время, пока пульс не пришел в норму и не вы-

сох пот на коже, Тигхи наблюдал за игрой. Затем это занятие ему наскучило, и он отыскал Ати.

– Ати, – обратился он к другу, – ты не поможешь мне залатать дыру в моем змее? Я не знаю, как это делается.

– Ты – невежественный варвар, – механически произнес Ати.

Вдвоем они притащили змей Тигхи, и Ати показал ему, как прокалывать иглой кожу, вдавливая ее ногтем большого пальца, и как накладывать заплату. Одновременно с показом этих приемов он не переставал говорить.

– Вот здорово, – тараторил Ати. – Говорят, завтра начнется мощное наступление. Завтра мы поднимемся в воздух и будем наблюдать за тем, как наши спихнут Отре с уступов. К началу следующего дня Дверь будет в наших руках, и мы выиграем войну.

– Ати? – спросил Тигхи. – Ты смотришь на стену во время полета? Тебе не приходило в голову, что она маленькая?

– То есть как это, маленькая?

– Ну, например, ты видишь муравьев, которые ползают по муравейнику. А что, если стена маленькая и мы на ней все равно что муравьи на муравейнике? Вся стена мира маленькая, и мы – муравьи.

– Да ты, я смотрю, настоящий философ, – произнес Ати, улыбаясь. – А какое это имело бы значение, если бы мы и вправду были муравьями? Все равно мы больше, чем наши муравьи, больше, чем другие жучки. Мы достаточно боль-

шие, по-моему.

Тигхи покачал головой. Он не находил нужных слов, чтобы передать трудноуловимое чувство принадлежности к иному миру, родившееся у него в груди после того, как эта идея пришла к нему в голову. Весь мир как бы сжался до размеров муравейника, а две могучих нации были насекомыми, которые дрались между собой за обладание травинкой. В тысячи раз уменьшился масштаб существования. Это подрывало смысл бытия.

– Больше, чем комары, – сказал он печально, – но не больше, чем катерпилы с когтями.

– Ух, – выдохнул Ати облегченно, – вот и все. Видишь, дырки как не бывало, твой змей крепкий и целехонький.

Позднее в тот же день Уолдо взял с собой трех парней, Мулваине, Олдивре и Мокгхи, и отправился вверх по стене. Когда этот небольшой отряд вернулся, ребята размахивали мешками из травяной ткани, которые были доверху чем-то набиты.

– Стало быть, так, дети мои, – сказал Уолдо, – завтра мы все поднимемся в воздух, и каждый из вас, дети мои, понесет восковую бомбу. Засуньте ее в свои штаны сверху, сожмите покрепче бедра и держите ее как можно крепче, чтобы она не выскользнула. В нее вставлен травяной жгут-запал, который уже будет тлеть. Эти запалы просмолены, и поэтому они будут тлеть, даже когда вы будете находиться в воздухе, и ветер не потушит их. Вы подниметесь в воздух и обрушите

бомбы на солдат на верхних уступах. Вам все понятно?

Пилоты сгрудились вокруг трех парней, которые начали раздавать бомбы – восковые шары, внутренняя полость которых была начинена каким-то веществом.

– Они начинены порошком из грибов, – объяснил Мулваине с таким видом, будто ему это было давно известно и теперь он с разрешения вышестоящих инстанций открывал тайну непосвященным. – Вы бросаете их, и когда они ударяются о стену, воск разламывается, порошок воспламеняется от запала – и бу-у-ум.

– Эй, поосторожнее с этими штучками! – забеспокоился Уолдо. – Сегодня вы только ознакомитесь с ними, а затем опять сдадите на хранение. Завтра утром начнется наступление, и вы будете поддерживать его с воздуха.

Тигхи, дрожа от возбуждения, бережно держал бомбу в ладонях. Для прочности воск был перемешан с обрезками стеблей травы и имел темно-красный, почти черный цвет. Сверху прощупывался небольшой просмоленный жгут. Оружие! Взрывчатка!

Уолдо отобрал у своих подчиненных бомбы, представлявшие собой такую ценность, все до единой, и сложил в дальнем углу землянки. Затем заставил весь платон практиковаться в метании камней. Поскольку это занятие было для многих парней и девушек одним из любимых способов времяпрепровождения, они проявили немалую сноровку. Мишенью служил силуэт человека, который Уолдо нацарапал

палкой на стене. Флатары по очереди бросали в него камни.

После вечернего шторма, за ужином, Уолдо опять овладело хорошее настроение, признаком чего явилась разговорчивость командира.

– Завтра станет днем великой победы над злом Отре, – сказал он. – И этот платон тоже внесет в нее свой вклад. Мы выполним поставленную задачу! И выполним ее с честью. Такого позора, как вчера, больше не будет!

Пробездельничав весь день, Тигхи теперь никак не мог заснуть. И он не был исключением. Бессонница мучила и других флатаров. Многоголосый шепот висел в воздухе, наполняя землянку шорохом, похожим на шум ветра на рассвете. Парни и девушки рассуждали о всякой всячине, однако в конце концов все разговоры сводились к завтрашнему наступлению, к Двери, которую имперские войска должны захватить если не завтра, то уж послезавтра наверняка.

– За нею должен быть коридор, – сказал кто-то.

– Высотой в целую милю, – добавил другой флатар.

– Я разговаривал с одним солдатом, – произнес Равилре, – с ветераном, который знал человека, действительно видевшего Дверь.

Последовал взрыв изумления, выразившийся в беззвучном присвистывании и цоканье языками.

Нет! Не может быть! В самом деле? Как она выглядит?

– Спице, дети мои, – сонно пробурчал Уолдо, переворачиваясь на другой бок и поплотней заворачиваясь в одеяло.

После этих слов разговоры немного поутихли, однако через несколько минут возобновились с прежней силой.

– Говорят, что Дверь высотой в десять миль, – прошептал Равилре. – И поэтому никому еще не удавалось открыть ее.

– А как же тогда нам это сделать? – спросил Ати. – Ведь такую огромную дверь открыть просто невозможно.

– Да, такому дерьмоеду, как ты, это действительно не под силу, – прошипел Мулваине, – но не таким достойным гражданам Империи, как мы. Мы откроем ее, правда, ребята?!

Поднялся невообразимый шум и гам, разбудивший Уолдо, который рывкнул в темноту:

– Тихо! Всем заткнуться! Спите, не то я зажгу факел и начну наказывать каждого по очереди.

Угроза возымела действие, и все сразу угомонились. Перевернувшись пару раз с боку на бок, Тигхи в конце концов заснул.

Глава 16

Утро после того, как улегся рассветный шторм, было спокойным, однако возбуждение внутри каждого флатара нарастало с каждой минутой. Тигхи с трудом заставил себя проглотить завтрак. Его желудок бунтовал против всякой пищи; Тигхи переполняла лихорадка предчувствия.

Флатары рассредоточились по уступу и принялись собирать свои змеи.

Вскоре платон уже находился в полной боевой готовности, однако время шло, а ничего не происходило. В таком бездействии флатары провели целый час. Уолдо ходил взад-вперед по уступу, нервно поглядывая вверх. Тигхи почувствовал, как возбуждение, лихорадившее его тело, начало сходиться на нет, и подумал, что еще один день будет потрачен на бесцельное ожидание.

Внезапно на востоке раздался оглушительный взрыв. Уступ под ногами флатаров явственно содрогнулся. Все парни и девушки восприняли это с ликованием, издав дружный боевой клич. Уолдо ринулся в землянку за восковыми бомбами.

– Наконец-то мы дождались этого радостного момента, дети мои! – воскликнул он, неся в обеих руках по мешку с бомбами. – Подождите, пока я не зажгу запал, а потом в воздух – летите и обрушьте праведный гнев Бога на головы От-

ре. Огонь с небес! Огонь с небес! Настал их Судный день!

В тяжелом и сыром утреннем воздухе звуки распространялись очень хорошо. Вот и теперь флатары слышали несколько резких хлопков, происшедших с правильными интервалами, хотя источник этих звуков находился довольно далеко. Тигхи, который напряг весь свой слух, показалось, что он услышал нечто вроде грозного, боевого клича. Очевидно, это означало, что имперские войска пошли в наступление. Или же, наоборот, то был тоскливый, жалобный вой, с которым солдаты Отре встречали свою смерть, падая с уступов. Ведь они наверняка знали, что там, на камнях у основания стены, их тела превратятся в кровавое месиво.

Флатары выстраивались на краю мира, готовясь к прыжкам. Уолдо прошел вдоль шеренги с тлеющим жгутом, зажигая запалы. Первым в полет отправился Мулваине. За ним последовали остальные парни и девушки, продвигаясь постепенно вперед и ожидая своей очереди занести ногу над бездной и затем провалиться в нее.

Тигхи двигался в хвосте процессии.

– Держите запал свободным, не лишайте его доступа воздуха. Не потушите его о свою кожу или одежду, – давал последние наставления Уолдо. Пожилой ветеран тяжело дышал, шрамы на его лице были усеяны блестящими капельками пота. – Сунь ее сюда, за пояс штанов. Вот так. А теперь пошел. Да смотри, целься получше! Не бросай ее просто так, в пустое место! Слышишь, Тигхи?

Тигхи кивнул и, набрав в легкие побольше воздуха, шагнул в пустоту.

Первое время он был настолько поглощен тем, как бы не потерять бомбу и не потушить случайно запал, что забыл следить за окружающей обстановкой. Когда же перестал смотреть на бомбу и поднял голову, ему пришлось сделать резкий вираж, чтобы избежать столкновения с другим змеем, который, описывая круг, шел прямо на него. Сердце Тигхи заколотилось так, что едва не выскочило из груди.

Ветер был достаточно сильным и дул в нужном направлении. Кроме того, Тигхи сразу удалось поймать мощный восходящий поток. Он сделал поворот и зафиксировал продольный брус в горизонтальном положении. Перед ним развернулась панорама сражения.

Тигхи ожидал увидеть на поверхности стены отражение определенных и решительных изменений обстановки в пользу Имперской армии, однако картина, открывшаяся его глазам, мало чем отличалась от позавчерашней. Стена не была исчерчена синими линиями, вытеснявшими серые. Судя по всему, шли позиционные бои с переменным успехом для каждой из сторон. Сверкали короткие вспышки пламени или света; рваные облачка дыма поднимались кверху или рассеивались ветром. Имперские силы по-прежнему занимали лишь центральный выступ и, похоже, топтались на месте, несколько не приблизившись к укреплениям Отре.

Тигхи резко снизился и попытался пролететь рядом с

уступом, который находился сразу над центральным выступом. Попытка оказалась не слишком удачной, ибо расстояние было слишком велико. В обрамлении дымных нитей – солдаты Отре вели по нему прицельный огонь – Тигхи сделал разворот и повторил попытку. На этот раз он потерял высоту и пролетел ближе к центральному выступу, чем к уступу. В поле его зрения попала кучка имперских солдат в синей форме. Юноша подлетел поближе. Два солдата стояли на коленях и стреляли вверх из своих ружей, а третий перезаряжал оружие. Змей Тигхи привлек их внимание, и юноша осторожно, чтобы не выронить бомбу из штанов, приналег телом на левую сторону, пытаясь совершить поворот.

На мгновение их глаза встретились. Расстояние было ничтожным. Тигхи показалось, что он мог бы дотронуться до солдат рукой. Затем в воздухе что-то прожужжало, и у солдата, стоявшего на ногах, открылся рот и закрылись глаза; в следующую секунду он повалился вперед и рухнул с края уступа. Тигхи успел отвернуть в сторону и сделать круг. Посмотрев вниз, он увидел падающее тело солдата, за которым тянулась длинная ниточка из красных бусинок. Через несколько секунд оно превратилось в едва заметную точку и потом вовсе растворилось в далеком мареве.

Тигхи поставил змея на ребро, и тот начал падать. Ветер со свистом ударил юноше в уши. Вскоре он наткнулся на сильный восходящий поток и стал подниматься по спирали, закручивая витки все туже и туже. Мимо его лица промчал-

ся ярко-оранжевый шарик, и Тигхи вдруг увидел шеренгу снайперов Отре. У большей части из них ружья были опущены вниз, однако пара солдат стреляла в небо, целясь в змеев. Почувствовав себя сильным и могучим, Тигхи выхватил из штанов восковую бомбу, фитиль которой все еще тлел, и метнул ее в снайперов.

Пальцы заскользили по воску, когда он сделал замах рукой, и бомба, вращаясь, сначала полетела вверх. Тигхи успел заметить, как она упала на выдавшуюся вперед часть уступа. Во все стороны брызнуло пламя. В это время юноша заложил вираж и стал быстро удаляться от стены. То и дело он слышал жужжание пуль, пролетающих в опасной близости к его змею.

Его бомба не причинила особого вреда. Ни один солдат Отре не был не то что убит, но даже ранен. Это обстоятельство огорчило Тигхи, но совсем немного. Его сердце пело от радости. Он остался жив и парил свободно, как птица, в бескрайнем и прозрачном, голубом пространстве. Солнце светило так ярко, что глазам стало больно, но даже это не раздражало, а скорее радовало. Затем Тигхи описал круг, и в его поле зрения опять начала вползать стена мира. На ее фоне выделялось с полдюжины точек. Это были змеи. Все они снижались по диагонали, приближаясь к стене.

Вдруг один змей швырнуло в сторону, и сразу после этого он загорелся. Язычки пламени длинными узкими полосками побежали по его поверхности. Флатар – Тигхи, наблюдавший

за жутким зрелищем с широко открытым от ужаса ртом, не мог с такого расстояния определить, кто это был, – пытался одной рукой сбить пламя. Тщетно, Участь пилота и змея была предрешена. Пламя проворно перебежало с плоскости на руку, а затем и на тело несчастного, которое вскоре начало дергаться и корчиться в ремнях. Огонь охватил весь каркас летательного аппарата. Сотни огненных язычков извивались на широкой плоскости змея, подобно траве, которую колыхает ветер. Пока змей не падал. Даже наоборот, он устремился вверх, поднимаемый подушкой горячего воздуха, которая образовалась в результате горения самого змея.

Однако подъем был недолгим. Очень скоро окончательно прогорел и сломался продольный несущий брус, и змей, пыхнув в последний раз пламенем, начал падать по отвесной траектории, оставляя за собой след из пепла и черного дыма. Тигхи, который опять принялся описывать круги, не знал, чему приписать эту катастрофу. Возможно, змей был поражен каким-то оружием со стены, но с такой же вероятностью можно было предположить, что причина скрывалась в неосторожном обращении пилота с бомбой, которая воспламенилась и сожгла как человека, так и змей.

Остальные змеи, набрав высоту, стали по очереди круто снижаться вдоль стены. Тигхи увидел, как пилоты стали резко выбрасывать вперед правые руки. На уступе, где находились основные укрепления Отре, и чуть выше него появились яркие огненные вспышки. После бомбардировки змеи

улетели в сторону своей базы.

Вернулся на базу и Тигхи. Не успел он выпутаться из ремней, как около него уже стоял Уолдо.

– Змей, – выпалил юноша и бессвязно затараторил: – Горит! Горит и падает...

– Тихо! – рявкнул Уолдо. – Успокойся! Это война. Нет времени для причитаний. Бери еще одну бомбу, пристегивайся к змею – и пошел! Идет наступление!

Опешивший Тигхи покорно взял восковую бомбу. Теперь этот груз вселял в юношу такой страх, что у него появилась дрожь в коленях. Запах, исходивший от тлеющего просмоленного запала, ассоциировался в его восприятии со смертью. Этот небольшой, почти игрушечный шарик мог сжечь его, убить, так же как он убивал всех тех, кто стал жертвой его огня.

Первой же мыслью, появившейся у Тигхи после того, как он шагнул с уступа в воздух, было избавиться от восковой бомбы как можно скорее. Лишь много позднее ему пришло в голову, что он мог просто удалиться от стены на расстояние, недостижимое для зрения Уолдо, и выбросить ее. А сейчас он сделал поворот и, оседлав восходящий поток, направился в сторону уступа, занятого солдатами Отре. Он швырнул бомбу вниз с энергией, удесяттеренной переживаемым страхом, однако его змей летел так быстро, что Тигхи пришлось тут же заложить вираж, и он не увидел, какую цель поразила его бомба и попала ли она вообще куда-либо.

После этого он удалился от стены и принялся кружить в воздухе, не желая возвращаться на базовый уступ. Ведь там его опять заставили бы взять очередную бомбу. На его глазах змеи, волна за волной, атаковали позиции Отре. Они применяли единственно возможную в таких условиях тактику: набирали высоту, поднимаясь по спирали, а затем резко снижались, почти пикируя, и пилоты метали бомбы. Чаще всего они попадали в вертикальную поверхность стены или же взрывались на уступе, но там, где вражеских солдат не было. Тигхи убедился в явной неэффективности этого оружия. Огненные брызги, разлетавшиеся в стороны, быстро гасли, а расплавленный воск остывал.

– Они опаснее для нас, чем для врага! – сказал он вслух самому себе.

Одна бомба, брошенная со змея, шедшего в хвосте второй волны, попала солдату в грудь, и огненная жидкость стала растекаться по его серой куртке. Солдат изо всех сил старался сорвать с себя горящую одежду, а затем начал кататься по земле и не заметил, как оказался на краю уступа. В следующий миг он уже летел вниз, нелепо растопырив руки и ноги. Скорость его падения была достаточно велика, и уплотненный воздух не давал пламени разгораться, прижимая его язычки к самому телу. Потребовалось несколько десятков секунд, чтобы Тигхи перестал его видеть.

В конце концов Тигхи понял, что дальнейшее промедление с возвращением грозит навлечь на него гнев Уолдо, ко-

торый раскусит его хитрость. Поэтому он вернулся на базу и взял бомбу. В третий раз за этот день Тигхи поднялся в воздух, пролетел вдоль поля боя, круто набрал высоту и бросил бомбу. На этот раз он завопил от восторга, увидев, как восковой шар ударился о поднятое вверх дуло ружья и, отскочив от него, угодил солдату Отре прямо в лицо. Солдат рухнул на землю и принялся тереться об нее головой, чтобы потушить горящий воск. У него загорелись волосы. Тигхи отвернул от стены и сделал круг. Тигхи страстно жаждалось узнать, удалось ли ему убить кого-либо, однако при повторном заходе выяснилось, что товарищи солдата помогли ему потушить волосы и сбить пламя с одежды.

В арсенале Отре появился новый вид оружия. С нескольких точек, расположенных на разных уступах, они выпускали птиц, к ногам которых привязывали пучок просмоленных сухих стеблей травы, и поджигали. Обезумев от ужаса, бедные создания начинали метаться во все стороны, пытаясь улететь от огня.

Сначала Тигхи видел лишь огненные точки, за которыми от стены тянулся дымный след. Эти точки удалялись от стены с большой скоростью. Первая птица пролетела мимо цели, а вот вторая ударилась в змей, летевший справа от Тигхи. Почти вся плоскость змея оказалась усеянной горячей травой, прилипшей к высушенной ветрами коже. Через несколько секунд горящие обломки змея вместе с флатаром уже понеслись вниз.

Огненных точек, стартовавших с уступов, занятых Отре, становилось все больше и больше. Наконец Тигхи разглядел носителей огня и понял несложный, но достаточно надежный принцип действия этого оружия. Вдруг одна из таких огненных птиц устремила прямо на него, и Тигхи, резко дернув ремень от поперечного бруса и переместив центр тяжести влево, ушел в сторону с одновременным снижением.

Змей начал быстро вращаться вокруг вертикальной оси, и Тигхи не сразу стабилизировал положение. Затем он повернул и полетел на запад. Обогнув отрог, он оставил поле сражения позади.

Совершив посадку, Тигхи быстро выпутался из ремней.

– Командир! – срывающимся на визг голосом проговорил юноша. – Я видел гибель двух змеев! Они сгорели на моих глазах! Это ужасно!

Пилотами, которые сидели у ног Уолдо, были Мулваине и Мокгхи. Последний баюкал свою левую руку.

– Это мы знаем, – сказал Уолдо странным голосом.

– У них появилось новое оружие! – произнес Тигхи. В это время в воздухе послышалось характерное шуршание – неподалеку село еще несколько змеев. – Я думаю, что это птицы, к ногам которых привязан огонь. Они летят прямо на нас. Два змея!

– В этом слава и горести войны, дети мои, – проговорил Уолдо звучным голосом. – Бомб больше не осталось, иначе я опять послал бы вас в бой. Снова и снова, пока в живых

оставался бы хоть один солдат Отре! Пока вы не уничтожили бы их всех!

Тигхи овладели смешанные чувства ужаса и радостного возбуждения; змеи, охваченные пламенем и разливающиеся, падающие к основанию стены, никак не выходили у него из головы. И в то же время приток адреналина заставлял его сердце биться мощно и быстро. Кровь пульсировала по жилам так интенсивно, что у Тигхи дрожали руки. Он бросил бомбу! Ранил или даже убил вражеского солдата!

– Я не промахнулся, – радостно сообщил он Уолдо. – Я попал в Отре. У него загорелась голова!

Однако все внимание Уолдо было теперь направлено на приземлившиеся змеи.

По мере того как день клонился к вечеру, восходящие потоки все более и более слабели, и флатары, избавленные от необходимости совершать дальнейшие вылеты с восковыми бомбами, сбились в кучку на выступе. В их числе не было четырех человек: Стел, Мани, Толо и Чемлера. Те, кому повезло остаться в живых, вели разговор на приглушенных тонах и избегали всякого упоминания о погибших товарищах. Каждый флатар по очереди рассказывал о своих полетах, о точности бомбометания. Когда очередь дошла до Тигхи, он сказал:

– Я бросил три штуки. От первых двух не было никакого толку, но третья угодила солдату Отре прямо в голову, и его волосы занялись огнем.

Кружок пилотов обежал негромкий, но одобрительный ропот.

– Я метнул четыре бомбы, – произнес Мулваине. – Две попали в цель. Я очень рад тому, что убил двух врагов!

Воздух опять огласил одобрительный ропот.

– Стрелки Отре дважды поразили мой змей, – горделиво заявил Равилре. – Я попал в такую переделку! Мой змей так затрясло, когда его пронзили их пули, что мне показалось, будто он разваливается на части! И все равно я смог бросить две бомбы, и они обе взорвались на уступах.

– Я бросил четыре штуки, – похвалился Олдивре.

– Три, – поправил его Уолдо низким, рокочущим басом. Он сидел понурив голову и большую часть времени молчал. – Я выдал тебе только три бомбы, Олдивре.

Олдивре залился румянцем.

– Я оговорился. Я хотел сказать «три», – поспешно согласился он. – Все они упали на уступы, и я видел, как горела трава под ногами у нескольких солдат Отре.

Его слова были встречены молчанием.

– Вы неплохо поработали сегодня, дети мои, – сказал Уолдо после затянувшейся паузы. – Мы будем героями этой войны!

– Мы прорвались наверх? – осторожно спросил Мулваине. – Армия захватила укрепления?

Ему никто не ответил.

Той ночью Тигхи плохо спал. Он то и дело просыпался в

холодном поту. Его мучили огненные кошмары. В них Тигхи летел на змее, лавируя среди струй огня, бивших в него со всех сторон. Змей загорался, и Тигхи падал. Просыпался он от собственного крика точно так же, как это бывало в детстве: с противным, сосущим ощущением внизу живота. Тогда Тигхи казалось, что уступ под ним закачался и он падает в воздухе мимо стены.

Он просыпался, должно быть, раз шесть, не меньше, и каждый раз мычал что-то нечленораздельное и обливался потом. В последний раз Тигхи проснулся под рев рассветного шторма, беспрепятственно врывающийся в их землянку, где не было двери. После этого юноша уже больше не мог спать. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Все тело ныло и просило о пощаде. Ужас комком застрял в горле. Это было предчувствие чего-то нехорошего, что неминуемо должно было произойти в ближайшем будущем. Однако в то же время Тигхи страстно желал опять подняться в воздух и громить оттуда врага, засыпая его бомбами. Все беды произошли из-за них, из-за этих Отре. Это были дьяволы.

Когда раздали утренние рационы, к Тигхи, как всегда, подошел Ати и устроился рядом.

– Теперь мы солдаты, – произнес он дрожащим голосом. – Мы сражаемся в воздухе. Мы на войне.

– Да, – согласился Тигхи. – И мне не терпится опять взять в руки бомбу и показать проклятым Отре, кто мы. Отомстить за наших друзей.

Ати кивнул с таким видом, словно досконально понимал сложные чувства злости, рвения и страха, переполнявшие его друга и стоявшие за этими словами.

– Мы всегда теперь будем солдатами, – сказал он. – И сейчас и в будущем. После того, что мы видели и пережили, мы всегда будем ими.

– Мне не терпится опять взять в руки бомбу, – повторил Тигхи.

Однако, когда он произносил эти слова, юноше вдруг стало ясно, что его истинное желание другое. Ему страстно хотелось вернуться назад в свою деревню. Он вспомнил свою ма. Вспомнил, как она держала его, маленького, на руках.

В ожидании дальнейших приказов флатары выстроились на уступе, освещенном слабыми, косыми лучами утреннего солнца. Из-за отрога до них долетали гул и грохот разгоравшегося сражения. Командир, капитан Уолдо, стоял перед ними.

– Пока у нас не осталось больше бомб, – объявил он. – Но нам их доставят, и довольно скоро. Главное командование очень довольно работой, которую вы проделали, дети мои! Сам Папа выразил свое удовлетворение! Вы нанесли врагу ощутимый урон. Вы отвлекли на себя значительные силы Отре и тем самым облегчили задачу имперской пехоты. Сегодня наши славные войска нанесут решающий удар и прорвут наконец вражескую оборону. Вам представляется случай еще раз проявить свой героизм. Вы можете опять от-

влечь на себя части сил Отре и способствовать успеху нашего наступления. Каждый из вас наберет камней вот в такой мешок из травяной ткани. – Для наглядности Уолдо показал пустой мешок, зажатый у него в кулаке. Туда могло поместиться с полдюжины камней, не больше. – Летите, дети мои! Забросайте врага камнями! Сегодня нас ждет великая победа!

Тигхи, в котором бурлили противоречивые чувства, не испытывал особой радости. Сейчас ему было все равно. Он с одинаковым рвением мог подняться воздух и драться или же мигом взобраться по лестнице и задать стрекача в Сетчатый Лес. Он даже не мог определить, чего ему хотелось больше. Однако в следующую секунду Тигхи вместе со всем платоном опустился на четвереньки и стал ползать по уступу. Флагары рыскали по всему уступу в поисках камней. Они искали их даже на лестнице.

– Варвар, – произнес Мулваине, подползая к Тигхи. – Это идиотская идея.

– Тише, – сказал ему Тигхи, кивая на Уолдо, стоявшего поблизости.

– Какой вред мы причиним солдатам, бросая в них камни? Это детская забава. Сколько наших жизней унесет эта пустая затея?

– Не кричи так, – попросил Тигхи, однако его голос прозвучал громче.

В нем начал подниматься страх.

Он запихнул в мешок шесть камней. Дальнейшее увеличение веса ухудшит летные качества змея, сделает его менее маневренным и более уязвимым для ружейного огня солдат Отре. Тигхи привязал мешок к поясу штанов и начал пристегиваться к змею. Рядом с ним готовился к полету Ати.

– Сегодня наша армия протаранит их укрепления, – сказал Ати, но неуверенный голос выдавал страх. – Она сделает это, так ведь?

– Конечно, – ответил Тигхи. – Сегодня.

Оттолкнувшись ногами от края уступа, он прыгнул вперед и обрадовался. Обрадовался тому, как реагировал на невесомость его организм. Радовался тому, как свело живот, радовался приливу крови к голове в те моменты, когда он делал вираж или круто набирал высоту.

Поле сражения выглядело как обычно. Правда, Тигхи показалось, что сегодня центральный выступ не так густо усеян синей формой, как прежде. Было невозможно определить ход сражения, сказать, в чью пользу склоняется его исход, кто берет верх – Империя или Отре. Все виденное с высоты полета и под углом представлялось статичным, застывшим. И все же Тигхи немного поднаторел в деталях, и теперь от его внимания не ускользали многие подробности, как во время первого полета. Он замечал, если с уступа падало тело в синей или серой форме. Научился по размеру вспышек отличать бомбы от снарядов. Узнавать, кто и на каком змее летит. Ведь каждый змей имел свои внешние, индивидуальные

особенности.

Тигхи начал снижение, приближаясь к уступам, занятым противником. Заметив змеи, которые по всем признакам готовились атаковать уступы Отре, снайперы противника перестали стрелять вниз и перенесли огонь на новые цели. Страх и упоение страхом, который он внушал врагу, слились воедино в сердце Тигхи. Свободной рукой он развязал мешок и, поочередно вынимая оттуда камни, стал метать их в солдат Отре. Как и предсказывал Мулваине, все кончилось столбиками пыли, взвившимися вверх после ударов камней о поверхность уступа. Бессмысленно и бесполезно.

Тигхи отвернул в сторону и, сделав круг, начал набирать высоту. Навстречу ему снижались другие змеи, чтобы, как и он, попытаться хотя бы напугать противника и, вызвав огонь на себя, помочь имперской пехоте, штурмовавшей снизу эти проклятые уступы. Когда Тигхи закончил маневр и начал снижаться для второго боевого захода, эти змеи уже поднимались. Он опять пролетел рядом с ними. Первым был Мулваине, затем Ати, и после него Бел. Последняя оказалась так близко, что Тигхи смог разглядеть ее лицо, изуродованное гримасой смертельного страха. Рот девушки был широко открыт, и сначала Тигхи подумал, что она надрывается от крика, но через пару секунд ему стало ясно, что Бел мертва. Тоненькие струйки крови стекали с ее ног и тянулись за змеем розовой ниткой. Куртка и штаны почернели от крови, пропитавшей их насквозь. Свободная рука и ноги безжиз-

ненно свисали. Тигхи развернулся и некоторое время летел за Бел. Посредине ее спины зияла огромная рвана дыра. Но даже мертвая, с правой рукой, зажатой между поперечной и продольной тягами, Бел оставалась хорошим пилотом. Ее змей чутко реагировал на все колебания утреннего воздуха, медленно удаляясь от мировой стены в бесконечность. Тигхи повернул назад. Возможно, если с ней ничего не произойдет, Бел долетит до Паузы, мелькнуло у него в голове.

Пока Тигхи рылся в мешке, нащупывая камни, у него было время подумать о Равилре. Каково будет ему, когда он узнает о смерти Бел? Может, горе на время отберет у него разум? У Тигхи защипало в глазах, и комок подкатил к горлу, когда он вспомнил о Бел. Стена перестала быть гигантским, эпическим сооружением, огромным миром, в котором обитали героические души. Это просто муравейник, кучка земли, нарост, созданный Богом со скудным умишком. Он, Тигхи, не кто иной, как обычный, малюсенький муравей; и Бел была муравьем, и Равилре тоже. Ведь нелепо оплакивать потерю муравья! Эта мысль, пусть и неглубокая, неоригинальная, пусть от нее смердело смертью, почему-то придала Тигхи силы. Какое это имело значение? Да и вообще имело ли значение хоть что-нибудь в этом мире?

Из горла Тигхи вырвался дикий крик. Он орал и визжал, как обезьяна, которую резали на мясо, и почти не осознавал этого. Положив змей в вираж, Тигхи на большой скорости пронесся так близко к укреплениям Отре, что вражеские

солдаты, будь у них веревка и достаточно снаоровки и сообразительности, могли бы заарканить его без особого труда. Он молил Бога, живущего у основания стены, чтобы камни не были потрачены напрасно, чтобы они поразили солдат Отре в глаза и те ослепли и подохли, упав с мира и разбившись в лепешку!

А затем, прежде чем Тигхи успел осмыслить свой поступок, он сел на уступ, занятый Отре.

Это был широкий уступ, примерно на треть вдававшийся в стену. Саперы Отре соорудили барьер, высотой в руку, который проходил по его краю. Поверхность уступа была выстлана деревянными досками, а в стене Тигхи заметил окна, располагавшиеся в ряд с правильными интервалами. Перепрыгнув через барьер, юноша пробежал еще немного, чтобы погасить остаточную скорость змея. Прямо перед ним, в пяти-шести шагах находились четверо солдат Отре. Полуприсев, они целились из своих ружей куда-то вниз. Один из них, почувствовав на своей спине взгляд Тигхи, вздрогнул и повернулся. Его изумление было так велико, что он взмахнул руками и, не удержав равновесия, упал на спину. Его товарищи повернули головы.

На долю секунды взгляды Тигхи и этих трех солдат скрестились. Он смотрел им прямо в глаза. Сначала Тигхи увидел в них панический страх. Очевидно, они приняли его за привидение, но затем быстро опомнились, и ужас уступил место злобе. Все трое, как по команде, вскинули ружья и стали це-

литься в Тигхи. Упавший солдат в это время перевернулся на живот и, встав на четвереньки, потянулся за ружьем, выпавшим из его рук.

– Привет! – громко сказал Тигхи на имперском языке.

Затем он сказал это снова, но на сей раз на своем родном языке. Ничего другого ему просто не пришло в голову. Затем он начал смеяться. Это был неконтролируемый, нервный, безостановочный смех. Тигхи быстро шагнул влево и, ударившись искалеченной ногой о барьер, перевалился через него и упал с мира.

Тигхи падал головой вниз и почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Однако вскоре плоскость змея, со свистом разрезавшая воздух, перевернулась, и тело Тигхи приняло нормальное положение. Юноша круто повернул влево и стал удаляться от стены.

У него осталось только два камня. Он мгновенно выхватил их из мешка и, размахнувшись, бросил, не целясь, просто в направлении стены. Ему было совершенно все равно, в кого они могли попасть, в своих или в чужих. Тигхи все еще смеялся. Все происшедшее, начиная с того момента, когда он увидел труп Бел, казалось ему нереальным и смехотворным.

Поймать надежный восходящий поток удалось не сразу. Сначала его змей ковылял по воздушным кочкам, и Тигхи уже забеспокоился, как бы от этой тряски не расшатались боковые крепления рамы. Он решил начать снижение по по-

логой траектории и покинуть неблагоприятную воздушную среду. Дальнейший полет показал, что Тигхи поступил правильно. В конце концов мощный восходящий поток вознес его на такую высоту, откуда обзревался весь театр военных действий.

Обстановка по-прежнему выглядела хаотичной. Небольшое подразделение Имперской армии пыталось занять крошечный бугорок, расположенный на полпути между передовыми оборонительными линиями обеих сторон. Имперские солдаты, карабкавшиеся по ровной, отвесной стене, напоминали мух, ползавших по глиняному кувшину с козьим молоком. Они двигались очень медленно. К их запястьям и лодыжкам были прикреплены небольшие острые кирки, и прежде чем вытащить одну кирку и передвинуть ногу вверх на пару дюймов, нужно подтянуться и вонзить в глинистый грунт другую кирку, привязанную к руке.

Враг тоже не дремал. Сверху на имперских солдат сыпались и взрывались бомбы в кожаной оболочке, а снайперы поливали их огнем из ружей. Каждый раз, когда Тигхи, совершив круг, подлетал к стене, он видел, как наступавшее подразделение все более и более редело, теряя бойцов одного за другим.

Утренние ветры начали ослабевать, и Тигхи направился на свой уступ. Приблизившись к нему, он обнаружил, что почти все остальные пилоты уже приземлились. Когда он сел, к нему подбежал Ати.

– Мы уже думали, что ты погиб, глупый варвар, – сказал он, обнимая Тигхи, еще не успевшего выбраться из ремней.

Радость друга не вызвала в душе юноши ответных чувств. Наоборот, он почувствовал какое-то странное, беспричинное раздражение. Тигхи злило даже то, что Ати своим обниманием мешал ему расстегивать ремни. Запас смеха истощился, и взамен появилось плохое настроение, как у капризного ребенка. Он никак не мог взять в толк, почему Ати так себя ведет, не мог понять его слез. Весь ужин Ати без умолку болтал, проявлял ненужную активность и вообще суетился и повторял одно и то же. Тигхи насупился и сидел молча, мрачно поглядывая вокруг и отбрасывая руку Ати всякий раз, когда нижнестенщик пытался обнять его.

После еды Уолдо встал и обратился к ним с кратким словом.

– Сегодня я побывал в штабе главного командования, – сказал он. – Мы близки к победе, дети мои. Подумайте об этом! Победа будет нашей, и очень скоро! Еще один день!

Казенная бодрость не вызвала никакого воодушевления, как бывало в таких случаях раньше. Все хранили угрюмое молчание, однако когда Уолдо запел патриотические песни, никто не решился остаться в стороне.

Глава 17

В ту ночь Тигхи долго не мог заснуть. Он лежал на спине и смотрел в темноту. Во взбудораженном уме непрестанно кружили одни и те же мысли. Все равно что флатар-новичок, плохо отработавший посадку и в нерешительности тянущий время, делая один круг за другим. Однажды его ма сказала Тигхи нечто ужасно важное, что-то такое, что должно было пригодиться ему именно в такое время, как сейчас. Вот только он никак не мог вспомнить, что конкретно она говорила. И рылся в памяти в поисках сказанного ею, надеясь, что оно вот-вот всплывет.

От такой интенсивной умственной деятельности у Тигхи зачесалась голова в том месте, где было много шрамов. Юноша принялся скрести их грязными ногтями, и опять перед ним возник образ его ма.

В конце концов его мозг обессилел, и Тигхи заснул.

Он проснулся в темноте после того, как кто-то сильно толкнул его ногой в плечо, а затем, видя, что юноша не просыпается, принялся трясти его.

– Что? Что случилось? В чем дело?

– Вставай сейчас же, слышишь?

По голосу Тигхи узнал Уолдо. С трудом разлепив веки, юноша увидел своего, командира, державшего травяной факел, который отбрасывал на его лицо странные тени, окайм-

ляя шрамы дополнительными темными линиями и придавая глазницам неестественную глубину.

Тигхи сел и посмотрел в пустой дверной проем. Небо по-прежнему было черным, как смола, стало быть, до рассвета еще уйма времени. Снаружи раздались какие-то крики и топот. Это встревожило юношу. Обычно ночью боевые действия затихали.

– Что происходит?

– Всем покинуть землянку! – крикнул Уолдо. – Немедленно наружу и вверх по лестнице!

Некоторые пилоты спросонья туго соображали. Мокгхи, сбросив с себя одеяло, подошел к своему змею и взялся за главный брус.

– Брось эту штуку! – рявкнул Уолдо. – Змеи останутся здесь! Быстро выходите отсюда и бегите к лестнице!

Снаружи было чертовски холодно, и Тигхи набросил на плечи одеяло. При звездном свете уступ выглядел мрачным и враждебным. Один за другим флатары, спотыкаясь, поднялись по лестнице. Тигхи вместе с остальными оказался на широком выступе в конце подъема. Они построились в шеренгу и стали ждать. Вокруг царила суэта. Солдаты пробежали мимо, а через несколько минут возвращались в обратном направлении. Двери землянок на этом уровне были распахнуты, и через их проемы наружу выливался оранжевый свет травяных факелов. Из землянок доносился шум. Беспорядочные стуки и крики в такой час встревожили пилотов.

– Что случилось? – спросил Ати, который никак не мог отдышаться после быстрого подъема по лестнице.

– Я не знаю. Мулваине! Мулваине! Что происходит?

Озиравшийся Мулваине жалобно проблеял:

– А где же Уолдо?

В это время из одной землянки вышел какой-то человек, пузатый коротышка с огромной гривой волос.

– Эй, вы! – заорал он. – Кто вы? Из какой части?

Никто не осмелился ответить, пока он не повторил свой вопрос.

– Из какой части?

– Платон флатаров, сэ, – ответил Тигхи. – Наш командир – капитан Уолдо, сэ. Он приказал нам подняться сюда!

Коротышка пробурчал что-то нечленораздельное, похожее на хрюканье поросенка. Затем приказал:

– Зайдите в землянку и вооружитесь копьями – вы знаете, что это такое?

Платон уставился на коротышку в изумлении, пока он снова не принялся орать, и тогда они послушно побрели в землянку. В довольно просторном помещении царил хаос. В дрожащем свете факелов сновали люди. Пол слева от входа был завален телами в синей форме. На одежде, руках и лицах темнели пятна крови. Некоторые все еще шевелились. Пыль на полу превратилась в скользкую грязь. Тигхи догадался, что причиной тому большое количество крови. Зрелище не вызвало в нем ужаса, но юноша отвернулся.

– Отвратительно, – подумал он, – почему здесь не наведут порядок?

Пахло чем-то неприятным, приторно-сладким. В этой неразберихе флатары протолкались в дальний угол землянки, где лежала куча копий. Все они были сделаны из дерева. Заостренные концы обожжены и просмолены. Каждый боец платона взял по копьё, после чего они выбрались наружу.

Коротышка все еще был там.

– Шевелите ногами! Живее! – заорал он. – Все вы, следуйте за мной!

И он быстро повел их на восток, вверх по склону. Флатары поднялись по ступенькам и прошли через короткий туннель, на другой стороне которого перед ними предстало поле сражения: огромное пространство с красно-оранжевыми вкраплениями. Это часовые жгли костры.

– Сколько? – крикнул коротышка. – Сколько вас здесь? – Он начал считать, загибая пальцы на руке. – Так, двенадцать и один будет тринадцать. Очень хорошо. Этого будет достаточно.

– Пожалуйста, сэр, – жалобно обратился к нему Мулваине. – Наш командир, капитан Уолдо...

– Молчать! – визгливо прервал его коротышка. – Ваша боевая задача – удерживать этот уступ. В случае необходимости пускайте в ход копьё. Имперские солдаты назовут пароль – «Друг», – и вы должны пропустить их. Врагов же вы обязаны задержать. Стойте насмерть! Ясно?! Дезертиров и

трусов ждет смертная казнь – их сбросят со стены. На карту поставлена слава Империи! Жизнь самого Папы! Вы должны остановить врага.

С этими словами коротышка резко повернулся и почти бегом направился назад, на запад, унеся с собой факел.

Ошеломленные таким поворотом событий флатары некоторое время молча стояли в абсолютной темноте. Наконец Мулваине произнес:

– Ну что ж, задача, я думаю, ясна.

– Что мы должны делать, Мулваине? – спросил Равилре.

– Образуем цепь – в темноте это будет не так то просто. Каждый должен знать, где его сосед. Образуем одну цепь, и за ней еще одну. Думаю, так будет лучше всего. Согласны?

– Да, – тихо проговорил Тигхи.

– Да, – раздался громкий и уверенный голос Пелис.

Флатары рассредоточились двумя цепочками по всей ширине уступа и выставили копыя остриями вперед под углом к земле. Вокруг пока было тихо. Дыхание Тигхи стало ровным и спокойным. Он огляделся. Красные и оранжевые пятна, хорошо просматривавшиеся на невидимой ночной стене даже с такого неудобного места, казались грубой подделкой чистого, прозрачного света звезд.

– Как, по-твоему, что мы здесь делаем? – поинтересовался Равилре.

– Удерживаем позицию, – ответил Мулваине.

Его голос дрожал.

– Стало быть, Отре прорвали нашу оборону? – удивился Ати.

– Заткнись, – с чувством произнес Тигхи, – ты – идиот дерьмоед.

Однако все понимали, что случилось именно это. Некоторое время Ати, обиженный пренебрежительными словами Тигхи, хранил молчание. И все же, подзуживаемый любопытством, не выдержал и опять нарушил тишину:

– Ладно. Пусть так. Но если они придут, что мы будем делать? Это ужасные люди – они сожрут нас, убьют нас.

– Наши войска должны были сегодня-завтра захватить их укрепления, – сказал Мокгхи, однако его голос звучал неуверенно. – Победа почти наша.

Они стояли и ждали. У Тигхи даже заныли предплечья от того, что он так долго держал на весу тяжелое копьё, и появилась острая боль в левой искалеченной ноге. По мере того как тянулось время, абсурдность их положения становилась Тигхи все более очевидной. Кто-то закашлял. Парень, стоявший справа от Тигхи, начал шумно переминаться с ноги на ногу.

– Глупо, – пробурчал Мулваине.

Тигхи никак не отозвался на это косвенное приглашение продолжить разговор, однако в нем уже вызрело ощущение полной бессмысленности происходящего.

В конце уступа появилась какая-то фигура. Высокий человек с ружьем.

– Стой! – приказал Мулваине нервным, срывающимся голосом. – Стой, кто идет?

– А вы кто такие? – удивился человек. – Что вы здесь делаете, мать вашу?

– Ты свой? – продолжал допытываться Мулваине, загородив путь копьем.

– Некогда мне тут тратить время на эту чушь, идиоты, – произнес пришелец, проталкиваясь мимо Мулваине.

Когда он проходил мимо Тигхи, тот почувствовал запах свежей крови.

После того как неизвестный скрылся в туннеле, флатары принялись возбужденно переговариваться:

– Что случилось? Неужели Отре прорвались?

– Вы же сами видели, как было на поле боя. Мы все видели сверху, что там творилось.

– Да, да, это был хаос.

– В руках противника были верхние уступы.

– О боже, – загнусавил Ати. – Они идут.

– Тихо! – цыкнул на него Мулваине.

Однако его собственный голос вибрировал от страха.

– Скоро они будут здесь, – проговорил Мокгхи.

– О боже, – опять прогнусавил Ати.

– От этих копий не будет никакого толку, – сказал кто-то, стоявший позади Тигхи. – Мы здесь все погибнем, все.

– Поттише, вы, там! – прошипел Мулваине. – Пожалуйста, не шумите.

Внезапно где-то впереди раздался сильный взрыв, и слышались многоголосные крики. Флатары замолчали. Затем последовало еще несколько взрывов. Казалось, стена сотрясается от поступи какого-то гиганта, который подходит все ближе и ближе к уступу, на котором остатки платона, дрожа от панического страха, были готовы в любой момент бросить копья и пуститься наутек. Тигхи видел снопы белого и желтого света, вырывавшиеся из стены под ними.

Внезапно шум голосов усилился, и в конце уступа появилась кучка солдат. У двоих к шлемам были прикреплены горящие факелы, однако их свет был слабым и распространялся не далее чем на три-четыре пары шагов. Какого цвета их форма, сказать было трудно. Возможно, синего, но при таком слабом свете и серый цвет кажется темным. У Тигхи сердце ушло в пятки.

Мулваине попытался окликнуть солдат и задержать их, но те двигались слишком быстро и не обратили никакого внимания на заставу с копьями. Солдаты прошли сквозь флатаров, как через воздух, словно никакой заставы и не было, и двинулись в сторону туннеля.

Не успели они скрыться в туннеле, как Ати бросил свое копье на землю.

– Мы все подохнем, если останемся здесь! – крикнул он, и все вокруг тоже начали бросать свои копья.

Тигхи избавился от своего оружия с такой же охотой, как и остальные.

Флатары миновали туннель и сбежали вниз по склону. Вскоре они нагнали часовых, которые недавно прошли через их заставу. За их спинами гулко бухали взрывы, и после каждого такого взрыва у Тигхи бежали мурашки по коже.

В темноте Тигхи столкнулся с кем-то, и его отбросило в сторону. Толчок был столь сильным, что юноша отлетел весьма далеко, и на секунду у него появилась пугающая мысль, что он сейчас свалится с мира, однако в следующее мгновение Тигхи шмякнулся грудью и лицом в грязь, и облегчение, которое он испытал, ощутив под собой не воздух, а твердую поверхность, заглушило боль.

Мимо Тигхи, распластавшегося в грязи, по-прежнему бежали охваченные паникой солдаты. В воздухе стоял громкий топот. Кто-то наступил юноше на руку, и он взвыл от боли. Откатившись в сторону и встав на ноги, Тигхи обнаружил, что находится в гуще людского потока. Работая локтями, он пробрался к стене. Общая паника заразила и его. Прерывисто дыша, Тигхи стал продвигаться вдоль стены и вскоре оказался у входа в какую-то землянку. Когда он решил было войти в нее, кто-то, вынашивавший противоположное намерение, наскочил на него. Тигхи ударился спиной о стену, но не упал. После этого юноша оставил всякую надежду найти какое-то подразделение, сохранившее дисциплину и порядок, и, присоединившись к нему, пробиться назад, через жуткий Сетчатый Лес.

Все было кончено.

Тигхи побежал по уступу на запад, в том же направлении, куда катилась и основная масса солдат. Воздух оглашали истошные крики, приказы и ругательства. Иногда справа от юноши в стене возникали большие пятна света – дверные проемы землянок, в которых продолжали гореть факелы. Сейчас имело значение лишь одно: уйти отсюда, убраться как можно быстрее от того ужасного и невидимого, которое шло за ними по пятам.

Внезапно Тигхи увидел прямо перед собой людей в форме, перегородивших дорогу и оставивших лишь узкий проход. Это был заградительный пост. При мысли о том, что путь дальше закрыт, юношу охватила паника. Он набросился на солдата, находившегося впереди него, и забарабанил кулаками по его спине с криками:

– Пропустите меня! Дайте пройти!

В этот момент весь гвалт перекрыл чей-то повелительный, зычный голос:

– Ко мне! За Империю! Ко мне!

Людской поток замедлил движение, а затем и вовсе остановился. Прошло несколько десятков секунд, пока в сознании солдат, которые только что представляли собой разрозненное стадо, не произошел поворот. Так же туго и медленно открывается дверь, висящая на вконец заржавевших петлях. Набирая скорость, поток людей покатился в обратном направлении, на восток. Голос, продолжавший кричать: «Ко мне! За Империю!» – слышался уже откуда-то издалека.

Очевидно, его обладатель так же двигался на восток вместе со всеми.

Тигхи почувствовал, как страх исчез, улетучился, уступив место смелости и мужеству. Он тоже бежал теперь назад, на восток, обгоняя других и повинуюсь внезапно возникшему желанию побыстрее попасть на передовую. Тигхи был уже не один. К нему прибавилось несколько флатаров.

Они опять бежали по выступу, мимо освещенных дверных проемов землянок. Неумолкающие призывы «Ко мне! За Империю! Вперед, к Двери!» неудержимо влекли их на бой с Отре.

Солдатская масса замедлила движение. Впереди была лестница, а за ней туннель. Наталкиваясь друг на друга в темноте, иногда падая, люди карабкались по ступенькам и продолжали двигаться вперед, хотя уже не так быстро. Это замедление дало Тигхи время перевести дух и подумать о ближайшем будущем. Идти в бой? Без оружия? Копье, наверное, по-прежнему валяется там, где он его бросил, но даже если Тигхи сможет в темноте найти копье, действительно ли он хочет сразиться со страшными, вооруженными огнестрельным оружием солдатами Отре?

Он повернулся в обратном направлении, намереваясь отыскать лестницу, по которой можно было бы спуститься на базовый уступ Платона воздушных змеев, и почти сразу же столкнулся с тем самым толстопузым коротышкой, который орал на флатаров и дал им дурацкие копыя.

– Эй, ты! – срываясь на визг, закричал этот тип. – Куда идешь? Передовая на востоке, а не на западе, слышишь, ты, дурак?

– Я флатар, господин, – робко произнес Тигхи, у которого перехватило дыхание.

– Ночных полетов не бывает! – отрубил коротышка. – Де-зертиров сбрасывают со стены! Сюда, сюда!

Схватив юношу за плечи, он повернул его и дал пинка в зад, от которого Тигхи едва не рухнул на землю. Споткнувшись, юноша все же восстановил равновесие и помчался по уступам в восточном направлении. Вскоре он был уже у лестницы, которая вела вверх.

– Тигхи?

Это был Мулваине.

– Тигхи, что происходит?

– Империя! – завопил пробежавший мимо них к лестнице высокий здоровяк. На бегу он снял с плеча свое ружье.

– Тигхи, что происходит? – повторил вопрос Мулваине.

Тигхи, не отвечая, схватил его за рукав и потащил к стене, чтобы поговорить в более спокойной обстановке. У стены, сбившись в кучу, стояли Ати, Равилре, Олдивре и Пелис.

– Полная неразбериха, – сказал Тигхи. – По-моему, Отре пытаются прорвать нашу линию обороны.

– Что будем делать? Драться с Отре? – нервно спросил Мулваине. – Мы, конечно, можем подняться по лестнице и присоединиться к остальным, но...

– Мы безоружны! – простонал Ати.

– Мы обязаны драться! – заявил Олдивре. – Мы – солдаты!

– Мы флатары, – возразил ему Ати. Он охватил себя руками, засунув их под мышки, и слегка покачивался взад-вперед, так что его затылок легонько стучался о стену, находившуюся позади него. – Хватит с нас. Навоевались.

– Ладно, решайте побыстрее, – сказал Ати. – Скоро начнет светать.

Он был прав, небо уже бледнело, и пробегавшие мимо солдаты казались на его фоне какими-то призраками.

– Сюда! Вниз! – крикнул кто-то сверху, оттуда, где кончалась лестница. – Сюда!

Вниз спустилось десятка полтора солдат, которые тащили на одеялах трех-четырёх раненых.

– По-моему, лучше всего вернуться в нашу землянку и переждать там рассветный шторм, – предложил Мулваине, озираясь кругом.

– Тот тип, – сказал Тигхи, – толстяк, который приказал нам взять копьё, – он в той стороне.

– Мы попадем в ловушку на этом уступе, когда начнется рассветный шторм! – прохныкал Ати. – Нас снесет ветром, и мы погибнем!

– Молчи! – оборвал его Олдивре. – Мы должны драться. Мы – солдаты. – Он был крайне возбужден.

– Рассветный шторм всех поймает в ловушку, и солдат в

том числе. Ведь им негде будет укрыться, – констатировал Мулваине. – Если мы найдем убежище, то сможем выйти из него и драться.

– Нет, – сказал Олдивре, отойдя от стены. – Мы должны идти сейчас.

С этими словами он оставил своих товарищей и стал резво подниматься по лестнице, перескакивая сразу через две ступеньки.

Между тем небо светлело с каждой минутой, но это обстоятельство, похоже, нисколько не тревожило других солдат, которые по-прежнему поодиночке и группами спешили вверх по лестнице. Время от времени вниз спускались солдаты, которые тащили своих раненых товарищей в лазарет.

– Если мы останемся здесь... – произнес Тигхи уверенно.

Он хотел сказать: «нам нельзя оставаться здесь», – однако остальные прекрасно поняли юношу, а он взял Мулваине за руку и потащил его за собой в западном направлении.

Вскоре они догнали четырех санитаров, несших в одеяле раненого, и пристроились к ним. Вместе с санитарями флартары дошли до первой землянки на выступе и быстро нырнули в нее.

Внутри плавали облака густого дыма от травяных факелов, и было очень людно. Раненые громко стонали. Некоторые бредили. Впав в забытие, они звали своих близких, ругались и порывались встать и идти бить Отре. Тигхи и его товарищи пробрались к дальней стене, сев на корточки, при-

слонились спинами к стене и взялись за руки. Теперь можно перевести дух.

На пятерых флатаров никто не обращал никакого внимания. Через них перешагивали, на их ноги наступали, о них спотыкались, но никто не подверг сомнению их право находиться здесь, не задавал никаких вопросов. Довольно скоро Тигхи привык к шуму и даже к толчкам, которые время от времени получал от людей, проталкивавшихся мимо. Он закрыл глаза.

Когда Тигхи открыл их снова, то не мог с уверенностью сказать, спал он или нет. Суматоха в землянке немного улеглась. Глядя через частокол мелькавших перед ним ног, Тигхи увидел трупы, лежавшие в два-три слоя.

Его память являла собой мешанину странных образов: темнота, яркие огни, проплывающие мимо, огромная людская река. Так значит, вот в чем суть войны?

Рядом с Тигхи на корточках сидел Мулваине и держал его за руку. Похоже, он все еще спал.

Тигхи ткнул его в плечо:

– Мулваине!

Мулваине дернулся и проснулся.

– Мы уже добрались до Двери? – спросил он.

– Уже день, Мулваине, – сказал Тигхи. – Мы спустимся вниз, на уступ, где базировался наш платон. Разбуди остальных.

Мулваине принялся тереть глаза кулаками.

– Они узнают, что мы не пошли на фронт, – простонал он. – Они сбросят нас со стены.

– Тихо! – цыкнул на него Тигхи и огляделся. Никто по-прежнему не обращал на них внимания. – Давай будить остальных.

Тигхи разбудил Ати, несильно потеряв его виски. Тот открыл глаза и улыбнулся.

– Тут стало потише, – сказал он.

Ати пнул ногой Равилре.

– Вставай, – приказал он. Равилре ойкнул от боли. – Нам пора двигать отсюда.

Первым пошел Тигхи. Остальные следовали за ним, лавируя между людьми, которыми кишела землянка. Тигхи старался смотреть под ноги, избегая визуальных контактов. Перешагнув порог землянки, он внимательно посмотрел сначала в одну, а затем в другую сторону. Стояло яркое, погожее утро.

– Тигхи, – спросил Мулваине, – что мы будем делать?

– Мы должны найти Уолдо, – ответил Тигхи.

– Да. А вдруг он разозлится на нас?

– Мы должны найти его, – упрямо повторил Тигхи.

Мулваине потупил глаза и кивнул. Это вызвало у юноши необъяснимое беспокойство. Что-то, не поддававшееся определению, такое же туманное и расплывчатое, как свет в землянке, что-то изменилось. Мулваине стал соглашаться с ним. Это казалось неправильным, потому что противоре-

чило прежнему порядку вещей. В воздухе витало ощущение неких катастрофических изменений. Однако Тигхи глубоко вздохнул и, набрав в легкие свежего воздуха, решил игнорировать эту неловкость.

– В конце концов, я – принц, – пробормотал он.

– Мы спустимся на базовый уступ платона, – сообщил Тигхи своим товарищам.

Все они смотрели на него вполне серьезно. Мулваине кивком подтвердил свое согласие. После событий прошлой ночи его высокомерие улетучилось как дым. Он уже не смотрел на Тигхи с презрением, не называл его невежественным варваром.

У края уступа стояла редкая цепочка стрелков, шесть человек. Кроме них на уступе никого не было, и он выглядел пустынным. Тигхи подошел к крайнему стрелку.

– Приветствую именем Пап! – произнес он, используя слышанное им неоднократно обращение, принятое в Имперской армии.

Стрелок оглянулся, скользнув по юноше усталыми глазами с красными прожилками.

– Обьедки? – спросил он. Тигхи не был уверен, правильно ли он расслышал слово. – Что ты хочешь?

Стрелок явно не был уроженцем империи. У него был очень сильный акцент, и это мешало точно определить его происхождение.

– Мы интересуемся, – сказал Тигхи, вежливо поклонив-

шись, – как шли боевые действия прошлой ночью?

– Тяжелые бои, – ответил стрелок, отвернувшись от юноши и вновь устремив взгляд в восточном направлении. – Тяжелые бои.

– Что ты хочешь? – прошипел другой стрелок с таким же акцентом.

– Ничего, господа, – ответил Тигхи, чуть отступив назад. – Ничего.

– Платон?

Первый стрелок неприязненно посмотрел на Тигхи. При этом дуло его ружья угрожающе сдвинулось в сторону юноши.

– Мы – флатары, достопочтенный господин. Удачи вам, именем Пап!

– Флатары, – презрительно пробурчал стрелок, убирая ружье. – Бездельники. Шваль.

Тигхи поспешил к своим товарищам, стоявшим неподалеку:

– Он сказал, что вчерашней ночью шли тяжелые бои. Мы спустимся на базовый уступ нашего платона.

Он взял Ати за руку и потащил его за собой.

Гуськом флатары торопливо прошли к лестнице и спустились по ней. Через пару-другую минут они уже были на базовом уступе. Там никого не было. Они заглянули в землянку личного состава, но и та была пуста, если не считать разобранных змеев. Брусья и узлы с мягкими деталями сиротли-

во валялись у стены. Ни одной живой души, ни пилотов, ни Уолдо.

– Где Уолдо? – спросил Равилре несколько раз со слезами в голосе. – Где Уолдо?

– Уолдо сказал бы нам, что нужно делать, – холодно заметила Пелис. – Что мы будем делать, Тигхи?

– Что мы будем делать? – как эхо отозвался Мулваине.

Тигхи яростно поскреб затылок; у него опять зачесались шрамы.

– Мы должны найти его.

– Он мертв, – похоронным тоном заявил Ати.

Равилре начал скулить. Его глаза подернулись влагой.

– Хватит! – рявкнул Тигхи, пытаясь подражать интонации и манерам Уолдо. – Не хныкать! Мы теперь воины. Мы сражались много дней! Не забывайте об этом!

– Да, – подтвердил Ати и встал рядом с ним. – Воины!

– Если Уолдо погиб, мы явимся к Кардинелле, и он скажет нам, что делать. Однажды я встречался с Кардинелле, и он знает меня. Я в этом уверен. Я поговорю с ним.

– Я говорил с самим Папой, – напомнил Ати.

Он переминался с ноги на ногу с таким видом, будто был готов в любую секунду сорваться с места и бежать к Папе. Такое возбужденное состояние друга не понравилось Тигхи. Он знал, что оно легко может смениться унынием и паникой.

Воздух содрогнулся от взрыва огромной мощности. Вся пятерка дружно повернула головы на восток. Из-за отрога

вверх поднимался большой серый столб пыли, который затем стал похож на гигантский гриб. Через несколько секунд он рассыпался и осел. Издали, заглушённые этим облаком, донеслись человеческие крики, слившиеся в общий не то вой, не то визг.

– Что это? – испуганно спросил Равилре.

– Наверное, наши прорвали фронт Отре, – предположила Пелис.

– Наверное, наши прорвали фронт Отре, – повторил за ней Мулваине. Его глаза округлились от радостного возбуждения. – А вдруг им это удалось?

– Мы прорвались! – заорал во весь голос Ати и запрыгал на месте.

– Давайте соберем змеи и поднимемся в воздух, чтобы посмотреть, что происходит, – предложил Мулваине. – Сделаем облет театра военных действий, и тогда нам все будет ясно.

– Нет, – возразил Тигхи.

В наступившей тишине все недоуменно уставились на него.

– Нет, – повторил он. – Это не лучший выход. Мы должны подняться на главный выступ и найти Уолдо.

Мулваине вопросительно взглянул на Ати, и у Тигхи вдруг появилось ощущение, что все висит на волоске. Однако Ати кивнул, и Мулваине тоже закивал.

– Очень хорошо, – сказал он.

– Пошли, – скомандовал Тигхи, не желая терять такой благоприятный момент для укрепления своего авторитета.

Мощный взрыв посеял в душе Тигхи семена дурного предчувствия. Когда он поставил левую ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на главный выступ, сверху послышался очень громкий и частый треск. Через минуту-другую он прекратился, но вскоре возобновился. Если бы не громкий звук, это можно было бы принять за ружейную перестрелку. Все флатары замерли на месте. Затем воздух прорезал высокий жалобный вой, похожий на жужжание часового механизма, однако куда более громкий. Затем раздался частый и нестройный стук, будто друг о друга застучали кости, десятки костей, как барабанный бой.

Наконец наступила тишина.

– Что это? – спросила Пелис вполголоса.

– Вперед! – приказал Тигхи. Он схватил Мулваине за куртку, а Ати за руку, силой увлекая их за собой. – Быстрее!

Тигхи стал быстро подниматься по лестнице, хотя искалеченную ногу при каждом шаге пронзала острая боль.

Наверху, на выступе, царил абсолютный хаос. Люди бежали в обоих направлениях. Тигхи не стал подниматься на выступ, а лишь высунул голову над верхней ступенькой, на уровне выступа. Остальные флатары в ожидании замерли на лестнице.

Тигхи наблюдал за разыгравшейся на его глазах трагедией поражения снизу. Быстро семенящие ноги, ружья, волоча-

щиеся по земле, вопли, крики, в которых нельзя было ничего разобрать, кроме ругательств. Какой-то солдат вдруг растянулся в пыли во весь рост – то ли он споткнулся, то ли его толкнули. Придя в себя, солдат быстро вскочил на ноги и побежал дальше.

– Что ты видишь? – крикнул Мулваине, замыкавший цепочку флатаров, стоявших на лестнице.

– Муравьев, – ответил Тигхи, и этот ответ скорее предназначался для него самого, чем для других. – Муравьев.

Откуда-то справа донеслись звуки ружейной перестрелки.

Глава 18

В одно мгновение ситуация на выступе резко изменилась. Хаос, родившийся из паники, в результате которой боеспособные и дисциплинированные части Имперской армии превратились в обезумевшую от страха толпу, уступил место бою. Тигхи изо всех сил вцепился в лестницу, над верхней ступенькой которой, находившейся вровень с выступом, была видна только верхняя часть его головы.

Солдаты, которых юноша видел прямо перед собой, прижимались спинами к стене, пытаясь укрыться от ружейного огня противника, и при этом что-то кричали друг другу. Около дюжины солдат с заряженными ружьями ринулось вперед. Тигхи увидел в дальнем конце выступа тех, кого они атаковали. Это были одетые в серую форму солдаты Отре. Они рассредоточились цепью поперек выступа и, припав на колено, уже целились из своих ружей в контратаковавшего противника. Залпы обеих сторон слились воедино, и в воздухе появились два ряда струек дыма, поднимавшихся вверх из дул ружей. Несколько имперских солдат рухнуло на землю.

То, что произошло после этого, Тигхи не совсем понял. Во-первых, он не мог похвалиться острым зрением, а во-вторых, мешали облачка порохового дыма, закрывавшего от него солдат Отре. Тигхи показалось, что солдаты, стреляв-

шие с колен, положили свои ружья на землю и выхватили ножи из ножен на поясах. Но затем оказалось, что это вовсе не ножи, потому что стрелки Отре направили их на имперских солдат. Воздух опять разорвал треск выстрелов. Засветили пули.

И опять синие куртки понесли потери. Несколько трупов валялось в пыли почти у самых ног противника. Один солдат поднял обе руки вверх и, пошатываясь, побрел в обратном направлении. Не успел он сделать и десятка шагов, как его левая нога соскользнула с края мира, и тело солдата, кувыркаясь, полетело вниз.

Атака захлебнулась. Имперские солдаты дрогнули и пятились назад.

Теперь Тигхи хорошо видел, что солдаты Отре занимают лестницу на восточных подступах к выступу по всей ее высоте. Они перезаряжали ружья и вели огонь залпами. Имперские солдаты, прижавшиеся к стене, отвечали разрозненными выстрелами.

Мулваине толкал Тигхи в копчик.

– Я тоже хочу посмотреть! – кричал он. – Я хочу посмотреть, как они дерутся.

Его голова появилась рядом с головой Тигхи. Мулваине был настолько потрясен увиденным, что у него отвисла челюсть.

– Не высовывайся, – приказал ему Тигхи. На фоне почти непрерывной ружейной трескотни его громкий голос был по-

чти не слышен. В нос ему шибанул запах сгоревшего грибного пороха, очень похожий на запах древесного угля, Тигхи чихнул.

– Отре! – задыхаясь от изумления, проговорил Мулваине. Он полез вверх, и его голова и плечи целиком показались из-за выступа, однако Тигхи схватил его за куртку и попытался опять стащить вниз.

– Нет! – крикнул он. – Стой!

Казалось, что треск ружейной перестрелки гипнотизировал Мулваине. Недалеко от лестницы стоял согнувшись имперский солдат, долго целившийся из своего ружья. Вдруг он резко выпрямился, выронив ружье, и схватился обеими руками за горло, падая навзничь. В следующую секунду он уже лежал на земле без движения, и его руки были безжизненно раскинуты.

– Посмотри туда! – воскликнул Мулваине. Горячка боя, похоже, захватила его целиком. Он не отдавал себе отчета в своих действиях, и даже близкое дыхание смерти не заставило его прийти в себя.

Пуля ударилась в землю совсем рядом с тем местом, откуда Тигхи и Мулваине наблюдали за ходом боя. Выбитые ею из поверхности выступа комочки земли и пыли обрушились на лица юношей. Тигхи дернул изо всех сил за куртку и стащил Мулваине вниз.

– Идиот! – крикнул он ему в лицо.

Мулваине вздрогнул, стряхнув с себя странное оцепене-

ние. Его внезапно охватил страх.

– Нам нельзя оставаться здесь! Мы должны немедленно спуститься на базовый уступ.

Тигхи рискнул еще раз высунуть голову из-за края выступа. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь найти единственно верный выход. Если они спустятся на базовый уступ, то окажутся в тупике. Ведь они наверняка попадут в плен, если только не улетят на своих змеях. Однако время уже близилось к пятидесяти, и восходящие потоки скоро должны были совсем ослабнуть. Им оставалось лишь одно – подняться на выступ и бежать на запад, в Сетчатый Лес. Правда, это было очень рискованно. Смертельно опасно. Перестрелка с каждой минутой усиливалась.

Издав странный булькающий звук, в землю рядом с лицом Тигхи врезалась еще одна пуля. В воздух взвился фонтанчик пыли.

– Нужно спускаться на уступ! – продолжал канючить перепуганный Мулваине. – Чего ты ждешь?

И все же никто не тронулся с места, и Тигхи понял почему. Они ждали, чтобы он сказал им, что сейчас нужно делать. Они ждали его команды.

– Если мы спустимся вниз, то рано или поздно, но окажемся в лапах Отре. Ведь оттуда нет другого пути, кроме как через эту лестницу.

Ати трясся, объятый ужасом, и прижимался к земляным ступенькам лестницы с такой силой, будто хотел растворить-

ся в стене.

– Мы погибнем здесь! – Его голос походил на птичий писк.

– Нам нужно бежать назад по выступу. Бежать в Сетчатый Лес.

– Нет, нет, нет, – произнес Мулваине, ударив себя по голове ладонями. – Нет, это опасно.

Наверху послышался многоголосый рев, и Тигхи осторожно высунул голову. Имперские войска опять предприняли попытку контратаковать в восточном направлении и отбросить наседавшие подразделения Отре. Восемь-девять солдат в синих куртках устремились вверх по склону выступа с ружьями наперевес. Едва они миновали наблюдательный пункт Тигхи, как защелкали выстрелы с противоположной стороны. Тигхи услышал глухой стук, похожий на причмокивание языком. Два стрелка пошатнулись. Один повернулся в обратном направлении и медленно опустился на четвереньки. Его глаза побелели до такой степени, что Тигхи не мог разглядеть в них даже зрачков. Из рта густым фонтаном хлынула кровь. Затем стрелок повалился на выступ вперед головой, словно целуя землю открытым ртом. Контратака захлебнулась, и оставшиеся в живых солдаты побежали в обратном направлении, показав Отре спины. И тут же одному из них пуля попала прямо в затылок и разнесла его вдребезги. Брызги крови и мозгов разлетелись в разные стороны, и какая-то их часть попала Тигхи на лицо.

Теплые капельки чужой крови усеяли его щеки и лоб.

Тигхи оцепенел. Это был не страх. Ощущение чего-то тошнотворно противного на короткое время парализовало его мысли и чувства. В горле сперло так, что он не мог издать ни звука. Стрелок, уже убитый, сделал еще пару шагов по инерции и остановился как вкопанный. Тигхи на секунду закрыл глаза. Когда он открыл их, стрелок все еще стоял. Его голова треснула, как глиняный кувшин. Подбородок, рот, два широко открытых глаза и острый нос, доходивший до переносицы, были на месте. Все остальное отсутствовало. Дальше голова заканчивалась ровной линией. Однако солдат не падал. Он стоял чуть пошатываясь, и его глаза, не мигая, смотрели прямо на запад. Рядом с ним просвистела еще одна пуля, продырявив насквозь рукав синей куртки. А солдат просто стоял.

Беги, хотел крикнуть ему Тигхи, но слова никак не шли с языка, который будто прилип к небу. Беги.

– Беги! Беги!

Но солдат упрямо стоял на месте, слегка пошатываясь. Тигхи потрогал рукой свое лицо, липкое от крови, и его живот отозвался на это противное ощущение спазмами. К горлу подступила тошнота.

– Нет! – закричал он. – Нет!

– Тигхи, – окликнул его снизу Мулваине. – Уходим!

Однако теперь и мозг юноши словно оцепенел. Тигхи пришло в голову, что он может обречь своих товарищей

на смерть, но юноша не мог даже пошевелиться. Ужас случившегося был слишком велик. В уголках глаз появились вспышки яркого белого света. Затем сместились в его голову и теперь рассыпались по ней ослепительными искрами. Тигхи явственно ощущал странный запах, экзотический и странный, и в то же время пугающий; он заглушал даже запах крови и сгоревшего грибного порошка. Рука юноши дрожала. В глубине его мозга родился солнечный свет, который быстро заполнял всю голову.

Он шевелил губами, но слова никак не шли изо рта.

Все предметы стали вдруг приобретать бледновато-белый оттенок. Синие мундиры солдат, серо-коричневая поверхность уступа и пастельные тона стены поблекли. Даже грохот боя отступил на задний план.

Вспышки появлялись в мозгу с регулярностью ударов сердца, окрашивая все в ослепительно белый цвет. Но самое главное – у Тигхи возникло такое чувство, будто он проник в будущее и все вещи приобрели другое значение. Это ощущение являлось к нему и в детстве, но теперь оно было столь мощным, что захлестнуло его с головой. Тигхи почувствовал, что никогда еще не был так близок к пониманию сути всего, к раскрытию тайны самой мировой стены. Ее величины, ее масштаба. И того, что они увидят за Дверью.

Кто-то шлепнул Тигхи по пояснице. Один из флатаров пытался привлечь его внимание.

Все происходящее казалось сном.

И как во сне, убитый солдат, стоявший перед Тигхи, покачнулся – движение было почти неуловимо для глаза, – но каким-то непостижимым образом не рухнул. Он все так же стоял на ногах.

Затем послышался звук, который возник из ничего и быстро превратился в нарастающий свист, сломавший колдовское оцепенение. Звук исходил от пули Отре, устремившейся к солдату. Все ближе и ближе, и наконец она – чпок! – вошла в спину стоящего мертвеца, точно посреди лопаток. Силой удара солдата толкнуло вперед, словно колосса на глиняных ногах, и он свалился в пыль.

Этот звук снял с Тигхи наваждение. Он вздрогнул и оглянулся. Увидел испуганные лица товарищей. Ати шлепал его ладонью по спине, пытаясь вывести из этого странного состояния.

– Что с тобой? – крикнул Ати.

В воздухе неистовствовал железный шквал. Свист и жужжание пуль, крики и стоны раненых, предсмертные хрипы умирающих – все снова ворвалось в уши Тигхи. Он услышал и понял вопрос Ати и с радостью ответил бы на него, если бы знал нужные слова имперского языка, с помощью которых мог бы объяснить, что на него нашло какое-то оцепенение, что он ушел в себя и отключился от восприятия происходящего. Что он был на грани познания самой мировой стены, ее масштаба, ее тайны. Почему Бог создал ее и – нет, не это! – а осознание, кто такой Бог, и что означает встреча

с Ним. Тигхи был на грани открытия нового, непознанного. Это было все равно что стоять на краю мира перед прыжком.

Тигхи медленно огляделся вокруг. Все казалось еще более отстраненным от реальности, чем до того, как на него нашло наваждение. Вопли, беготня, пули, свистящие мимо. Он приложил ко лбу ладонь и провел ею по голове до самого затылка. Что-то было не так. Как во сне.

– Там! – завопил Ати. – Там!

Он показывал вниз, куда-то в небо.

Тигхи проследовал взглядом туда, куда указывала рука Ати. Крайне обостренное восприятие помогло ему понять увиденное.

Это был калабаш. Меньше чем имперские калабаши, весь серебристый, странной формы и конструкции. Не шар, а скорее продолговатый цилиндр, сужавшийся к середине, и, кажется, он был сделан из металла, а не из ткани или кожи. Такое было немислимо. Нельзя даже представить себе, что металл летает или что его можно сделать таким тонким, чтобы в нем содержался горячий воздух. Снизу у этого странного калабаша не висела корзина. Вместо нее торчала путаница ног и клешней, как у насекомого.

Серебристый калабаш летел в нескольких сотнях рук от стены, слегка покачиваясь. Повернув голову, Тигхи посмотрел на выступ. Похоже, никто из солдат воюющих сторон не замечал странную штуковину, что еще более усилило в юноше ощущение нереальности или сна. Сверху послышался ряд

громких ударов. Затем раздался стон, который, как показалось Тигхи, принадлежал умирающему солдату. Однако стон перешел в очень высокий вой, который, судя по силе и стабильности, вряд ли мог происходить из какого-то естественного источника.

– Что это за шум? – удивился Тигхи.

Звук стал еще более интенсивным, но затем вдруг умолк. Через пару десятков секунд звук возобновился, но уже как низкий гул, который опять стал переходить во все более высокий вой.

– Что это?... – прокричал Ати.

Из глаз его текли слезы, а рука была вытянута в направлении калабаша, который медленно поднимался в воздухе по диагонали.

В небе раздался громоподобный голос.

– Тигхи! – оглушительно прогудел этот голос.

Он застал Тигхи врасплох, потому что его таинственный владелец произнес имя юноши точно так же, как его произносили в деревне. Граждане Империи обычно спотыкались на двойных согласных. Громоподобный голос заговорил снова:

– Тигхи!

До юноши наконец дошло, что слово, сотрясающее небеса, – не что иное, как его имя. Крошечная стена, высотой не больше, чем в три руки; муравьи, бегающие по всем ее миниатюрным уступам и верящие в то, что они люди. Все

это было совершенно нереально. Сердце Тигхи стучало будто молот. В уголках его глаз опять появились вспышки яркого света. Это ощущение ему не нравилось.

Тигхи стал втягивать воздух через ноздри, наполняя им легкие. Так делают все люди, когда собираются закричать во весь голос. В третий раз прогрохотало его имя:

– Тигхи!

– Вперед! – выдохнул из себя Тигхи, обращаясь к четверем флатарам, стоявшим на лестнице.

У юноши возникло странное ощущение, будто внутри него разорвалась нить, сдерживавшая его, и теперь он мог распрямиться.

– Командир! – в смятении крикнул Ати. – Вниз...

– Нет, – завопил Тигхи, наклоняясь вперед и хватая Ати за волосы. – Наверх. Быстрее! Быстрее!

С этими словами он, преодолев последние ступеньки, выскочил на поверхность выступа.

Разрозненные детали обстановки, царившей там, не объединились в его сознании в одно целое. Перед собой Тигхи видел дорогу, широкий выступ, справа ограниченный стеной (вдоль которой стояли и лежали без движения синие куртки), а слева – только небом. Увидел лица солдат, заметивших внезапное появление этой горстки флатаров и уставившихся на него в изумлении или с неприязнью. Увидел и маленькие фонтанчики пыли, выраставшие как грибы из земли и тут же опадавшие. Следы пуль, которые ударились в землю у его

ног.

– Пошли, – сказал Тигхи, не будучи уверен, слышат ли его остальные, да, впрочем, нимало не заботясь об этом. – Вперед. Бог послал нам испытание.

И он пошел по выступу.

Почти сразу же его обогнали Мулваине и Ати, которые бежали, наклонив головы и виляя из стороны в сторону. За ними, согнувшись, последовали Равилре и Пелис. Равилре вдобавок охватил голову руками и оттого имел довольно забавный вид.

– Бог испытывает нас! – крикнул Тигхи своим товарищам, когда те пробежали мимо него, и засмеялся, потому что вдруг до него дошло, что он говорит на своем деревенском языке.

Новизна и интенсивность ощущений опьяняли его. То, как они бежали, пригибаясь и петляя, казалось Тигхи попыткой обхитрить Бога, сжутьничать, пройти испытание недостойным способом. По мысли Тигхи, существовал лишь один способ сделать это: пройти спокойно с прямой спиной, не роняя своего достоинства и бросая вызов устройтею этого испытания – Богу. Пусть он убьет его или искалечит, если сможет.

Солдат, прижавшийся к стене, крикнул что-то Тигхи и, отделившись от стены, побежал ему наперерез, очевидно намереваясь перехватить юношу. В левой руке у него было ружье, а правую солдат вытянул вперед, пытаясь схватить Тигхи. Юноша улыбнулся ему. Солдат опустился на одно ко-

лено, как бы пародируя покорное послушание. У него была впалая грудь, в которой зияла большая дыра. Концы ребер торчали наружу, словно сучья. Солдат сунулся головой вперед и, падая, сильно ударился лицом о поверхность выступа.

Тигхи ринулся вперед. Он не отдавал себе отчета в том, что произошло, почему он вдруг перешел с шага на бег. Просто сон внезапно приобрел неприятное качество. Юноша испытывал странное ощущение, какое часто являлось к нему в кошмарах. Ему почудилось, что кто-то следит за ним, гонится. Что его преследует нечто чудовищное.

Гигантская рука, рука Бога, протянулась вниз, чтобы забрать этого муравья со стены. Увидят ли другие Божью длань? Или же она останется для них невидимой силой, а пальцы, нежно прикасающиеся к телу Тигхи, не чем иным, как средоточием ветров? А магическое воспарение калабаша? А что, если он взлетит в воздух и солдаты, став свидетелями его вознесения, от изумления бросят оружие?

Тигхи не бежал, а скорее быстро ковылял: искалеченная нога не давала возможности бежать ровно и легко, отталкиваясь обеими ступнями. Неуклюжей рысцой юноша пробежал по выступу совсем немного и вдруг почувствовал, как здоровая нога запнулась о какое-то мягкое препятствие, холмик или кочку. Тигхи выбросил вперед левую ногу, чтобы избежать падения, однако больная нога не выдержала нагрузки. Лодыжка подвернулась, и юноша рухнул на колени.

Часто дыша, он оглянулся. На выступе лицом вниз лежал

Мулваине.

Все еще находясь в состоянии странного забытья – его сознание как бы абстрагировало от всего того, что он только что пережил, – Тигхи сначала подумал, что флатар мертв. Он встал на ноги и, хромая, подошел к лежащему телу. Мулваине тихонько скулил.

Тигхи опустился рядом с ним на корточки:

– Мулваине?

– О, как больно, – причитал Мулваине. – Очень больно.

– Тебя подстрелили?

– Мне больно, очень больно, – скулил Мулваине, скорчившись и хватаясь за ногу. Правая штанина его брюк потемнела от крови.

– Тебе попали в колено? У тебя прострелено колено?

Мимо них пробежала кучка имперских солдат. Тигхи бросил быстрый взгляд на выступ. Впереди виднелось скопление синих курток.

– Ладно, – проговорил Тигхи бодрым голосом. – Ничего страшного не случилось. Вставай.

Он просунул руку под мышку Мулваине и попытался хотя бы посадить его.

– Осторожно! Ой, больно! – проскулил Мулваине.

– Не важно, – настойчиво сказал Тигхи, – мы должны встать.

Он поднатужился изо всех сил, и тело Мулваине оторвалось от земли. Опершись рукой о землю, Мулваине медлен-

но сел.

– Я не могу идти, – произнес он сквозь стиснутые зубы. – Моя нога...

– Пойдем, – проговорил Тигхи, стараясь голосом выразить всю бедственность их положения, хотя сам он вовсе не считал его бедственным.

Он взял Мулваине под мышки и с огромным трудом стал его поднимать. Очень медленно, сильно пошатываясь, оба юноши встали на ноги. Мулваине буквально повис на Тигхи.

Постояв немного и отдышавшись, они в обнимку, еле переставляя ноги, двинулись на запад, в направлении Сетчатого Леса. Мулваине хромал куда сильнее, чем Тигхи.

Глава 19

Они медленно ковыляли по выступу. Мулваине то и дело причитал: «Больно, ох, больно. Невыносимо!» – в такт шагам, словно произносил какую-то молитву или заклинание. Наконец он взмолился:

– Все, хватит. Больше не могу. Отпусти меня.

Тигхи был вынужден опустить его на землю. И сразу испытал огромное облегчение: с плеч как гора свалилась.

Пока Мулваине скулил и нянчил раненую ногу, привалившись спиной к стене, Тигхи внимательно осмотрелся. Теперь они находились вне пределов досягаемости ружейного выстрела. Оглянувшись, юноша увидел фонтанчики пыли, выбиваемые пулями, и солдат в синей форме, неподвижно лежащих на земле. Их было уже гораздо больше, чем тех, кто еще стоял, прижавшись к стене, и отвечал огнем на огонь.

– Пора идти, – сказал он Мулваине.

– Оставь меня здесь, – отмахнулся тот раздраженно и в то же время жалостно. – Ох, нога, моя нога. Что мне теперь делать? Оставь меня здесь.

– Если я оставлю тебя здесь, – произнес Тигхи, – Отре заберут тебя, когда явятся сюда. Ты этого хочешь?

Вскинув голову, Мулваине взглянул Тигхи в лицо – белевые имперские глаза загадочно переливались на свету, будто драгоценные камни. Его лицо было блее обычного, на-

столько бледное, что походило на особый вид пластика, кусок которого Тигхи видел в теперь уже далеком детстве. Оно было таким белым, что казалось почти прозрачным.

– Пойдем. Нужно спешить, – терпеливо, не повышая тона, проговорил Тигхи.

– Ладно, – пробурчал Мулваине сквозь стиснутые зубы. – Ладно.

Он протянул Тигхи руку, чтобы тот помог ему встать.

Они опять заковыляли по выступу в западном направлении. Навстречу иногда попадались солдаты, которые спешили в обратную сторону мелкими группками по два-три человека. Очевидно, они еще не знали, что участь сражения уже решена. Через некоторое время эти же и еще несколько других солдат опять обогнали их. Теперь они покидали поле боя, спеша в противоположную от него сторону, в объятия Сетчатого Леса, которые, наверное, казались им гораздо менее опасными, чем пули, роем летавшие над выступом.

– Они, – сказал Тигхи, делая паузу после каждого слова, чтобы перевести дух, – уходят. Война. Проиграна.

– Не говори этого, ты – ты, варвар, – злобно отозвался Мулваине, испытывавший физические и нравственные муки. – Мы... мы сплотимся, прорвемся, они... они отбросят Отре назад.

Тигхи промолчал. К этому времени они добрались уже до дальнего конца выступа и теперь должны были спуститься по пологому уступу. Здесь их поджидал Ати, который сидел на

корточках у стены, засунув руки под мышки. Завидев приближающихся Тигхи и Мулваине, он вскочил:

– Что случилось? Что случилось?

– Мулваине, – проговорил Тигхи, задыхаясь, – ранен.

– О, нога, моя бедная нога, – простонал Мулваине. – По моему, мне прострелили колено. Просто сил нет, как болит. О боже, я больше не могу.

Подойдя к Мулваине с другой стороны, Ати перекинул его руку себе через плечо и стал помогать Тигхи тащить раненого.

– Остальные ребята где-то тут, поблизости, Тигхи, – сказал он. – Они уже на опушке Сетчатого Леса. Там мы найдем убежище, так ведь, Тигхи?

– Да, там Отре нас не найдут, – подтвердил Тигхи, однако голос его был безрадостным.

Трое бывших флатаров упорно ковыляли к лесу. По крайней мере двое из них были преисполнены решимости во что бы то ни стало добраться до него. Прошло около часа, и на горизонте перед ними уже замаячил Сетчатый Лес. Солнце уже стояло высоко в небе, и неровная поверхность леса благодаря отбрасываемым теням выглядела сверху еще более изрезанной. На излете дня листья казались совсем темными. Спускаясь по пологому уступу, юноши уже могли видеть маленькую полукруглую поляну, окруженную путаницей кривых стволов платанов, на которую они вышли из Сетчатого Леса на пути сюда. Поляна зияла перед ними черным овалом

подобно глазнице черепа.

Снизу к ним уже спешили Пелис и Равилре.

– На блокпосту никого нет. Все разбежались, – крикнул на бегу Равилре.

– Мы видели, как шесть солдат пробежали по выступу и скрылись в Сетчатом Лесу, – добавила Пелис.

– Война проиграна, – сказал Тигхи. – Мы потерпели поражение.

– Больно, ой-ой, больно! – стонал Мулваине при каждом шаге.

– Мы должны спрятаться в Сетчатом Лесу, – не терпящим возражений тоном произнесла Пелис. – Иначе угодим в лапы к Отре.

При этой мысли все пятеро погрузились в молчание, представляя, что будет, если Отре возьмут их в плен.

– Пойдем, – сказал Тигхи. – Помогите Ати нести Мулваине, а то я уже совсем выдохся.

Он снял со своего плеча руку Мулваине, которую принял у него Равилре, потащивший вместе с Ати обмякшее тело товарища дальше. Сильно хромавший Тигхи двигался теперь впереди.

Равилре сказал правду. Блокпост был пуст. Сознание Тигхи, вернее его прежняя частичка, с завистью отреагировало на все это богатство: столько древесины, досок! Однако что проку? Унести с собой он это не мог, даже если бы захотел, даже если бы его товарищи по несчастью согласились по-

мочь. Как пронести доски через непроходимую чащобу? Да и о каких досках можно думать сейчас, когда нужно срочно уносить отсюда ноги. Ведь совсем скоро здесь должны оказаться передовые части армии Отре.

Как только на беглецов упала спасительная тень Сетчатого Леса, они остановились и решили сделать привал, посадив Мулваине на землю и прислонив спиной к стволу платана. Раненый уже больше не стонал и не причитал на каждом шагу. Он, похоже, погружался то ли в сон, то ли в какое-то полузабытье.

– Отре, – сказал Тигхи. – Они пойдут по этой дороге. Нам нельзя оставаться у них на пути.

Мулваине сидел с закрытыми глазами. Ати, Пелис и Равилре устремили свои взгляды на Тигхи.

– Что же нам делать? – спросила Пелис.

– Мы не можем влезть на деревья и спрятаться в их кронах, – произнес Тигхи, показывая правой рукой на густую листву деревьев над их головами. – Мулваине слишком плох. Нужно где-то залечь, найти какое-то укромное местечко и затаиться там. Отре пройдут мимо и не заметят нас.

Он по очереди посмотрел каждому из троицы в глаза, чтобы сделать свои слова еще более весомыми.

– Ладно, пора двигаться, – сказал он, – мы должны протаскать Мулваине через эти заросли.

Ати перекинул себе через шею одну руку раненого, Равилре – другую, и вместе они потащили теперь уже бесчувствен-

ное тело Мулваине от дерева к дереву, подальше от опушки, хорошо просматривавшейся с выступа, в поисках скрытого от посторонних глаз места.

– Бог послал нам испытание, – сказал Тигхи сначала на своем родном языке, а затем на имперском.

Книга третья

ЧЕРЕЗ ДВЕРЬ

Глава 1

Через Дверь, которая медленно поворачивается на своих огромных петлях и издает ужасный скрип. Вперед по ступенькам, над которыми возвышается лицо Бога, широкое, как: мир. Изрезанное складками и испещренное морщинами, созданными природой на поверхности стены. Можно было бы подумать, что оно из мрамора, если бы не дыхание, с оглушительным ворчанием и шипением вырывающееся из его губ. Ресницы лица так медленно смыкались и размыкались, что казалось, за это время день успевает смениться ночью, и наоборот.

Серебристый калабаш: странное видение, скорее похожее на призрак, чем на осязаемый предмет. Плывущий в пространстве.

Чье-то лицо: его отца, да, он совсем было уверился в этом, но в следующую секунду оказалось, что оно принадлежит имперскому солдату, а затем оно исчезло в фонтане кровавых брызг.

Крошечные капельки усеяли кожу Тигхи. Роса с листьев

платанов Сетчатого Леса.

Тело юноши забила мелкая дрожь, и он проснулся. Мулваине был здесь, рядом с ним, он дышал часто и неровно. Пелис пригоршнями запихивала в рот листья и, пережевывая, высасывала из них влагу. Спавший Равилре храпел.

Тигхи чувствовал боль в животе. Он был голоден. Чтобы его не сдуло с мира рассветным штормом, юноша забрался в расщелину, образованную двумя стволами платана, росшими из одного корня – ни у кого из беглецов не осталось ни поясов, ни одеял. Тигхи задрал рубашку и посмотрел на свой живот. Его нижняя часть была покрыта сплошными кровоподтеками, которые переходили и на спину.

– У нас нет еды, – сказал Ати, спрыгивая с большого сука, на котором сидел. – Я подумал, что мы могли бы пойти и насобирать насекомых, однако здесь нет никаких насекомых.

– Мы должны раздобыть пищу, – произнесла Пелис, вытирая рот.

Тигхи протянул руку вверх и, сорвав несколько листьев с веток, росших над головой, запихнул их в рот. Влага немного смягчила и успокоила сгоравший от сухости рот, однако привкус был невыносимо горьким, и юноша вскоре выплюнул плохо пережеванную массу.

Мулваине застонал.

– Тигхи, – начал Ати, усаживаясь на тот же сук, на котором сидел его друг. – Что будем делать?

– Да, что нам делать? – словно эхом отозвалась Пелис.

Тигхи переводил взгляд с одного лица на другое. Он не знал, что делать. Равилре осунулся и вообще не похож на самого себя. Смерть Бел выбила из него жизненный стержень, и теперь он, казалось, старел с каждой минутой. Его глаза ушли далеко в глубь черепа. Снизу их окаймляли большие складки серой кожи, а сверху нависали резко очерченные надбровья. На бледном лице Пелис красовались многочисленные царапины, а длинные спутанные волосы торчали в разные стороны, придавая девушке вид старого, облезлого пса. Все выглядели донельзя изнуренными. Если у кого-то и осталось хоть немного прежней энергии и отваги, в которых не было недостатка ни у одного флатара платона еще пару недель назад, то этим человеком был Ати.

Память Тигхи начала быстро прокручивать картины вчерашнего дня: хаос сражения, появление диковинного серебряного калабаша, некий голос, который, казалось, принадлежал самому Богу, произносивший его имя. Все это оставляло впечатление нереальности. Словно утренний туман, сначала плотный и непроницаемый, а затем легкая дымка, тающая на глазах.

Он глубоко вздохнул. Нужно было что-то сказать.

– Сначала мы найдем пищу, – проговорил он.

Ати и Пелис пытливо посмотрели на Тигхи.

– Мы будем искать пищу и найдем ее. У вас есть с собой фляжки? Для воды?

Ати и Пелис отрицательно покачали головами.

– Ладно, тогда мы должны идти от источника к источнику. Или найти источник и остаться у него. Найти пищу. – Он сделал жест в сторону Мулваине. – Сначала он должен выздороветь, и только потом мы сможем пройти через Сетчатый Лес на запад. Правильно? Мы сможем вернуться домой.

– Домой, – сомневающимся тоном произнес Ати.

– Пелис, а где твой дом?

– В Имперском Городе, – ответила девушка. – Равилре – мой земляк. Он тоже оттуда.

– Значит, ты вернешься туда. Ати, а твой дом внизу стены?

Ати утвердительно кивнул.

– Ты отправишься туда. Я вернусь и поговорю с Папой, – пообещал Тигхи.

Эта мысль вызвала в нем такой прилив чувств, что у него даже закружилась голова. Собственная решимость пьянила и восхищала юношу. Он отправится в Имперский Город, явится к Кардинелле, который посетил его, когда он лежал в госпитале, явится к одному из самих Пап и убедит их поднять его вверх по стене в калабаше. Он вернется в деревню героем. Ему будет что рассказать.

– Говорить с Папами? – недоверчиво переспросил Ати. По его лицу пробежала скептическая усмешка. – Ты безумный варвар! С какой стати Папы захотят разговаривать с тобой?

– Они будут говорить со мной, – упорствовал Тигхи.

– Военный Папа принял меня за того парня, который сва-

лился откуда-то сверху стены! – заявил Ати.

Его разобрал смех. Пелис тоже захихикала. Шум разбудил Равилре, который закричал и заворчал во сне.

– Прекрати! – приказал Тигхи, хотя и сам уже начал заражаться смехом.

Он старался выглядеть суровым и непреклонным, но губы уже искривились в улыбке против его воли. Тигхи попытался поджать их и не терять серьезности, однако ничего не получилось. Неудержимый хохот вырвался у него изо рта, и, подавшись вперед, Тигхи принялся лупить Ати по голове. Обессиленный смехом Ати с трудом парировал удары друга.

– Что вы ржете? – спросил проснувшийся Равилре.

Внезапно раздался громкий крик Мулваине. Его тело начали колотить сильная дрожь. Все разом перестали смеяться. Тигхи, Ати и Пелис обступили обливающегося потом друга. Тяжелый сон по-прежнему не отпускал его из своего плена. С плотно сомкнутыми веками и крепко сжатыми кулаками Мулваине метался из стороны в сторону. Прошлым вечером друзья положили его в своеобразную колыбель – выемку в очень плотной массе маленьких сучьев и веток, но теперь он дергался так сильно, что запросто мог вывалиться оттуда.

– Он упадет, – сказала Пелис.

Тигхи положил руки Мулваине на плечи. Тряска начала передаваться через суставы по рукам в верхнюю часть туловища Тигхи, и у юноши застучали зубы.

– Мулваине! Проснись! Мулваине! – Он мотнул подбо-

родком в сторону Ати. – Возьми его за ноги и прижми вниз.

Ати ухватился за лодыжки, и оба юноши буквально навалились на раненого своими телами.

Очевидно, они придавили раненое колено, потому что Мулваине громко заохал и проснулся. Он замахал руками и широко разинул рот, настолько широко, что Тигхи даже испугался, как бы Мулваине не вывихнул себе челюсть.

– Ахх! Ахх! – стонал раненый.

Ати отпустил его ноги.

– Мулваине, – закричал Тигхи. – Мулваине. Приветствую тебя именем Пап! Проснись!

Глаза раненого завращались, как плоская галька, если по ней щелкнуть пальцем, и лишь зрачки, оставаясь неподвижными, сосредоточились на Тигхи. Мулваине простонал:

– Пить! Хочу пить.

Закрыл глаза и затих.

Наступила тишина.

– Мулваине? – позвал его Тигхи.

Дыхание Мулваине было почти неслышным, его грудь едва двигалась.

– Пить, – снова проговорил он.

Тигхи нарвал пригоршню листьев и прижал их ко рту Мулваине. Влага, оставшаяся на них после рассветного шторма, уже наполовину испарилась, но все же оставшейся хватило, чтобы смочить Мулваине губы. Когда Тигхи убрал комок листьев, он зачмокал и простонал:

– Еще.

– Может, нам лучше отнести тебя к роднику? – спросил Тигхи, наклонившись к самой голове раненого. – К роднику?

– К роднику, – чуть слышно повторил Мулваине.

– Тогда ты напьешься вволю. Ати и Равилре, поднимите его, да поаккуратнее. Есть тут где-нибудь родник? – Этот вопрос Тигхи адресовал Ати, который утром уже успел излазить округу.

Ати пожал плечами. У него был испуганный вид. Да и у Пелис тоже. Состояние Мулваине внушало им большую тревогу.

Тигхи пытливо вглядывался в лица товарищей.

– Он обязательно поправится, – произнес он наконец, – но для этого мы должны отнести его к роднику, чтобы он не страдал от жажды. Питье и еда.

Однако тащить тело Мулваине, которое тряслось в ознобе и обливалось потом, было настоящей пыткой в непроходимых джунглях Сетчатого Леса. Тигхи взял раненого под мышки, а Равилре и Ати соединили крест-накрест руки под его туловищем. Однако стоило кому-то случайно задеть его раненую ногу, юноша начинал орать благим матом и корчиться от боли, и тогда его очень трудно было удержать на весу, не говоря уж о том, чтобы тащить. Ноги Мулваине волочились следом, и когда троим носильщикам приходилось ступать с одного кривого ствола платана на другой, его ноги болтались в разные стороны и ударялись о дерево, и раненый

принимался истошно орать.

Тигхи приказал Пелис идти впереди и искать родник. Девушка раздвинула руками ветки и исчезла в зарослях. Когда она вернулась, на ее лице было очень мрачное выражение.

– Никакого родника я не нашла. Может, нам стоит спуститься пониже?

Ати взвыл, сморщившись, как от зубной боли.

– Только не вниз. Ведь там, как рассказывал нам Уолдо, водятся катерпилы с когтями.

Тигхи согласно кивнул.

– Ну, тогда поднимемся вверх, – предложила Пелис. – Кто знает, возможно, там найдется то, что мы ищем.

Тигхи отрицательно покачал головой:

– Нам не протащить Мулваине вверх. Это невозможно. Поищи снова.

Пелис снова отправилась на поиски, а Тигхи, Ати и Равилре подняли скулящего Мулваине и, пытаясь, перетащили к другому дереву. Там начинался короткий уступ, наполовину вдававшийся в стену и потому закрытый тенью. Тащить по нему раненого было немного полегче. В расщелинах росли грибы.

– Не съесть ли их нам, – вслух подумал Тигхи.

– А вдруг они ядовитые? – предположил Ати. – Ты можешь отличить ядовитые грибы от съедобных?

– Я умираю от голода, – сказал Равилре.

– Было бы огромной глупостью умереть от ядовитых гри-

бов после того, как мы живыми выскочили из такого пекла. Глупо и обидно, – заключил Тигхи.

Однако он тоже ужасно хотел есть, и его желудок время от времени спазматически сокращался, посылая в мозг предупреждающие сигналы боли.

В дальнем конце маленького, поросшего густой травой утеса находилась довольно глубокая расщелина, на другом краю которой стояло могучее дерево. Тигхи сделал глубокий вдох и, выставив вперед правую ногу, мгновенно шагнул через расщелину, как бы оседлав ее.

– Когда я скажу, – произнес он сквозь зубы от натуги, – толкайте вместе со мной, и я поставлю на тот край вторую ногу.

– Что? – спросил Равилре.

– Давай! – приказал Тигхи и попытался вместе с телом Мулваине окончательно перешагнуть расщелину.

Однако вдруг его пах пронзила острая, нестерпимая боль, которая молнией ударила одновременно в ногу и в спинной хребет. Тигхи взвыл, его хватка ослабла. Он все еще стоял широко расставленными ногами, но теперь такая поза причиняла юноше невыносимые страдания. Тигхи зашатался и почувствовал, как Мулваине выскользает из его рук, и из последних сил попытался ухватить его покрепче. Больная нога подвела. Она подвернулась, не выдержав нагрузки, и юноша начал падать, отпустив Мулваине и инстинктивно выставив вперед обе руки.

Тигхи ударился о дерево и вцепился в него обеими руками. За его спиной раздались крики, а затем послышался треск, производимый падающим телом.

Тигхи цеплялся за дерево что было сил; его ноги, все еще горевшие от боли, болтались над расщелиной. Он висел так с минуту, не больше, но это время показалось ему едва ли не вечностью. Затем начал подтягиваться вверх. Извиваясь всем телом, Тигхи перевалился через кривой ствол дерева и шлепнулся на землю лицом в траву, хватая ртом воздух.

В паху кипела и бурлила боль, отдаваясь в бедрах и внизу живота. Наверное, лопнула какая-то жила или кишка, подумал Тигхи. Двигаться он не мог и потому решил полежать на земле. Авось боль утихнет. Следующая мысль была о Мулваине. Забыв о боли, Тигхи повернулся, чтобы посмотреть, что случилось с раненым. К горлу подступила тошнота.

Ати и Равилре стояли на утесе. От Тигхи их отделяло расстояние длиной в руку с небольшим. На лицах было выражение ужаса.

– Мы уронили его, – произнес Ати высоким голосом.

– Он рухнул головой вниз, когда ты отпустил его, – проговорил Равилре. – Его ноги оказались вверху.

– Он был весь в крови, – объяснил Тигхи. – Он выскользнул из рук.

– Пелис! – позвал Тигхи, и его голос затерялся в зарослях. – Пелис! Иди сюда!

Когда Пелис, продираясь сквозь чащу, добралась до того

места, где находились остальные, Тигхи уже сидел на земле и обеими руками растирал у себя в паху, пытаясь таким способом уменьшить жестокую, грызущую боль. Ати начал спускаться вниз, посмотреть, что случилось с Мулваине.

– Мулваине свалился в расщелину, – произнес Тигхи в ответ на немой вопрос растерявшейся Пелис.

Он не мог заставить себя сказать «Мы уронили Мулваине». Это звучало так отвратительно. Боль в паху мешала сосредоточиться. Когда он тер там, боль немного отпускала.

Пелис нагнулась над краем расщелины и посмотрела вниз. Мучимый угрызениями совести, Тигхи лег животом на почти горизонтальный ствол дерева и последовал примеру девушки. Мулваине нигде не было видно, как не было заметно никаких следов его падения – сломанных веток и пятен крови, например, – которые помогли бы определить, куда он упал. Равилре впал в отчаяние и сидел неподвижно, охватив голову руками.

Через некоторое время они услышали голос Ати, взывавший к ним из темноты:

– Он здесь! Спускайтесь вниз!

Пелис и Равилре тут же полезли туда, хватаясь за сучья и ветки. Медленно и осторожно Тигхи встал на ноги. Боль внизу живота теперь ощущалась как слабое жжение и резко усиливалась, лишь когда он напрягался или тазобедренные суставы испытывали давление. Нечего было и думать о том, чтобы спуститься вниз, по крайней мере прямо сейчас. И все

же он попытался сесть на край расщелины и, свесив с него ноги, начать спуск спиной к стене.

– Ати! – крикнул Тигхи. – Пелис! Что там у вас!

– Спускайся вниз, – отозвалась Пелис и исчезла внизу в листве.

Тигхи хотел было сказать, что ему очень больно и он не в состоянии двигаться, но передумал. Ведь он воин, он сражался на войне. Юноша закрыл рот и символически провел указательным пальцем по губам, как бы запечатывая их. Затем, нащупывая опору, потихоньку опустил одну ногу вниз и, кряхтя от боли, начал спускаться.

Глава 2

Ему потребовалось немало времени, наверное, около часа, чтобы спуститься вниз, туда, где были остальные. Мулваине падал сквозь густую поросль молодых деревьев, скорее похожих на кусты, и их упругие стволы и ветки смягчили падение. Его тело приняла широкая крона старого, мощного платана с очень плотной листвой. Юноша лежал лицом вниз, безжизненно раскинув руки, однако Ати приложил ухо к его спине и сказал, что Мулваине все еще дышит.

Однако при падении Мулваине, очевидно, сильно ударился раненым коленом, и оно опять начало кровоточить, и даже еще более обильно, чем раньше. Он был без сознания. Кровь выходила из растрепанной раны толчками, совпадавшими с ударами сердца. Струйки крови просачивались через листву и капали на землю.

Тигхи, весь бледный от боли и затраченных физических усилий, сел и перевел дух. Ати присел рядом с ним.

– Мы с Равилре попытались снять его с веток, – возбужденно тараторил он, – но дело в том, что на этих ветках растут какие-то особенные шипы, и он застрял в них.

– В шипах? – ахнул изумленный Тигхи.

– Да, в шипах – вот такой длины, – сказал Ати и для наглядности оттопырил мизинец левой руки и, подняв его вверх, перехватил на нем второй сустав пальцами правой. –

Их не так уж много, с полдюжины на каждом суку, но несколько вонзилось в тело Мулваине, это точно.

Тигхи подумал о том, какие мучения должен был испытывать Мулваине, если бы находился в сознании, и поморщился:

– Мы должны поднять его сверху.

Он выпрямился и вместе с Равилре и Ати встал у распростертого на ветках тела. Под ногами Тигхи был крепкий, надежный сук. Капли крови, падавшие на листву, как будто отсчитывали время.

– По-моему, он умрет, – сказал Ати.

– Не говори так, – предупредил его Тигхи. Боль обожгла его пах и буравом вонзилась в низ живота. Лицо юноши исказила уродливая гримаса. – Беремся и дружно поднимаем, все разом. Равилре, а ты что стоишь?

– Я голоден, – мрачно произнес Равилре.

– После того как вытащим отсюда Мулваине, поищем еду, – с укором проговорил Тигхи. Его собственный желудок отчаянно требовал пищи, но боль в тазу заглушала это желание. – После того как мы вытащим Мулваине, мы найдем насекомых. Но не раньше!

– Какого черта ты раскомандовался? Это ты уронил его, а не мы, – огрызнулся Равилре.

– Ладно, хватит! Поднимаем! – пролаял Тигхи, почувствовав, что его терпению вот-вот придет конец. – А ну, взяли! Вверх!

Трое юношей завозились у тела раненого. Они изо всех сил дергали его, но, похоже, тело прочно застряло в ветках, которые никак не хотели расставаться с ним. Наконец Мулваине немного сдвинулся с места, и из простреленной ноги брызнула кровь. Алый фонтанчик поднялся кверху и, описав дугу, упал на листву. Совсем как струйка мочи, подумал Тигхи. От боли и напряжения он уже весь вспотел.

– Еще раз! – приказал он. – Еще раз!

Юноши поднатужились, и тело Мулваине чуть приподнялось, провиснув в середине.

– Возьми его за ноги, – приказал Тигхи Равилре. – Поднимай его.

Несмотря на то что простреленная нога Мулваине болталась во все стороны и это должно было доставлять ему адскую боль, он не издал ни стона. Друзья медленно подняли его тело и оттащили в сторону. Бледное лицо Равилре потемнело от натуги.

– Туда! – задыхаясь, произнес Тигхи. – Вон туда.

Их шатало от усталости, но они все же смогли перенести Мулваине к тому месту, где из стены росли довольно крепкие платаны. Ствол одного дерева раздваивался, и ребята положили своего товарища на эту вилку.

– Переверните его, – сказал Тигхи. Часто дыша, он присел на ствол и принялся растирать свой пах. – Переверните его, – повторил он.

Ати и Равилре молча повиновались.

После того как Тигхи отдышался и почувствовал, что боль в паху немного утихла, он подвинулся поближе к телу Мулваине. Грудь раненого едва заметно вздымалась и опускалась, а веки подрагивали, повторяя движения глазных яблок. Однако из простреленного колена торчал сломанный сучок, и на одежде Мулваине появилось три кровавых пятна: два на бедрах и одно на животе. В этих местах кожу Мулваине пронзили шипы. По лицу проходила длинная, засохшая красная царапина. Она протянулась через подбородок и губы по носу и лбу. Тигхи вытащил сучок, торчащий из колена: он застрял внутри и никак не выходил наружу, однако, когда Тигхи дернул посильнее, сучок выскочил, и из колена опять потекла кровь.

– Он такой белый, – сказала Пелис, вглядываясь в лицо Мулваине. – Такой бледный.

– Он спит, – неуверенно произнес Тигхи. – Когда проснется, ему будет лучше.

– Он ослабнет.

– Ослабнет, но ему будет лучше.

– Может, стоит как-то привязать его к дереву? – предложил Ати. – Мало ли что может случиться, когда начнется сумеречный шторм?

– Мы в глубине леса, и вряд ли шторм сюда проникнет, – сказал Тигхи. – Мы должны найти пищу.

– Я умираю от жажды, – сказал Тигхи, показывая на бесчувственное тело. – Мы не можем отнести его к роднику,

значит, надо найти родник и принести ему воды. Мы будем искать родник и воду.

К тому времени, когда четверка бывших флатаров отправилась на поиски пищи и воды, тени в Сетчатом Лесу начали сгущаться. Тигхи двигался медленно и неуклюже, зато Ати, Пелис и особенно Равилре перепрыгивали с одного ствола на другой, даже не смотря под ноги. Голод подстегивал их.

– Поймайте каких-нибудь насекомых и принесите сюда, – приказал им Тигхи. – Найдите родник и подайте знак голосом.

Ати обнаружил родник, и все поспешили к нему. Вода струилась из трещины в стене, перетекая через покрытый мхом ствол дерева. После того как все они напились вволю и утолили жажду, Тигхи приказал набрать воды в ладони и отнести Мулваине.

– Его мучит жажда, – грустно произнес он. – Мы должны помочь ему.

Однако нести воду в сложенных вместе ладонях было непросто. Ветки хлестали по лицам. К тому времени, когда все четверо добрались назад, вместо воды у них были лишь мокрые ладони, и они прижали их к сухим, потрескавшимся губам Мулваине.

– Он умрет, – сказал Ати.

В его голосе звучала полная безнадежность.

Тигхи чувствовал себя очень скверно. Боль в тазу отдавалась в желудке, и его начало подташнивать. Он уселся на

ствол дерева, привалившись спиной к стене, и дрожащим голосом проговорил:

– Возвращайтесь к источнику, вы трое. Наберите воды в рот, а не в руки, но не глотайте. Принесите воду, и пусть Мулваине напьется хотя бы так.

Они тут же отправились назад, к роднику. Тигхи начал глубоко дышать. Это отвлекало, помогало оттеснить боль на задний план. Постепенно боль улеглась, и веки юноши стали слипаться. На него навалилась страшная усталость. Тигхи скользил куда-то вниз, падал в сон и при этом испытывал такие же ощущения, как и тогда, когда упал с мира.

Зашуршала листва. Это вернулась Пелис. Вслед за ней явились Ати и Равилре. Глаза Тигхи совсем слиплись, и он смог приоткрыть их лишь частично. Он махнул рукой в сторону, где лежал Мулваине, и друзья по очереди начали подходить к раненому и, прикладываясь губами к его губам, как бы целуя его, вливать в него воду.

– Все это без толку, – с досадой произнес Ати после того, как опорожнил свой рот. – Вода растекается по его щекам и попадает куда угодно, только не в желудок.

– Все равно так лучше, – сказал Тигхи. – Лучше.

Равилре и Пелис отправились на поиски пищи. Сразу же после их ухода Тигхи заснул, и ему показалось, что друзья вернулись едва ли не моментально. Они притащили большого серого червяка. Таких червяков Тигхи впервые увидел, когда совершал переход по Сетчатому Лесу вместе со всем

платоном и Уолдо. Головы у него не было – очевидно, ее оторвали Равилре и Пелис, – и в этом месте наружу вываливались лилово-серые лохмотья мяса.

– Нужно испечь его, – сказал Ати. – Мы должны разжечь костер.

– Ты умеешь разжигать костер? – спросил Равилре.

– Мулваине знает, как это делать, – произнесла Пелис.

Все посмотрели на Мулваине, который по-прежнему крепко спал, слегка вздрагивая во сне. Его губы почернели и распухли.

– Мы можем съесть мясо сырым, – предложил Тигхи.

– Сегодня ночью мы опять будем замерзать, – сказал Ати. – Ведь у нас нет одеял. У костра было бы теплее.

– Сначала поедим, – подвел окончательную черту Тигхи, у которого уже начала обильно выделяться слюна. – А затем подумаем насчет костра.

Червяк был длиной чуть меньше руки, а толщиной с запястье взрослого мужчины. По всему его туловищу с правильными промежутками шли похожие на сухожилия волокна в палец толщиной. Тигхи они напомнили детали старинного механизма из пластика. Вдобавок в червяке встречались очень твердые, жилистые органы, которые было невозможно жевать. Однако в основном его туловище состояло из темно-синего мяса, которое на открытом воздухе быстро начинало приобретать серый цвет. Тигхи усердно жевал его; у мяса был отвратительный привкус затхлости и чернил, но

все же это хоть какая-то пища. Когда червяка обглодали почти начисто, Пелис вслух высказала мысль о том, что было бы неплохо покормить и Мулваине. Все опять посмотрели на тело, которое едва подавало признаки жизни.

– Если он не стал пить, – сказал Ати, – то как он сможет есть?

Смеркалось. Уже более получаса Равилре и Ати пытались развести костер. Без трутницы Уолдо это оказалось очень непростым занятием. Равилре утверждал, что однажды видел, как солдаты получали огонь быстрым трением листьев между ладонями, и некоторое время вся четверка усердно пыталась раздобыть огонь таким способом. Однако листья неизменно превращались в сырую труху, окрашивавшую ладони в зеленый цвет.

– Наверное, они брали сухие листья, – нехотя пробурчал Равилре.

Пока терли листья, незаметно подкрался сумеречный шторм. Все сбились, в кучу у тела Мулваине, в страхе слушающая рев и вой ветра, качавшего верхушки деревьев. Наконец буря утихла, и вокруг воцарился мрак.

Равилре и Пелис обнялись, стараясь согреть друг друга, и вскоре заснули. Ати подполз к Тигхи, и они сделали то же самое, правда, сначала им пришлось немного поворочаться, чтобы выбрать наиболее удобную для Тигхи позу. Малейшее неудобство причиняло ему боль, от которой юноша вздрагивал и стонал, однако и они в конце концов устроились.

Тигхи никак не мог заснуть. Сырое мясо комом стояло в желудке, а таз ныл от усталости и тупой боли.

– Ати? – выговорил он.

Ати вздохнул, и его выдох теплом коснулся шеи Тигхи.

– Что тебе?

– Помнишь бой на выступе?

Долгая пауза в темноте и затем:

– Да.

– Что это был за калабаш? Тот серебряный калабаш, который плыл по воздуху?

Ати пробормотал что-то невнятное, уткнувшись носом в шею Тигхи. Затем произнес более членораздельно:

– Не знаю. На мировой стене уйма всяких чудес.

– Я думаю, это был военный калабаш Отре, – сказал Тигхи. Он давно уже размышлял над странным явлением. – Понимаешь, вместо мягких материалов, вроде кожи и ткани, из которых сделаны имперские калабаши с их деревянными люльками, они применили какой-то металл. Отре соорудили машину с металлическим брюхом, которой нипочем ружейный огонь. Это страшное оружие.

– Страшное, – согласился Ати безразличным тоном.

– С таким оружием Отре, наверное, завоюют всю Империю.

Тигхи ощутил, как Ати напрягся всем телом.

– Никогда! – возразил он. – Они не смогут сделать это. Армия... Не знаю, – произнес он растерянно. – Может быть,

Папа увел армию в Сетчатый Лес. Может, они хотят устроить Отре засаду, когда те попытаются пройти через Сетчатый Лес.

Оба друга замолчали. Наконец Тигхи снова заговорил:

– Ати?

– Да.

– Ты слышал голос?

– Какой голос? Сейчас? Да ведь нет никакого другого голоса, кроме твоего.

– Когда серебристый калабаш летел по небу, – произнес Тигхи, и при воспоминании об этом по его телу пробежала дрожь, – я услышал голос. Громкий голос.

– Шел бой, и вокруг все грохотало, – сказал Ати и зевнул.

– Мне показалось, что этот голос произносил мое имя.

Ати фыркнул:

– Я слышал сильный рокот, но он шел от взрывов. Вот и все. Тебе скорее всего почудилось.

Оба юноши опять погрузились в молчание. В тишине вокруг слышны были обычные лесные шорохи, но и они вскоре затихли.

– Ати? – позвал Тигхи. – Ати? Как ты думаешь, что там, за Великой Дверью, которую охраняют Отре?

Однако Ати уже спал.

Глава 3

Рассветный шторм разбудил всех за исключением Мулваине, который по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Они продолжали лежать, тесно прижавшись друг к другу, пока в небе не прояснилось и сквозь сучья не пролился первый нежный утренний свет. Равилре и Пелис встали и вдвоем отправились на поиски пищи. После их ухода Ати изобразил на своем лице глупую улыбку.

– Они спрячутся где-нибудь в расщелине и будут заниматься любовью. Я уверен, – рассмеялся он.

Все тело Тигхи ныло, а ноги онемели до того, что он едва мог пошевелить ими, зато острая боль в паху притупилась. Тигхи встал и, ступая враскорячку, подошел к Мулваине.

– Ати, – обратился он к приятелю, – принеси мне немного листьев с росой.

Они принялись вместе выжимать листья так, чтобы влага капала в рот Мулваине. Его губы распухли и стали черными как ночь. Набухли и веки, которые приобрели круглую форму. В уголках глаз и на ресницах образовалась зеленоватая слизь. Пот, выступивший на лбу раненого, на ощупь был холодным и липким. Его голова была слегка закинута назад, потому что на горле между ухом и челюстью и на шее появились опухоли, похожие на шишки. Тигхи попытался разжать черные губы Мулваине, чтобы влага попадала внутрь, одна-

ко у него ничего не получилось. Губы словно срослись.

– Он болен, – сказал Ати, сделав кислое лицо.

Тигхи немного подвинулся назад, чтобы посмотреть на простреленное колено Мулваине. Кровотечение прекратилось, а кровь стала черной и липкой, как смола. Поверх всей этой густой, похожей на повидло массы начинала затвердевать корка. Она была еще тонкая и испещрена трещинами. Дырки, оставленные шипами, уже начинали затягиваться.

Грудь Мулваине по-прежнему едва заметно поднималась и опускалась. Через час с небольшим Равилре и Пелис вернулись с пустыми руками. Они вынырнули из листвы взволнованные и запыхавшиеся. Вид такой, словно за ними кто-то гнался.

– Где же добыча? – издевательским тоном поинтересовался Ати и в притворном гневе воздел руки вверх.

– По-моему, мы увидели катерпила с когтями, – начала сбивчиво объяснять Пелис. – Мы побежали и немного заблудились, а потом сообразили, в какую сторону идти.

– Не может быть! – уже серьезно вскричал Ати.

– Не знаю, – поспешно сказал Равилре, – были ли это катерпилы с когтями. Я видел что-то, но это существо было небольшим, во всяком случае, не больше того червя, которого мы съели вчера.

– Однако у него была совсем другая окраска, – стояла на своем Пелис. – Я уверена, что это был катерпил с когтями. Мы должны уйти отсюда – нужно подняться повыше.

– Нет, – сказал Тигхи. Его голос задрожал, когда он произносил это слово, поэтому юноша повторил еще раз, но уже более твердо: – Нет, нельзя нести Мулваине туда. Подождем, пока ему не станет лучше.

– Что? – грозно спросил Ати, поворачиваясь к Тигхи. – Он умрет.

– Пройдет день-другой, и он начнет поправляться, – не сдавался Тигхи. – А когда ему станет лучше, мы поможем ему подняться вверх по стене.

– А катерпилы с когтями?!

– Думаю, все же мы находимся на такой высоте, куда катерпилы с когтями не забираются, – объяснил Тигхи. – Помните, что сказал Уолдо? Тогда они шли по Сетчатому Лесу гораздо ниже. Вот почему Папы повели нас через лес так высоко.

– Папы, – фыркнула Пелис.

Ати повернулся к ней.

– Не насмехайся над Папами! – пропищал он. – Не смей!

Они долго еще грызлись между собой, и Тигхи не стал вмешиваться и мирить их. Он закрыл глаза и ушел в себя. Боль в паху теперь ослабла до такой степени, что давала о себе знать, только если он делал резкие движения тазом или бедрами. Когда Ати и Пелис надоело препираться и они умолкли, Тигхи снова открыл глаза.

– Мы останемся с Мулваине. А вы, Равилре и Пелис, должны опять идти искать пищу. Если мысль о катерпилах с

когтями не дает вам покоя, можете подняться повыше и вести свои поиски там. А мы с Ати пойдем к роднику, который нашли вчера, и принесем Мулваине воды.

Тигхи возвратился с водой во рту и попытался разъединить зубы Мулваине. Ему пришлось запустить пальцы в рот юноши, который вот уже второй день находился без чувств. Ощувив под пальцами зубы, Тигхи с силой дернул вниз нижнюю челюсть, и из уголков рта стала сочиться темно-коричневая кровь, разукрасившая темными линиями щеки.

Это зрелище внушало отвращение. Тигхи потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы коснуться своим ртом потрескавшихся, черных, кровоточащих губ Мулваине. Он выпустил воду из своего рта и быстро отстранился назад, чтобы увидеть, проглотил ее Мулваине или нет, однако так ничего и не понял.

– Теперь ты, Ати. Твоя очередь, – сказал он, однако Ати сам проглотил свою воду и стал фыркать, выражая этим свое отвращение.

– У него безобразные, отталкивающие губы, – произнес он. – Ты говоришь, он проснется. Если так, то может попить и сам, когда проснется.

Возмущение и отчаяние Тигхи были столь велики, что он не мог даже подыскать подходящий способ для их выражения.

Ати и Тигхи не разговаривали между собой целый час, пока не вернулись Равилре и Пелис. У первого в левой руке

была пара жилистых, в палец толщиной червей, а под мышкой правой торчал жук, в лазуритовом панцире размером с кулак. На брюхе у насекомого шевелилось множество ножек, похожих на ресницы. Пелис принесла в подоле рубашки ку-чу насекомых меньшего размера.

Маленькие насекомые не представляли особой ценности, потому что едоку приходилось выбрасывать большую часть – оболочку, ноги. Оставался лишь крошечный кусочек мяса. Четверка бывших флатаров разбитой Имперской армии приступила к трапезе, однако праздник желудка был недолгим, и у каждого осталось чувство неудовлетворенности и пустоты. Жук в лазуритовом панцире оказался на вкус очень противным, хотя Равилре, более голодный, чем другие – во всяком случае, он постоянно твердил об этом, – долго возился с ним. Черви оказались вполне съедобными, однако их было слишком мало.

После такого завтрака на всех напала апатия. Равилре и Пелис уже не скрывали взаимных симпатий и не выпускали друг друга из объятий.

– Мы и в самом деле пойдем домой? – спросила Пелис.

– Мы все пойдем домой, – ответил Тигхи. Сказанные слова взволновали его самого. – Каждый из нас. Включая Мулваине. Я обещаю.

– Значит, ты придешь в мой дом, – сказала Пелис, протянув руку вверх и нежно взяв Равилре за подбородок. – Ты придешь к нам и познакомишься с моей матерью и ее супру-

гом, и с моей бабушкой тоже. Как они будут восхищаться тобой!

Однако Равилре никак не отреагировал. Тигхи вдруг заметил, что в глазах юноши стоят слезы. Впрочем, это почти не удивило Тигхи. Все понимали, что он переживает смерть Бел.

Наступила неловкая тишина. Ничего не сказав, Равилре повернулся лицом к стене и уткнулся в нее лбом.

Настроение у всех окончательно испортилось.

Позднее вся четверка отправилась на поиски съестного. Тигхи уже достаточно оправился, чтобы проявлять на охоте большую ловкость, и неплохо перепрыгивал с ветки на ветку. Он вернулся с пригоршней муравьев, зажатых в кулаке, и невероятно длинным червяком, длиной с двух взрослых мужчин, однако толщиной меньше самого маленького пальца. Червяк извивался, и его было неудобно нести, поэтому Тигхи оторвал ему голову. И все равно тварь продолжала извиваться, тогда юноша оторвал червяку хвост. Но даже после этого его непросто было удержать. Тигхи все же нашел выход: он обвязался червяком вокруг талии, как веревкой или канатом, и в таком виде стал пробираться через заросли к телу спящего Мулваине.

Остальные вернулись с подобными же трофеями. Исключение составила Пелис, которая поймала еще одного жирного серого червяка. Теперь все наелись досыта. Они ели и ели, пока животы не раздулись от пищи. Настроение поднялось.

Вялость и апатичность уступили место шуткам и смеху.

В ту ночь Тигхи впервые за долгое время спал хорошо. Ему не снились никакие странные сны; он не просыпался от острых приступов боли. Единственным посторонним ощущением, которое регистрировало сознание юноши, был холод, и поэтому его состояние было сном лишь наполовину, другая половина сознания бодрствовала. В темноте, перед тем как начался рассветный шторм, Тигхи почувствовал себя особенно неудобно. Когда завыл ветер, юноша крепче прижался к Ати, и у него появилось странное ощущение уюта и безопасности. Он чувствовал рядом теплое тело Ати; гнев и хаос рассветных ветров были где-то там, за пределами леса, и ему ничего не угрожало.

Утром ветры были особенно влажными, и к Тигхи под одежду начала проникать сырость. Он убрал руку с тела Ати и провел ладонью по своему боку и ноге, а затем по лбу. Ладонь стала мокрой, и Тигхи прижал ее к своим губам. Влага приятно освежала прохладой. Он вспомнил о почерневших, распухших губах Мулваине, но тут же успокоил себя мыслью о том, что рассветный шторм наверное смочит влагой и спящие губы Мулваине и наполнит его живот водой. Драгоценная вода. Даже думать о ней было почти так же приятно, как пить ее.

Тигхи лежал с закрытыми глазами и слушал удалявшийся гул рассветного шторма. Наконец беснование стихии прекратилось, и Тигхи услышал шорохи листвы, скрипы сучьев

и стук капель влаги. Приятные, музыкальные звуки.

Тигхи открыл глаза. Звуки, которые он сейчас слышал, наводили на размышления. Было странно думать, что такие простые вещи, как стук капелек влаги и шорох листвы, могли звучать настолько по-человечески. Их можно было сравнить со звуками, которые производит младенец, сосущий материнскую грудь. Они навевали Тигхи воспоминания о жизни в деревне; он вспомнил, что когда девушка по имени Инти родила ребенка, то часто кормила его грудью, и он издавал такое же чмоканье и бульканье. Еще звуки напомнили ему козлят, сосавших материнские соски. Тигхи подумал о своей ма. В памяти возник ее яркий образ; ее лицо, которое вдруг высветилось до мельчайших подробностей; улыбка, полная тепла и любви.

Дед Джаффи убил ее. Столкнул с мира. Тигхи забыл об этом; ужасное событие просто выпало из его памяти. Он выдавил его из памяти, как выдавливают молоко из вымени козы. И к юноше вернулся старый рефрен; незначительность всего происходящего. Люди – муравьи, стена – муравейник. После всего, что он видел: великое столкновение двух империй, война, которая потрясла всю стену, – идея, что дед убьет свою собственную дочь ради нескольких коз, ради того, чтобы еще более укрепить свое положение самого влиятельного человека в деревне, показалась юноше абсурдной и мелочной. Она не имела масштаба. И это, в свою очередь, заставило Тигхи вернуться к своему восприятию всего окру-

жающего. Наверное, эта мысль была как нельзя кстати, потому что все огромное, возвышавшееся над ним бескрайнее пространство мировой стены являлось просто-напросто миниатюрным сооружением, экспериментом маленького бога с ограниченными возможностями.

Настроение Тигхи испортилось. Выпутавшись из объятий Ати, он сел и попытался сосредоточиться на боли в паху. Однако ничего не получилось, потому что боль уже почти не ощущалась.

Он протер глаза и посмотрел туда, где лежал Мулваине.

Происхождение чавкающего, хлюпающего звука стало очевидным.

Какая-то тварь – очевидно, катерпил с когтями, хотя по величине она была куда меньше, чем те, о которых рассказывал Уолдо, – вгрызлась в ногу Мулваине. Она уже полностью прогрызла колено, и теперь вся нижняя часть ноги – голень и ступня – отделилась от тела Мулваине и не отваливалась только потому, что ее удерживала штанина. После этого катерпил с когтями принялся обглаживать бедро Мулваине, точно так же, как маленькая гусеница обглаживает зеленый лист.

– Нет! – вскрикнул Тигхи. – Нет!

Он вскочил и бросился к телу Мулваине.

Катерпил с когтями имел серо-зеленую окраску и в окружности был такой же величины, как и сам Тигхи, хотя, если бы его поставили вертикально, он был бы пониже

юноши. На разделенной кольцами на части спине росли густые светло-коричневые волосы, а из-под пластин выбивалась щетина потемнее и покороче. Когда тварь глотала мясо, которое ее черные, дергавшиеся челюсти откусывали от бедра Мулваине, видневшегося из разорванной штанины, ее бок, покрытый плотной, гладкой кожей, пульсировал и перекатывался. Чавканье перемежалось хрустом, когда челюсти катерпила вместе с мясом перемалывали кости.

Тигхи ухватился за сук и принялся ожесточенно дергать его. Ему пришлось заломить его пару раз, прежде чем он оторвался. Он бросился вперед и начал хлестать суком гусеницу-катерпила. Листья, оставшиеся на суку, смягчали удары. Кроме того, они не давали размахнуться как следует. Катерпил не реагировал на нападение Тигхи, словно ничего и не происходило.

К тому времени проснулись и повскакали со своих мест остальные. Охваченные ужасом при виде отвратительного зрелища, они плакали и оглашали воздух истошными криками. Какая-то часть разума Тигхи, несмотря ни на что, продолжала функционировать с предельной четкостью и ясностью. Юноша принялся лихорадочно обрывать с сука ветки с листьями. Через несколько секунд сук превратился в дубинку, пусть и не слишком большую.

Тигхи подступил к гигантскому насекомому и начал лупить его дубинкой по спине, покрытой панцирем. Впервые катерпил с когтями перестал делать то, что он делал. Чавка-

нье и хлюпанье прекратились. Тварь повернула голову и смерила Тигхи каменным взглядом. Ее глаза представляли собой скопища крошечных шариков, миллионы малюсеньких яиц насекомых, находившихся по обе стороны головы. Под глазами был рот, весь в крови и волокнах мяса. Он безостановочно открывался и закрывался.

Тигхи испытал прилив страха. Один вид этого чудовища внушал страх. Взгляд его отвратительных глаз не оставлял сомнений относительно его намерений. У Тигхи возникло непреодолимое желание бросить дубинку и бежать как можно дальше и быстрее. Это было невыносимо. Взгляд монстра заставлял отводить глаза. Однако руки Тигхи действовали почти механически, не подчиняясь мозгу.

Используя дубинку в качестве рычага, они просунули ее под сравнительно мягкое брюхо катерпила с когтями и перевернули его. Катерпил отреагировал с ужасающей быстротой, свернувшись и защелкав челюстями; однако угол наклона дубинки был уже слишком высоким, и челюсти сомкнулись в воздухе, а не на бедре Мулваине. Еще пара секунд – и тварь уже кувыркалась в воздухе.

Раздался громкий треск сучьев и веток, и монстр, проламывая себе дорогу в зарослях, покатился вниз и исчез из поля зрения Тигхи и остальных.

Тигхи часто дышал. В глазах его стояли слезы. Затем он почувствовал их и на своих щеках. Ноги под ним подкашивались, и юноша присел на ствол дерева. Сердце было готово

выскочить из груди.

Взволнованные друзья сгрудились вокруг.

– Тигхи! – повторял Ати снова и снова. – Тигхи! Тигхи!

– Я знала, что видела катерпила с когтями, – жалобно проскулила Пелис. – Я так и знала, что они водятся здесь.

Дыхание Тигхи стало чуть более размеренным, хотя слезы по-прежнему струились из глаз. Он вытер их дрожащими пальцами и, опираясь на плечо Ати, с усилием встал на ноги и выпрямился.

– Что мы будем делать? – спросил Равилре. – Что мы будем делать?

Тигхи подошел к телу Мулваине. Раненый выглядел гротескно и почти неузнаваемо. Его лицо было так искажено, что он совершенно не напоминал прежнего Мулваине, каким его привыкли видеть друзья. Теперь он едва ли походил на человеческое существо. Щеки и рот вздулись, а кожа потрескалась и лопнула. Плотные закрытые глаза были окружены россыпью фурункулов. Волосы спутались и слиплись в плотную массу. Как ни странно, но укороченная нога выглядела более или менее естественно. Мулваине лежал так, что казалось, будто он поджал ногу под себя.

Тигхи наклонился над ним и поразился: Мулваине все еще дышал, его грудь до сих пор едва заметно поднималась и опускалась.

– Он все еще жив! – объявил Тигхи. – Он все еще жив!

Друзья сгрудились вокруг.

– Рана. Его нога, – сказал Равилре. – Из нее не идет кровь.

Как это может быть? Почему она не течет?

– Не знаю, – ответил Тигхи.

Пелис стала озираться во все стороны, очевидно, опасаясь, как бы из листвы не выползли другие катерпилы.

– Нам нельзя здесь оставаться, – произнесла девушка.

– Да, – подтвердил Тигхи. – Остаться нельзя.

– Какое ужасное зрелище! – сказал Ати, обхватив голову руками. – Как страшно! Непостижимо, как Бог мог создать таких чудовищ!

– Мировая стена кишит чудесами, – сухо произнес Тигхи. – Мулваине все еще жив. Мы обязаны перенести его вверх.

Раздались дружные возгласы негодования.

– Нет, нет, – возразил Равилре. – Он слишком плох. Он уже умер.

– Нет, не умер, – сказал Тигхи.

Он почувствовал прилив сил. Первоначальные страхи и растерянность прошли. Происшествие прочистило его мозги, внесло ясность в мысли. Страх всегда обладает очищающими свойствами – особенно задним числом.

– Мы не можем нести его!

– Он наполовину съеден.

– Он будет приманкой для других катерпилов с когтями, – сказала Пелис.

– Мы понесем его, – твердо произнес Тигхи.

– У него только одна нога, – прогнусавил Ати.

– Значит, он весит меньше и нам будет легче его нести! –

Голос Тигхи прозвучал резко. – Ладно, пойдём. Ати, сначала его понесём мы с тобой. Когда устанем, вы, Равилре и Пелис, смените нас.

Глава 4

Путь наверх был медленным и тяжелым.

Мулваине, который находился в бессознательном состоянии все время, пока катерпил пожирал его плоть, начал стонать и дергаться, едва его подняли на руки. Он то и дело пытался перевернуться и что-то бормотал. Тигхи осмотрел рану на его бедре. Она была затянута какой-то липкой, похожей на слюну пленкой, которая и остановила кровотечение. Наверное, эти твари наслаждаются вкусом крови, подумал Тигхи, и их слюна не дает жертвам истечь кровью заживо и лишит их удовольствия.

Затем Тигхи вынул отъеденную часть ноги Мулваине из штанины. Ему стоило огромного труда побороть в себе позывы тошноты. Он держал ее обеими руками, обнаженную человеческую ногу, один конец которой был окровавлен. От ноги пахло чем-то странным, не просто кровью. Рана источала какой-то едкий, острый запах. Кожа у краев раны позеленела и начала разлагаться, хотя внешне нога выглядела так, будто еще являлась частью человеческого тела, вплоть до больших ногтей на пальцах и коротких волос на икре. И это удручало еще больше. Тигхи взял ногу за лодыжку и постарался зашвырнуть ее как можно дальше. Шум сбитых листьев, долетевший издали, возвестил о ее падении.

Они отнесли Мулваине к роднику, из которого все напи-

лись. На переход к роднику ушло почти все утро, и каждый шорох в листве вызывал у беглецов панический страх.

Когда добрались до родника, Тигхи в голову пришла идея положить Мулваине в воду лицом вверх. Проточная вода омоет и охладит его распухшие щеки и рот. Поместив раненого в воду, Тигхи раздвинул пальцами его губы. Он хотел удостовериться, что вода попадает в рот Мулваине. Раненый дернулся и закашлял. Его тут же вытащили из ручья. Он задрожал и стал метаться.

Товарищи усадили Мулваине, прислонив спиной к стене. Он пробурчал что-то, но слова затерялись в обезображенных губах, которые слиплись и распухли, потеряв свой первоначальный вид. Затем раненый снова погрузился в сон, и его никак не могли разбудить.

– Давайте промоем его рану, – предложила Пелис. – В роднике.

– Думаю, что слюна катерпила надежно закупорила рану и потеря крови сейчас ему не грозит, но если вода размочит пленку, мы не сможем остановить кровотечение, – задумчиво произнес Тигхи. – Лучше сейчас не тревожить рану.

– Это чудовище, монстр, – сказал Равилре голосом, в котором сквозило отвращение. – Его слюна – яд. Нам следует смыть ее.

– Если это яд, – терпеливо втолковывал своим товарищам Тигхи, – то он уже у Мулваине в крови и промывка не поможет. Если это не яд, а полезная вещь, мы должны оставить

ее на месте. Мы понесем его вверх.

– Он умирает, – сказал Ати. – Лучше оставить его и убираться отсюда побыстрее.

– Он не умирает, – стоял на своем Тигхи. – Мы понесем его.

– У него только одна нога.

– Он не умирает. Мы понесем его.

Ати заворчал, да и Пелис с Равилре злобно взглянули на Тигхи, но никто не стал перечить. У родника они провели целый час. Это время они потратили на поиски насекомых, которых можно было бы употребить в пищу. На сей раз добычу составили довольно мелкие экземпляры. После не слишком сытного обеда Равилре и Пелис подняли Мулваине и понесли, сменив Тигхи и Ати.

Они продвигались очень медленно. Часто приходилось перебираться с дерева на сук или наоборот, и требовалась немалая сила и ловкость, чтобы удержать раненого. Порой казалось, что Мулваине вот-вот выскользнет из их рук и покатится вниз, к краю уступа. В одном месте они наткнулись на большую расщелину в мировой стене, которая была усеяна большими валунами. Эта расщелина поднималась наискосок вверх. Заросли очень мешали дальнейшему продвижению, и потому первыми по расщелине стали подниматься Ати и Тигхи, которые расчищали путь, насколько это было возможно. По проложенной ими тропинке Равилре и Пелис понесли Мулваине.

Ночлег решили устроить на этом уступе и посвятили остаток светового дня сбору насекомых. Тигхи сидел рядом с Мулваине и ждал, надеясь, что тот проснется в полном сознании, однако Мулваине по-прежнему пребывал в забытьи. Он часто дергался во сне и стонал.

Утром им повезло. Они наткнулись на жирного серого червяка, который полз по мху в низком кустарнике. Завтрак получился сытным. Набив желудки, бывшие флатары немного повеселели.

– Нужно как-то покормить Мулваине, – сказал Тигхи.

– По-моему, он стал для тебя просто наваждением, – кисло произнес Ати.

Однако все принялись помогать ему. Равилре и Ати раздвинули челюсти Мулваине, а Тигхи стал запихивать ему в рот маленькие кусочки мяса, которые ему подавала Пелис.

– Он не глотает, – заметил Равилре.

– Может быть, мясо развалится или растает у него во рту, – предположил Тигхи, – и тогда оно пройдет ему в горло, как вода. Ну! – требовательно повысил голос юноша, видя, что Пелис опустила руки и перестала отрывать крошки мяса от оставшегося куска хвоста.

– Хватит нукать! Меня уже тошнит от твоего нуканья, – прорычал Равилре. – Мы тебе не малыши. Ты всего-навсего варвар, в конце концов, и вместо мозгов у тебя дерьмо, а я родился в Имперском Городе.

Тигхи устремил на него пристальный взгляд.

– Значит, ты не думаешь, что нам пора двигаться дальше? – спросил он. – Или мы должны оставаться тут весь день?

Некоторое время Равилре молчал, с явной неприязнью глядя на Тигхи.

– Наверное, нам и в самом деле нужно отправляться в путь, – нехотя буркнул он, отведя глаза в сторону.

– Если Равилре говорит, что пора идти, – громко объявил Тигхи, – значит, нечего рассиживаться. Вперед!

Флатары протащили Мулваине по пологой расщелине и опять углубились в лес. Вскоре они вышли на довольно широкий уступ, совершенно открытый сверху. Трава на нем была изрядно утоптана, но путь этот не вел ни на восток, ни на запад.

– Я не помню, чтобы мы проходили по этому уступу, – удивилась Пелис.

– Лучше идти здесь, чем продираться через Сетчатый Лес, – проговорил Равилре. – Если пойдем по этой тропе, то, наверное, выйдем к той стороне Сетчатого Леса. По крайней мере мы не встретим на своем пути этих проклятых катерпилов с когтями.

– А пока, – сказал Тигхи, – мы можем отдохнуть.

Они посадили Мулваине на уступ спиной к стене и сами растянулись на траве. Равилре и Пелис несли раненого большую часть дня и совсем выбились из сил.

Ати полежал немного на животе, но вскоре его начало сне-

дать беспокойство, и, вскочив на ноги, юноша начал ходить по выступу взад-вперед. При этом он ни на секунду не покидал поле зрения своих товарищей и в то же время старался осмотреть как можно большую часть уступа.

– Мне кажется, – начал Ати, возвратившись к товарищам, – что мы могли бы попасть на запад, двигаясь по этому уступу. То есть вернуться в Империю.

– Мы на восточной стороне Сетчатого Леса, – сказала Пелис. – Совсем недалеко от его восточной опушки.

– Но восточная сторона теперь в руках Отре.

– Кто знает, может, они уже вышли и на западную сторону леса.

Ати напыжился:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Возможно, – принялась терпеливо объяснять Пелис, – возможно, Отре к этому времени разбили нашу армию и завоевали всю Империю.

– Не говори это! Не говори так!

– Я всего-навсего хотела сказать, что было бы лучше как можно быстрее пройти Сетчатый Лес. И было бы совсем хорошо, если бы мы не встретили больше никаких катерпилов на своем пути... Вот и все, что я хотела сказать.

– Ты только девушка, и ты напугана, – возразил Ати, горделиво выпятив грудь. – Я воин, и я не боюсь. Кроме того, – добавил он, опускаясь на землю и подбирая под себя ноги, – я хочу домой, и мой дом на западе, а не на востоке.

– Я подышаю от голода, – сказал Равилре.

– А что, если этот уступ проходит через весь Сетчатый Лес и, двигаясь по нему, мы легко и просто выйдем на западную опушку? – продолжал Ати.

– Скорее всего этот путь заведет нас в тупик, – сказала Пелис, показав на запад. – И нам снова придется продираться через чащу.

– Так что же нам делать, Тигхи? – спросил Ати, дернув Тигхи за истрепанный рукав. – Куда пойдём, на восток или на запад?

– Пока давайте отдохнем, – ответил юноша, глядя на запад.

Там, вдали, джунгли вторгались на уступ, нависая над ним и отбрасывая на стену причудливые тени.

– Смотрите! – воскликнула Пелис, выбросив руку на восток.

Все послушно повернули головы. Вдали показались фигуры в сером. Их было с полдюжины. Они шли, рассыпавшись цепью поперек уступа, и держали в руках ружья. У некоторых ружья были почему-то с короткими стволами.

Это были солдаты Отре, и они явно направлялись сюда, к четверке бывших флатаров, которые замерли на месте от изумления и испуга.

– Отре, – прошептала Пелис.

Первым встрепенулся Ати.

– Бежим! – воскликнул он и, мгновенно вскочив на ноги,

побежал по уступу в западном направлении.

За ним тут же последовали Равилре, Пелис и Тигхи.

– Эй, вы, там! – крикнул ближайший солдат Отре голосом, который был отлично слышен даже издалека. – Остановитесь и сдавайтесь! Сдавайтесь, иначе мы будем стрелять!

Он говорил по-имперски с сильным акцентом. Боль в паху была вполне терпимой, и если бы не искалеченная левая нога, Тигхи не отстал бы так быстро. Он отчаянно хромал, тяжело топая правой ногой и стараясь не ступать до конца на левую стопу. В этот момент раздался первый выстрел. Пелис бежала прямо перед Тигхи. Прогредел второй выстрел, и на плече девушки появилась мокрая красная отметина величиной с ладонь. Пелис споткнулась и рухнула на землю как подкошенная.

Оттолкнувшись изо всех сил правой ногой, Тигхи неловко подпрыгнул и перескочил через Пелис. Лишь чудом он не зацепился за нее и не упал. Резко остановившись, юноша повернулся и увидел, что девушка лежит ничком и не двигается. Однако в следующий миг мощный, непреодолимый инстинкт самосохранения, не давая ему ни секунды на размышления, бросил Тигхи вперед. Он побежал еще быстрее, чем прежде.

– Вниз! – крикнул он Ати и Равилре, бежавшим впереди. – Вниз, в Сетчатый Лес!

Ати оглянулся через плечо, и Тигхи сделал ему знак рукой. Вниз! Они смогут затеряться в Сетчатом Лесу и

ускользнуть от солдат Отре.

Не сбавляя скорости, Ати нырнул влево и, соскочив с уступа, очень удачно приземлился на широкий ствол платана. Прделав этот маневр, он крикнул Равилре, чтобы тот последовал его примеру. Равилре остановился. Раздался еще один выстрел, и пуля прожужжала совсем рядом с Тигхи.

Равилре уже спускался вниз, вслед за Ати. Теперь выстрелы гремели один за другим. Тигхи принялся петлять из стороны в сторону. Откуда-то спереди долетел вопль. Очевидно, пуля все же задела кого-то. Тигхи не разобрал, кто кричал, Равилре или Ати.

Ухватившись руками за большой сук дерева, росшего на краю уступа, Тигхи подтянулся и, раскачавшись, спрыгнул на просторную площадку, которую образовали переплетенные между собой корни платанов, вышедшие из стены на поверхность. Оттуда он без труда спустился еще ниже, прыгая с дерева на дерево, и скрылся в листве. Посмотрев вверх, юноша не увидел преследователей. Впрочем, если они там и стояли, он все равно не смог бы заметить их, так как плотные кроны платанов надежно скрывали уступ от глаз Тигхи. Стрельба прекратилась.

Немного успокоившись, юноша продолжил спуск. Теперь он двигался с гораздо большей осмотрительностью, сначала пробуя ногой сук на крепость и лишь потом ступая на него. Через некоторое время он решил окликнуть товарищей. Конечно, в этом был определенный риск, однако медлить уже

было нельзя. В этой чаще они могли легко потерять друг друга.

– Ати! Равилре!

Впереди раздался стон. Тигхи сделал несколько шагов и, раздвинув ветки, увидел Равилре, который сидел на стволе дерева и держался за голову. У Тигхи екнуло сердце. Между пальцами Равилре сочилась кровь.

– Что у тебя с головой? – вскричал Тигхи.

Равилре опять застонал.

– У меня задето ухо, – сказал он. – Они прострелили мое ухо! Я почувствовал, как что-то обожгло мочку уха, и теперь оттуда течет кровь. Дерьмоеды!

– Дай-ка посмотришь, – произнес Тигхи. Он отвел руку Равилре в сторону и осмотрел липкую рану. – Большая часть уха на месте, – сообщил он товарищу.

– Сильно болит, – мрачно произнес Равилре. – Просто жуть, как больно, и я хочу жрать.

– А где Ати?

– Не знаю.

Тигхи встал и позвал:

– Ати!

– Тсс, – зашипел Равилре. – Ты накликаешь на нас Отре.

– Думаю, мы уже далеко от уступа, – сказал Тигхи, – а они наверняка пойдут дальше и не будут спускаться сюда.

– Они подстрелили меня, – с надрывом произнес Равилре. Он весь дрожал от возбуждения. – Они попали мне в ухо.

Пелис убита. Мы с Пелис были вместе. О, мое ухо! Как больно! Оно все горит!

– Успокойся, – сказал ему Тигхи. – Мы забинтуем твое ухо тряпкой. Оторви кусок от своей рубашки.

– Рви свою рубашку.

– Но ведь ухо-то твое. Мои уши целы. Ати! – крикнул Тигхи. – Ати!

– Я здесь, – слышался ответ из зарослей.

– Иди к нам, – позвал Тигхи.

Наклонившись, он взялся за подол рубахи Равилре, намереваясь оторвать от него полоску ткани. Равилре недовольно проворчал, что теперь его живот будет мерзнуть ночью. Не обращая внимания на брюзжание, Тигхи надорвал рубашку по шву и затем оторвал длинную полоску, которой перевязал кровоточащее ухо, обмотав заодно лоб и затылок, как лентой.

Снизу высунулась голова Ати. У него был серьезный, озабоченный вид.

– Что случилось? – спросил он. – Что случилось с Пелис? Равилре скорчил гримасу:

– Я до смерти хочу жрать.

Тигхи незаметно от Равилре мотнул головой, давая Ати понять, что лучше не задевать эту тему. Ати уселся на землю и подтянул колени к груди.

– А Мулваине, – спросил он. – Что с Мулваине?

– Равилре ранен в ухо, но я уже перевязал рану.

– Моей же рубашкой, – пробурчал Равилре, – и мне сейчас так хочется жрать, что я слопал бы кого угодно, даже человека.

В зарослях что-то зашуршало. Это было похоже на капли росы, падающие с листьев на землю ранним утром. Трое юношей замолчали и принялись испуганно озираться.

– Солдаты Отре? – прошептал Ати.

– Или еще хуже, – сказал Равилре, – катерпилы с когтями?

Тигхи огляделся.

– Ладно. Пора двигаться. Пошли, раз уж мы побежали на запад, значит, туда нам и дорога.

Глава 5

Они двинулись на запад. Путь был нелегким, и все трое юношей одинаково страдали от голода. Через час с небольшим им посчастливилось встретить жирного серого червяка. Под монотонные причитания Равилре насчет его неминуемой смерти от голода они начали преследовать эту тварь, однако она ускользнула от них и упала с обрыва. Однако, падая, извивавшийся всем телом червь зацепился за сук и, раскачиваясь, висел на нем. Юношам пришлось лезть вниз, цепляясь за ветки и сучья, потому что от червя их отделяло порядочное расстояние. Наконец Равилре и Ати поймали его за хвост, стащили с сука и растянули между собой, как веревку. Затем все трое стали зубами отрывать от червя куски мяса, а он, еще живой, дрожал и извивался.

– Нужно найти родник, – произнес Равилре не совсем внятно, потому что его рот был все еще набит мясом. Тогда он с досадой выплюнул наполовину прожеванные куски червя и добавил: – Я хочу промыть свою рану – ухо.

Тигхи внимательно посмотрел на него, стараясь понять, то ли Равилре нарочно заставил себя забыть о Пелис, то ли страх и голод принудили его разум функционировать в обход этой темы. Точно так же вел себя Равилре и в случае с Бел: он почти ни словом не обмолвился о ней после ее смерти. Его глаза смотрели тупо и безучастно. В них сквозила какая-то

отрешенная пустота.

– Правильно, промой свою рану, – сказал Тигхи. – Нужно обязательно сделать это.

– Сначала мы должны найти родник, – монотонно проговорил Равилре и, подавшись вперед, откусил от червяка очередную порцию мяса.

Хвост жирного червяка вдруг выскользнул из рук Ати и начал хлестать по листьям. Тигхи поймал его и подтянул к себе, однако шуршание в листве продолжалось. Вскоре из кустов показалось рыло caterpillar с когтями. Ати взвизгнул, а Равилре отшатнулся назад, отпустив голову червяка.

Тем временем caterpillar вышел полностью и, нагнув голову, ринулся на Равилре.

– Твоя кровь! – воскликнул Тигхи. – Он учуял твою кровь!

Однако все уже карабкались вверх, перебирая руками по сучьям.

Из-за искалеченной ноги Тигхи опять отстал от товарищей. Он то и дело непроизвольно опускал глаза вниз, и требовалось усилие, чтобы перевести взгляд вверх и высматривать сучья, за которые можно было ухватиться и подтянуться. А затем мысль о caterpillar в очередной раз вынуждала его смотреть вниз.

– Он почуял кровь Равилре, – пробормотал он себе под нос. – Он почуял его кровь.

Сверху раздался дикий вопль, и Тигхи проворнее заработал руками и ногами, однако через пару-другую секунд свер-

ху, ломая с треском сучья и ветки, свалилось чье-то тело. На своем пути оно зацепило Тигхи и покатило дальше. Толчок оказался неожиданным и слишком сильным. Юноша едва не выпустил из рук сук, за который держался.

Сверху долетел пронзительный крик Равилре, в котором звучал животный страх.

– Они везде! Здесь их сотни! Сотни!

Исцарапанный, весь в синяках и ссадинах, Тигхи висел на руках и не двигался ни вверх, ни вниз. Круто изменившаяся ситуация застала его врасплох. Однако вскоре он пришел в себя. В поле его зрения попал Ати, который запутался в кустах и не мог из них выбраться. Тигхи с трудом заставил себя спуститься. Ведь где-то там по-прежнему находился ка-терпил.

– Ати? – окликнул он друга, спускаясь к нему. – Ати? Как ты?

– Мое плечо, – ответил Ати глухим голосом. – У меня онемела рука и сильно болит плечо. И когда я дышу, мне тоже больно.

Тигхи осмотрел его плечо, но не обнаружил никакой внешней раны – плечо как плечо. Однако когда он дотронулся до него, Ати заохал от боли.

Сверху доносился жуткий треск веток, словно кто-то огромный ломился сквозь чащу.

– Ати, – произнес Тигхи, – мы должны вскарабкаться туда, наверх. Слышишь? Пошли!

Он обхватил Ати за талию и помог ему встать.

– Нам нельзя подниматься туда, – сказал Ати сдавленным голосом. – Там навверху великое множество этих тварей – катерпилов. Они там повсюду – огромные. Их сотни.

Тигхи поднял голову и посмотрел навверх. Шум в листве стал еще более интенсивным. Сначала появилась нога, а затем и все тело Равилре. Он катился вниз и, пытаясь замедлить падение, цеплялся за все, что попадалось на его пути.

Равилре рухнул в те же заросли, которые остановили падение Ати. И только после этого Ати и Тигхи заметили сбoku головы Равилре маленького катерпила. Повязка слетела, и челюсти монстра вгрызались в рану на ухе.

Широко распахнутые глаза Равилре излучали смертельный страх. Размахивая руками, он безуспешно пытался сбросить катерпила с уха.

Несмотря на свой относительно малый размер, катерпил с когтями производил ужасное впечатление. Тигхи собрался с силами и шагнул вперед. Протянув обе руки к голове Равилре, он схватился за брюхо мерзкой твари. Его кожу больно уколола густая, жесткая щетина, под которой ощущалось нечто отвратительное, какая-то слизь, но не влажная, а сухая, нечто очень противное и физически отталкивающее. Катерпил перестал двигать челюстями, неожиданно быстро повернул голову в противоположную сторону и попытался ухватить руки Тигхи.

Издав громкий вопль, Тигхи отдернул руки и отшатнул-

ся. Монстр соскользнул с плеча Равилре, но не упал. Цепляясь за его тело множеством ножек, он пополз вверх и вскоре возобновил свое прежнее занятие.

Ати громко охал и скулил. Он запутался в зарослях и барахтался в них, пытаясь выбраться.

Катерпил все глубже вгрызался в ухо Равилре.

Тигхи огляделся в поисках какого-либо сука или палки, которой можно было бы скovyрнуть мерзкое насекомое с головы товарища, однако перед его глазами находились лишь гибкие молодые ветки с множеством листьев на них. Юноша лихорадочно пытался сообразить, что же делать. В отчаянии он размахнулся и ударил гадкую тварь кулаком в брюхо, но для этого ему пришлось приподняться и ступить на больную ногу. Лодыжка подвернулась, и Тигхи упал на спину. Падая, он задел Ати, который огласил своими воплями всю округу.

Вдруг из верхних кустов вывалилось что-то большое. Мириады ног и щетины. Хвост существа оказался на Ати и Тигхи, а голова – рядом с телом Равилре.

Этот катерпил был значительно крупнее, длиной в два человеческих роста, очень толстый, с туго натянутым брюхом. Черные челюсти поблескивали, словно были сделаны из пластика. Катерпил подполз к Равилре, взгромоздился на его тело, подмяв заодно под себя и своего младшего собрата. Затем огромная тварь схватила своими мощными челюстями маленького катерпила, который попытался вырваться. Он начал извиваться и, повернув голову, старался укусить про-

тивника. Однако силы были настолько неравны, что маленький катерпил прекратил сопротивление и, выпав из челюстей старшего собрата, покатился вниз.

Равилре смотрел Тигхи прямо в глаза, быстро двигая руками. Не потеряй он от страха способности правильно оценить свое положение, возможно, он попытался бы оттолкнуть чудовище, однако вместо этого юноша беспомощно тыкал кулаками в подбрюшье катерпила, на котором шевелилось несколько дюжин ножек. Тигхи перевел взгляд чуть выше и увидел, как огромные челюсти вонзились в кровавую мешанину, в которую превратилась левая сторона головы Равилре. Тело Равилре забилося в конвульсиях, а затем изогнулось дугой и, рухнув на землю, замерло без движения.

Маленький катерпил тем временем оправился от падения. Он свернулся клубком, затем выпрямился и ринулся на Тигхи, который инстинктивно подался всем телом назад. Ати, лежавший под ним, орал и визжал. Животное остановилось, изогнувшись туловищем, повернуло назад и приблизилось к Равилре, у которого в схватке с большим катерпилем рубашка задралась вверх и обнажила низ грудной клетки и начало живота. Тварь распорол острыми зубами брюшину, из которой брызнула кровь, и погрузила свою морду внутрь живота Равилре.

Немигающий взгляд Равилре был по-прежнему устремлен на Тигхи и Ати. Тигхи встретился с ним глазами и поразился безмолвной выразительности взгляда человека, который

доживает свои последние секунды. Глаза Равилре заворожили и приковывали к себе.

Потребовалось серьезное физическое усилие, чтобы разорвать эту визуальную связь.

– Пошли, – произнес, задыхаясь, Тигхи.

Он кое-как встал на ноги и попытался поднять Ати.

По стволу платана, росшего чуть выше, уже сползал очередной катерпил, который явно намеревался принять участие в пиршестве.

– Нужно бежать отсюда, – взволнованно произнес Тигхи. – Нужно выбираться отсюда немедленно, во что бы то ни стало.

– Равилре, – потерянно проговорил Ати.

Его лицо казалось совершенно обескровленным, а губы приобрели бледный меловой оттенок.

– Ему мы ничем не поможем, – сказал Тигхи. – Мы должны уйти отсюда. Эти твари почуяли запах его крови. У нас нет кровавых ран, и они не унюхают нашу кровь.

Ати взглянул на него.

– У меня течет кровь. – Голос его звучал тихо и подавленно. – У меня течет кровь. Смотри.

Здоровой рукой Ати приподнял раненую конечность: через всю ладонь шел глубокий порез, из которого сочилась кровь.

Тигхи заглянул в самую глубину глаз Ати. Голова его друга тряслась от боли и страха.

– Все равно мы должны уходить отсюда, – сказал Тигхи. – Пошли.

Он взял Ати за здоровую руку, и юноши медленно попятнулись назад, в сторону от катерпилов, сбившихся в кучу. Их провожал взгляд Равилре. Его тело теперь лежало абсолютно неподвижно, неестественно прямое и застывшее. Самый маленький из трех катерпилов уже зарылся своей мордой в живот Равилре так глубоко, что не было видно ни челюстей, ни глаз. Кожа вокруг выеденного места была чистой, но с неровными краями, и походила на разорванную ткань. Самый крупный катерпил лежал рядом с ним, словно тень. У него была почти такая же большая голова, как у Равилре; челюсти размеренно двигались, вгрызаясь в тело Равилре сбоку.

– Пошли, – повторил Тигхи, отворачиваясь в сторону разрывая невидимую гипнотическую нить, связывавшую его взглядом Равилре и удерживавшую на месте. – Сюда.

Перед ними находился росший почти горизонтально длинный ствол платана, и Тигхи вспрыгнул на него без особого труда. Ати последовал за ним и тут же завопил от боли:

– Мое плечо! Болит так, что мочи нет!

– Ты должен пройти по этому дереву, – убеждал его Тигхи. – У тебя нет выбора.

– Ты просто не представляешь себе, что это такое, – захныкал плачущим голосом Ати. – Ты не знаешь, что такое настоящая боль.

– Да успокойся ты! – прикрикнул на него Тигхи, потерявший терпение. – У нас нет времени – подумай о катерпилах.

Этого говорить ни в коем случае не следовало. Ати задрожал, и изо рта у него полился бессвязный поток междометий. Тигхи схватил его за здоровое плечо и силой потащил вперед. Ати сопротивлялся на каждом шагу.

Протянув вверх руку, чтобы ухватиться за другую ветку дерева, Тигхи почувствовал что-то сухое и мягкое. С криком он отдернул руку, толкнув при этом Ати, который чуть было не свалился и тоже завопил во всю глотку. Оба юноши рухнули вниз, к корням дерева, оказавшись между ним и стеной.

Это был всего-навсего серый червяк. Свесив с сука свою глупую башку с глазками размером с булавочную головку, он уставился на них.

Ати орал с невероятной силой. Тигхи не удивлялся. Он знал, какие чувства испытывает его товарищ в эту минуту. Это был шок. Правда, Ати слишком уж старался. Выл, как маленький ребенок.

Тигхи попытался успокоить его.

– Да это же безобидный, жирный червяк, – сказал он. – Ати! Ати! – Ему пришлось повысить голос, перейдя на крик. – Ати, успокойся. Это обычный жирный червяк, совсем безвредный. Он не сделает нам ничего плохого. Ати!

Схватив Ати обеими руками за голову, Тигхи пристально посмотрел ему в глаза, пытаясь вселить в друга спокойствие и уверенность, заставить его замолчать.

– Ати, – произнес он.

Ати буквально пронзил его ответным взглядом. Тигхи посмотрел вниз. В руку Ати уже впился катерпил.

Тигхи не мог справиться со своей первоначальной реакцией. Отпустив Ати, он отпрянул назад. Затем вернул себе самообладание при помощи дикого вопля и бросился к другу. Катерпил прицепился двумя передними когтями к запястью Ати. Челюсти твари уже вгрызлись в его руку. На глазах Тигхи палец отделился от ладони и упал на землю.

Схватив Ати за плечи, Тигхи развернул его так, что рот юноши, охваченного паникой, оказался на уровне уха Тигхи, и теперь вопли буквально буравили его череп. Для большей устойчивости Тигхи привалился плечом к стене и начал лягаться здоровой ногой. Он нанес твари несколько ударов в спину, но катерпил продолжал жевать как ни в чем не бывало. Кисть Ати превратилась в обрубок, похожий на окровавленный кулак, неестественно маленький для руки, на которой он находился.

– А ну уходи! Пошла прочь, гадина! – выкрикивал Тигхи на родном языке, отдавшись во власть страха и ярости. – Тварь! Убирайся отсюда!

Над стволом платана появилась голова второго катерпила. Рядом тут же выросла еще одна голова.

Ати уже охрип от крика и теперь часто и тяжело дышал. Тигхи подвинулся в сторону и отпустил Ати. Он хотел освободить руки, чтобы поискать какое-нибудь оружие против

чудовищ. Однако Ати вцепился в юношу здоровой рукой, и их лица оказались совсем рядом.

– Не бросай меня, – выдохнул он в ухо Тигхи почти беззвучно. – Не бросай меня так, как мы бросили Равилре. Пожалуйста.

– Ати! – крикнул Тигхи, ощущая слабость. Его тело становилось вялым и безразличным. Страх грозил парализовать волю к сопротивлению. Однако ум юноши лихорадочно работал. – Ати, – проговорил он снова и больше ничего. Тигхи хотел сказать: «Не отвлекай меня, я пытаюсь придумать, что делать, найти выход».

Однако другой внутренний голос твердил ему: «У тебя нет кровавой раны, как у него. Ты еще можешь выбраться отсюда, а он вряд ли».

Он снова закричал, стараясь заглушить вредный голос внутри себя. Они были рядом со стеной, и Тигхи принялся выдирать из нее дерн и пихать траву вместе с землей в пасть первого катерпила.

– Не бросай меня, – с плачем повторял Ати. – Пожалуйста, не оставляй меня.

Еще два катерпила уже взбирались на длинное тело своего собрата, щелкая челюстями, будто ножницами.

Ати по примеру Тигхи вырвал из стены еще один кусок дерна и вколотил его между челюстями первого монстра. Поперхнувшись землей и корнями травы, тот перестал жевать, и Тигхи изо всех сил ударил тварь правой ногой. Катерпил

немного съехал вниз. Еще один удар – и вместе со своими двумя извивающимися сородичами он сорвался с руки Ати и рухнул на землю.

Тигхи с большим трудом поднял друга с земли и потянул к суку, находившемуся над их головами.

– Помоги мне, Ати, – крикнул он. – Подними здоровую руку и ухватись ею за сук!

Однако Ати потерял сознание.

Каждую минуту из зарослей могло показаться целое стадо катерпилов. Опасность не исчезала, а лишь слегка отдалась.

– Очнись, Ати! – закричал Тигхи. – Очнись!

Не в силах больше держать ставшее вдруг таким тяжелым тело товарища, он опустил его на ствол дерева, спиной к стене. Что же делать?

– Ати... – умоляюще произнес он.

Шлепки ладонью по щекам Ати тоже не возымели эффекта.

Злость и отчаяние овладели Тигхи. Он схватил безвольно висевшую руку Ати и сильно дернул ее, надеясь, что боль приведет друга в чувство. И тут произошло то, чего Тигхи не знал и не мог ожидать. Повинуясь рывку Тигхи, рука легко повернулась в рукаве, и послышался хорошо различимый щелчок. Сустав встал на свое место. Вывих был вправлен, однако Ати по-прежнему не приходил в сознание.

Снизу донеслись шорохи. Выглянув из-за ствола дерева,

Тигхи увидел целую тучу катерпилов, с полдюжины или даже больше. Они ползли, извиваясь, по нижним сукам. Мерзкие чудовища подминали под себя гибкие ветки с листьями и разевали пасти. Они могли учуять кровь Ати, Тигхи знал это. Да, они уже чуяли запах крови.

Тигхи бросился прочь и вскарабкался на следующее дерево, не отдавая себе отчета в своих действиях. Оставалось сделать еще шаг и ухватиться за сук над головой, и вся страшная сцена выпадет из его поля зрения, и он окажется в относительной безопасности. И все же что-то заставило Тигхи посмотреть вниз. Ати выглядел спокойным и умиротворенным, будто во сне. Картину портило лишь кровавое месиво, в которое превратилась его ладонь.

Не бросай меня так, как мы бросили Равилре.

Тигхи содрогнулся и зарыдал так сильно, что его рыдания отдавались во всем теле, словно икота. Он не мог крепко ухватиться за сук, так у него дрожали руки.

Задрав голову, Тигхи посмотрел на крутой подъем к поросшему лесом уступу, а затем перевел взгляд вниз, на Ати.

Тигхи спрыгнул с дерева и приземлился на больную ногу. Острая боль пронзила ее всю, от стопы до паха. Однако времени охать и причитать не было. Стиснув зубы, юноша присел спиной к Ати и, нащупав сзади его безвольные руки, положил их себе на плечи. Напрягаясь изо всех сил, Тигхи встал и двинулся вперед с тяжелой ношей на спине. Он не мог ступать на больную ногу и потому сильно хромал.

Поддерживать равновесие было непросто еще и потому, что обе руки Тигхи были заняты. Приходилось держать руки Ати. Отпусти он их, и его друг, все еще находившийся в бессознательном состоянии, свалится на землю. Справа от широкого ствола дерева, по которому он ковылял, все кишело катерпилами. Слева их было еще больше. Однако иного выхода не оставалось.

Тигхи спрыгнул вниз, рассчитывая, что ему удастся устоять на ногах. Он приземлился на спину катерпила, причем весьма крупного. Шероховатые костяные пластины, из которых состояла поверхность спины твари, не дали ему соскользнуть вниз. Резко повернув голову, катерпил кляцнул челюстями, пытаясь достать зубами такую странную добычу. Острые зубы насквозь прорвали штанину, и Тигхи почувствовал их прикосновение к своей голени. Однако и юноша не стоял на месте. Он спрыгнул со спины твари на следующий ствол дерева, а затем еще ниже.

Каждый прыжок таил в себе огромный риск. Запросто могла подвернуться больная нога, тем более что на спину давила такая тяжелая ноша. Тигхи всегда старался приземляться на здоровую ногу, ведь если бы он забыл об этом и случайно подставил больную, то наверняка пошатнулся бы и не смог удержать равновесие. Обе руки были заняты, и балансировать он никак не мог. Каждый шаг давался с великим трудом и мучениями, но Тигхи упрямо ковылял вперед, несмотря на то, что от усталости у него уже подкашива-

лись ноги. Вдруг он почувствовал под ногами что-то мягкое и скользкое и не успел отреагировать. Ноги начали разъезжаться в разные стороны, и юноша рухнул поперек дерева. Каким-то чудом ему удалось удержать Ати на своей спине. Поднатужившись, он перевернулся на бок и избавился от тела Ати, спихнув на ствол платана.

Глава 6

Потребовалось некоторое время, прежде чем Тигхи успокоился и перестал рыдать. Опасаясь нападения катерпилов сзади, он оглядывался едва ли не каждую пару секунд, и в конце концов у него заболела шея. Каждый шорох листы вызывал у юноши подозрения. Везде ему чудились твари с непрестанно двигающимися челюстями, которые были способны перемолоть все, что угодно. Юноша понимал, что оставаться там, где они сейчас, нельзя. Монстры придут. Рано или поздно, но обязательно придут. Возможно, они уже двигаются к ним.

– Нет, – простонал он. – Нет.

Откуда-то из кустарника, чуть ниже того места, где сидел Тигхи, доносилось журчание воды. Озираясь по сторонам, он слез с платана и довольно скоро отыскал родник. Припав к воде, он пил большими глотками и никак не мог напиться. Никогда еще простая холодная вода не казалась ему такой вкусной. Утолив наконец жажду, Тигхи набрал воды в рот и, вскарабкавшись опять на ствол платана, попрыскал водой на лицо Ати.

– Очнись, Ати, – умолял он. – Очнись.

Он принялся растирать ладонями лицо Ати, его лоб и щеки. Веки Ати задрожали и открылись.

– Нельзя задерживаться здесь, – произнес Тигхи.

– Ох, – жалобно проскулил Ати. – Ох-ох, моя бедная рука. Как она болит. Рука и плечо. – И все же теперь его рука, которую Тигхи так случайно и удачно вправил, теперь двигалась. Ати потрясал окровавленным обручком ладони перед лицом товарища. Его губы искривились, и Ати заплакал. – Посмотри на мою руку! – всхлипывая, произнес Ати. – Посмотри на нее! О, как она болит!

– Нам нужно идти, – сказал Тигхи. – Пока пользуйся левой рукой. Цепляйся ею за ветки и сучья. Ладно, Ати?

Сморщенное лицо Ати разгладилось, и когда он посмотрел Тигхи в глаза, тот увидел во взгляде друга невинные простодушие.

– Какое смешное у тебя лицо, – произнес он, и его голос прозвучал совсем как у ребенка. – Ты плакал?

– Да, Ати, – признался Тигхи. – Я плакал.

Ати понимающе кивнул.

– А как же Равилре? – поинтересовался он. И тут его лицо опять сморщилось, и из глаз закапали слезы. – Равилре мертв, – проговорил он сдавленным голосом. – Мы все умрем.

– Пойдем, – сказал Тигхи, – мы должны подняться туда, где нет проклятых катерпилов. Ты слышишь меня, Ати?

– О, моя рука, – простонал Ати, размахивая перед собой изуродованной конечностью. – Посмотри на нее.

– У тебя есть другая рука, – напомнил ему Тигхи. Он схватил Ати за шиворот рубашки и рывком поставил друга на

ноги. – Хватит ныть! Пошли.

Не сразу Ати приспособился к тому темпу передвижения вверх, которого от него требовал Тигхи, и последнему пришлось еще несколько раз прикрикнуть на друга. Однако в конце концов Ати научился и с одной рукой так же ловко перебираться с дерева на дерево, как и Тигхи. Разнообразные препятствия, которым было несть числа, тормозили их продвижение, и все-таки, пусть и слишком медленно, но они поднимались вверх по стене, сдвигаясь при этом в западном направлении.

Тигхи все чаще и чаще задумывался над тем, где они находятся и сколько им осталось еще пройти. Верный признак усталости, которая может перейти в самоубийственную апатию и безразличие к собственной судьбе. Очевидно, восточная граница Сетчатого Леса была к ним гораздо ближе, чем западная. И если они будут двигаться с такой же скоростью, то на переход через весь Сетчатый Лес потребуется несколько дней.

Ати остановился и, сев на дерево, заплакал.

Вскоре друзья, до смерти голодные и едва держащиеся на ногах, сделали привал. Страх немного ослабил свою хватку. Он отступил из самой глубины сознания на поверхность, и все же юноши вздрагивали при каждом шорохе в зарослях. Утешал только тот отрадный факт, что за время своего подъема они больше не видели катерпилов.

Внезапно налетевший сумеречный шторм с воем ударил

по кронам деревьев, растрепав листву. Ати и Тигхи испуганно вскрикнули и прижались друг к другу. Однако это был всего лишь порыв ветра, и, опомнившись, друзья принялись искать какую-то естественную нишу, куда можно было бы втиснуться. Порывы ветра участились, и юноши заключили друг друга в тесные объятия. Бушевавшая поверх стихия была привычна, привычен был и страх, который она внушала.

– Может быть, этот ветер... – начал Тигхи, пытаясь отвлечь Ати от мрачных мыслей. – Может, этот ветер снесет со стены всех катерпилов, сбросит их в бездну.

В ответ Ати истерически засмеялся.

– Почему же их не снесло сегодня утром? – спросил он. – Или прошлым вечером? Чем тот сумеречный шторм отличался от сегодняшнего? Не вижу разницы.

– Нет-нет, – поспешил успокоить его Тигхи. – Они живут в большой пещере ниже. Однако выползли оттуда на запах крови, большой крови. Мы сами выманили их оттуда проклятой войной. Столько убитых и раненых. Этим тварям было чем полакомиться. Но теперь они слишком далеко от своей пещеры и не успеют вернуться туда. Они все сидят на сучьях. Их сдует оттуда ветром! Сдует прочь и навсегда!

Ати опять засмеялся, и какое-то время друзья молчали, замороженные музыкой стихии. Когда ветер улегся, оба заснули, однако Ати вскоре дернулся и проснулся.

– Нам нельзя оставаться здесь, – проговорил он возбужденно. – Нам нельзя оставаться здесь, не то они придут и со-

жрут нас. О, как болит моя рука!

– Все будет в порядке, – сказал Тигхи.

– Нет, нет, мы должны немедленно уйти отсюда! – Ати с усилием поднялся, вырвавшись из объятий Тигхи. – Нужно подниматься вверх.

Ночь выдалась такая темная, что хоть глаз коли, и в этой абсолютной темноте перебираться по стволам деревьев оказалось куда сложнее, чем днем. Они пробирались на ощупь, шаря вслепую руками в поисках крепких сучьев. Не прошло и часа, как Тигхи, которому до смерти надоело это шатание, бессмысленное и опасное, раздраженно проговорил:

– Ати, не пора ли остановиться? Мы должны отдохнуть, выспаться, иначе завтра днем мы далеко не уйдем.

Ати пробормотал что-то нечленораздельное.

– Ати, – настойчиво сказал Тигхи, схватив его за талию. – Это же идиотизм. Остановись, слышишь? Ведь мы можем вместо сука в темноте ухватиться за катерпила. Стой!

Эти слова заставили Ати задуматься. Он сел, уткнув голову в колени, и заплакал. Тигхи опустился рядом с другом на колени и, обняв его, осторожно уложил поперек широкого ствола дерева так, что стена была у него за спиной. Затем улегся позади друга и прижался к нему.

– Нам будет тепло и спокойно, – пообещал он. – Все будет в порядке.

Немного похныкав, Ати заснул. Он напоминал Тигхи младенца, которого нужно прижать к груди и баюкать. Однако

сон Ати был очень неглубоким. Он часто просыпался с криками «Они идут!» или «Моя рука! Нет!». Иногда Ати просто вопил. И каждый раз ему было все труднее заснуть.

Постоянные переходы Ати от сна к бодрствованию действовали Тигхи на нервы. Голодный и обессиленный, он теперь ко всему прочему был лишен возможности выспаться. К тому времени, когда на Сетчатый Лес обрушился рассветный шторм, ни одному из юношей не удалось поспать более получаса.

Когда наступило утро, оба бывших флатара чувствовали себя настолько разбитыми, что с трудом могли координировать свои движения. Подниматься вверх в таком состоянии было гораздо труднее, тем более что Ати мог действовать лишь одной рукой.

– Я голоден, – сказал он. – Я очень хочу есть, и у меня болит рука.

К тому времени они одолели лишь три дерева. Тигхи принялся осматривать окрестные заросли в поисках пищи, а Ати сел спиной к стене. Тигхи клонило в сон, глаза слипались, и однажды, когда он уже подумал было, что его нога нашла надежную опору, она вдруг заскользила, и Тигхи, потеряв равновесие, упал и больно ударился грудью о дерево. Удар был настолько сильным, что у него перехватило дыхание, и юноша встал лишь после того, как отдышался.

Он увидел червя, не слишком крупного, и тут же камнем упал на него. Однако когда он принес добычу, Ати задрожал

и отвернулся.

– Я не могу это есть, – сказал он. – Это мясо вызывает отвращение. Меня от него тошнит.

– Успокойся! – сказал Тигхи. – Это пища.

Он откусил кусок и начал усердно жевать его.

– Я хочу травяного хлеба, – проговорил Ати со слезами в голосе.

– Ну ты даешь, Ати. Откуда я тебе возьму травяной хлеб здесь, в Сетчатом Лесу? Ты что, совсем рехнулся? Ладно, на вот, лучше поешь.

Тигхи оторвал лохматый кусок плоти червяка и протянул его другу, но тот с отвращением отвернулся.

Тигхи ел в одиночестве.

Когда юноша насытился, они снова тронулись в путь.

Через какое-то время друзья вышли к узкому, поросшему мхом и травой утесу, который переходил в длинный уступ, частично вдававшийся в стену. На нем росли молодые побеги деревьев, за которыми находился еще один уступ. Теперь путникам не нужно было подниматься по стволам платанов и продирааться сквозь чащу. Они двигались гораздо быстрее и вскоре добрались до дальнего конца второго уступа.

Здесь друзья остановились. Перед ними открылась длинная вертикальная расщелина, из стен которой наружу выходили вкрапления горных пород, а края были утыканы небольшими валунами. Вверху, на высоте пяти рук, виднелась какая-то сильно проржавевшая металлическая решет-

ка, и рядом с ней более или менее ровная каменная плита.

Тигхи пробежался взглядом вверх и вниз по абсолютно прямой расщелине, стены которой внизу были выложены маленькими каменными плитами. От края и далеко вниз уходила едва заметная желтая полоса явно искусственного происхождения. Краска во многих местах облупилась и заросла мхом. Внешний край этого разреза зеленел густой травой, в отличие от внутренней мшистой поверхности. На другой стороне расщелины начинался уступ, почти целиком вдававшийся в стену и поднимавшийся вверх.

– Слишком далеко. Нам не перепрыгнуть, – со вздохом заключил Тигхи, – но мы могли бы построить мостик.

Притянув к себе длинный сук дерева, росшего внизу, юноша резко повернул его. Раздался треск, и сук оказался в руках у Тигхи, который положил его на расщелину. Другой конец сука свободно доставал до противоположной стороны. Ветки с листьями накрыли все пространство.

– Эта штука не выдержит наш вес, – произнес Ати.

– Значит, нужно добавить еще несколько палок. А ну, за дело. Не стой, помогай мне!

Однако от Ати было мало толку, и Тигхи пришлось работать одному. Очень скоро он выломал и перебросил через пропасть еще четыре крепких сука, а затем осторожно попробовал ступить ногой на получившееся сооружение.

– По-моему, все в порядке. Можно перебираться на ту сторону, – радостно воскликнул Тигхи, медленно продвига-

ясь вперед. – Сначала перейду я. Ты пойдешь после того, как я окажусь на той стороне. Ясно? Я протяну тебе руку и помогу перейти. Не бойся, все получится.

Серые ветви платана прогнулись под весом Тигхи. Их концы на противоположной стороне поднялись почти вертикально. К счастью для юноши, они не разъехались в разные стороны, а застряли в глинистой поверхности нависавшего над уступом козырька. Перебравшись через пропасть, Тигхи махнул Ати рукой, приглашая следовать за ним.

– Иди, не бойся. Мостик прочный. Выдержал меня, выдержит и тебя.

Ати заскулил от страха, но все же вступил на шаткое сооружение.

– Подумай хотя бы о том, что если уж мы перебираемся через эту расщелину с таким трудом, то катерпилы и подавно не смогут это сделать.

Когда Ати мелкими шажками добрался до середины мостика и протянул Тигхи дрожащую руку, тот схватил ее, подавшись вперед всем телом, перетащил друга на свою сторону, и оба юноши, обнявшись, рухнули на землю. Их нервы были совсем измотаны, и требовалось хоть чуть-чуть отдохнуть, прежде чем двигаться дальше. Наконец, почувствовав в себе достаточно сил, Тигхи встал и ударом здоровой ноги по концам палок сбил самодельный мост в пропасть.

Вверху ров заканчивался лестницей из двух частей, расположенных под углом друг к другу. Сойдя с лестницы, Тиг-

хи и Ати увидели перед собой росший наклонно ствол платана, пройдя по которому можно было подняться на простирающийся на значительное расстояние в западном направлении уступ, практически свободный от какой-либо растительности, кроме травы. Над стволом свисали сучья и ветки, достать которые можно было без особых усилий. Теперь перед бывшими флатарями лежал прямой и легкий путь.

– Эй, там! – раздался сзади чей-то громкий голос.

Тигхи и Ати, застигнутые врасплох, оглянулись одновременно. В двадцати с небольшим руках от них стояли одетые в серую форму солдаты Отре. Один показывал рукой на юношей, а двое других поднимали ружья.

– Бежим! – взвизгнул Ати. – Мы можем забраться в чащу, и они нас потеряют.

С этими словами он, не дожидаясь ответа, быстро побежал к западному краю маленького уступа и прыгнул вниз, намереваясь ухватиться за широкий горизонтальный сук, который должен был сначала под тяжестью Ати согнуться вниз, а затем выпрямиться и перебросить Ати на соседний утес.

– Нет! – закричал Тигхи, бросаясь вслед, но было уже поздно.

Ати уже летел в воздухе и тянулся к суку рукой, на которой не было пальцев. В горячке он забыл об этом.

Обрубок ладони царапнул по суку, пальцы здоровой руки отчаянно заскребли по стволу дерева, и в следующий момент Ати уже падал вниз.

Игнорируя окрики солдат, Тигхи скатился с утеса и побежал по уступу под уклон. Он нашел Ати в самом конце уступа. Его друг лежал, неестественно изогнув шею.

Тигхи сел рядом с Ати на землю и горько заплакал. Предсмертная гримаса, исказившая лицо погибшего, походила на ехидную усмешку оттого, что голова на сломанной шее повернулась подбородком вверх.

Когда солдаты Отре подбежали к юноше и положили свои ручки ему на плечи, он все еще плакал.

Глава 7

Солдаты Отре на всякий случай позаботились о том, чтобы у Тигхи не возникло желания совершить побег. Они привязали его правую руку к правой лодыжке пластиковым шнуром такой длины, что юноша вынужден был шагать согнувшись. Впрочем, эта мера предосторожности была излишней. Последний удар судьбы просто оглушил Тигхи, и отупевший от несчастья юноша покорно ковылял под конвоем навстречу неизвестности.

Один солдат шагал впереди Тигхи, а двое его товарищей шли сзади, зорко следя за каждым движением пленного. Теперь они двигались в обратном направлении, на восток, кое-как перебираясь с уступа на уступ. В одном месте им попалось препятствие в виде нескольких стволов платанов, образовавших гигантские ступеньки. Тигхи с большим трудом взбирался на них. Сначала он ложился животом на огромный ствол и цеплялся руками за кору, постепенно переваливался и забрасывал наверх ноги. Затем становился на четвереньки и полз к следующему дереву. Продвижение вперед серьезно затормозилось. Потеряв терпение, солдаты решили помочь пленному и стали поднимать его на дерево, схватив под руки.

Постепенно они приблизились к широкому уступу. Возможно, это был тот самый уступ, на котором Тигхи оказал-

ся двумя днями раньше, когда еще были живы Мулваине, Равилре, Пелис и Ати. Вспомнив об этом, Тигхи почувствовал, как в горле встал комок, а затем у юноши непроизвольно отвисла нижняя челюсть и защемило в глазах. Его тело стало содрогаться от рыданий. Солдаты сначала не обращали никакого внимания на состояние пленного, однако в конце концов его причитания начали их раздражать, и они быстро заставили Тигхи замолчать, несколько раз огрев по спине прикладами.

Солдаты, похоже, не слишком спешили возвращаться домой и, шагая вразвалку, не переставали весело болтать между собой на своем странном, гортанном языке. Они чувствовали себя абсолютно непринужденно и часто смеялись.

Через час они покинули Сетчатый Лес, выйдя к его восточной опушке. Блокпост, сооруженный имперскими войсками, теперь занимали солдаты Отре в серой форме. На выступах, видневшихся поодаль, копошились серые человечки, что говорило о намерениях Отре не снижать военной активности.

Тигхи миновал блокпост вместе с солдатами, а затем проковылял в полусогнутом положении по уступу и оказался на широком выступе.

– Сюда, – сказал один из конвоиров на имперском языке с ужасным акцентом, – ты, идти сюда.

Они стояли у входа в одну из землянок.

Тигхи шагнул внутрь и упал вперед. Отре оборудовали

землянку дверью, которую приставили к входу, а не закрыли, так как петель не было. Через узкие щели между досками в землянку проникали слабые лучики света.

В полутемной землянке помимо Тигхи находилось еще около дюжины людей. Все они были связаны шнурами из пластика. У некоторых, как у Тигхи, запястья были соединены с лодыжками, у других руки связаны за спиной. Когда юноша встал с пола, все уставились на него, но никто ничего не сказал.

Тигхи прохромал к стене и сел на землю. Он в плену у кровожадных злодеев. Наверняка всех, кто здесь находился, ждет мучительная смерть.

К Тигхи, неуклюже ковыляя, приблизился какой-то человек.

– В каких частях ты служил? – спросил он на беглом имперском языке. – Сапер? Обозник?

– Не знаю, – ответил юноша. – Не знаю.

– Забыл, что ли?

– Непонятно, – сказал Тигхи, опустив голову, – почему все они должны были умереть. Все, кроме меня. – Он поднял голову и перехватил взгляд того, кто стоял перед ним. – Ты видишь в этом какой-то смысл?

– Я? – удивленно переспросил бледнолицый мужчина. – Я служил в регулярных частях. Это совсем другое дело, не то что ваши стрелки.

– Например, Ати, – продолжал Тигхи, вытянув вперед

свободную руку, – ведь он столько вынес. Разве он не заслужил жизнь?

Мужчина с бледным лицом подозрительно посмотрел на вытянутую руку Тигхи.

– Как я уже говорил, – сказал он, сделав шаг назад, – меня очень удивило, что они взяли меня в плен, а не сбросили со стены. Видимо, хотят превратить нас в рабов. Вот какое будущее нас ждет: мы станем товаром. Понимаешь? А за пожилых людей, вроде меня, не дадут хорошей цены. Кому нужен плохой товар. Однако, как бы то ни было, я сейчас здесь.

– Он упал дважды, – объяснил Тигхи. – В первый раз он упал с большой высоты и с ним ничего не случилось; во второй раз пролетел не так далеко, но это падение оказалось для него смертельным. Разве это справедливо, как ты думаешь?

– Такой симпатичный молодой парень, – неопределенно произнес мужчина, отходя к противоположной стене, – за тебя дадут хорошую цену. Притом необычный цвет кожи. Это редкость, за которую попросят надбавку. Однако мне нужно благодарить Бога за то, что меня вообще оставили в живых.

Он замолчал, и на некоторое время замкнутое пространство землянки наполнила тишина, которую нарушали лишь всхлипывания Тигхи. Он лежал на земляном полу, свернувшись калачиком, и тихо плакал. Постепенно угас свет, поступавший через щели между неплотно пригнанными досками двери, и начался сумеречный шторм. После того как он улегся, Тигхи заснул, однако его сон тревожили образы

Ати, яркие и отчетливые. Его друг расхаживал по уступу с головой, повернутой под неестественным углом.

Утром солдаты Отре открыли дверь и, втащив в землянку глиняный чан с водой, бросили рядом охапку травы. Недвижно лежавший Тигхи молча наблюдал за тем, как другие пленники, расталкивая друг друга, набросились на этот скудный завтрак.

Прошел еще один день. Когда наступило время обеда, в землянку вкинули еще одну охапку травы. И в этот раз обитатели землянки вступили между собой в схватку из-за лишней пары стеблей. Тигхи по-прежнему не двигался с места и спокойно наблюдал за происходящим. Голод отзывался в его животе физической болью, однако он радовался этому ощущению. Все вполне справедливо. Он заслужил эту боль и потому ценил ее физическое проявление.

После того как с травой было покончено, пленники опять разбрелись по местам. Рядом с Тигхи устроилась женщина болезненного вида, которая бросила на юношу пристальный взгляд.

– Кого только нет в этой армии, – сказала она наконец. – Я встречала людей из самых разных мест, но еще ни разу не видела, чтобы у кого-нибудь была такая темная кожа, как у тебя.

Тигхи не ответил. Он просто смотрел на нее немигающими глазами.

– Ты странный тип. Такая кожа, – бесстрастно повторила

она. – Покупатель выложит за тебя неплохие деньги.

В ту ночь Тигхи быстро заснул, и его сон был ровным и спокойным. Однако долго поспать ему не удалось. Он внезапно проснулся в темноте, почувствовав рядом с собой присутствие другого человека. Кто-то склонился над ним и шарил руками в его одежде. Издав пронзительный вопль, Тигхи вслепую нанес несколько ударов свободной рукой. Человек заохал и упал. Это был тот самый мужчина с бледным лицом, который разговаривал с юношей сразу после того, как его привели в землянку.

– Что тебе нужно? – возмущенно воскликнул Тигхи.

– Просто хотел проверить, нет ли у тебя чего-нибудь ценного, – ответил бледнолицый прерывающимся голосом. – Прости меня. Мне не следовало этого делать.

Тигхи сел и попытался разглядеть что-либо в темноте, признаки какого-либо движения. Сколько он ни напрягал зрение, сделать этого не удалось. Казалось, все вокруг завешено абсолютно непроницаемым, черным пологом. В конце концов Тигхи начал клевать носом и задремал. В следующий раз он проснулся уже после того, как отшумел рассветный шторм. Затекшая шея сильно ныла, и Тигхи не сразу удалось избавиться от этой боли.

На этот раз, когда стражники принесли еду, Тигхи не остался в стороне от дележки, которая больше напоминала драку. Он смог ухватить себе немного травы. Зажав в обоих кулаках по несколько стеблей, Тигхи сел у стены и принялся

усердно жевать. Поев, он захотел пить, однако воды не было, и тогда юноша слизал языком капли влаги, выступившие на сырых стенах.

– Как тебя зовут? – спросил бледнолицый мужчина, присев рядом на корточки.

Он вел себя так, словно попытка обворовать Тигхи, предпринятая им прошлой ночью, установила между ними некую связь.

Тигхи окинул мужчину недоумевающим взглядом.

– Все мои друзья погибли, – сказал он немного погодя.

– Ясное дело, – произнес мужчина. – Понимаю. Понимаю. Мы все потеряли друзей, и я тоже. – Последовала пауза. – Тяжело, – добавил он.

– Тяжело, – кивнул Тигхи. – Близкие друзья.

Ожидаемый комок в горле так и не появился. Глаза не защищало от слез. Это удивило юношу. Что же там, внутри моей головы? – подумал Тигхи. Ведь ее должны переполнять скорбь и печаль. Однако он ощущал там пустоту, словно катерпил выгрыз все мозги так же быстро и ловко, как он пожирал Равилре.

– Меня зовут Трозе, – представился бледнолицый мужчина, кивнув Тигхи.

– Я ничего не чувствую, – сказал Тигхи.

Он произнес это предложение, потому что ему хотелось услышать, как оно прозвучит у него во рту.

– В самом деле? – удивился Трозе. – Я служил в пехоте.

Несколько раз я просил своего командира отправить меня в учебную часть. Мне хотелось стать стрелком. Однако туда не пробиться. Так что пришлось остаться со своим копьем.

Тигхи смотрел на Трозе и удивлялся. Жизнь этого человека подошла к концу, но он, похоже, и не сожалел об этом. Он свалился с мира, но это не удручало его. Не впал в отчаяние, а был по-прежнему энергичным и деятельным, как если бы ничего не произошло. За этой банальной философией скрывалась какая-то подспудная сила. Что произойдет, если обрушится весь мир? Ну и что, нужно продолжать жить дальше.

– И сколько времени ты уже здесь? – поинтересовался Тигхи.

– Несколько дней. Точнее сказать не могу, – ответил Трозе и поскреб щеки. – У меня уже начала отрастать борода. Папы приказывают нам: брейтесь! Такова воля Бога. А я смотрю на это так: стена мира – это лицо Бога. Вот где мы живем. Где из него произрастают разные вещи, такие, например, как Сетчатый Лес, где живет зло. Поэтому нужно бриться, чтобы наши лица были чистыми. Гладкими. Вот как я смотрю на это дело.

Упоминание о Сетчатом Лесе не вызвало у Тигхи никаких эмоций. Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

– Из какой части мировой стены ты родом? – спросил Тигхи.

Он вдруг почувствовал усталость от неспособности по-

добрать слова, чтобы более сжато и точно сформулировать свои мысли.

Трозе коротко усмехнулся, однако в этой усмешке Тигхи не почувствовал ничего, обидного для себя.

– Ты, пожалуйста, не обижайся, – начал он, – но ты говоришь на имперском как-то странно. У тебя какое-то протяжное произношение. Ты ведь не уроженец наших мест, не так ли?

– Нет, – согласился Тигхи.

– Я всегда могу распознать по произношению, кто откуда, – удовлетворенно произнес Трозе, откинувшись назад, к стене. – Я начинаю думать, что...

Тигхи так и не узнал, что думает его собеседник, так как в этот момент послышался скрежет отодвигаемой двери и в землянку, наклонившись, вошел солдат Отре. Сделав пару шагов, он выпрямился во весь рост.

– Ты! – сказал он, показывая на Тигхи. – Идти со мной.

Вышедшего из землянки Тигхи ожидал офицер Отре, который приказал юноше следовать за ним. Тигхи шел сначала по выступу, затем поднялся по лестнице и вошел в короткий туннель, на выходе из которого открывался вид на местность, еще несколько дней назад служившую полем сражения. Об этом свидетельствовали следы пожарищ, во многих местах изуродовавшие стену. Прежде чем офицер толкнул юношу, приказывая ему сойти вниз и двигаться по уступу к лестнице, он успел заметить сотни солдат в серой форме.

Десять минут спустя Тигхи и сопровождавший его офицер уже поднимались по недавно сооруженной лестнице, которая вела на верхние уступы. Неторопливо ковыляющий юноша имел возможность разглядеть укрепления, о которые разбилась мощь Имперской армии.

Затем Тигхи прошел под деревянной аркой, обитой пластиком. Деревянные стены здания хранили следы попадания пуль. Юноша заметил длинное черное пятно, похожее на настенный рисунок, изображавший пышную черную шевелюру. Очевидно, имперским войскам, штурмовавшим укрепление, удалось поджечь его, однако гарнизон форта быстро справился с огнем.

Больше Тигхи ничего не увидел, поскольку оказался внутри здания. Его поразило огромное количество коридоров и лестниц, по которым туда-сюда сновали люди в опрятно и хорошо сидевшей на них форме. Скорее всего это были штабные офицеры, подумал Тигхи.

Провожатый Тигхи ухватил юношу за свободную руку и потащил по закоулкам и переходам огромного и сложного комплекса: по длинному коридору, вниз, вверх, опять вниз и опять вверх по крутой лестнице. Наконец они оказались в коридоре, по обеим сторонам которого шли двери. Офицер вдруг остановился перед одной из них – пятой по счету слева, успел сосчитать Тигхи, – и, рывком открыв ее, втащил юношу в комнату.

Помещение было абсолютно квадратное со стенами и по-

толком, обшитыми деревом. Окна отсутствовали, значит, комнату вырыли в стене, сделал вывод Тигхи. На скамейке, которая представляла собой доску, подвешенную на цепях к потолку, поджав под себя ноги, сидел офицер. Он внимательно оглядел Тигхи.

Юноша поднял голову, попытавшись рассмотреть хозяина кабинета, однако приведший его офицер ловкой подсечкой заставил юношу растянуться плашмя на пыльном полу.

Человек, сидевший на доске, приступил к делу сразу, без каких-либо прелюдий.

– У тебя необычный цвет кожи, – сказал он.

На имперском языке он говорил бегло и без акцента. Это Тигхи определил сразу же. Однако юноша заметил также и то, что офицер произносил слова с растяжкой, лениво.

Последовала пауза. Тигхи не знал, как отвечать.

Провожатый больно ударил Тигхи ногой в копчик.

– Да, господин офицер! – тут же пролаял Тигхи.

– Ты не из Имперского Города?

– Нет, господин офицер.

– Не затягивай с ответом. Ясно? Это утомляет меня, а тебе не принесет ничего хорошего. Если я спросил «Ты не из Имперского Города», значит, я имел в виду «откуда ты?».

Испуганный Тигхи затараторил:

– Из маленькой деревушки, которая находится выше, господин офицер. Я был там принцем, однако моих родителей убили, а потом, через некоторое время, я, спасаясь от пого-

ни, свалился со стены. Я упал, понимаете, господин офицер, но не погиб, и вот...

Провожатый опять ударил юношу сапогом в копчик. Боль молнией пронзила спинной хребет Тигхи. Он замолчал.

– Что ты делал в Имперской армии? – спросил офицер сверху.

– Я был флатаром, господин офицер.

– Как интересно, – протяжно произнес хозяин кабинета, хотя, судя по тону, каким он это сказал, сообщение юноши не вызвало у него особого интереса. – Много ли боевых вылетов ты совершил?

– Много чего, господин офицер?

– Часто ли ты летал?

– Да, господин офицер. Нет, господин офицер. Я не уверен, господин офицер.

– Я был свидетелем нескольких воздушных налетов, – сказал офицер так, словно разговаривал сам с собой. – Эти флатары – настоящие воздушные акробаты, но в военном отношении пользы от них было мало. Парень! Ты знаешь, почему ты здесь?

Страх, змеей вползавший в душу Тигхи, почти парализовал его.

– Нет, господин офицер. Меня взяли в плен.

– Да, ты попал в плен. В этом нет никакого сомнения. Ты туго соображаешь, не так ли? Или придуриваешься? Может, ты в действительности старший офицер, который пытается

выдать себя за простого солдата? А?

Тигхи никак не мог взять в толк, о чем говорит этот офицер.

– Нет, господин офицер! – растерянно выкрикнул он и тут же на всякий случай поправился: – Да, господин офицер!

– Я мог бы подумать так, – растягивая гласные, произнес человек, покачивавшийся на доске вверху, – если бы ты не был так юн. Но у меня возникает ощущение, что, стараясь показаться идиотом, ты переигрываешь.

– Простите меня, господин офицер, – сказал Тигхи, шмыгая носом.

Пыль с пола попала ему в нос и неприятно щекотала носовые пазухи. От ударов по копчику занял позвоночник. Юноша чувствовал себя глубоко несчастным. По его щекам потекли слезы.

– Ты плачешь?

– Да, господин офицер.

– Какой же ты воин?

– Мне страшно, господин офицер, – прохныкал Тигхи. – Я слышал нехорошие истории...

– Истории? – Впервые за весь допрос человек, ведущий его, кажется, проявил настоящий интерес.

– Я слышал, что Отре... что они дурно обращаются со своими пленными.

Короткая, продолжавшаяся мгновение пауза, и вверху раздался залиvistый смех. Похоже, слова Тигхи немало раз-

веселили офицера. Робко – его сердце все еще гулко стучало от страха – юноша попытался чуть-чуть приподнять голову, чтобы посмотреть вверх. И тут же ощутил лбом прикосновение сапога провожатого. Удар был несильным, это было своеобразное предупреждение. Тигхи опять уткнулся носом в грязный пол. Человек сверху перестал смеяться.

– Мой дорогой мальчик, – произнес он, – мы слышали те же самые истории об Имперской армии. «Не попадайте к ним в плен», – говорили нам. – Они подвергают своих пленных изуверским пыткам». – Он опять рассмеялся. – Так принято на войне. Мы тоже стараемся принять меры, чтобы у наших солдат не возникало соблазна сдаться в плен. Сражайтесь до последней капли крови – таков наш лозунг, и в нем заключается самая лучшая философия стратегии.

Последовала пауза. В тишине явственно слышалось поскрипывание цепей, державших доску, на которой сидел офицер.

– Ладно. Я не могу возиться с тобой весь день. У меня и других дел по горло. Тебя привели ко мне только потому, что кто-то, занимающий высокий пост, решил, что ты достаточно важная птица. Ты знаешь почему?

– Нет, – тихо ответил юноша.

В этот момент он ощутил себя ничего не значащей песчинкой.

– Ну что ж, сказать по правде, и мне невдомек, почему у них возникло такое предположение. Наверное, потому, что

твоя кожа темного цвета, но для меня это ровным счетом ничего не значит. Кто-то, должно быть, подумал, что ты занимаешь в Имперской армии особое положение, раз у тебя темная кожа. Я так не думаю. Ты родился в какой-то деревне на задворках Империи. Ты флатар. Ты – ничто. Пора заканчивать наш разговор. Надеюсь, что за тебя дадут хорошую цену.

Провожатый грубо схватил Тигхи за руку и рывком поставил на ноги.

– Цену? – повторил потрясенный юноша.

– Да, конечно, – задумчиво проговорил человек сверху. – В настоящий момент торговля идет вяло. Рынок близок к кризису. После войны на рынок поступает огромное количество товара, а мы, к сожалению, не можем зарабатывать столько, сколько бы нам хотелось. Но такова уж природа вещей.

Глава 8

Озадаченного и сбитого с толку Тигхи опять повели по лабиринту деревянных коридоров. Лабиринт деревянных закоулков, дверей, полов, потолков настолько примелькался, что перестал производить на Тигхи впечатление. По деревенским меркам окружающее стоило баснословных денег, которые были выброшены на ветер, однако теперь это изумляло его все меньше и меньше. Все, что существовало в мире, не имело теперь к Тигхи никакого отношения.

Его наполовину протащили, наполовину проволокли по дюжине разнокалиберных коридоров и заперли в комнате, где уже находился еще один человек, но Тигхи не мог определить – он или она. От побоев у него или нее распухло и почернело лицо. Человек лежал без движения и молчал. Свет, проникавший через щели в двери, угас, и в помещении стало темно. Тигхи пощупал свой живот. Страх и возбуждение десятикратно обострили чувство голода, доведя его до уровня, когда он воспринимался как острая, физическая боль.

Едва Тигхи успел подумать, что до завтрашнего дня у него во рту вряд ли побывает даже маковая росинка, как дверь открылась, и в помещение влетел сверток из листьев платана.

Развернув листья, Тигхи обнаружил в них травяной хлеб. Пекари не поскупились и сдобрили тесто насекомыми. Юноша жадно набросился на еду, давась плохо прожеванными

кусками, и вскоре его желудок, отвыкший от нормальной пищи, да еще в таком количестве, отреагировал на это мучительными спазмами. Юноша резко умерил аппетит. Его сосед – или соседка – лежал на боку и не проявлял никакого интереса ни к Тигхи, ни к хлебу.

– Принесли поесть, – сказал в конце концов Тигхи. – Хочешь хлеба?

Ответа не было.

Перед Тигхи встала этическая дилемма. Он слышал шумное дыхание, и стало быть, человек был еще жив. Однако Тигхи был так голоден, что мог незаметно для себя съесть весь хлеб. Он съел бы и три таких буханки, если бы ему их дали. Тигхи решил попробовать заговорить еще раз:

– С тобой все в порядке? Тебя били? Ты голоден?

Молчание.

– Я могу дать тебе хлеба, чтобы ты поел потом? Пусть полегит у тебя, и ты съешь его немного погодя.

Молчание.

– У тебя что, ранен голос? – Эта идиома пришлась Тигхи не по вкусу, но он не мог найти иного способа для выражения своей мысли. – Ты что, не можешь говорить? Если так, то подай знак хоть как-нибудь, если голоден.

Молчание.

Тигхи оставил дальнейшие попытки добиться чего-либо со стороны этого странного существа и быстро расправился с остатком травяного хлеба, а затем лег на пол. Спазмы в

желудке утихли, и юноша заснул.

Он не мог определить, сколько времени продолжался сон, но, когда проснулся, сквозь щели в двери и деревянных стенах уже пробивался свет. Тот, другой, занимал точно такое же положение, как и вчера. Казалось, его тело срослось с полом. Лишь глаза внимательно смотрели на Тигхи через узкие щелочки, оставшиеся между распухшими, почерневшими веками.

– Доброе утро, – вежливо приветствовал Тигхи своего товарища по несчастью. Юноша сел на полу и принялся растирать затекшие конечности. – Как ты?

Прошло еще немного времени, и молчание сокамерника стало частью разговора. Тигхи говорил что-нибудь и затем делал паузу, оставляя место для ответа, которого не было. Он начал рассказывать свою историю, начиная с того момента, когда его платон бросили в сражение, и кончая их злключениями в лесу. При этом обнаружилась странная особенность. Он смог рассказать о смерти каждого своего товарища, за исключением Ати. Как только Тигхи начинал рассказывать о нем, у него перехватывало горло. Горе предупреждало: не трогай меня понапрасну. И тогда юноша оборвал свое повествование на полуслове и в молчании уставился на стену. Сколько дерева.

Прошло еще несколько часов, и дверь отворилась. Тигхи ожидал пищу, однако вместо этого в камеру вошел солдат Отре. Он ничего не сказал, но, подойдя к тому, друго-

му, схватил его за лодыжку. Тигхи молча наблюдал за тем, как его сокамерника поволокли по полу к выходу. Изменился лишь ритм дыхания. Оно стало более частым. Никаких других признаков, говоривших о выходе этого существа из прежнего, абсолютно заторможенного состояния, так и не появилось.

Дверь захлопнулась, и Тигхи остался один.

Вечером Тигхи получил еще одну порцию хлеба. Ночь так же прошла в одиночестве. Утром дверь открылась, и Тигхи приказали выходить в коридор.

С запястьем, по-прежнему привязанным веревкой к лодыжке, юноша выбрался из комнаты и заковылял за охранником по деревянному коридору. Они спустились по какой-то лестнице и вошли в просторный зал, куда через широкие промежутки между досками потолка в изобилии поступал солнечный свет. Здесь ему пришлось томиться в безвестном ожидании вместе с другими насмерть перепуганными пленниками, спутанными точно так же, как и Тигхи.

От долгого стояния в неудобной позе Тигхи начал уставать и попытался сесть на пол у деревянной стены, однако охранник громко прикрикнул на него на языке Отре, и юноша встал.

Всего вместе с собой Тигхи насчитал семь пленников. Они стояли так в напряжении много часов. Люди сновали по залу туда-сюда, приходили и уходили. Большая их часть была одета в форму солдат Отре, однако появлялись и другие

люди в куртках из кожи и из дешевой плотной ткани. Один высокий парень обращал на себя внимание оригинальным одеянием, представлявшим собой большой кусок ткани, который, будучи обернутым несколько раз вокруг головы, а затем разделенный на четыре широких полосы, охватывал все его тело. Полосы были завязаны на лодыжках. Он остановился перед семью имперскими пленными и стал пытливо вглядываться в каждого из них. Больше других его, похоже, заинтересовал Тигхи.

– Ты! – сказал он на сильно исковерканном имперском. – Говорить Отре?

Тигхи отрицательно покачал головой.

– Говорить танаха?

– Ты говорить только имперский? – противным, скрипучим голосом проговорил этот тип и презрительно развел руками. – Какая польза от он?

– Я говорю также на моем родном языке, языке моей деревни, – спокойно сказал юноша на своем языке.

Чужестранец затряс головой и удалился.

Прошел еще час или около того, и в зал явились два солдата, вооруженные острыми секирами, которые они покрутили над головами, чтобы произвести на пленных устрашающее впечатление.

– Вы все, марш-марш, – приказал они.

Их владение имперским также оставляло желать лучшего. Тот, что был пониже ростом, связал шнуры, которыми бы-

ли стреножены пленные, между собой. Получилась людская цепь, которую конвоиры, – один впереди, а другой сзади – вывели из форта и повели по уступу на восток.

К тому времени, когда они оставили форт, день уже близился к концу, и Тигхи был настолько измучен и голоден, что не обращал почти никакого внимания на окружающую обстановку. Солнце стояло высоко, и небо было ярким. Они прошли по нескольким уступам, которые располагались один за другим и практически не имели козырьков в виде нависающей над ними стены. Когда небо уже посерело, они подошли к огромному месту, напоминавшему загон для скота. Загон был битком набит людьми, которые в большинстве своем сидели на земле, понуро опустив головы.

– Сюда! – рявкнули охранники. – Живее!

В заборе была устроена широкая калитка, сбоку которой стояла небольшая будка для охраны. Каждый раз, когда мимо нее проходил пленный, охранник прижимал к его шее какой-то предмет, имевший форму миниатюрного кирпича или кубика. После этой процедуры на коже оставалось разноцветное клеймо.

Вошедших внутрь привязали к столбу, вкопанному в землю, к которому уже было привязано около дюжины других пленных. Таких столбов на территории загона оказалось несколько.

– Нашего брата прибыло, – с усталым вздохом произнес пленный, которого, по всей видимости, пригнали сюда рань-

ше. – Скоро здесь и сесть некуда будет.

Глава 9

Когда начался сумеречный шторм, охранники попрятались в свою будку, а пленные сбились в кучи вокруг столбов. Люди боялись остаться на краю и, обезумев от страха, рвались к столбам, чтобы вцепиться в них и не дать стихии унести их в бездну. Они отталкивались друг от друга, топтали упавших, карабкались на плечи и ходили по головам. Многие рыдали и выли от ужаса. Казалось, вся эта огромная масса людей одновременно сошла с ума.

Тигхи оказался зажатым между каким-то толстяком и костлявой женщиной с острыми локтями. Он услышал нарастающий рев сумеречных ветров и почувствовал, как они треплют и рвут его одежду. Животный страх проник в его душу, пронзал все тело от пяток до кончиков волос. Тигхи сжался в комочек и тихо заскулил, в то время как все вокруг истошно вопили, как будто старались перекрыть шум бури. Бог разгневался на них и пытался стащить со стены силой своего дыхания.

Несмотря на всю свою неукротимую ярость, сумеречный шторм постепенно утих. В воздухе стало тихо, и людские кучи начали распадаться. Тигхи тоже смог протолкаться наружу, лечь на землю и попытаться заснуть.

Пленные то и дело перебирались с места на место, вставали, ложились, справляли естественные потребности. Тигхи

толкали, наступали ему в темноте на руки и ноги. Не успев заснуть, он почти сразу же просыпался. Однажды кто-то даже помочился ему на голову. Когда налетели предрассветные ветры, люди задвигались и стали опять сбиваться в кучу, над ними повис протяжный вой отчаяния. Тигхи опять затянуло в людской водоворот, и опять от буйства стихии его защитила стена из людских тел, окружавших его.

Ветры улеглись, и толпы людей рассеялись. В воздухе раздалось нечто похожее на всеобщий вздох облегчения.

Тигхи хотелось пить, и он слизал языком влагу, оставленную на его свободной руке утренним ветром.

Час с небольшим спустя в зону вошли охранники и приступили к раздаче пищи: маленьких порций травяного хлеба с насекомыми и пучков травы. Тигхи ел молча.

Позднее охранники вернулись, и с ними пришел первый из последующей череды посетителей. Это был высокий, широкоплечий мужчина, одетый в лоскуты ворсистой ткани, которые держались на его теле благодаря силе трения: вокруг бедер, на груди, коленях и локтях. Они выглядели такими же невесомыми, как облака, однако розовая ткань тяжело шуршала, когда этот мужчина двигался в толпе пленных.

– Кто это? – поинтересовался Тигхи у сидящего рядом мужчины.

– Торговец живым товаром, – ответил тот.

– Что это значит?

– Не будь тупицей, – устало сказал мужчина. – Ты не зна-

ешь, кто такой торговец живым товаром?

– Нет.

– Разуй глаза и увидишь, – последовало в ответ. Собеседник лег и свернулся в клубок, растирая запястье и лодыжку в тех местах, где путы оставили свои следы. Через некоторое время он опять заговорил:

– Торговец живым товаром – это тот, кто покупает и продает людей. Разве ты не знал?

– Нет, – ответил Тигхи. У него перехватило дыхание. – Извини.

– У тебя странный акцент, – произнес мужчина и замолчал.

Вскоре он задремал.

Тигхи внимательно наблюдал за тем, как торговец людьми ходит среди пленных и отбирает нужных ему людей. Таковых набралось с дюжину. Затем он уединился с одним из солдат Отре в будке охраны. Когда оба вышли оттуда, на их лицах красовались довольные ухмылки. Торговец живым товаром снял путы с восьмерых пленных и связал их по-своему. После этого он увел этих людей из зоны.

Начало процессу было положено. В лагерь к пленным стали регулярно наведываться люди, избравшие своей профессией торговлю себе подобными существами. Один такой делец, мужчина с необычно длинными ногами и необычно короткими руками – довольно странное сочетание, – остановился перед Тигхи и стал разглядывать его.

– Мне нравится твоя кожа, – произнес он, перебирая короткими, похожими на обрубки пальцами по руке юноши от предплечья до локтя. Не зная, как реагировать, Тигхи сидел не двигаясь. – Покупатели могли бы заинтересоваться тобой.

Охранник, стоявший рядом с торговцем живым товаром, нетерпеливо переминался с ноги на ногу и всем своим видом выражал скуку. Он сказал что-то короткопалому, и на лице у того появилась гримаса недовольствия. Он оглянулся и после короткого обмена фразами встал.

– Ты говоришь на Отре? – спросил он.

Тигхи покачал головой.

– Настоящий идиотизм. Что это за живой товар, если никто из них не говорит на Отре. За них не дадут настоящей цены.

Торговец людьми повернулся и принялся препираться с охранником. После недолгой перепалки он двинулся дальше.

В тот же день в лагере побывал еще один торговец людьми. Охранник сразу же показал ему на Тигхи, выделив юношу из остальной массы пленных. При этом он несколько раз провел рукой по своему лицу. Тигхи догадался, что охранник говорит о цвете его кожи.

Подойдя к юноше, торговец людьми присел на корточки и стал внимательно осматривать его. Это был мужчина невысокого роста и неопределенного возраста. Из уголков глаз расходилась паутина тонких морщинок, а шея выгляде-

ла старше, чем остальное тело. У него была светло-коричневая кожа. Должно быть, этот человек много времени проводит на солнце, подумал Тигхи. Его поразила невероятная сухость этой кожи. Когда торговец заговорил, его голос оказался сухим, под стать коже, словно солнце выпарило из него всю влагу.

– Сколько тебе? – тихо спросил он.

– Восемь, – ответил Тигхи.

Торговец покачал головой, не поверив.

– Ты старше, – сказал он и пощупал мускулы на руках Тигхи.

Все это время торговец неотрывно смотрел юноше в глаза. Затем встал и вступил в длительную беседу с охранником.

Тигхи наблюдал за ними совершенно безучастно, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения. Казалось, собеседники никак не могли договориться. Охранник то и дело показывал рукой на будку у входа в зону. Очевидно, он предлагал удалиться туда, чтобы с глаза на глаз обсудить условия сделки. Однако торговец просто покачал головой, встряхнув гладкими и прямыми волосами, и сложил на груди руки. Затем он несколько раз разнимал их, показывая то на одного, то на другого пленного в зоне, но каждый раз опять складывал руки на груди.

Оживленный разговор длился минут десять – пятнадцать. Из этой тарабарщины Тигхи не понял ни слова. Наконец торговец протянул руку и дотронулся ею до локтя охранника,

прервав его горячую тираду на полуслове. Затем повернул голову и посмотрел на Тигхи.

– Ты говорить Отре? – спросил он, и его голос потрескивал, как сухие листья.

– Нет, – слабо проговорил Тигхи.

Ответ юноши послужил толчком к еще одной продолжительной дискуссии между обоими мужчинами. Торговец людьми медленно водил головой из стороны в сторону, а охранник все больше и больше горячился.

И вдруг резко, ни с того ни с сего – так показалось юноше – беседа оборвалась. Торговец нагнулся и стал распутывать сложный узел на лодыжке Тигхи. Подхватив юношу под мышку, он потянул его вверх, заставив встать и выпрямиться, а затем завел свободную руку Тигхи за спину. Шнур больше не пережимал лодыжку, и юноша испытал облегчение, однако торговец тут же приложил запястье левой руки Тигхи к запястью правой и связал их у юноши за спиной тем же шнуром. После этого обмотал свободный конец шнура вокруг шеи Тигхи и завязал под подбородком.

С собой у торговца была кожаная сумка. Запустив туда руку, он достал пригоршню каких-то маленьких кругляшек и ссыпал их в ладонь охранника. После этого он повел Тигхи к калитке. Торговец людьми привязал Тигхи к столбу, врытому в землю у караульной будки. С одной стороны юноши была рыжеволосая девушка, а с другой – тощий паренек с маленьким, расплюснутым носом. И тот, и другая были свя-

заны точно так же, как и Тигхи. Руки заведены за спину, и от них к шеям тянулся шнур. Рыжеволосая девушка смотрела невидящим, отсутствующим взглядом. Тигхи попробовал было заговорить с ней, но она как будто не слышала его. Паренек громко шмыгал носом. Его кожу покрывала россыпь фурункулов, а из сплющенного носа капало. Он, похоже, так глубоко погрузился в свои страдания, что не замечал ничего вокруг.

Довольно скоро торговец людьми вернулся, ведя с собой новый товар: темноволосую девушку с широким темным ртом и мелкими чертами лица. Она была связана таким же образом, как и предыдущие его приобретения. Плосконосый паренек с фурункулами принялся безостановочно чихать. Торговец людьми отступил немного в сторону и бросил на свой товар оценивающий взгляд.

Плосконосый паренек перестал чихать. На какое-то время наступила тишина.

– Теперь вы принадлежите мне, – сказал торговец на имперском языке со странным акцентом. – Я отвести вас на восток и, может быть, обменять вас на коз. Вы плохо себя вести, я делать вам больно. Может быть смерть. Вы понимать?

В ответ никто ничего не сказал. Это, похоже, устраивало торговца людьми, который взял Тигхи за локоть и легонько толкнул вперед. Остальные двинулись за ним. Так начался их путь на восток.

Они шли и шли и, когда начало смеркаться, уже еле воло-

чили ноги. Перед самым началом сумеречного шторма все вместе забились в расщелину, которую обнаружили в стене. После того как ветер утих, торговец людьми достал из своей кожаной сумки еду и поужинал. Своим пленникам он ничего не предложил.

На следующий день они опять двинулись в путь на восток по утесам и уступам, которые переходили один в другой. Скучать в пути не приходилось. Дорога была оживленной. В обе стороны шагали самые разные люди: солдаты Отре в серой форме, торговцы людьми, которые вели за собой длинные и короткие цепочки пленных, простые граждане Отре. Вскоре они вышли к уступам, заросшим высокой травой. Здесь дорога уже не отличалась такой многолюдностью. День продолжался, и вскоре торговец людьми и его четыре раба остались в одиночестве. Никто не попадался им навстречу и не догонял их.

В ту ночь они спали на открытом уступе. Правда, сверху над ними нависал широкий козырек. Торговец вбил в дерн четыре деревянных колышка и привязал к ним свой товар. С началом сумеречного шторма Тигхи отчаянно вцепился в колышек. Однако ветры здесь не отличались свирепостью.

Вскоре вокруг была лишь темнота, в которой мерцали звезды, и полная тишина, нарушаемая лишь сопением простуженного паренька. Тигхи, которому от голода казалось, будто кишки в его животе завязались мертвым узлом, настолько вымотался за этот дневной переход, что мгновенно

заснул.

Глава 10

На следующее утро торговец людьми отвязал всех четверых от колышков, которые затем вытащил из уступа и закинул в мешок. Не говоря ни слова, он жестами приказал рабам отправляться в путь.

Все молчали. Если и были какие-то посторонние звуки, то они исходили от плосконосого парня, который постоянно шмыгал носом, чихал и кашлял. Однажды он буквально согнулся в сильном приступе кашля и вынужден был остановиться. Остальным пленникам и торговцу пришлось ждать, пока плосконосый не откашляется. Все по-прежнему молчали. Приступы кашля повторялись, и при каждой задержке торговец подходил к больному и пристально смотрел на него.

Тигхи все еще хромал. В полдень торговец людьми остановился и вогнал в землю колышек. Затем связал воедино все кожаные поводки, свисавшие с шеи каждого пленника, и привязал их к колышку. Закончив работу, вздохнул и сел на гребень у края уступа. Он жевал траву и смотрел на солнце. Ослепительно белый диск поблек в мареве, которое создало проплывавшее мимо массивное облако. Там, в пространстве, вдали от стены дул сильный ветер, и отсюда казалось, будто солнечный круг деформируется в искривленных воздушных волнах и дрожит, едва ли не приплясывая.

Четверо пленников сидели вместе. Тигхи потер руки од-

на о другую. Запястья, связанные за спиной и натертые шнуром, буквально горели. Сильно ныли икры, уставшие от подъемов и спусков по уступам и утесам. Во рту пересохло, а губы потрескались. Если бы торговец людьми развязал ему руки, Тигхи с большим удовольствием пожевал бы немного травы и смочил ее соком рот. Было бы очень неплохо еще и поесть чего-нибудь. Было просто невыносимо смотреть, как торговец уминает свою пищу: аккуратные ровные полоски сушеного козьего мяса и маленькие кусочки травяного хлеба, хранившиеся в заплечном мешке.

Однако рано или поздно ему придется покормить своих рабов. Ведь торговец должен хоть немного заботиться о них, иначе ему будет очень трудно получить за них, исхудавших и больных, хорошую цену. Тигхи взглянул на остальных, но его спутники не отрывали глаз от земли. Темноволосая девушка слегка покачивалась взад-вперед, а плосконосый парень громко шмыгал носом. Гнойные язвы у носа еще больше разбухли. Теперь они расползались по всему лицу и окружили рот. От этого парня воняло чем-то противно-кислым, так что поневоле хотелось зажать нос.

– Я хочу пить, – сказал вдруг Тигхи, даже не глядя на торговца людьми.

Тишина стала напряженной. Тигхи почувствовал, как его сердце участило свой бег. Я не сделал ничего плохого, сказал он себе. Неужели торговец людьми хочет, чтобы его товар потерял качество и упал в цене? Хочет, чтобы они стали

совершенно не похожи на людей к тому времени, когда попадут на рынок живого товара?

Посмотри на этого человека. Не бойся посмотреть ему в глаза.

Превозмогая страх, Тигхи повернул голову. Торговец людьми смотрел прямо на него. Его бесстрастные, пустые глаза были абсолютно неподвижны и сосредоточились на Тигхи.

– А солнце? – спросил он скрипучим голосом.

Тигхи не знал, что сказать. На опасную неопределенность ситуации желудок отреагировал спазмами. Внутри юноши бурлили эмоции, однако внешне он оставался совершенно спокоен. Вдруг ему стало ясно, что он ужасно испугался, и осознание этого потрясло Тигхи. Он слишком боялся признать самому себе в том, что испугался. Вся прошлая неделя – или сколько бы там времени ни минуло с тех пор – была периодом бесчувственного оцепенения. Тигхи забыл, что обладал способностью чувствовать. Однако теперь он чувствовал страх. Тигхи продолжал неотрывно смотреть на торговца людьми.

– Думаешь, ее это заботит? Она сильная. Она сила.

Торговец повернулся спиной и вытащил из мешка еще один пучок травы. Тигхи не мог отвести глаз от спины мужчины. Сердце юноши дергалось, грозя разорваться на части. Он дышал тяжело и неровно.

– Ветры выпивают нашу воду, – говорил торговец. Теперь,

когда Тигхи не видел его лица, ему трудно было следить за его голосом. – Они, мужского рода, ветры то есть, и потому они слабые, и они испытывают жажду и слизывают воду, которая лежит в расщелине. И они испытывают голод и потому стаскивают людей с уступов. Но она сильнее этого. Она скоро выпьет весь мир.

Опять наступила тишина. Тигхи еще раз потер руки за спиной, стараясь успокоиться. Вдохни глубоко. Дыши. Еще раз вдохни поглубже. Торговец произнес еще что-то, но внезапный порыв ветра унес его слова. Когда ветер утих, Тигхи понял, что торговец произносит что-то нараспев. Очевидно, декламирует что-то.

– Солнце была первым из всех вещей. Она плыла от уступа к уступу. Однако грубость ветров, растрепавших ее одеяния, стянувших кожу с ее совершенного тела, заставили ее удалиться.

Он замолчал, и в тишине слышалось лишь сопение плосконого парня.

Торговец людьми встал так медленно, что было явственно слышно, как у него скрипят колени. Этот звук напомнил Тигхи о деде Джаффи: у него старые суставы трещали и скрипели при каждом движении. Торговец возвышался над Тигхи.

– Ну что ж, ты хоть осмелился спросить. У тебя хватило мужества хотя бы на это.

Он вздохнул и посмотрел на своих невольников.

– Я только подумал, – сказал Тигхи, и его голос прыгал

от страха, вызванного собственной смелостью, – что за нас дадут больше, если мы будем в хорошем состоянии, если нас чуть-чуть кормить.

Молчание.

– Больше, – после продолжительной паузы произнес торговец, как бы пробуя слово на вкус.

– Я голодна, – очень тихо сказала одна из девушек, та, у которой были рыжие волосы. Она говорила с очень сильным акцентом.

Тигхи откашлялся, приготовившись сказать еще пару слов. После слов рыжеволосой он слегка расхрабрился, почувствовав поддержку, но когда уже открыл рот, больной паренек чихнул изо всей силы, и что-то мокрое шлепнулось на шею Тигхи. От отвращения юноша содрогнулся и издал крик. Рыжеволосая девушка захихикала, а кашель больного стал еще более частым и надсадным.

Торговец короткими шажками приблизился к своему людскому товару. На его лице было странное выражение, а изо рта торчал стебель травы. Проворными движениями он развязал узлы на шнуре и отволоч паренька в сторону. Тот не сопротивлялся, издавая лишь какой-то жалкий однотонный звук, идущий откуда-то из глубины его горла. Торговец толкнул парня на землю и затем сел рядом на корточки.

– Что с тобой такое? – спросил он.

Больной паренек зашмыгал носом и зашевелил связанными за спиной руками.

Торговец людьми вытащил изо рта стебель травы и поковырял им в загноившихся язвах на лице больного. Он делал это осторожно, отчасти даже с некоторой нежностью. После этого оттянул рукав кожаной куртки большим и указательным пальцами и вытер пареньку нос.

– Он поправится, – повинуюсь какому-то безотчетному порыву, произнес Тигхи. – К тому времени как мы доберемся до того места, куда ты направляешься, он обретет вполне товарный вид. Наверное, ему не повредило бы немного воды и пищи.

Торговец людьми, похоже, не обращал никакого внимания на слова Тигхи. Он упорно всматривался в лицо больного паренька.

– Пища, – тихо повторил он.

Тигхи подумал, что следует сказать «да», однако что-то в поведении торговца заставило юношу передумать.

Все четверо невольников устали на торговца.

Внезапно у Тигхи появилась уверенность в том, что торговец собирается ударить захворавшего паренька, избить его за то, что он заболел в такой неподходящий момент. В мягких манерах и тихой речи торговца присутствовал намек на нечто скрытное и зловещее. Тигхи казалось, что в любую секунду от него можно ожидать взрыва злобы. Тигхи вдруг обнаружил, что с замиранием сердца ждет этого.

Затем с огромным облегчением Тигхи увидел, как торговец развязывает шнур, обмотанный вокруг шеи паренька.

Ловкими, умелыми пальцами тот распустил узел, потом снял петлю через голову пленника. На белой коже шеи остался отчетливый красный след.

В то время как торговец проделывал все это, больной паренек взирал на него снизу вверх. В его широко распахнувшихся глазах загорелась надежда.

Торговец хлопнул с двух сторон руками по ногам паренька, сдвинув их вместе, и связал шнуром лодыжки. И тут до Тигхи дошло, что в действиях торговца нет логики, по крайней мере с точки зрения пленников. Каким образом больной сможет идти, если у него связаны ноги? Разве не лучше было бы привязать шнур только к одной лодыжке?

Не вставая с места, торговец людьми подался телом к гребню на краю уступа и взял оттуда свой заплечный мешок. Развязав его, он вынул из него еще один колышек и воткнул в землю перед собой. Затем взял шнур и привязал его к этому новому колышку. После этого торговец опять запустил руку в мешок и вытащил оттуда нож.

Сначала Тигхи даже не понял, что это за предмет, и принял его за фляжку или нечто, имеющее отношение к медицине. Но в этот момент у юноши в голове забрезжила догадка, что вся последовательность событий истолковывалась им неправильно. Тем временем торговец встал на колени у головы паренька. У Тигхи не было даже времени ужаснуться, потому что он не успевал осмыслить происходящее.

Торговец запустил пальцы в волосы больного паренька и,

наклонив его голову назад, быстрым взмахом ножа полоснул по шее чуть выше адамова яблока. Как бы продолжая это движение, торговец резко качнулся всем своим телом назад и, выбросив вперед ноги, ударил ими по туловищу паренька. Из шеи широкой дугой, рассеивая вокруг брызги, ударила кровь, и обезглавленное тело, перелетев через гребень, рухнуло вниз с края уступа и повисло над бездной. Шнур натянулся как струна и издал дребезжащий звук.

Упал. Исчез за краем уступа.

Все это никак не укладывалось в голове Тигхи. До него все еще не дошел истинный ужас происшедшего. А вдруг это какое-то радикальное средство от простуды, народная медицина или что-то в этом роде? Однако блестящая на солнце лужа крови никак не вписывалась в такое предположение.

Темноволосая девушка плакала, испуская негромкие сдавленные всхлипывания. Рыжая по-прежнему сидела с опущенной головой. Тигхи не был уверен в том, что она видела убийство. Однако нет, конечно же, она все видела. Все наблюдали за ходом событий с напряженным вниманием.

Тигхи вдруг заметил, что его глаза увлажнились. Почему? Он медленно вдохнул и так же медленно выдохнул.

Торговец людьми вернулся на свое место на гребне уступа. Окровавленный нож валялся на траве. От лужи крови к краю уступа тянулась узкая темная дорожка с неровными краями. Вскоре торговец встал с гребня и принялся собирать на уступе траву. Отойдя от своих пленников на пару десят-

ков шагов, он вскарабкался на невысокий, раскрошившийся утес и выдрал из земли засохший куст.

За каждым движением торговца следили три пары глаз. Он вернулся с ворохом сухих сучьев и веток и разжег небольшой костер, высекая искры из кремня до тех пор, пока старая сухая трава не занялась огнем. Затем под пристальными, испуганными взглядами пленников подтянул обезглавленное тело больного паренька к краю уступа, поднатужившись, втащил его наверх и положил на траву.

Содрать с тела одежду из истлевшей растительной ткани не составило большого труда. Торговец придирчиво осмотрел куртку и штаны, очевидно, желая определить, не годятся ли они для дальнейшего использования. Однако все это не стоило и доброго слова, и куртка и штаны тут же оказались в костре. Затем торговец склонился над трупом и принялся дотошно исследовать кожу. До Тигхи почти сразу же дошло, что торговец выясняет, нет ли там язв. Однако в отличие от лица остальная поверхность тела выглядела гладкой и свободной от каких-либо изъянов.

Солнце уже стояло высоко в небе, и уступ все больше и больше уходил в тень. Тигхи пробрала мелкая дрожь, однако причиной тому был вовсе не холод. Почти не мигая, он наблюдал за тем, как торговец приступил к разделке трупа паренька. Очевидно, для их нынешнего владельца это было так же просто и обыденно, как разделать туловище козы. Он перевернул тело. Тигхи увидел белую спину и узкие ягоди-

цы, к которым прилипли зеленые травинки. Затем торговец вонзил нож в шею и отхватил остаток шейного позвонка. После этого отложил нож в сторону и, взяв в руки голову, лежавшую неподалеку, стал ее рассматривать, вглядываясь в язвы. Похоже, как и в случае с одеждой, он решал, будет ли от головы хоть какой-то прок. Для принятия окончательного решения ему не потребовалось много времени. Через пару минут торговец с беззаботным видом бросил голову за край уступа.

Тигхи уже не смотрел на торговца. Его взгляд притягивало обезглавленное тело, лежавшее на уступе. Костлявое юношеское тело с острыми лопатками, и волнистая линия позвоночника, заканчивавшегося в самом туловище. Зрелище страшило своей незавершенностью. Для полноты картины не хватало головы. В этом было нечто чудовищное. А торговец уже доставал что-то из своего заплечного мешка. Мешочек поменьше, но также из кожи, в котором оказался какой-то серый порошок. Тигхи сразу же сообразил, что это. Торговец носил с собой соль, которая сама по себе являлась очень ценным товаром. Ее добывали в котлованах уступов, расположенных гораздо западнее того места, где они сейчас находились.

Торговец между тем опять принялся за разделку трупа. Сначала он отрезал правую руку и почти мгновенно, опытными движениями содрал с нее кожу. Затем такая же судьба постигла левую руку, ноги, ягодицы и поясницу. Перевернув

туловище без конечностей, он вырезал брюшину. Наконец вырубил ножом ребра и принялся ковыряться во внутренностях. Дерн в этом месте пропитался кровью. Торговец работал быстро, не допуская лишних движений. Будь это коза, Тигхи провозился бы с ее туловищем еще несколько часов, обрезая с него кусочки мяса, прежде чем отдать остальное деревенским пороссятам. Однако торговец, похоже, удовлетворился тем, что у него уже было, и вскоре ударом ноги отправил изуродованное туловище за край уступа.

Отрезав куски мякоти от рук и ног, он положил их в мешок с солью и спрятал его в большой заплечный мешок. Затем подкинул в костер еще охапку хвороста. Ветки и сучья весело трещали, и через несколько секунд вверх взметнулось пламя. Торговец собрал кости и бросил их в костер, чтобы полакомиться костным мозгом. После этого взял небольшие куски мяса и обмазал их глиной, чтобы не подгорели.

Запах жарившегося мяса вызвал конвульсии в голодном желудке Тигхи. Его начало подташнивать.

Прошло не так уж много времени, и торговец людьми взял палку и принялся вытаскивать ею кости из костра и раскалывать ножом. Он выковыривал из костей шипящий, пузырящийся мозг и сразу отправлял в рот, громко чмокая от удовольствия. Затем набил рот травой и стал ее жевать. Очевидно, сок травы заменял ему воду. Вытащив мясо, запеченное в глине, торговец расколол глиняную обмазку ножом. От мяса, находившегося внутри, вместе с дымком исходил пьянящий,

вкусный аромат, от которого у Тигхи инстинктивно увлажнился рот. Более чем увлажнился: слюна буквально стекала у него по подбородку. Юноша ненавидел себя за это, но ничего не мог с собой поделать. Запах был так похож на запах только что изжаренного козьего мяса.

Настроение торговца, похоже, улучшилось, что логически было вполне объяснимо. Ведь за последние дни его рацион был очень скудным: два-три ломтика соленого козьего мяса и несколько кусочков травяного хлеба. Торговец отличался сухощавым телосложением. Жилистый и невысокий, он привык обходиться малым. И вдруг представился случай наесться до отвала вкусного мяса и жира.

Торговец сидел на поджатых ногах и уплетал за обе щеки мясо, целиком поглощенный этим занятием. Когда он насытился, на его лице появилась довольная улыбка. Затем торговец подцепил кончиком ножа кусок мяса и встал на ноги. Эта маленькая порция жареной человеческой плоти предназначалась рыжеволосой девушке, перед которой торговец встал с ножом в руке.

Опустившись на землю, он протянул нож с мясом ко рту девушки. Она смотрела на него, и в ее взгляде были не ужас и не восторг, но некое тупое оцепенение. Несмотря на голод, девушка не открыла рта. Подождав немного, торговец рассмехался, и его смех походил на басовитое рычание.

– Пока еще не голодна, еще не созрела, – сказал он, будто разговаривая сам с собой, и отправил мясо в собственный

рот. — Ничего, дай только время, пару дней, неделю, и ты запоешь по-другому. На твоих глазах я буду каждый вечер пировать, как император, а ты начнешь думать: а почему ты должна голодать?

Торговец встал и вернулся к костру.

Долгое время он просто сидел, доедая мясо. Затем, когда вниз по стене поползла тень, он с ножом в руках лег на землю и заснул.

Трое пленников уставились на него. Никто не двинулся с места; никто не сделал попытки освободиться от пут, хотя это, наверное, не составило бы большого труда. Казалось, возникла в голове Тигхи мысль, что он привязал их к себе не только осязаемыми путами.

Торговец людьми дергался во сне.

Прошло несколько часов. Торговец внезапно проснулся и, подскочив на месте, сел с широко открытыми глазами, озираясь вокруг затуманенным взором. Однако через несколько мгновений он пришел в себя. Костер уже догорел. Торговец сидел, выставив перед собой нож. Затем потер лицо свободной рукой и с шумом втянул носом воздух.

Поворошив ногой остатки костра, он убедился, что тот окончательно догорел и рассчитывать на тепло от огня больше не приходится. Тогда он подошел к гребню и в который уже раз сел на него, закинув назад голову. Можно было подумать, что он спит, однако нет, торговец просто смотрел на быстро поднимающееся солнце. Бело-голубое небо слег-

ка окрасилось в розовый оттенок, что не ускользнуло от внимания Тигхи, который подумал, что солнце должно вот-вот перевалить за стену. Затем, не проронив ни звука, торговец встал с гребня и направился к пленникам. В правой руке у него по-прежнему был нож, однако, подойдя к рыжеволосой девушке, он спрятал его в карман своей кожаной куртки. Нагнувшись, торговец стал отвязывать шнур. Сердце Тигхи застучало; он не сразу разглядел, чей это был шнур, но когда выяснилось, что торговец развязал рыжеволосую девушку, юноша невольно почувствовал прилив облегчения. Девушка застыла, словно деревянная кукла, но торговец рывком поднял ее и поволок в сторону.

Шнур, оставшийся от больного паренька, валялся на земле и торговец обвязал одним концом лодыжку девушки (причем только одну лодыжку, успел заметить Тигхи), а другой закрепил на колышке. После этого он опять достал из кармана нож и, повалив девушку на землю, взгромоздился поверх нее. Разрезав ножом ее штаны, он приставил лезвие к шее девушки. Со своего места Тигхи не совсем хорошо было видно, что происходит.

Рыжеволосая девушка лежала совершенно неподвижно, лишь ее левая нога слегка подрагивала. Через рваные дырки в штанах просвечивала розовая плоть, время от времени содрогавшаяся. Торговец стянул с себя штаны свободной рукой. Затем его тело стало совершать странные движения, ритмично поднимаясь и опускаясь, и вскоре начало содро-

гаться, словно у торговца начались конвульсии. Это продолжалось недолго, и вскоре он, похоже, снова заснул прямо на девушке, продолжая держать нож у ее горла.

Это состояние покоя казалось Тигхи еще более ужасным, чем действие, предшествовавшее ему. Его собственный викашевелился. Тигхи содрогнулся и попытался сосредоточить все свое внимание на цвете неба. Он старался уловить едва заметные изменения оттенков. Руки замлели, и он потерял одну о другую за спиной. Однако когда взгляд Тигхи упал на оба тела, он опять заметил движение. Торговец опять задержался, вихляясь всем телом на рыжеволосой девушке, словно стараясь втереть ее в землю. Он подпрыгивал и вонзался в нее со всего размаха, а затем внезапно задрожал и замер. Через несколько минут он сполз с тела девушки.

Позднее, во время сумеречного шторма, трое пленников были вынуждены сбиться в одну кучу со своим владельцем и прижаться к стене, чтобы их не сдуло. Вонь, исходившая от торговца, настолько раздражала юношу, что он даже не заметил, какой слабой была сумеречная буря. Однако когда ветер утих, Тигхи все же удивился. Ему показалось, что сумеречный шторм так и не вышел из предварительной стадии, не смог достичь своей прежней ярости.

Торговец людьми отодвинулся от своих пленных, проверил в темноте их путы и свернулся клубком под своим одеялом.

Лишь на следующий день Тигхи вдруг осенила страшная

догадка: торговец людьми с самого начала не собирался продавать их в ближайшей деревне. От этой мысли у юноши мурашки побежали по коже. Ведь торговец запросто мог продать всех троих и получить денег хотя бы на одну козу, однако с какой стати ему довольствоваться одной козой, когда он мог устроить себе настоящий праздник, съев в три раза больше. Тигхи понял, что с точки зрения торговца это был отличный шанс получить редкое наслаждение.

Утром торговец достал кусок человеческой плоти и съел его, а затем намочил тряпку в росистой траве и пожевал ее, утоляя утреннюю жажду. Своим пленникам он не дал тряпок, и Тигхи по примеру девушек лег на землю и стал лизать мокрую траву. На какое-то время жажда отступила, но зато чувство голода еще больше обострилось.

Торговец посмотрел на них и ухмыльнулся.

– Проголодались? – спросил он их на имперском языке. – Проголодались?

Трое несчастных смотрели на него, недоумевая. В голове Тигхи внезапно возник образ Ати с неестественно вывернутой головой. Он почувствовал такой прилив злости, что даже закашлял.

– Ты сожрешь нас всех, – сказал он. – Ты злой человек. Нужно свернуть ему шею так, как свернул себе шею. Ати!

– Я уважаемый торговец людьми, – произнес ухмыляющийся любитель человечины. – Злой? Да у меня полный желудок. Вот в чем разница. Нет ни добра, ни зла, есть толь-

ко полные желудки и пустые. Сегодня нам предстоит долгий путь.

– Куда мы идем? – спросил Тигхи, расхрабрившись.

Похоже, теперь уже ничто не имело значения; если ему суждено умереть, стало быть, он умрет, а трусость и страх уже ничего не изменят.

Торговец оскалил зубы до самых корней.

– Ты смелый, – сказал он, – смелый. Возможно, ты станешь следующим, кого я съем, и тогда твоя смелость перейдет в меня.

Он рассмеялся.

– Куда мы идем?

– На восток, – ответил торговец.

– К тебе домой?

– Мой дом там, где Богиня Солнце, – сказал торговец и стал собирать свои пожитки и увязывать одеяла и одежду.

– По-моему, ты не Отре, – произнес Тигхи.

– А ты не уроженец Империи, – бросил в ответ торговец – пусть даже ты и говоришь на их языке. Все мы из разных частей и уровней стены, но все возвращаемся к одной. – Он задрал голову к небу и почтительно поклонился солнцу. – А теперь, – сказал он, возвращаясь к своим невольникам и развязывая их руки, – вы свободны. Пора отправляться в путь.

С развязанными руками идти было гораздо легче. В тот день они шли тоненькой цепочкой по почти не хоженным уступам с едва натоптанной тропинкой. Над некоторыми

уступами совсем не было козырьков, а другие находились в девственном состоянии. Они опускались под довольно острым по отношению к мировой стене углом в сорок – пятьдесят градусов, и пересекать их было очень опасно. Сам торговец проходил по этим участкам без особого труда, а девушки, жалкие, голодные и испуганные, жались друг к другу и тихо скулили, едва двигаясь вперед на подкашивавшихся ногах.

– Не делайте этого! – стал выговаривать им торговец. – Если одна из вас упадет, она потянет за собой и другую! Вы, жители Империи, очень тупые существа. Почему я должен терять сразу обеих?

– Оставь их в покое! – крикнул Тигхи. – Они напуганы. Ты вселил в них страх. Разве ты не видишь, что они потеряли голову от ужаса?

С улыбкой до ушей торговец подступил к юноше.

– Частенько случается так, что в один и тот же день ты и забавляешь меня, и раздражаешь.

Выбросив вперед руку, каким-то по-змеиному неуловимым движением он схватил Тигхи за волосы и, притянув к себе его голову, прижал грязный палец к главному яблоку. У юноши сердце готово было разорваться от страха. Он подумал, что торговец хочет выдавить его глаз. Все произошло так быстро, что Тигхи не успел оказать никакого сопротивления. В следующий момент ноготь торговца вонзился в веко юноши, и тот почувствовал резкую боль, когда весь кон-

чик пальца вошел под веко и оттянул его вверх.

Девушки ахнули от страха.

– Так вот, – произнес торговец, больно растянув веко, – одним движением пальца я мог бы вырвать у тебя этот кусочек кожи. Хочешь, я это сделаю? И тогда у тебя не будет века, и от избытка света твой глаз быстро ослепнет. Ты этого добиваешься? Я мог бы сделать это с обоими веками. Как тебе это понравится?

Песчинки, находившиеся под ногтем торговца, больно коледи внутреннюю поверхность века. Тигхи инстинктивно закрыл другой глаз.

– Тогда, – сказал он, – я потерял бы в цене, и тебе это было бы невыгодно.

Торговец убрал палец, и веко больно щелкнуло по главному яблоку.

– Вообще-то ты странный тип, – заметил он, – с такой темной кожей. Необычный глаз лишь повысил бы твою стоимость. Ладно, чего стоим. Вперед.

И он повел их по крутому склону уступа.

Девушки, еще более напуганные, поспешили за ним. Тигхи, спотыкаясь, поплелся сзади.

День тянулся медленно. Путники потихоньку пробирались от утеса к уступу и от уступа к утесу. Во второй половине дня тропинка, по которой они тащились, превратилась в хорошо натопанную, широкую тропу. Эта тропа привела их в маленькую деревеньку. Тамошние жители сидели у по-

рогов своих жилищ и с удивлением пялили глаза на торговца и его товар. Он бодро приветствовал их, проходя по центральному выступу, но никто не проявил особого интереса к покупке людей.

Когда путники вышли из деревни, перед ними открылся вид на мощный отрог, проходивший по стене строго вертикально сверху вниз. Они миновали еще одну деревню и незадолго до начала сумеречного шторма расположились на привал на центральном выступе. Торговец съел ломоть соленой человечины и запил его водой, после чего сидел молча в отдалении от остальных. Сумеречный шторм в этих местах, как окончательно убедился Тигхи, был гораздо слабее, чем тот, к которому он привык в своей деревне. Достаточно всего-навсего вцепиться в траву под собой, и ветер уже бессилен что-либо сделать. В самый разгар шторма Тигхи увидел, как дверь одного дома в деревне открылась и оттуда вышла какая-то старуха, которая спокойно проковыляла по выступу к соседнему жилищу и скрылась за его дверью.

После того как шторм улегся, торговец стал связывать им на ночь руки. Тигхи опять заговорил. Его глаз все еще болел.

– Чем дальше на восток мы забираемся, – сказал он, – тем слабее сумеречный шторм.

– Ты наблюдателен, – произнес торговец.

– Есть ли место еще дальше на востоке, – спросил Тигхи, опустив взгляд, чтобы не раздражать людоеда, – где совсем нет ни рассветных, ни сумеречных штормов?

– Чем дальше на восток, тем они слабее, – ответил торговец. – И чем дальше на запад, тем сильнее. Любопытно, не правда ли?

Он замолчал и вскоре заснул, так и не сказав больше ни слова.

Утром торговец опять совокупился с рыжеволосой девушкой, а затем пошел в деревню, оставив пленников связанными. Там он стал заходить в каждый дом, предлагая свой товар. Через некоторое время торговец вернулся с пожилым краснолицым мужчиной, у которого кожа была как у младенца, и даже старческие морщинки на лице походили на складки только что появившегося на свет ребенка. Зато нос с большим утолщением на конце и седые волосы на шишковатой голове, подстриженные очень коротко и напоминавшие дерн, сразу выдавали его возраст. Кроме того, у него была одышка и при ходьбе мужчина тяжело сопел. Этот старик и торговец долго беседовали на языке, совершенно незнакомом Тигхи. Беседа сопровождалась оживленной жестикуляцией, мимикой и кивками. В конце концов собеседники пришли к какому-то согласию, потому что старик повел торговца к своему дому, откуда торговец вышел, держа в руке маленький кожаный мешочек, в котором что-то позвякивало.

– Ты, – сказал он, показывая на рыжеволосую девушку. – Теперь ты принадлежишь ему. Он хотел тебя, – добавил торговец, ухмыляясь и кивая в сторону темноволосой девушки, – но я сказал, что еще сам не пробовал тебя и потому

пока не собираюсь расставаться с тобой.

Рыжеволосая девушка опустила голову и заплакала. Торговец с удивительной для него бережностью развязал ее и повел к дому старика. Девушка не сопротивлялась.

– Здесь мне не на что рассчитывать, – сказал торговец, возвратившись к своим невольникам, – но вот за тем отрогом мировой стены находится большой город, где найдутся покупатели и на вас, – добавил он и показал на величаво темневшую на горизонте громаду, которую, двигаясь на восток, никак нельзя было обойти.

Глава 11

Торговец людьми повел оставшихся у него двух невольников на восток по проторенным тропам. Земля на них была так утоптана, что там даже трава не росла. Уступы, над которыми нависали большие козырьки, сменяли один другой. Отрог все рос и рос, пока не занял почти всю восточную часть неба.

После полудня они остановились на привал. За неимением другой пищи все принялись жевать траву. Тигхи умирал от голода, однако казалось маловероятным, чтобы торговец дал им настоящую пищу. Когда юноша подумал о сочных, аппетитно пахнущих кусочках человеческого мяса, которые торговец время от времени отправлял в рот, у него появилось смешанное чувство отвращения и зависти. Тигхи начал высчитывать, сколько пройдет времени, прежде чем он окончательно исхудает, вспомнив о скитальцах, которых видел в деревне незадолго до того, как свалился со стены. Смерть не так уж далеко, и в этой мысли было даже что-то утешительное.

Сам торговец сидел к ним спиной, поджав под себя ноги, и нараспев произносил молитву, обращенную к солнцу. У Тигхи мелькнула мысль, а не напасть ли на него, чтобы сбросить с мира, но что-то остановило его.

Переночевав на уступе, утром путники опять двинулись в

путь на восток. Вскоре они уже добрались до отрога. Внутри этой гигантской выпуклости мировой стены вел туннель, у входа в который были устроены ворота, имевшие странную форму обруча или кольца.

У ворот находился дом, и когда торговец людьми и его подопечные приблизились к нему, из его дверей вышел мужчина средних лет. Торговец приветствовал его как старого друга. Они обнялись и долго разговаривали. У ворот в уступ было вкопано несколько столбов, и торговец привязал к ним Тигхи и темноволосую девушку, а сам отправился в дом привратника.

Тигхи стал всматриваться в даль, за ворота. Через отрог был пробит туннель такой длины, что юноша не видел света на другом конце.

– Должно быть, он поведет нас туда, внутрь горы, – сказал Тигхи девушке. Та посмотрела на него непонимающими глазами. – Ты говоришь на имперском? – спросил он. – Ты не из Империи? – Ни звука в ответ. – Так может быть, ты Отре? – И опять ни звука. Тигхи покачал головой и проговорил на своем деревенском языке: – Боюсь, мне трудно понять такую, как ты.

Наконец вернулся торговец людьми. Вместе с ним пришел и привратник. От обоих пахло спиртным, и ухмылка на лице торговца была напряженной и неестественной.

– Он хотел тебя, – сказал торговец, развязывая темноволосую девушку. – Его жена этому не слишком рада. Он хотел

тебя в качестве пошлины за проход по этому туннелю. Тогда я сказал ему, что это будет дань за сто проходов по этому воюющему туннелю! Но ему очень хотелось заполучить тебя. В твоей внешности, моя милашка, есть нечто такое, что привлекает людей, которые живут так далеко на востоке. – Отвязав темноволосую девушку, торговец занялся юношей, не переставая в то же время разговаривать с молчащей девушкой. – Он сказал, что если я отдам ему тебя, моя милашка, он до конца моей жизни будет пропускать меня беспошлинно. Вообрази себе! Да, не буду отрицать, что я заколебался. Соблазн был велик, но я сам еще не попробовал тебя, не так ли? Я не могу отдать ему тебя, не могу позволить ему быть первым.

Отвязав юношу и девушку от столбов, торговец повел их за собой, на прощание помахав рукой насупившемуся прихватнику.

– Мне пришлось ублажить его несколькими монетами, которые я заработал в деревне, – произнес он с недовольной миной на лице. – И я надеюсь, что ты стоишь того, моя милашка.

Он потащил их ко входу в туннель.

– Вот что, – объявил он им обоим. – Мне не нравится этот туннель. Он скрыт от моей повелительницы, от Солнца. Я не могу молиться ей и не могу чувствовать жар ее удовольствия на своей коже. Поэтому мне не нравится бывать здесь. Мы должны пройти по туннелю как можно скорее, и мы выйдем

с другой стороны навстречу солнечному свету. Вам все ясно?

Они удивительно воззрились на него.

– Ясно? – рявкнул он.

– Да, – ответил Тигхи. – Мне и самому не нравится этот туннель. Из него пахнет чем-то странным.

– Вот именно, – подтвердил торговец. – Однако другого пути нет. Обойти этот отрог мировой стены поверху мы не можем, значит, остается одно – пройти через него. Идите согнувшись и не поднимайте голов. Здесь водятся блохи размером с кулак. И крысы. Вам доводилось когда-либо видеть крыс? Я видел крыс величиной с человека, и с ними лучше не встречаться. Бррррр! Ладно, двинулись!

Он повернулся в последний раз к солнцу и, закрыв глаза, подставил лицо утренним лучам. Затем, дернув за шнур, погнал свой товар в черный зев туннеля.

Земля, пропитанная водой, хлюпала под ногами, и Тигхи с его искалеченной ногой было особенно трудно идти. Свет за их спинами поблек, и вскоре путники оказались в темноте. Пахло гнилью, а темнота имела не черный, а серый оттенок. Как только исчез бледный свет начала туннеля, впереди появилось пятнышко света. Они бежали вперед. Желудок юноши сжался от голода и крайней усталости, однако он испытывал не большее желание оставаться в этом пронизывающе сыром месте, чем торговец.

По мере того как они продирались вперед по чавкающему глинистому месиву, светлое пятно разбухало. В пепель-

но-бледном свете туннель постепенно обретал формы, рождавшиеся из серого мрака: странные изгибы каменных пластов, огромный выступ скалы справа, которому вздорный каприз природы придал форму гигантского кирпича. Туннель был похож на дом – словно на него обрушилась когда-то гора и похоронила под собой, а затем те, кто пробивал туннель, раскопали его стену. Небольшие вмятины правильной формы походили на крошечные двери.

Они бежали и бежали, не останавливаясь и не замедляя хода, пока светлое пятно не превратилось в большой проем, через который путники выскочили наружу, навстречу солнечному свету, больно резанувшему по глазам. На этом конце туннеля имелся короткий выступ, на котором сидели люди. Торговец и его невольники рухнули на траву и лежали, судорожно хватая ртами теплый воздух.

Первым отдышался и пришел в себя торговец. Он сел и сотворил молитву благодарности своей богине, Солнцу, которое теперь уже стояло высоко в небе. В порыве религиозного рвения он даже забыл связать юношу и девушку. Как только в груди перестало колоть и немного утихла боль в животе, Тигхи сел и огляделся. На этой стороне туннеля не было ни ворот, ни дома привратника. Очевидно, люди платили сразу за проход в оба конца. Интересно, подумал юноша, как поступали с теми, кто, войдя в туннель с этой стороны, не имел достаточно денег, чтобы заплатить полную сумму; неужели их отправляли назад по туннелю?

Люди, сидевшие на выступе, были одеты в полосатые платья, которые ниспадали от воротника, плотно охватывавшего шею, до лодыжек; их головы были обмотаны шарфами, и Тигхи было трудно определить их пол. Всего людей было около дюжины. Они сидели, привалившись спинами к стене. Некоторое время они с непроницаемым выражением на лицах изучали торговца людьми и его товар, после чего встали все вместе, как по команде, и, двигаясь гуськом, вошли в туннель.

Торговец остался наедине с юношей и девушкой.

– Этот выступ, – сказал он, – слишком близок к проклятому туннелю. Давайте пройдем немного вперед.

Они поднялись наверх по цепи коротких взаимосвязанных утесов. Путники взбирались и взбирались, пока не оказались на полукруглой платформе, поросшей высокой травой. Здесь торговец вбил в землю колышек и сел рядом. Солнце уже почти перевалило на ту сторону стены, и свет быстро тускнел, однако в воздухе не ощущалось почти никакого движения. Неужели они добрались до такого места, где не бывает сумеречных штормов?

– Ладно, – произнес торговец, роясь в своем заплечном мешке. – Если я не дам вам еды, выдохнете – как ты, мой темнокожий товар, говорил уже не один раз. Поэтому я купил у привратника достаточно травяного хлеба и крысиного мяса, и вы двое сможете поесть. Только не ешьте слишком много, не то у вас будет заворот кишок. Вот вам.

Он бросил на траву несколько ломтиков хлеба и два-три кусочка мяса размером с полмизинца.

Тигхи был слишком голоден, чтобы думать о чем-то еще. Он мигом проглотил пищу и почти сразу же почувствовал резь в желудке. Теперь его стала мучить жажда.

– Пить! – попросил он.

Однако торговец лишь рассмеялся.

– Тебе придется потерпеть до завтрашней росы! – ответил он.

Солнце уже перевалило на ту сторону, и с каждой минутой становилось все темнее. Торговец людьми повернулся, его бледное лицо заблестело.

– Моя милашка, – произнес он, подвигаясь поближе к темноволосой девушке. – Теперь тебе лучше? Ты поела, и твое брюхо уже не урчит от голода. Внутри тебя есть пища, и тебе уже лучше. – Он хихикнул. – Тебе не хотелось бы иметь еще что-то внутри себя?

Девушка застонала. Тигхи показалось, что она дрожит от страха.

– Подожди немного, – сказал торговец, – пока я свяжу этого парня. – Он подошел к Тигхи с длинным, узким ремешком в руках. Темноволосая девушка залилась жалостливым плачем. – Мы же не хотим, чтобы нам мешали, не так ли?

Тигхи опять почувствовал спазмы в желудке, хотя все дело могло быть в пище. В глотке у него так пересохло, что он выпил бы даже козью мочу. Наверное, нужно что-то сказать,

подумал он, однако нужные слова никак не шли на ум.

Торговец крепко связал запястья Тигхи, затем вытащил свой нож и повернулся к девушке:

– Пора, моя милашка!

Когда он двинулся к ней, девушка издала негромкий сдавленный крик и бросилась в сторону. Сумерки уже сгустились, и было почти невозможно понять, что происходит на самом деле. Торговец наклонился всем телом и выбросил свободную руку в направлении девушки, пытаясь схватить ее, однако она увернулась и оказалась у него за спиной. Следя за столь быстро развивающимися событиями, Тигхи изогнул шею так, что захрустели позвонки. Торговец зарычал и, подняв руку с ножом, опять бросился на девушку.

Все произошло так быстро, что сначала никто ничего не понял. Только что темноволосая девушка была здесь, на уступе. Она стояла пригнувшись, и ее бледное лицо в темноте было едва заметно, а затем вдруг ее не стало. Торговец подбежал к краю мира и, став на четвереньки, осторожно заглянул вниз.

– Ты там? – крикнул он. – Ты там? Куда ты упала? Как далеко вниз?

Затем последовало несколько слов на его собственном языке. Тут торговец вспомнил о Тигхи и, подскочив к нему, быстро привязал к колышку. Приняв эти меры предосторожности он бегом отправился вниз по склону, очевидно, надеясь найти беглянку на каком-нибудь из нижних уступов.

– Она летит в пространстве, идиот, – тихо сказал Тигхи в спину удалявшемуся торговцу.

Торговец отсутствовал лишь несколько минут. Вернулся он в отвратительном настроении и некоторое время бушевал, выкрикивая ругательства на своем языке, а затем произнес на коверканном имперском:

– Идиотка, глупый девчонка, как это ей пришло в голову? Чем она думал? Она упала в куча костей, которые валяться у основания стены, и поделом ей. Чума, она был чума и темнота. Ее волосы были темнота, а моя богиня презирает темноту, рассеивает ее. Идиотка! Идиотка.

Тигхи не стал спорить с ним. Он лежал в темноте и думал, что теперь опять остался совершенно один.

Глава 12

Утром торговец все еще пребывал в плохом настроении. Правда, теперь он не выходил из себя и не сыпал ругательствами.

– Бессмысленная потеря товара, – сказал он, отвязывая Тигхи от колышка. – Бессмысленность этой смерти – вот что больше всего меня раздражает. Я мог бы отдать ее привратнику и за это получил бы право бесплатного прохода по туннелю до самого конца своей жизни. Но теперь у меня нет ничего! Даже ее тела. Она разозлила меня. Лучше бы я отдал ее привратнику. Он подкрепился едой из своего заплечного мешка, но Тигхи на этот раз ничего не получил. Затем торговец хлопнул юношу по спине, чтобы придать ему энергии для отправки в путь, и они вместе продолжили свое восхождение по утесам и уступам этой части мировой стены.

– Мы идем в большой город? – задал Тигхи вопрос.

Потеря темноволосой девушки подействовала на него странным образом: душа юноши словно окоченела и на какое-то время потеряла способность чувствовать. Наверное, так случилось потому, что эта трагедия произошла в ночное время и имела оттенок нереальности. Но с другой стороны, после смерти Ати многое воспринималось нереально.

– Что?

– Это твой город? Твой дом?

Торговец фыркнул:

– Моя родина очень далеко отсюда, мой темнокожий товар. Но ты прав, мы идем в Город Востока. Это путешествие оказалось для меня почти бесприбыльным, и потому я должен выжать из сложившейся ситуации все, что только еще возможно.

Ближе к полудню торговец сделал короткий привал на широком травяном уступе, который на одну треть накрывал козырек. Ему нужно было помолиться своей богине. Торговец сел на землю, подобрав под себя ноги, и принялся совершать странные телодвижения и произносить нараспев молитвы на своем языке. Тигхи сидел, обняв колени руками, и наблюдал за ним.

Помолившись, торговец вернулся к своему заплечному мешку и выудил из него немного еды. Тигхи жалобно смотрел на него, надеясь получить хотя бы объедки. Однако настроение торговца несколько не улучшилось.

– Сегодня ты не получишь еды, – объяснил он. – Ты ел вчера, и этого достаточно. Ты мог бы съесть паек этой девушки, если бы я знал, что она сбросится со стены. Сколько пищи потрачено зря. Зачем она только съела свою пищу, если все равно решила лишиться себя жизни. Для ее костей в этом не было никакой разницы. Они все равно точно так же высохли бы и побелели там, у подножия стены, даже если бы она свалилась с пустым животом.

Торговец замолчал и некоторое время сидел задумав-

шись. Тигхи размышлял над его словами.

Вскоре торговец заговорил снова.

– Огромные горы костей, – произнес он, – ими усыпано все основание стены.

Несмотря на свою ненависть к торговцу людьми, на голод и физические страдания, Тигхи вдруг почувствовал, как, в нем проснулось острое любопытство.

– Ты их видел? – спросил он. – Ты был у подножия стены?

– Конечно, – ответил торговец. – Ну а даже если и не был, то по крайней мере разговаривал с тем, кто побывал там, внизу. На нижних участках стены ничего нет, абсолютно ничего, говорю я тебе. И везде, насколько хватает глаз, разбросаны кости. Похоже на гигантский уступ, покрытый побелевшими костями и всяким мусором. Туда попадает все и вся, что не удерживается на мировой стене; там обитает смерть. Каждый день моя повелительница, моя богиня, – он показал на солнце, – оставляет такую смерть. Вот почему утро – это смерть, смерть ночи. И Она покидает смерть и поднимается к жизни. Жизнь находится наверху стены.

Торговец замолчал. После недолгой паузы юноша робко произнес:

– Я никогда еще не встречал человека, который бы почитал Солнце.

– Только эта религия истинная и никакая другая, мой мальчик, – с чувством проговорил торговец.

Тигхи попытался посмотреть на солнце, но его веки тут же

сомкнулись сами собой, оградив глаза от нестерпимо яркого света.

– Очень больно глазам, – сказал он, как бы оправдываясь.

– Конечно, – согласился торговец и ухмыльнулся. – Не все могут любоваться ее красотой. Но я могу! – Он встал и, широко раскинув руки, повернулся лицом к яркому полуденному солнцу. – Я могу! Ее тепло! Ее свет! Сказать тебе, за что я молюсь? – спросил он, повернувшись к Тигхи.

– За что? – эхом повторил Тигхи.

– Я молюсь за конец времени. И вот что тогда произойдет. Когда настанет конец, Она приблизится к стене совсем близко.

Она вспыхнет огнем, в котором погибнут все лжецы. Лишь чистые, неиспорченные люди смогут пережить приближение ее красоты! В солнце есть дверь, и я пройду в нее.

– Дверь в солнце? – удивился Тигхи. – Дверь?

– Через эту дверь идет свет, жизнь.

– В стене тоже есть дверь, – произнес юноша.

Торговец недоуменно взглянул на него.

– Дверь в стене, – повторил он. – Я слышал эти рассказы, но сам никогда не видел такую вещь. – Засмеявшись, он повернулся к небу. – Я молюсь, – громко произнес он, – я молюсь за то, чтобы ты пришла как можно скорее, моя богиня!

А в следующий момент торговец ахнул от несказанного изумления. Тигхи, часто моргая, приставил к надбровьям ладонь и посмотрел на небо. От основания солнца отделилась

капля яркого света. В мозгу Тигхи мелькнуло сравнение с каплей горячего белого воска, стекающей по свече.

– Там! – вскричал в экстазе возбуждения торговец людьми. – Моя повелительница! Смотри!

Капля повисела несколько секунд, будто прозрачная слезинка, а затем окончательно отделилась от солнечного круга. Тигхи прикрыл веки, оставив между ними небольшое расстояние, перекрывавшееся ресницами, которые служили своего рода защитным фильтром. Через него юноша пытался разглядеть происходящее. Это второе, миниатюрное солнце, похожее на очень яркую звезду, медленно скатывалось вниз по небесной стене. Сердце быстро забило в груди Тигхи. В голове родилось нечто, ширящееся во все стороны и наполняющее юношу чувством внезапно снизошедшего на него прозрения. Солнце!

– Моя повелительница! – заорал пришедший в экстаз торговец и пустился в пляс. Он быстро перебирал ногами и что-то при этом бормотал на своем языке. Затем подбежал к Тигхи и схватил его за плечи. – Я же говорил тебе. Мы прошли через тьму, мы потеряли темноволосую девушку, и теперь на нас снизошел свет, и моя богиня вознаграждает нас. Я же говорил тебе! Дверь в солнце открылась, и из нее вышло существо из света. Посмотри туда! Посмотри, оно идет к нам.

Капля света, казалось, действительно увеличивалась в размерах, словно летела в воздухе по направлению к стене, к ним.

– Оно летит к нам! – возвестил торговец.

Он отпустил Тигхи и опять пустился в пляс, гнусаво припевая на своем языке.

Растущий комочек света гипнотизировал Тигхи. Юноша не мог оторвать от него глаз. Он задрожал немного в воздухе и стал падать, но затем падение прекратилось, и светящийся комочек опять поднялся. Когда он увеличился до размеров ладони, Тигхи понял, что это.

Это был летающий калабаш особого типа, странной формы, напоминающей длинный цилиндр, окрашенный в блестящий серебристый цвет. Наверное, он был сделан из металла. Из-под брюха калабаша торчали три тонкие, словно веретена, клешни, но на худом, вытянутом цилиндре не было никаких отметин или окон, за исключением полоски в середине и трех маленьких отверстий под этой полосой.

Калабаш летел, набирая высоту.

Тигхи узнал его: это был тот самый серебристый калабаш, который он видел во время сражения на уступе; тот самый, из которого исходил оглушительный шум. И тогда Тигхи показалось, что кто-то громко выкрикивал его имя. Тигхи помнил все до мельчайших деталей: Ати, дергавшего его за рубашку и просившего опустить голову пониже; треск ружейной перестрелки вверху, на уступе, и кислый запах выгоревшего пороха из грибной пыли.

Тигхи тогда подумал, что странное видение выкликает его имя; и вот теперь оно появилось снова, и на этот раз торговец

был уверен, что оно явилось в ответ на его молитвы.

– Она пришла! Она пришла! – нараспев вопил он. – Я молился, я молился, и богиня услышала мои молитвы. Она услышала меня!

Глава 13

Серебристый калабаш неотвратимо приближался, пока не оказался у самого гребня уступа, на котором стояли торговец людьми и Тигхи. Он завис в воздухе, а затем опустился на землю, и их удивило то, что калабаш был довольно низким и они могли видеть его верх. Вблизи машина удивляла еще больше, чем на расстоянии. В отличие от калабашей, на которых явственно выделялись швы между кусками кожи, поверхность этого была абсолютно ровной и гладкой, без единого пятнышка. Теперь, когда калабаш повис у стены, Тигхи мог составить представление о его истинных размерах. Калабаш можно было сравнить с маленьким домом.

Торговец в порыве неопишуемой радости забегал взад-вперед по утесу, испуская нечленораздельные крики.

Раздался легкий щелчок, и гладкий верх машины обдало воздухом, после чего в машине появилось темное отверстие, и оттуда начала подниматься маленькая круглая платформа с человеческой фигурой. Вскоре фигура оказалась наверху машины. Мужчина, в чем-то вроде черного плаща. Возможно, это был юноша или подросток, если принять во внимание его маленький рост.

Кто бы он ни был, но этот человек сбежал по пологой цилиндрической поверхности своего аппарата и, спрыгнув на уступ, быстрыми шагами направился к Тигхи.

Невысокий, как Тигхи, он значительно уступал в росте торговцу людьми. Лысая или наголо обритая голова и темно-коричневая кожа. Мужчина был гораздо темнее Ати, хотя и не такой темный, как сам Тигхи, однако поражало не это. Самое странное в нем было то, что его кожа выглядела какой-то неестественной, и в этом было нечто неприятное. Складки кожи на лице были толще, чем на шее, и сама кожа казалась грубой и неэластичной. Ее скорее можно было принять за искусственную маску. Тигхи не заметил морщинок на лице незнакомца, хотя кожа в уголках рта и глаз имела несколько обесцвеченный оттенок. Нос был впалым и высохшим, как у покойника, пролежавшего много дней. Лишь глаза выдавали в нем человека; живые, карие глаза, которые бегали вправо-влево и вверх-вниз, пытливо изучая Тигхи.

Несмотря на странную внешность этого похожего на куклу коротышки, Тигхи не мог отделаться от впечатления, что уже встречал его раньше. В нем было что-то знакомое.

Подбежав к Тигхи и гостю, торговец людьми остановился в нерешительности, не зная, что делать дальше.

– Ты явился!

Гость бросил на него мимолетный взгляд и затем опять повернулся к Тигхи.

– Очевидно, – ответил он странным, высоким, почти детским голосом.

– Как мне называть тебя? Ты пришел от Солнца!

– Солнца? – удивительно повторил этот человек, не отво-

дя взгляда от Тигхи. – Нет, просто с неба. Просто с неба. Вот!

Он протянул руку и ухватил Тигхи двумя пальцами за подбородок. При прикосновении кожа гостя показалась юноше сухой и жесткой. Незнакомец повернул голову Тигхи сначала налево, а затем направо.

– Я должен называть тебя Повелителем? – спросил торговец людьми. – Или, может быть, лучше называть тебя Чародеем?

– Чародей, – рассеянно повторил гость.

Было неясно, то ли он отвечал торговцу, то ли просто вторил ему, не задумываясь над значением этого слова, однако торговец посчитал это за ответ.

– Чародей! Ты такой коричневый! Твоя кожа!

Гость опять посмотрел на торговца через плечо:

– А?

– Ты посланец Солнца, о Чародей! Твоя кожа коричневая потому, что к ней прикоснулась ее величество Солнце! Вот почему она стала коричневой и жесткой.

Чародей на миг улыбнулся, и на его лице появились прямые, неестественно выглядящие складки. Когда он перестал улыбаться, складки исчезли.

– Что ты говоришь?

– Ты явился с посланием для меня? – задыхаясь от волнения, проговорил торговец.

– Для тебя? Нет, нет. Нет!

Последнее слово он произнес очень громко и почти со

смехом.

– Не для тебя, но для этого парня. Я пришел за этим парнем.

Торговец выглядел совсем сбитым с толку.

– Я не понимаю.

Чародей опять сосредоточил свое внимание на Тигхи. Он протянул руки к юноше и пощупал его руку выше локтя.

– Думаю, это недоедание, – сказал он. – Ты голоден, не так ли, мой мальчик?

– Мальчик? – спросил торговец. Он заново оценил ситуацию, и выражение его лица изменилось. – Ты явился в чудном корабле, мистер Чародей.

– Чудном, – повторил Чародей, который очень тщательно осматривал юношу и был совершенно поглощен эти занятием.

– И все же ты – человек, – произнес торговец, почесав свою голову. – Человек, как и любой другой, наверное. У тебя странная кожа.

– Странная, – рассеянно согласился Чародей.

– Ладно, – сказал торговец с внезапной решимостью, – если тебя интересует этот парнишка, то он продается. Слышишь, ты, странный тип? Этот парень продается.

Чародей сделал шаг назад и пытливо посмотрел на торговца:

– Продается?

– Вот именно. Это любопытный экземпляр. Такой темной

кожи, как у него, я еще не видел. Она даже темнее твоей, хотя, возможно, вы с ним из одного рода, ведь твоя кожа тоже очень темная. – Торговец широко улыбнулся и повел обеими руками в сторону гостя – жест, типичный для того, кто хочет продать свой товар. – Если он тебя интересует, то, думаю, мы сможем договориться о цене. Однако у меня есть надежда, что я могу очень выгодно сбыть его в Городе Востока – там дадут очень хорошую цену за такой редкий товар. Я имею в виду его темную кожу.

– Ты знаешь Город Востока? – удивился Чародей.

– Я торговал там лет десять, если не больше, – сказал торговец. – Чего я только не знаю о Городе Востока?

– Тогда ты должен знать, – произнес Чародей, роясь в кармане своего черного плаща, – что таких диковин там и без него хватает и за такого исхудавшего паренька тебе дадут совсем низкую цену.

– Возможно, – согласился торговец. – Но он тебе нужен, я это вижу, а стало быть, ты должен хорошо заплатить. Если твое предложение не удовлетворит меня, тогда я, наверное, отведу его еще куда-нибудь и попытаю счастья там. – Торговец потер лицо, и к нему опять вернулось прежнее изумление. – Такое появление! Я уж действительно подумал, что ты посланник Солнца, моей богини!

– Нет, нет, – окончательно опроверг его предположение Чародей, который все еще рылся в своих карманах.

– Да, – сказал торговец, – корабль, в котором ты летаешь,

настоящая диковина. Я видел калабаши к западу от Сетчатого Леса, но подобную конструкцию вижу впервые. Осмелюсь предположить, что там, внутри, у тебя есть всякие электронные штучки, и, возможно, за одну из них я мог бы отдать тебе этого парня.

– Этот мальчик! – проговорил Чародей своим высоким голосом. – Тигхи!

Юноша был совершенно ошарашен:

– Ты знаешь мое имя?

– Вот что я предлагаю, – сказал торговец, – ты показываешь мне что-нибудь, а я говорю, подходит ли это в качестве разумной цены за парня. Что ты скажешь?

– Это, – произнес Чародей, вынимая из своего кармана пригоршню пуха. – Это.

Торговец сделал шаг вперед.

– Шутка? Это же какой-то пух.

– Пух, – подтвердил Чародей. – Да. Подойди, Тигхи, подойди и смотри.

– Откуда тебе известно, как меня зовут? – спросил Тигхи, шагнув вперед помимо своей воли. – Откуда тебе... но что это?

Пушинка была похожа на семя одуванчика. Тигхи взгляделся повнимательнее. Внутри находилось крошечное, величиной с зернышко перца, ядро, от которого отходили две три, от силы четыре очень тонких нити, каждая из которых заканчивалась малюсенькой черной точкой или узлом. Эти

нити можно было увидеть только потому, что они сверкали на солнце.

– Неужели ты всерьез намереваешься купить парня, заплатив за него вот этим? – недоверчиво спросил торговец людьми.

– Купить? Да, да. Видишь? Тигхи, ты видишь? – Чародей отпустил крошечную пушинку, разжав пальцы.

И странное дело – вместо того, чтобы упасть на землю, она повисла в пространстве. У Тигхи от изумления отвисла нижняя челюсть. Он еще никогда не видел такой крошечной и хрупкой вещи.

– Почему он не падает?

Торговец шагнул вперед, удивленно нахмутив брови:

– Что это?

– Вся суть в ядре, – стал объяснять Чародей. – Вот эта малюсенькая точка в середине, откуда отходят нити – видите? Вот в чем дело. Тот же принцип, на основании которого летает мой корабль. Очень оригинальная вещь. Смотрите!

Постепенно маленькие пушинки начали вращаться в пространстве. Нити, свисавшие вниз, стали подниматься и вытягиваться по мере того, как вращающееся ядро набирало скорость. Вскоре вся вещица стала походить на колесо телеги или миниатюрную ветряную мельницу. Центробежная сила вращения туго натягивала нити.

– Как это происходит? – удивился торговец.

– А теперь ты видишь, Тигхи, – произнес Чародей.

Подняв голову, Тигхи заглянул в глаза Чародея, абсолютно живые, человеческие глаза на странном, неподвижном, похожем на маску лице. Юноше вдруг показалось, что он погружается в сон, и в то же время все его чувства невероятно обострились. Тигхи стало ясно, почему этот странный человек с твердой, как пергамент, кожей показался ему таким знакомым. Его голос, его интонация очень напоминали деда Джаффи, отличаясь лишь высоким тембром. Даже его странное, если не жуткое, лицо имело то же выражение, что и у деда.

– Ты здорово смахиваешь, – сказал Тигхи почти шепотом, незаметно для самого себя перейдя на свой родной язык, – на моего деда.

Чародей улыбнулся, и Тигхи стало ясно, что он давно уже прочитал его мысли.

– Сейчас, – сказал он на деревенском языке Тигхи, – ты должен очень внимательно наблюдать за тем, что произойдет.

Устройство, похожее на пушинку одуванчика, которое до этого времени бесцельно вращалось в воздухе, зависнув на одном месте, внезапно резко ускорило вращение. Отдельные нити слились в непрерывное мелькание, и устройство поплыло в воздухе по направлению к торговцу.

– Нити – это то, что мы называем монофиламентом, – произнес пришелец, который так сильно напоминал юноше деда. Он по-прежнему говорил на родном языке Тигхи, хотя

последнего слова юноша не понял. – Это одна из самых удивительных вещей на мировой стене. Ядро в центре называется полленмашиной. Несмотря на свои малые размеры, оно очень сложное по своему устройству. Теперь – смотри!

Торговец, взгляд которого бы прикован к летающему устройству, следил, как зачарованный, за его приближением. Он поднял вверх палец, как бы желая потрогать блестящий кружок. Вращающаяся пушинка просто прошла через поднятый палец, даже не замедляя вращения, словно была сделана из самого твердого вещества, из камня или алмаза, а палец торговца людьми состоял из воска или из козьего творага. Послышалось очень тихое «вжик!», и кончика пальца торговца как не бывало. Летающее устройство прошло через плоть, как будто на его пути ничего не было.

Все произошло так быстро, что торговец не успел даже воскликнуть. Он все еще держал руку поднятой вверх, и его палец был оттопырен, вот только кончика пальца уже не было. Кровь каплями вытекала из раны.

Монофиламентное устройство продолжало летать в воздухе. Оно медленно двигалось по дугообразной траектории, совершая поворот, и Тигхи уже понял, что отмахнуться от этой пушинки, ударив по ней рукой, невозможно. Изумленный вид торговца, застывшего на месте, производил комичное впечатление. Блестящее колесо уже приблизилось к его груди, а затем с тихим жужжанием вонзилось в тело торговца. В его груди появилось идеально ровное, круглое от-

верстие, которое почти сразу же наполнилось кровью. Розовая, пенящаяся кровь хлынула наружу. Изумленный торговец людьми разинул рот, но и оттуда пузырящимся потоком ударил фонтан крови. Ноги под ним подогнулись, и торговец упал лицом вниз. Его тело немного подергалось и замерло.

Монофиламентное устройство, выйдя с другой стороны тела торговца, продолжало лететь дальше по направлению к стене. Тигхи посмотрел на тело, затем перевел взгляд на Чародея.

Тем временем устройство приблизилось к стене. Тигхи охватил страх.

– Что оно сделает? – спросил юноша Чародея. – Прогрызет стену насквозь, как прогрызло торговца людьми? Выйдет с другой стороны стены?

– Нет, дорогой мой, ни в коем случае, – ответил Чародей и бережно спрятал оставшуюся горсть пуха в карман. – В твердой среде, такой, как каменистый грунт стены, оно быстро потеряет энергию. Не беспокойся. Зароется в землю от силы на палец, не больше. Это не какая-то волшебная вещьца, а всего-навсего машина, механизм; она подчиняется тем же законам сохранения энергии, как и все остальное, вот и все.

Он огляделся по сторонам.

Торговец людьми распростерся на уступе лицом вниз и не двигался. Чародей прошел по телу, как по циновке из стеблей травы, и поднял с земли его заплечный мешок. Проверив содержимое, сказал:

– Тут какая-то еда. Что это за мясо?

Тигхи стоял, уставившись на мертвое тело у своих ног. Ему стоило немалого усилия оторвать взгляд от безжизненной плоти того, кто еще несколько минут назад был властелином его жизни и смерти.

– Разное, – ответил он. – Частью козье. – И при этих словах рот его увлажнился слюной. Желудок опять сжался и напомнил юноше, что он уже давно ничего не ел. – Частью человечье, – добавил он.

Пришелиц скорчил гримасу отвращения и бросил мясо на землю.

– Слишком сильно даже для меня, – сказал он. – Однако здесь есть и травяной хлеб, который все же стоит забрать с собой. Пойдем, Тигхи, – предложил он. – Кстати, ты голоден?

– Да, очень, – ответил юноша. – Но откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я знаю о тебе очень много, – произнес Чародей, – однако не пора ли нам подыматься на борт моей машины. Там я дам тебе поесть и попить. И отвечу на твои вопросы. Я искал тебя, Тигхи.

– Искал меня?

Чародей уже шагал к своему летательному аппарату. Без видимых усилий он прыгнул с уступа на крышу странной машины. Тигхи последовал за ним, на ходу обернувшись и бросив последний взгляд на вытянувшееся тело торговца

людьми. На мгновение юношу охватил ужас: ведь ему предстояло оставить мировую стену. Точно так же он боялся, когда делал шаг с края стены, а за плечами у него был змей. Однако теперь Тигхи подталкивало вперед гораздо более сильное чувство. Чародей жестом поманил его к себе и взял за руку. Они стояли теперь на самом верху машины. Прикосновение сухих, твердых пальцев Чародея почему-то породило в Тигхи смутную тревогу.

Чародей и Тигхи опустились вниз, в чрево машины, проделав это в последовательности, зеркально противоположной появлению Чародея. Мир поднялся, и они оказались в темноте, потому что крыша над их головами закрылась.

Они были в комнате, обставленной как никакая другая комната из тех, что доводилось видеть Тигхи. Чародей повел юношу вниз по лестнице, и они вошли во второе помещение, располагавшееся прямо под первым. В углу этой комнаты находилось человеческое существо, сидевшее на корточках, охватив руками колени. Осознание увиденного стало мощным ударом, силу которого частично ослабляло чувство нереальности происходящего, которое Тигхи по-прежнему испытывал. Этим существом была его ма.

Книга четвертая

ЧАРОДЕЙ И ЛЕД

Глава 1

Внутри корабля Чародея имелось два помещения, каждое размером с просторную комнату. Они были расположены вертикально одно над другим. Верхняя комната вся отливала зеленью, так как ее стены были обиты тканью темно-зеленого цвета. В центре находился узелок из ткани, жесткий, как галька, к которому стремились все изгибы и складки окружающего материала. Стены усеивали десятки таких узелков. У стены, посреди всего этого великолепия стояла кровать или, скорее, странная помесь широкого и длинного стула с мягкой спинкой и кровати. Этот стул-кровать имел гигантские размеры: на нем могли одновременно усесться с полдюжины человек, и им не пришлось бы тесниться; а три человека могли спать на его мягком основании.

Стоя на небольшой платформе, Чародей и Тигхи спустились с потолка через эту комнату и оказались на полу. Люк над их головами закрылся.

Пол под стулом или кроватью был из металла, испещренного множеством маленьких округлых шляпок, которые ка-

зались серебристыми прыщиками на серой коже. К одной из стен был прикреплен чан для умывания высотой с Тигхи и шириной, достаточной, чтобы в нем мог стоять взрослый мужчина. К стене, имевшей форму полукруга, напротив которой находилась кровать, были прикреплены и другие устройства, а в полу сбоку кровати находилось отверстие, через которое по лестнице можно было спуститься в нижнюю комнату.

Однако самой чудесной из всех этих диковин была яркая свеча, свисавшая в какой-то широкой чашке из пластика с потолка. Ее мощный желтый свет проникал во все уголки.

Большую часть пространства нижнего помещения занимала какая-то скульптура из металла и пластика, стоивших целое состояние, хотя эти формы и фигуры ничего не говорили юноше. Оставив его стоять в центре помещения, Чародей уселся в кресло из тонких металлических трубок, перед которыми находилась панель с десятками мерцавших стеклянных глаз. В углу сидела ма Тигхи.

Некоторое время Тигхи просто стоял и смотрел на нее. Чародей с пергаментной кожей оглянулся на него через плечо и спросил своим высоким, скрипучим голосом на родном языке Тигхи:

– Почему бы тебе не поздороваться с ней?

– Ма? – негромко произнес юноша.

Его сердце билось огромными толчками. Удары гулко отдавались в голове юноши.

Его ма сидела молча и смотрела мимо головы Тигхи.

Во всем происходящем не было никакого смысла. Юноша еще раз попробовал заговорить с ма и при этом слегка наклонился вперед. В голове у него бурлил настоящий водоворот мыслей. Он был готов зарыдать, рухнуть на пол или, наоборот, разразиться смехом.

Не зная, что делать, Тигхи вскарабкался по лестнице в верхнее помещение, чтобы еще раз взглянуть на огромный стул или кровать, потыкать ее пальцем, посидеть на ней, вскочить на нее и попрыгать. Все было ненастоящим. Мирровая стена представляла собой крошечную модель, эксперимент злого бога в маленьком масштабе, населенный насекомыми и крысами обычных размеров, зато люди здесь уменьшены во много раз. От этого можно было сойти с ума. Однако его ма жива! Тигхи опять бросился по трапу вниз. Чародей сидел в своем кресле, трогая какие-то рычаги и кнопки, а ма Тигхи по-прежнему была в углу, сидя на корточках.

– Ма? Что это за место? С тобой все в порядке? Ма, я думал, ты умерла.

Тигхи и плакал, но ма по-прежнему не смотрела на него. Охватив колени, она смотрела на стену напротив. Она вела себя так, словно Тигхи не существовал.

Он подошел к Чародею.

– Она не хочет смотреть на меня, – жалобно произнес юноша с глазами мокрыми от слез.

– Вот как? – проскрипел Чародей. – Ну, может быть, по-

позже она заговорит.

Пол в помещении вдруг наклонился и начал уходить из-под ног Тигхи. Он поспешил к своей ма и сел на корточки рядом с ней. Медленно, почти ожидая упрека, он стал опускать голову, пока она не оказалась на плече матери. Затем обнял ее за плечи. Ма не сопротивлялась его объятию, однако в то же время и не сказала ничего, что означало бы, что она узнала его или хотя бы отреагировала на присутствие человека рядом с собой.

Некоторое время Тигхи оставался в этом довольно неудобном положении. Слезы перестали капать из его глаз. Вскоре у него затекла рука и онемели икры ног. Он убрал руку с плеч матери и встал.

– Что с ней случилось? – спросил он Чародея.

– Случилось? – повторил Чародей. – Ничего, ничего.

Тигхи стал бродить по комнате. Круглая стена этой нижней комнаты, в отличие от верхней, была убрана тканью цвета крови.

Такой ткани Тигхи еще никогда не видел. Ее поверхность состояла из малюсеньких, тончайших ворсинок. На куске ткани размером с ладонь их умещались многие тысячи. Они притягивали взгляд юноши, завораживая его. Тысячи крошечных мягких красных ворсинок, топорщившихся из красной тканевой основы.

– Что это за ткань, Чародей? – поинтересовался он. – Я никогда не видел ничего подобного.

– Чистить ее очень непросто, – сказал Чародей. – Зато она не знает износа. Ты себе даже представить не можешь, какая она прочная. Каждая крошечная ворсинка имеет микропокрытие. Однако чистить ее – сущее мучение. В шкафу есть специальное приспособление.

– Чародей, – робко произнес Тигхи, – наверное, это волшебство.

Чародей засмеялся.

– Мне бы очень хотелось, – сказал он своим странным высоким голосом, – чтобы ты не делал таких скоропалительных и примитивных выводов. Это избитое клише!

Он снова рассмеялся.

Тигхи подошел к нему и увидел, что Чародей полностью поглощен своим занятием: он неотрывно наблюдал за тем, что мелькает на больших стеклянных глазах. Ссутулившись, юноша вернулся к ма и опять сел на корточки, коснувшись ее ноги.

– Ма, – произнес он, – с тобой все в порядке? – Она ничего не ответила, но он продолжил: – Когда ты исчезла, я так горевал. Я так скучал по тебе.

Слезы опять подступили к его горлу.

– Я думаю, – прошептала вдруг его ма и умолкла. – Да, – сказала она затем. – Именно так. Я думаю, что здесь мне очень хорошо.

Она еще крепче обхватила руками свои собственные колени, прижимая их к груди так, словно это младенцы. Тиг-

хи подумал, что ма перестала говорить, потому что у нее закрылись глаза, а подбородок уперся в руки, однако когда он отвернулся, ма громко произнесла:

– Здесь мое место.

Для юноши это было так неожиданно, что он вздрогнул. Он повернулся к матери и протянул руку, чтобы дотронуться до нее. Легонько провел пальцем по ее обнаженным коленям, погладил волосы. Однако она никак не отреагировала, и юноша сдался.

– Я голоден, Чародей, – объявил он.

– Да, – сказал Чародей. – Понимаю. Конечно, ты проголодался. Вот, возьми. – Он повернулся вместе с креслом и подал Тигхи немного еды и бутылочку с водой. Бутылочка была сделана из пластика, однако этот пластик был чистым и гладким и вполне годился на то, чтобы из него делали украшения. – Я дам тебе еще, но немного позже, – сказал Чародей. – Тебе будет плохо, если съешь слишком много.

С благоговейным трепетом приняв еду и питье, юноша сел на пол и, привалившись спиной к обитой мягкой тканью стене, жадно принялся к горлышку бутылочки. Вода была какой-то выхолощенной, с металлическим привкусом, зато травяной хлеб доставил ему огромное удовольствие. У него был восхитительный, нежный вкус. Вместо раздавленных насекомых в хлеб были запечены крошечные ломтики настоящего мяса. Кроме того, он отличался и своей структурой. Очевидно, хлеб пекли из очень мелкой травяной муки,

потому что язык Тигхи ощущал не грубый, колючий мякиш, а нечто эластичное и мягкое. Сверху была хрустящая корочка, а под ней тонкий слой солоноватого желе, внутри которого находилась нежная сердцевина. Никогда еще в своей жизни юноша не ел ничего, что могло бы отдаленно сравниться с этим изумительным хлебом. Пережевав и проглотив последний кусочек, он запил его водой.

Отученный от еды желудок юноши отреагировал резью, и Тигхи решил прилечь. Он свернулся клубком и вскоре задремал. Когда юноша проснулся, его ма сидела в той же позе, в какой он ее оставил, а Чародей, очевидно, так и не покидал своего кресла.

Короткий отдых освежил Тигхи и прибавил ему бодрости. Воспрянув духом, юноша подошел к Чародею и встал позади его лысого, пергаментного затылка. Большой стеклянный глаз, в который уставился Чародей, показывал четыре отдаленных картинки, по одной в каждом углу. В верхнем правом углу было небо; в нижнем правом и в нижнем левом – стена справа и слева от того места, где они находились. Картинка в верхнем левом углу показывала стену прямо перед ними. В самой ее середине находилось большое, размером с голову, серебристое пятно. Обостренное восприятие Тигхи сразу же подсказало ему, что здесь изображены они сами, – словно птица подняла в воздух стеклянный глаз и смотрела на них через него.

– Чародей! – воскликнул юноша, показывая на изображе-

ния. – Это мы.

– Возможно, – ответил Чародей, на оборачиваясь, – ты ждешь похвалы за констатацию очевидного факта?

– Но как такая картинка может получаться?

До этого Тигхи приходилось видеть экраны. Время от времени по деревне шатались бродячие артисты-затейники, которые за небольшую плату показывали свою выдавшую виды поцарапанную и помятую игрушку. Люди постарше обычно не интересовались такой чепухой, потому что видели все это раньше, и, кроме того, развлечение быстро приедалось. Однако всегда находились дети, для которых всё в новинку, и бродячие затейники, совершая долгое путешествие по деревням, длившееся иногда годами, через пару-тройку лет возвращались в ту же деревню, чтобы показать экран этим юнцам и наскрести хоть немного денег себе на пропитание.

«Посмотрите на экран! – зазывал затейник. – Хотите посмотреть волшебную картинку! Ваше собственное лицо в книге! Ваш собственный уступ на картинке!»

И когда дети собирались вокруг старого, потрескавшегося куска пластика, пытаясь разглядеть там что-нибудь, затейник вытаскивал из своего кармана экран-глаз и водил им, держа в руке. Сперва он направлял этот глаз, величиной с большой палец, на самих детей, и – о чудо! – на экране появлялись их собственные лица, лица их друзей. Изображения, которые улыбались, когда они улыбались, тарасили глаза, когда хихикающие дети тарасили свои. Затем затейник

обычно поднимал руку вверх, чтобы показать небо, опускал вниз, нацеливая на уступ, и ходил, позевывая от скуки, а выражение его лица говорило, что все это ему давно уже смертельно надоело.

Изображение, насколько помнилось Тигхи, было тусклым и зачастую смазанным. Все, что двигалось, оставляло за собой слабый размытый след, и вдобавок края экрана обрезали изображение, так что иногда было трудно соотнести различные линии и понять, какой контур они составляют. Однако чудо оставалось чудом! Тигхи и его сверстники, бывало, глаз не могли оторвать от экрана затейника, словно замороженные. Время от времени они посматривали на самого затейника, чтобы убедиться, что уступ, стена и небо, на которые он направлял свой экран-глаз, те же, что и волшебные движущиеся картинки на экране!

От этого зрелища захватывало дух, и когда затейник выключал экран и упаковывал его, все дети дружно, как по команде, начинали ныть.

– Пусть ваши родители, – угрюмо говорил прощелыга, – дадут мне еще немного сыру или ткани, и тогда вы сможете посмотреть волшебные картинки еще немного. Договорились? – Дети спешили к своим па и ма и начинали выпрашивать у них сыр или ткань – все, кроме Тигхи, который не решался обращаться к своей ма с такой просьбой.

Однако экран затейника, который Тигхи видел ребенком, был крошечным, тусклым и покрытым пятнами. Прежде чем

на нем появлялось самое тусклое, едва различимое изображение, его нужно было держать на солнце не меньше часа. Зато экран Чародея был огромным, ярким и чистым. При движении изображения его контуры не смазывались, и все, что происходило снаружи, можно было видеть в мельчайших подробностях. И самое главное – непостижимый вид на сам корабль Чародея, словно экран-глаз смотрел на него с расстояния в две сотни рук. Тигхи прикоснулся к рукаву Чародея и снова спросил:

– Чародей, как может получиться такая картинка?

– Мне очень жаль, – произнес Чародей, – что ты, мой умный мальчик, не говоришь на имперском языке, который гораздо изящнее твоего деревенского.

Тигхи воспринял это как упрек. Проглотив обиду, он начал переводить свой вопрос на имперский язык.

– Повелитель Чародей... – проговорил он, но Чародей не дал ему закончить фразу.

– А теперь, – сказал этот странный маг и волшебник на родном языке Тигхи, несмотря на явно выраженное предпочтение к другому языку, – пожалуй, нам пора убраться отсюда.

Пол накренился, и Тигхи потерял равновесие и упал. В животе появилось неприятное ощущение. Его начало подташнивать, но затем это ощущение исчезло, и юноша опять смог встать на ноги. Все экраны показывали одно и то же: быстро мелькающую мимо стену. Отличалось лишь изобра-

жение в верхнем левом углу. Это было серебристое пятнышко, обозначавшее их самих. Оно постоянно находилось в самой середине экрана, а зеленовато-коричневое мельтешение позади давало представление о скорости, с которой калабаш летел на восток.

– Чародей, – произнес Тигхи на своем родном языке, – ведь ты был на поле боя. Ты искал меня.

Чародей повернулся в своем кресле к юноше.

– Ты прав, мой смысленный мальчик. Я действительно был там. Мой дорогой мальчик, я искал тебя повсюду. Если бы ты знал, как трудно было тебя найти.

Он улыбнулся, и жесткая кожа его лица издала едва слышный скрип и покрылась кривыми морщинами.

– Почему?

– Самый глубокий вопрос из всего арсенала вопросов философа, – ответил Чародей.

– Ты звал меня, называл мое имя.

– Правильно. Я усилил твое имя. Однако от этого не было никакого проку, потому что ты скрылся, убежал по тому уступу. Вслед тебе свистели пули. Я очень боялся за тебя. Должен признаться тебе, у меня сердце ушло в пятки. В любой момент тебя могли убить – убить! Только подумать! И все же все обернулось к лучшему. Я думаю, что в жизни все оборачивается к лучшему чаще, чем в обратную сторону. Ты убежал, и я пытался последовать за тобой, но ты затерялся в Сетчатом Лесу, и я утратил способность выследить тебя.

Смысл этой фразы ускользнул от Тигхи.

– Что сделать?

– Последовать за тобой. Выяснить, где ты находишься на всей этой огромной стене, которую мы называем миром.

Когда Чародей говорил долго, его высокий голос приобретал скрежещущий оттенок. По мере того как юноша смотрел на странное, кожистое лицо, сходство Чародея с дедом становилось все более тесным.

– Ты следил за мной в этой машине?

– В твоей голове, в голове, – Чародей легонько похлопал Тигхи по голове своей сухой рукой, – есть вещи, которые позволяют мне настраиваться на тебя. Это нелегко, потому что на стене столько всяких вещей и людей. Однако я не жалел времени на поиски. Я вернулся в деревню и узнал, что ты исчез. Исчез!

При упоминании о деревне Тигхи как ножом по сердцу полоснуло.

– Ты вернулся в деревню? В деревню?

– Да, именно так я и поступил, мой красивый мальчик. И мне понарасказали столько историй! Я почти отчаялся. Они сказали, что ты сошел с ума и упал с мира. Конечно, я полагал, что ты погиб, однако иногда вмешивается судьба – ты так не думаешь? Иногда вмешивается судьба.

– Деревня... – начал было юноша и в нерешительности умолк.

Он не знал, как сформировать вопрос. Как там? Как идут

дела? Жизнь продолжается, как и прежде? Они скучают по мне, говорят обо мне?

Однако Чародей, очевидно, имел в виду совсем другое.

– Я пытался найти твой след, но без особой надежды, а потом у меня появились другие неотложные дела. Вернувшись я сделал еще одну, последнюю попытку – и какая удача. Ты оказался жив. Ты буквально воскрес из мертвых. Какое везение, – но нет, нет, назовем это судьбой; пожалуйста, воспользуемся этим словом. Тем, что я нашел тебя, я обязан судьбе. И в такое неподходящее время! Такой ужасный случай. Самый разгар войны. А затем ты в Сетчатом Лесу, и я теряю твой след. Однако теперь я знал, что ты жив, я видел тебя на том уступе и потому мог продолжать поиски. Я искал и искал, пока не нашел тебя! И вот ты здесь!

– Но почему ты искал меня? – удивился Тигхи.

– Почему? Да потому, что ты знаешь очень много. Ты знаешь, как много ты значишь. Ты всегда знал это. – На лице Чародея опять появилась ужасная улыбка. – Ты ценный урожай, дорогой мой. Ценный урожай. Как и твоя ма.

Тигхи открыл рот от удивления. Ответы Чародея на его вопросы не только не проясняли дела, но еще более запутали его. Юноша почувствовал, что теряет над собой контроль. В присутствии Чародея с его нечеловеческой, слишком плотной кожей он чувствовал все больший дискомфорт. Что-то здесь было не так. Он вернулся к матери и обнял ее за покорную шею.

– С ма случилось что-то нехорошее, – произнес Тигхи надтреснутым голосом. – Что с ней произошло?

Чародей наклонил свою голову.

– Так много вопросов! Дело в том, что у ма тоже есть некоторые вещи в голове. Они почти такие же, как и те, что находятся в твоей голове, хотя, может быть, и чуть менее совершенные. Иногда они делают ее – как бы это получше выразиться – неустойчивой в эмоциональном отношении. Ее психика иногда не выдерживает нагрузки. Тот факт, что твое развитие оказалось куда более стабильным с точки зрения эмоций, свидетельствует, что вещи, которые я вставил в твою голову, гораздо более совершенны. Однако твоя бедная ма. Ах, – произнес он, медленно покачав головой, – ах, я чувствую твое подавленное состояние, мой дорогой мальчик, твою настороженность ко мне. Но тебе нечего опасаться! Ведь, в конце концов, я твой спаситель. Я же спас тебя от этого работорговца, не так ли?

Рука Тигхи почти без его ведома поднялась и потрогала шрамы на черепе.

– Что это за вещи в моей голове и голове моей ма? – спросил он, закрывая глаза. Внезапно в памяти юноши совершенно без каких-либо потуг с его стороны возникла странная картина: катерпил с когтями вгрызается в голову Равилре. – Кто ты? Кто ты такой? Что означает все это – все эти магические механизмы? Ты их сделал сам? Они твои?

– Это, – сказал Чародей, кивая, – куча вопросов, на кото-

рые не ответишь сразу. Что я могу сказать? Многое обстоит вовсе не так, как тебя учили. В мире есть тайна, которая пока недоступна твоему пониманию.

– Я знаю об этой тайне! – вскричал Тигхи, ощутив внезапный порыв смелости. Он вскочил на ноги. – Я знаю, что стена вовсе не такая, какой ее представляют себе люди!

– В самом деле? – вяло спросил Чародей. – Какой ты умный и догадливый мальчик.

– Моя ма у тебя, – произнес Тигхи. – А где мой па? Где он? Он шагнул к Чародею. Глаза юноши метали искры.

Внезапно Чародей исчез. Только что он сидел в кресле перед Тигхи, и вдруг его не стало. Тут юноша почувствовал на себе его взгляд и оглянулся. Чародей стоял у трапа. Непостижимо! Как он смог так быстро, молниеносно вскочить с кресла и пробежать по комнате к трапу? Это было необъяснимо. У Тигхи глаза полезли на лоб.

– Как? – едва слышно спросил юноша.

От изумления у него перехватило голос.

Лицо Чародея исказила улыбка, которая показалась юноше отвратительной.

– Возможно, ты удивишься, узнав, что одной из существенных особенностей моего организма является очень продолжительный сон. Меня это не удручает, и даже наоборот; сон доставляет мне огромное наслаждение. Однако боюсь, тебе это вскоре наскучит. Что поделаешь, нужно смириться.

С этими словами он начал подниматься по трапу.

– Как тебе удастся двигаться так быстро? – спросил Тигхи плаксивым голосом. – Что ты сделал с моим па?

Однако Чародей уже исчез в верхней комнате.

Глава 2

Тигхи попытался открыть люк, который вел в верхнее помещение, однако тот был закрыт наглухо. И тогда он в бесильной ярости забарабанил по нему кулаками.

– Мой па, – вопил юноша. – Объясни! Где! Мой па?!

Сверху, заглушённый слоем металла, который разделял их, прозвучал раздражительный голос Чародея.

– Пожалуйста, успокойся, мой дорогой мальчик, – сказал он. – Я пытаюсь заснуть.

– Господин Чародей! – закричал Тигхи и опять изо всех сил застучал по металлу.

– Это не поможет.

Тигхи сдался и спустился по трапу в нижнее помещение. Подойдя к ма, сел рядом. Как воспринимать все случившееся с ним после появления Чародея в серебристой машине? Как кошмар или как подарок судьбы, избавивший его от рабства? Все было так неожиданно и невероятно, что юноша пребывал в жуткой растерянности. Его ум взбунтовался и отказывался осмыслить происшедшее. Как желудок, судорожно сжимающийся и пытающийся исторгнуть из себя попавший в него яд.

– Ма, – сказал он, – что произошло? Что произошло?

– Он пришел за нами ночью, – неожиданно ответила ма.

– Что? – радостно воскликнул Тигхи. – Теперь ты будешь

говорить со мной, ма? Ма?

Однако, как Тигхи ни старался, ему не удалось больше вывести мать из апатичного состояния, в которое она опять погрузилась. Все тот же безучастный, потухший взгляд.

Через некоторое время у Тигхи затекла рука. Он снял ее с плеча матери и, встав с пола, принялся расхаживать по комнате и осматривать все, что там находилось: кресло Чародея, механизмы управления, имевшие странную форму, изображения мировой стены, мелькавшие на экране. Он попытался было сесть на кресло Чародея, но оно вытолкнуло его из себя, издав при этом металлический щелчок, и юноша едва не упал лицом на пол.

Довольно скоро ему прискучило шататься по комнате, и он стал обдумывать то, что сказал Чародей, его странное, непривычное для уха юноши произношение, высокий, пронзительный голос.

В мире есть тайна, которая пока недоступна твоему пониманию.

Все связано. Где-то есть ключ.

Тигхи лег на пол и попытался заснуть, однако его организм не ощущал усталости, и сон не шел. События нынешнего дня снова и снова прокручивались у него в голове. Торговец людьми с абсолютно круглым отверстием в груди, падающий вперед. Загадочное появление корабля Чародея, который, казалось, вылетел прямо из солнца. Его ма. Он встал и, подойдя к матери, опять обнял ее.

– Ты и я, ма, – сказал он, – вместе мы обретем силу.

Вместе мы...

Юноша оборвал речь на полуслове и стал испуганно озираться. Кто знает, что делает сейчас Чародей. Может, в это самое время он не спит, а подслушивает их.

Шли часы. От нечего делать Тигхи стал рассматривать приборы управления машины Чародея. На панели ровными рядами выстроились абсолютно одинаковые круглые металлические выступы, на которые, очевидно, можно было нажимать, и маленькие металлические палочки или рычажки. Одни были повернуты вверх, другие – вниз.

Тигхи принялся нажимать на кнопки-выступы и щелкать палочками, однако никакого видимого эффекта это не возымело.

Он сел на пол и долго не вставал с него. Внимание юноши привлекли металлические шляпки, усыпавшие пол красивыми узорами. Сначала он думал, что эти шляпки служат лишь для украшения, однако, понаблюдав за ними, понял, что ошибся. Очевидно, они выполняли какую-то иную функцию. Очень медленно, почти незаметно, они двигались по металлическому полу. Причем все шляпки меняли свое положение одновременно, и потому стройность узора, создаваемого ими, никак не нарушалась.

Тигхи поддел одну из них ногтем большого пальца и попытался отковырнуть от пола. Шляпка легко отскочила. Под ней оказалось крошечное отверстие с несколькими борозд-

ками, уходившими вниз от края. На ощупь шляпка воспринималась как слегка выпуклая металлическая монета. Тигхи возвратил шляпку на место, но так, чтобы общий узор нарушился, и стал наблюдать. Все остальные шляпки начали менять свои места, и в конце концов узор был восстановлен. На это ушло около часа. Сколько юноша ни ломал голову, ему никак не удавалось подыскать подходящее объяснение существованию этих крошечных устройств.

Вскоре ему захотелось есть и пить. Под панелью с экранами находилось несколько металлических дверок, открывавшихся наружу. В одном из этих шкафчиков Тигхи обнаружил металлическую фляжку с какой-то жидкостью. Он попробовал ее на вкус. Чуть горькая, она великолепно утоляла жажду, и юноша, недолго думая, опустошил фляжку больше чем наполовину. Он осмотрел все шкафчики, но ничего съестного там не было. Подойдя к ма, юноша протянул ей фляжку, и та безмолвно взяла ее, сделала пару глотков и вернула.

Тигхи опять принялся расхаживать по комнате; через некоторое время он попробовал открыть верхний люк, но безрезультатно. Тогда юноша повисел на лестнице, словно ленивая обезьяна, и спрыгнул на пол. Походив еще немного, лег на пол и заснул.

Проснувшись, Тигхи обнаружил, что за время его сна в маленькой комнате ничего не изменилось. Его ма сидела в той же позе и все так же смотрела в никуда. В который

уже раз Тигхи стал описывать круги по комнате и смотреть на экран. В нем начинала закипать злоба. Взлетев по трапу вверх, он забарабанил по люку и завопил:

– Чародей! Чародей! Проснись! Сколько же можно спать?

Никакой реакции со стороны Чародея не последовало. Он либо не желал откликаться, либо слишком крепко спал. Тигхи сел на пол, сделал глоток из металлической фляжки и молча протянул ее ма. Затем во второй раз попытался сесть в металлическое кресло Чародея, и опять его выбросило оттуда. Тигхи взвился в воздух и приземлился на ноги – более удачно, чем в предыдущий раз, потому что толчок не был для него неожиданным. Он готовился к нему.

Тигхи сделал еще одну попытку. Он взгляделся в сиденье кресла и снова сел в него. Сам металл деформировался, а затем вернулся в прежнее положение, как пружина, и вытолкнул юношу. Это было в высшей степени удивительно.

Он опять обратил свое внимание на экраны и начал наугад тыкать в клавиши и кнопки на панели управления и щелкать тумблерами. Корабль содрогнулся и стал рыскать вправо-влево, то поднимаясь, то опускаясь. Насмерть перепуганный Тигхи отскочил от панели как ошпаренный. Мелькнула мысль, что он совершил нечто непоправимое и его шалость может привести к гибели всей этой чудесной машины и тех, кто находится на ее борту. Однако вскоре пол перестал уходить из-под ног, а мелькание изображений на экране замедлилось. Затем всякая вибрация окончательно прекратилась,

и наступило спокойствие. Мочевой пузырь Тигхи раздулся от выпитой жидкости и от пережитого испуга и готов был лопнуть. Юноша из последних сил сдерживал позыв к мочеиспусканию. Он сел или, скорее, рухнул на пол. Сердце стучало в груди будто молот. По лицу струился пот, а руки била мелкая нервная дрожь.

Раздался скрип открываемого люка, и появились одетые в черное ноги Чародея, нащупывавшие ступеньки. За ними последовал его пронзительный, как свисток, голос.

– Десять часов! Чуть меньше! Вообще-то маловато, хотя жаловаться не на кого.

Он ступил с трапа на пол и подошел к панели управления. Кожистое лицо хранило непроницаемое выражение. Изображения на экране замерли. Это означало, что корабль стоит на месте и никуда не двигается. В каждом углу большого экрана было одно и то же: каменистая стена, припорошенная белым снегом.

Дыхание Тигхи пришло в норму. Он все еще был испуган, но не настолько, чтобы не заметить, как Чародей слегка, как бы ненароком, нажал что-то, по всей видимости, кнопку на внутренней поверхности одной из железных трубок, составлявших спинку его кресла. Затем уселся в него и стал колдовать над панелью управления.

Тигхи поразмыслил немного и решил, что будет лучше, если он признается во всем сразу.

– Я трогал приборы, мастер Чародей, – произнес он на

имперском языке, потупив взгляд.

– Конечно, мой прекрасный юноша. А как же иначе, – сказал Чародей, не оборачиваясь. – Я ожидал этого. Однако приборы управления заблокированы, поэтому твои шалости не могли принести никакого вреда. – Он оглянулся. Его лицо исказила неестественная, безобразная улыбка. – Неужели ты всерьез думал, что мог прервать полет моей машины своими детскими забавами? – Похоже, эта мысль развеселила Чародея, ибо он даже усмехнулся. – Никакой трагедии не могло произойти. Нет, корабль реагирует лишь на изменения в гравитационном поле. При приближении к Восточному полюсу сила притяжения уменьшается и энергия излучения увеличивается. Моя замечательная машина функционирует безупречно в обычной системе гравитации, и не только. Она рассчитана также на полет в зоне пересечения линий гравитационных полей под углом в девяносто градусов и нейтрализует его. Таким образом достигается абсолютная стабильность. Здесь же, на крайнем востоке, угол сближается и наша платформа становится менее прочной.

Почти все, что сообщил юноше Чародей, было слишком мудрено для его ума, и потому пролетело мимо его ушей, но одна фраза заставила Тигхи встрепетаться.

– Восточный полюс? – спросил он, чуть пошатываясь. Дыхание юноши было все еще частым и неглубоким, но испуг заставил его ум сосредоточиться и функционировать более собранно. – Это и есть место нашего назначения? Мы туда

направляемся, мастер Чародей?

– Удачно подмечено, – прокомментировал Чародей. Повернувшись вместе с креслом к Тигхи, он с одобрением взглянул на него. – У тебя пытливый ум, мой замечательный мальчик.

– Этот полюс является крайней восточной точкой стены? – чуть запинаясь, спросил Тигхи. Он представил себе огромную мачту или флагшток, вонзающуюся в небо и обозначающую восточную оконечность стены. А дальше? Голубая бесконечность, простирающаяся навсегда. – А на западном краю тоже есть полюс?

– Ты забавный парнишка, – сказал Чародей, хотя, судя по тону, этот разговор его не особенно забавлял. – Наверное, ты рисуешь себе огромное дерево, растущее вверх на сотни миль.

Тигхи не знал, что ответить, и промолчал.

– Мировая стена, – продолжал тем временем Чародей, описав в воздухе дугу правой рукой, – вовсе не то, о чем ты думаешь.

Высокомерный вид этого человека с искусственным, не совсем умело слепленным лицом и эксцентричными манерами вызвал у юноши чувство обиды и негодования. Он почувствовал, как его зрачки зажглись злостью.

– Я знаю секрет мировой стены! – выпалил он. – Ты думаешь, что я маленький мальчик и ничего не знаю. Нет, я не мальчик! Я был солдатом и воевал, и я противостоял мон-

страм. Я постиг тайны стены. – Жгучие слезы подступили к глазам Тигхи, однако, призвав на помощь все свое самообладание, юноша сдержал их. Расплакаться? Перед ним? Ни за что на свете! – Я знаю больше, чем ты думаешь.

В воздухе повисла странная тишина.

– Итак, – с расстановкой произнес Чародей, – тебе известен секрет стены. Однако так ли это на самом деле? Ты удивительный юноша. Твоя красота под стать твоей способности говорить изумительные слова. – Он наклонил голову. – Так что это за тайна, которую ты знаешь?

Внезапно Тигхи расхотелось продолжать разговор. Он не отдавал себе отчета, но что-то удерживало его, хотя то, что Тигхи знал, не было тайной в строгом смысле этого слова. И все же в поведении Чародея ощущалась какая-то скрытая угроза или по меньшей мере насмешка. Юноша повернулся и, сделав несколько шагов по направлению к своей ма, уселся на пол рядом с ней.

Чародей не сводил с него глаз, ожидая ответа. Тишина становилась все более неестественной и напряженной.

– В стене есть Дверь, – наконец нехотя проговорил Тигхи. – Она ведет к Богу.

– В самом деле? – спросил Чародей.

Кожистое лицо оставалось абсолютно невозмутимым.

– Да, – сказал юноша, уязвленный его скептицизмом. – Это правда. Чтобы овладеть Дверью, Имперские Папы собрали мощную армию. В рядах этой армии сражался и я.

– Я видел, как ты сражался, – произнес Чародей, и его грубые кожистые губы растянулись в подобие улыбки, – на одном из моих экранов.

Он показал пальцем через плечо.

Тигхи воспринял это как намек на его бегство с поля боя в сторону Сетчатого Леса. Он стиснул зубы и стерпел оскорбление.

– Я знаю и еще кое-что, – сказал он. – Бог живет у подножия стены, а не на ее верхушке. Каждое утро он швыряет солнце через стену в своих врагов.

– В своих врагов, – повторил без всякого выражения Чародей.

Нечасто в своей короткой жизни Тигхи приходилось прибегать к такому многословию, и всегда, выговорившись, он ощущал внутреннюю опустошенность. Вот и сейчас он чувствовал нечто подобное, только это чувство было гораздо острее. Ведь ясно, что его объяснения показались Чародею неубедительными. Это было тем более обидно потому, что Тигхи изо всех сил стремился найти подходящие слова для выражения этой захватывающей идеи: того, что мысль Бога притаилась в основе всех вещей, что Бог бросает горящий камень своей сильной рукой. Запинаясь от волнения, Тигхи начал было объяснять заново.

– Стена существует для того, чтобы отделять добро от зла, – сказал он. – Стена...

У него внезапно перехватило голос.

– Продолжай, – приказал Чародей.

Тигхи покашлял и заговорил тихим, дрожащим голосом:

– Стена маленькая. Эту тайну я постиг не сразу. Она кажется большой, однако она совсем не большая. Просто мы очень маленькие. Стена – игрушка, созданная богом с узким, ограниченным умом, наверное, богом-ребенком. И она населена миниатюрными подобиями людей и животных.

Он умолк. Тайна была открыта.

– Очень оригинально! Восхитительно! – воскликнул Чародей. – Однако совсем неверно. Стена не маленькая!

Тигхи недоверчиво уставился на него:

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, поверь мне. Я побывал, наверное, во всех углах стены. Где я только не был. И я помню, я помню потому, что я старше, чем ты можешь себе представить. Но меня, мой юный философ, всегда поражает сложность, какую люди иногда пытаются придать простым вещам.

Чародей глубоко вздохнул.

Наступила тишина, которая продолжалась ровно столько времени, сколько требовалось для семи ударов сердца.

– А теперь, – произнес Чародей, – хочешь, я скажу тебе, что такое стена?

Глава 3

Пол задрожал под ногами, и Тигхи вскричал от страха. Чародей резко повернулся в своем кресле к панели управления, и его пальцы залетали по кнопкам и тумблерам.

– Для паники нет никаких оснований, – произнес он. – Всего-навсего искажение силовых линий гравитационного поля, чего и следовало ожидать на крайнем востоке. Отсюда нам придется двигаться гораздо медленнее. Но мы будем там! Я хочу показать тебе Восточный Полюс, мой очаровательный. Мало кому из людей удавалось увидеть его. Ну а тех, кто видел и остался в живых, еще меньше.

Из горла Чародея вырвался сухой, икающий звук. Это был смех, но Тигхи потребовалась пара секунд, чтобы понять это.

– Кто ты, мастер Чародей? – спросил Тигхи, чувствуя глубокую тревогу. – Что у тебя общего со мной? С моей семьей? Почему?...

Вопросов у юноши накопилось столь много, что они образовали в его уме огромный бесформенный ком. Все они казались Тигхи одинаково важными, но он не мог задать их все сразу.

– Твоя кожа, – коротко произнес Тигхи. – Почему твоя кожа такая... такая...

– Какая такая? Такая необычная? Или ты собирался сказать, такая уродливая, безобразная? Это хорошая кожа, мой

мальчик с нежным лицом. Крепкая кожа. Дубленая кожа, которой обтянута сложная сеть тончайших, как нити, проводов, опутывающих витальный щиток и передающих информацию в живой, подкожный слой фасций. Однако все эти термины ничего для тебя не значат, не так ли? Эге-ге, мой бедный, невежественный мальчик. Моя кожа. Начать следует с того, что моя кожа – очень хорошая вещь. Она крепче твоей и куда прочнее. И потому она лучше подходит мне, чем твой тип кожи. Однако таковой она может быть лишь благодаря команде полленмашин и достижениям технологий, оставшихся от предыдущей эпохи. Ты слышал о предыдущей эпохе?

Тигхи стоял и теребил нижнюю губу, что означало высшую степень нервозности. Он не ответил.

– Ну конечно же, ты слышал об этой эпохе! – произнес Чародей. – Свидетельства ее существования разбросаны вокруг нас. Они повсюду: старые механизмы, экраны и разные электронные устройства, которые переходят из рук в руки. Постройки, железобетон, археологические находки. Да и сам металл, из которого делают стволы для армейских ружей, – ведь больше никто сейчас не производит металл. Все это досталось в наследство от прошлого, великого века. Как ты мог не замечать этих вещей? Или ты замечал их и не обращал на них внимания, не задумывался? Различные истории рассказывают о веке чудес, за которым последовала катастрофа. Всегда катастрофа. Человечество всегда балансирует на

краю пропасти. Все его существование проходит под знаком грядущей катастрофы, которая воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Чародей опять рассмеялся своим сухим, похожим на икоту смехом.

– Катастрофа, падение, – тоненьким голоском выговорил Тигхи.

– Ты когда-нибудь задумывался о том, прошлом веке? – поинтересовался Чародей.

Внезапно Тигхи озарила догадка.

– Так это они построили твою машину.

– Да, они. Вообще-то не совсем, но машина действительно создана на основе достижений древней технологии. Многие ее узлы устарели, да и отделка интерьера тоже. – Он сделал жест в сторону роскошно отделанных стен. – Когда-то любой мужчина и любая женщина умели делать такие машины. Когда-то все мы обладали этими умениями и навыками.

– Почему же мы потеряли эти умения? – спросил Тигхи.

– Не мы. Ты, но не я. Ты и твои соплеменники. С этим я согласен. Однако это уже функция населения. Уровень технологического прогресса определяется количественным фактором. Чем больше населения, тем он выше. Сколько же людей населяют мир сегодня? Несколько тысяч? Этого недостаточно – и ты, – произнес он, указывая на Тигхи одной рукой, – не понимаешь ничего из того, что я говорю, не так ли?

Тигхи по-прежнему теребил нижнюю губу, упершись гла-

зами в пол.

– Ты говоришь о полленмашинах, – проговорил он мрачно. – А болты на полу – тоже полленмашины?

– О нет, они слишком большие. Это просто чистящие приспособления. Ползая взад-вперед, они поддерживают в этом помещении безупречную чистоту – очень простые устройства. Полленмашины куда сложнее. Однако я вижу, что передо мной стоит более сложная задача, чем я думал. Вот что, скажи-ка мне, мой ясноглазый молодой человек, насколько высока, по-твоему, стена?

– Как высока?

– Да. Высотою в сотни миль? Или может быть, тысячи?

Раньше, в деревне, Тигхи часто задумывался именно над этим вопросом.

– От основания до самого верха? – сказал он. – Тысячи.

– Мы могли бы подняться вверх, – предложил Чародей. – В моей машине, если ты не прочь предпринять такое путешествие. Мы могли бы подняться вверх по стене на тысячи миль. Я уже делал это.

У Тигхи перехватило дыхание.

– Ты был на верхушке стены? – выдохнул он почти беззвучно. – Ты поднялся до самого верха? И это правда? Бог действительно живет там или все же внизу?

– У стены нет никакого верха, – ответил Чародей. – Можно подниматься вверх бесконечно... или опускаться.

Тигхи немного помолчал, переваривая услышанное.

– Значит, у стены нет конца, – как бы подытожил он. Это было необъяснимо, по крайней мере пока, но почему-то теория показалась ему верной, разрешая, наконец, тайну стены. – Но откуда ты знаешь, что она бесконечна? – спросил он. – Ты же не мог вечно подниматься вдоль стены. И еще, – ему в голову пришла еще одна мысль, – если у стены нет ни верха, ни низа, где же тогда обитает Бог?

– Ах, Бог, – как бы вспомнил Чародей. – Однако, по-моему, мы все трое проголодались.

Он вытащил пакет из сумки, висевшей у него на животе, и развернул его. Там оказался вкусный мясной пирог. Затем извлек металлическую фляжку, точно такую же, какую Тигхи нашел в шкафчике под панелью управления. Чародей быстро разделил пищу на три части и самую маленькую подал ма. Она съела свою порцию с отсутствующим видом.

Тигхи в два приема расправился с пирогом и сделал глубокий глоток освежающей жидкости, слегка отдававшей горечью. От еды юноша немного осоловел, но вскоре к нему опять вернулась ясность мысли. Сам Чародей ел без особого аппетита отламывая маленькие кусочки пирога и точными, размеренными движениями отправляя их в рот.

– Что случилось с моей ма, мастер Чародей? – спросил Тигхи, снова перейдя на имперский из уважения к собеседнику. – Она сама не своя.

– Ты, сам того не зная, изрекаешь правду, – сказал Чародей. – Произошло, ну, скажем так: сжатие коры головного

мозга. Вынужденная необходимость. Она не испытывает боли, и это очень важно. Однако мне очень трудно объяснить тебе суть черепно-мозговой операции по вживлению микрочипов в ее мозжечок. – Он поднес фляжку к губам, и из горлышка в его рот полилась тоненькая струйка жидкости. – Так на чем я остановился? – спросил Чародей, опять принимаясь за пирог.

– Не знаю, мастер Чародей, – ответил Тигхи. – Мне трудно следить за твоим объяснением.

Юноша говорил на имперском языке, надеясь подольститься к Чародею, но кожистое лицо тут же исказилось гримасой недовольства.

– Не болтай зря на имперском, – раздраженно произнес он на деревенском языке. – Мне и без того трудно объяснять тебе все это. Не хватало еще, чтобы ты мысленно переводил такие сложные категории на иностранный язык! Говори на родном языке, мальчик!

Еще один кусочек пирога отправился в его рот.

– Давай поговорим гравитации, мой сын, – сказал Чародей. – Гравитация. Нет никакой другой силы, которая делала бы мир таким опасным местом. Кстати, опасность или риск – необходимое условие существования. Мои старания избежать опасности и определяют судьбу остального человечества. Его большинства, должен сказать, ибо ни я, ни мой Возлюбленный не ограничены этим риском.

Тигхи удивленно вскинул голову. Мысль о том, что такая

уродливая личность могла иметь возлюбленных, показалась ему совершенно неуместной.

– Твой возлюбленный, мастер Чародей? – спросил он.

Чародей кивнул:

– Ты удивлен потому, что находишь мое лицо отвратительным. Это твой недостаток, мой хорошенький, а не мой. У меня несколько возлюбленных, и все они сосредоточены во мне самом. Мы летим к Восточному Полюсу, потому что именно там лучше всего можно укрыться от них. В особенности от того, кто твердо намерен уничтожить меня. Как будто он способен сделать это. Ведь тогда он уничтожил бы и себя. Мы – едины. Но, – Чародей недовольно покачал головой, – мы говорим не о моем Возлюбленном, какой бы увлекательной я ни находил эту тему. Мы, мой дорогой мальчик, говорим о гравитации.

– Гравитация, – повторил Тигхи.

– Ты понимаешь, что такое гравитация? – недоверчиво спросил Чародей.

Тигхи сглотнул слюну. Вкус мясного пирога уже почти исчез с его языка, и юноша очень сожалел об этом.

– Я понимаю это слово, Чародей, – ответил он.

Ответ, похоже, пришелся Чародею по вкусу. Он опять выдавил из себя смешок и кивнул.

– Великолепный ответ, моя юная обезьяна, – сказал он, – за него не жалко отдать премию философа. Да, человеческие существа всю жизнь пытались постичь суть гравитации. И

все же она ограничивает нас. Кто построил стену?

Сначала Тигхи воспринял вопрос как чисто риторический и потому не стал отвечать на него. Он усердно трудился, кончиком своего языка доставая последние крошки мяса, застрявшие между зубов. Чародей замолчал, и тогда до Тигхи дошло, что вопрос все же был адресован ему. Юноша поднял голову:

– Прошу прощения, Чародей?

– Кто построил стену, мальчик?

– Бог, – механически ответил Тигхи.

– Человек, – возразил Чародей. – Человек построил стену.

Мы построили ее.

Тигхи поразмыслил, затем ответил:

– Этого не может быть, господин Чародей. Как может человек построить нечто такой высоты, которая продолжается бесконечно?

Тем не менее юношу потряс грандиозный масштаб такого начинания. Сотни людей, тащивших огромные каменные плиты, одну за другой, строивших стену такой необъятной величины. Сколько поколений потребовалось для этого? И какие умения и навыки в строительном деле, которые теперь утрачены? Однако эти картины, возникшие в его живом воображении, не могли иметь места. Они были совершенно нереальными. Такого никогда не могло быть. Это бессмыслица.

– Я никогда не утверждал, – ответил Чародей, – что стена безгранична в своих размерах. Это уже твоя интерпретация.

Я сказал, что у стены нет ни верха, ни низа, вот и все.

– Тогда я не понимаю, – признался Тигхи.

– Когда я говорю, что стену построил человек, – терпеливо начал объяснять Чародей, – то я имею в виду, что он изменил свой мир и превратил его в мировую стену. Это гравитация, понимаешь?

– Нет, Чародей.

– Конечно, нет. Хорошо, давай подойдем к этому следующим образом. Изменилась гравитация. Ты знаешь, что такое гравитация. Это сила притяжения. Она тянет нас вниз. Если мы ступаем с лестницы, нас тянет вниз, к полу, так? Настолько просто, что вряд ли требует объяснения! Ты упал!

– Я упал, – согласился Тигхи.

– Вниз тебя притягивала сила притяжения, гравитация. Вот видишь? Гравитация, точнее, ее поле расположено параллельно, миру, и именно это и определяет мир, в котором мы живем. Однако так было не всегда. Когда-то – и это время было сотни лет назад – гравитационное поле действовало в ином направлении.

Тигхи спросил недоумевая:

– Каким же могло быть направление? Куда тянула эта сила?

– Не параллельно миру, а под углом в девяносто градусов к нему. Представь себе.

Однако у Тигхи это не укладывалось в голове.

– Я не понимаю, – пробормотал он.

– До того, как была построена мировая стена, земля была плоской, – проговорил Чародей. – Напряги воображение и представь, что ты оказался в таком месте, мой смысленный мальчик. Не было стены, которая уходила бы вверх и вниз, но был огромный выступ, выступ без начала и без конца, плоский со всех сторон. Это объяснялось тем, что в те дни сила притяжения действовала под углом девяносто градусов к поверхности земли. По правде говоря, таков наиболее распространенный во всей Вселенной тип гравитации. Так действует сила притяжения в других мирах, на других звездах. И наш мир, который мы называем мировой стеной, наш мир все еще вращается вокруг солнца, а солнце по-прежнему притягивает нас к себе перпендикулярным гравитационным притяжением, иначе мы не двигались бы по орбите. Это физика, мое сладко пахнущее дитя; пожалуйста, будь внимателен.

– Да, Чародей, – покорно произнес Тигхи, совершенно сбитый с толку.

– Когда-то наш мир был своего рода солнцем; он излучал свет, производимый населявшими его людьми и освещавший вселенскую пустоту. Как и у солнца, у него была своя собственная планета, вращавшаяся вокруг него, которую называли Луной. После изменения направления гравитации мы потеряли Луну, которая обрела свою собственную, независимую траекторию. В наши дни место турбулентности, то есть точка, где гравитация начинает отклоняться от тради-

ционного направления, находится всего лишь в нескольких тысячах ярдах от стены. Однако сразу же после изменения гравитации эта граница резко сдвинулась наружу, как описывает закон Ван-Эдера. Хаотичные поля захватили в свою сферу Луну, и та внезапно сошла с орбиты, по которой кружила в течение многих тысячелетий. А затем силовая турбулентность Ван-Эдера повернулась на сто восемьдесят градусов, опять к земле. Вместо того чтобы распространяться дальше по спирали и ослабевать с каждым витком, изменившаяся гравитация сжалась назад, к этому миру. Она могла бы сжаться целиком к центру планеты, и тогда у нас все было бы по-старому. Однако, к сожалению, этого не произошло. Гравитационные линии выпрямились и заняли параллельное положение, которое господствует и по сей день.

– Это, – сказал Тигхи, до которого начал доходить смысл объяснений Чародея, хоть и весьма смутно, – и есть Пауза. Ты это имел в виду.

– Пауза, – повторил Чародей. – Вот как ты называешь это явление.

– Оно известно пилотам воздушных змеев, – пояснил Тигхи. – Расстояние, на которое можно отлететь от стены, ограничено ею. Натыкаешься на Паузу, и дальше лететь невозможно.

– Именно так, – согласился Чародей. – Так значит, это назвали Паузой. Подходящее название. В самую точку, мой остроумный авантюрист! Ты – источник легенд о границе

мира. Это граница между спиралью гравитации, которая окружает наш мир, и перпендикулярной силой, действующей вне ее. Что касается Луны, то она сошла с земной орбиты, и в условиях космического вакуума ничто не может замедлить или остановить ее полет. Она избавилась от своего прежнего владельца и теперь летит сама по себе со все большим ускорением. Мой Возлюбленный, который исследовал ее, утверждает, что она движется по неправильной орбите, вытянутой в сторону солнца. С некоторой вероятностью можно предположить, что она станет луной для другого мира, скорее всего для Венеры, а Венера – мерзкий мир с очень высокой температурой и кислотностью. Возможно, наша луна благотворно повлияет на процессы, происходящие в мире Венеры, и там прекратятся катаклизмы. Ах, как приятно восторгаться ее строгой красотой, наблюдая ее в объектив телескопа. Вся серебристая и торжественная, украшенная изящными узорами, – произведение искусства! Могу представить, что произойдет после того, как Луна выйдет на орбиту вокруг Венеры. Она встряхнет всю застоявшуюся кислотность мира Венеры и, возможно, сделает из нее что-нибудь более подходящее. Может, там возникнет новая жизнь, и тогда гравитационные изменения принесут огромное благо всей Вселенной.

Чародей умолк. Казалось, он погрузился в размышления. Однако Тигхи потерял нить повествования.

– Мастер Чародей, – сказал он. – Мне непонятно. Как мо-

жет измениться гравитация? Каким был мир раньше?

– Похожим, – произнес Чародей с плохо скрытым раздражением, – похожим на бесконечный, необъятный плоский выступ, простирающийся во все стороны. Слушай внимательно! Я не могу двадцать раз повторять одно и то же. Красивый, но не слишком смысленный, не слишком. – Он покачал своей кожаной головой. – Сейчас я рассказываю тебе о том, как изменились вещи, а они начали меняться еще до того, как я родился, но тем не менее это истинная история. Мир простирался плоско во все стороны, потому что сила притяжения действовала перпендикулярно к его поверхности, как обычно. В этом мире жили миллионы, миллиарды, и ты даже представить себе не можешь, что стоит за этим словом. В твоём языке такого слова нет, потому что у тебя нет потребности обозначать столь большие количества.

– Гравитация, – произнес Тигхи. – Она часто изменялась?

– Нет-нет, ты не понял. Она изменилась лишь однажды, но и этого изменения хватило, чтобы наступили необратимые катастрофические последствия. Это и есть подлинная история, которую я тебе рассказываю. Пожалуйста, слушай! Вот что такое мир: не какая-то модель в миниатюрных масштабах или какие-то мифические двери, через которые якобы можно попасть на другую сторону мира. Все обстоит именно так, как говорю я, и только так. Тебе трудно постичь все эти вещи, потому что ты никогда не задумывался о них прежде.

– Ты ошибаешься! Я думал о них! – возразил Тигхи.

Он вспомнил свое детство на солнечных уступах и размышления о природе вещей.

– Успокойся, мой дорогой. А теперь вернемся к гравитации. Подумай о гравитации, прошу тебя: подумай об огромной ткани, из которой соткано пространство, космос. Такие тела, как солнце и планеты, проделывают дыры или отверстия в этой ткани, и силовые линии пространства-времени стремятся к центрам этих отверстий. Так устроена вся остальная Вселенная, но в нашем мире гравитация перевернута, искажена. Земля по-прежнему занимает свое место в пространстве и времени, по-прежнему вращается вокруг солнца по старой проторенной орбите. Однако путешественник из другого мира, следуя по этим силовым линиям, вдруг неожиданно для себя окажется отброшенным в сторону; в центре гравитации силовые линии окружают Нижнюю точку. Все равно что вода, вытекающая назад из горлышка, когда ее наливают в бутылку. Может, это сравнение слишком примитивно, но другого я придумать не могу. Если бы только у тебя было физическое образование.

– Физическое образование?

– Образование в области физики, мое шелковолосое, милое создание. Так вот, она внезапно изменилась. И изменение гравитации принесло этому миру, нашему миру неисчислимые бедствия и страдания. Раньше здесь жили миллиарды. А это слово означает тысячу миллионов, а миллион, в свою очередь, означает тысячу тысяч. Я вижу, что твой ум

восстает против такого изобилия людей, однако думай! Разве на стене нельзя было бы расселить миллиарды людей? И они жили здесь. Те места, где она наиболее ровная, были наиболее населенными, а в тех местах, где мы живем сейчас, в расщелинах и выступях, люди селились гораздо реже. И вот мир перевернуло вверх тормашками, с ног на голову.

– С ног на голову? – переспросил Тигхи, сбитый с толку.

– Образное выражение, – раздраженно проговорил Чародей. – Пожалуйста, не воспринимай мою речь так буквально, мой красавчик. Я просто хотел сказать, мир повернуло на девяносто градусов.

Наклонившись вперед, он пристально воззрился на Тигхи, а затем опять уселся в свое кресло, очевидно удовлетворенный тем, что увидел.

– Хочешь узнать, – спросил он, – как случились эти великие перемены?

– Да, – нерешительно произнес Тигхи.

– Для своих нужд человеческие существа вырабатывают энергию. В более отдаленные времена, а также в наши дни наиболее распространенным ее видом являлось тепло, получавшееся в результате сжигания топлива. Иногда тепловая энергия конвертировалась в электрическую, хотя способы, при помощи которых это осуществлялось, были далеки от совершенства, малоэффективны. Под малоэффективными источниками энергии подразумевается тот, у которого на выходе системы меньше энергии, чем на входе, и такие источ-

ники преобладали в течение многих лет. Сверхэффективный источник энергии тот, который производит больше энергии, чем в него подается. После появления сверхэффективного источника энергии люди подумали, что начался золотой век. Этот источник назвали Нулевой Энергией потому, что в его основу был положен принцип осцилляции электрического тока высокой частоты, создающей электромагнитные гармоники, которые забирали энергию из ткани пространства и времени. Были модернизированы все машины, которые использовали НЭ для разложения воды на кислород и водород. Один окислял другой, и происходило воспламенение. Этот же тип энергии используют двигатели моего корабля. Однако в повсеместной распространенности этих машин скрывалась огромная опасность. Дело в том, что гравитация является частью пространственно-временной ткани, вминается в нее. Помнишь, я говорил тебе об отверстиях и впадинах, в центрах которых собираются пучки силовых линий пространства и времени. Если брать энергию из пространственно-временной ткани в небольших количествах, то для компенсации потери вся ткань деформируется очень незначительно. Однако при внезапных больших потерях энергии эта ткань покрывается рябью и сгибается. Именно так и случилось с нами. Ткань деформировалась, пошла рябью и сдвинулась. Во впадине пространства и времени, создаваемой весом нашего мира, изменился поток гравитации. Прежде он стремился от внешних границ впадины, где имел наименьшую величину,

к ее центру, где имел наибольшее значение, ясно? Закон инверсии. Затем поток изменил свое направление, и гравитационные линии стали располагаться вокруг центра впадины. Все, что до этого было внизу, повернулось на бок; все, что тогда называлось западом, оказалось вверху стены, а то, что раньше было востоком, – внизу. Старый Северный Полюс и старый Южный Полюс стали крайними левыми и правыми точками стены. Многие люди стали употреблять для их обозначения термины «восток» и «запад». Ну как, доходит до тебя хоть что-нибудь из того, что я пытаюсь втолковать? Я достаточно понятно объясняю?

Тигхи ответил не сразу. Ему не хотелось раздражать Чародея.

– Думаю, что да, – произнес он медленно. – Только я не пойму, что это за ткань, о которой ты говоришь. Из чего состоит эта материя? Как она вписывается в эту историю?

Чародей издал протяжный свист и повернулся вместе с креслом на триста шестьдесят градусов.

– Нет, нет, нет, – сказал он. – Ты понял меня неправильно. Извини, но я ошибся, используя сравнение с тканью. Хорошо, я попытаюсь снова. Ты когда-нибудь задавался вопросом, что такое притяжение?

Тигхи сомкнул веки.

– Оно тянет нас вниз, – ответил он.

– Да-да, именно так. Сказать тебе, в чем его суть? Так вот, все вещи состоят из атомов. Ты слышал об этом?

– Конечно, – ответил юноша. – Атомы очень маленькие. Это самая маленькая частица.

– Вообще-то не самая маленькая, ну да ладно, допустим. Масса – это скопление атомов. Однако даже там, где нет массы, даже в вакууме космоса существует деятельность на доатомном уровне. Частицы, еще меньшие по размеру, чем атомы, появляются на свет и исчезают в хаосе доатомного создания и уничтожения; частицы и античастицы. Такова истинная природа материи, создание и уничтожение.

– И где же все это происходит? – спросил Тигхи.

Ему не нравилось, как звучало описание Чародея: оно передавало буйство и ярость, как, например, кипение воды над огнем. Оно ошпаривало. Неужели Чародей видит Вселенную такой?

– Везде вокруг нас! По всей Вселенной – эти частицы слишком маленькие, чтобы их можно было увидеть, понятно, красавчик с одной извилиной в мозгах, который привык все воспринимать буквально? Однако именно в этом и заключается суть пространства и времени, в постоянном кипении первичной материи на доатомном уровне. Но самое важное, что тебе нужно понять, – хаос только кажущийся. На самом деле с виду беспорядочное движение частиц и античастиц подчинено определенному закону, следует определенной схеме. Этим законом является гравитация. Там, где атомных структур больше, то есть там, где больше масса, траектории доатомной пены становятся короче, и скорость ча-

стиц возрастает, и это означает, что тяготение усиливается. Чем дальше от скопления атомов, тем длиннее становятся траектории и слабее тяготение. Ясно? Так вот, суть технологии Нулевой Энергии заключалась в получении энергии из этой квантовой пены. Гравитация – слабая сила, однако она аккумулируется, и вполне возможно изъять из пены миллиарды квантов энергии и получить столько энергии, сколько требуется, без особого труда. Однако в конечном итоге за все приходится платить, так и здесь. Человечество убедилось в этом на своем горьком опыте. В конце концов потребление субатомной пены одной концентрацией атомной массы, которую мы называем миром, где мы обитаем, стало столь интенсивным, что развернуло поток субатомной энергии на девяносто градусов.

Чародей откинулся назад в своем кресле. Он выглядел очень довольным собой. Затем выражение кожаного лица мгновенно изменилось. Он вдруг рассердился.

– Тебе это ничего не говорит, не так ли? – рявкнул он. – Ровным счетом ничего! – Он провел рукой по лицу. – Ладно, не обращай внимания. Дело не в твоих знаниях, не в твоём образовании. Главное – твоя способность учиться, приобретать знания. И ради этого, пожалуйста, скажи мне, что ты понял из того, что я тебе говорил.

Сглотнув комок в горле, Тигхи ответил:

– Изменилась гравитация.

– Да, сотни лет назад. Правильно.

– Сила притяжения действовала в другом направлении, но ткань порвалась.

– В общем-то можно выразиться и так, – проскрипел Чародей. – Девяносто градусов, мальчик! Девяносто градусов.

– Девяносто градусов, – быстро протараторил Тигхи.

– В любом случае я старше, чем ты можешь себе представить, – со вздохом проговорил Чародей. – Однако не настолько стар, чтобы помнить эти события в точности. Достаточно стар, чтобы устать, и после всего-навсего десяти часов сна нельзя ожидать от меня самого доходчивого объяснения.

– Нет, господин Чародей, – угодливо поспешил согласиться Тигхи.

– Не называй меня господином, – с утомленным видом произнес Чародей.

Он потянулся в кресле, как обезьяна потягивается после еды.

Глава 4

Молчание было долгим. Тигхи сидел не двигаясь. Повествование, которое только что на него обрушил Чародей, произвело на юношу ошеломляющее впечатление.

Наконец юноша решился прервать затянувшуюся паузу.

– Чародей? – произнес он тихо. – Чародей?

Однако Чародей, похоже, заснул прямо в кресле. Слышалось слабое похрапывание.

Тигхи осторожно встал на ноги. Вдруг возникло чувство, что перед ним открылась какая-то возможность, однако юноша не знал, что делать. Вот если бы ему удалось связать сонного Чародея. Сделать его заложником. Заставить отвезти их назад, в деревню. Да, в таком плане был здравый смысл.

Он начал подвигаться к спящей фигуре.

Чародей тут же встрепенулся и открыл глаза.

– Что со мной? Где я? – быстро проговорил он с явной тревогой.

Тигхи шагнул назад и сел:

– Мастер?

– Что я говорил, прежде чем меня сморил сон?

– Мир перевернулся с ног на голову, – ответил Тигхи с гулко бьющимся сердцем. – Катастрофа.

– О да, – вспомнил Чародей. – О да! Ужасы тех дней сразу после изменения гравитации. Ты должен понять мир. Он

был плоским – плоским! – он распространялся во всех направлениях, и большая часть его поверхности была покрыта водой, большими и глубокими лужами воды, занимавшими тысячи квадратных миль. Две трети мира было покрыто водой. Ты можешь себе представить? После изменения гравитации вся эта вода взметнулась в воздух и упала вниз. Пошел дождь, который лил не переставая много лет подряд. Сначала это был даже не дождь. Падали гигантские пласты воды размером с целые страны, которые затем дробились на все более мелкие части и капли. Дома, автомобили и другие механизмы, построенные людьми, теперь валялись на земле, превратившись в кучи мусора. Очень многие вещи оказались в воздухе и стали падать вниз. Точно так же в этот момент люди занимались своими обыденными делами, и изменение гравитации застало их врасплох. Некоторые спали в домах, которые не имели прочного сцепления с землей, и потому не могли удержаться на стене. Люди оказывались в воздухе и падали; они просто падали. Они падали и погибали, сталкиваясь с другими падающими предметами, или разбивались вдребезги о стену, превращаясь в бесформенное кровавое месиво. Некоторых постигла еще более страшная участь: свирепые ветры разорвали их на куски.

Однако наихудшим из всех этих зол был дождь. Вода перемешалась с рыхлой почвой и песком, поднявшимися в воздух, и, по сути, вниз падала мокрая грязь. Она падала с огромной скоростью, закручиваясь вокруг мира. Капли та-

кого дождя уподобились пулям, и этот дождь убил многих из тех, кому удалось избежать падения, зацепившись за утесы. Он превратил в клочья и тех немногих, кто в момент катастрофы находился в воздухе в самолетах, пилоты которых сумели сориентироваться и продолжать полет. А ветер выл, будто тысячи голодных зверей. Дождь лил годами, и ветер тоже не переставал выть многие годы. Небо заполнили облака, двигавшиеся со скоростью падающих камней. Они закрыли собой солнце, и наступили сильные холода.

Тут в резонанс его словам пол корабля вдруг накренился и завибрировал. Чародей замолчал и стал пытливо вглядываться в экраны панели управления. Корабль медленно летел вдоль мировой стены, и на экранах величаво проплывал однообразный пейзаж – огромные скалы с белыми макушками. Они значительно снизили скорость, но по-прежнему летели на восток. Чародей повернулся к Тигхи лицом.

– Ничего страшного, – сказал он. – Нас еще потрясет немного, мой малыш.

Тигхи придвинулся поближе к матери и положил руку ей на плечи.

– Катастрофа, – произнес Чародей, сделав в воздухе широкий жест рукой. – Апокалипсис. Люди подумали, что наступил конец света. И они были недалеко от истины. Жизнь на стене была близка к исчезновению. Многие бросились в бездну с молитвой на устах. Многие умерли голодной смертью, собравшись вместе в пещерах – подвалах домов, у кото-

рых обвалились надземные этажи. Часть людей жила довольно долгое время в подземных туннелях, питаясь мясом крыс и мышей или в правительственных бомбоубежищах, где к их услугам был запас пищи в жестяных банках, подготовленный на случай чрезвычайных ситуаций. Кое-кто оказался на уступах. Те, кого не сдуло с них ветром и кто не свалился сам, принялись быстро врываться в расщелины. Случалось, что пища, летевшая вниз параллельно стене, падала на уступ, и тогда люди благодарили Бога за этот подарок. Воды было в таком изобилии, что люди могли захлебнуться, вдыхая воздух, однако это была соленая вода, непригодная для питья. Однако тогда, как и сейчас, люди отыскивали в стене родники. Первый год был самым ужасным. На втором году страдания людей чуть-чуть смягчались. Дождь и снег.

– Снег? – удивился Тигхи.

Он почти не следил за подробностями этой части повествования Чародея, уловив лишь общий смысл, сводившийся к бедствию вселенских масштабов, во время которого множество людей упало с мира, и восторженно лишь в последний момент.

– О, ты его никогда не видел. У экватора мировой стены, где дуют слишком теплые ветры, нагретые солнцем, снег – большая редкость.

– Экватор?

– Центральная линия мировой стены, – быстро пояснил Чародей. – Она проходит снизу вверх по самому центру. Са-

мая выпуклая часть нашей деформированной земли. Однако у Западного и Восточного Полюсов шквал с градом и снегом – явление довольно частое. Вода замерзает и превращается в льдинки и хлопья, которые падают с неба. Это и есть снег.

– О, – понимающее промолвил Тигхи.

– Ладно, слушай дальше. Возможно, дождь шел бы вечно, возможно, ветер никогда не перестал бы дуть. Однако морозы медленно, но верно убрали влагу из атмосферы, и она осела на крайне восточных и крайне западных уступах в виде снега и льда. Там скопилось очень много воды, однако еще большие запасы оказались на грандиозных кладбищах воды на Полюсах, которые были покрыты многометровым слоем льда еще до изменения гравитации. Это были самые холодные части мира, потому что они находились дальше всего от Солнца. Однако до катастрофы Полюса были плоскими, и сила притяжения действовала там так же, как и на всей остальной планете, притягивая людей к земле. Теперь характер Полюсов изменился. На Восточном и Западном Полюсах поток гравитации наименее интенсивный. Перпендикулярный приток силовых линий поля почти нулевой. Это привело к тому, что мощные экваториальные ветры начали срывать снег и лед с полюсов и выбрасывать их в атмосферу, однако со временем в системе начало устанавливаться равновесие. Вода опять начала оседать на Полюсах в виде снега и льда, образовав там огромные запасы влаги. До изменения гравитации наш мир имел почти идеальную сфериче-

скую форму, будучи немного приплюснутым на полюсах. Теперь же – и мы убедимся в этом, когда прибудем туда, – существуют два огромных полярных выступа или мыса. В виде льда в этих грандиозных горах содержатся океаны воды. Там, в условиях очень низких температур, сила притяжения минимальна. Земля, до катастрофы имевшая форму апельсина, теперь имеет форму лимона.

– Апельсина? – изумленно спросил Тигхи, совершенно не понимавший, о чем шла речь.

– Апельсином называют фрукты оранжевого цвета, имеющие сферическую форму. Они растут на деревьях. Лимон – тоже фрукт, имеющий такую же форму, как и наш мир. Однако зачем я тебе говорю все это? Для тебя это не имеет значения. Главное, чтобы ты понял, что дождь все же прекратился. Да, он продолжался целое десятилетие, однако из атмосферы было выморожено столько влаги, что воздух постепенно очистился. Погибло не только подавляющее большинство населения мира; вымерли и почти все животные. Однако на некоторых уступах, то здесь, то там, остались козы и овцы, свиньи и коровы, немного домашней птицы. Жизнь начиналась заново. Она бросила уцелевшим вызов. Изменился даже характер атмосферы – она стала совершенно иной.

– Вот как?

– Да, и если раньше атмосфера покоилась на земле, которая служила ей опорой, то теперь она существует сама по себе. Однако днем она нагревается и начинает подниматься,

или, по крайней мере, перестает опускаться. Ночью же она охлаждается и опускается быстрее. В моменты, когда ночь и день встречаются – на рассвете и в сумерках, – возникают свирепые и очень опасные штормы. Однако чем ближе к полюсам, тем они слабее. Жизнь налаживается.

Глава 5

Тигхи поскреб затылок. История, которую он только что услышал, была настолько витиевата и изобиловала непонятными словами, что юноше стоило огромного труда запомнить хотя бы половину, не говоря уже о том, чтобы безоговорочно принять все на веру. Объяснение Чародея никак не укладывалось у него в голове. Ясно было одно: случилось нечто ужасное. Возможно, это было наказанием, Божьим наказанием за грехи, совершенные человечеством. Мир был грандиозным выступом, не ограниченным ничем; и теперь Бог приговорил всех к жизни на мировой стене, где каждый неосторожный шаг грозил падением и смертью.

– Думаю, – произнес он, – думаю, что я понял.

– А я думаю, что лжешь, – сказал Чародей, но в его голосе звучало не раздражение, а безразличие, – однако это уже не имеет особого значения. Главное, что ты должен усвоить, это то, что когда-то мир был плоским и он снова может стать таким.

– Снова может стать плоским?

– О да, – подтвердил Чародей. – Мы должны положиться на законы термодинамики, составляющие суть Вселенной. Вот как все обстоит, мой яснозубый красавчик. Если человек вдруг упадет с уступа, то, возможно, он будет падать вечно, описывая круги, двигаясь по своего рода орбите вокруг

мира. Конечно, он может погибнуть: его разорвут на куски ветры, или он разобьется вдребезги о стену, но дело не в этом. Понимаешь, о чем я говорю? Вечное падение противоречит закону физики, следовательно, если рассуждать логически, должно прийти время, когда гравитация снова изменится, и тогда стена опять займет горизонтальное положение, и человечество вернется к прежнему образу жизни. А может, произойдут какие-то другие изменения, которых мы не можем предвидеть, – и ткань пространства-времени, и так искаженная, перекрутится до неузнаваемости. Когда произойдет второй апокалипсис? Это вопрос вопросов. Вопрос, который больше всего заботит моего Возлюбленного.

– Твоего Возлюбленного, – повторил Тигхи.

– Во всяком случае, главного из моих Влюбленных, – сказал кожаный человек. – Он понимает, что всякое действие массы в этой системе требует энергии, которая откуда-то поступает. Энергия не свободна, мое милое дитя. Всякий, кто черпает чашкой из нескончаемого потока гравитации, который окружает наш мир, берет энергию из еще более великой ткани пространства-времени. Согласно одной математической теории может наступить момент, когда это потребление энергии из более великой ткани превзойдет критическую величину и нарушит баланс, и в результате наш мир окажется в пучине нового гравитационного кризиса. Однако это может произойти и через час, и через год, и через тысячу лет. Сделать точные расчеты невозможно.

– А что произойдет через час?

– Скорее всего абсолютно ничего, мое дитя. Я говорю лишь в общем плане, в качестве примера.

Наступила тишина, в которой было отчетливо слышно, как ма яростно скребет ногтями свои голени.

– Ну что ж, – задумчиво произнес Чародей. – Теперь у тебя будет над чем поразмыслить. Пищу я тебе предоставил богатую. А мне нужно отдохнуть. Я не выспался. В моем возрасте десяти часов сна недостаточно. Должно быть, все дело в материале, с помощью которого я наращивал кору своего головного мозга. Для приживания требуется немало серотонина. Такова цена, которую приходится платить за вечную молодость.

Чародей встал с кресла, и его рука украдкой скользнула под перекладину спинки.

– На сегодня достаточно, – сказал он и, пройдя по помещению, поднялся по трапу. – Подумай над тем, что я сказал, мой юный красавчик, – проговорил Чародей, когда его тело уже наполовину скрылось в люке. – Ты уж прости меня за то, что я запираю за собой люк. Не то чтобы я тебе не доверял. Однако я сплю спокойнее, зная, что я совершенно один.

Люк захлопнулся, и Тигхи остался наедине со своей ма.

Выждав несколько минут, Тигхи встал с пола и подошел к креслу. Запустив руку под перекладину кресла, юноша нашупал крошечную черточку, при прикосновении к которой палец слегка защипало. Что это? Выключатель?

Тигхи медленно опустился в кресло, и оно не выкинуло его.

Юноша почувствовал, как жар бросился ему в лицо. Это была радость. Он возликовал. Хоть в чем-то, хоть в самой малости, но ему все же удалось перехитрить Чародея. Теперь он знал один из его секретов. Если это оказалось ему по силам, то почему бы не попробовать и еще кое-что? А вдруг он научится управлять калабашем. Возможно, найдет способ изолировать Чародея в верхней комнате, а затем захватит это устройство и на нем вернется в свою деревню. Отвезет ма домой. Ведь, попав в знакомую среду, она наверняка придет в себя.

Юноша взглянул на мать. Та сидела совершенно спокойно, отсутствующий взгляд устремлен в пространство.

– Ма, – произнес Тигхи. Удача с креслом вдохновила его и придала ему смелости. Сейчас его абсолютно не заботило, подслушивает Чародей или нет. Ну и пусть себе подслушивает! – Ма, я отвезу тебя домой. Я сделаю это, обещаю тебе.

Мать ничего не ответила: она все так же смотрела перед собой недвижимыми, отупевшими глазами.

Тигхи переключил все свое внимание на экраны и другие приборы управления. Все четыре экрана показывали лишь заснеженные ледяные скалы и торосы. Юноша провел пальцем по краю панели, нащупывая такой же выключатель, какой ему удалось обнаружить на кресле. Затем провел пальцем по внутреннему краю панели и еще раз повторил это

движение, однако результат был нулевой. Наконец он начал наугад нажимать кнопки и щелкать тумблерами в надежде угадать нужное сочетание положений, которое открывало доступ к управлению. Опять-таки все попытки оказались безрезультатными.

В конце концов юноша сдался и принялся обшаривать шкафчики под панелью управления. Однако кроме нескольких листов бумаги, покрытых с обеих сторон пластиком, там больше ничего не было. Тигхи повертел в руках каждый листок, но был не в состоянии расшифровать изображенные на них диаграммы. Пошарив еще раз, Тигхи обнаружил в дальнем углу одного из шкафчиков небольшую стопку кусков пластика различной толщины и формы и длинную пушистую нитку. Последняя сразу же натолкнула Тигхи на мысль использовать ее в качестве удавки для Чародея. Хотя вовсе не обязательно душить его, подумал юноша. Достаточно пригрозить ему удушением и заставить лететь в деревню. Однако когда Тигхи решил попробовать нитку на прочность и натянул ее посильнее, она лопнула. Наконец в самом дальнем углу шкафчика пальцы Тигхи наткнулись на крошечную горсточку пуха.

Сердце юноши учащенно забилося. Вытащив пух наружу, он увидел, что в его руки попало такое же, похожее на одуванчик устройство, как и то, которым Чародей убил торговца людьми. Юноша осторожно держал пух большим и указательным пальцами, дрожа от возбуждения. Он мог исполь-

зовать его в качестве оружия против Чародея! Может быть, удастся ранить его или даже убить. Но нет, лучше, угрожая смертельным пухом, заставить его вести свой корабль в нужном направлении. Взволнованный Тигхи поднял вверх одну из пушинок, из которой свисало миниатюрное ядро, и отпустил ее. Она плавно опустилась на пол. Разочарованный Тигхи подобрал ее с пола и стал пытливо всматриваться в середину пушинки. Нет ли в этом устройстве какого-либо выключателя?

Вдруг из приборной панели раздался громкий гудок. Испугавшись, Тигхи воровато оглянулся и запихал пушинки в карман. Всю остальную дребедень быстро положил на место. Пол завибрировал и покачнулся. Опять заревел тревожный гудок. Тигхи в растерянности бросил взгляд на панель управления. Изображение на экранах стабилизировалось. Кругом была сплошная белизна.

Сверху послышался щелчок открываемого люка. Юноша захлопнул дверцы шкафчика и опрометью бросился к тому месту, где сидела его ма.

По трапу медленно спустился заспанный Чародей, который недовольно ворчал себе под нос:

– И часа не прошло. Что толку ложиться спать ради одного часа сна. – Он сразу же направился к Тигхи и заговорил с ним, чтобы отвлечь его внимание – теперь Тигхи это отлично видел, – от перекладки кресла, под которую незаметно проникли его пальцы. – Ладно, нет худа без добра. По

крайней мере весь этот шум не дал тебе соскучиться. – И тут он вдруг замер и медленно повернулся к Тигхи. Коричневое лицо Чародея было непроницаемым. – Ты учишься буквально на ходу, чего я не ожидал, мой красавец с проворными пальчиками. Значит, ты раскрыл секрет кресла, насколько я вижу.

Тигхи взглянул на него.

– Чародей, – сказал он. – Я все видел.

– Я впечатлен. Честно говоря, это радует меня. Твой мозг – ценная вещь, и я очень доволен, что он схватывает все на лету. Какие еще трюки у тебя в запасе? Однако нет смысла перевозносить твои достижения, иначе ты станешь тщеславным. Знаешь, что означает этот сигнал тревоги?

– Нет, Чародей.

– Это мой Возлюбленный. Или один из них.

– Твой Возлюбленный, Чародей.

– Он недалеко. Сигнал возвещает о его близости. Думаю, он вряд ли знает об этом, иначе принял бы меры, чтобы убедить меня в обратном. Принял бы иное обличье, например. Однако сигнал прозвучал, и это означает, что он находится где-то в радиусе пятидесяти километров. – Чародей играючи подбросил свое тело, которое непринужденно опустилось в кресло. – И все же он находится вне пределов прямой видимости, а это что-нибудь да значит.

– Он охотится за тобой, Чародей?

– Охотится за мной? Или я за ним? Да откуда ты взял?

А вообще-то не буду кривить душой. Скорее он охотится за мной, чем я за ним. Во всяком случае, сейчас. До тех пор, пока не настанет время пожать урожай, который созреет в твоей изящной головке! – Чародей усмехнулся, и в его горле что-то закрипело и заскрежетало. – И тогда мы еще посмотрим, на чьей стороне будет удача! – Чародей откинулся на спинку кресла. – Мы почти на месте!

– Почти где?

– На Восточном Полюсе, прелестнейшее создание.

– Почему твой Возлюбленный охотится за тобой, Чародей?

Чародей принялся ожесточенно скрести за ухом. Скрежетание было столь шумным, что Тигхи даже оторопел.

– Нечасто меня одолевает чесотка в этом месте, – произнес он. – Однако если уж такое случается, я пускаю в ход все свои ногти, должен признаться тебе. Нет-нет, я не уклоняюсь от ответа на твой вопрос. Это хороший вопрос. Я сам иногда задаю его себе, но с несколько иным оттенком. Сформулируем его так: он преследует именно меня для удовлетворения своих конкретных потребностей.

Рука Тигхи опять опустилась на покорную шею ма.

– Ты мог бы и сам задать ему этот вопрос, случись тебе повстречаться с ним, – сказал Чародей. – И я могу сказать тебе, что он ответит. Скажет, что это он сделал меня и потому я принадлежу ему. Ты можешь поверить в такое?

– Рабство? – предположил Тигхи, вспомнив о торговце

людьми.

– О, все гораздо хуже и сложнее. Да, он сделал меня. Я признаю это, но и его тоже кто-то сделал. Трения между нами беспочвенны. В конце концов, мы все – Возлюбленные. Он и я. Я и ты. – Чародей повернулся к Тигхи. – Мы одинаковы.

– Чародей, – проговорил Тигхи, стараясь дышать ровно, чтобы не выдать своего волнения. – Где мой па? Ведь ты, должно быть, забрал и его, когда приходил за моей ма.

– Не думаю, – произнес Чародей, – что мой Возлюбленный сможет найти нас в ближайшее время. А через полчаса я зависну над Полюсом, и мы будем в большей безопасности, чем когда бы то ни было.

Он дотронулся до одной из кнопок, и корабль стал поворачивать с одновременным снижением. В течение нескольких минут Чародей напряженно смотрел на экраны и нажимал то одну, то другую кнопку, маневрируя в пространстве. Корабль рыскал во все стороны и вибрировал. Тигхи начало тошнить. Внезапно его мать заговорила. Ее голос звучал громко и отчетливо:

– Он идет за нами, проснись, проснись!

Ее глаза широко распахнулись. Однако когда Тигхи обнял мать и стал успокаивать, она затихла и опять погрузилась в свое прежнее бессмысленное созерцание.

– Господин Чародей, что будет делать этот твой Возлюбленный, если все же нагонит нас? – спросил Тигхи.

– О, он будет очень зол, – ответил Чародей. – Тут не может

быть никакого сомнения. Он очень сердится на меня. Он заберет тебя и извлечет все из твоей головы без промедления что, по-моему, будет большой ошибкой. На карту поставлено очень многое! Весь мир! Он будет вне себя от злости и выместит ее на нас. Например, я не думаю, что ему пригодится твоя ма, эта женщина, сидящая вон там, о которой ты так трогательно заботишься. В ней нет ничего, что могло бы его заинтересовать. Он просто выбросит ее, как ненужную вещь. Поэтому ты должен быть благодарен мне. Мы с моим Возлюбленным идентичны. Я сохранил жизнь твоей ма, заметь. Ты должен быть благодарен, ты должен быть предан мне.

И вдруг Тигхи озарило. Эта мысль вспыхнула в его мозгу ярким солнечным светом. Его па убит, и убил его Чародей. Наверное, па не представлял для него никакого интереса в отличие от Тигхи и ма, и он избавился от него. Потрясение было столь велико, что Тигхи впился зубами в нижнюю губу, чтобы не завопить от боли.

Корабль завращался вокруг своей оси и стал медленно поворачивать. Тигхи утратил чувство равновесия. Ему казалось, что он вот-вот упадет. Чтобы не упасть, юноша вытянул вперед руки. В животе противно засосало.

Все движения словно замедлились. Все плыло перед глазами.

– Что происходит? – спросил Тигхи голосом, дрожащим от страха.

– Мы уже почти на месте, – сказал Чародей. – Остались

кое-какие мелочи, но я их отрегулирую.

Последовал удар, и все помещение содрогнулось.

– Отлично! – воскликнул Чародей, явно довольный своей работой. – Это хорошо. Когда прилетишь сюда, на Восточный Полюс, всегда поднимается настроение. Я чувствую свою исключительность – ведь очень немногим удалось побывать здесь.

Он вскочил с кресла и направился к трапу. И тут произошло нечто странное, противоречившее возможностям тела обычного человека. По мере движения Чародей начал отклоняться назад, и когда он уже подошел к трапу, его тело находилось под углом в двадцать градусов к полу. И все же он не падал.

– Не прогуляться ли нам, мой милейший? – обратился он к Тигхи из такого необычного положения.

Юноша изумленно уставился на него.

– Пойдем. Твою ма мы оставим здесь. Боюсь, ей не до прогулок. Однако у меня здесь в снегу припасено кое-что, и думаю, тебе будет небезынтересно взглянуть на это. Вставай, мальчик!

Тигхи в оцепенении встал на ноги. Когда юноша поднимался, у него вдруг возникло странное ощущение падения вперед, и он инстинктивно отклонился назад, ударившись затылком о стену, находившуюся позади. Чародей рассмеялся своим кашляющим, сухим смехом.

– Первые шаги здесь даются с трудом, не так ли? Все дело

в непривычной ротационной гравитации. Притяжение сдвигается от шага к шагу, ну да ничего страшного, скоро привыкнешь. Пойдем наверх.

Все еще стоя под очень острым углом к полу, Чародей повернулся лицом к трапу, ухватившись рукой за поручень, подтянулся к нему и, приняв обычное прямое положение, начал медленно взбираться к люку. Тигхи потер глаза кулаками. Его сознание отказывалось верить увиденному. Он шагнул, и внизу живота все опустилось. Еще один шаг – и комната вокруг него приобрела странные, искаженные очертания. Когда Тигхи приблизился к трапу, все, что воспринималось зрением, было искривлено до неузнаваемости. Трап, который казался ему совершенно прямым с того места, где он сидел вместе с ма, теперь наклонился под углом в двадцать градусов и шел волнами до самого верха. Юноша протянул вперед руку, желая ухватиться за поручень, и промахнулся, ощутив в кулаке воздух. Вторая попытка также оказалась неудачной. Он никак не мог скоординировать свои движения. В третий раз Тигхи выставил руки перед собой и стал водить ими в воздухе, пока не наткнулся на металлический поручень трапа. Впечатление иллюзорности было настолько сильным, что Тигхи почти ожидал, что его руки пройдут через металл поручня.

– На полюсах, – продолжал объяснять Чародей, опять вываливая на Тигхи кучу непонятных слов, – на полюсах силовые линии гравитационного поля образуют круг радиусом в

несколько километров. Здесь гравитация ощущается в виде дуги, тогда как в середине мира она представляет собой прямую линию. Странное ощущение, не правда ли?

Когда Тигхи подтянулся к трапу, ему стало казаться, что он висит головой вниз. Подниматься вверх было очень трудно. Вдобавок ко всему, корабль постоянно потряхивало, и это никак не облегчало задачу Тигхи.

Наконец он ступил на пол верхней комнаты. Чародей достал откуда-то (Тигхи так и не смог определить, откуда именно) особый костюм.

– Надень-ка вот это, – сказал он. – Снаружи дикий холод. Ты запросто можешь превратиться в глыбу льда.

Тигхи ощупал костюм, сделанный из какого-то черного материала. Внутри он был очень мягким, как мех козленка. Юноша натянул костюм, ощутив кожей приятное, слегка щекочущее прикосновение. Костюм оказался для него слишком велик, однако Чародей потянул за шнурки, свисавшие с живота, и костюм плотно охватил руки, ноги и туловище юноши.

– Тебе удобно?

– Очень, – ответил Тигхи, а Чародей уже надевал ему на голову капюшон.

– Эти штуки тебе тоже понадобятся, – произнес Чародей, подавая юноше две перчатки. – В перчатки и ботинки вшиты специальные нити, видишь? Они позволят тебе удержаться на гладкой поверхности стены. Ясно?

Тигхи кивнул. Капюшон сжался вокруг головы, оставляя открытыми лишь глаза и рот.

– А как же ты, мастер Чародей? – спросил он на имперском.

Взяв юношу за руку, Чародей вывел его на середину комнаты.

– Я?

– Разве ты не будешь надевать теплую одежду, мастер?

На Чародее была лишь свободная черная рубашка и штаны, не доходившие даже до лодыжек. Его лицо, шея, руки и ступни, покрытые искусственной коричневой кожей, были совершенно обнажены.

– Нет-нет, – сказал Чародей, когда они начали подниматься. – Нет необходимости. Абсолютно никакой необходимости. Я же говорил тебе, что под этой искусственной кожей, покрывающей мое тело, находится микрофиламентная сетка, которая выделяет достаточно тепла в холодной среде, чтобы я не замерз, или, наоборот, охлаждает тело, если снаружи очень жарко. Это необходимо потому, что в коже нет потовых желез, – доверительно произнес он, наклонившись к Тигхи.

В какой-то момент подъема Тигхи почувствовал, что его тянет назад. Чтобы восстановить равновесие, он попытался наклониться вперед, но Чародей не дал ему сделать этого, схватив за локоть.

– Тебе лишь кажется. Это обманчивое ощущение, – пре-

дупредил он. – Ты упадешь, если наклонишься слишком сильно.

Отверстие в крыше открылось, и в кабину с шипением ворвался воздух. Взволнованный Тигхи поднял голову. Небо было заполнено белыми рваными облаками, которые, клубясь, то поднимались, то опускались.

А в следующее мгновение они уже были на крыше корабля Чародея.

Глава 6

Все вокруг было окрашено в различные оттенки белого и голубого цветов. Как и предсказывал Чародей, стоял жесточайший холод. Такого холода Тигхи еще никогда не испытывал. Лицо юноши задубело, а носовые пазухи словно огнем обожгло. Перед ним находился невероятно короткий, изогнутый участок стены, сверху и снизу которого не было абсолютно ничего. Ослепительно белый цвет заставил Тигхи на несколько секунд зажмурить глаза.

В воздухе вдруг закружились белые хлопья, которых становилось все больше и больше. Затем они исчезли так же внезапно, как и появились, и воздух стал совершенно чистым и прозрачным. Впереди Тигхи увидел странный белый утес, изрезанный мелкими вертикальными канавками. Однако стена не поднималась вверх. Над ней было видно лишь чистое небо и больше ничего. Они были на верхушке стены!

– Снег, – произнес Чародей. Он кричал, чтобы перекрыть шум ветра. – Лед. Ты наверняка никогда их не видел.

– В деревне у Гамоши был холодильник, – так же громко ответил Тигхи. – Я видел лед. Хоть и не так много. Чародей это действительно верхушка мира?

– Что?

– Это действительно верхушка стены?

Чародей покачал головой:

– Я не слышу тебя. Слух у меня уже не тот, что раньше.

– Я сказал: неужели это действительно верхушка стены?

– Иди и посмотри сам, – ответил он, – а потом я покажу тебе то, зачем я пришел сюда. Пришел на самый край земли; и это никак не связано с моим желанием спастись от моего Возлюбленного.

Чародей шагнул вперед, и Тигхи ахнул от изумления. Идти было некуда. Впереди не оказалось никакого уступа, никакого намека даже на самый крошечный утес. Однако Чародей и не думал падать. Из его ладоней и ступней выползли блестящие серебристые нити, которые вонзились в гладкую ледяную поверхность. Чародей начал подниматься наискосок по стене в западном направлении. Он походил на жука, ползущего по камню.

– Следуй за мной, – крикнул он.

От волнения у Тигхи перехватило горло и сдавило грудь. Он сделал шаг и оставил корабль Чародея. Из перчаток и ботинок его костюма выскочили нити, и не успел юноша опомниться, как прочно прилип к поверхности стены, обдавшей ледяным дыханием нос и глаза. Тигхи не смог сдержать радости, распиравшей грудь, и издал торжествующий вопль. Когда он напряг мускулы руки, готовясь двинуться дальше, нити тут же ответили на это, и его тело сдвинулось в сторону.

– Легко, не так ли? – крикнул Чародей, который двигался чуть ниже юноши, проворно перебирая руками и ногами по льду.

– Я поднимусь на вершушку стены, – радостно прокричал Тигхи.

Он хотел добавить: я убегу от тебя, потому что на верху стены я увижу Бога. Не было никакого смысла иметь с Чародеем дальнейшие отношения. Если какие-то вопросы и остались без ответа, Бог сделает это за Чародея. Если же на вершушке стены Бога не окажется, то Тигхи хотя бы будет знать это наверняка.

Тигхи начал подтягиваться вверх, и скорость, с которой совершалось это восхождение, привела его в такой восторг, что юноша запел. Откинув голову назад, насколько это было возможно, Тигхи попытался оценить оставшееся расстояние и не смог. У него возникло ощущение кривизны стены. Казалось, она постепенно уходит от него. Раньше Тигхи всегда думал, что у вершушки стены должен быть четко выделяющийся прямоугольный край, который недвусмысленно обозначал бы верхний предел стены. Однако теперь оказывалось, что вверху стена вовсе не похожа на ровно отпиленный кусок дерева, а постепенно закруглялась.

Тигхи стал еще быстрее двигаться вверх, ожидая, что вот-вот вертикальная поверхность начнет переходить в горизонтальную плоскость. Через несколько минут впереди показался какой-то предмет, что-то вроде блестящего знака или маяка. Порыв ветра обдал юношу снегом. Кончик носа замерз настолько, что даже онемел. Однако этот маяк наверняка обозначал, что вершушка мира где-то рядом.

Приблизившись, Тигхи увидел, что загадочным предметом был еще один серебристый корабль, похожий на тот, которым владел Чародей, как две капли воды. Юноша поднялся мимо тонких шасси и выпуклого брюха машины и увидел человеческое существо. Это был Чародей. Разочарование, охватившее Тигхи, не поддавалось описанию.

– Как ты попал сюда? – прокричал юноша, запыхавшийся после быстрого восхождения. – Как ты добрался сюда так быстро?

– Я не трогался с места, – ответил Чародей. – Вот ты действительно совершил путешествие; ты прополз вокруг света. Насколько мне помнится, ты сказал, что понял мое объяснение.

– Верхушка стены, – упорствовал Тигхи. – Она там, совсем недалеко. Добраться до нее в наших силах. Я попробую еще раз!

– Нет-нет, – возразил Чародей, – у нас не так уж много времени. Мой Возлюбленный где-то поблизости, и я не люблю находиться вне моего корабля, когда он шныряет в воздухе. Пойдем, я покажу тебе, зачем пришел сюда.

В такой сильный мороз Чародей выглядел совершенно нелепо в своей легкой одежде. Однако холод, похоже, вовсе не мешал ему. Чародей ткнул куда-то рукой, и из ледяной стены показался выступ, походивший на деревянную доску. Белого цвета, он, как показалось Тигхи, был сделан скорее из металла, а не изо льда.

– Осторожно, – сказал Чародей. – Эта штука скользкая от мороза.

Помявшись в нерешительности несколько секунд, юноша все же ступил на платформу. Чародей возился с какой-то панелью, торчавшей сбоку. Внезапно в стене появилось отверстие размером в рост человека.

– Что стоишь? – бодро произнес Чародей, скользнув взглядом по Тигхи. – Заходи.

С этими словами он первым шагнул внутрь. Тигхи, оставшийся один на платформе, огляделся вокруг. Серебристая выпуклость корабля Чародея, контуры которой отчетливо вырисовывались на фоне ярко-голубого неба, вдруг исчезла в вихре снежной метели. Тигхи потер кончик замерзшего носа ладонью в перчатке. Ткань на ощупь была теплой, вот почему он не замерзал, несмотря на жестокую стужу, которой было пропитано это ледяное царство.

И затем Тигхи шагнул в проем.

Увиденное ошеломило его. Юноша оказался в просторном помещении с металлическими стенами, полом и потолком. Стены были округлыми и вверху переходили в сводчатый потолок. В ширину помещение достигало около пятидесяти рук, а длиной было раза в два побольше. У самого входа вдоль стен лежали свертки и пакеты; некоторые длиной с самого Тигхи. Дальше металлический пол был пуст. Сам Чародей рылся в открытом металлическом ящике справа от входа, доставая оттуда разнообразные вещи.

– Что это за место? – проговорил изумленный Тигхи.

– Моя маленькая кладовка, – ответил Чародей. – Впечатляюще, не правда ли? Жаль, что я не могу приписать себе все заслуги в ее сооружении. Я доставил сюда кое-какие машины, которые вырыли ее в стене, пока я занимался другими делами далеко отсюда. Сюда можно зайти с любой стороны – она проходит через весь мир. Грандиозно, не так ли?

Тигхи шагнул вперед и почувствовал те же ощущения, которые появлялись у него и прежде, в корабле Чародея. Только теперь они проявились в гораздо более сильной форме. Ему казалось, что он перегнулся пополам и при этом наклонился назад. Очень причудливая поза: словно кто-то сложил его в талии, но туловище и ноги наклонялись назад под очень острым углом к поверхности пола. Чтобы удостовериться, что все это не больше чем обман чувств, юноша постоянно смотрел на свое тело. Несмотря на это, он никак не мог побороть неприятное ощущение. Тогда Тигхи нагнулся вперед, насколько это было возможно, однако в таком положении было трудно идти.

– Как забавно ты выглядишь, – воскликнул Чародей.

Однако его голос звучал не слишком весело.

– Что ты ищешь? – спросил Тигхи.

Он двигался вперед, переставляя каждую ногу по очереди, но чем ближе подходил к середине странной ледяной пещеры, тем сильнее становилось ощущение, что его тело согнулось пополам.

– О, всякую всячину. Кое-какие электрические приборы. Немного еды. Теперь с твоим появлением потребность в еде увеличилась. На этой стороне пещеры находятся продовольственные припасы, разве ты не видишь. На той стороне хранятся другие вещи. Думаю, мой Возлюбленный еще не обнаружил мой маленький тайник, и это меня до некоторой степени удивляет. Если бы он наткнулся на него, то наверняка забрал бы все с собой.

Чародей поднял голову и взглянул на Тигхи:

– Пройди в самый центр помещения. Там ты испытаешь очень редкие ощущения.

Передвигаться дальше на ногах Тигхи просто не мог. Он сел и медленно заелозил ягодицами по полу. Внутри у него происходили какие-то чудные изменения. Вдруг в голове юноши мелькнула мысль, что он перевернулся вниз головой и теперь ползет по потолку. По мере того как он продвигался, тело становилось все легче и легче. Пол, который казался совершенно горизонтальным, когда Тигхи вошел в помещение, теперь стал наклонным и уходил вниз. Издав вопль страха, Тигхи повернулся и стал карабкаться назад, но металлический пол заледенел, и юноша поскользнулся.

Прежде чем Тигхи успел что-либо понять, он оказался в воздухе. Он падал. Помещение закрутилось вокруг его головы. Он увидел, как рядом закачался пол из серебристого металла, и он чудом не ударился о него. Его бросило вверх-вниз. Пол – потолок – опять пол.

– Чародей, – вскричал Тигхи, не на шутку перепугавшись. – Что происходит?

– Ты падаешь, юный воин, – отозвался Чародей.

Тигхи перевернулся в воздухе и понял, в чем дело. Он описывал круги в пространстве между полом и потолком. Эти круги имели форму эллипса, повторявшего изгиб арки потолка. Мимо проплыл Чародей, стоящий на серебристом полу, и исчез из поля зрения Тигхи.

– Старайся управлять своим телом, – посоветовал Чародей. Тигхи не видел, смотрит он на него или нет. Юноша показалось, что он роется уже в другом ящике. – Выпрями руки и ноги и лети, как змей.

– Но здесь нет ветра! – пожаловался Тигхи, однако последовал совету: прижал руки к телу и свел ноги вместе. Сказались навыки полетов на змее. Он попытался двигаться под углом к центру воображаемого круга. Скорость вращения резко увеличилась, а круг сжался. У Тигхи закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Забыв обо всем, юноша изо всех сил задрыгал ногами. Его тело еще раз накренилось, и Тигхи понял логику мира – или гравитации. Все зависело от центра тяжести, который находился у него где-то в подреберье. Казалось, ноги существуют сами по себе, и юноша растерялся.

Он по-прежнему вращался, но теперь осью этого вращения был его собственный пупок. У Тигхи возникло ощущение, будто его пристегнули к какому-то невидимому колесу,

которое крутится с бешеной скоростью. Пол находился совсем близко от него, однако за пол эту точку можно было принять лишь условно, поскольку пол не был низом. Голова Тигхи была вверху, но и ноги тоже.

– Помоги мне, Чародей! – крикнул он.

– Ты в центре мира, – отозвался Чародей. – Средоточии всех целей и намерений.

– Помоги мне. У меня все плывет перед глазами. Меня тошнит.

Что-то легкое вдруг опутало ногу юноши. Последовал рывок, и Тигхи потащило в сторону. Ему показалось, что его поднимают, однако когда юноша пришел в себя, то увидел, что сидит у ног Чародея на металлическом полу, изогнутом и в то же время плоском, а вокруг его лодыжки захлестнулась нить, которая выходила из ладони Чародея.

Петля ослабла, и нить убралась назад в ладонь.

– Как тебе понравилось приключение? – осведомился Чародей спокойным, ровным голосом. – Теперь до тебя дошло мое объяснение, юный ученик?

Тигхи вздрогнул и пополз по полу к противоположной стороне помещения. Он потерял всякую ориентацию.

– Что со мной было? – спросил он.

Чародей повернулся к ящику и опять принялся рыться в нем.

– Если тебе вдруг позарез нужна какая-то вещь, то, как назло, ее нигде нет. Знаешь, что она должна быть здесь, а ее

нет, хоть тресни.

Он замолчал и еще несколько минут в тишине переключал что-то с места на место. Тигхи сидел, постепенно приходя в себя. Дыхание, вырывавшееся из его рта, сразу же превращалось в белые облачка пара.

У противоположной стены склада стояли квадратные и прямоугольные ящики с выпуклостями. Их можно было принять за мешки, набитые замерзшими овощами. Тигхи повернулся и пощупал ближайший сверток. Открытие потрясло его. Сначала юноша не поверил своим ощущениям. Однако все говорило за то, что в этих свертках люди. Подняв руку, он приложил ее ладонь к лицу покойника. Под воздействием тепла, выделявшегося из перчатки, слой инея оттаял, и под ним обнаружили белую-голубую черту: стиснутые губы, закрытые глаза. Под одной из ноздрей запеклась черная капля крови.

– Чародей! – тонким голосом пропищал Тигхи. – Чародей!

– Что?

– Здесь люди! Покойники. Они все заморожены.

– Да, – спокойно подтвердил Чародей и выдавил из себя сухой, неприятно резкий смешок. – Именно это я и хотел тебе показать. Не слишком многим людям удалось побывать на Восточном Полюсе и очень немногим выжить после этого посещения.

Тигхи, переполненный тревогой и отвращением, попытался вскочить с пола, однако причудливая сила притяже-

ния, господствовавшая в этом уютном помещении, тут же напомнила о своем непререкаемом авторитете. Юноша зашатался, потерял равновесие и опять упал. Перевернувшись на живот, он ухитрился сесть и в таком положении передвигаться поближе к другому трупу. Довольно скоро Тигхи растопил иней на мертвом лице и увидел, что оно принадлежало женщине с бледным цветом кожи. Во всяком случае, так решил Тигхи.

– Кто эти люди? – спросил он.

– Они? Одни – это семья, так сказать. Другие просто люди. Всего-навсего люди. Здесь не о чем беспокоиться.

– Семья? – прошептал, ужаснувшись, Тигхи. – Люди?

– Ну да. Урожай, так сказать. Мне удалось извлечь из некоторых хоть какую-то пользу. Другие – просто случайные личности. Пара исследователей: люди, которые прошли на Восток дальше, чем кто-либо еще.

– Ты убил их?

– Вообще-то, – уклончиво начал Чародей, почесывая свое кожаное лицо, – я не могу нести ответственность за всех. Такая честь мне не по плечу. Многие умерли просто от переохлаждения. Не дай я тебе этого костюма, мое сокровище, ты тоже испустил бы дух. Но кое-кому расстаться с жизнью помог действительно я. Они всего-навсего люди, мой ледяной принц. Всего-навсего. Никто из них не относился к нам; никто из них не является Возлюбленным.

– Возлюбленным, – эхом отозвался Тигхи, озираясь в ужа-

се.

– Хотелось бы напомнить тебе, – сказал Чародей, опять поворачиваясь к ящику, – что мы не располагаем временем в неограниченном количестве. – Он говорил через плечо. – Я надеялся, что это зрелище произведет на тебя надлежащее впечатление. Одно из преимуществ материала, который я вставил в твою голову, заключается в том, что совесть не будет калечить тебя так, как многих других. Подумай о свободе, которую я тебе дал! В действительности я сам поражаюсь. Обычным результатом является довольно скудный набор настроений и психологических расстройств, смена которых осуществляется достаточно резко. Однако в твоём случае речь идет о вполне уравновешенном характере с плавной сменой настроений, о почти идеальном спокойствии. Я достиг совершенства скорее, чем ожидал.

Под аккомпанемент слов Чародея, которые заключали в себе какой-то неведомый для Тигхи смысл, юноша передвигался среди окоченевших трупов. Вскоре он обнаружил тело человека с такой же темной кожей, как и его собственная. Его глаза были открыты, и юноша увидел совершенно белые, как снег, зрачки. Этот человек зажал что-то между коленей.

– Один-два человека доставили все-таки кое-какие хлопоты, и с ними пришлось повозиться, – произнес Чародей, продолжавший шарить в ящике. – Другие покорялись безропотно. Очень забавно. И все же они умерли не напрасно, и это самое главное. Каждый шагок подводит нас все ближе и

ближе к преодолению последствий катастрофы, которая постигла человечество.

Потерев перчаткой, Тигхи увидел, что у мертвеца между коленей зажато ружье – маленькое ружье с коротким стволом, которое свободно помещалось в ладони. Ружья такого типа Тигхи видел раньше у солдат Отре. Юноша украдкой посмотрел через плечо на Чародея, но тот был, похоже, всецело занят своими поисками и не обращал на Тигхи никакого внимания.

– Как мы сделаем это, мастер? – спросил юноша.

Сейчас ему было важно отвлечь Чародея разговором, не возбудить у него никаких подозрений. Ум Тигхи работал с предельной ясностью.

– Понимаешь, дело сложное, гораздо более сложное, чем способен понять твой необразованный ум. Однако мы должны сделать эту стену горизонтальной! Должны опрокинуть стену, чтобы взрастить на ней человечество. В этом и состоит мой план. Мой Возлюбленный преследует точно такую же цель. Если бы мы действовали вместе, то могли бы творить чудеса. Однако он не доверяет мне, вот в чем беда. Он мне не доверяет.

– Что ты вставил в мою голову, Чародей? – спросил Тигхи.

Ручное ружье уже почти оттаяло ото льда. Тигхи приложил к нему обе свои руки в излучающих тепло перчатках.

– А? Что? Что я вставил в твою голову? Ну, я надеюсь, что ты сможешь по достоинству оценить мое достижение. Наде-

уюсь ты сможешь понять.

Пистолет высвободился, и Тигхи вытащил его. Черный с коротким стволом и рукояткой, кривой, как рог. Между рукояткой и стволом помещался спусковой крючок, похожий на сосок козы. Тигхи видел, как солдаты стреляют из таких устройств. Он знал, что нужно делать.

– Мне случилось пролететь мимо твоей деревни вскоре после того, как ты родился. Тебе тогда было около года. Я оставил в твоём теле свои устройства, сложный комплекс полимерных полленмашин. Можно выразиться следующим образом: я посадил свое семя, свое металлическое семя в основе твоей головы, чуть выше твоей шеи. Именно оттуда поступает твоя сила, твоя умственная сила. Однако, чтобы вырасти и дать плоды, ему, как и всякому другому семени, требуется время, а в том случае, когда дело касается вживления инородного тела в живую кору головного мозга, успех гарантировать невозможно.

Тигхи набрал в легкие побольше воздуха и решился.

– Мой па тоже здесь? – спросил он.

– Что?

– В этой ледяной комнате. Мой па здесь?

Чародей повернулся и внимательно посмотрел на юношу.

– Но мы говорили о твоих имплантатах! – удивился он. – Почему вдруг тебя заинтересовал твой па? – В следующую секунду он заметил, что Тигхи держит в своих руках какой-то предмет. – Что это? – спросил Чародей.

Тигхи быстро проглотил комок, стоявший от волнения в горле.

– Я нашел это, – произнес он, держа пистолет руками в перчатках.

Все сфокусировалось в его голове с предельной четкостью. Отомстить за своего па. Вернуть ма к нормальной жизни. Тигхи стиснул руки, ощущая тугую спусковой крючок, который никак не поддавался. И вдруг щелчок.

Пистолет взорвался оглушительным громом и выпал из рук Тигхи. Пуля пронзила ледяной воздух, направляясь к Чародею.

Глава 7

На мгновение время замерло, превратившись в такой же вечный, неподвижный лед, как и тот, что находился снаружи. Чародей стоял на месте, и выражение его кожаного лица было, как всегда, непроницаемым. Пистолет выскользнул из рук юноши и упал между окоченевших трупов.

Рука Чародея медленно поползла вниз и остановилась на животе. Покопошившись несколько секунд, его длинные, кожаные пальцы вытащили из складок рубашки черную пульку. Чародей поднес ее к своему лицу и долго рассматривал. Его кожа выдержала прямое попадание пули, которая не смогла продырявить ее.

– Извини, – произнес Тигхи.

– Тебе следует быть осторожным в обращении с оружием, – пожурил его Чародей. Судя по голосу, инцидент не вывел его из себя. Очевидно, он посчитал его чистой случайностью. – Ты мог пораниться. Это означало бы напрасную трату твоего потенциала.

– Должно быть, дело все в холоде, – виновато произнес Тигхи. – Он просто выстрелил сам собой.

– Я и сам это видел. Успокойся. – Чародей просиял. Так, во всяком случае, юноша интерпретировал гримасу, появившуюся на кожаном лице. – Наглядная демонстрация превосходных качеств моей новой кожи. Микрофиламентная сет-

ка, о которой я тебе говорил, очень прочная и очень умная. Она распределяет силу удара пули равномерно по всей структуре практически мгновенно, поэтому я почти не почувствовал его. Так, легкий щелчок. Ловко придумано?

– Очень ловко, – согласился Тигхи.

Перед глазами у него все плыло. Очертания предметов то расплывались, то становились исключительно четкими, даже резкими до боли в глазах. Несмотря на жуткий холод, стоявший в кладовке Чародея, юношу прошиб пот.

– Какой же ты умный, Чародей.

– Естественно. Так на чем я остановился?

– На моих имплантатах, – услужливо подсказал Тигхи. Он лихорадочно шарил глазами, пока наконец не заметил пистолет. – Ты говорил мне.

– Ах да. Так вот, твои имплантаты – в своей основе та же модель, которую я испробовал на нескольких людях. Одни из них теперь лежат замороженные рядом с тобой; другие все еще живы и обитают на мировой стене.

Тигхи схватил пистолет и запихал его в карман своего теплого костюма.

– Вот как? – Его голос выражал удивление.

– Устройства, имплантированные в голову твоей ма, были почти идентичными, то есть одинаковыми.

– Значит, ты вставил эти вещи и в ее голову, – произнес Тигхи, озираясь в поисках какого-либо другого оружия. Было еще устройство, похожее на пушинку одуванчика, но оно

лежало в кармане его собственной одежды, на которую сверху был надет костюм, который ему дал Чародей. Юноша не мог расстегнуть этот внешний костюм и достать пушинку, не привлекая внимания Чародея. Он даже не был уверен в том, что ему удастся привести ее в действие. И вдобавок кто мог поручиться за то, что эта штука сможет пронзить крепкую кожу Чародея. Последняя мысль наполнила сердце Тигхи сознанием обреченности.

– Да, – ответил Чародей. – Я имплантировал ей эти устройства, когда она была ребенком. Возможно, я опоздал, потому что в ее характере уже тогда прослеживались некоторые психические аномалии. К счастью, ты их не унаследовал. Либо я нашел тебя вовремя, либо твой метаболизм более соответствовал имплантациям. Ах!

Он поднял что-то из ящика и повернулся к Тигхи. Тигхи взглянул на него. Лицо Чародея исказило подобие улыбки.

– Думаю, нам пора возвращаться на корабль, – произнес он. – Мы и так провели здесь слишком много времени.

Вскинув на плечо мешок, в котором загремели собранные им вещи, Чародей направился к выходу.

Медленно и осторожно Тигхи встал на ноги. У него возникло странное ощущение. Окружавшие предметы приобрели искаженные, кривые очертания, словно юноша смотрел на них в горячечном бреду.

Он, пошатываясь, подошел к Чародею и схватил его за локоть. В этот момент открылась дверь, и они вышли на ма-

ленькую платформу. Затем Чародей ступил вперед и слился с ровной ледяной поверхностью. Пурга слепила глаза, швыряя в них твердые, колючие снежинки. Поежившись, Тигхи повернулся лицом к стене и вытянул вперед руки. Из перчатки выползла нить, и юноша полез вверх.

Через несколько минут он уже стоял вместе с Чародеем на крыше корабля.

Оказавшись внутри верхней, зеленой комнаты, чародей вытряхнул содержимое мешка на диван-кровать. Он радовался и в эту минуту был похож на ребенка, получившего подарки.

– Спустимся вниз, – предложил он. – Сначала спустимся вниз и посмотрим, что замышляет мой Возлюбленный. Он очень хитрый, этот мой Возлюбленный. Лучше не терять его из виду.

Он спустился по трапу за Тигхи, на котором все еще был теплый костюм. Юношу, опасавшегося, что ему будет слишком жарко – ведь он был укутан с головы до ног, – ожидал приятный сюрприз. Он не только не вспотел, но и, наоборот, почувствовал освежающую прохладу. Ступив на пол с нижней ступеньки, он кое-как преодолел пространство с искаженными линиями гравитационного поля и уселся рядом с ма.

– Ма, – прошептал он, не отрывая взгляда от Чародея, который медленно пробирался к панели управления. – Я пытаюсь убить его, однако у него волшебная кожа. Прочная.

Ставив с одной руки перчатку, Тигхи дотронулся кончиками пальцев до губ матери. Чародей уже стоял у кресла.

Юноша готов был испепелить его взглядом. Ма, устремив в пространство невидящий взгляд, начала механически сосать кончики его пальцев.

– Итак, – произнес Чародей, всматриваясь в экраны. – Он уже близко. Совсем близко! Возможно, нам понадобится срочно покинуть это место. Все же нас выручают снегопады и метели, которые неплохо маскируют корабль.

Он встал с кресла. Тигхи вынул свои пальцы изо рта матери.

– Итак, – проговорил Чародей, – думаю, у нас еще есть часик-другой до отлета. Что я могу сказать? Прогулка по льду утомила меня. Если ты не возражаешь, я пойду прилягу ненадолго.

Он побрел к трапу и поднялся в верхнее помещение, заdraив за собой люк.

Глава 8

Некоторое время Тигхи ничего не предпринимал. Он просто сидел, обняв мать за плечи. Его мысли кружили и кружили так же, как сам он кружился без остановки в жуткой ледяной пещере Чародея. Большая часть сказанного Чародеем не укладывалась в голове юноши. Мир не таков, как он представлял себе раньше. Однако юноша никак не мог осмыслить версию, которую так безоговорочно отстаивал Чародей. Здешняя странная часть стены была совсем не похожа ни на одно из тех мест, где ему уже пришлось побывать. Этого никак нельзя было отрицать, однако, как однажды сказал Ати, стена изобилует чудесами. Возможно, сила Чародея не ограничивается одними машинами, или же у него есть и такие машины, которых Тигхи еще не видел. Чем больше юноша думал об этом, тем вероятнее ему казалось, что своим круговерчением в ледяной пещере он был обязан не гравитационным искажениям, а колдовской магии Чародея. Да и чем, как не колдовским трюком, можно объяснить то, что он никак не мог добраться до верхушки стены, которую ему показал Чародей. Он словно дразнил его.

– Этот Чародей – очень могучее существо, ма, – прошептал Тигхи на ухо полностью ушедшей в себя матери. – И все равно я найду способ одолеть его.

По какой-то необъяснимой причине этот человек с искус-

ственной кожей вошел в жизнь его семьи. Тигхи должен проникнуть в эту тайну. Он погладил мать по волосам. Ее начала колотить мелкая дрожь.

– Не бойся, ма, – тихо проговорил ей на ухо Тигхи. – У меня в кармане есть кое-что – оружие, которым пользуется сам Чародей. Оно будет для него полной неожиданностью. Я думаю, ему придется туго. Эта штука ранит или даже убьет его. Я отомщу за па!

Ма тряслась как в лихорадке. Безмятежное оцепенение как рукой сняло. Можно было подумать, что она оказалась во власти какого-то припадка или приступа. Ее губы беззвучно шевелились, словно она пыталась сказать что-то.

– Ма! – воскликнул Тигхи. Предчувствие чего-то ужасного встало комком в горле. – Что с тобой?

Женщина стала раскачиваться взад-вперед, изо рта ее вырвалось какое-то глухое, бессвязное мычание. Тигхи еще крепче прижал ее к себе.

– Он что-то сотворил с тобой. Я уверен в этом, – произнес он осипшим голосом. – Он убил па и спрятал его тело в той ледяной пещере. И он сделал что-то с твоей головой. И с моей.

Сначала ма отпихивала юношу от себя, вырывалась из его рук, издавая тихие жалобные стоны. Затем она внезапно затихла и, повернув голову, заглянула Тигхи прямо в глаза. Она сделала это впервые с того времени, как юноша появился на борту корабля Чародея. Их взгляды встретились. Тиг-

хи заметил, как ее темно-коричневые зрачки посветлели. В них появились живые огоньки. Брови собрались вместе, выражая то ли боль, то ли изумление.

На глаза у Тигхи навернулись слезы.

– Ма. – Его голос дрогнул.

– Я помню тебя, – сказала ма. Она подняла трясущуюся руку и прикоснулась к лицу Тигхи. – Когда ты был совсем маленьким, у тебя была гладкая нежная кожа. От тебя приятно пахло. Красивый мальчик.

– Ма, – проговорил юноша.

По его щекам струились слезы, горло сдавило от избытка чувств.

– Он пришел, – произнесла ма, и Тигхи сразу же понял, что она говорит о Чародее. – Он пришел и стал ковыряться в твоей голове. Он приказал мне сесть и смотреть. Он сделал так, что я получила удовольствие от этого зрелища. Он умеет это делать. Он может с далекого расстояния перевернуть все в твоей голове, заставить тебя радоваться или грустить, доставлять тебе удовольствие или боль. Он может управлять своими машинами на расстоянии. Он сделал отверстие у тебя в затылке и запихнул в него свои устройства. Но после того как он ушел, я разъярилась и вытащила из твоей головы уйму всяких проводов, столько, сколько смогла, еще до того, как рана заросла.

Ее рука бессильно упала. Мать отвернулась, опять устремив свой взгляд на противоположную стену.

– Ма, – тихо проговорил Тигхи, намереваясь задать вопрос. Однако женщина его опередила:

– Твоему па это не понравилось. Он сказал, лучше оставить все, как есть, не то ты умрешь. Однако я заупрямилась и никого не хотела слушать. Я вытащила провода из твоего затылка, который он, перед тем как уйти, забинтовал. У тебя потекла кровь. Она никак не останавливалась. Ты даже не плакал. Наверное, я вытащила не все провода, но думаю, что внутри их осталось немного. – Ее тело опять задрожало. – Они были похожи на стебельки травы. Очень тонкие. Тонкий провод. Я сбросила их с мира и никогда не говорила ему об этом. Ты даже не плакал. Кровь текла и текла. Текла, и текла, и текла.

– Ма, – сказал Тигхи, вытирая слезы руками, на которых уже не было перчаток. – Ма, перестань, пожалуйста.

– Твой па пытался остановить меня, и я ударила его, ударила очень сильно. Но я вытащила эту гадость из твоей головы.

– Ма, хватит. Не нужно. Ты делаешь себе больно.

Последнее было слишком очевидно. Каждое слово давалось женщине с трудом. С ней что-то происходило. Ее глаза забегали вверх-вниз, а из одной ноздри закапала кровь. Речь стала нечленораздельной.

– Ма! – вскричал Тигхи, схватив ее за плечи. – Ма!

Она дернулась назад и со всего размаха ударилась головой о стену. Затем ее тело забилося в конвульсиях. Язык выка-

тился, зрачки побелели. Припадок был столь сильным, что Тигхи отбросило в сторону. Ма в припадке прикусила язык, и теперь из уголков ее рта текла кровь, которая смешивалась со слюной и образовывала розовую пену. Несколько минут из ее горла вырывались ритмичные хрипы, а затем ее тело с прижатыми к нему руками вдруг вытянулось и замерло.

Тигхи перевернул мать на спину и приложил ухо к ее груди. Тихо. Никаких признаков дыхания.

Юношу объял страх. Он не мог поверить своим глазам.

– Чародей! – крикнул он, подползая по предательскому полу к трапу и карабкаясь по нему наверх. – Чародей! Проснись! Чародей! – Зацепившись одной рукой за верхнюю ступеньку, он принялся другой барабанить по люку. – Чародей!

Сверху послышалось недовольное ворчание:

– Ну что там у тебя?

– Спустись сюда, Чародей!

– Дай мне поспать, мальчик.

– Спустись сюда, Чародей! Ма плохо. У нее припадок.

– Оставь меня в покое. Мне нужно поспать хоть немного.

В голосе Чародея звучало неприкрытое раздражение.

– Пожалуйста, сойди сюда! Пожалуйста, приди и помоги мне!

– О, очень хорошо, беспокойный и настырный. – Наверху что-то скрипнуло, затем раздались шаги. – Я уделю тебе ровно пять минут, а затем вернусь ко сну, чего бы это мне

ни стоило.

Крышка люка поехала в сторону.

Тигхи кубарем скатился вниз по обманчиво кривому трапу.

– В чем дело? – спросил Чародей, приближаясь к Тигхи. – А, да она в коме. Ну что ж, сказать по правде, это меня несколько не удивляет. После стольких экспериментов на ее мозжечке, которые мне пришлось провести, трудно ожидать, что он будет функционировать безупречно. – Он нагнулся, опершись кожаной ладонью о плечо юноши, чтобы не упасть. – Да, – произнес он. – Да, да. Я предполагал, что такое может случиться.

– Что ты будешь делать? – спросил Тигхи. – Приводить ее в чувство? Что ты будешь делать?

– Приводить ее в чувство? Ну и ну. Похоже, это тебя волнует гораздо сильнее, чем я ожидал. Отрегулирую приборы, если ты в состоянии понять, что я имею в виду. Я произведу перенастройку твоего ума, чтобы ты не чувствовал себя столь удрученным.

– Это моя ма!

– Да, я знаю это. Очевидно, та часть твоего мозга, которая зарегистрировала этот факт, будет существовать и дальше. Если бы я стер этот факт в твоём сознании, исчезли бы твои индивидуальные личностные аспекты. Поэтому я полагаю, что в интеллектуальном смысле ее смерть могла бы доставить тебе некоторое огорчение.

– Она мертва?

– Но я могу изменить соотношение других чувственных рецепторов так, чтобы свести это огорчение к минимуму. Я удивлен, – продолжал Чародей, направляясь к своему креслу. – Я удивлен тем, что ты принимаешь все так близко к сердцу. Перенастройка, которую я уже произвел, должна была значительно смягчить воздействие этого отрицательного фактора. Не понимаю, почему и где произошел сбой.

Он забрался в кресло и ткнул своим пальцем в одну из кнопок, пристально наблюдая при этом за шкалой прибора.

– Ну, вот, – произнес он. – Лучше?

– Умерла, – потерянно проговорил Тигхи, глядя на тело матери.

– Да, да. Судя по твоему голосу, ты уже более спокойно воспринимаешь сей факт. Я не прочь похвастаться, что достиг совершенства в том, что касается точной настройки. Так... так. Ну а как тебе вот это?

Мысли в голове Тигхи упорядочились. Так неистовая пурга внезапно расступается, и в снежной мгле появляется клочок голубого неба. Теперь ему было ясно, что он должен делать. Левой рукой Тигхи подобрал с пола перчатку. Его правая рука была свободна. Он встал.

– Видишь, тебе уже намного лучше, – говорил Чародей. – Мне нравится называть это эмоциональной анестезией. Нейтрализатор душевной боли, если хочешь. Лишь одна из многих вещей, которые мы можем делать, ты и я.

Причудливая топография отвлекала внимание, и поэтому Тигхи, не сводя глаз с Чародея, как с точки, являвшейся для него главной целью, двинулся к нему. Пол под ногами словно бугрился. Засунув руку в передний карман, юноша вытащил пистолет. Рукоятка холодила кожу.

– Эй, мой мальчик? – произнес Чародей, оглядываясь. Он увидел пистолет. – Я вижу, эта штука все еще у тебя, – удивился он. – Сувенир? Можешь взять себе еще пару-другую таких игрушек, если они тебе так уж нравятся. Ведь нам придется отнести тело твоей матери в пещеру. Если порыться, там можно найти много чего интересного. Чего там только нет.

Тигхи остановился сбоку кресла Чародея, лицо которого было повернуто к нему в профиль. Чародей в этот момент впился взглядом в один из экранов.

– Как кстати ты разбудил меня, мой мальчик, – сказал он. – Думаю, мой Возлюбленный теперь приблизился настолько, что это начинает внушать некоторую тревогу. Наверное, пора исчезнуть отсюда.

Тигхи поднял пистолет и навел дуло на висок Чародея. Тот был всецело поглощен экранами. С места, где стоял юноша, наиболее удобной целью представлялись глаза. Глазные отверстия были единственным слабым местом в непробиваемой коже Чародея.

Чародей оглянулся еще раз, скользнув взглядом по Тигхи, и тут же опять сосредоточился на приборной панели.

– Да, да, – сказал он нетерпеливо. – Я уже видел его. Очень забавная игрушка.

Тигхи нажал на крючок.

Пуля вонзилась в левый глаз Чародея, раздробила переносицу и вышла наружу из правого глаза. Затем ударилась в металлическую стенку за креслом Чародея и, пару раз отскочив рикошетом от ее неровностей, угодила в один из экранов. Она просвистела так близко от головы Тигхи, что он ощутил легкое дуновение. Экран с треском и звоном разлетелся на кусочки, однако Чародей уже не увидел этого, потому что оба его глазных яблока были выбиты одним выстрелом.

Чародей взревел диким голосом. Какое-то время он по-прежнему сидел в кресле, и из его глотки вырывался пронзительный вопль, выражавший боль и изумление. Затем Чародей схватился обеими руками за свои глазницы. Кровь струилась меж его пальцев и стекала несколькими ручейками по кожаному лицу.

Тигхи шагнул в сторону. Сердце тяжело стучало в груди. Где-то глубоко внутри юноши притаился ужас. Он не хотел думать об этом. Не хотел смотреть на тело своей ма, распростертое на полу позади него. Он вообще не хотел оставаться в этом месте.

Вой, исходивший от Чародея, был настолько тонким и пронзительным, что вряд ли мог принадлежать человеческому существу. Наверное, поэтому Тигхи даже в голову не пришло, что он ранил человека.

Юноша кое-как пробрался к трапу и, ухватившись за поручень, вскарабкался по ступенькам, с трудом преодолевая искривленное гравитационное поле. Прежде чем его голова оказалась в пространстве верхней зеленой комнаты, кресло Чародея совершило резкий поворот, и перед юношей предстало безглазое лицо Чародея.

– Парень! – провизжал Чародей. – Парень! Что ты наде-
лал?

– Это тебе за мою ма! – со злобной радостью крикнул Тигхи и, подтянувшись, ступил на пол верхнего помещения. Чуть подумав, он добавил: – И за моего па тоже.

– Я уже отключил боль, – слышался снизу голос Чародея. – Ты, идиот! И что ты теперь будешь делать? У тебя все равно ничего не выйдет.

Тигхи споткнулся и едва не упал, пытаясь встать в самом центре верхней комнаты.

– Твои чары не помогут тебе, они не сделают тебя зрячим, – крикнул он.

Тигхи овладела эйфория победы.

Внизу что-то задвигалось. Очевидно, Чародей пытался найти дорогу к трапу.

– Идиот! – крикнул Чародей. – Я думал, ты стабилен! Теперь ясно, что все совсем наоборот. Куда ты пойдешь? Об этом ты подумал? Тебе некуда податься.

– Я ухожу от тебя, – провопил Тигхи.

– Идиот, я отключу твои мышцы одним нажатием кноп-

ки! Я буду управлять тобой на расстоянии. Я заставлю тебя отрезать свои собственные пальцы, выломать свои собственные зубы и ими же выцарапать себе глаза! Ты знаешь, каков я в гневе. – Угрозы Чародея, произносимые высоким, тонким голосом, звучали странно и нереально. – Возможно, я и не вижу, но лишь пока, зато я могу осязать, управлять на ощупь. А как тебе понравится это, а?

Тигхи почувствовал, как по позвоночнику пробежали мурашки и закололи мелкие иголочки. Это было похоже на ощущение, возникающее в руке, онемевшей после долгого сна, если она оказалась прижатой телом к матрасу. Когда просыпаешься, рука повисает в бессилии. Однако это ощущение вскоре прошло.

Когда они с Чародеем покидали корабль, Тигхи заметил, как тот наступил на определенный участок пола. Вот и теперь юноша выставил ногу и попытался сделать то же самое. Ничего не произошло.

– Ты не можешь управлять мной! – злорадно крикнул Тигхи вниз. – Моя ма вытащила из моей головы все твои детали сразу после того, как ты их вставил туда! Я свободен.

Юноша нажал ногой на один из шишкообразных выступов на полу. Безрезультатно. Он был слишком взволнован, чтобы трезво думать. Как Чародей приводил в действие подъемник? Куда он ставил свою ногу?

Снизу долетел лающий, истерический смех.

– Так значит, она решилась на такую глупость. Это не

удивляет меня. Она никогда не отличалась стабильностью психики. – Последовал еще один взрыв истерического смеха. – Какая ирония судьбы. А я-то думал, что этот развивается так хорошо! И все же она не могла удалить все, иначе как объяснить то, что я смог напасть на твой след. Что-то наверняка осталось, и оно даст, обязательно даст всходы в твоей голове. – Послышалось топание ног и грохот падающего тела. Чародей разразился ругательствами: – Черт тебя побери, парень! Чтоб ты провалился! Это же дьявольски неудобно. Ты хоть представляешь себе, сколько времени мне потребуется, чтобы вставить новые глаза?

Тигхи принялся яростно топтать ногами, нажимая десятки точек рядом с центром комнаты. Со стороны могло показаться, что он совершает какой-то ритуальный танец. Снова раздался какой-то шум, на этот раз уже ближе, почти под самым люком.

– Я слышу, как ты топаешь, парень, – проворчал Чародей снизу.

И тут внезапно Тигхи начал подниматься. Должно быть, он все же попал в нужную точку. Платформа медленно возносила его вверх, к отверстию, которое разверзлось в потолке. Внутрь хлынул поток холодного воздуха. Запорхали крошечные снежинки. А затем он уже был на крыше. Мороз несколько не ослаб. Рука с пистолетом, на которой не было перчатки, сразу же это почувствовала. Тигхи запихнул пистолет в карман и натянул перчатку на занемевшие пальцы. За-

тем он ступил вперед, надеясь, что отключить филаментные устройства в перчатках и ботинках Чародей не в силах. Нить выскочила из перчатки навстречу льду, и Тигхи расстался с кораблем Чародея.

Глава 9

Он полз по вертикальной ледяной поверхности в восточном направлении, ориентируясь в основном интуитивно, так как разыгралась настоящая снежная буря, заставшая мглой все вокруг. Пока Тигхи не думал ни о том, куда ему податься, ни о том, какая судьба его ожидает. Все это в будущем, а пока нужно как можно быстрее уйти от Чародея, спрятаться от него. Юноша изо всех сил двигал руками и ногами.

Вскоре пурга утихла, и колючие снежинки больше не слепили глаза. Тигхи оглянулся через плечо. Небо приобрело такой яркий и сочный голубой цвет, что казалось неестественным. Оно было чистым, как только что вымытый пластик, и таким близким, что его, казалось, можно было поцеловать. Тигхи выбился из сил и на пару минут остановился, чтобы отдышаться. Морозный воздух обжигал носовые полости.

Посмотрев вверх, юноша увидел снежный заряд, который вскоре окутал его. Видимость опять ухудшилась до такой степени, что он мог видеть лишь свои руки в перчатках. Тигхи продолжал ползти.

Воздух опять очистился, и на стене перед юношей появилась тень. Оглянувшись через плечо, Тигхи увидел очертания зависшего над ним на небольшой высоте серебристого корабля Чародея. Изо рта Тигхи вырвался тонкий, жалобный

вой ужаса.

– Тигхи! – огласил окрестности громовой голос. – Тигхи!

Тигхи замер на месте и, распластавшись на льду, прижался к нему что было сил, надеясь, что неподвижность защитит его. Он не может видеть, сказал себе юноша. У него нет глаз. Он не может видеть меня, он надеется, что я выдам себя криком или движением. Ведь только тогда его приборы могут засечь меня. Но я не сделаю этого.

Серебристый корабль тронулся с места и полетел на восток, а затем с завыванием повернул и стал подниматься.

Тигхи тяжело дышал. Он посмотрел направо, туда, где был восток. Это был конец стены. Она заканчивалась. Тигхи прекрасно это видел. Вместо ее продолжения далее следовал лишь небольшой отрезок льда длиной в пятьдесят с небольшим рук (с того места, где Тигхи находился сейчас, было трудно сказать точнее), а затем виднелось лишь голубое небо. Небо было не только позади юноши, оно было вверху, и внизу, и справа. Скоро не будет ничего, кроме неба. И что тогда останется делать?

И что тогда?

Подняв голову, Тигхи увидел серебристый корабль, который опять снижался.

– Тигхи! – загудел усиленный динамиками голос Чародея. – Тигхи! Дай о себе знать! Обозначь себя! Где ты?

Тигхи замер в абсолютной неподвижности. Он даже пытался остановить дыхание, хоть на несколько секунд.

– Не будь дураком, парень! Датчики подсказывают мне, что ты где-то здесь. Стоит тебе крикнуть или пошевелиться, и они тут же установят твоё точное местонахождение. И тогда ты сможешь опять взойти на борт моего корабля.

Слова отражались от льда и отдавались странным, искаженным эхом.

Корабль Чародея опустился еще ниже, а затем и вовсе исчез из поля зрения, но его слова все еще бухали и отдавались эхом. Затем они растворились в общем шуме и вое ветра, гнавшего хлопья снега. Убедившись в том, что серебристого летательного аппарата поблизости нет, Тигхи продолжил путь на восток.

Через несколько минут голос Чародея послышался вновь, становясь все громче по мере приближения корабля. Тигхи выругался про себя и опять замер на месте. Слова сливались в нечленораздельное завывающее бормотание, пока Тигхи не смог различить смысл некоторых из них:

– ...скорее, чем позволить этому случиться. – Затем последовало *афен-афен-фен-фен*. Очевидно, ветер заглушал и относил слова в сторону. – Я могу сделать это! Я управляю всеми своими механизмами прямо отсюда, с корабля. Я отключу подогрев в твоём костюме, и ты окоченеешь. Тебя ждет смерть! – Умолкающее эхо унесло вдаль: – Смерть! Смерть! Смерть! Я скорее убью тебя, чем позволю уйти от меня. Я потратил столько сил, чтобы найти тебя. – Дальнейшие слова растаяли в реве ветра. – Найти тебя. Найти тебя...

Корабль Чародея исчез внизу. Тигхи опять тронулся в путь, конечная цель которого была ему неизвестна. Однако уже одно то, что он двигался, приносило некоторое удовлетворение успокаивало.

Налетел еще один снежный заряд. Колючие ледяные снежинки забивали глаза, лишая возможности ориентироваться. Метель утихла, но холод остался, проникая все дальше и дальше внутрь тела. Сначала появилась боль в пальцах рук, а затем ног. Вскоре от холода заоченело все тело. Все говорило о том что Чародей выполнил свою угрозу. Какое бы чудо ни подавало тепло в костюм Тигхи, оно, как видно, зависело от прихоти Чародея.

Сверху в который уже раз долетело блеяние голоса Чародея. Оно постепенно приближалось, и в конце концов его источник оказался на одной горизонтали с Тигхи.

Холод пронизал тело юноши до самых костей. Он весь дрожал, и это лишало руки должной цепкости. Пальцы окончательно потеряли чувствительность. В этот момент голос Чародея стал четким и пронзительным.

– ...тебя. Не упрямясь. Поверь мне, этот холод убьет тебя. Я знаю, что ты страдаешь. Но я могу усугубить твои страдания. Тебе станет еще хуже!

«Хуже! хуже! хуже!» – эхом разносилось по льду. Ветер набрасывался на слова, стараясь порвать их в клочья и пришеивая к их звучанию злобный шип и свист.

– Я могу отключить филаменты, с помощью которых твои

перчатки и ботинки цепляются за лед. Ты не сможешь удержаться на поверхности. Ты упадешь с мира!

Тигхи попытался крикнуть в ответ что-нибудь оскорбительное, однако его горло было напрочь переморожено, и вместо крика вырвался беззвучный хрип.

– Нет!

– Ты идиот! – прозвучал гулкий голос Чародея.

На сей раз серебристый корабль подошел к стене на гораздо более близкое расстояние. Он находился чуть выше юноши, и до него можно было дотронуться рукой. Корабль медленно сносило вбок и вниз. Опасаясь, что огромный корпус заденет его и собьет со стены или раздавит, как насекомое, Тигхи попытался привести в движение свои скованные холодом конечности и отползти немного в сторону.

Вдруг послышался треск, который расколол воздух, а вслед за ним распространился резкий металлический запах. Взглянув вверх, Тигхи увидел второй серебристый корабль, пикировавший сверху. Вновь раздался треск, такой громкий, что у Тигхи даже заболели уши. Между двумя кораблями появился луч белого света. Он появился и в ту же секунду пропал. Сразу после этого машина Чародея засветилась ослепительно ярко, распространяя свет во всех направлениях. Затем последовал оглушительный вой, от которого у юноши чуть было не лопнули перепонки. Этот вой закончился треском. На этот раз от одного корабля к другому протянулась черная полоска – на фоне голубого неба она казалась похо-

жей на черную нитку. Серебристая поверхность корабля Чародея на сей раз не отреагировала световым эффектом. Вместо этого прозвучал ряд странных кашляющих звуков, а сбоку корабля выполз столб дыма.

Тигхи увидел дыру в серебристом корпусе калабаша Чародея, из которой валил густой черный дым. В следующую секунду металлический аппарат на крутом вираже врезался в стену. Удар был такой силы, что Тигхи почувствовал, как стена содрогнулась.

Внизу живота у юноши вдруг появилось неприятное, но знакомое сосущее ощущение. Он почувствовал, что мир под ним скользит, съезжает вниз.

Корабль Чародея, отскочив от льда, стал резко снижаться. Это снижение больше напоминало падение. Тигхи успел заметить на корпусе машины, сбоку, огромную вмятину и клубы дыма, вырывающиеся из пробоины. Затем она резко набрала скорость и стала быстро уменьшаться в размерах, пока не превратилась в едва заметную точку, которая через полминуты растворилась в пространстве.

Тигхи отчаянно вцепился в лед, однако продолжал оседать. Вниз, вниз. Юноша скользил, и скользил, и наконец начал падать. Он знал, что падает. Об этом безошибочно говорило ощущение в животе, противное посасывание под ложечкой. Однако Тигхи по-прежнему изо всех сил прижимался к студеной поверхности льда. Он повернулся лицом к стене, однако не мог уловить движения.

Снизу пахнуло морозным воздухом.

Мир вздымался и плясал перед глазами. Окоченевшие суставы Тигхи взвыли от внезапной боли. Все рухнуло куда-то налево. Мир оказался сначала в тени, а затем снова на свету, и, к своему смертельному ужасу, Тигхи вдруг почувствовал, что кувыркается в воздухе вместе с огромным куском льда. А затем льдина начала разламываться на более мелкие куски.

Справа от юноши отломился порядочный кусок льда, а затем еще один, тот, к которому прицепились филаменты Тигхи. Он оглянулся посмотреть, однако страха не испытал. Мороз сковал не только его тело, но и чувства. Мимо пронеслась ледяная поверхность стены, со всеми ее складками, трещинами и царапинами.

На льду у самого лица юноши появилась трещина. Напрягая мышцы, Тигхи убрал филаменты сцепления изо льда, и как раз в этот момент лед рассыпался на мелкие куски. Порывом ветра снизу юношу перевернуло вверх ногами, и он опять начал кувыркаться в воздухе. Тигхи свел ноги вместе, и дальше его телом управлял инстинкт флатара, а не мозг, находившийся в полубессознательном состоянии. Выпрямившись, Тигхи поднял голову.

Другой серебристый калабаш, тот самый, который атаковал машину Чародея черным лучом, подлетел к Тигхи и стал описывать вокруг него круги.

Вдруг что-то взорвалось, и голова Тигхи едва не раскололась пополам. У юноши посыпались искры из глаз, и он

чуть было не потерял сознание. Мелькнуло предположение, что в голову ему, должно быть, угодил обломок льда. Удар отбросил Тигхи в сторону, и образ набирающей высоту серебристой машины померк, слившись с какой-то непонятной мглой.

Очевидно, юноша потерял сознание, хотя и не был в этом уверен. Ему больше не было холодно. Наоборот, приятное тепло согревало тело, проникая до самых костей. Пальцы вновь обрели чувствительность. Правда, это возвращение к жизни сопровождалось лютой мозжащей болью, однако вскоре, по мере увеличения температуры, боль становилась все более терпимой, пока наконец не исчезла совсем.

Сознание то покидало Тигхи, то возвращалось к нему.

Глава 10

Тигхи казалось, что он падает в чистом пространстве, пространстве, где не существовало ничего, кроме пустоты. Стены больше не было. Его приняло в свои объятия голубое небо с разбросанными то здесь, то там белыми клочками. Должно быть, это были облака. Они поднимались вверх, минувая юношу, одно за другим.

Тигхи было тепло. Исключение составляло лишь лицо, в которое хлестал ледяной ветер. Сначала занемели губы и нос, а затем тупая боль разветвилась на переносицу и лоб. Но в остальном он чувствовал себя почти по-младенчески счастливым.

Тигхи вытянулся, а затем опять свернулся клубком. Абсолютная пустота. Ничто. Лишь сила ветра, лишь его рев, то ослабевающий, то усиливающийся.

Тигхи был свободен. Ничто не стесняло его: это было чистое существование.

Он не мог сказать, сколько времени продолжалось падение. Юноша даже не думал о том, куда подевалась стена. Ему все больше и больше хотелось пить.

Книга пятая

БОГОЧЕЛОВЕК

Глава 1

Сознание Тигхи отметило приближение серебристого корабля, однако восприняло это, как во сне, потому что над ним довлел страх. А вдруг это Чародей, явившийся, чтобы опять предъявить на него свои права. Тигхи вскричал, но – словно во сне – его голос оказался немым. Вокруг все было заполнено каким-то стремительным шуршащим шумом, похожим на грохот водопада.

Из корпуса корабля выдвинулся металлический ус, который захватил Тигхи. Юноша испытал неприятное ощущение. Ус встряхнул его. Теперь это уже был не сон. Ус болезненно вонзился в поясницу юноши. Охватив его за талию, эта штука очень больно прищемила ему кожу. Тигхи заорал и стал вырываться из железных объятий.

Ус подтягивал его к кораблю или наоборот? Тигхи начало казаться, будто это он тянет корабль к себе, и тот рос и рос, пока его громада не возвысилась над юношей. Разглядев корабль вблизи, Тигхи увидел, что он не такой, как машина Чародея: более объемный и высокий, с гораздо большим ко-

личеством различных приспособлений и устройств, смонтированных на корпусе.

В серебристой оболочке открылся зев, который проглотил Тигхи целиком. Оказаться в абсолютной тишине, совершенно изолированным от воя и невероятного напора ветра было так неожиданно, что Тигхи потерял от резкой смены ощущений сознание.

Он пришел в себя в темноте. Слегка побаливала кожа на пояснице в том месте, где ее прищемил металлический ус. На юноше все еще был костюм, который ему дал Чародей. Стащив с руки перчатку, Тигхи расшнуровал завязки и, просунув руку, пощупал внутри. Пальцы ощутили сырость.

Наверное, он снова потерял сознание, потому что в следующий раз пришел в себя, уже сидя на какой-то скамейке под неярким белым светом. Тигхи сидел не двигаясь, выпрямив спину. Откуда-то доносился ровный негромкий гул. Прямо перед ним поблескивала белым кафелем стена, омытая светом. Постепенно зрение адаптировалось к тусклому освещению, и юноша стал различать очертания дверного проема и серебристо-кремовые и белые кирпичи или кафельные плитки, образывавшие узоры по диагонали.

В затылке было какое-то странное ощущение.

Тигхи попытался встать со скамейки и шагнуть вперед, чтобы рассмотреть стену как следует, и тут ему стало понятно, что его голова привязана. Когда тело двинулось вперед, голова дернулась и осталась на месте. Тигхи едва не вывих-

нул шею и не упал. Осторожно пятясь, он кое-как опять сел на скамейку и пощупал затылок. Из него выходил пластиковый провод в палец толщиной, который затем скрывался в стене. Тигхи тщательно ощупал место, где провод входил в голову. Волосы там были сбриты наголо, и провод погружался прямо в кожу. В точке ввода вокруг провода ощущался крошечный рубец.

Это обеспокоило Тигхи. Ему не нравилась сама мысль о присутствии в его голове чужеродного предмета. Однако затем, как ни странно, юноша понял, что его больше беспокоит тот факт, что в действительности он не ощущает никакого беспокойства. Еще одно странное событие в странной последовательности событий, из которых теперь состояла жизнь Тигхи.

Все погрузилось в темноту.

В непроницаемой тьме послышался какой-то свист. Тигхи насторожился. Замигали короткие вспышки зеленовато-голубого света, которые образовывали различные геометрические фигуры. Затем в черно-фиолетовой мгле появилось розовое свечение, похожее на неоновый светильник, который однажды приносил в деревню бродячий торговец. Свечение приблизилось к лицу юноши, он махнул рукой, и свечение исчезло.

В воздухе сильно запахло кислым потом.

Белый свет. Где-то в нижней части поля зрения появился и медленно пополз по горизонтали ряд каких-то каракулей и

значков. Так близко, что казалось, будто они отпечатались на роговой оболочке глаз юноши. Тигхи едва успел сообразить что это буквы и числа. Времени прочитав их и осмыслить ему не хватило – вокруг опять воцарилась тьма. Прозвучал голос.

– Открой глаза, – сказал кто-то на имперском.

Тигхи осторожно приоткрыл глаза. Он опять находился в помещении с белыми стенами. Перед ним стояли три человека, очень похожие на его деда.

– Дед, – произнес юноша. У него пересохло во рту, а губы потрескались и слиплись. И вдруг его рот ни с того ни с сего наполнился слюной. Ее было так много, что растерявшийся Тигхи не смог остановить ее, и слюна потекла по его подбородку. – Дед! – произнес он снова.

– Нет, – сказал тот, кто стоял в середине.

Он был похож на деда, с той лишь разницей, что у него была более темная, глянцеваая кожа, да и сам он выглядел гораздо моложе.

У стоявшего слева кожа была более бледная, оттенка красной меди, а у того, что справа, она отличалась грубой, шероховатой поверхностью, словно ствол дерева, только в уменьшенном масштабе.

Тигхи сглотнул комок, вставший от волнения в гортани, и спросил:

– Где я? Дед?

– Нет, – ответил средний дед. – Мы не он. С этим у нас

нет ничего общего.

Тигхи попытался было повернуть голову из стороны в сторону, переводя взгляд с одного деда на другого, но у него ничего не получилось, потому что провод, входивший в затылок, был слишком коротким.

– Вы похожи на моего деда, – сказал он. – Все трое.

– У тебя неполный комплект аппаратуры, далеко не полный, – произнес дед, стоявший справа. – Нам едва удалось подключиться к интерфейсам, которые мы обнаружили.

– Он на примитивном уровне, – сказал дед в центре.

– Чародей вставил в мою голову какие-то металлические штучки, – объяснил Тигхи.

– Чародей?

– Я был в другом корабле, таком, как этот, я думаю. Там был человек с искусственной кожей.

Лицо деда, стоявшего в центре, медленно растянулось в улыбке.

– Это ты назвал его Чародеем, – тихо спросил он. – Или он сам назвал себя таким именем? Как забавно.

– Сдается мне, вы его знаете, – сказал Тигхи. – Вы – его Возлюбленный. Он часто говорил о своем Возлюбленном.

– Мы все трое – его Возлюбленный, – подтвердил тот, что стоял справа, – а он – наш Возлюбленный.

– Как получилось, что вы все одинаковые? – спросил Тигхи.

– У одной и той же женщины было позаимствовано сто

восемнадцать яиц, – пояснил дед справа, – много сотен лет назад. Они все были оплодотворены материалом из одного источника.

– Моего, – сказал дед в центре. – Я – оригинал.

– Я не верю вам, – произнес Тигхи, слегка удивившись своей собственной смелости.

Деды, стоявшие по краям, взглянули на своего товарища в центре, а затем опять перевели взгляды на Тигхи.

– Если уж на то пошло, – сказал дед в центре, – то я действительно был источником материала для оплодотворения. Это не клонирование, и поэтому мы все немного отличаемся друг от друга. Однако сходство и в самом деле очень сильное. Я согласен с этим. Пусть мы и не клоны, но у нас много общих качеств.

Это объяснение не вызвало у Тигхи никакого интереса. Подняв руку, он потрогал провод, входивший в его затылок, затем попытался выдернуть. Ничего не получилось. Провод, казалось, намертво прирос к затылку. Каждый раз, когда Тигхи дергал его, по краям поля зрения появлялись вспышки света.

– Оставь провод в покое, – посоветовал дед в центре. – Мы еще не закончили проверку работы, сделанной нашим Возлюбленным.

– Кто из вас тот Возлюбленный, о котором он говорил? – поинтересовался юноша.

– Мы все. Если между нами и существуют различия, то

они недоступны твоему пониманию.

– Вы пытались уничтожить его в воздухе, – вспомнил Тигхи и тут же мысленно представил себе устремляющийся вниз серебристый корабль и черный луч, протянувшийся от него к машине Чародея, – но я думаю, что ему удалось спастись.

– Да, он ушел от нас, – подтвердил дед справа.

– Вы преследуете его. Почему вы похожи на моего деда?

– На деда?

– Когда я был ребенком, – начал объяснять Тигхи. – В моей деревне...

– А, – понимающе произнес дед в центре. – Это был один из районов, где проводил свои эксперименты человек, которого ты называешь Чародеем. Он внедрил наших и своих двойников – украденные варианты – в нескольких местах. Однако ты не один из нас: ты отпрыск одного из нас.

– Возможно, ты – отпрыск отпрыска, – предположил дед справа.

– Несомненно, это более отдаленная генетическая связь.

– Говоришь, твоя мать удалила часть биоэлектронных средств, вживленных в твою голову? Когда это случилось? Когда ты был младенцем?

– Что за эксперименты проводил Чародей? – спросил Тигхи.

В самой середине его головы возникло какое-то щекочущее ощущение, которое никак нельзя было назвать приятным. Он взялся обеими руками за голову и принялся масси-

ровать и тереть кожу лица и череп. Однако все было безрезультатно, ибо источник зуда находился в самом центре мозга.

– Он хочет того же, чего и мы, – сказал дед в центре. – Мы должны вернуть мир в горизонтальное состояние. Такое опасное существование противостоит сути человечества и не может дальше продолжаться.

– Риск, – произнес задумчиво Тигхи, – суть существования.

– Метафизика, – сердито заявил правый дед. – Не скреби так сильно свой затылок!

– Вы вживляете детям в головы всякие свои мудреные штучки, – сказал раздражительно Тигхи, – а после того, как дети вырастают, отрезаете им головы и думаете, что это поможет перевернуть мир. Странные дела.

– Наш Возлюбленный, – сказал центральный дед, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на благоговение, – вынашивает самые амбициозные планы. Он намерен превратить человека в машину для управления гравитацией, используя такой же принцип конвертирования энергии в гравитационное сопротивление, на каком основана конструкция кораблей, подобных этому. Человек должен быть способен преломлять гравитационное поле в локальном контексте. Это захватывающая мечта.

– Невозможная мечта, – сказал правый дед.

– Это не единственная цель, которую он преследует. В

частности, он хочет власти, и он испытывает механизмы, которые развились в умах генетически подходящих субъектов. Ему нужен механизм, который функционирует в полной гармонии с сознанием. Задача не из легких.

– Вы восхищаетесь им, – сказал Тигхи.

– Конечно.

– И все же хотите уничтожить его.

– Конечно. Естественно, он хочет уничтожить нас. Он был одним из нас. Мы были Возлюбленными вместе, пока он не бросил нас.

– Он пытался убить меня? – спросил Тигхи.

– Ну, вообще-то, – уклончиво ответил правый дед, – мы обычно уничтожаем плоды его экспериментальных забав. Если позволить им и дальше ползать по стене и размножаться, это может привести к опасным, непредсказуемым последствиям.

– Не убивайте меня, – произнес Тигхи отрешенным, безразличным голосом, испытывая двойственные чувства. – У меня есть важная информация о нем. Я сообщу ее вам в обмен на мою жизнь, если вас это устаивает.

Последовала пауза.

– Похоже, – сказал центральный дед, – мы не можем получить доступ в твою текущую память. Не хватает кое-каких деталей.

Тигхи опять посмотрел на них: в центре теперь стоял краснокожий дед, который мгновением раньше – юноша был

уверен в этом, – стоял справа. А на его месте теперь был дед с кожей, похожей на жидкое масло. Когда они поменялись местами? Он не мог припомнить, чтобы видел это.

Воздух наполнился пронзительным резким запахом явно искусственного происхождения. Через пару минут уже ничем не пахло. Затем в поле зрения Тигхи появились какие-то призрачные шарообразные существа, плававшие в воздухе.

– Что происходит? – удивился юноша.

– О какой информации ты говоришь?

– У Чародея есть пещера во льдах, – ответил Тигхи. – Там его запасы продовольствия и много трупов. Он сам показал мне это место. Я нашел там пистолет и выстрелил в него.

– Сказки, – проговорил краснокожий дед в центре. – Метафизика. У него теперь новая кожа с микрофиламентным слоем. Никакая пуля его не возьмет.

– Я метился в его глазницы, – пояснил Тигхи, закрывая глаза.

Но даже с закрытыми глазами юноша видел окружающее в мельчайших подробностях, словно его веки были прозрачными. Он даже начал сомневаться, что закрыл глаза.

Лицо темнокожего деда опять медленно растянулось в улыбке.

– Ему это наверняка не понравилось.

– Он сказал, что вставит себе новые глаза, – сказал Тигхи.

– Разумеется. Это ему по силам, – согласился дед, стоявший справа.

Все трое вдруг пропали из виду, и вместо них перед юношей поплыли голубые треугольники в белом пространстве.

Затем они вернулись: три версии одного и того же человека – черный, красный и шершавый. Порядок, в котором они расположились, опять изменился.

– Я не совсем понимаю... – начал было Тигхи.

– Мы должны принести свои извинения, – сказал темнокожий дед.

– В том, что ты оказался втянутым в наши разборки, нет твоей вины. Мы делаем крупные ставки в своей игре, ну а отдельные личности, – они на втором плане. Тем хуже для них.

Место, которое он занимал, внезапно опустело. Там подвилось пятно серого цвета, по которому шли крест-накрест мерцающие полосы. Затем темнокожий дед снова материализовался на прежнем месте.

– Будущее всего... – сказал краснокожий дед. – Нам нужно вернуть мир к горизонтальному состоянию. Тогда жизнь может начаться снова.

– Люди все равно будут падать, – возразил Тигхи. – Такова природа всего живого, и не важно, где жить, на стене или где-либо еще. Люди все равно будут падать.

– Наш Возлюбленный допустил глупую ошибку, – сказал темнокожий дед. – Мы вскоре уничтожим его.

– Он возлагал на меня большие надежды, – медленно проговорил Тигхи. – Думал, что я займу важное место в его пла-

нах.

– Мы полагаем, что он надеялся уничтожить нас с твоей помощью, – хором произнесли все трое.

Затем один из них, выдавив из своего горла какой-то хлюпающий звук, который можно было принять за смех, добавил:

– У тебя в голове неполный комплект биоэлектронники. Кое-что выросло, благодаря чему мы смогли подключиться к тебе. Однако все это на примитивном уровне.

– Когда вы схватили меня своим металлическим усом, – сказал Тигхи, вдруг почувствовав обиду за такое бесцеремонное обращение, – вы очень больно прищемили мне кожу на пояснице! Она до сих пор болит. Вы были не слишком осторожны.

– Однажды... – начал темнокожий дед.

Из всех дедов остался он один. Интуиция подсказывала Тигхи, что те двое не исчезли, а по-прежнему присутствуют здесь, однако в нематериальной форме. А может, их там и вообще никогда не было. Конечно, сейчас он мог видеть только темнокожего деда, очертания которого выделялись на фоне тусклых голубых вспышек. При каждой такой вспышке в голове Тигхи начинали покалывать острые иголочки.

– Однажды... – снова сказал темнокожий дед.

Его голос вдруг вырос и затопил собой все другие звуки, все другие ощущения, будучи таким же мощным, как ветер, необъятным, как сама стена. Сейчас не существовало ниче-

го, кроме голоса. Зрение, обоняние, осязание юноши – все бездействовало. Он мог только слышать. Голос. Голос.

– Однажды! Однажды жил человек! Он истощал себя, но заменял свои износившиеся органы новыми органами, усиливал с помощью искусственных биомеханизмов церебральный материал, воссоздавал античную технологию! Он был богочеловеком! Он был богочеловеком! Именно ему подчинялись люди, богочеловеку, под ним они находились! Однажды мир был иным. Теперь он такой, каким мы его знаем. Он снова будет другим. Кто выживет в этом другом мире? Кто выживет после перемены? Кто сотворит эти перемены? Богочеловек! Кто будет контролировать их? Богочеловек! Кто все изменит? Богочеловек!

Затем наступила тишина, в которой отчетливо звучала металлическая, почти музыкальная нота. Тигхи оказался в абсолютной темноте. Ему показалось, что где-то очень далеко разносится эхо, подобное тому, которое он слышал, когда цеплялся за лед. Тихий звенящий звук, повторяющий металлическим шепотом:

– Смерть! Смерть! Смерть! И наконец, абсолютное ничто.

Глава 2

Очнувшись, Тигхи обнаружил, что лежит на утесе и его лицо щекочет трава. Он сел, совершенно не понимая, где находится. Яркое солнце, поднимавшееся снизу, отбрасывало тени с края утеса. В воздухе ощущалась бодрящая свежесть.

Тигхи потрогал затылок. Его пальцы ощутили засохшую корку крови, довольно крупную, на том месте, где у него был выбрит череп. Он поскреб ее, и короста отвалилась, рассыпаясь в порошок под ногтями.

На Тигхи все еще был теплый костюм, который ему дал Чародей. Развязав шнурки, юноша стащил комбинезон. Под ним оказалась старая одежда Тигхи, давно не стиранная и потрепанная. Юноша задрал подол рубашки и внимательно осмотрел свой живот. На нем расплылся большой иссиня-черный кровоподтек, от которого отходили две длинные параллельные ссадины. В этом месте его защемил металлический ус.

Тигхи сел, привалившись спиной к стене, сорвал несколько стебельков травы и стал медленно жевать их. Он размышлял о пережитом. Многие казались необъяснимым и не имеющим смысла. Что-то подсказывало ему, что встречи с тремя двойниками деда не было. Не было в привычном, реальном измерении. Все вместе они обладали куда более могучей волшебной силой, чем Чародей. Они создали некое волшеб-

ное царство, частичка которого наверняка проникла и в его собственную голову, и разговаривали с ним там. Часть сказанного ими не была облечена в слова, и может, то, что говорил Тигхи, тоже не всегда принимало форму слов. Однако понимание само приходило в его голову.

Он задремал, а когда проснулся, усталости уже не было. Пустой желудок настоятельно требовал еды, подкрепляя свои требования спазматической болью, которая то усиливалась, то ослабевала. Запихнув в рот еще несколько стебельков травы, Тигхи встал и принялся искать в траве съедобных насекомых. Однако его поиски оказались малоуспешными. Удалось собрать лишь с десятков крошечных паучков с серыми тельцами. Несмотря на свой малый размер, эти создания передвигались с поразительной скоростью. Тигхи попытался было съесть пару паучков, однако чересчур горький вкус делал их практически несъедобными.

Юноша решил расширить круг своих поисков и начал спускаться с утеса. Что оказалось делом не таким уж простым. Ему приходилось то прыгать с выступа на маленький валун, то шарить ногами в поисках надежной опоры, держась руками за траву. В конце концов Тигхи достиг более или менее ровного уступа и пошел по нему в западном направлении. Все это время он не переставал размышлять о том, что с ним случилось. О том, что сказали три двойника его деда, о том, что поведал ему Чародей.

Уступ постепенно сужался, пока его ширина не составила

всего две руки, и Тигхи теперь должен был смотреть в оба. Однако вскоре уступ раздался вширь, и юноша быстро зашагал дальше, припадая на поврежденную ногу.

Он поравнялся с углублением в стене, внутри которого сидела женщина, выщипывавшая перья у мертвой птицы. В конце этого алькова виднелась узкая дверь. Тигхи посмотрел в небо и удивился почти полному отсутствию птиц. Он остановился и попытался завязать разговор с женщиной, однако она не говорила на имперском и уставилась на юношу с плохо скрываемым подозрением. На женщине было много всякого тряпья, и Тигхи понял, что она закуталась так, чтобы спастись от холода. Воздух здесь был слишком свеж. Благодаря костюму Чародея Тигхи не обращал внимания на внешнюю температуру. Ему казалось, что в этих местах мягкий климат, но теперь он убедился в обратном.

Тигхи пошел дальше. Наступили сумерки, а он все еще находился на открытом уступе. Однако сумеречный шторм не отличался особой силой. Горизонтальные порывы ветра лишь растрепали одежду. Юноша заснул на пустой желудок. На следующий день он покрыл порядочное расстояние, двигаясь на запад. По дороге ему попало немало ферм, и в конце концов Тигхи оказался в деревне. Рано или поздно ему пришлось бы общаться с людьми, и юноша заранее решил, что глупо говорить на имперском. И небезопасно. Признав в Тигхи жителя Империи, здешние обитатели могут схватить его и продать в рабство.

На окраине деревни Тигхи повстречал мужчину и женщину, которые соорудили навес для кур и цыплят с помощью сучьев и веток. Тигхи присел на корточки и стал наблюдать за их работой. Когда его подозвали, Тигхи ухмыльнулся и повел себя как парень, не страдающий избытком ума. На каждый вопрос юноша глупо скалил зубы и жестикулировал. Тем не менее он встал и принялся помогать вязать из веток крышу. К концу дня работа была закончена, и женщина пошла за курами.

Мужчина сел и затараторил на своем языке, обращаясь к Тигхи. Юноша улыбался и кивал, не понимая ни единого слова. Когда женщина вернулась, то, кроме кудахтавших и вырывавшихся кур со связанными ногами, она принесла еще и буханку хлеба из травяной муки. Этим хлебом мужчина и женщина поделились с Тигхи, который по-прежнему простовато улыбался и тряс головой, вживаясь в роль глухонемого дурачка.

После еды он помог женщине перенести из дома под навес остальных кур. Она, довольная, затарахтела на своей тарбарщине, а Тигхи улыбался и кивал.

В ту ночь он спал у дома этой пары, а утром пошел вместе с женщиной в деревню и работал вместе с ним. Каждый раз ему что-нибудь да перепало, то ломоть хлеба, то несколько кусочков сушеного и перченого земляного червя.

У этой пары Тигхи прожил с неделю или около того. На ночь он располагался у их двери. За это время юноша усвоил

кое-какие фразы и обороты из их языка. Задача эта усложнялась тем обстоятельством, что ни на какой стадии юноша не должен был дать знать, что начал понимать их. У него сложилось впечатление, что эти люди поженились совсем недавно. Мать женщины, занимавшая в деревне положение матриарха, дала им две дюжины кур в качестве свадебного подарка. Из разговоров, которые вели между собой муж и жена, многое оставалось непонятным, и все же Тигхи уловил, что их очень удивляла его темная кожа. А еще они завидовали тому, что у придурковатого паренька такой красивый старинный комбинезон. Они догадывались, что эта штука неплохо защищает от холода – иначе как бы он мог спать за дверью и не простужаться?

Тигхи помогал женщине собирать семена травы на корм курам, выбрасывал помет из-под навеса, сидел и наблюдал за тем, как женщина плетет рубашку из куриных перьев. Некоторые жители деревни относились к Тигхи как к маленькому ребенку и даже жалели его.

Через неделю в гости к молодоженам заявила мать женщины, деревенский матриарх. Сразу же после ее прихода между матерью и дочкой произошел разговор на повышенных тонах. Тигхи мог разобрать лишь отдельные слова, однако суть спора ему все же удалось уловить. Причиной раздора явилась терпимость молодоженов к подозрительному немому парню, бродяге, приблудившемуся с востока. Не доверяйте ему! Дочь пыталась урезонить мать. Тон ее увещаний

был миролюбивым и спокойным. Старуха же отвергала все аргументы дочки властным и басовитым голосом.

Тигхи решил, что для него же лучше уйти тихо и незаметно. Решение далось ему с болью в душе. Ведь он осознал, что такой шаг подтвердит подозрения матери и ударит по дочери, которая была к нему так добра. Однако другого выхода Тигхи не видел. Глухой ночью он украл из курятника двух куриц. Чтобы они не выдали его своим кудахтаньем и трепыханием, юноша тут же свернул им шеи. Затем скорым шагом отправился на запад. Тигхи шел всю ночь по темным уступам и к рассвету был уже далеко от деревни.

Одну курицу Тигхи запихал в просторный передний карман своего костюма туда же, где лежал и пистолет. Нащупав его, он обрадовался. Значит, Возлюбленный Чародея не отобрал у него оружие. Теперь Тигхи был похож на беременную женщину. Вторую курицу он ощипал, как это делали его бывшие хозяева. Перья сложил вместе и связал вместе жгутом, который сплел из травы. Эту связку он нес под мышкой. Мясо Тигхи приготовил сразу же, разведя костер из сухой травы, которую поджег, высекая искры кремнем, как научили его молодожены. Жареной курятины ему хватило на несколько дней.

Он никогда еще не ел такого вкусного мяса.

Всю следующую неделю Тигхи старался как можно дальше уйти на запад. Деревни он обычно проходил ночью. Слухи о краже кур могли опередить его, и тогда встреча с жи-

телями не сулила бы ему ничего хорошего. Наконец юноше показалось, что от места совершения преступления его отделяет достаточно безопасное расстояние. И тогда он обменял перья на краюху хлеба и моток пластикового шнура. Мена состоялась в длинной, узкой деревне, располагавшейся вдоль уступа, над которым навис мощный козырек, служивший непреодолимой преградой для прямых солнечных лучей.

Тигхи ощипал вторую курицу и обменял ее перья в следующей деревне. К этому времени ее мясо начало портиться и издавать неприятный запах. Юноша все равно изжарил и съел его, но удовольствия курица ему не доставила. Дело портил приторно-сладкий вкус падали.

Он неумоимо шел и шел на запад. Искалеченная нога ныла все меньше и меньше. Раздробленные кости ступни окончательно срослись, образовав неестественно уродливую выпуклость. И все же хромота юноши стала менее заметной.

В конце концов Тигхи решил немного передохнуть и подкрепиться. С этой целью он нанялся на ферму, где из личинок выращивали огромных бабочек. Ферма была расположена на широком полукруглом лугу, в конце выступа, где находилась деревня. Женщина, которой принадлежала ферма, наняла себе в помощники пятерых молодых парней.

Тигхи стал выдавать себя за уроженца восточных низин и время от времени бросал пару-другую фраз из того куце-го запаса, который приобрел, живя у молодоженов. Однако

недели с небольшим ему хватило на то, чтобы значительно пополнить свой лексикон и общаться с женщиной и другими работниками без особых затруднений. Судя по всему, этот язык являлся диалектом Отре.

Для выкармливания личинок на ферме использовали тухлое мясо. Его заготовка требовала немало усилий и времени. Из пяти работников двое постоянно находились в отлучке, рыская по деревням выше и ниже, западнее и восточнее фермы. Они обычно обходили шесть-семь деревень и выменивали на всякую всячину мясо, непригодное в пищу. Иногда на заброшенных утесах им удавалось найти останки птиц и других тварей.

Личинки, представлявшие собой мешки дрожащей, пульсирующей плоти размером со щенка, алчно пожирали корм. Чем больше они съедали, тем крупнее становились и, соответственно, тем больше был у них размер крыльев, когда, пройдя ряд других стадий, они превращались в бабочек. Ради этого, собственно, их и выращивали, потому что светло-зеленая и ярко-голубая пыльца, образывавшаяся на крыльях, и была тем продуктом, которым торговала ферма. Иногда крылья продавали целиком, иногда с них тщательно соскребали пыльцу и взвешивали на особо точных ювелирных весах, чашки которых были размером с ноготь мизинца.

Лучшие экземпляры бабочек имели размах крыльев в рост человека, однако такие вырастали редко. Большинству

из них были присущи гораздо меньшие размеры, и они не блистали особенной красотой. Крылья также использовались для изготовления одежды и украшений. Иногда их вмазывали в стены церквей для придания последним пышного, торжественного вида.

Ферма процветала и давала хороший доход. Тигхи собирал пададь или выполнял разные работы на самой ферме. Хозяйка – маленькая, бледнокожая уроженка Востока, ходившая вразвалку, прониклась к нему симпатией. Она подробно выспрашивала юношу о его происхождении, и Тигхи пришлось поломать голову над сочинением легенды, частично основанной на фактах. В частности, он упомянул о корабле Чародея, объяснив, что именно оттуда и взялся чудесный костюм, защищающий его и от жары и от холода в зависимости от погоды.

Женщина, похоже, нисколько не удивилась; в конце концов, каких только чудес нет на стене. Это знает каждый ребенок.

Басх, так звали эту женщину, решила затащить Тигхи к себе в постель. Другие работники объяснили юноше, что он должен рассматривать это как большую честь для себя. Еще они рассказали ему о непостоянстве Басх, симпатии которой менялись не реже одного раза в месяц. И поэтому, посоветовали они юноше, тот должен извлечь из благоволения Басх максимум пользы для себя, пока ее чувства не охладели.

Тигхи счел за лучшее последовать совету товарищей и не

противиться желанию хозяйки. Теперь каждую ночь он проводил в ее постели.

Их первое совокупление не обошлось без накладок, и Тигхи пришлось-таки поволноваться. Ведь до этого он еще ни разу толком не бывал с женщиной. Однако предпочел умолчать о таком недостатке и предоставил всю инициативу женщине, точнее, ее нетерпеливым рукам. Оказалось, что это ее любимый способ получения удовлетворения.

Тигхи сначала слишком нервничал и вместо наслаждения испытывал даже некоторое неудобство, почти боль. Когда он вошел в Басх, женщина разозлилась.

– Я не хочу детей, – повторяла она, ударяя его ладонями по спине. – Вынь из меня своего дружка до того, как кончишь.

Через минуту они начали снова, и на сей раз Тигхи сделал все в точности так, как хотела хозяйка. Теперь она не сердилась, а, наоборот, исторгала из себя сладострастное мычание, закинув юноше ноги на плечи.

После сдачи этого своеобразного экзамена распорядок повседневной жизни юноши изменился. Днем он по большей части отсыпался и отдыхал, поскольку его основные трудовые обязанности выпадали на ночное время суток.

Басх не забеременела.

Через пару месяцев Басх положила глаз на другого работника – горбоносого, костлявого парня с востока по имени Пнекс. Тигхи вернулся на свое прежнее место в сарае, где

спали все работники. Пару дней товарищи подтрунивали над ним, затем все встало на свои места.

Работая на ферме, Тигхи часто думал о Чародее и о его Возлюбленном. Если раньше Чародей смог напасть на его след с помощью мудреных устройств, которыми начинил его голову, то что помешает ему сделать это снова? Тем более что он отыскал Тигхи, несмотря на то, что ма выдернула из его головы почти все, что там было.

Однако шли недели, которые складывались в месяцы, а Чародей так и не появлялся, и Тигхи задался вопросом, а не удалил ли Возлюбленный Чародея последние остатки этих устройств из его мозга. Рана на затылке окончательно зажила. На ее месте остался маленький шрам, который зарос волосами.

Когда Тигхи спал с Басх, она как-то раз запустила руку в его волосы и спросила, откуда у него этот круглый шрам. Юноша объяснил ей, что на войне его ударили по голове копьем, однако у него сложилось впечатление, что женщина не поверила.

Время шло, и постепенно год подходил к концу. Зимние морозы уступили место прохладной весне. Тигхи долго не мог решить, что делать дальше. Сначала он подумывал остаться на ферме на все двадцать месяцев, пока год не совершит свой полный оборот, но в конце концов передумал. Безымянная тоска снова гнала его в дорогу.

Он попрощался с Басх и остальными работниками. В по-

дарок за трудолюбие и незлобивость Тигхи получил краюху сдобного хлеба и маленький мешочек с пыльцой бабочек, которую можно было выгодно продать. И вот однажды утром Тигхи покинул пределы фермы и, хромая гораздо меньше, чем прежде, продолжил свой путь на запад.

Глава 3

До самого конца года, всю весну и все лето, Тигхи находился в пути, пробираясь на запад. Он странствовал от одной деревни к другой, перебиваясь случайными заработками там, где их удавалось найти, и голодая, если таковых не было. Юноша продал или обменял все, что у него было, за исключением маленького пистолета с пятью пулями, который он тщательно прятал, и своего костюма-комбинезона, хотя на последний находилось немало покупателей.

Однажды Тигхи попал в засаду, которую устроила шайка женщин, одежда которых состояла из многих слоев нечесаной и немытой шерсти. Они спрыгнули с утеса на уступ, по которому шел юноша, и принялись избивать его палками, громко улюлюкая и крича. Прежде чем Тигхи успел вытащить пистолет, его свалили с ног и в кровь разбили лицо.

Он выстрелил, и разбойницы разбежались. Удары ногами по ребрам и груди имели неприятные последствия. Недели две Тигхи при дыхании ощущал сильную боль в легких.

Прикинувшись лекарем, Тигхи прожил в одной деревне около месяца. Разумеется, в медицине он был полным профаном, однако к этому времени напрактиковался в общении и владел чужим языком настолько, что правдоподобные истории вылетали из его уст без сучка и задоринки. До поры до времени ему все сходило с рук, однако потом случилась бе-

да. От лихорадки умер ребенок, которого Тигхи взялся излечить, и жители деревни выгнали самозванного лекаря за околицу. Провожаемый враждебными выкриками и угрозами, юноша побрел дальше на запад.

Вскоре ему повезло. Он набрел на козью ферму. В этом деле у Тигхи был настоящий опыт, и ему не нужно было притворяться. На ферме он проработал целых две недели, прежде чем двинуться дальше.

Чем дальше Тигхи продвигался на запад, тем чаще слышал разные упоминания о Восточном Городе, который называли также Бактом. Кое-кто, правда, называл его Притоком Дьявола. Тигхи добрался туда, когда трава на стене начала жухнуть и приобретать блеклые осенние цвета. Он прошел по короткому туннелю и оказался в городе.

Восточный Город занимал с дюжину уступов и центральный выступ. Мириады помещений, вырытых в стене, соединялись между собой подземными ходами и лестницами. Широкий центральный выступ служил постоянной сценой, на которой бродячие артисты давали свои представления и устраивались различные карнавалы и маскарады. Как только одна труппа актеров уходила с этой импровизированной сцены, валясь от усталости, ее место тут же занимала другая. Прерывать игру считалось позором, и некоторые актеры усердствовали до такой степени и так долго, что в конце концов валились с ног. По традиции новые актеры не вступали на сцену, пока предыдущий не переставал говорить, но как

только появлялась брешь, они тут же бросались на середину и начинали тараторить или петь отрывки из песен на ходу, очищая сцену от предшественников.

Желающих поглазеть на эти представления собиралось не так уж много, но вместе с тем их количество не уменьшалось. Одни зрители уходили, другие приходили. Тема пьес была одна и та же: история мира, подававшаяся в различных интерпретациях, невероятно сложных и продолжительных. Актеры старались поразить аудиторию пышным многословием и неоднократно повторялись. Для одних посещение этого зрелища было религиозным ритуалом, для других – одним из способов развлечься.

В конце выступления, выстроившись в несколько рядов, стояли пророки и предсказатели судьбы, которые оглашали воздух различными пророчествами и предсказаниями апокалипсиса, мешая актерам декламировать. По этому поводу между актерами и пророками довольно часто вспыхивали ссоры, и зрители дружно веселились, наблюдая за кулачными боями, причем последние доставляли им едва ли не большее удовольствие, чем ритуальная драма или религиозные проповеди.

Город изобилдовал источниками. Вода вытекала из множества наклонных труб и отверстий в стене в таком количестве, что было просто невозможно устроить искусственные преграды на них и взимать за воду деньги. В этом и состояла одна из причин огромного населения города: вода была бес-

платной. Она лилась из труб на общественных уступах.

Тигхи попытался отыскать себе работу в лабиринте магазинов и постоянных дворов, находившихся на нижних уступах и выступах, однако при избыточном населении это было занятием почти безнадежным. В конце концов юноша обменял свой костюм на мешочек ценных камней, несколько электронных компонентов и сверток печенья. Пистолет Тигхи оставил при себе, так, на всякий случай. Бурная городская жизнь вызвала в нем некоторые смутные опасения.

Тигхи планировал пробираться дальше, на запад, преодолев Сетчатый Лес. В этом состояла одна из его если не конечных, то промежуточных целей: Тигхи хотел узнать, как закончилась война. Выстояла ли Империя, или же Отре завоевала всю ее территорию. Помимо этого и главным образом его влекла возможность вернуться домой, в свою родную деревню. Не может быть, думал Тигхи, чтобы не нашлось способа подняться вверх по стене; например, заплатить пилоту калабаша, чтобы тот взял его в полет; или обойти плоскую часть стены окольными путями. Если он возьмется за это дело всерьез и не будет падать духом, то рано или поздно окажется дома.

Скоро ему должно было исполниться одиннадцать лет – возраст, в котором ребенок окончательно становится взрослым. Однажды вечером Тигхи протолкался через толпу, стоявшую в узком проходе в стене, и купил себе крепкой воды в глиняном кувшине. По всему проходу стояли и сидели люди,

пившие этот напиток. Они пели песни и играли в азартные игры на деньги, стучаясь ладонями. Тигхи смеялся и шутил с людьми, попадавшимися на его пути, однако атмосфера искусственного веселья не захватывала его по-настоящему.

Он унес свой кувшин и уединился на сравнительно пустынном уступе. Потихоньку потягивая напиток, Тигхи допил его до конца. На языке и нёбе остался противный бензиновый привкус, однако пошло все же ударило Тигхи в голову. Захмелевший юноша предался размышлениям.

Пережитое изменило его. Он стал другим. Тигхи часто посещали мысли о Чародее и его Возлюбленном, который так походил на деда. Иногда он пытался связать в одну картину способы, при помощи которых Чародей манипулировал деревней и семьей Тигхи. Полотно получалось очень сложным и многоплановым, и последовательность событий в нем каждый раз менялась.

Тигхи задремал с кувшином на коленях. Его разбудили двое грабителей. Оба были гораздо выше и шире в плечах, чем юноша. Очевидно, они случайно заметили спящего Тигхи и решили воспользоваться случаем. Один из них сел юноше на ноги, а другой прижал к земле его руки. Тот, что сидел на ногах, принялся обшаривать своими влажными руками одежду Тигхи.

– Ты, вонючий пьяница, – прорычал он.

Тигхи несмотря на страх, овладевший им, не мог удержаться от смеха, потому что от самого грабителя сильно во-

няло спиртным. Такое обвинение было комичным в своей абсурдности. Второй грабитель начал выкручивать Тигхи руку, и юноша ахнул от боли.

– У меня есть драгоценный камень! – выпалил Тигхи. – Он стоит немалых денег. Возьмите его и оставьте меня в покое!

– Ах ты, паршивый алкаш, – произнес первый грабитель, слегка растягивая слова, – где же этот камень?

– Отпусти мою руку, и я достану его.

Грабитель был настолько пьян, что слова Тигхи доходили до него с трудом. Он закивал головой. Возможно, этим грабитель хотел выразить свое согласие, но нельзя было также исключить и того, что от выпитого у него затряслась голова. Как бы то ни было, но его товарищ воспринял это в выгодном для Тигхи смысле и отпустил левую руку юноши.

Тигхи тут же потянулся в сапог и, вытащив пистолет, выстрелил. Тихий, спокойный вечер расколол ужасный треск. Грабитель, сидевший на ногах юноши, свалился на землю. То ли в него попала пуля, то ли он просто-напросто перепугался, Тигхи не мог определить. Второй грабитель отпустил другую руку Тигхи и пустился наутек, спотыкаясь и пошатываясь. Тигхи вскочил на ноги и, истерически смеясь, прицелился в него из пистолета. Все же у юноши оказалось достаточно здравого смысла, чтобы не стрелять. Он повернулся и скорым шагом отправился в обратном направлении, оставив незадачливого бандита валяться на пыльном выступе.

После этого случая Тигхи решил вести себя более преду-

смотрительно, так, как подобает мужчине, а не ребенку. Продав часть драгоценных камней, он на вырученные деньги купил невольницу – маленькую, худенькую девушку. Она могла приглядывать за Тигхи, когда он слишком уставал или был пьян и не обращал внимания на то, что творится вокруг. Эта девушка, суетливая и беспокойная, как птичка, почти не спала. Ее будил малейший шорох. Девушка тут же вскакивала и озиралась по сторонам. Под стать ее повадкам была и внешность. Провалившиеся глаза обрамляла истонченная, потемневшая кожа. Сквозь худосочные волосы просвечивала розовая кожа черепа. Лицо было усеяно желтыми крапинками – последствиями какой-то заразной болезни. Тигхи начал было покупать еды в два раза больше, чем обычно, желая подкормить ее, однако невольница почти ничего не ела.

– Вот почему ты такая тощая, – упрекал он ее.

Однако девушка отвечала: «Да, хозяин», – и покорно кивала. Выудить что-либо еще из немногословной рабыни было невозможно.

Она хорошо готовила, и этот ее талант пригождался всякий раз, когда в Тигхи просыпалась страсть к экстравагантной пище и он пользовался платными услугами общественной печи и покупал разнообразные продукты. Иногда он подумывал о том, чтобы взять девушку к себе в постель, поскольку прошло уже много месяцев с тех пор, как он в последний раз был с женщиной, и неутоленное желание не давало Тигхи покоя. К тому же она его невольница и он во-

лен делать с ней все, что ему хочется. Однако внешность девушки была настолько невзрачной и непривлекательной, что у Тигхи не возникало к ней никакого физического влечения. Маленькая и хрупкая, она, казалось, могла просто рассыпаться, взгромоздись на нее Тигхи.

Шли недели, а Тигхи все оставался в городе, сравнительно безбедно существуя на те средства, которые ему удалось выручить, продав свой костюм. Как-то раз ему удалось повстречать его теперешнего владельца, упитанного богача, который горделиво расхаживал в своей обновке по одному из уступов. Интересно, сколько же он заплатил за него, подумал Тигхи.

В городе обитали сотни людей, может быть, даже тысяча. Такое огромное количество поражало воображение, однако в конце концов Тигхи запомнил в лицо почти каждого обитателя выступов и уступов. Оказалось, что можно перезнакомиться даже со столь многими людьми. По мере того как тощал его запас драгоценных камней, Тигхи все чаще приходила в голову мысль об утомительном однообразии Восточного Города: пьянство, бесконечные представления и проповеди, вот и все, что мог предложить этот мегаполис.

Он долго задавал себе сакраментальный вопрос, что делать, и наконец нашел на него ответ. Закрутив три самых ценных камня в кусок кожи, Тигхи запихнул его в сапог. Путь предстоял неблизкий – через коренные земли Отре к Сетчатому Лесу. Он объяснил свой план невольнице, и, к его

удивлению, она залилась слезами.

– Почему ты плачешь? – встревоженно спросил Тигхи.

– Город – мой дом, моя родина, – сказала девушка. – Больше я нигде не была и ничего не знаю.

– Разве тебе не хочется увидеть чудеса мировой стены к западу отсюда? – спросил он. – Пойдем! Должно быть, ты сгораешь от любопытства.

– Нет, хозяин!

– Ну что ж, тогда, наверное, мне придется продать тебя новому хозяину, – произнес Тигхи, испытывая сострадание к этому существу. – Вот что я тебе скажу, – проговорил он во внезапном порыве откровенности. – Когда-то я и сам был рабом. Да! Я знаю, что это такое – быть бессловесным товаром. Я был принцем и рабом, и я побывал на краю мира. Мне пришлось изведать многое! И меня удивляет, что тебя не влекут приключения.

– Простите меня, хозяин, – ответила невольница, опять заливаясь слезами и пряча лицо в изгибе локтя, – но в душе я не искательница приключений.

– Ладно уж, – произнес Тигхи, немало смущенный искренними переживаниями девушки. Он погладил ее по голове. – Не тревожься. Все уладится.

Глава 4

Весь вечер Тигхи пил, и к его концу рядом с юношей валялись два опорожненных кувшина из-под крепкой воды. Подзадоренный спиртным, он стал играть с собутыльником в ладоши и проиграл драгоценный камень. Тигхи не обладал должной ловкостью рук и был смутно знаком с правилами игры, однако его возбуждал сам процесс, и даже в проигрыше, несмотря на досаду, была своя привлекательность.

Утром Тигхи с похмелья не знал, куда деться. Голова трещала, сильно опухли глаза. Во рту все горело, страшно хотелось пить. Нетвердо ступая, Тигхи побрел по уступам, а затем поднялся по лестнице к стоячей трубе. Невольница молча следовала за ним.

У трубы стоял какой-то калека с желтой повязкой, обозначавшей принадлежность к сословию невольников. Привычное зрелище: раб, набирающий в кувшины воду и несущий ее затем в хозяйский дом. Удивление вызывало лишь то, что у этого раба была только одна нога. Сколько Тигхи ни напрягал свою память, он никак не мог припомнить, чтобы ему когда-либо приходилось видеть одноногого невольника.

Этот человек удерживал равновесие при помощи костыля. Тигхи грубо отпихнул его, так что тот уронил кувшин и в страхе громко закричал. Ведь если бы кувшин разбился, ему не миновать порки. Однако Тигхи не обратил ни на раба, ни

на его кувшин никакого внимания. Ему отчаянно хотелось пить. Остальное его не интересовало.

Утолив жажду, Тигхи повернулся к невольнику:

– Послушай, одноногий! Если ты все время падаешь, то нечего тогда выходить из дому. Какой ты неуклюжий, однако.

Невольник сидел на земле, выставив перед собой единственную ногу и костыль. Кувшин, к его счастью, остался цел. Что-то дрогнуло в памяти Тигхи. Он присел на корточки и заглянул калеке в лицо.

– Простите меня, хозяин, – пробормотал невольник, потупив взгляд.

– У тебя есть имя, – медленно произнес Тигхи.

– У рабов не бывает имен, хозяин, – смиренно ответил невольник. – Раб – всего лишь раб.

– По-моему, тебя зовут Мулваине, – не отставал Тигхи.

Невольник вздрогнул, но по-прежнему не поднимал головы.

– У рабов не бывает имен, хозяин, – сказал он снова.

– Мулваине! – воскликнул Тигхи, и сердце его заколотилось от радости. – Мулваине, это же я – Тигхи. Ты помнишь меня... платон? Армию? Мы отнесли тебя в Сетчатый Лес. Мулваине. – Юноша протянул руку и потрогал культю калеки. Нога была отрезана почти по самое бедро. – А я-то думал, ты погиб. В самом деле. Да, вот как вышло с твоей ногой.

Невольник медленно поднял голову и робко взглянул на

Тигхи.

– Это было совсем в другой жизни, хозяин, – произнес он дрожащим голосом.

– С тех пор прошел всего лишь год, не больше, – сказал Тигхи. – Я Тигхи! Ты должен помнить меня.

В глазах Мулваине появилась некая осмысленность. Он задрожал, и из его глаз заструились слезы. Из открытого рта вместо слов выходили лишь всхлипывания.

– Почему рабы все время плачут? – раздраженно спросил Тигхи.

– Тигхи, – сказал раб тихим голосом. – Мне невыносимо думать о моей прежней жизни. Сердце разрывается от боли.

– Пойдем, – проговорил Тигхи с внезапной решимостью. – Пойдем, отведи меня к своему хозяину, и я выкуплю тебя. Я выкуплю тебя.

Хозяином Мулваине оказался морщинистый старикашка. Во время войны он служил офицером в армии Отре, объяснил Мулваине Тигхи, ковыляя рядом. Он был ранен в ногу, которую ампутировали. Он не хотел видеть рядом с собой здорового человека, который бы постоянно напоминал ему о его физической неполноценности.

– Его самолюбию льстит, что он может помыкать мной, – сказал Мулваине. – К тому же моя культя короче, чем его.

– Я тоже калека. У меня неправильно срослась ступня, и я прихрамываю, правда, теперь уже не так сильно, – произнес Тигхи. – Слава богу, ее не отняли совсем. Пусть и иска-

леченная, но все же целая нога. Я думаю, этот тип вполне согласится обменять тебя с твоим костылем и безобразным лицом на два бриллианта и мою невольницу в придачу!

Однако хозяин Мулваине оказался на редкость упрямым, зловредным стариканом. Он жил с двумя другими ветеранами войны в узкой, похожей на коридор комнате на одном из верхних уступов города. Его соседи держали на двоих одну служанку-невольницу, но хозяин Мулваине, похоже, настолько прикипел душой к своей одноногой собственности, что никак не хотел расставаться с ней.

– Да ты посмотри на эти камни! – уговаривал его Тигхи. – Ты что, не понимаешь, какую они имеют ценность! Они стоят куда больше, чем этот калека.

– Я привык к нему, – сказал старик, почесывая подбородок, поросший грязной щетиной. – Что мне толку от этих бриллиантов?

– Ты мог бы купить за них пять рабов!

– А на кой черт сдались мне пять рабов?

– Ну, не хочешь рабов, купи что-нибудь другое. Все, что захочется. И еще я дам тебе в придачу свою невольницу.

– Мне не нравится ее вид. Сразу видно, что она больна. Вряд ли зиму протянет.

Несговорчивость старика раздражала Тигхи все больше и больше.

– Не упрямясь, не то будет хуже, – предупредил он.

– Ах ты, сопляк, варвар! – вскричал, побагровев от злости

и обиды, старик. – Да знаешь ли ты, что под моим началом служила дюжина солдат! На войне я потерял ногу! Я не потерплю, чтобы всякие молокососы врывались сюда и ставили мне свои условия.

За то время, что Тигхи прожил в Восточном Городе, его поведение и манера держаться в значительной мере изменились. Застенчивость и скромность уступили место самоуверенности, граничащей с наглостью. Встретив отпор со стороны одноногого ветхого старика, Тигхи немного стушевался, но тут же напомнил себе, что он теперь мужчина.

– Это необычные, очень ценные бриллианты, – продолжал Тигхи гнуть свою линию, – ты будешь дураком, если откажешься от этой сделки.

– Ты меня еще и дураком называешь?

– Я говорю то, что вижу, – ответил Тигхи.

– Идиот! Я командовал дюжиной солдат! – Старикан схватил посох, на который он обычно опирался при ходьбе, и сделал выпад в сторону юноши, метя тому в голову. Тигхи вовремя уклонился, предвидя такой поворот в разговоре, и посох угодил концом в стену. – Ах ты, негодяй, мерзавец! Как ты смеешь! – завизжал, исходя слюной, старик.

Два других обитателя длинной, узкой комнаты, сидевшие в ее конце, захихикали, потешаясь над своим собратом, который в бессильной злобе являл собой комическую фигуру.

– Только дурак может отказаться от такого выгоднейшего предложения, – хладнокровно заявил Тигхи, подбадрива-

емый ироническим смехом соседей ветерана.

Лицо старика потемнело от ярости, и он подался вперед, намереваясь встать со стула и изо всей силы огреть Тигхи посохом. Юноша наклонился и, положив руки на плечи старика, с силой нажал на них, заставив его снова сесть. Старик замахал руками, как маленький, капризный ребенок, впавший в истерию, мыча что-то нечленораздельное и брызжа слюной. Затем последовал громкий вдох, и его глаза остекленели. Тело обмякло, а на лице отпечаталась гримаса изумления и боли.

Тигхи в недоумении шагнул назад. Он еще не понял, в чем дело. А из противоположного угла помещения к месту происшествия уже тащились, шаркая ногами, соседи упряма.

– Мертв! – сказал один.

– Скончался от апоплексического удара, – констатировал второй, и в его голосе прозвучало нечто похожее на злорадство.

– Паралич мозга! – согласился первый.

Второй старик слегка потыкал труп своим посохом, затем повернулся к Тигхи:

– Это ты своими насмешками довел его до смерти.

– Вот именно! Довел его до смерти! – проблеял первый старик.

– Это чистая случайность! – поспешил оправдаться Тигхи.

– Стало быть, бриллианты теперь наши, – произнес ста-

рик, ощерив гнилые зубы в ехидной ухмылке. – Калеку можешь забирать. Нам он ни к чему.

– А вот девчонку оставь, – добавил другой старик и похотливо хихикнул: – Она нам пригодится.

Тигхи со свистом втянул в себя воздух.

– Я так не думаю, – сказал он. – После смерти хозяина раб становится свободным.

– Чушь! – прорычал первый старик.

– Чушь! – подтвердил второй.

– То, что принадлежало ему, теперь наше. Мы – его наследники.

– Свое имущество он завещал нам.

– Тогда я посоветовал бы вам сбегать за судьей, – произнес Тигхи, которым овладела хладнокровная решимость. – Я оспариваю ваши слова. Я считаю, что он умер, не оставив наследников, и объявляю его раба своей собственностью. Вы можете забрать себе все остальное его имущество. Следуй за мной, раб, – сказал он, обращаясь к Мулваине.

– Ты не имеешь права! – проскрипел возмущенно первый старик. – Кто ты? Как тебя зовут?

– Ты говоришь на Отре с западным акцентом, – подозрительно произнес второй. – Ты с запада. Вонючий сопляк западник, ты здесь никто!

Однако Тигхи спокойно направился к выходу, уводя с собой Мулваине и собственную невольницу.

Он привел Мулваине на один из нижних уступов города и

купил ему еды. Бывший сослуживец Тигхи по платону флатаров урчал и едва не откусывал себе кончики пальцев. Покойный хозяин явно держал его в черном теле.

– Ты теперь богатый человек, Тигхи, – произнес он, прожевав последнюю порцию травяного хлеба, и скользнул взглядом по юноше.

Сделав это, Мулваине как бы испугался собственной смелости и снова потупил глаза.

– А я думал, что ты погиб, как и остальные, – сказал Тигхи, хлопнув Мулваине по плечу.

– Как и остальные?

Тигхи кашлянул.

– Ати, – сказал он, – Пелис, Равилре. Помнишь их?

Мулваине смотрел вдаль застывшими, неподвижными глазами.

– Я думал, – выдавил он наконец, – что от нашего платона никого не осталось. У меня в памяти почти ничего нет. Какие-то смутные картинки. Помню, как я бежал по уступу вместе с вами, хозяин.

– Не называй меня хозяином, – приказал Тигхи. – Мы же воевали вместе, как-никак.

Мулваине покраснел.

– Ладно, – проговорил он еле слышно.

– Вот так-то лучше, – сказал Тигхи.

– Помню, как я бежал, – продолжал Мулваине. – А затем резкая боль в ноге – меня ранило. А больше я ничего не пом-

ню, пока не очнулся в их форте, с забинтованной культей. Ноги уже не было. После того как рана зажила и затянулась кожей, меня выставили на торги вместе с другими пленными, однако никто не хотел покупать меня. Мне очень повезло с моим хозяином. В самом деле. Я не шучу. Он сам оправлялся после ранения и очень привязался ко мне. – По щеке Мулваине поползла слеза. – А теперь он умер. Умер!

– Только не начинай плакать, – с отвращением произнес Тигхи.

Однако уже было поздно. Мулваине рыдал, растирая глаза кулаками.

– Почему у рабов глаза постоянно на мокром месте? – удивился Тигхи.

Мулваине, шмыгая носом, проговорил:

– Вам, должно быть, есть что рассказать, хозяин. То есть Тигхи. Хозяин Тигхи. О, бывшие деньки! Кажется, что все это в далеком, далеком прошлом!

Он затряс головой, опять уставившись в землю.

– Ну что ж, – начал Тигхи, устраиваясь поудобнее. Он посмотрел на небо. Время едва перешагнуло за девяносто, и солнце слепило ярчайшим светом. Белая дыра, прожженная в идеальной голубизне. – На мою долю хватило приключений с избытком. Это уж точно. Я тоже побывал в шкуре раба, как и ты. Однако мне удалось спастись. – Тигхи потер правый глаз. С тех пор как он начал употреблять крепкую воду, которой так славился Восточный Город, у него стала болеть

голова. Головные боли отдавались в глазных яблоках так, что порой все вокруг виделось в мутной белой пелене, и только после того как Тигхи закрывал глаза и открывал их снова, напрягая зрение, пелена, рассеивалась, и предметы обретали прежние очертания.

– Удалось спастись? – тихо удивился Мулваине и испуганно огляделся. – Ты же знаешь, что беглых рабов сбрасывают со стены, – прошептал он. – В этом городе меня знает каждая собака. Я прожил здесь целый год. Мне не удалось бы убежать.

– Понимаешь, тут все не так просто, – произнес Тигхи. – Меня, скажем так, забрал другой человек. Точно так же, как я забрал тебя. – Он улыбнулся Мулваине, но тот усердно тер свою культю через штаны и не поднимал взгляда. – Ах, Мулваине, – продолжал Тигхи, – ты даже представить себе не можешь, где мне довелось побывать. Я добрал до самого конца мира – до Восточного Полюса. Я видел ледяные пещеры и воевал с колдунами и монстрами. Я летал в воздухе и ощутил дыхание Бога. И когда я возвращаюсь в мир мужчин и женщин, как это уже случилось, мне тяжело чувствовать себя связанным всеми этими мелкими условностями.

Тигхи сузил веки, всматриваясь в даль. Его зрение уже утратило свою былую остроту.

– Восточный Полюс? – изумился Мулваине, бросив на Тигхи быстрый взгляд и снова опустив глаза. – Я слышал о нем. Но разве это не миф?

– Нет, – ответил Тигхи и опять потер глаза. – Он такая же реальная часть стены, как и уступы, на которых стоит этот город. Стена вовсе не такая, какой мы ее себе представляем. Я помню, Мулваине, твои слова, когда мы еще служили в платоне. Однажды ты сказал мне... ты сказал: а вдруг стена вовсе не большая, просто мы маленькие?

– Неужели я сказал такое? – удивился Мулваине. – Кажется, это было так давно, хозяин.

Тигхи скорчил гримасу.

– Не называй меня так, – раздраженно проговорил он.

Обращение Мулваине лишний раз подчеркивало необратимость крутых перемен, происшедших с ними, и это лишило Тигхи, стремившегося хоть на короткое время, но испытать прежние чувства, вернуться в прошлое, душевного равновесия, выводило его из себя. Успокоившись, юноша продолжил свое повествование:

– Вообще-то в этом есть намек на истину, но она оказалась все же иной, отличавшейся от той, какая существовала в моем воображении. Я видел нас маленькими, а Бога большим. Однако теперь, когда я достаточно постраниковал, я знаю, кто построил стену. Я встречался с человеком-богом, и он... они такие же маленькие, как и ты, как и я. Похоже, что Бог и человек одного и того же масштаба, одного и того же роста, точь-в-точь, никакой разницы. Оказывается, Бог – часть нашей семьи, часть нашей деревни, он и она живут в едином лице среди нас. Кажется, необъятность Вселенной

внушает ему такой же благоговейный страх, как и нам, он так же склонен препираться со своим Возлюбленным, как и мы между собой. Я привык думать, что Бог не подвержен никаким изменениям; однако в своих странствиях обнаружил, что это не так; что изменения ему по нраву. Вот почему он пленен этим миром, этой мировой стеной. Перемены – мощная штука, которая будет, пожалуй, покрепче спиртного. Они затягивают нас вовнутрь.

– Сколь многому вы научились, хозяин Тигхи, – произнес Мулваине с оттенком сарказма.

Его взгляд был по-прежнему прикован к земле. Тигхи встал и принялся ходить взад-вперед, чтобы размять ноги, затекшие после долгого сидения на корточках.

– Мы родом из могучего и гордого народа, Мулваине, и об этом нельзя забывать, – сказал он. – Наш народ достиг очень многого. И нас тоже ждут великие свершения. Это мне было обещано. И я поклялся вернуться в свою деревню. Ты отправишься со мной.

– Мне очень тяжело ходить, хозяин, – произнес Мулваине жалобно. – У меня только одна нога, и костыль сильно натирает под мышкой.

Тигхи не услышал его, а может, и услышал, но не придал никакого значения словам Мулваине.

– Я вернусь в свою деревню как принц, – сказал он. – Это звание принадлежит мне по праву. Если там до сих пор верховодит мой дед, я поставлю его перед фактами. Открою ему

истину, расскажу то, что мне теперь известно о мировой стене.

Глава 5

Весь остаток дня Тигхи провел в хлопотах: он пытался куда-то пристроить свою невольницу. Дело оказалось куда более сложным, чем он первоначально предполагал. Мало кто проявлял интерес к такому болезненному созданию. Каждый раз, когда Тигхи приводил ее к очередной двери, к очередному потенциальному покупателю, девушка начинала плакать. А когда покупатель ругал ее и называл хилой и никудышной, рабыня рыдала на чем свет стоит.

– С тобой нет никакого сладу, – упрекал ее Тигхи. – Ты хныкаешь при мысли о том, что я продам тебя, и точно так же плачешь, когда тебе в голову приходит мысль, что мне не удастся продать тебя. Ты точно уверена, что не хочешь пойти с нами?

– Я не хочу уходить из города, хозяин, – проскулила девушка.

– Ну что ж, мы с Мулваине уходим на запад. Мы увидим чудеса – неужели ты не испытываешь никакого желания увидеть чудеса?

Девушка испуганно покачала головой. В конце концов Тигхи нашел одного пекаря, который согласился взять ее.

– Она маленькая, и это очень хорошо. Стало быть, ей будет легко залезть в мою печку и чистить углы, – сказал он. – Я заплачу тебе за нее хлебом.

Тигхи проклял про себя день, когда он потратил на такое бесполезное создание два ценных камня, однако исправить эту ошибку уже было нельзя.

Вернувшись за Мулваине, он угостил его свежееиспеченным хлебом. Прежде чем отправиться с невольницей к пекарю, Тигхи оставил его на центральном выступе смотреть никогда не кончавшееся представление.

– Все в порядке. Пойдем, Мулваине, – сказал он.

– Минутку, хозяин, – умоляющим тоном произнес раб. Тигхи перестал ругаться на него за то, что тот называл его хозяином. Это, похоже, не имело никакого смысла, поскольку такое обращение было уже у Мулваине в крови. – Этот актер уже шатается и скоро упадет.

Тигхи протолкнулся поближе к месту, где шел спектакль. Мулваине, будучи рабом, не осмелился последовать за ним. Впрочем, высокий рост позволял ему видеть все через головы тех, кто стоял впереди. Актер, о котором шла речь, начал тем временем произносить длинный монолог. Одетый в балахон из ярко-красной ткани, он выглядел изможденным. Лицо пожелтело от усталости, а руки дрожали, как какие-то вибрирующие устройства. Он уже не декламировал свою роль, а каркал осипшим голосом. Два молодых актера стояли наготове в первых рядах зрителей и зорко следили как за своим обессиленным коллегой на сцене, так и друг за другом. Очень скоро им предстояло занять место выбывшего из строя.

Кандидат на выбывание подтянулся из последних сил. Его сухой, надтреснутый голос дрожал.

– Мне предстоит в одежды самой смерти облачиться, – произнес он. – Мне предстоит одежды самого конца примерить. – Последовал широкий театральный жест, и актер замер на месте с протянутой рукой, которая так тряслась, что некоторые зрители даже отвели глаза и поежились. Он показывал на одного из своих товарищей по цеху. – Мне предстоит в одежды самой смерти облачиться, – сказал он снова. – Мне предстоит одежды самого конца примерить. Я стану смертью, и в этом качестве я буду вечен, Я буду вечен.

– Мир высок, – произнесла другая актриса. Это были ее единственные слова за последние полчаса. Тигхи узнал это от зрителя, стоявшего справа от него.

– Одно и то же. Заклинило ее, что ли? – громким голосом выразил он свое неудовольствие.

– Тсс, – зашипели соседи.

– Мир высок, – повторила актриса в зеленом платье.

– Когда солнце встает, – произнес на последнем дыхании первый актер и обвел широким жестом выступ. – Когда оно поднимается и переваливает через стену.

Его трясущаяся рука рванулась было вверх, однако это движение стало последней каплей. Ноги актера подкосились, и он молча рухнул на землю. В круг на смену павшему спешили два конкурента, которые еще на ходу начали драться между собой. Они принялись ногами выпихивать недвиж-

ную фигуру за пределы круга, не прекращая при этом драки.

– Когда солнце встает, – закричал тот из них, что был выше ростом.

– Когда оно поднимается и переваливает через стену, – завопил другой и, замахнувшись, ударил своего соперника наотмашь по лицу.

Тигхи повернулся спиной к сцене и стал пробираться через плотные ряды зрителей назад.

– Все, Мулваине. Пойдем отсюда. Ты увидел наконец, как свалился этот старый актер. Чего тебе еще надо?

– Хозяин, – тихо прогнусавил Мулваине, наклонив голову, чтобы лучше видеть сцену. – Неужели нам нельзя остаться здесь еще хотя бы на полчаса? Это же монолог о восходе солнца! Знаменитый монолог.

– Нет! – резко ответил Тигхи, которого эта наглая настойчивость начала выводить из себя. – Нам пора идти.

Хмурый Мулваине молча ковылял позади Тигхи, всем своим видом показывая, что предстоящее путешествие ему не по душе. Зато у Тигхи на сердце полегчало. В последнее время юношу замучили приступы мигрени, во время которых он был готов лезть на стену. Казалось, кто-то забрался ему в голову и тычет изнутри в глаза острой иглой. Он начал подозревать, что виной всему проклятый город.

Они прекратятся, когда я уйду из города, сказал он себе.

Юноши поднялись на уступ, по которому проходил путь на запад.

– Стойте! – раздался сзади чей-то голос.

Тигхи и Мулваине одновременно обернулись. Там стоял один из соседей покойного хозяина Мулваине и показывал своим посохом на Тигхи.

Старик взлелеял замысел завладеть рабом своего покойного друга и с этой целью нанял себе в помощь молодого грабителя. Широкоплечий и мускулистый громила стоял рядом со стариком и грозно смотрел на Тигхи. Посчитав, что противники достаточно напуганы и деморализованы, он решительным шагом двинулся вперед.

– И забери у него драгоценные камни! – крикнул старик вдогонку. – У него есть камушки. Обыщи его как следует!

Громила приблизился к Тигхи. Юноша вытащил пистолет и направил его на громилу. Увидев оружие, тот остолбенел.

– Он настоящий? – спросил громила тоненьким голоском, который совершенно не соответствовал его фигуре.

– Конечно, – ответил Тигхи и, опустив пистолет, спустил курок.

Вокруг разнеслось эхо выстрела. Пуля ударила в землю, выбив фонтанчик пыли.

Громила отшатнулся, в глазах его был смертельный испуг. Затем повернулся и зашагал назад. Поравнявшись со своим нанимателем, он даже не взглянул на него. Растерянный старик затрусил следом.

К вечеру Тигхи и Мулваине окончательно выбрались за пределы города и двинулись на запад. Движение на этом

уступе было преимущественно односторонним. Всех притягивал к себе большой город. Никто не обгонял юношей и не набивался к ним в попутчики.

– Куда мы идем? – спросил Мулваине, когда они забились в расщелину в стене, чтобы пересидеть сумеречный шторм.

– Мы идем в мою родную деревню, Мулваине, – ответил Тигхи. – Ко мне домой.

Мулваине промолчал. Через несколько минут он сказал:

– От такой ходьбы кожа у меня под мышкой стерлась до крови, хозяин.

Его голос звучал тихо и жалобно.

– Ничего, скоро привыкнешь, – успокоил его Тигхи. – Здесь, на крайнем востоке, сумеречные штормы слабы и почти не опасны, – добавил он. – Помнишь, каково нам приходилось в Империи? Какие там свирепые ветры? Только держись.

Однако Мулваине не испытывал ностальгии.

На следующее утро Мулваине достал еду из заплечного мешка, и после завтрака юноши опять тронулись в путь на запад. Мощные лучи солнца, стремившиеся снизу, легко пронизывали приятный, свежий воздух и ложились на стену перед путниками красивыми параллельными полосами. Глазам Тигхи было больно от солнечного света, но он старался не думать об этом. Скоро глаза перестанут болеть, утешал он себя. Зрение улучшится, и предметы перестанут расплываться в дымке. Скоро они пройдут через Сетчатый Лес и

найдут дорогу в его деревню.

Дорога проходила мимо мощного отрога стены. Перед тем как зайти на отрог, Тигхи оглянулся. Вдали, в сизом мареве все еще виднелись очертания города. Глубоко вздохнув, Тигхи помахал рукой, как бы прощаясь. Мулваине ждал молча, опершись о свой костыль. Он смотрел в землю и тяжело дышал. В течение нескольких секунд в памяти Тигхи промелькнула вся его жизнь в этом городе, и на какое-то мгновение он засомневался в правильности своего выбора. А может, все-таки стоило остаться? Однако хлынувшее откуда-то из глубины души радостное чувство свободы затопило его всего без остатка. Оно несло в себе такую силу, что у юноши волосы встали дыбом.

Свобода и путь домой.

После этой короткой передышки Тигхи и Мулваине зашагали дальше. Обогнув отрог, они начали спускаться по пологому уступу.

Там, впереди, стоял Чародей и ждал их. Тигхи вдруг подумал, что он стоял здесь и ждал чуть ли не с того момента, когда его корабль врезался в стену, а затем отскочил от нее и стал круто снижаться. На Чародее был черный пластиковый плащ, трепетавший на ветру и прилипавший к его искусственной коже.

– Тигхи, – произнес он своим высоким скрипучим голосом, в котором звучал оттенок злорадного удовольствия. – Мой Возлюбленный все-таки добрался до тебя. Он здорово

поднапортачил в моих механизмах, и мне было очень трудно напасть на твой след. Архисложно! И кроме того, у меня были и свои собственные хлопоты, битвы, которые приходилось вести.

– Чародей! – произнес Тигхи.

Мужская гордость, властность и самоуверенность – все эти черты, приобретенные им за время жизни в Восточном Городе, внезапно отпали, соскочили, подобно тому как с конца мира съезжали и падали огромные пласты и куски льда. Он снова стал робким мальчишкой, трясущимся от страха перед своим дедом.

– Чародей!

Лицо Тигхи покрылось потом.

– Мой прекрасный, юный Тигхи, – с явной угрозой в голосе проговорил Чародей, – я так ждал этой встречи с тобой.